

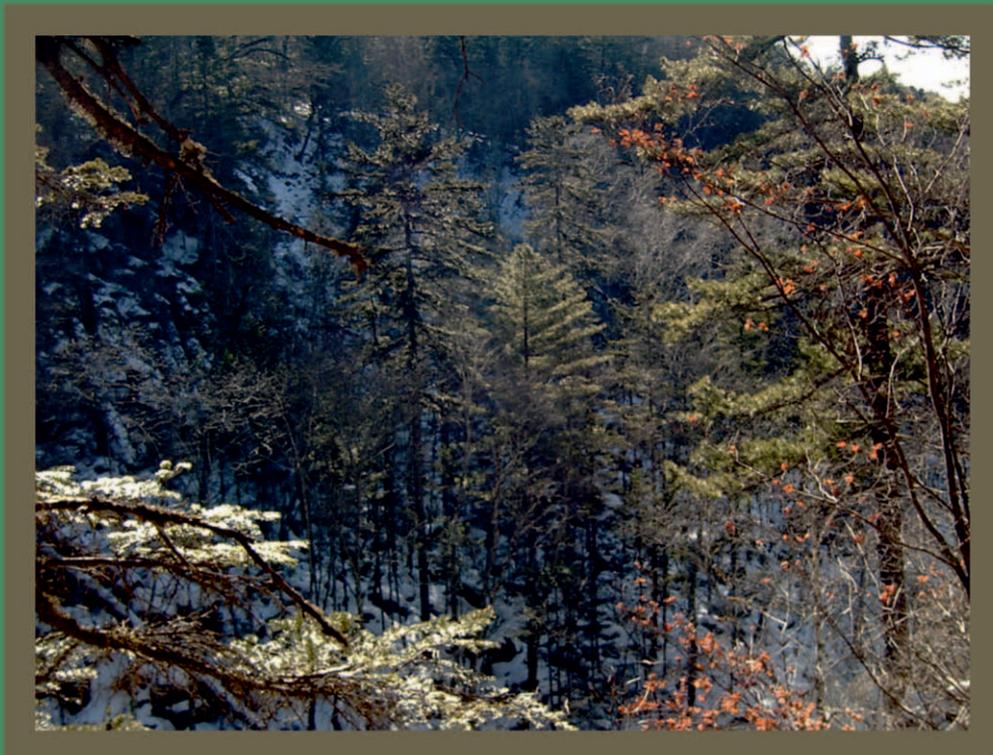

200-летию Омской области
ПОСВЯЩАЕТСЯ (обр. в 1822г.)

Автор - Владимир Зензин
Соавтор - Анатолий Канушин

ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК

(ИСТОРИЯ ОХОТЫ в ПРИИРТЫШЬЕ)

200-летию Омской области
ПОСВЯЩАЕТСЯ (обр. в 1822 г.)

Автор - **ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН**
Соавтор - Анатолий Канушин

ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК
(ИСТОРИЯ ОХОТЫ в ПРИИРТЫШЬЕ)

ОМСК- 2018 год

ОХОТА И ЧЕЛОВЕК

С самых древних времён охота являлась основным ремеслом всех первобытных людей. Охота кормили людей, одевали в меховые одежды, утепляли жилища. Шло время, появилось земледелие и скотоводство, но охота оставалась для человека одним из любимых занятий.

Интерес к охотничьим делам поддерживался на протяжении всех веков, это увлечение является одним из любимейших и сегодня. Сколько красочных высказываний, ярких эпитетов посвящено охоте.

- *Благородная страсть!* – восклицают одни и приводят примеры из русской истории, начиная аж с Владимира Мономаха, завещавшего своим детям все свободное время от ратных подвигов и государственных дел отдавать охоте...

Но были и противники охоты, что вполне естественно для людей с разным пониманием устоев жизни.

- *Охота, это злая забава!* - утверждали некоторые и рисовали полные ужасов картины, подобные той, когда Иван Грозный тешился смертной схваткой удалца-молодца, вышедшего с рога-тиной к берлоге с медведем.

И всё же охота осталась навсегда прекрасной страстью, которая связывает человека воедино с Природой.

Сибирь издревле считалась краем с прочными охотничьими традициями.

«*Край зело богатый разным зверьем и птицей*», - именно так было сказано 400 лет назад о Тарском уезде, занимавшем тогда всю территорию современной Омской области. Этому есть подтверждение во многих исторических произведениях.

Проезжая по Сибирскому тракту, обилием всякой дичи и зверья восхищался в свое время великий писатель Антон Павлович Чехов. Об этом можно найти записи у многих ученых-иностранцев, побывавших в старые времена в Сибири.

История Омской охоты, разумеется, связана с общей историей Омского Прииртышья. В начале книги показана история Прииртышья с самых отдалённых веков, с Ледникового периода, с прихода первых людей на земли Прииртышья.

АВТОР КНИГИ
ЗЕНЗИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1935 г. в селе Старосолдатка Тюкалинского района Омской области. Окончил педвуз.

Зензин В.В. - автор более 40 книг о природе Прииртышья и людях Сибирского края. Самые солидные издания - исторические: «Сибирский характер», «Город мой», «Покровская крепость», «Омское Прииртышье», «Экология омского прииртышья».

Организовал и вел, как редактор – составитель четыре омских журнала: «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», «Физическая культура и спорт», «Экологический вестник»

Член Союза журналистов, многократный лауреат конкурсов среди журналистов на темы: «природа», «экология». Корреспондент газеты «Класс».

Зензин В.В. – мастер спорта по стендовой стрельбе (стрелково-охотничий спорт), судья по нескольким видам спорта, почетный член общества «Локомотив», почетный член общества охотников.

В интернете имеет свой литературный сайт: www.zenzin.me

СОАВТОР КНИГИ
КАНУШИН АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Почётный охотник «Всероссийского общества охотников», известный таёжный промысловик, председатель областной секции «Охотники с лайками», член редколлегии журнала «Охота в Прииртышье».

Родился в 1939 году в Омске.

Вот что он рассказывает о себе:

«Детство провёл на берегу Иртыша, любил рыбалку, рано приобщился к охоте на уток. А в тайгу попал в 1963 году и сразу понял: вот она, настоящая охота!»

Охота на зверя в глухих местах, где не ступает нога человека, таит в себе непередаваемые словом ощущения первозданной природы, её нетронутой красоты! Да пусть простят меня охотники-утятники, а их у нас огромная армия, но только на таёжной охоте можно познать всё величие Матери-Природы.

Мне за семьдесят пять, выгляжу молодо, есть и силёнка, но очень стали побаливать суставы рук, ног. Обращаюсь к врачам, а они говорят: профессиональная болезнь.

Постоянные переохлаждения на морозе, ночи у костра или в холодной избушке, переходы по пояс в снегу по 100-200 километров - всё это не проходит бесследно...».

Исходил я весь Север, был в Тюменской и Томской тайге, и везде в одиночестве. Такова судьба таёжного охотника, а с внешним миром общаемся только по радици.

Но что бы ни было - таёжную охоту не променяю ни на что...».

МЫ С КАНУШИНЫМ ВДВОЁМ (знакомы более сорока лет)

АНАТОЛИЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАНУШИНУ сегодня за семьдесят пять лет. Если для кого-то он не самый лучший охотник области, то наверняка - один из лучших. Он и организатор многих охотничьих дел: так он построил в охотничьих угодьях около Драгунки охотбазу по натаскиванию собак, (куда завозил даже медведей); он организовывал расселение по области завезённых кабанов, несколько видов белок и всякое другое зверье. Проводил многократно смотри охотничьих собак и выступал с их победителями на всероссийских смотрах, занимая классные места. Он и основатель праздника «День охотника области», он и председатель секции «Сибирские лайки» и участник ещё многих дел.

Анатолий Канушин был членом редколлегии журнала «Охота в Прииртышье» №1, издание которого финансировал за личный счёт. И эта книга «Природа и человек» издана на его личные деньги. Вот такой он необыкновенный, бескорыстный человек.

Я, как журналист, переписывал с его слов на диктофон многие его охотничьи истории и написал в итоге повести «Медведь-шатун», «Исповедь таёжного охотника» и несколько рассказов. А Анатолий Грачёв, известный журналист и редактор многих книг, под его диктовку написал несколько отличных очерков.

Всё это помещено здесь. Так что Анатолий Канушин - самый настоящий **соавтор книги**. Это чувствуется во всём. Например:

В отрывке из повести «Медведь-шатун»: его напарник по охоте ведёт с ним такой диалог:

- Михалыч, а много ли в области профессиональных таежных охотников?

- Да как сказать, человек тридцать будет. Три госпромхоза – Тевризский, Усть-Ишимский и Тарский. Два охотничьих – промысловых участка – Седельниковский и Большеуковский. Очень известные охотники – Ходарев Виктор, Федоренко Валентин.

- У нас в северных районах – много егерей, охотоведов. А кто они?

- Эти люди работают в штате областного управления охотничьего хозяйства, и профессионалов среди них мало. Они, в основном, занимаются организацией охоты на местах. Хотя один из них – Червяковский Виктор из Тарского госпромхоза – отменный охотник, таежный профессионал.

- Ты давно стал таежным охотником, а она, как все говорят, очень трудная...

- Согласен. Мне 57 лет. Выгляжу вроде молодо, и есть силенка, но очень стали побаливать суставы рук, ног. Обращаюсь к врачам, а они говорят: профессиональная болезнь. Постоянные переохлаждения на морозе, ночи у костра или в сырой избушке, долгие переходы по пояс в снегу – все это не проходит бесследно. Недавно по радио старший из знаменитой охотничьей династии Федоренко давал интервью журналисту Владимиру Чешегорову, в передаче «Моя родная сторона». Так вот Федя, а он уже несколько лет как на пенсии, рассказывал, какой была трудной охота в прошлые времена. Это нынче нам вертолет привез несколько мешков продуктов и всего прочего, а в старое время все – «пехом». Что взял охотник на плечи, в рюкзак, – тем и живет. В основном – сухарики...

- А какие виды охоты для тебя любимее?

- Больше всего мне нравится охота с лайками на соболя и белку. На лосей, медведей и другое зверье – все это уже в прошлом.

- Михалыч, говорят, ты создал базу натаски и нагонки собак, построенной в Называевском районе. Как дела там?

- В Драгунские вольеры завезены медведь, кабан, белка и другие звери. Там – учебная база общества охотников.

- А какие у тебя контакты с областным начальством?

- У начальника областного управления охотхозяйства Мишкина Бориса Ивановича по разным вопросам бывал не раз. Мужик – что надо. И с председателем правления охотобщества Виктором Андреевичем Кириным встречаемся часто.

- Какое место в твоей жизни занимают собаки?

- Я провожу с ними по 2-3 часа каждый день, находясь в городе. Когда мне нездоровится или плохое настроение, я с ними подолгу сижу, разговариваю, глажу их. Они мне смотрят в глаза, скулят, лизут руки. И мне сразу становится легче. Вот самая лучшая собака, медалистка, осталась в городе, что-то приболела.

- Михалыч, на севере области есть бобровые заказники. Ты туда заглядывал?

- Да. Очень много бобров на реке Туя и ее притоках. Есть две семьи и на моих угодьях. Я их охраняю от возможных браконьеров.

КАК СОЗДАВАЛАСЬ КНИГА

Авторы в данной книге ведут диалог о традициях русской охоты, о богатстве фауны и флоры Омского Прииртышья, об организации охотничьих хозяйств на территории Омской области и лучших охотбазах. На страницах издания представлена работа охотоведов Управления охотничьего хозяйства области и членов Правления областного общества охотников. В центре событий показана большая роль охотничьих егерей.

Есть статьи журналистов и писателей о лучших охотниках, отчёты о различных мероприятиях, спортивных смотрах, праздниках. Книга готовилась более тридцати лет и включает, в основном, материалы до 2000 года. Некоторые придирчивые читатели, просматривая большой объём страниц книги со множеством различных материалов, сделают замечание о разбросе тем. Но ведь книга-то историческая, и охватывает целую «вечность», где бывало всякое.

В литературе принято тактичное требование, закон об авторском праве, когда соблюдается авторское разрешение на печатание их материалов в разных изданиях. Так вот, все напечатанные материалы в книги, переданы были мне лично с просьбой напечатать их в моих журналах: «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», «Экологический вестник». Я, как редактор, мог даже вносить некоторую небольшую правку и печатать их в других изданиях.

Да и о каких претензиях может быть речь, когда, скажем, из творчества известного сибирского писателя, омича, заядлого охотника Льва Трутнева, выпустившего более 20 собственных книг (половина из них по содержанию об охоте) взята мною всего одна страничка из рассказа «На меже», напечатанная в журнале «Охота и рыболовство» на стр.7, и где также помещено одно стихотворение охотника-поэта Геннадия Шмакова, автора нескольких поэтических сборников (на стр. 31). Или два маленьких стихотворения талантливого омского поэта Тимофея Белозёрова (автора 65 стихотворных сборников), а рядом стихотворение Владимира Макарова, имеющего 18 собственных книг... Все они мои близкие знакомые и даже друзья.

Так что у «чужих» авторов для книги взято всего лишь «малость», а основные материалы - это наши с **соавтором** Анатолием Канушиным. Я уже говорил выше, что несколько повестей и рассказов я наисал с диктофона со слов А. Канушина. Потом сделал небольшую литературную обработку. А наш общий друг, известный и уважаемый в Омске журналист Анатолий Грачёв написал под его диктовку несколько интересных статей: «Вечера на хуторе близ Драгунки», «Охотнику нужен праздник», «А галифе почему-то целые», «Канушин ищет союзника», «Здесь не соскучишься» и другие. Везде сохранён пересказ языком Канушина, оставлены резкие и точные его мысли. Журналисту оставалось сделать заголовок и поставить в конце свою фамилию, а не фамилию. А. Канушина. Вот такая несправедливость всех интервью. Но что поделать, так грешат все/ В моих книгах главным девизом является мысль: «Свой край люби и знай... и охраняй ... и не бросай». Эта одна строчка определяет всю суть моих размышлений, переживаний и надежд. В эту книгу вложены сокровенные, душевные излияния о целомудрии природы, ее КРАСОТЕ и ВЕЧНОСТИ!

В огромном мире Природы человек - лишь её малая песчинка, малая частица. Но песчинка - «золотая», она - то существо, которое является самым прекрасным творением Природы, самым совершенным, самым разумным. И эта малая частица может глобально, постоянно своими делами влиять на состояние всей Природы и многое делать для сохранения природных богатств, для чистоты и здоровья, для долголетия земной жизни, для равновесия на всей планете. Но человек иногда делает наоборот...

СИБИРЬ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН

1. ПАЛЕОЛИТ

История человечества, время становления человека на земле, носит название **антропогена**, который делится на три этапа. Первый, наиболее древний, **зоплейстоценовый** - длится от начала **антропогена** до сильного похолодания с развитием первого покровного оледенения, известного в Сибири под названием **«Максимального»**. Начало первого этапа – это около 3-х млн. лет назад, когда впервые древние люди научились изготавливать из различных пород камней орудия труда и украшения. Потому «палеолит» - в переводе с греческого «палео» (древний), а слово «литос» - камень. Второй этап - **плейстоценовый**, охватывает время оледенения и разделяющих их **межледниковий** (70 000-10 000 лет до н.э.). Третий этап, **голоценовый**, продолжающийся сегодня, связан со становлением современной физико-географической обстановки.

Начальные этапы прошлого сибирских племён можно проследить по известным в настоящее время археологическим памятникам эпохи палеолита, протекавшим на фоне грандиозных событий ледниковой эпохи плейстоцена.

Ко времени первого покровного оледенения Сибири, как полагают исследователи, около половины нынешней Европы оказалось уже покрытой сплошным ледяным ковром, массивным «щитом», занимавшим площадь от Британских островов до Урала, с толщиной льда до 2 км Севернее, рядом с европейским, лежал второй ледник - «Таймырский». Мёртвая ледяная пустыня выглядела как сейчас Гренландия, но по окраинам великого ледника была ключом своеобразная жизнь.

В период раннего палеолита (примерно 70-60 тысяч лет назад) все земли нынешней России от Балтийского и Чёрного моря до Забайкалья были почти не заселены. В это время шло дальнейшее сильное похолодание и обледенение северных территорий. Ближе к Северу все территории закрывались мощным ледниковым панцирем, от которого по окраинам в южную сторону начиналась тундра с многочисленными озёрами и болотами. А между ними - небольшие островки редких перелесков карликовой берёзы и многочисленные заросли из кустов полярной ивы. Южнее простирались огромные, холодные пространства степей. На бесчисленных озёрах кормились шумные стаи водоплавающих птиц, рядом на лугах паслись стада быков, диких лошадей. Кое-где бродили огромные мамонты и волосатые носороги. И редко-редко в этих краях появлялись люди. По одному, по двое. Иногда - семьями и племенами. Заселение Сибири человеком было длительным и очень сложным процессом в силу суровых климатических условий.

Условно ученые-археологи разделили длительную эпоху палеолита на две части - ранний (нижний) и поздний (верхний).

В конце раннего палеолита на юге Западной Сибири, в разных местах, примерно в 50-100 тыс. лет назад, начали селиться люди. Так в Алтайских горах возникли их первые поселения (стоянка-мастерская Удалинка в черте г. Горно-Алтайска, пещеры Денисова и Усть-Каннская). За тысячи лет человек очень хорошо приспособился жить в Южно-Сибирском горном поясе, а на территориях северных равнин селиться не спешил. Почему!?

Авт. Есть еще очень обоснованное мнение на этот счет у меня в главе – «Начало истории человечества», составленной на эпосах, мифах, легендах, - изложенных во многих древних исторических материалах. Глава печатается на последующих страницах, в ней описывается как люди «белой расы», уходя с северных земель в южном направлении (спасаясь от огромного потопа), стали селиться на высоких местах: Репейских (Уральских), Алтайских горах - и других горных возвышениях. А следом за ними шел потоп, заливающий низменности и равнины. Многие ученые, в том числе официальная академическая история, утверждают, что первые предки современного человека появились около 3 млн. лет назад в Восточной Африке, и оттуда шло общее заселение всех территорий. Я же во многих материалах доказываю единственно верный вариант прародины человечества, возникшей на территории Арктики и Русского Севера еще 3,5 млн. лет назад. Позднее сообщество людей белой расы - «Род Расы Великой и Потомков рода Небесного» после гибели страны Дарии, (в 118 009 лет до нашей эры) устремились через территорию Сибири на юг, по пути заселяя ее горные места. «Даарийская эпоха» - так я назвал то великое время. Уже вышло в изданиях несколько книг ведущих историков мира на тему: «АРКТИКА и РУССКИЙ СЕВЕР».

Поздний палеолит длился 40-11 тыс. лет до н.э., и в это время на территории Западной Сибири появились люди современного типа, обладающие новыми, более совершенными орудиями труда. Поэтому численность людей увеличилась, и они начали осваивать обширные территории. Примерно, 25 тыс. лет до н.э. человеческие общины уже легко группами охотились на крупных зверей (мамонтов, бизонов, туров, оленей).

В Прииртышье была обнаружена стоянка древней родовой общины (Черноозерье-II в Саргатском районе Омской области). Возможно, есть палеолитические материалы на стоянке Александровка-III в Нововаршавском районе и на Омской стоянке.

Охотник ещё ниже присел, внимательно глядя в следы копыт, четко отпечатанные на мягкой траве. Взгляд человека ярко светился, как бы загораясь от близкого ощущения схватки со своей добычей. В правой руке крепко сжат каменный топор. Плохо обработанный, угловатый, он мало чем походил на нынешний. Грубая ладонь охотника - мозолистая, жилистая, - изредка зачем-то приподнимала и опускала орудие. Наверное, охотник уже мысленно наносил удары.

Мягко переступая босыми ногами, охотник двинулся вперёд. Ступни его, израненные ветками и камнями, покрыты сплошными шрамами. Ногти, никогда не стриженные, на пальцах ног и рук, походят больше на когти.

Вот человек неожиданно замер, немного приседая, как перед прыжком. Впереди, в кустах, что-то зашевелилось...».

ЖЕНЩИНА

«...Летнее утро приветливо ласкало первыми лучами солнца зелёную поляну, в центре которой под тремя высокими берёзами стоял шалаш. Небольшое жилище из толстых веток с набросанной поверх травой почти не выделялось на фоне деревьев, зеленеющих густой листвой. От земли повсюду струился лёгкий пар. В нём резко пахло различными молодыми травами и прошлогоднею прелой листвой. Запахи, ароматные и сладкие, всплывали от земли и струились в чистое синее небо. Где-то там, в вышине, чуть приметные, кружили и курлыкали журавли.

Из шалаша вышла женщина, держа на руках ребёнка. Только длинные волосы, свисающие с головы, да небольшие светлые груди определяли её пол. А так она, неуклюже ступая по земле, походила более на обезьянку. И, конечно же, ребёнок, сосавший её грудь, отвергал все сомнения относительно её пола.

Возле шалаша, на ветках берёзы, висели пучки трав, кореньев, две вязанки рыбы и несколько кусков вяленого мяса. Женщина ловко отцепила длинными ногтями пальцев кусочки кореньев, а затем и мяса, энергично пережевала крепкими зубами. Насытившись, прошла немного по поляне и замерла, словно кого-то поджидая.

Ребёнок немного поворочался, засунул голову под лисью шкуру, что была наброшена на женские плечи, и уснул. Женщина стояла долго, поёживаясь и оглядываясь. Босая, без головного убора, она явно мёрзла. Вместо юбки вокруг талии болталась рысья шкура, с плеч свисала старая, облезшая, желтоватая лисья накидка.

Прошло ещё немного времени, и из далёкого кустарника появился человек. Согнувшись под тяжёлой ношей, он медленно брёл к шалашу. По тому, как он часто останавливался и низко наклонялся к земле, было ясно, что охотник очень устал, таща издалека на плечах убитого им зверя.

Обрадованная женщина быстро двинулась к пришедшему. Они встретились, обменялись словами и, касаясь плечом плеча, вместе направились к хижине. Солнце уже поднялось высоко, быстро нагревая воздух, поляну, шалаш...».

Самыми ранними поселениями Сибири того времени считаются Мальта (на левом берегу реки Белой) и Буреть (на правом берегу Ангары), расположенные в ближайшем соседстве друг с другом, - их разделяло лишь 7-8 км по прямой линии.

2. СХОД ЛЕДНИКА

Постепенно, за веком век, в период **мезолита** (10-5тыс. лет до н.э.) на землях Сибири и Дальнего Востока повышалась средняя температура. Ледники, покрывающие обширные территории, начали активно таять, всё дальше и дальше отодвигаясь на Север. Так районы Сибири, Южного Урала, Приволжья, Забайкалья полностью освободились ото льда, и ландшафт резко изменился.

Изменился и образ жизни племён эпохи **эпипалеолита и мезолита**, которые начали применять более совершенные орудия охоты и рыбной ловли. Люди стали чаще создавать поселения, отказываясь от бесконечных скитаний в поисках добычи. Особенно их устраивали реки с большим количеством рыбы, гарантировавшей постоянные уловы.

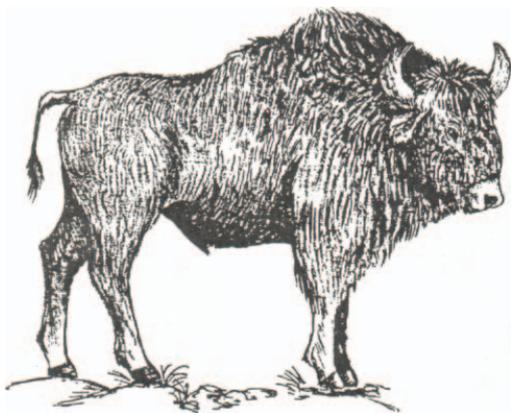
Освободившиеся территории начали покрываться хвойными лесами, в них поселились лоси, медведи, косули. Исчезли мамонты, а дикие олени ушли на Север, в тундру, дикие лошади и быки передвинулись в полусухие степи юга. Появилась разнообразная боровая и водоплавающая птица, в многочисленных реках и озёрах развелось громадное количество рыбы. Тундра отодвинулась к побережью Ледовитого океана. Природно-климатические условия на огромных территориях были близки к современным.

ОХОТА НА БЫКОВ

«...Повсюду ещё темно. На небе, с востока, слегка посветлело, заря медленно загорается, ширится, расплзается по всему небосклону. Звёзды неохотно меркнут, и растворяются в пространстве.

Ивовые кусты обрамляют большое поле, слева – берёзовый лес. Вот в него, после ночной кормёжки на поле, отправится обязательно на дневную лёжку дикое стадо огромных быков. На окраине леса, на звериной тропе, люди с весны ещё выкопали глубокую яму, сверху прикрыли её ветками и сухой травой. В эту яму уже провалились два быка, ставшие добычей славян северян.

После этого быки изменили свой маршрут, проходя в лес метрах в ста от старой тропы. Вождь рода, мудрый старейшина здешних мест, расставил охотников в этот раз коридором, перегородив новую тропу быков. В центре её он поставил молодого воина с копьём в руках.

Живой коридор из людей заканчивался входом на старую тропу, к охотничьей яме.

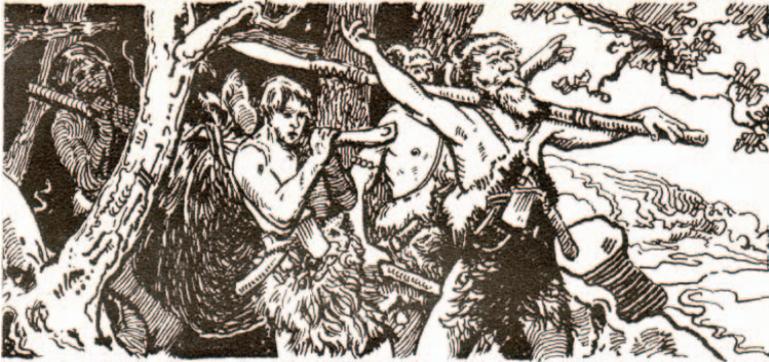
На поле почти рассвело. Два охотника направились к стаду быков и медленно погнали их в сторону березняка. С обеих сторон, то слева, то справа из травы вставали спрятавшиеся там охотники и, махая руками, направляли стадо к яме. Шедший впереди стада вождь, почувял опасность и резко свернул на новую тропу. Ему преградил дорогу юноша с копьём, но опытный бык, презрев опасность, кинулся на юношу, отбросил его рогами в сторону от тропы.

Всё стадо за вожаком бросилось в лес по новой тропе. Упавший юноша, преодолевая боль, вскочил на ноги и, снова махая копьём, воинственно крича, перегородил тропу. Отставшие сзади два молодых быка испугались и отвернули на старую тропу. И один за другим оборвались в яму-западню. Мешая друг другу, вставая на дыбы, они пытались выпрыгнуть из ямы. Но тщетно.

А сразу подбежавшие охотники, обступая их со всех сторон, пустили в ход вначале копья, а затем и топоры...».

ОХОТНИЧИЙ ПИР

«...Когда свечерело, возле большой хижины разгорелся яркий костёр. Более двух десятков взрослых и детей веселились, плясали, пели. На костре в горшках, на вертелах, на углях готовилось много-много мяса. Пока свежее, вкусное. А через несколько дней его надо коптить, иначе от него появится неприятный запах.

Каждый готовил себе сам, как хотел. Ели с огня, горячее. Все были счастливы. Мужчины, наевшись досыта, развесили шкуры двух быков на шестах для просушки. Из них к зиме будет сшита тёплая одежда. А женщины на раскалённые угли раскладывали объеденные кости. Их потом разобьют камнями, перетрут в порошок и употребят в пищу.

Более мелкие косточки откладываются отдельно, детям на игрушки. Ничто не выбрасывается, всё пригодится в хозяйстве.

Позднее разомлевшие от жирной и вкусной пищи мужчины до полуночи бродили по поляне, что-то весело бормоча, а женщины, собравшись в кружок, пели протяжные песни.

И только молодой охотник, смазавший раны настоем горьких трав, сидел одиноко у входа в хижину. К нему изредка подходила девушка и гладила рукою по больному месту».

На территории Омской области археологических памятников эпохи мезолита немного. Одно из них - долговременное поселение Черноозерье VI-а, на котором свердловскими археологами были обнаружены остатки наземных жилищ, множество каменных ножей, скребков, проколов.

ЛЕДНИКИ

«...Ледниковый панцирь долгое время покрывал обширные пространства. Пятьдесят тысяч лет назад до н.э. ледники охватывали большую часть нынешней Европы, в том числе Скандинавии, Гренландию, а также часть Северной Америки и всю Рассению (Сибирь). Около 40 тысяч лет назад до н.э. ледники ушли из Рассении (Сибири), около 24 тысяч лет назад от них освободилась Европа, а около 20 тысяч лет до н. э. ледники покинули Южную Скандинавию».

ХАНТЫ

«...Их всего трое. Одинокое полураздетые охотники, затерянные на огромной безлюдной площади, покрытой грязью и огромными валунами. Здесь ещё недавно лежал толстый ледовый панцирь, но резко потеплело, и ледяные глыбы, сметая всё на своём пути, уползли в сторону Севера. Остались грязь, большие камни да бесчисленное количество озёр и рек. Интересно, что с юго-восточной стороны водоёмов по ходу ледника образовались большие насыпи земли, круто обрывающиеся к воде. Чем глубже река, тем круче берег. И это закрепилось навсегда - высокие крутые правые берега водоёмов по всей территории. Трое охотников пришли сюда, покинув вдали своё племя, с надеждой найти новые места охоты, так как там, где сейчас их родичи, почти не осталось зверей. Но надежды их не оправдались. По колени в грязи, голодные и злые, с копьями наперевес, они медленно брели вдоль большой реки.

Да, надо возвращаться назад, к своим сородичам. С пустыми руками и без всяких надежд на завтрашний день. Их головы с чёрными копнами нечёсанных волос наклонялись к земле, словно они пытались рассмотреть ещё что-то под ногами».

Авт. Большим событием того времени было изготовление оружия дальнего боя - лук и стрела.

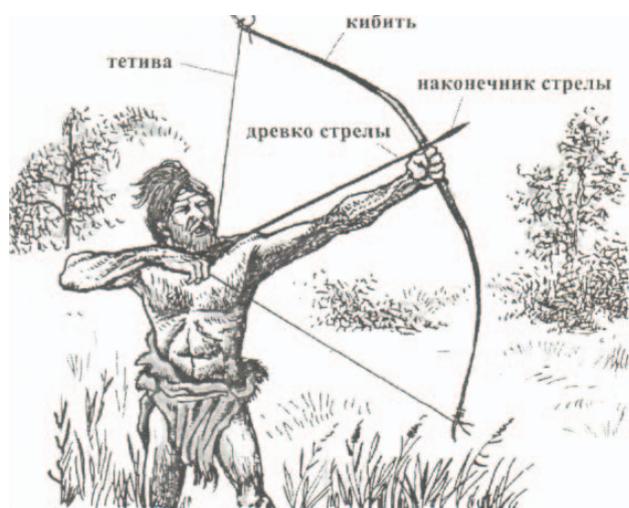
СТРЕЛОК ИЗ ЛУКА

«...Возле большого жилища на берегу реки, на луговине собралась разноголосая толпа из племени манси-вогулов. Все они, стар и млад, наблюдают за молодым воином, восхищаются его меткостью. Вначале раз за разом юноша с огромной силой точно метает дротик-копье в шкуру рыси, висящую на сучке берёзы. Но вот молодой воин взял в свои руки небольшую, согнутую в полукруг свежую ивовую палку, концы которой связаны прочно жгутом длинных волос, вырванных из гривы убитого быка.

Воин медленно, аккуратно вставляет в жгут деревянную стрелу, с наконечником из кости, выточенным острым камнем. Это приспособление все люди видят впервые.

Юноша долго целит в берёзу, затем дёргает тетиву - стрела стремительно летит вперёд, вонзаясь наконечником крепко в ствол дерева. Вся толпа восхищённо ахает, машет руками, некоторые бегут к дереву. Да, такое чудо, подобное сказке, мог выдумать или Бог, или дьявол.

Из толпы к воину подходит старый одноглазый вождь племени, ласково гладит по плечу юношу, повторяя загадочное слово: «Лук - хорош лук, хорошее оружие...». И всем сразу становится ясным, что «лук» этот придумал их вождь, мудрейший из мудрейших старцев

племени. Манси крутят головами, кивают вождю и произносят за ним невнятное: «лук», «лук». Кому-то из людей в слове «лук» видится луговая поляна на которой растёт дикий, горький, зелёный лук. А сама поляна им кажется изогнутой в полукруг – и некоторые, показывая на неё пальцем, шепчут «лук»-«луг». А старуха-манси смотрит в небо и, видя оставшийся с ночи полукруг месяца, вдруг восклицает: Вон он - «лук».

Так каждый ищет своё сравнение. И восклицание – «лук» ещё долго слышится над всеми людьми, разбредающими кто куда. И только юноша - один из всех - знает, почему старейшина назвал это удивительное чудо-«луком».

А дело было так. Дед, изготавливая первые стрелы, говорил юноше: «Срежь с дерева этот сук и этот сук». В край среза вставлялся волос - получалась тетива. И когда дед просил юношу подать ему всё сразу, то назвал палку изогнутую и стрелу одним словом - «лук». Юноше очень понравилось название, и они уже вместе с дедом стали называть своё изобретение словом «лук».

И конечно, для них главным ориентиром был речной луг, луговина, изогнутый луг - определяющие изгиб палки. Быстро они придумали и название пруту с наконечником, вставлявшемуся в изгиб палки, - «стрела». Это слово у них в племени уже было в ходу: стрелы молнии, лучей солнца, падающих звезд. И люди племени согласились с ними, поддавая, что прутик летит, как стрела молнии.

К концу лета у каждого мужчины в племени был свой лук, и охота стала намного удачливей, хоть на птицу, хоть на зверя.

Через несколько лет соседние племена хантов и остяков также начали изготавливать лук. На многие века сохранились их крылатые выражения; «лук на грядках выбросил стрелки», «летит, как стрела», «точный, как стрела», «быстрый, как стрела» и др. сравнения».

3. НЕОЛИТ (НОВОКАМЕННЫЙ ВЕК)

Вслед за мезолитом началось новое время - неолит (около V–III тысяч лет до н.э.). Природа приобретает облик, характерный для ландшафта нашего времени. Плотнее осваивается человеком большая часть Сибири и Дальнего Востока. Следы весьма древних поселений человека, владевшего луком и стрелами, шлифованным топором, умевшего изготавливать глиняную посуду, обнаруживаются по всей территории Сибири и Северной Азии. В том числе – вдоль арктических берегов Сибири: на Колыме, Индигирке, в Центральной Чукотке (стоянка на р. Якитикивееме), на реках Попигая и Хатанге - у самого Таймырского полуострова, в Большеземельной тундре.

Всего гуще следы неолитических поселений рассеяны в тайге вдоль Ангары и Лены, вокруг Байкала, в районе Читы, в бассейне Амура и в Приморье.

Постепенно люди начали объединяться, так как охотиться врозь на крупного зверя, по 2-3 человека, было трудно, не хватало сил, а мелкие звери не всегда давали запаса нужной пищи. Родственные семьи, объединяясь между собой, составляли роды. Во главе рода стоял вождь, от которого произошли все родственные члены семьи. Жилища начали строить высокие, просторные, а в основании выкапывали яму и обкладывали её камнями. По бокам ставили прочные деревья, покрывая их сучьями и травой.

В обиходе появилась первая глиняная посуда: миски, горшки, всякие сосуды. Это потому, что люди научились постоянно добывать огонь за счёт искр, высекая их кусочками камней с крапинками железа. Обжигание глиняных форм на костре стало обычным делом. Появилось и специальное охотничье оружие - копья и дротики с костяными и каменными наконечниками.

Люди, объединяясь в род, начали успешнее вести охоту, помогая друг другу во всех делах. Легче стало переносить всякие невзгоды, защищаться от непрошенных гостей.

На территории нашего края археологами найдено более 40 неолитических стоянок и несколько могильников у деревень Александровка, Артын, Бичили, Журавлевка, Окунево, Шалтов и др.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ОБЩИНЫ ПРИИРТЫШЬЯ

В конце Новокаменного века ледники полностью очистили земли вплоть до побережья Северного Ледовитого океана, где археологами также обнаружены стоянки первобытных людей. Найденные предметы труда, охоты доказывают, что человек научился шлифовать и сверлить камень, делать прочные каменные топоры и долота - и этими орудиями труда легко обрабатывал дерево. Он мог строить деревянные жилища, изготавливать первые средства транспорта для передвижения по воде - долблённые лодки и плоты. Женщины из нитей крапивы и конопли вязали различную одежду. Охотники научились делать силки, плести сети, изготавливать разные ловушки для ловли зверей и птиц. Были изобретены лыжи, что позволило охотиться и зимой по глубокому снегу.

Так на территории Прииртышья археологи обнаружили стоянку людей у д. Окунево Муромцевского района, где оставлено первобытным человеком около десятка вещей в виде каменных орудий, различных чешуйчатых пластинок, множество костей животных. На участке сильно прокалённой земли, с плотным слоем пепла, найдены всевозможные остатки пищи, домашних вещей и среди них - длинный костяной кинжал. В его желобки по краям аккуратно вставлены цветные каменные пластинки, отлично сохранившие свой блеск. А еще - обнаружен красивый керамический сосуд...

4. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

(с III тысячелетия - по VIII век до н.э.)

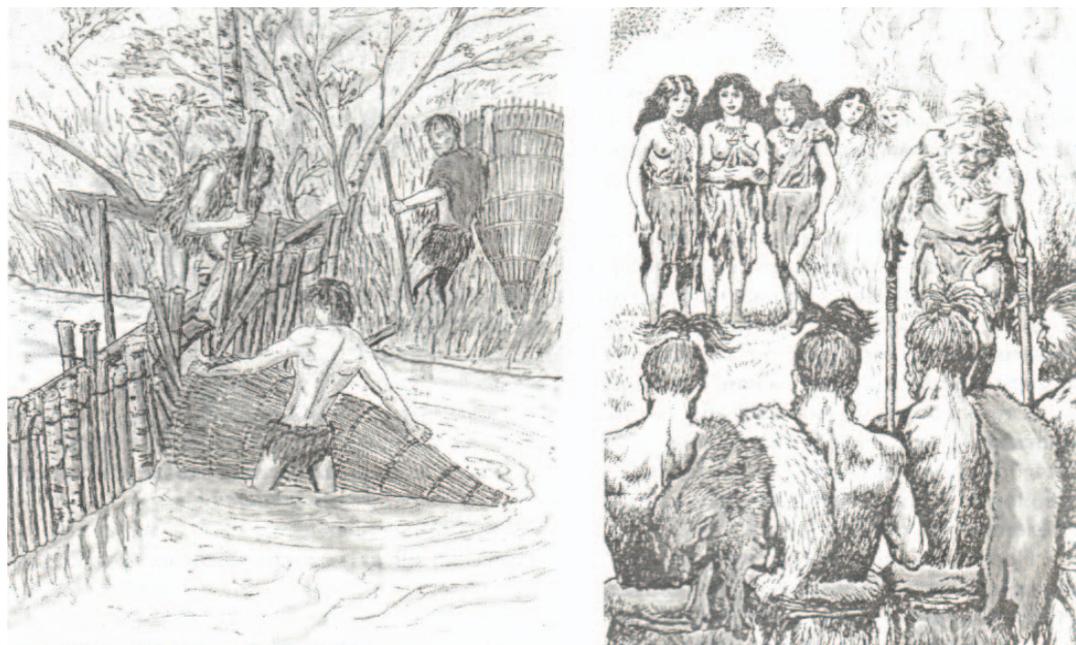
Уже во второй половине III тысячелетия до н.э. люди, населявшие южные районы Сибири, Алтай и Минусинскую долину, ввели впервые в употребление металлические орудия и стали заниматься постоянной отраслью хозяйства - скотоводством, что приводило часто к оседлому образу жизни. В горных отрогах Саяно-Алтая находилось много медных и железных руд, используемых местными племенами для изготовления медных орудий, что выгодно отличало их от соседей, проживающих в лесных областях средней Сибири. Первые памятники эпохи металла наименовались «**Афанасьевскими**», что и определило название этого периода: «**Афанасьевская культура**».

На территории Прииртышья люди постепенно стали переходить на оседлый образ жизни, и со II-го тысячелетия до нашей эры в Прииртышье появились предметы, сделанные из меди и бронзы. Вообще-то, вся эта периодизация очень условна для отдельных территорий и отдельных народов. Ведь, скажем, совсем недалеко от Прииртышья, на Южном Урале, ещё более V тысяч лет до н.э. существовал крупнейший центр металлургии древности - «**Каргалинские копи**».

В начале II тысячелетия культурный облик Минусинской котловины резко изменился, на смену «**Афанасьевской культуре**» приходит «**Окуневская**», получившая свое название по месту раскопок первого кургана у Окунёва улуса на юге Хакасии. В середине II тысячелетия на просторах сибирских степей и лесостепей утверждается «**Андроновская культура**», которая включала территории Приуралья и Казахстана, а Минусинский край составлял лишь её восточную окраину.

Более значительные изменения в жизни древних племён Южной Сибири происходят в конце II тысячелетия до н.э., когда широко распространённая от Урала до Енисея «**Андроновская культура**» сменилась новой, «**Карасукской**» (XIII-X вв. до н.э.). «**Карасукская культура**» - это период наивысшего расцвета в истории развития культур эпохи бронзы Южной Сибири, Казахстана и Монголии.

Теперь уже оседлые пастушески-земледельческие племена этих областей, развивая своё хозяйство, перешли к **яйлажному** скотоводству и связанному с ним полукочевому образу жизни. Каждой весной, засеяв поля, они переезжали со скотом на летние пастбища, а осенью возвращались обратно для сбора урожая и на зимовку.

Полный переход к кочевому скотоводству с обработкой хлебных полей завершился, в основном, в VIII-VII вв. до н.э. и привёл к значительному улучшению жизни пастушески-земледельческих племён. Так в пределах Минусинской и Чулымо-Енисейской степных котловин сложилась ещё одна своеобразная культура - «**Тагарская**».

Распространение металла и первых изделий из меди, а затем и из бронзы шло на восток и север, вплоть до Берингова пролива и Ледовитого океана.

И всё-таки бронзовые орудия не вытеснили каменных и костяных, так как недостаток металла заставлял широко использовать другие материалы. И хотя зарождалось скотоводство и первое земледелие, все же основным занятием у многих племён оставалась охота и рыболовство.

В обиходе людей этого времени появилось слово «городище», которое обозначало укрепленное поселение.

После распада Андроновской культуры, появилась таежная **Сузгунская культура**, затем на территории современной Новосибирской области возникла **Ирменская археологические культуры**.

РЫБАКИ ИЗ ПЛЕМЕНИ НЕНЦЕВ

«...Красивая и глубокая река, изгибаясь на повороте у берёзового леса, окаймлённая густыми зарослями ивняка, имела зелёный луг, на котором расположилось несколько широких, невысоких жилищ северного народа ненцев.

Раннее летнее утро предвещало отличную солнечную погоду. Двое невысоких, загорелых рыбаков с большими плетёными из ивняковых прутьев корзинами шли через луг к реке. Там, где она изгибается по лугу, имеется старица - старое русло, которое когда-то выпрямляло путь реки, но почему-то со временем (словно что-то перегородило русло, или, возможно, сами люди построили насыпь из земли, сделали дамбу) реке ничего не оставалось, как найти новое русло, сделав большую петлю по лугу. Интересно, что от реки по течению, с обратной стороны в старицу есть глубокий проход, и рыба, как в естественный бассейн, идёт в старицу косяками. Причём всякая: окунь и чебак, лень и подъязок, карась и щука. В старице ей много корма, длина старицы около 500 метров, ширина – метров сто.

Ненцы-рыболовы живут здесь на берегу многие века. Места лучшего не найти во всей округе. Охота - охотой, но добыча бывает не всегда, а вот рыба у людей есть каждый день. Везде по старице сооружены, изготовлены малые и большие кацы из перегородок. Это и стволы деревьев, и толстые ветки

Есть у берега и щиты из мелких сучьев деревьев и из талов, которые создают заходы в водные мешки, в которых рыба плавает по кругу, не находя обратного пути. Так хитро, под разными углами, выстроены щиты.

Кое-где между щитами в проходах располагаются «мордушки», сплетённые из ивовых прутьев. Они вроде больших корзин, с небольшими заходами в них рыбы.

В летнее время часто рыбаки ставят сети непосредственно в речку, да и часть мордушек - корзин вдоль берега в камышах. А старица - в основном, на осень и зиму. Зимой делают во льду отверстия и прямо сачками черпают рыбу из кацов, где создаётся наибольшее скопление рыбы. В холода, чтобы лунки не замерзали, их прикрывают плотными щитами из камыша, насыпая поверх снег.

Вот и сейчас два рыбака прошли мимо старицы (её рыба никуда не денется, не уплывёт). Ненцы вышли к берегу реки, достали из камыша две мордушки, полны, в основном, карасями и окунями. Рыбу пересыпали в корзины, а плетёнки опустили снова в воду. Сделанные из свежих ивовых веток, они прочны и добычливы.

Покончив работу с мордушками, рыбаки осторожно начали вытаскивать из воды поставленную вдоль берега сеть. Сплетённая из конских волос сеть уже износилась, многие ячей затянулись или порвались. Но всё равно в ней - полно рыбы. Сверкая каплями воды, ярко белеет сорожка, лень отсвечивает золотистым блеском, серые большеголовые щуки с открытыми ртами яростно бьют по воде хвостами.

Ненцы доложили корзины рыбой, вытащенной из сети, и прилегли на траву у берега. Тёмнокожие, с длинными космами волос, в лёгких накидках из звериных шкур, они вольготно раскинули руки и ноги, устремив глаза в синеву неба. Где-то там, высоко-высоко, кричала стая пролетающих диких гусей.

Ветерок, хотя и летний, холодил полуголые тела ненцев. Даже летом здесь всегда очень прохладно, словно чувствуется дыхание недалёкого Северного Ледовитого океана».

II. СИБИРЬ II-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

1. СОЗДАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Возглавив войско, князь Олег укрепил его кривичами, словенцами. В его дружины вошли представители племён меря, чудь и весь. С этим войском князь Олег легко овладел в 882 году Смоленском и Любечем. И двинулся на Киев. Подойдя к стенам крепости, князь Олег хитростью выманил **Аскольда и Дира** на свои корабли, вышел к ним с малолетним Игорем на руках и сказал: *«Не вы князья, а настоящий князь - вот он, сын Рюрика»*. После этих слов воины князя Олега набросились на Аскольда и Дира и убили их. Узнав об этом, киевляне распахнули ворота крепости и впустили князя Олега. Напрашивается мысль, что киевляне сами ещё до похода обратились к князю Олегу с приглашением его княжить в Киеве.

Прошло некоторое время и князь Олег объявляет Киев своей столицей и называет Киев «матерью русских городов», а в Новгороде оставляет своего наместника. Так в 882 году возникло Древнерусское государство, объединившее южных и северных славян.

2. ЕДИНОЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Открывая этот раздел своей книги и просматривая его содержание, я невольно обратил внимание на абсолютный повтор фраз из предыдущего раздела: *«Князь Олег захватил Смоленск, Любеч и Киев... Так в 882 году образовалась Древнерусское государство...»*.

А в конце этого раздела я нахожу как бы повтор: *«царь Василий присоединил Псков и все рязанские земли, отвоевал у Литвы Смоленск... Так в 1514 году окончательно воссоединены границы единого русского государства...»*.

Парадокс и только. Там отвоёван Смоленск и здесь. Потребовалось аж семь веков для создания единого Великого русского государства.

Уже позднее, к X-XI в., охота на всей территории великой Руси приняла массовый характер среди широких слоёв княжеской знати и простолюдинов. Охотниками были киевские князья Игорь, Владимир «Красное Солнышко»,

Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Мстислав Владимирович, великий князь московский Василий III, цари Иван Грозный, Алексей Михайлович и другие. Видов охот было много, но со временем особенно популярными стала охота с ловчими птицами - «соколиная охота». На Руси она возникла во времена князя Олега из великого княжества Киевского.

Важное место стали занимать псовые охоты, которые появились на Руси в начале 15 века. Слово «псарь» впервые встречается в грамотах, относящимся 1410 году. В 1504 году Иван III завещал своему сыну наряду с другим состоянием «сельцо Луцинское... со псарнею». Позднее появилась первая денежная монета «Куна», произошедшая от названия продукта охоты – куницы.

3. РУСЬ И СИБИРЬ

Коренное население Северо-Западной Азии имело давние связи с жителями европейского севера, и особенно, с русскими. Русские поморы и землепроходцы с конца XI века начали своё знакомство с Зауральем, когда жители Новгородской Земли «сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь». Русские литературные памятники-летописи («Сказания о человеках незнакомых в Восточной стране») упоминают в Северном Зауралье «полунощные страны», где живёт «самоядь», Югру с угорским населением. В XV веке появляются сведения о «Сибирской земле» по нижнему течению Тобола и Иртышу (выше устья Тобола), жителями которых были тюркизированные «сибирь».

Русских людей привлекали в Зауралье возможности меновой торговли с местным населением и богатые морские и пушные промыслы. Полярные мореходы отправлялись на восток за рыбой, тюленьим жиром, моржовыми клыками, дикой птицей, пушниной. Они обследовали острова Вайгач и Новую Землю, берега Карского моря, освоили морской путь до устья Оби.

Новгородские феодалы направляли вооружённые отряды для сбора пушнины с местного населения, и уже со второй половины XI века **Югорская Земля** и Зауралье официально считались одной из «волостей» Великого Новгорода. Но походы военных дружин часто встречали сильное сопротивление со стороны местных жителей, засевших в своих укрепленных «городах». Так, в 1187 году печорскими и югорскими уграми было убито около ста именитых новгородцев. Из повествования Новгородской летописи известно, что ещё менее удачным для новгородцев был поход воеводы Ядрея в 1194 году.

4. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ

После гибели Ермака в Кашлыке оставалось не более 150 человек, которые, получив известие о гибели отряда и атамана, сразу покинули крепость и вернулись на Русь. Последние трагические события не остановили продвижения русских в Сибирь, и уже в 1586 году снова отправляются новые отряды служилых людей для планомерного освоения Западной Сибири. Закладываются первые русские города: в 1586 основана Тюмень, отсюда отправляется отряд во главе с Данилой Чулковым для строительства укрепления в устье Тобола. Здесь, недалеко от бывшей столицы Кучума, строится город Тобольск, ставший надолго столицей Сибири.

От Тобольска линии укрепленных городов стали строиться дальше на восток, север и юг. Городки-крепости служили опорными пунктами для охраны и управления местным населением, пополняемым за счёт прибывающих русских людей.

Для охраны новых русских владений с юга в 1594 году строится крепость Тара. Этот городок до 18-го века оставался самым южным укреплением на берегах Иртыша.

III. КАК НА РУСИ ОХОТИЛИСЬ ЦАРИ, МИНИСТРЫ, ГЕНЕРАЛЫ И СЕКРЕТАРИ

1. ПЕТР I ОХОТЫ НЕ ЖАЛОВАЛ

Царь считал это баловство «азиатчиной» и часто говаривал: *«Довольно охоты, чтобы гоняться за шведом...»*. Екатерина II признавалась: *«Сказать по правде, я была очень равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду...»*.

Не жаловал охоту и Павел I, увлекался он больше яхтпарадами. Александр I охотился редко, да метко. В октябре 1808 года он встретился в Эттерсберге с Наполеоном. Императоры «самым искренним образом» поцеловались и, обменявшись орденскими лентами, устроили небывалую пальбу, завалив за раз 47 королевских оленей.

Но особую пышность придал охотам Александр II. С осени 1860 года одной из первых закрытых царских охот Российской империи, наравне с Гатчиной и Петергофом, объявляется **Беловежская пуца**.

Зубров, этих реликтовых великанов Беловежской пуцы, становится все меньше. 3 февраля 1892 года Александр III утверждает «Правила об охоте», строго запрещая их добычу. Однако через пять лет его наследник Николай II устраивает в пуце очередную забаву, стоившую жизни 36 зубрам. А начало 20 века он отмечает еще одной бойней, лишая жизни 45 зубров, 38 лосей, 55 оленей, 138 кабанов - всего 690 (!) животных. А до этого, в 1888 г., в империи создается еще одна царская охота - Кубанская. А в 1913 г. – в Крыму. Из Дагестана туда срочно завозятся туры, с Северного Кавказа - олени, из Беловежья - зубры. Из Ялты в Алушту проводится знаменитое Романовское шоссе, строится несколько охотничьих домиков для царствующей особы и его свиты.

Таким образом, к началу XX века российские цари создали для своей потехи несколько высокоразвитых охотничьих хозяйств закрытого типа: **Беловежскую пуцу, Гатчину, Спалу, Скерневицу, Крымскую и Кубанскую охоты**.

Февральская революция на всех царских охотах поставила крест. Отдадим должное правительству Керенского: дабы спасти Крымскую охоту от разграбления, оно объявило ее заповедником.

Беловежская пуца попала во владение германцев, что спасло ее от разграбления, постигшего Гатчину и Петергоф. Хозяйственные немцы взяли под защиту беловежских зубров.

В 1920 г. был принят декрет «Об охоте». И в том же году создается орган управления данной отраслью - Главохота.

В декабре 1921 года правительство Пилсудского учреждает в Беловежской пуце - заповедник. Правда, мера эта оказалась запоздалой. Во время гражданской войны местные лесники перестреляли всех зубров. Последний зубр был убит 9 февраля 1921 года.

2. ВОЗРОЖДЕНИЕ «ОХОТНИЧЬИХ ВОТЧИН»

Распоряжением правительства за подписью Н.А. Булганина от 9 августа 1957 года было разрешено *«в районах, расположенных вблизи мест отдыха трудящихся и туристских маршрутов, создать государственные охотничьи, лесохотничьи и заповедно-охотничьи хозяйства...»*.

Так Беловежская пуца и другие царские угодья вновь оказались в неволе. Основной удар пришелся по Украине. Лучшие ее заповедники, Крымский и Азово-Сивашский, вдобавок

государственный заповедник республиканского значения «Залесье» - были реорганизованы в так называемые «**заповедно-охотничьи хозяйства**».

Так несуразно стали именоваться возрожденные «**охотничьи вотчины**». Однако, как говорится, аппетит приходит во время еды. В 1967 году Председатель Совета Министров СССР В.В. Щербицкий открывает у себя под Киевом еще одно закрытое охотхозяйство - «Днепровско-Тетеревское». В Белоруссии создали «Телеханское», в Молдавии заповедно-охотничье хозяйство «Реденский лес», в Казахстане - «Капчагайское», превышающее по территории все имевшиеся заповедники республики.

В итоге за двадцать лет Советской власти в стране было создано больше «**царских охот**», нежели за весь долгий период, отведенный историей российскому самодержавию.

Опыт ценен повторением. С середины 70-х страну захлестнула эпидемия «царских охот». Министерства, военные округа, обкомы и райкомы КПСС считали долгом чести завести пусть и не ахти какое, но зато свое «заповедно-охотничье хозяйство». Больше всех в этом преуспели ведомства, напрямую связанные с Природой, - Минсельхоз, Госкомлес, Главохота, Минрыба.

Долгое время считалось, что инициатором «царских охот» был министр сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевич. Конечно, умалять «заслуг» Мацкевича в разграблении Природы никак нельзя (история еще воздаст ему должное), но в этом случае он, как и Булганин, оказался всего лишь исполнителем воли «*нашего дорогого Никиты Сергеевича*».

Летом 1956 года Хрущев посетил Югославию. По окончании поездки Иосип Броз Тито пригласил его на охоту. Большой любитель пострелять, Хрущев был потрясен безупречной выучкой егерей, изобилием дичи, роскошными хоромами охотничьего дворца. И твердо решил создать подобное у себя в Союзе.

А потом организовал ответную охоту в **Крымском заповеднике**. В те дни ТАСС «был уполномочен» сообщить:

«Ялта. 3 октября. - Наш гость, Президент Народной Республики Югославии Иосип Броз Тито с 1 по 3 октября с первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и первым заместителем председателя Союзного исполнительного веча ФНРЮ Александром Ранковичем был на охоте в лесных угодьях Крымских гор. Сегодня вечером все возвратились в район Сочи. Охота прошла успешно. Гости вернулись с трофеями - убитыми оленями...» («Известия», 1956 г. 4-е октября).

Незадачливый газетный автор «**тассовки**» перестарался: если слово «Заповедник» еще и удалось спрятать за эфемерными «*лесными угодьями Крымских гор*», то вот с трофеями - «убитыми оленями» - вышла явная осечка. Не знал журналист, что 17 июля того же 1956 года на Украине были утверждены новые правила охоты, строго запрещающие какую-либо охоту на оленей.

3. ОХОТА В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

(**Автор**) Мой возраст - 83 года. Я с 1935 года, с 15-и лет (уже больше полувека) активно участвую в охотничьей жизни Омского Прииртышья. Много видел своими глазами, кое-что читал, слышал отдельные охотничьи подробности от старейших охотников и специалистов Охотуправления. В моей голове сохранилось множество важнейших моментов их истории Омской охоты. Помню, как несколько раз приехал в Омск Броз Тито с женой, которая являлась уроженкой Омской области (она родом из села Михайловское Марьяновского района, а сам Тито во время женитьбы в 1918 году работал там на мельнице у казаха Исы Джунгуса).

Хорошо знаю, как секретари омского Обкома КПСС устраивали ему охоты на водоёмах Прииртышья. Ко всему вышеизложенному добавлю, что организация «царских охот» в СССР достигла наивысшего размаха в годы правления Л.И. Брежнева. За последнее время

много писалось и показывалось по телевидению о жизни и деятельности Л.И.Брежнева, где подробно освещалось его сильное пристрастие к охоте.

Хотелось бы отметить, что в эти годы на богатейшие охотничьи угодья Омского Прииртышья часто наезжали гости из Москвы: генералы, министры, а недавно был и сам Председатель Правительства. Я лично хорошо знаю все подробности пребывания у нас на охоте бывшего министра внутренних дел Щёлокова, о чём не раз рассказывал мне Рудских Адольф Афанасьевич, работавший тогда охотоведом в областном Охотуправлении. Он-то и участвовал в организации Щёлокову нескольких вольготных охот на тетеревов и косуль, разумеется, с участием секретарей Обкома партии. До этого Афанасьевич уже принимал участие в подобных охотах, в том числе отлично организовал охоту на лосей для первого секретаря Обкома партии С.И. Манякина.

В моей повести «Егерь» А.А. Рудских является прототипом главного героя, егеря, именуем в книге «Афанасьевичем». Мы с ним родом из одного села - Старосолдатки Тюкалинского района Омской области, вместе много охотились, давно дружим. Ему сейчас за восемьдесят пять, но чувствует себя бодро, продолжает охотиться и рыбачить. Живёт в селе Кабырдак, что недалеко от Солдатки. Когда была построена Областная охотбаза на озере Теннис по инициативе первого секретаря Манякина Сергея Иосифовича, Афанасьевича назначили старшим егерем, проработавшим там более пяти лет. На базе у него охотились в разное время многие высокопоставленные чиновники из Москвы и иностранные туристы

В 2003 году А.А. Рудских приехал из района ко мне в Омск, нашёл меня по телефону, показал рукопись своей книги «Охота. Жизнь. Экология». Мне она очень понравилась по содержанию, хотя язык ее был несколько корявым. В своей работе в журналах я не раз использовал некоторые факты. Особенно впечатлительными были в ней рассказы об охоте с С.И. Манякиным и министром Щёлоковым. Привожу краткую выписку этих мест охоты, по рассказам Афанасьевича.

«...Однажды меня вызвали в Омск. Хотят устроить охоту первому секретарю Обкома Манякину С.И. Я обещать ничего не мог. Наученный горьким опытом хвалиться! Ведь бывало всякое. Ко мне, к дому моему в Солдатке, завозят вагончик на колёсах, дают всё необходимое для его ремонта.

Вскоре он блестит внутри и пахнет свежими красками.

По указанию завожу его в места, где можно было охотиться на лося.

Это южнее села Солдатки километров 12, на границе заказника. Бульдозером рою яму и ставлю туда вагончик, засыпая землёй его нижнюю часть, т.е. утепляя. Ставим печь - «буржуйку». Для освещения привезли мощные аккумуляторы. Всё готово - тепло и светло. Лося в лесах много. Навещаю домик, всё время вижу лосей. Выпадает снег.

Готовимся к приёму гостей. Готовится и деревня Солдатка - всё чистится, моется. Едет секретарь Обкома! Ремонтируем дорогу до места. Настал день, ждём у вагончика. И вот белая «Волга» в сопровождении «Уазика» появляется издалека. Мы стоим на просеке. Место живописное - кругом насажены ели, воздух чист, немного падает снежок. Сергей Иосифович знакомится, называет себя. Мы - тоже

- Немец? - спрашивает Манякин.

- Никак нет, чистый русский.

Наспех обедаем и на охоту. Егерем этого участка был Романов Н.П. У него верховая лошадь, а в охоте на лосей он ничего не смыслил. Я расставляю стрелков на номера, лучшее место главному гостю. Завожу егеря для загона - у него лошадь и громовой голос. Он делает загон и угоняет лосей в обратную сторону, почему не пошел в загон сам - не пойму, ведь все было как в курятнике. Просто, а не получилось.

Ругаю егеря, спускаю всех кобелей на виновника испорченной охоты.

- Ну, вот Николай Петрович, как сумел угнать лосей - сумей и вернуть обратно.

Лоси зашли в рям, а он довольно большой. Николай из семи лосей сумел вернуть двух - самку с телком. Мы со светом фар на «уазике» обрезали заход лосей.

Ночь провели в тёплом и уютном вагончике. Утром еще раз объезжаю место, куда зашли лоси. Они там.

Завтракаем. Расставляю стрелков и делаю загон. Я иду слева, справа - Романов, в центре - Пичугин, первый секретарь Тюкалинского района. Всё нормально, всё должно быть хорошо.

У Манякина чудесное ружьё, сделанное по заказу министра обороны. Чудесная гравировка. Стволы вертикальные под патрон «лось», с инжектором.

Только любоваться таким ружьём и оптикой. Идём, вроде всё нормально, но номера молчат, выстрелов нет. Романов громовым голосом гонит центром, я по всем правилам - слева и вдруг вижу: лоси бегут прямо на меня, видят меня и не сворачивают. Карабин на плече, снимаю его. Что делать? Подбежали метров на 20-25.

Я уже не кричу, а машу руками, чтобы их остановить и повернуть назад. Лоси резко поворачивают влево и точно выходят на Сергея Иосифовича, на 70-80 метров. Идёт стрельба. Пули щёлкают по веткам деревьев.

Стрельба прекращается. Оба лося убиты. Все сходятся, всё вышло как надо. Все поздравляют главного стрелка. Начались шутки, прибаутки и следом - смех. Я отрубаю верхнюю губу лося и вырезаю язык. Паяльная лампа уже горит. Опалив, отсылаю Романова готовить обед.

И вот сидим за столом.

Я - в центре, против главного, справа - Шеленков, рядом Пичугин, Хапров, Романов. Стол как говорится «ломится от яств. Манякин поднимает тост, и хотя я в это время не пил, по такому случаю выпил стакан сухого вина.

Перелистываю страницы книги дольше и нахожу место описания второй охоты с министром Щелоковым:

«...Итак, я уже не егерь, а охотовед, всё также подчиняюсь только Управлению Охотничье-промыслового хозяйства области. Зарплата стала маленько выше. Здоровье улучшается. Дела идут нормально...

Год 1972, осень. Мне заказывают подготовить хорошую охоту на боровую дичь. Выезжает ко мне сам начальник Управления Шеленков Ал. Васильевич. Объезжаем много мест обитания боровой дичи. Дело в том, что в селе Кутырлы аэродром, и начальство должно прибыть на самолёте. Потому ищем поближе к аэродрому. В то время огромные стаи косачей были на убранных полях в деревне Чардынцево, это в 15 км от Кутурлов на Север. Всё подходит, всё предусмотрено. Ждём гостей. Я лично не знал, кто будет. Но знал, что будет крупное начальство из Москвы.

И вот настал день, день ясный, поздняя осень, немного прохладно. Вечер. Прилетает самолёт. Узнаём, что будет министр внутренних дел Щёлоков. Все дороги перекрыты, спецмашины с рациями. Везде охрана и её много. Мне дают председателя облисполкома Блохина. Министр и Манякин едут с директором совхоза Косинцевым Евдокимом Григорьевичем. Они едут охотиться на полосы, где убран хлеб и кучи соломы. Мы едем в противоположную сторону. Вечером подводим итоги. Мы убиваем 50 косачей, они - 8.

На утро мне дают министра. Едем на двух «уазиках», нас двое. Их четверо – и невиданная охрана. Везу их к разливу. Это большая заболоченная низина гектар на 1000.

Итак, мы едем к разливу. Немного выпал снег. Все тропы я знал отлично и в любое время суток мог проехать еще угодно. До цели недалеко. Ещё рановато. Останавливаемся, чтобы передохнуть. Министр одет в меховой костюм, мехом вовнутрь, весь в замках. Поднимаем

переднее лобовое стекло. Все в гражданской одежде. Министр был в Монголии и рассказывает о гостеприимстве там.

Наступает время охоты. Небольшой морозец и тишина. Косачи большими стаями идут из разлива на лес. Солнце помаленьку поднимается. Вот место охоты. Косачи неподвижно сидят на берёзах. Мы держимся сзади. Подъезжаем очень близко - на расстояние 50 метров. М.К. винтовка с оптикой. 10 патронов в магазине.

Начинается стрельба, сделано около 30 выстрелов, но ни один косач не упал. Я подъезжаю к ним и прошу проверить оружие. Стреляем в цель - винтовка бьёт выше.

Беру винтовку, прицел-оптика болтается. Беру отвёртку, заворачиваю шуруп, и винтовка бьёт точно. Сразу сбито много птиц, собираем. Всё найти невозможно. Снегу чуть, трава высокая и густая. Собираем 16 штук.

Двигаемся в домашнюю сторону. По дороге сплошные косачи. Винтовка снова разрегулировалась.

Даю свою ТОЗ-8, бой точный - 50 метров...падают... 150 м.- и снова падают - и оптики нет. Всё нормально - 40 штук взято, это здорово.

Пора домой, всё на минутах, я им не завидую. Едем впереди, и вот озимая рожь и 3 косули. Я делаю два выстрела, одна косуля убита, вторая ранена.

Даю свой карабин министру и сажусь в их машину. По третьей стреляет он, но промах. Мы подъезжаем к косулям, все выскакивают и идут быстро к косулям. Я предупреждаю, что раненая может убежать. В моё подтверждение косуля делает прыжок и на втором падает, сражённая выстрелом министра. Всё как в сказке.

Приезжаем в Кутурлы, заезжаем в ограду директора совхоза Косинцева Е.Г.

Начальство садится за стол. Мы с шофером Ярыгиным Ал. разделяем косуль.

Гости, пообедав, едут на аэродром. Министр очень доволен. Складывают в целлофановые мешки мясо косуль и косачей. Мясо косуль очень жирное. Министр идёт к машине.

Провожаем гостей, подвыпивший министр прощается с нами за руку, садится в машину и показывает большой палец из окна. Он доволен, довольны и всё мы, что всё хорошо вышло.

Авт. Свое личное отношение к «царским охотам» я высказал в стихотворение «Охотничий пир».

Государственный заказник –
лесостепь,
меж озерами в низине
солончак...
Браконьерам можно руки здесь погреть:
Птицы - тысячи,
отменный весь гусак.
Самый крупный –
что гумеником зовут,
утром гогот
наполняет тишь вокруг.
И приехал сюда первый секретарь
как хозяин,
как владыка знатный встарь.
В роще чистой, под березовой листвой,
стол сколочен на две дюжины персон,
печь-шашлычница с драконьей головой
пышет жаром,
и гудки со всех сторон.
На машине пять барашков привезли,
и казах уводит их
за дальний куст,
бочка с пивом,
лед...
Овчарки очень злы:
десять ящиков коньячных стерегут...
Секретарь со свитой утром на полях
бьет непуганых, прикормленных гусей
и гремит вблизи за лугом «тра-та-тах»
- будет пир с охотой втрое веселей!
И свой первый тост поднимет секретарь
за природу, за раздольный этот край,
за обилие барашков и гусей
и за почести холуев и друзей...
Ничего, что хлеб не убран на полях
и кормов-то хватит лишь на пол зимы,
ничего что очень скудно в закромах,
будут тосты восхвалять:
«Какие мы!»
От коровки сотня литров молока,
у буренок очень впалые бока,
а бычок с привесом скудным – стыд и срам!
Нищ крестьянин –
отчего ж хвалиться нам?..
Эй вы, избы - развалюхи, вы, плетни!
Полусгнившие –
чего молчите вы?
Этот скотный двор без окон и дверей,
как ты терпишь глупость тостов тех людей!?.

IV .ПРИРОДА ПРИИРТЫШЬЯ

1. КРАСИВЕЙШИЕ МЕСТА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

- Что же, Анатолий Михайлович, давайте поговорим о богатейшей Сибирской Природе, о красивейших местах Омского Прииртышья. Ведь главный процесс на охоте - это общение с Природой. Вы, лично, бывали во всех уголках Омской области и у вас, наверняка, сохранились яркие впечатления (назовите наиболее важные) от пребывания в отдельных местах?

- Конечно, это Сибирская, вековая тайга, с её красивейшими озёрами и реками.

- Из громадных, прекрасных озёр наибольшие впечатления оставляет Крутинский водный бассейн (озера: Ик, Салтаим, Теннис и др.).

- Из лесных массивов я бы отметил величественные, почти девственные, реликтовые леса Тевризского района.

- Значителен Большеуковский лосинный заказник, где собирается иногда более тысячи особей.

- Надо бы отметить еще степную часть области с видом озера Алабота. И ещё, и ещё...

Хочется в доказательство нашей всеобщей любви к природе Прииртышья, поместить в данной книге статью бывшего губернатора области Леонида Константиновича Полежаева.

ЛЕОНИД ПОЛЕЖАЕВ,
Губернатор Омской области

2. КРАЙ ОЗЕР и природных достопримечательностей (ответы на вопросы редактора охотничьей региональной газеты)

- *Состояние и перспективы развития охотничьего и рыболовного хозяйств в Омской области?*

- Омская область расположена в южной части Западно-Сибирской равнины. Протяженность территории с севера на юг почти 600 км, с запада на восток - 300 км. Самолету местных авиалиний для преодоления расстояния от южных её окраин до северных потребуется около двух часов, автомобилисту - не менее суток, пешеходу - около месяца. Площадь области составляет 139,7 тыс. кв. км или, около 14 млн. га. Соседние территории - Тюменская, Томская, Новосибирская области и Республика Казахстан. Общая протяженность внешних границ Омской области - более 2800 км. Размеры и географическое положение её определяет разно-

образии природных условий. Когда на юге области начинают журчать ручьи, появляются первые цветы, насекомые, птицы и пробудившиеся от спячки грызуны, на севере все еще лежит зима. С севера на юг прослеживается чередование почти всех природных зон - от тайги до степи.

На территории области насчитывается более 16 тысяч больших и малых, пресных и соленых озер, за это область называют краем озер. Многочисленна речная сеть, насчитывающая более 4000 рек и других водотоков протяженностью 15,5 тыс. км. Река Омь, давшая название нашему городу и, конечно, легендарный Иртыш - основная крупная водная артерия, протянувшаяся от гор Китая до Ледовитого океана на 4248 км.

Разнообразие природных зон обуславливает разнообразие и животного мира Омской области - от таежного обитателя тайги медведя до степного тушканчика, от сибирского осетра до коренного жителя озер - карася. Обитает 73 вида млекопитающих, 274 вида птиц, 31 вид рыб, 4 вида пресмыкающихся, более 30 тыс. видов насекомых.

Основными пользователями животного мира на территории области являются общественные организации охотников и рыболовов. Им предоставлены в пользование наиболее продуктивные охотничьи угодья. Сегодня именно они смогли сохранить и объединить многочисленные коллективы охотников-любителей, охотничьи базы, сеть услуг, доступность охотничьих угодий, проводят полный комплекс воспроизводственных мероприятий, направленных на сохранение и увеличение численности охотничьих животных. Правительство Омской области не препятствует закреплению за юридическими лицами и гражданами территорий, акваторий в качестве охотничьих угодий, только бы не остались «братья меньшие» без заботы человека, без их внимания и необходимой помощи в трудные периоды их жизни.

Сегодня в области функционирует 62 охотничьих хозяйства. И уже твердо можно сказать, что выбран правильный путь - путь настоящего хозяина, который способен сохранить и приумножить богатства природы и животный мир Омской области.

Перспективы развития охотничьего хозяйства, прежде всего, связаны с улучшением среды обитания диких зверей и птиц, увеличением их численности, акклиматизацией и реакклиматизацией диких животных. Положительные примеры в области есть, это акклиматизация ондатры, реакклиматизация бобра, марала, кабана. Имеющаяся в настоящее время численность позволяет производить на них охоту.

- Как развивается туристический бизнес и чем славен край, в котором живут омичи?

- В Омскую область ведут многочисленные туристические и этнические маршруты. Прежде всего, интерес их вызывает история заселения и освоения Прииртышья, связанная с легендарными именами Ермака, Колчака, ссыльных политических деятелей, а также прогрессивное настоящее Омской области.

По преданиям древних индусов в Омской области находится «пуп Земли», это начало из начал нашей вселенной. Поэтому так свято место около с. Окунево Муромцевского района. Это место пересечения разных религий, обладающее геофизическими особенностями и особой аурой. Муромцевский район достопримечателен и пятью озерами, по одной гипотезе - метеоритного происхождения, по другой - ледникового. Самое большое из них - Данилово, его глубина достигает 20 м, а вода содержит большое количество серебра - по преданию, это живое озеро. Есть еще - мертвое озеро Потаенное. Так вот, чтобы быть здоровым и оставаться на долгие годы молодым, нужно искупаться во всех пяти озерах. Омичи чтут древние традиции и ежегодно выезжают в эти реликтовые места. Кстати, Муромцевский район называют ещё «местной Швейцарией».

Остров сибирской экзотики

На территории Омской области в системе озер Ик-Салтаим-Тенис Крутинского района находится самая северная колония кудрявого пеликана и большого баклана. Действительно, чарующее зрелище, в Сибири увидеть таких экзотических птиц.

Колония насчитывает до 250 особей пеликанов и до 350 бакланов. Я знаю, что в этом году под контролем Управления Россельхознадзора по Омской области с помощью ученых – орнитологов проведены мероприятия по их кольцеванию с целью накопления данных о зимовке «сибиряков».

Есть в области уникальные места гнездований перелетных птиц, одним из них является территория государственного природного заказника «Степной» Оконешиниковского района. Этот природный резерват поражает масштабами скоплений серого гуся, серого журавля, серой цапли, водоплавающей дичи. Здесь гнездятся свыше 125 видов птиц, находятся самые «древние» линники птиц Западной Сибири. Гнездятся и находятся на пролете виды, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, такие как краснозобая казарка, гусь пискалька, орлан-белохвост, стрепет, журавль-красавка, несколько видов куликов. Омская область интересна для научных сотрудников, ведущих мониторинговые изучения.

- Что делается для сохранения животного мира и дикой природы, повышения культуры охоты и рыболовства?

- Дикие звери и птицы не знают административных границ, они не подчиняются человеческим законам. Лоси, белки, соболи, утки, гуси способны мигрировать на большие расстояния, менять места пребывания в разные сезоны года. Поэтому очень важны связь и объединенные усилия по их охране с соседними регионами Тюменской, Томской, Новосибирской, областями, Республикой Казахстан.

Для сохранения животного мира принят закон Омской области «Развитие особо охраняемых природных территорий по охране охотничьих животных Омской области до 2010 года». Цель его - сохранить и выявить новые наиболее значимые места для диких животных. В каждом районе области должна быть особо охраняемая территория, которая служила бы для диких животных «роддомом, детским садом, школой, местом спасения». Это места сохранения основного воспроизводственного поголовья диких животных. Осознавая их значимость, Правительство Омской области взяло их под особый контроль.

Что же касается культуры охоты и рыболовства, то это одна из основных задач общественных организаций охотников и рыболовов, которые объединяют в своих рядах более 30 тыс. охотников области. Я знаком с их программой и неоднократно участвовал в проводимых ими слётах-соревнованиях, на которых опытные охотники и рыбаки демонстрируют свои навыки, рассказывают о повадках животных, о проведении коллективных охот, охот с собаками, демонстрируют новые достижения и приемы техники безопасности. Надо сказать, что в этих слетах принимают участие не только охотники Омской области, на соревнования приезжают охотники с других регионов.

- На какую дичь и где можно поохотиться в Омской области, какая рыба водится в водоемах?

- Визитной карточкой Омской области является водоплавающая дичь. Край озер привлекает более 200 видов охотничьих птиц. Через Сибирский регион, в том числе Омскую область, проходит миграционный поток более чем 10 млн. перелетных птиц. Охота на водоплавающую дичь является самой популярной у охотников области и наиболее посещаемыми районами являются Крутинский, Тюкалинский, Называевский, Марьяновский, Саргатский, Оконешиниковский. В области ведется охота на бурого медведя (с 15 сентября по 1 декабря), на диких копытных животных (лось, сибирская косуля, кабан - с выпадением первого настоящего снега), с 1 ноября начинается охота на пушных зверей и боровую дичь (тетерев, рябчик, белая куропатка). Продолжает свое распространение по области пришлый вид - енотовидная собака, её появление уже отмечено в 11 районах области из 32. Охота на этот вид открыта, так как енотовидная собака является большим вредителем охотничьей фауны. А вот таежный обитатель глухарь на территории области пока

отстреливается только в научных и культурных целях по специальным разрешениям, численность его не достигла промысловой.

Осенние месяцы очень активны в жизни диких зверей и интересны для охотников. Настоящее наслаждение от охоты можно получить в охотничьих хозяйствах ОРОО «Омское областное общество охотников и рыболовов», где проведут трофейный отстрел, предоставят достойный отдых, предложат экологические маршруты по тропам диких животных.

Ну, а поймать речную рыбу можно на Иртыше, многочисленных его притоках, старицах. На самых крупных озерах Ик, Салтаим, Тенисс рыбаку попадетсся судак, щука, пелядь, карась. Основной же улов рыбаков составляет озерный карась (амурский, местный серый или самый вкусный, на мой взгляд, жёлтый).

- Какое личное отношение губернатора к активному образу жизни?

- Человек неотделим от природы, он часть ее и немислим без нее. Не скажу, что я страстный охотник, но испытываю определенное вдохновение от этого занятия.

Почти полтора десятка лет мне удается выехать на охоту на гуся. В 2006 году участвовал в открытии охотничьего сезона на водоплавающую дичь и не без удовлетворения признаюсь, что выполнил установленную за день охоты норму: 2 гуся, 10 уток, 5 лысух. Приходилось участвовать в проведении отстрела глухаря, действительно поражает воображение от увиденного и пережитого.

По долгу службы я много объездил регионов Российской Федерации, был за границей. В районах Омской области приходится бывать почти ежедневно. Вот с этим связана моя туристическая деятельность, я всегда интересуюсь достопримечательностями посещаемых мест. Но главное, я считаю каждому человеку нужно знать край, где живешь.

Рабочий день у меня порой длится более 12 часов, у губернатора очень интенсивная работа. Все время держу в голове все перипетии дня и содержание тех проблем, которые предстоит решить. Думаю в машине, думаю за столом, часто молчу. Бывает нужно какое-то время побыть одному, не общаться ни с кем. В такие минуты лучше взять книгу и с ней уединиться. Пока помогает.

У меня своя большая библиотека, около 3 тысяч книг. Среди них немало уникальных изданий, даже раритетных, можно сказать, которые в России даже не издавались. Я собираю ее всю жизнь. Около 2 тысяч я уже отдал в библиотеки. Наверно, так поступлю и с остальными.

- Кем мечтал стать в детстве?

- Строителем. Мы жили в Исилькуле, где я с 14 лет стал ходить на строительные площадки, нанимался подсобником и работал. В 16 я уже полюбил специальность каменщика. Могу и сейчас печь сложить. Зарабатывал этим на жизнь в студенческие годы, и сейчас это ремесло не подзабыл. Как знаток, уверяю, не так-то это просто найти хорошего печника. Так что я не пропаду, даже если перестану быть губернатором. После школы в техническом училище я получил специальность кузнеца. Работал на Петропавловском заводе два года, но понял, что это - не мое. Поэтому поступил на гидротехнический факультет Омского аграрного института. Пафос строительства в 60-е годы был велик, в стране разворачивались масштабнейшие стройки, которые были символом движения страны вперед. Стройка до сих пор мое любимое дело. Поэтому все значимые объект, которые возводятся в городе, я веду лично.

- Поступок, который научил уважать себя.

- Я по профессии гидростроитель. В свое время начинал со стройки канала «Иртыш-Караганда». Когда стройка закончилась, партия направила меня на переброску вод Северной Двины в бассейн Волги. Я приехал на место, посмотрел на людей, которые там живут. Но для того, чтобы выполнить задание партии, должен был затопить огромную территорию, где находятся селения. Сделать этого я не мог. Поэтому пришел в Министерство и сказал, что отказываюсь работать над этим проектом. Сказать такое - значило уничтожить себя. И, действительно, тогда меня лишили работы и должности.

Но жизнь не оставила меня не у дел. Лыщу себя сознанием, что закончится моя работа, люди забудут, кто такой был Полежаев, но мои дети и внуки будут знать, что Полежаев построил библиотеку, Христорожественский храм, метромост, вернул к жизни

драмтеатр, органнй зал. Надеюсь, что мои потомки будут гордиться мной, как и я, своим дедом. Он был хозяйственным крестьянином. Воевал в первую мировую. Не признавал ни белых, ни красных. У него была своя логика в понимании судьбы России, особая житейская мудрость, которая привлекала внимание окружающих людей.

В 1878 году знаменитый изыскатель Е. Богданович, одержимый проектом развития сибирского края, его природных богатств, говорил:

"Работать нужно нам на суше и на море, в лесу дремучем, в полях черноземных, в речках-кормилицах, в рудниках неисчерпаемых, на фабриках и заводах, в академиях и лабораториях. Работать нужно нам не на авось, не как-нибудь, а засучив рукава, кто во что горазд, чтобы каждый в избранном им деле мог быть чернорабочим, подмастерьем и мастером. Только тогда мы наверстаем то, что теряли и упускали веками".

Да, это тот самый, понятный сибирской душе кураж, который не давал и не дает опускать руки. Состояние, когда все нипочем, мы готовы на риски, мы все преодолеем, пробьемся. В сегодняшнем экономическом продвижении Сибири этот вековой кураж - важный инструмент. Но так не хотелось бы, чтобы он оставался единственным стимулом.

Наш земляк, выдающийся исследователь, Николай Михайлович Ядринцев более 120 лет назад в письме своего другу, ученому Г. Потанину писал о своем впечатлении от Америки: "Америка поразила меня... Это Сибирь через тысячу лет". Я полагаю, что это расстояние сократилось за истекшие сто лет. Есть над чем задуматься политикам, экономистам, людям бизнеса. У нас есть очень многое, чтобы не плестись в хвосте у развитых стран.

Я верю, что сибирские таланты помогут России подняться. Мы уже ощущаем растущий интерес к нашим настоящим и потенциальным возможностям. Деловые люди приезжают, присматриваются, прицениваются, изучают рынок, прикидывают вероятность заманчивых проектов. Наступит время, и Омск тоже вернет себе славу богатого торгового центра, окна в центральную Азию, в Китай на Дальний Восток.

Не берусь утверждать, что новая общенациональная российская идея зародится именно в Сибири, но я твердо уверен, что ей уже не суждено выйти из-под пера столичных политиков как спасательному рецепту для нации, переживающей кризис. Эта идея должна вызреть в сознании миллионов россиян, прежде всего провинциалов, сформироваться через трезвое осмысление общественных, нравственных традиций страны и народа, неисчерпаемого природного наследия, которое подарила нам земля.

Исторический опыт преуспевающих стран Запада и Востока не может быть чисто механически перенесен на наши сегодняшние реалии - мы в такой же мере Европа, в какой Азия. Нам еще предстоит восстанавливать свою историческую память. Многие наши беды происходят от постоянного стремления начать жизнь с чистого листа, не быть самими собой, от недостаточного внимания к своей Отчизне, ее историческому и культурному наследию, природному потенциалу родины. Осознание своих корней, уважение к предкам и любовь к Родине - большой и малой - вот отправные точки на пути становления объединяющей общенациональной идеи. Возрожденная общность на территории России возникнет из земель и краев, сохранивших свое историческое лицо, свою самобытность.

Не будем никогда забывать, что каждый из нас живет в России и что Россия жива каждым из нас.

Леонид Полежаев

3. КТО ОНИ - ОХОТНИКИ ПРИИРТЫШЬЯ?

- Анатолий Михайлович, а кто же действительно представляет охотников из общей массы населения Прииртышья?

- Наверное, и в этом согласитесь и Вы, что основную часть охотников составляет местное население тех деревень и посёлков, что расположены на берегах озёр и рек, или поблизости от них. Это, так называемая традиция сибиряков, заниматься охотничьим промыслом.

Вторая составляющая часть - это горожане, родившиеся в сельской местности и переехавшие в город Омск на постоянное место жительства. Но любовь к родным местам у них сохранилась, и они постоянно выезжают на природу - на охоту, рыбалку, по грибы и ягоды. Третью большую группу я бы выделил из числа коренных жителей г. Омска. Они тоже – большие любители Природы, и свою связь с ней (не считая контактов с городскими парками и газонами), устанавливают через охоту и рыбалку. Эти люди входят в охотничьи организации заводов, различных учреждений, которые являются хозяевами приписных охотничьих хозяйств в разных уголках Омской области.

Помимо этих объединений есть охотничьи организации УВД Омской области, армейские коллективы, имеющие так же свои приписные охотничьи хозяйства.

- Анатолий Михайлович, я часто размышлял над разнородным составом охотников. И делаю некоторые выводы. Такие, как явное преимущество сельских охотников над городскими, или - какие прекрасные есть знатоки охоты, выросшие в сельской местности. И то, что Николай Николаевич Косачев, бывший председатель правления областного Общества охотников, вырос в городской среде, занимаясь в детской школе охотников, это большой минус в сравнении с сельчанами, которые детство и юношество проводят изо дня в день в тесном контакте с природой и досконально знают почти все таинства природы и получают основные принципы охоты не по книжкам и учебным пособиям, а на практике.

Так же вырос в городской обстановке и нынешний председатель правлении областного общества охотников Иван Иванович Иванов. Всё таки Вы и многие руководители Охотхозяйств имели основательную сельскую подготовку.

- Владимир Васильевич, полностью согласен с Вами о настоящей жизненной школе в сельской местности, но сегодня всё больше и больше в общество вступает горожан, совершенно не знающих особенностей природы и охотничьих традиций. Это, в большинстве, так называемые «новые русские». У них есть отличный транспорт (вездеходы и джипы), дорогое дробовое оружие и всякое нарезное (малкалиберные винтовки, карабины, штуцера и др.). Они забираются в самые глухие уголки Прииртышья, на своём пути уничтожая без разбора в большом количестве всякую живность, иногда и ненужную им в качестве охотничьего трофея. На сегодня - это самая большая опасность в сохранение фауны и флоры Омской области.

- Анатолий Иванович, вот такие охотники меня больше всего и возмущают. Я же, как и тысячи других мальчишек военной поры 1941-45 гг., оставшись без отца, воспитывался на других примерах бережного, любовного отношения к природе. А охотничья добыча была для нас тогда необходимостью для выживания.

Вот мои первые стихи о той далёкой поре:

... Война - голодное житье,
где лебеда, а где - мякина...
Охотничье то ремесло
почётом окружило имя!
Охота нянчила меня,
воспитывала, закаляла.
В восходе, на закате дня
своими сказками пленяла.

Учила Родину любить,
её луга, её разливы.
Учила бережливым быть -
и даже в бедности счастливым...
Гори, охотничий костёт!
К тебе я снова возвращаюсь-
где вольность духа, где простор,
где на губах пахучий щавель!

- Владимир Васильевич, охотники Вашего поколения были самыми дисциплинированными и заботливыми к Природе. Вам уже -75, так из вашего окружения равных почти никого не осталось. Сегодня - иные времена, другая охота. И есть проблемы, и разочарования.

V. ИЗ ИСТОРИИ ОХОТОВЕДЕНИЯ СИБИРИ XX-го века

Авт. Помню, как осенью 1995г. в редакцию газеты «Омский вестник» пришёл мой знакомый по совместной работе в строительном колледже, историк А.В. Ремизов, и предложил мне для приложения «Природа Прииртышья» свою статью о И.Н. Шухове. Я, как редактор охотничьего приложения, с удовольствием её принял. Мы с ним сделали совместно заголовок: «Корифей сибирского охотоведения», так как первая половина двадцатого века в Омской области прошла под большим влиянием этого учёного-охотоведа.)

КОРИФЕЙ СИБИРСКОГО ОХОТОВЕДЕНИЯ

Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения Иннокентия Николаевича Шухова, крупного ученого-охотоведа и орнитолога, профессора, члена-корреспондента ВАСХНИЛ, действительного члена Географического и других научных обществ, краеведа, путешественника, педагога и писателя. Он родился 29 октября (ст. ст.) 1894 г. в старинной омской семье потомственных военных. Его прадед, полковник В. М. Шухов, снискал славу на полях сражений войны 1812 г. Военной школой в Тобольске заведовал его дед. В чине капитана окончил службу его отец. Само собой разумеется, что офицером должен был стать и определенный на учебу в Сибирский кадетский корпус Иннокентий. Однако судьба распорядилась иначе; Шухов стал ученым-натуралистом, хотя и поговаривают ему в свое время тоже довелось.

Еще в ранней юности он увлекся зоологией и ботаникой, стал регулярно заниматься в омском музее. Этому интересу немало способствовали увлечения его отца Н. Е. Шухова. Последний был записным охотником, состоял членом Западно-Сибирского отдела Императорского русского Географического общества, одно время был хранителем музея Отдела. Конечно же, существенную роль сыграл и дядя Иннокентия по матери А.А. Черкасов - автор знаменитых "Записок охотника Восточной Сибири". Уже в 1910 г. юный естествоиспытатель предпринял свое первое самостоятельное путешествие на Алтай. А год спустя И.Н. Шухов участвовал в Западно-Сибирской сельскохозяйственной лесной и торгово-промышленной выставке с экспонатом "Биологическая группа птиц окрестности Омска", собственноручно отстрелянными и препарированными.

В 1911-1915 гг. юный исследователь совершил четыре экспедиции к Полярному кругу. С винтовкой, дробовиком "Веблей" и фотоаппаратом он бродил по сумеречной обдорской тундре, поднимался по реке Щучьей до предгорий Урала, знакомился с бытом инородцев Ямала, изучал Таз-Енисейский водораздел, посетил легендарную Мангазею. Две последние поездки Иннокентий Шухов предпринял уже будучи студентом естественно-исторического отделения Санкт-Петербургского психоневрологического института, куда поступил осенью 1912 г.

В 1915 г. молодой специалист по охотничьему промыслу и биологии промысловых животных был призван в действующую армию. Однако на фронтах первой мировой войны не оставлял своих излюбленных занятий - в перерывах между боями охотился и составлял

коллекцию пернатых. Демобилизовавшись в 1918 г., штабс-капитан Шухов вернулся в Омск и начал работать ассистентом при кабинете зоологии сельхозинститута, вел зоологию в одной из гимназий, а позже преподавал в кадетском корпусе. Вновь мобилизованный колчаковским правительством, он в качестве начальника конно-саперной команды отступал с белыми до Красноярска. Там кандидат естественных наук И.Н. Шухов читал курсы охотоведения и биологии лесных птиц в высшем политехникуме, преподавал и зоологию, и энтомологию в сельскохозяйственном и индустриальном техникумах, занимался проблемами звероводства, участвовал в работе Сибирского съезда (Омск, 1921 г.), был заведующим Управления по делам охоты Енисейской губернии. Вернувшись в 1924 г. в Омск, Шухов преподавал охотоведение в Сибаке, заведовал кафедрой охотоведения, как признанный специалист приглашался для чтения курсов охотоведения и звероводства в Томский университет. Был делегатом Сибирского охотничье-пушного съезда. Вел охотоустроительные работы в Западной Сибири и Казахстане. В октябре 1930 г. И.Н. Шухов стал профессором охотоведения и звероводства Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства.

Тогда же в составе нового лесотехнического института профессор опять оказался в Красноярске. Работал в заказниках. Был начальником охотоустроительной партии, экспертом при проверке деятельности рыбозверобойной конторы, начальником сектора служебного собаководства в местном осоавиахимовском отделении. Руководил экспедицией НИИ кедров в Ойротии.

С 1933 г. И. Н. Шухов вновь в Омске. Он работал в ветеринарном и педагогическом институтах (заведующий кафедрой зоологии), был членом-корреспондентом НИИ охотничье-промыслового хозяйства ВАСХНИЛ, сотрудничал с областным музеем, вел активную краеведческую работу в Омском отделении Географического общества СССР, уделял большое внимание работе с детьми на областной станции юных натуралистов.

Профессиональный охотовед и орнитолог И. Н. Шухов был истинным любителем науки. Кроме различных отраслей биологии (например, ботаники, гельминтологии или фенологии), он увлекался метеорологией и гидрографией, лимнологией и геодезией, археологией и этнографией, антропологией и палеонтологией, фармакологией и инженерией). Во время Великой Отечественной войны он осуществил ряд важных работ в области эпидемиологии (борьба с туляремией) и защиты растений. За доблестный труд в годы войны академический пенсионер Шухов награжден медалью.

Иннокентий Николаевич был известным омским краеведом, редким знатоком старого Омска, его прежнего быта, жителей. Он встречался и переписывался со многими знаменитостями своего времени. Среди них - французский астроном К. Фламарион, норвежский полярный исследователь Ф. Нансен, русские мореплаватели Ю.М. Шокальский и Г.И. Седов, путешественник П.К. Козлов, зоолог В.Л. Бианки, писатели В.К. Арсеньев и А.Грин.

Еще юношей И.Н. Шухов вступил в Омское общество правильной охоты и всю жизнь был страстным охотником и превосходным знатоком всех видов охотничьего оружия, да и вообще любого оружия. Он был прекрасным стрелком, сам конструировал прицелы, изготавливал модели ружей, собрал большую коллекцию всевозможных орудий охотничьего промысла. Он был талантливым рисовальщиком, умелым таксидермистом, состоял в Союзе советских писателей. Издано несколько его книжек для детей с рассказами о родной природе.

Иннокентий Николаевич умер 25 июня 1956 г. и похоронен на Старо-Северном кладбище. Примечательно, что спустя некоторое время в Омск пришло письмо от профессора охотоведческого факультета Иркутского сельхозинститута В.Н. Скалона. Он сообщал, что в музее идет подготовка к траурному собранию, посвященному памяти "одного из старейших наших ученых-охотоведов", и просил прислать большой портрет Иннокентия Николаевича, *"дабы мы поместили его в галерею корифеев охотоведения"*.

VI. СИБИРСКОЕ ОХОТОВЕДЕНИЕ 2-ой половины XX века

Если И.Н. Шухов проявил себя как учёный-орнитолог, то вторая половина столетия подарила Омской охоте более десятка прекрасных практиков в организации и развитие Охотхозяйства Омского Прииртышья. Это люди - известные руководители областного общества Охотников, начальники Управления охотхозяйства администрации области. Вот их фамилии и годы работы.

1. ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВО ОХОТНИКОВ И РЫБАКОВ

Председатели правления областного общества:

Копылов Евгений Иванович (1920-1964)	Хомяков Борис Ермолаевич (1980-1983)
Шеленков Александр Васильевич (1964-1969)	Мишкин Борис Иванович (1983-1986)
Букреев Василий Федорович (1968-1971)	Косачев Николай Николаевич (1986-1992)
Репин Александр Филимонович (1971-1980)	Кирин Виктор Андреевич (1992-1999)
	Иванов Иван Иванович с 2000г. и по настоящее время)

2. УПРАВЛЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА АДМИНИСТРАЦИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Государственный охотничий надзор на территории области осуществляется с 1948 года, когда в г. Омске впервые была создана государственная охотничья инспекция, в дальнейшем преобразованная в Охотуправление.

За прошедшие годы управление возглавляли:

Рунёв Сергей Михайлович (1962-1965)	Шеленков Александр Васильевич (1969-1978)
Колосов Анатолий Сергеевич (1965-1967)	Жуков Виктор Антонович (1978-1986)
Дробеленко Тимофей Фёдорович (1967-1969)	Мишкин Борис Иванович (1986-2005)
	Ильченко Михаил Дмитриевич (2005-2007))

Авт. Из общего числа председателей Правления охотобщества и начальников Управления охотхозяйства нужно выделить двоих, назвав их блестящими руководителями. Это Мишкин Борис Иванович и Шеленков Александр Васильевич. Тот и другой в своё время занимали посты председателя Правления охотобщества, а затем и начальника областного Управления администрации области. Но, безусловно, Борис Иванович Мишкин проработал на этих постах значительно дольше, чем другие, и его практические дела и успехи в организаторской работе очень значительны. Им написаны около десятка высокопрофессиональных статей, его можно, без преувеличения, назвать «Корифеем охотведения Прииртышья» второй половине XX века. Борис Иванович и Александр Васильевич в своё время работали в тесном контакте, встречаются они и ныне по праздничным датам в кабине Б.И. Мишкина.. Вот и 25 декабря уходящего года (2009 г.) Борис Иванович послал за ним служебную машину (Александру Васильевичу последнее время нездоровится), поздравил его с Новым годом, подарил ёлку и пожелал долгих лет жизни. В декабре по телефону я договорился с Александром Васильевичем встретиться в Управлении у Бориса Ивановича, вместе обсудить материалы будущей книги. Но Александр Васильевич попал в больницу, а после чувствовал себя настолько неважно, что я не смог взять у него обстоятельного интервью. Ему 88 лет, многовато. Да и жена, Эма Михайловна, в категорической форме попросила этого не делать. Вот и пишу я небольшую автобиографическую статью после состоявшегося новогоднего телефонного разговора.

- Александр Васильевич, расскажите немного свою автобиографию

- Родился я в селе Валувка, это недалеко, если ехать из Тюкалинска по Называевскому тракту. Детство - как у любого деревенского пацана, на природе, рыбалке. Родители переехали в Омск, школу закончил в городе и поступил учиться в железнодорожный техникум. Призвали в армию, потом началась война. Был танкистом, несколько ранений. После войны работал на заводе Октябрьской революции, выпускали танки.

В 1955 году в числе «тридцатитысячников» попал на село, поднимать сельское хозяйство. Руководил колхозом, было очень трудно, иногда не вмоготу. Попал в больницу с обширным инфарктом миокарда. Когда лечился, много бывал на природе. Познакомился с охотой и охотниками. Пригласили в общество работать. В 1964 г. выбрали Председателем Правления Областного общества охотников и рыболовов. Работа нравилась, интересная.

- Александр Васильевич, говорят, что вы очень близко знали почти всех председателей районных обществ.

- Да, это было принципом моей работы. Со многими я дружил. Особенно с председателем Большереченского района В.Д. Федорчуком.

- Далее вы перешли на работу в Управление Охотхозяйством администрации области. Как ладил с областным начальством?

- Надо сказать, поддержка была полная. Сам первый секретарь обкома партии С.И. Манякин любил охоту, и его подчиненные подражали ему. Так Шкредов М.Т., зам общим отделом, всегда был в курсе наших проблем. Елизаветин Михаил Иванович помогал нам по первой же просьбе

- Это обком партии. А как контактировали с Облисполкомом?

-И в Облисполкоме находилось много помощников, это зам Горбачев Иван Павлович, Горшков Игорь Алексеевич и другие. Проработал я начальником Управления охотхозяйством с 1969г. по 1978 г. Ушел на отдых, но постоянно поддерживаю связь с бывшими друзьями по охоте.

3. ЭКОЛОГИЯ – ЗДОРОВЬЕ – БЕЗОПАСНОСТЬ

В феврале 2005 года в Омске образована Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Омской области - Управление Россельхознадзора. На государственную должность руководителя Управления Россельхознадзора назначается Б.И. Мишкин, работавший с 1986 года на должности начальника Управления охотничье-промыслового хозяйства Омской области.

Мишкин Борис Иванович родился 2 февраля 1951 года на хуторе «Жирное» Полтавского района Омской области.

Свою трудовую деятельность Б.И. Мишкин начал после окончания Иркутского сельскохозяйственного института в 1976 году в качестве старшего охотоведа Омской области.

Крутинского коопзверопромхоза Омского облпотребсоюза, а в 1977 году был переведен на аналогичную должность в Саргатский коопзверопромхоз.

С 1979 по 1986 год избирается на различные должности в областном обществе охотников и рыболовов, где последние 3 года работал в качестве председателя правления.

С 1986 года переведен на должность начальника Управления охотничье-промыслового хозяйства при Омском облисполкоме.

Б.И. Мишкин на освящении новой церкви в с. Ново-Сергеевка Полтавского района

За годы работы в Управлении охотничьего хозяйства, а затем в Управлении по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Омской области Б.И. Мишкина проведена реорганизация всего охотничьего хозяйства, направленная на увеличение численности диких зверей и птиц, их охрану, проведение биотехнических мероприятий, создание охотничьих хозяйств первичных охотколлективов и становление государственных охотничье-промысловых хозяйств севера Омской области, укрепление кадров охотоведов. По его инициативе в области акклиматизированы новые виды диких животных, таких как марал, кабан, ежегодно пополняются местные виды за счет расселения.

После назначения на должность Руководителя Управления Россельхознадзора по Омской области Б.И. Мишкин активно включился в работу по формированию и становлению Управления.

В сравнительно короткий срок завершены организационно-штатные мероприятия. При штатной численности 276 человек принято 273. Подобран работоспособный коллектив, в большинстве своем состоящий из специалистов высокой квалификации.

За многолетний добросовестный труд Б.И.Мишкин награжден Почетным нагрудным знаком «За охрану природы России» в 1984 году. В 1998 году ему присвоено Почетное звание «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России», в 2001 году награжден Почетной грамотой Минсельхоза России, в 2003 году награжден серебряной медалью «За вклад в развитии агропромышленного комплекса России».

Б.И. Мишкин пользуется в коллективе заслуженным уважением и авторитетом. Требователен к себе и к подчиненным, в быту скромен, хороший семьянин. Имеет троих детей.

Авт. Б.И. Мишкина я знаю уже два десятка лет: остроумный, обаятельный, общительный в быту и целеустремленный, настойчивый, последовательный в работе. Я брал у него десяти интервью.

- Борис Иванович, что представляет из себя новая организация, ее задачи?

- Управление Россельхознадзора осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации и выполняет полномочия в 7-и направлениях, о чем я поясню далее. В структуру Управления входит 12 отделов, в оперативном подчинении находятся три федеральных государственных учреждения: «Омский референтный центр Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору», «Государственная семенная инспекция по Омской области», «Управление Росгосхлебинспекции по Омской области». Штатная численность служащих- 276 человек. Управление сформировано на 90 % из специалистов, ранее выполнявших, переданные Управлению полномочия. Потому, сразу же с момента организации, служба приступила к выполнению поставленных задач.

- И каковы же итоги работы первого года?

- В 2005 году проведена большая работа по организации и обеспечению функционирования Управления как единого механизма. В несколько раз возросла эффективность пресечения фактов провоза на территорию области недоброкачественной, незаконной продукции животного и растительного происхождения. Проведено 3254 проверки юридических и физических лиц, в результате которых выявлено 2456 нарушений. По результатам проверок вынесено 651 предписание, составлено 1903 протокола об административных правонарушениях. В доход бюджета поступило 1 498,4 тыс. руб. взысканных с нарушителей штрафов и исков. В следственные органы передано 57 материалов на возбуждение уголовных дел, из них возбуждено 18. Опубликовано 185 статей в средствах массовой информации, проведено 96 выступлений по телевидению.

- В области ветеринарного надзора контрольно - надзорные функции обеспечивают 2 отдела: отдел внутреннего ветеринарного надзора и отдел ветеринарного надзора за перемещением поднадзорных грузов. Омская область является приграничным регионом с протяженностью государственной границы 1082 км с Республикой Казахстан. В связи с этим имеет 10 пунктов пропуска через государственную границу, из них 6 - автомобильных,

2 - железнодорожных, 1 - водный (речной), 1 - воздушный, на которых осуществляется 100% досмотр подконтрольных грузов. За 2005 г. выявлено 632 факта нарушения ветеринарного законодательства Российской Федерации.

ИНФОРМАЦИЯ О ЗАДЕРЖАННЫХ ГРУЗАХ ЗА 2005 г.

№ п/п	Наименование груза	Ед. изм.	Задержано
1.	Рыба и рыбопродукты	тонн	271,6
2.	Сырьё животного	тонн	53,2
3.	Корма и кормовые добавки	тонн	2453,5
4.	Мясо и мясопродукты	тонн	139,6
5.	Молоко и молокопродукты	тонн	2,3
6.	Яйцо столовое	тыс. шт.	12,0
7.	Мед и продукты пчеловодства	тонн	6,0
8.	Птица	голов	137

Из задержанных грузов следует отметить наиболее большие партии 200 тонн свежемороженой рыбы, завезенной из Приморского края по недействительным ветеринарным документам (реализация рыбы была запрещена), 23 тонны мяса, ввезенного контрабандно из Республики Казахстан (материалы были переданы в природоохранную прокуратуру и следственные органы).

Службой предпринимаются самые активные меры по сохранению стабильной благополучной эпизоотической обстановки на территории Омской области.

В автомобильных пунктах пропуска в теплое время года проводилась дезинфекция колес автотранспорта, прибывающего из Республики Казахстан. В 2005 г. проведена дезинфекция 73570 единиц автотранспорта.

Специалисты Управления Россельхознадзора по Омской области осуществляют государственный ветеринарный надзор на 41 железнодорожной станции Омского отделения Западно-Сибирской железнодорожной дороги. За 2005 г. осмотрено и оформлено на ветеринарно-санитарную обработку 1193 вагона.

На протяжении 2005 г. проводился контроль и надзор за сбором и утилизацией сепарации и пищевых отходов с бортов международных авиарейсов и поездов международного следования в аэропорту города Омска и на ж.д. станции «Омск-Пассажирский».

Серьезную озабоченность Управления Россельхознадзора по Омской области вызывают вопросы выпаса и содержания скота в пограничной зоне, а также отсутствие загонов для передержки задержанного скота с Республики Казахстан. По этому вопросу направлены рекомендации в Правительство Омской области для принятия соответствующего нормативного акта.

В тесном контакте с ветеринарной службой Омской области, районных муниципальных образований были проведены работы по локализации и ликвидации очагов гриппа птиц на территории Омской области в 2005 году. За период эпидемии карантин был наложен на 24 населенных пункта в 10-и районах области, ограничение было наложено на 4 населенных пункта в 3-х районах области. Забито и уничтожено птицепоголовье в количестве 10070 голов.

Отделом ветнадзора проводятся внеплановые проверки оптово-розничной сети, мест хранения и реализации продуктов животного происхождения.

В области фитосанитарного надзора проведено 814 проверок выполнения карантинных правил при ввозе, хранении и переработке подкарантинной продукции. По результатам проверок составлено 224 протокола об административных правонарушениях.

В области надзора по защите растений и агрохимии за 2005 год было проведено 223 проверки хозяйств и организаций. Составлено 55 протоколов об административном правонарушении.

- Борис Иванович, из всего вышесказанного у омичей есть полная уверенность, что на их обеденный стол не попадут некачественные продукты и напитки. О фактах таких, изъятых столько показывает телевидение: то «Боржомы» из Грузии, то вино из Молдавии, то куры из Голландии, и пр. выбрасываются в помойную яму.

- Да, наши специалисты стараются поставить надежный барьер, крепкую защиту от такой продукции.

- А теперь подробнее расскажите об охране Природы, воспроизводстве объектов животного мира – что вы так любили и любите до сих пор, чему посвятили лучшие годы своей жизни.

- Выполнение контрольно-надзорных функций в области охраны, воспроизводства, использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, и среды их обитания обеспечивают 92 сотрудника отдела охотничьего надзора, 82 из которых осуществляют свои полномочия в районах области.

В 2005 году ими было проведено 1677 рейдов по борьбе с браконьерством, вскрыто 601 нарушение охотничьего законодательства. На нарушителей наложено штрафов на сумму 329,5 тыс. руб., исков на сумму 93,5 тыс. руб. Изъято 84 ствола огнестрельного оружия. Передано 14 материалов на 15 человек в следственные органы по уголовным правонарушениям. Вскрыты случаи незаконной добычи 13 лосей, 9 косуль.

Отдел охотничьего надзора контролирует деятельность юридических лиц, осуществляющих пользование объектами животного мира. На 1 марта 2006 года на территории области пользование животным миром осуществляют 28 юридических лиц. За ними закреплено 41 охотхозяйство, общей площадью 1 342,8 тыс. га, что составляет 9,84 % от общей площади охотничьих угодий (13 643,1 тыс. га).

В целях анализа состояния охотничьих животных в 2005 году на территории Омской области были проведены все установленные учеты численности охотничьих животных.

Служба охотничьего надзора продолжает выполнять охранно-режимные мероприятия на особо охраняемых природных территориях федерального и регионального значения. На сегодняшний день на территории Омской области осуществляют свою деятельность 2 заказника федерального значения «Баировский», «Степной» и 4 заказника регионального значения: «Лузинская дача», «Заозерный», «Аллапы», «Килейный». Прекратили свою деятельность 13 ранее действующих заказников регионального значения, в связи с окончанием их срока действия.

Отдел охотничьего надзора осуществляет выдачу именных разовых лицензий на добычу охотничьих животных. В охотничьем сезоне 2005 - 2006 годов было выдано 43112 лицензий.

Лимит добычи бурого медведя освоен на 96,7 %, добыто 29 голов из 30; лося на 84,0 %, добыто 42 из 50; косули на 86,0 %, добыто 43 из 50; кабана на 70%, добыто 21 из 25.

В научных, культурных, хозяйственных целях, а также в целях регулирования численности было выдано 414 разрешений на добычу охотничьих животных, добыто 4354 охотничьих зверей и птиц. На территории области в целях регулирования численности было добыто 57 волков.

Отделом охотничьего надзора ведется работа по выдаче и ежегодной регистрации удостоверений на право охоты. По итогам 2005 года в Омской области состоит на учете 39862 охотника, в том числе на государственном учете - 19969 (50,1%).

В своей работе отдел сталкивается с имеющимися пробелами в законодательстве. Так в законодательстве о животном мире отсутствует четкое разделение собственности, прописание вопроса о передаче полномочий, порядка принятия решений об открытии охотничьих сезонов. В административном кодексе необходимо расширить круг должностных лиц, имеющих право вынесения постановлений о наложении административных взысканий,

в частности главными специалистами отдела, которыми укомплектованы 25 районов области, а также предоставить право составления протоколов за нарушения охотничьего законодательства пользователям животного мира. Законодательством не определен статус общественных охотничьих инспекторов, которые ранее оказывали большую помощь государственным органам в выявлении и пресечении охотнарушений. Необходимо обновление Типовых правил охоты на территории РФ, Положений о порядке выдачи именных разовых лицензий на добычу охотничьих животных, о выдаче разрешений на проведение мероприятий по акклиматизации и переселению, на содержание и разведение объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, о порядке выдачи разрешений на охоту в научных, культурных и хозяйственных целях.

- А что сделано и делается по охране рыбных запасов Иртыша и многих водоемов?

- Отделом рыбного надзора в 2005 году было выявлено 723 нарушения природоохранного законодательства, в т.ч. нарушений правил рыболовства -678. Привлечены к ответственности 717 человек, в т.ч. 61 нарушитель по 39 делам к уголовной, из которых 1 человек приговорен судом к 3-м годам лишения свободы.

Наложено штрафов в административном порядке на нарушителей природоохранного законодательства на сумму 560 тыс. руб., предъявлено исков за нанесенный ущерб водным биоресурсам на сумму 1215,1 тыс. руб.

Проверено 43 объекта загрязнения рыбохозяйственных водоемов области. В 32-х случаях выявлены нарушения.

- Борис Иванович, на чем еще бы вы хотели остановиться, отметить главное?

- В декабре 2005 года в составе Управления Россельхознадзора по Омской области был сформирован новое подразделение **«Отдел по контролю за качеством и безопасностью зерна, комбикормов, компонентов для их производства, а также побочных продуктов переработки зерна».**

Специалистами отдела во взаимодействии с ФГУ «Управление Росгосхлебинспекции по Омской области» в период проведения закупочных интервенций на территории области осуществляется контроль за качеством и безопасностью зерна при поставке его в государственный интервенционный фонд, с последующим пломбированием складов.

Если сказать о главном в 2005 году, то это, несомненно, проделанная большая работа всего коллектива Россельхознадзора, ставшая солидной заявкой на будущее. И еще - Управление работает в тесном контакте и в должном понимании с Правительством Омской области, что является немаловажным в деле сохранения стабильной, благополучной эпизоотической и фитосанитарной обстановки, а также успешной охраны природных ресурсов на территории Омской области.

ПРИРОДА И ОХОТА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

На страницах этой книги, я - Зензин В.В. (журналист, литератор), один из её независимых авторов (я не являлся ранее и сегодня не состою в какой-либо партии, никогда не работал чиновником в административных органах власти), сразу определил для себя задачу достоверно, без прикрас, познакомить всех с историей охоты в Прииртышье, начиная с древнейших времён и до наших дней. Почему же я говорю о себе «как один из независимых авторов данной книги» - да потому, что в книгу включены рассказы, рассуждения многих людей, которые могли бы лично претендовать на издание собственной книги. Но я - журналист, редактор омских журналов когда-то получил от многих авторов их материалы, записал на диктофон, немного их переработал (подправил, как редактор) и сегодня печатаю их снова в книге по собственному усмотрению. Старые кассеты для записи на журналистский диктофон у меня сохранились за 20 лет в большом количестве.

И книга «История омской охоты», таким образом, имеет большой авторский коллектив, о чём указано в «Содержании» издания.

Да, вначале книги я назвал двух основных, ведущих авторов-составителей, где Борис Иванович Мишкин является, несомненно, лучшим знатоком охоты в Прииртышье. Всем известно, что для развития охотничьего хозяйства, он сделал гораздо больше, чем какой-либо другой руководитель Омской области. Он - специалист с высшим образованием, талантливый организатор, прекрасный охотник.

Мне же лично хочется рассказать об особенностях организации охоты в последние годы с позиции простого, рядового охотника. И, в отличие от Бориса Ивановича, мои суждения будут более резки, категоричны. Здесь могут быть несогласие, противоречия с любым собеседником. Ведь сколько спорщиков, столько и разных мнений.

Последние «перестроечные» - 20 лет, вся страна переживает глобальные изменения в хозяйственной, экономической, социальной жизни, что напрямую связано со всеми делами в охотничьем хозяйстве Омской области. Вот что в интервью рассказал мне обо всём этом начальник Управления Охотхозяйством области Борис Иванович Мишкин.

«...Сегодня мало что осталось от госпромхозов и четырёх бывших коопзверопромхозов. Нет зверобаз и обширной системы облпотребсоюз. А во всех этих организациях работало более тысячи человек, среди которых – 25 специалистов с высшим охотничьим образованием. Управление Охотхозяйства содержало 13 заказников, из них 2 - республиканского значения. Из 132 приписных охотничьих хозяйств Областного общества охотников сегодня осталось в «живых» менее двух десятков, а охотбазы развалившихся приписных хозяйств заводов военного комплекса уже проданы с «молотка», за бесценок.

В пылу приватизации и хищнической распродажи движимой и недвижимой собственности и природных богатств, есть реальная угроза животному миру, окружающей нас природе...»

22 марта 1995 г. был принят Государственной Думой Федеральным закон «О животном мире», но на деле почти ничего не изменилось. Сейчас готовится второй закон, но и он (известно уже из газетных публикаций) мало что может улучшить в этом плане.

А жизнь, как говорится, продолжается. И около 50-ти тысяч омичей-охотников продолжают всё также выезжать на охоту, любоваться красивыми зорьками и подолгу сидеть за разговорами у охотничьего костра.

У нас в области занимаются совсем небольшое количество профессиональных охотников, но большинство охотников-любителей также интересуются тонкостями охоты, хотят знать многие секреты настоящих, больших знатоков Матушки – Природы. И здесь я ловлю себя на мысли, что некоторые охотники-любители вправе сказать: а не лучше бы было вместо «Истории» издать солидную книгу «Охота в Прииртышье», с описанием конкретных охот на водоплавающую, боровую дичь, или на гусей. А взять описание охоты на зайцев или лисицу. Это же может быть отдельной книгой. А чего только стоит таёжная охота?

Попытки написания такой книге в Омске уже были. Это начинал делать Николай Косачёв, бывший председатель правления, затем эту тему продолжил литератор Лев Трутнев. Но описать всё об охоте в Омском Прииртышье в одной отдельно взятой книге

было бы невозможно. Ведь у нас такое многообразие уникальных видов охот в разных климатических зонах: в таёжной, лесостепной, степной. Нужен десяток охотничьих томов для полного описания всего происходящего в охоте Омском Прииртышье. Если взять примеры с картинками охоты в классической (художественной) литературе, то это там делается небольшими порциями, конкретно на какой-либо вид охоты. А объять всё необъятное сразу невозможно, да и не зачем. Книжки по отдельным видам охот - вот нужный путь в описание охоты в Омском Прииртышье.

Размышляя об охоте, я всякий раз возвращаюсь к своему жизненному опыту (мне уже 75 лет, а охотиться с ружьём я стал в 12 лет, а ещё - с 10-ти лет был на охотах просто «загонщиком» без оружия, держа в руке таловый прутик). Надо сказать, что я проводил много времени в полях и лесах, наблюдая за природой. О том у меня много стихов, таких как:

НА ЖИВОТЕ

Ползал я в полях на животе,
чтобы подсмотреть за птицей, зверем.
И теперь наивной простоте
городских охотников не верю.
Жаждающим потехи да стрельбы,
лишний шаг не хочется им сделать.
Потому - глухи они, слепы.

Выпить, закусить - важнее дела?!
А в охоте надо наблюдать
верить, ждать, напрасно не пугать.
Вжиться в естество самой природы...
К миру в первобытной красоте
не зазря я полз на животе!

Вообще-то я охоту понимаю несколько иначе, чем многие охотники-любители, считающие её развлечением.

*Меня прозвали
Браконьер.
За то, что я охоту,
Любителям всем не
В пример,
Считаю, как работу.
Могу я лишку
настрелять,
Что супротив закона,*

*Потом всю эту дичь
раздать
Друзьям своим, знакомым.
Охота - тоже ремесло.
Хотя и без дохода!
Мне не сменять теперь
ружье
На лейку садовода.
Охота нянчила меня,*

*Учила, закаляла!..
А браконьер с того я дня-
Когда отца не стало
Когда отец на фронте
пал,
А я с берданкой старой
Ушел к озёрам, за увал,
приклад сжимаю яро.*

О детстве, о самых ярких первых впечатлениях у меня написана объемистая лирическая книга «Гори, охотничий костёр». В ней - десятки подобных стихов. И воспоминания при встречах с другими охотниками.

***.

*Я узнаю их сразу
по рьяным голосам.
У нас охотник разный -
И я был разным сам.
Вначале был мальчишкой,
Охотником села,
И не учил по книжкам
я тайны ремесла...
От страха сердце жалось
В полночный час, глухой
Когда один бывало
Шагал тропой лесной.
Взведя курок, отчаянно
Я песни пел, как мог,*

*И эхо отвечало мне,
Что я не одинок...
Теперь живу я в городе,
В деревню редко езжу,
Но наполняюсь
гордостью
При встрече с полем
нежным.
Хожу босой полянами,
Пью пригоршней из озера,
С подснежниками
ранними
Рассвет встречаю
розовый!*

*Люблю закаты чистые,
весенние, осенние -
а большие - не речистые
беседы откровенные.*

Я в детстве (1941-1950 гг.) видел вокруг своей деревни уйму дикого зверья и разных птиц, что в последующие годы уже не встречал. Первое, что влияло на обстановку - это война и послевоенные годы, когда почти вообще не было охотников. Второе - дикий гусь, казарка, крякаш и шилохвость, пролетая на юг осенью и весной, на две-три недели останавливалась на наших хлебных полях и озерах. Дичи было видимо-невидимо. Позднее

распахали и засеяли Казахстан, и вся дичь теперь, без остановки, сразу проходом улетает кормиться туда.

И третья причина, почему сегодня нет той живности, очень проста. Охотники стала варварски уничтожать всё живое. Большое количество разных вездеходов, применение нарезного оружия (что ранее строго запрещалось). Проезды в самые глухие места, где природа, как в

заказниках, сохраняла когда то свой животный мир, всё это привело ныне к полному опустошению.

Потому-то снова и снова я вспоминаю давние времена, родные деревни, богатые охоты. Вот картины детства:

- Маленька деревушка Кучки в районе Баировского заказника (её уже давно нет), где мы в 1950г вдвоём с бывшим охотоведом Петром Александровичем Губиным, приехав из Солдатки на лошадке, охотимся на хлебном поле на гусей. Моросит мелкий осенний дождь. А гуси и казарка с местных озёр огромными стаями летит и летит над нашими скрадками в копнах. Уже расстреляны все патроны, пора ехать домой. А мы всё сидим и наблюдаем как тысячи гусей, стая за стаей, заполняют все пшеничное поле.

- 1951 г. Мы трое мальчуганов, с одностволками, забираемся далеко на север в леса. Где-то левее деревни Буслы и Шайтайлы (их нынче тоже давно нет) Весна. Май, выпал озимок. По снегу отчетливо видны следы волчицы. Мы ее выслеживаем, приходим к норе и забираем волчат. Идём обратно, а на березовых лесах – сотни касачей. Черно. Как говорят старики - веток не видать. А у нас на всех троих - всего десять патронов. Пока шли по лесам, встретили в разных местах более десятка лосей.

- 1952 год. Мне 16 лет. На телеге, в которой запряжен бычок, мы с Павлом Маряниным везем небольшую деревянную лодку из Солдатки до озера Дубасное мимо деревни Паново (ее тоже давно нет в «живых»). Вечер. Густеет тьма. Ехать более 20 км. Утром нас ждёт богатая охота на крякашей. А крякаш отборный, самой крупной породы (мало кто из нынешних охотников знает что крякаши, серая утка, чирки и др. имеют несколько разновидностей, отличаясь размером и оперением).

Помню, как с утра час стреляли, пока не кончились патроны, а потом до обеда собирали сбитых уток. Озеро мелкое, грязное.

Да, о таких охотах можно написать не одну книгу. А писать отдельно, по видам охот, занятие не благодарное. Почему? Ну, вот например, мои воспоминания об охотах на зайцев и лис.

- В детстве мы их ловили капканами и петлями. С ружьем, для интереса, я мог часами тропить. Времени свободного было много. Это была самая интересная охота.

- Вырос. Учился. Стал работать. Помню 1870-1990гг, как часто выезжали на машинах группой по 4-5 человек. Охотились с «загонами». На номера выбегали зайцы, лисицы, иногда – косули. Вылетали тетерева, куропатки. Очень добычливыми были многие охоты.

- С 1990 г. началась в стране «перестройка», в том числе и в охоте. Повсеместно начались браконьерские охоты по ночам из-под фар. В последнее время, с появлением вездеходов, охота ведётся с машин целыми днями. Везде применяется нарезное, дальнобойное оружие. Леса и поля катастрофически опустели.

Так о чем, прикажете, писать?

В последние годы приходится охотиться всё труднее

Вот примеры.

- Приезжаем с дядькой в Крутинский район, на гриве возле озера Дикое скопление гусей и казарок. Вечер. Мы у леса в машине, следим за дичью с обеда. Решили не трогать, пусть

спокойно улетит на ночёвку. Зато утром, с профилями будет отличная охота. Подъезжают две «Нивы». Выходят бритые, здоровенные парни. Спрашивают, чего не стреляем.

Объяснили. Те говорят, что утро ждать не будут, а будут охотиться прямо сейчас. Не разговаривая, сели в машины, проехали до перелеска, высадили на номера двух человек, а сами на машинах - в загон. Подняли всю птицу, разогнали. Убили всего одного гуся. А мы, ругаясь с Иваном Владимировичем матом, переехали охотиться на соседнее озеро.

- На другой год также с дядей я приехал на озеро Старичье (в этом же районе). Поздняя осень. На озере большие стаи гоголей. Вечер. Решили охоту отложить на утро. (Ведь даже гоголь, крякаш и другие птицы, как и гуси, - вечером улетают с кормёжки на большие озера, а на утро спокойно летят обратно на малые озёра. На них – самые добычливые охоты).

И здесь приезжает к нам на пристань комфортабельный УАЗИК с городским начальством. Объясняем им и просим не пугать птиц.

- А утром с нами можете хорошо поохотиться, хотим убедить их.

Нет же. Приезжие (их трое) уже изрядно подпитые, собирают лодки, выезжают на озеро, открывают пальбу. В темноте выплывают на берег, добыв всего двух уток. Но сорвавшие нам и себе прекрасную утреннюю зорьку.

Я написал и издал около сорока книг, среди которых более двадцати книг о природе и охоте. И нет необходимости опять и опять повторять о нашей любви к Природе на этих страницах. Да и чувство безвозвратно утерянных прекрасных мгновений прошлых охот давно смирили меня с жестокими переменами, называемые «перестройкой». Только вот я никак не могу в душе измениться, перестроиться на худшее. Отсюда во мне накапливается грусть, да и возраст давит непосильной ношей. Всё чаще рождаются осенние стихи:

Пожелтевшие поляны
на опушке меж берёз
терпким запахом
дурманят,
душу трогают до слёз!
Отгорели, отшумели
листья ветренного дня...
С грустным полем
неужели

столь созвучий у меня?
Эти шумы, эти думы
неспроста поёт овес,
у берёзки светлой, юной
ветер блёстки рвёт из кос.
Только озими нет дела
до ветров и холодов.
Как она зазеленела-
поклониться ей готов!

...И бреду я, как с
повинной,
без тропинки, наугад...
Листья красные с осинки
светофором мне
горят!..

VII. ПТИЦЕ И ЗВЕРЮ НУЖНА НЕДЕЛИМАЯ РОССИЯ

«ИНТЕРВЬЮ»

В газете «Омский вестник» в приложении «Природа Прииртышья» Б.И. Мишкин, начальник управления охотничьего хозяйства администрации области, в статье «Охотничьему хозяйству нужен единый хозяин...» поднимал главные проблемы: как сохранить животный мир, как согласовать работу трех организаций - управления охотничьего хозяйства области, облпотребсоюза с его четырьмя коопэверопромхозами и областного общества охотников и рыболовов, имеющего 132 приписных охотничьих хозяйства и около 38 тысяч членов общества, любителей охоты.

На одиннадцати миллионах гектаров охотничьих угодий области расположены три госпромхоза, два охотничье-промысловых участка и около 140 общественных охотничьих хозяйств.

В этих системах работой заняты около тысячи человек, среди которых - 25 специалистов с высшим охотничьим образованием. Для воспроизводства диких животных и птиц управление охотничьего хозяйства содержит 13 заказников, из них 2 - республиканского значения.

Но сегодня, в пылу приватизации и хищнической распродажи движимой и недвижимой собственности и природных богатств, возникла реальная угроза животному миру. Продаются «с молотка» охотбазы, особенно заводов военного комплекса, есть администраторы, которые со своими уставами хотели бы прибрать к своим рукам отдельно выделенные им автономные административные территории...

Как в настоящее время обстоит дело по этим проблемам в области? Что предстоит сделать в новом году?

С этими и другими вопросами я обратился к Б.И. Мишкину.

1. ЧТО ГОД ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

- Коснется ли приватизация вашего Управления, ваших госпромхозов, охотничье-промысловых участков?

- Нет, не коснется. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года - за N 2284 пункт 2.1. «Объекты и предприятия, находящиеся в федеральной собственности, приватизация которых запрещена» установлен запрет приватизации службы охраны и воспроизводства ресурсов охотничьих животных. Но в пункте 2.3. сказано о возможной частичной приватизации промысловых, охотничьих и лесохозяйственных хозяйств.

- Что станет с охотничьими и приписными хозяйствами, охотбазы которых проданы коммерческим структурам?

- Охотничьи угодья приписных хозяйств во всех случаях остаются за коллективами охотников и рыболовов заводов и других организаций, а если охотничьи домики или охотбазы проданы каким-то коммерческим организациям, то это надо понимать так, что на этих базах будут улучшены бытовые и хозяйственные условия, повысится культура обслуживания, может быть, за более высокую плату, чем прежде.

Надо всем помнить, что в случае неправильного использования охотничьих угодий, нарушений правил охоты, отсутствия воспроизводства и так далее, то или иное охотничье приписное хозяйство может быть закрыто, то есть коллектив охотников и рыбаков лишается права на охотничьи угодья. А такие случаи, когда та или иная организация лишалась права на охотничьи угодья, у нас в области уже были.

- Что за постановление Совета Министров от 23 июня 1993 года N5937 ?

- Этим постановлением вместо Главного управления охотничьего хозяйства создан Департамент по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов в Министерстве сельского хозяйства РФ. В целом права и обязанности Департамента те же, что и Главного управления.

- Произошли ли изменения в структуре вашего Управления в связи с данным постановлением?

- В соответствии с постановлением Совета Министров глава администрации Омской области утвердил положение об управлении охотничьего хозяйства администрации области за N 491-П от 14.12.93 г. Сегодня в хаосе и раздоре, когда нужно накормить, одеть, обогреть миллионное население области, глава администрации Л.К. Полежаев нашел время и возможности положительно решить вопрос сохранения богатств природного мира Омского Прииртышья, напоминая этим всем нам, что нужно думать о будущем родного края.

- Назовите основные пункты положения об Управлении охотничьего хозяйства Администрации области.

1. Управление охотничьего хозяйства администрации области является специально уполномоченным государственным органом по охране и рациональному использованию

животного мира на территории области. Оно подотчетно соответственно главе администрации, а также Министерству сельского хозяйства РФ.

2. На управление возлагается: контроль за использованием государственного охотничьего фонда, ведением охотничьего хозяйства предприятиями, учреждениями и организациями, независимо от форм собственности.

3. Управление имеет самостоятельный баланс, за ним закреплены основные и оборотные средства. Имеет право на совершение в учреждениях банка и других кредитных учреждениях всех операций, предусмотренных законом, в частности, пользование банковским кредитом, открытие расчетных, бюджетных, валютных счетов и распоряжение ими.

В ведении Управления находятся:

- служба охотничьего надзора и заказников, представленная районными охотоведами и егерями;

- государственные охотничье-промысловые хозяйства (госпромхозы), охотничье-производственные участки, занимающиеся рациональным использованием охотничьих и других возобновимых биологических ресурсов;

- торговые предприятия;

- мастерские по производству товаров народного потребления и оказанию платных услуг населению.

В компетенцию Управления входят различные направления работы, вот главные из них:

- организация государственного надзора за соблюдением прав охоты, выдача удостоверений (охотничьих билетов) на право охоты и разрешений (лицензий) на добычу охотничьих животных, а также на отлов, продажу, скупку, обмен, содержание, хранение, вывоз за границу и ввоз на территорию области всех объектов - охотничьих животных, их продуктов, частей, дериватов;

- Управление осуществляет учет охотничьих угодий, устанавливает порядок их устройства и передачи в аренду для ведения охотничьего хозяйства предприятиями. Определяет перечень районов промысловой охоты;

- согласовывает создание предприятий всех форм собственности, деятельность которых связана с использованием охотничьих ресурсов;

- имеет право на торговлю гладкоствольным, нарезным, газовым оружием, боеприпасами;

- организует коммерческие охоты, туристические маршруты с привлечением иностранных граждан;

- участвует в рассмотрении вопросов, затрагивающих интересы охотничьего хозяйства в органах государственного и местного управления;

- должностные лица управления имеют право ношения ведомственного огнестрельного оружия в соответствии с табелем вооружения, утвержденным МВД России, и форменного обмундирования.

- Борис Иванович, в связи с этим - последний вопрос: сможет ли Управление в сложных нынешних условиях надежно охранять животный мир области?

- Да, условия работы нашей службы надзора, егерей, охотоведов очень сложны, потому они и получают табельное оружие.

Каждый браконьер, нарушитель всегда имеет при себе оружие. Вот и посудите - более четырехсот злостных нарушителей, с оружием и злобой на нашего работника управления, когда он составляет протокол один на один в лесу, на озере, где может произойти любое «ЧП».

Но эту повседневную, опасную работу мы не возводим в ранг героизма, как это делают иногда в других организациях. Хотя, если честно признаться, у нас есть заслуженные люди, о которых надо писать в газетах, представлять к наградам. Эти люди, подвергаясь угрозам и нападениям со стороны браконьеров, тем не менее, ведут себя сдержанно, корректно, не оскорбляя человеческого достоинства нарушителей.

Принципиальность, соблюдение законности - главные качества работника службы охотничьего надзора.

Борьба с браконьерством сегодня очень трудна. Нарушители имеют отличную технику передвижения, а у нашей службы надзора ее нет. Браконьеры кооперируются, располагают хорошей информацией, действуют смело и изоциренно. Большие площади охотничьих угодий, погодные условия, а чаще жадность браконьеров - все это усложняет зачастую работу егерей и охотоведов.

И все-таки мы будем делать все возможное, чтобы сохранить природу для наших детей и внуков.

*Интервью для приложения «Природа Прииртышья» газеты «Омский вестник»
Беседу записал В.В. Зензин*

ПРИУМНОЖАТЬ БОГАТСТВО

2. СТЕПНОЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ЗАКАЗНИК

Авт. Я несколько раз бывал в заказнике. Видел в нём десятки тысяч гусей и других птиц, закрывающих стаями всё небо. Неизгладимое впечатление. Встречался с охотоведом Н. Тимофеевым. Из нескольких статей о заказнике разных авторов, я выбрал для книги его рассказ.

Животный и растительный мир Оконешниковского района разнообразен. На его территории насчитывается более 20 озер, водная площадь которых 14,6 га. Леса занимают площадь 28,9 тыс. Основу фауны района, так уж распорядилась мать-природа, составляют представители многих видов пернатой дичи. В том числе имеются такие редкие для нашего региона

птицы, как казарка, белолобый гусь, лебедь-кликун, гусь-пискулька, серый журавль, утка-пеганка и ряд других пернатых, которые охраняются законом и внесены в Красную книгу.

Для охраны и воспроизводства в первую очередь редких и исчезающих птиц в 1971 году в районе был создан Степной комплексный заказник площадью семьдесят пять тыс. га. Его территория занимает в основном юго-восточную часть района. Любая охота здесь строго запрещена.

Проводимые в заказнике мероприятия по охране и воспроизводству птиц и животных позволили заметно увеличить поголовье многих видов гусей, уток, куликов, которые гнездятся в районе. Больше стало и прилетной дичи - казарки, которая прилетает к нам в конце апреля. Днем она находится на крупных озерах и разливах. Рано утром и вечером казарка очень большими стаями кормится на полях. После 20 мая она улетает на Таймыр на гнездование и выводит птенцов. В середине сентября птицы возвращаются к нам и живут до самых

заморозков. Зимует казарка в Средиземном море и Китае.

Для сохранения воспроизводства дичи на приписных угодьях, т.е. закрепленных за первичными охотколлективами, созданы воспроизводственные участки, составляющие примерно 1/3 площади всех приписных угодий. Проводимые охранные и биотехнические мероприятия позволили в последние годы иметь в районе более-менее стабильные поголовья таких видов дичи, как утки: кряква, чирок, широконоска, свиязь, гоголь, луток, серая, касатка; кулики: кроншнеп, веретенка, шилоклювка, гаршнеп; хищные птицы: скопа, орлан-белохвост, беркут-могильник, сапсан, балобан, кречет, чеглок.

В лесных угодьях можно встретить серую куропатку, тетерева-косача, белую куропатку, перепелку, многие виды дятла, хищных птиц. Из животного мира в наших лесах сохраняются косули, зайцы, лисицы, хори, колонки, горностаи, ласки, на водоемах - ондатра. В последние годы не редкостью стал лось - благородное животное, символ красоты наших лесов.

Это лишь на первый взгляд кажется, что район наш обижен природой. Главное - оказать помощь природе в приумножении этого богатства. И это проблема не только работников службы охраны природы, но и всех жителей района, от которых в первую очередь зависит - удастся ли передать будущим поколениям то, что имеем. Строгое соблюдение природоохранных законов должно стать нормой жизни каждого оконешниковца.

В народе почему-то бытует мнение, что основной ущерб природе наносят браконьеры. Конечно, действия браконьеров противозаконны и заслуживают осуждения общественности. С ними в первую очередь призваны бороться работники службы охотнадзора, егеря и общественные охотинспекторы. Это в их обязанности входит охрана охотугодий, проверка документов,

выставка аншлагов. Но это не главная, а так называемая организаторская работа. Главное же - предупреждение браконьерства и проведение биотехнических мероприятий, и здесь без помощи общественности не обойтись. Большую помощь могут оказать школьники. Ведь ребятам по силам сооружение гнезд для всех видов птиц, плотиков для ондатры, создание в лесах искусственных солонцов для копытных животных. Особую заботу о птицах и диких животных необходимо проявлять зимой. Это и подкормка, и изготовление кормушек.

Немаловажное значение для сохранения фауны района имеет правильное проведение сельхозработ и выпас скота вокруг озер и лесов. Простой пример: в последние годы (за исключением нынешнего) хозяйства не проводили обработку полей гербицидами и другими химическими препаратами. И на глазах увеличилась численность таких видов дичи, как заяц, лисица, косуля, серая куропатка. Своего решения требует проблема пастбы крупного рогатого скота и овец вблизи озер. В последнее время благодаря разъяснительной работе со стороны природоохранной службы дело, как говорится, сдвинулось с мертвой точки. Но сказать о том, что проблема окончательно решена, пока нельзя.

Большой ущерб природе наносит распашка земель в самой близости озер. Это наносит ущерб природе значительно больший, чем браконьерство. К сожалению, главные агрономы хозяйств не отказались пока от порочной практики.

Птицы и звери дают очень много полезного природе и человеку. Но к нашему богатству надо относиться разумно, по-хозяйски. Чтобы не только сохранить птиц и диких животных, но и приумножить их численность.

3. ОХОТА – НЕ ТОЛЬКО ДОБЫВАНИЕ

Автор. Охотовед Горьковского района П. Коновалов страстно и возвышенно любит природу, и борьба с браконьерством - главное в его работе. О том он говорил со мной в беседе.

"Без чувства поэзии, без ощущения сказочности природы нет ни охоты, ни охотника...". Под этими словами могли бы подписаться тысячи собратьев по увлечению. Но для некоторых охота была и пока остается добыванием куска мяса. Такая досадная ограниченность в понимании смысла современной любительской охоты не правило, а скорее беда.

В свое время слишком широко были распахнуты двери для вступающих в общество охотников. Общество охотников оказались переполненными людьми, которые не обладают даже азами знаний в этой области, но хотят стрелять и непременно добывать. Многие руководствуются этим, не желая считаться с реальным, нередко плачевным состоянием охотничьей фауны. Для ее сохранения и увеличения установлены и строго определены сроки охотничьего сезона. Нередко эти сроки нарушаются. Так, А.Я. Цыпкин из Павлодаровки 16 мая 1994 года охотился в закрытое для охоты время на водоплавающую дичь, за что и был наказан. Житель города Омска А.А. Стельмах и В.А. Чехов из Ново-Юрьево охотились до открытия сезона на водоплавающую дичь, за что и были подвергнуты штрафу. Чехову, кроме того, предъявлен иск за отстрелянных уток.

Не секрет и то, что воспитательная работа, пропаганда лучших традиции отечественной охоты поставлена у нас из рук вон плохо. Не каждый охотник занимается самообразованием, читает художественную и специальную литературу. Да и приобрести ее не очень сейчас просто. Раньше настольной книгой почти для каждого охотника считался журнал "Охота и охотничье хозяйство", однако, на 1995 год количество подписчиков резко сократилось. В Горьковском районе журнал выписали всего 19 человек. Но и этот факт не может служить оправданием для тех, кто нарушает правила охоты.

Так, на открытии охоты на водоплавающую дичь С.М. Позолотин из Георгиевки и Н.Н. Эннс из Павлодаровки охотились без документов на оружие, за что и были наказаны. А, кстати, С.М. Позолотин - с конфискацией ружья.

Житель Павлодаровки Ф.В. Тимошин охотился без разрешения на оружие, В. З. Яковленко, житель р. п. Горьковское находился с ружьем на Богдановском болоте в закрытое для охоты время. Охотники Н.П. Шкинчи, В.П. Морозов из Аксеновки охотились на озере Рогозинское без путевок на охоту, также на этом озере без путевок находились жители г. Омска Н.В. Фенглер, Х.Г. Янченко, А.Д. Мягков. Все они были оштрафованы.

За минувший 1994 год работниками охотнадзора и Горьковского РОО было составлено 25 протоколов нарушениях правил охоты, сумма штрафов составил 142 956 рублей, сумма и ков - 36900 рублей.

Мы не хотим считаться с известной истиной: "Все начинается с человека и кончается им". В основе любого дела лежит духовность, нравственность, культура людей. И тогда, по словам И.С.Тургенева - известного писателя, который был охотником:

«Охота будет сближать нас с природой, приучать нас к терпению, иногда и к хладнокровию перед опасностью, придаст нашему телу здоровье, силу, а духу - бодрость свежести».

VIII. ЖИВОТНЫЙ МИР ПРИИРТЫШЬЯ

ДАННЫЕ СВЕДЕНИЯ НА 1995 г.

ФАУНА - использование, охрана и воспроизводство.

Фауна Омской области характеризуется достаточно высоким видовым разнообразием. На территории области обитает 65 видов млекопитающих, 260 видов птиц, 4 вида пресмыкающихся, 5 видов земноводных, 32 вида рыб и 2800 видов членистоногих.

СОСТОЯНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ОСНОВНЫХ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВЫХ ЖИВОТНЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ОБЛАСТИ

ЛОСЬ. Особенностью лосиной популяции являются ежегодные сезонные миграции, наблюдаемые в осенний и ранневесенний периоды. Наибольшая концентрация животных в зимний период отмечается в заказнике "Большеуковский", где общая численность лосей достигает 1200-1500 особей.

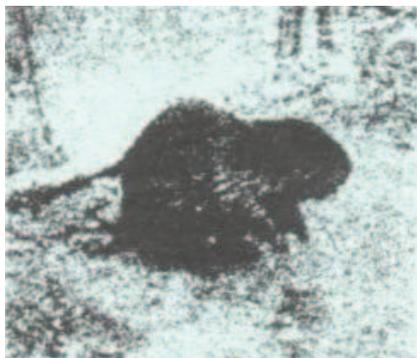
КОСУЛЯ. В течение последних 6-7 лет наблюдается постоянный рост поголовья косули во многих районах. За период 1990-95 годов ее численность возросла почти в 2 раза.

КАБАН. По данным ЗМУ, встречается в 11 районах области. Численность в последние годы стабильна, в пределах 500-600 голов.

ПУШНЫЕ ЗВЕРИ

БЕЛКА. Отмечена в 6-и северных районах области. Резкое ухудшение кормовой базы летом 1995 г. вызвало интенсивные перекочевки белки в западном и южном направлениях, что одновременно привело к значительной гибели зверьков и общему сокращению ее численности.

ГОРНОСТАЙ. КОЛОНОК. ХОРЬ. Наблюдается рост численности этих видов животных, особенно он заметен в зоне северной лесостепи и в Большеуковском районе в очагах массового размножения водяной крысы.

ЗАЯЦ-БЕЛЯК. Рост численности характерен для территории области, но наибольшая плотность популяции наблюдается в зоне южной лесостепи.

ЗАЯЦ-РУСАК. Места обитания расположены в угодьях Нововаршавского, Одесского, Полтавского, Таврического районов. Общая численность не превышает 6000 штук.

КОРСАК. Представитель степной зоны. Общее поголовье невелико, в пределах 600-800 особей.

ЛИСИЦА. Встречается практически на территории всей области. Наибольшая плотность отмечена в Исылкульском, Крутинском, Тюкалинском, Большеуковском районах, что связано с интенсивным размножением здесь водяной крысы.

РОССОМАХА. Типичный обитатель таежной зоны, отличающийся очень широким диапазоном передвижения и очень низкой численностью, в пределах 300 особей.

РЫСЬ. Встречается повсеместно в лесостепной зоне, численность не превышает 100 штук.

СОБОЛЬ. Основные соболиные районы - Тевризский и Тарский, в которых сосредоточено около 60% его мест обитания.

КУНИЦА. Этот вид распространен на левобережье р. Иртыш. Численность не превышает 650-700 штук.

В последние годы наблюдается увеличение численности волка, мелких куных (хоря, колонка, горностая). С повышением уровня воды на озерах области и искусственным расселением происходит рост популяции ондатры

ПТИЦЫ

ГЛУХАРЬ. Встречается в 8-ми северных районах области, общее количество составляет 7000-7500 штук.

ТЕТЕРЕВ. Самый многочисленный вид боровой дичи, обитает повсеместно, кроме степной зоны. Численность в этом году значительно увеличилась и достигла почти 400 тысяч штук.

РЯБЧИК. Встречается только в хвойных или смешанных лесах районов области. Общая численность - 220-230 тысяч птиц.

Белая **КУРОПАТКА.** Численность ее невелика, наиболее обычна на севере области.

Серая **КУРОПАТКА.** Встречается на всей территории области, кроме таежной зоны. Особенно заметен рост ее численности в лесостепи.

В 1994 г. было выявлено гусей – 129234 (средний выводок – 5); речных уток – 454031 (средний выводок – 6); нырковых – 270913 (средний выводок – 6).

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

1. УЧЁТ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ

Авт. Я нахожусь в кабинете В. Ратниченко, зам. начальника Управления охотничьего хозяйства и беру данные для журнала «Охота и рыболовство Омского Прииртышья».

Управление охотничьего хозяйства администрации области является государственным специально уполномоченным органом по охране и регулированию использования диких зверей и птиц, осуществляет контроль за ведением охотхозяйства, осуществляет надзор за соблюдением правил охоты на территории области, управление представляет в области департамент по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ. Оно постоянно занимается биотехническими мероприятиями по сохранению и воспроизводству диких зверей и птиц.

Необходимо назвать такие из них, как посев кормовых полей, заготовка кормов, изготовление солонцов, кормушек, подвал осины, установка аншлагов. Одним из биотехнических мероприятий по сохранению и воспроизводству диких зверей и птиц является отстрел вредных хищных животных. За 1994 год работниками управления отстреляно 22 волка (из них 13 самок, 8 самцов и 1 волчонок), уничтожено 988 серых ворон. На эти цели израсходовано 3 млн. рублей. Выплачиваются премии в следующем размере: за волчицу - 100 тысяч рублей, за волка - 75 тысяч, за волчонок - 50 тысяч рублей и за пару вороньих лапок - стоимость двух патронов.

В 1994 году управлением проводилось внутриобластное расселение ондатры, всего 370 голов: в Называевский район выпущено 111, в Оконешниковский - 122, в Калачинский - 137 голов. При выпуске в водоемах были изготовлены искусственные основания для хаток.

Ежегодно на территории области проводится учет численности диких копытных животных, пушных зверей и боровой дичи силами управления охотничьего хозяйства и областного общества охотников и рыболовов с целью планирования изъятия из общего количества диких копытных животных и пушных зверей и определения норм отстрела при спортивной охоте. Лось распространен у нас в таежной и лесостепной зонах. Численность его на протяжении ряда лет стабильна, но в последние годы из-за раннего выпадения снежного покрова лось совершает ранние миграции на север области. В сезоне охоты 1994-

1995 гг. из-за отсутствия учетных данных закрыта охота на него в Называевском, Любинском, Саргатском районах. В этом году в связи с погодными условиями наблюдалась миграция лося из Тюменской области. Так, высокая численность его была в Крутинском и Большеуковском районах на границе с Тюменской областью в ноябре и декабре.

При численности лося по области в 1989 году 3,7 тыс. голов планировалось к отстрелу 400, а отстреляно 369 - 92 процента. В 1990 году при численности 4,5 тыс. голов намечалось отстрелять 350 голов, а отстреляно 220 - 63 процента. В 1991 году при численности 4,8 тыс. голов намечалось к отстрелу 380 голов, отстреляно 271 - 71 процент. В 1992 году соответственно 6,9 тыс. голов - 418,296 - 71 процент; в 1993 году - 4,7 тыс. голов, 400, 234 (58 процентов) и в 1994 году - 6,7 тыс. голов, 200, отстреляно, по предварительным данным, 60 процентов. По данным после промыслового зимнего маршрутного учета, в 1994 году наибольшая численность лосей - в Большеуковском районе - 2000 голов. В Тарском - 1436, в Тевризском - 375, в Усть-Ишимском - 317. Большую роль в сохранении численности лося играет Большеуковский заказник, где численность его достигает более 2000 голов.

По всей территории области, за исключением таежной зоны, распространена косуля. Численность ее продолжает возрастать. Благоприятные места для косули - это заброшенные поля, поросшие бурьяном, колки, перелески. Именно здесь наблюдается большое скопление этого зверя.

Наибольшая численность в зоне северной лесостепи - в Муромцевском, Большеуковском, Колосовском, Крутинском, Тюкалинском и Большеуковском районах.

По данным зимнего маршрута учета, численность косули в 1989 году - 3,7 тысяч голов, в 1990 году - 4,3 тысячи голов, к отстрелу планировалось 450, отстреляно 280 (62 процента). В 1991 году - соответственно 6,8 тысячи голов, 300, 213 (71 процент), в 1992 г. - 8,9 тысяч голов - 491, 283 (57 процентов), в 1993 г. - 11 тысяч голов, 500, 343 (62 процента); в 1994 - 15 тысяч голов, 600, ожидается отстрел 70 процентов.

Численность кабана на протяжении ряда лет стабильна - в пределах 600 голов (10 - 20 процентов освоения лицензий). На севере области обитает дикий северный олень. Он заходит из Тюменской и Томской областей. Отстрел его затруднен и в последние годы практически не ведется. Главными причинами недоосвоения лимита добычи диких животных являются труднопроходимость охотничьих угодий, ранние снежные покровы, не промерзание болот. На протяжении ряда лет остается стабильной численность соболя - 4,3 тысячи голов (1989 - 506, в 1990 - 810, в 1991 - 800, в 1992 - 504, в 1993 - 748). Численность куницы 1,8 тысячи голов, белки - 40 тысяч, лисицы - 5,2 тысячи, рыси - 350, медведя - примерно 400 голов. Встречаются россомахи и выдры. В последние годы наблюдается увеличение численности волка, мелких куньих (хоря, колонка, горностая). С повышением уровня воды на озерах области и искусственным расселением происходит рост популяции ондатры. По всей области прибавляется количество зайца-беляка: в 1989 году - 13,7 тысяч

голов, в 1990 - 20,9 в 1991 - 20, в 1992 - 32, в 1993 - 50, в 1994 - 58,6 тысячи голов. На всей территории области в 1994 году полностью закрыта охота на бобра сроком на три года. В таежной зоне обосновался глухарь, его численность остается низкой, примерно 5 тысяч голов, поэтому охота на него закрыта.

Стабилизировалось поголовье белой и серой куропаток. Прибавляются тетерева, особенно в лесостепной зоне. Ежегодно на водоемах области в мае-июне проводится учет водоплавающей дичи по выводкам. К примеру, в 1994 г. было выявлено гусей - 129234 (средний выводок - 5); речных уток - 454031 (средний выводок - 6); нырковых - 270913 (средний выводок - 6).

В целом по области за последние годы благодаря частичному прекращению сельскохозяйственных работ и отсутствию на полях гербицидов и удобрений создаются благоприятные комовые и защитные условия для диких животных, отсюда и тенденция к увеличению их численности.

2. «БОЖЬИ ТВАРИ» (птицы и звери, занесённые в Красную книгу)

Авт. Владимира Буддо знаю уже более сорока лет, с тех пор как вместе тренировались на стрелковом стенде.. Он-мастер спорта - траншейник. Много лет работал в Управление. Прошу его рассказать о Красной Книге Прииртышья.

Наша область довольно удачно расположена на территории Западно-Сибирской низменности. Мощная в прошлом река Иртыш сформировала обширный пойменный комплекс с благоприятными местами обитания различных диких животных. В недалеком прошлом область изобиловала охотничьими видами птиц и зверей. Старые охотники еще помнят богатые трофеи бывших охот, но активная хозяйственная деятельность людей значительно ухудшила условия существования «братьев наших меньших», и былого изобилия не стало. В связи с этим была создана сеть охотничьих заказников и других природоохранных территорий. Их общая площадь в области составляет более 1,0 млн. га. Заказники расположены таким образом, что находятся во всех природных зонах области. Два зоологических заказника республиканского значения расположены в местах наибольшей концентрации водоплавающих и болотных птиц.

Заказник «Баировский» расположен на севере лесостепной зоны, а «Степной» - на юге. В этих заказниках в периоды весенне-осенних миграций скапливается значительная масса уток, гусей и лебедей. В снятом недавно по заказу «Главохоты» России фильме об этих заказниках хорошо отражено это явление.

Наряду с республиканскими были созданы заказники местного значения, или видовые, т.е. для охраны и воспроизводства определенных видов. На территории этих заказников обитают такие ценные виды охотничьих животных и птиц, как бобр, лось, косуля, ондатра, глухарь, тетерев и др.

Среди всего многообразия животного мира встречаются и такие виды, количество которых катастрофически уменьшается. Это так называемые «краснокнижники». У нас в области к ним относятся в основном птицы. Среди них немало охотничьих - это краснозобая казарка, малый белолобый гусь, азиатский бекасовидный веретенник, тонкоклювый кроншнеп, которые встречаются на пролете или гнездятся. Охотники иногда случайно добывают этих птиц, не зная о наносимом ущербе. Азиатский бекасовидный веретенник и тонкоклювый кроншнеп, некогда гнездившиеся на землях Прииртышья, стали настолько редкими, что встречи с ними давно не отмечаются, раньше обычная утка савка, гнездящаяся на водоемах Черлакского, Оконешниковского и других южных районов, стала крайне редка.

Из-за распашки целинных земель и применения ядохимикатов исчез стрепет, ранее обитавший на юге области. Печальна участь и таких совсем не охотничьих птиц, как орлан-белохвостик, беркут, большой подорлик, скопа, сапсан, балокан, дербник и многие виды сов. Незадачливый охотник, как правило, совершенно бездумно поднимает на них ружье, не давая отчета своим действиям. Я не пытаюсь очернить доброе имя охотника, но в семье не без уroda, встречаются и такие.

Я являюсь членом общества охотников более 30 лет и многое перевидал за это время. Работая в охотничьем хозяйстве, занимался главным образом охраной и воспроизводством, расселением охотничьих животных, поэтому все приведенные данные - не вымысел. Знаю трудности ведения охотничьего хозяйства, а их становится все больше. Содержание охотничьих хозяйств стало очень дорогим и не всегда рентабельным, охрана охотугодий тоже дело дорогое и опасное. Хозяйственная деятельность человека проникает в самые отдаленные и безопасные для зверей и птиц уголки, не выполняются требования правил охоты. Да и наше сознание не всегда на высоте. Каждый охотник когда-нибудь да «сбраконьерил». Кто по незнанию, а кто и сознательно. Скептики могут возразить, но я твердо стою на своем: каждый пережил такие моменты, особенно в юности. Только с годами приходит настоящее понимание охоты и большой ответственности перед природой.

Необходимо повышать свою охотничью этику, совершенствовать знания охотничьего дела. Материалов и литературы для этого предостаточно, начинающим охотникам необходимо всячески помогать, чтобы не редели ряды настоящих любителей природы. В заключение хочу сказать, что если каждый член общества будет соблюдать правила охоты, а также всячески способствовать развитию охотничьего хозяйства, то не оскудеют охотугодья от дичи, а только приумножатся. Надеюсь, что наш альманах будет более активно пропагандировать вопросы развития охотничьего хозяйства, соблюдение правил охоты, поднимать проблемы сохранения редких и исчезающих видов диких животных и птиц.

ВОПРОСЫ, ПРОБЛЕМЫ

1. О ДИКОЙ ФАУНЕ - С БОЛЬЮ И НАДЕЖДОЙ

Б. МИШКИН, начальник Управления охотничьего хозяйства администрации Омской области.

Авт. "Статья по моей просьбе подготовлена для приложения «Природа Прииртышья» газеты «Омский вестник», напечатана 17 марта 1995 г.

Россия - традиционно охотничья держава. В охоте сейчас сочетаются древняя охотничья страсть с современным стремлением к тесному общению с природой, необходимость в физических нагрузках и возможность получить эстетическое наслаждение от встреч с дикими зверями и птицами.

Охота, у которой целая армия фанатичных и бескорыстных приверженцев, стала объектом яростных нападков столь же фанатичных ее противников. Охоты в чистом виде сегодня не существует почти нигде. Она стала частью системы по регулированию использования живой природы. Для ее организации, регламентации, совершенствования, для использования ее продукции возникла особая форма человеческой деятельности - охотничье хозяйство.

Охота и охотничье хозяйство в наше время неразрывно связаны также, как природа едина и неделима, одна на всех. Мы подчас забываем в суете эту вернейшую истину, и звучит она сегодня как захудалая банальность. С горечью и болью приходится констатировать: всяк видит и имеет свою природу. К такому выводу с оторопью приходишь, изучая наше законодательство. Лесники, к примеру, имеют свои законы природопользования, права и обязанности, земледельцы - свои, водники, естественно, - свои. И всяк старается в своих интересах, менее всего думая об общих принципах природопользования, общих предпосылках.

Многое в тех законах не стыкуется, потому как разработка их велась бессистемно и изолированно. И мы, охотники, сегодня зачастую встаем перед фактом, что в тех законах о нас умышленно забыли или просто игнорировали, а то и откровенно присваивали наши права себе. Принятые основы лесного законодательства сегодня не стоит подвергать критике и сомнению.

Тем не менее, возникает много спорных моментов, разночтений существующего законодательства. В области в этих вопросах мы находим общий язык только в силу добропорядочности личностных отношений с Анатолием Петровичем Богуном, начальником управления лесами области. Чего не скажешь о наших московских ведомствах.

Парадокс: Россия выросла на охотничьем деле и до сих пор не имеет соответствующего закона. Хотя до революции закон об охоте в России был. Такие законы существуют в большинстве западных стран. Отсутствие закона об охоте - одна из причин того, что современное охотничье хозяйство разрушается, находится в бедственном положении.

В сегодняшней кризисной ситуации в области идет разгул браконьерства, пошатнулись охотничьи хозяйства, в запустение приходят охотничьи базы.

В Государственной Думе сейчас 73 закона по самым разным - и политическим, и социальным, и экономическим - проблемам. Не приняты финансовые и налоговые законы, о земле, Уголовный кодекс. В такой ситуации трудно ожидать, что законопроектам о животном мире, об охоте и охотничьем хозяйстве будет дана "зеленая улица" для утверждения. Москве не до нас, да и животный и растительный мир нашей области настолько разнится с Астраханской или Мурманской областями, что трафаретный закон не учтет специфики каждого региона. Располагая информацией по Западно-Сибирскому региону, мы не находим примера для подражания, где бы такой закон был принят, хотя ряд областей, в их числе Курганская, работают в этом направлении.

Так что идти придется своим путем. И отрадно, что глава администрации области счел необходимым принятие такого закона на уровне области, подписав постановление от 06.02.95 N 63 «О плане законопроектных работ администрации области на 1995 год», где одним из пунктов значится разработка законопроекта "Об охоте и охотничьем хозяйстве", возложив ответственность за исполнение на управление охотничьего хозяйства.

В соответствии с этим управлением начаты подготовительные работы по разработке проекта. Создана рабочая группа с участием общественных охотничьих организаций. В разработке закона приглашаем принять участие всех желающих охотников и не охотников. Принятие закона должно внести ясность во многие спорные вопросы, поэтому желательно получить информацию и услышать мнение с мест от районных администраций через наших районных охотоведов. Прямо в управление можно позвонить по телефонам: 31-31-44, 30-57-38, или письменно по адресу: 644046, г. Омск, ул. Училищная, 10.

Мы не ставим задачу развалить областное общество охотников и рыболовов, как пытаются трактовать наши действия. Развалить просто и не составляет особого труда, ломать - не строить, как говорится. Примеров этому немало. Взять общество охраны природы. Кто и что выиграл от того, что ликвидировано в области общество охраны природы, что перестали функционировать четыре сельских Дома природы? И даже известный в городе Дом природы, по ул. Пушкина, сегодня отдан Центру культуры и искусства, что было бы, может быть, и неплохо, если бы там осталась природа. Тот немалый блок работы по воспитанию бережного отношения к природе и привлечению общественности, в том числе крупных ученых и

специалистов, к решению природоохранных проблем сегодня практически выпал из деятельности всех природоохранных организаций. И, на мой взгляд, областной комитет по охране природы, умело поддерживая в трудные времена эту общественную организацию, через нее осуществляя связь с широкими массами, только выигрывал в своей деятельности.

Так, мы хотели бы видеть в "Росохотрыболовсоюзе" своих соратников. Администрациям отдельных предприятий хватает внимания на все, и на охотничье хозяйство в том числе. Можно назвать Ивана Дмитриевича Лицкевича (АООТ "Нефтеперерабатывающий завод"), который в этом году очень хорошо помог в приобретении техники для нужд охотничьего хозяйства. Не ослабевает внимание к охотничьему хозяйству и со стороны ПО "Завод транспортного машиностроения" (генеральный директор Сали Александрович Катык).

В целом же картина складывается так, что большинству предприятий сегодня проще продать охотничьи базы. Но надо помнить о 35 тысячах охотников области, которым нужно место для ночлега и для общения.

Общество охотников призвано вести организационную и разъяснительную работу в охотколлективах. Это и проведение биотехнических мероприятий, и воспитание бережного отношения к природе, и обучение стрельбе, традициям охоты. Есть ряд принципиальных вопросов, где руководство областного общества недорабатывает.

Управлением охотничьего хозяйства, как специально уполномоченным государственным органом, охотничьи угодья должны передаваться в аренду различным охотпользователям, в том числе и общественным охотничьим организациям - областному обществу охотников и рыболовов, военному обществу "Динамо". Однако здесь требуется продуманная система передачи, где основополагающими факторами являются долгосрочность аренды и надлежащий контроль со стороны государственного органа.

Реформирование охотничьего хозяйства надо брать на себя, ради дела оставить претензии, амбиции, обвинения. Все поставить на законную основу, поскольку многие традиции в России утрачены. Нужна очень тонкая и четкая дифференциация функций между нами, как специально уполномоченным государственным органом по охране и регулированию использования животного мира на территории области, и областным комитетом по охране природы, который имеет право контролировать всю деятельность по использованию природных ресурсов, не вмешиваясь в конкретные функции отраслевого природопользования.

Вопросы охраны дикого животного мира очень сложны, и для охраны, рационального изъятия нужны знания специалистов. Зверь не подчиняется никаким границам. Лось в процессе кормежки проходит десятки километров. Тот же заяц за утракает в Седельниковском районе, а ужинает в Муромцевском. Для перелетных птиц нужны межгосударственные соглашения. Поэтому в отношении диких зверей и птиц на местном уровне нужно очень осторожно принимать решения. К примеру, лось к нам в область идет из Новосибирской и Томской областей; там закрыли охоту на лося, мы, к сожалению, узнали об этом поздно, а для того, чтобы достичь увеличения численности популяции лося, надо бы и нам одновременно закрыть охоту. Или такие случаи, когда глава администрации области открывает охоту в последнюю субботу августа, а главы районов начинают корректировать. Такую практику надо прекратить. Ведь получается, что при открытии охоты на неделю раньше в районе дичь перелетает в другое место и попадает снова в условия охоты. Мы ввели хорошее правило: в период охоты установили выходные дни для отдыха птицы, дали ей возможность покормиться, этим мы продляем время пребывания дичи в наших охотугодьях и не спроваживаем ее пораньше в Турцию.

Основа всякой охоты - охотничьи угодья, которые находятся в сельской местности, и решение многих вопросов - в компетенции местной власти, глав администраций районов.

Их мнение наряду с мнением обществ охотников должно быть определяющим в вопросах сроков, времени, норм охоты, создания заказников, приписных охотничьих хозяйств. На наш взгляд, вопросы природопользования, в том числе и охотпользования, чаще должны рассматриваться на коллегиях районных администраций. В компетенцию же федеральных органов должны входить другие вопросы и в их числе – о мигрирующих птицах, диких зверях и птицах, занесенных в Красную книгу РФ.

Центральные вопросы любого закона - о собственности. И, безусловно, госохотфонд, то есть охотничьи угодья и ресурсы охотничьих животных, должны находиться в федеральной собственности.

Один из центральных вопросов законопроекта - статус и права охотпользователей.

Очень деликатный и острый вопрос - механизм лицензирования на охотпользование. Как, кто, на каких условиях выдает лицензии? Как взимается плата за лицензию лося, косули? Вопросы больше, чем ответов.

Очень сложны и не до конца разработаны экономические вопросы охоты и охотничьего хозяйства. Как должна строиться система платежей за охотничьи объекты, экономической защиты госохотфонда, охотпользователей и природопользователей. Здесь же и вопрос о платных охотничьих услугах.

Вот почему так остро стоит проблема принятия закона «Об охоте и охотничьем хозяйстве». Но в любом случае он должен быть гуманным и больше направлен на сохранение диких зверей и птиц. Охота - это и забота об охотничьих животных, и я убежден, что охотники больше, чем кто-либо, заботятся о них.

2. ОХОТНИК - ПЕЙЗАЖИСТ

Авт. Владимир Чешегоров, известный омский журналист, редактор экологической передачи «Зелёный Луч» Омского радиокomiteта. Статью передал для журнала «Охота».

С Федором Ивановичем Федоренко из Тевриза я оказался знаком задолго до непосредственной встречи с ним. И когда впервые пожимал ему руку, сразу вспомнил необычный пейзаж, исполненный масляными красками: в небольшом голубом озере доверчиво плещется стайка уток, на зеленом берегу резвятся олени, и здесь же под раскидистой елью сидит добродушный мужичок, облокотив, словно посошок, на свое плечо ружьецо. Спокойно так сидит, и взгляд мужичка по-детски открытый, спокойный. Такую идиллическую картину в природе вряд ли когда увидишь. Она, конечно же, плод фантазии художника, да и называется картина идиллически-непосредственно "Охраняю природу".

И вот, увидев впервые Федора Ивановича, я сразу узнал в нем того мужичка. - Точно, - засмеялся он в ответ, - Себя рисовал.

- С детства у меня тяга к краскам, - без принуждения стал рассказывать о себе охотник-пейзажист, как невольно сразу окрестил я его.

- Помню, когда еще в Пролетарке жили...

- В Пролетарке. В этой захолустной деревеньке в пять дворов на краю света. Какое искусство?.. Какая живопись... - невольным удивленным вскриком прервал я его. Сознаю, не совсем тактично прервал, но уж больно факт этот меня ошарашил - бывал я в том глухом таежном краю, куда и самолетом не всегда можно долететь, а и долетишь, так не выживешь, как мне казалось, - уж больно диким и заброшенным увиделся мне тот край и сама деревенька.

- Ну, так что? - возразил, обидевшись более за свое детство и за свою деревеньку, Федор Иванович.

- Да, квалифицированных учителей у меня не было, и красок магазинных я не имел, как сейчас вот внуки мои ими балуются. У нас такого не было - факт. Ну, так это не составляло проблемы, - простодушно восклицает собеседник.

- Я краски сам делал. Из шелухи лука и чеснока, из березы и лиственницы отваривал. Вот с белилами трудненько было, не скрою этого факта. А все другие краски тайга давала. Она, родимая, меня и художником сделала, тайга наша. Вот она, нашенская тайга, - указывает Федор Иванович на картину, что висит напротив нас в комнате. На картине берег реки, заросший сосняком. - Как же можно было стерпеть, не нарисовать все это.

- Вон там, за поворотом Туя, моя избушка, - привстав с дивана, ткнул пальцем в картину Федор Иванович. После такого признания нетактичным показалось мне спрашивать собеседника, почему при такой огромной любви к живописи, при таком упорстве в преодолении трудностей на пути к картине, он не стал и не помышлял даже стать профессиональным художником.

Сначала сдерживало меня от этого вопроса осознание, что из такой забытой даже богом деревушки не виделось ему в детстве и само большое профессиональное искусство, не то, что дорога к нему. Даже исторический пример Сурикова к моему собеседнику не подходил - рядом с тем в нужный час все же оказался истинный наставник и гражданин. Федор Иванович был абсолютно одинок со своими красками и способностями.

И все же не это, как видится мне теперь, было главным в выборе судьбы у молодого Федоренко. "Там, за поворотом, избушечка моя", - только что произнес сеченный и тертый большой жизнью человек - мой собеседник. И по сломавшейся интонации его голоса понял я: избушечка эта охотничья, наверняка не очень теплая, не очень казистая и сманила его, вывела на охотничью тропу.

Федор Иванович - профессиональный охотник. Лучший охотник тевризского госпромхоза - так рекомендовали его мне, первоначально и я намеревался писать о нем как о профессиональном охотнике, если бы тот же рекомендующий не спохватился: "Кстати, сейчас в нашем клубе выставка работ Федора Ивановича". Если бы я не пришел на эту выставку. Если бы и в доме Федора Ивановича все стены не были увешаны картинами его. Если бы сам он так страстно не говорил о живописи.

Прежде всего, он художник, пусть и рука у него "не поставлена" как подобает профессиональному живописцу, и школы не достает...

- Бывало, ночью в избушке не спится и все видятся картины, вот так бы нарисовал, вот так, - слышится голос Федора Ивановича.

- Сезон закончится, бежишь к холсту как ребенок к титьке... Так-то я с природы, считай, не рисую. В уме все картины у меня. А уж дома все увиденное, придуманное в тайге на холст переносу. Все это по памяти нарисовано, - обводит он рукой развешанные по стенам картины.

- А вот главной-то среди них нет сейчас, - вдруг добавляет к сказанному собеседник мой. И поясняет. - В Москве сейчас главная моя картина на Всероссийской выставке самодеятельных художников. Диплом вот прислали - отметили мою картину.

И здесь же Федор Иванович перебивает сам себя.

- Вообще-то, главную свою картину я еще не нарисовал. Вижу ее, но не нарисовал. Хочу с природы ее сделать - залезть на самый высокий кедр и нарисовать нашу тайгу, кедрачи наши плюс Могутный, скажу тебе - вид. Только хочется с природы нарисовать, уточняет он. И поясняет, - чтобы как документ картина смотрелась - ТАК БЫЛО.

- И со вздохом уже,- торопиться надо, возраст уже берет свое, не столь прыток стал, хирею. Да и тайга хиреет...

Мы еще долго сидели - беседовали с Федором Ивановичем в его горнице-мастерской. Говорили об охоте, о живописи, о пчелах и новой технике. Да, помимо того, что он профессиональный охотник, художник, он еще и пчеловод, и конструктор. Сделал болотоход да такой, что любой инженер позавидует.

Словом, на все руки мастер Федоренко из Тевриза. И мечтатель преогромный. Про таких говорят, что они украшают жизнь не только делами своими, но уже тем, что живут на земле.

IX. ОРГАНИЗАЦИЯ ОХОТЫ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

НА ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Более часа мы сидим и беседуем с Борисом Ивановичем в его кабинете о состоянии и перспективах охотничьего хозяйства Омского Прииртышья. На диктофон записаны на двух кассетах многие факты, цифры, фамилии. А главное - глубокое понимание и суждения прекрасного специалиста, начальника Управления охотхозяйства администрации Омской области. Вот небольшая часть от всего услышанного и записанного, напечатанного в журнале «Природа Прииртышья».

В перерыве между заседаниями межрегиональной Экологической конференции 23-24 октября 1996 г. в здании «Политпросвещения». На переднем плане - В.В. Зензин и Б.И. Мишкин

1. ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

"Край zelo богатый разным зверьем и птицей", - именно так было сказано 400 лет назад о Тарском уезде, занимавшем всю территорию современной Омской области. И наш край действительно богат лесами, реками, озерами и обитающими в них зверями, птицами и рыбами.

То, что происходит в природе Омского Прииртышья, я думаю, характерно для всей территории России. Ситуация складывается по пословице: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". В связи с реформами последних лет, процессы, происходящие в экономике страны, благоприятно влияют на природу.

Повсеместно сократилось производство, и соответственно, почти вдвое, уменьшились выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и сброс сточных вод в водоемы. поголовье крупнорогатого скота с 1991 года в области сократилось на 495 тысяч голов, овец - на 417 тысяч, естественно, уменьшился выпас. Заброшенные поля составляют около 8000 га.

- В сельском хозяйстве обработка гербицидами сократилась в такой пропорции: максимальная площадь обработки в 1985 году составляла 1 млн. 174 тыс. га, а в 1995 году - 500 тыс. га, применение минеральных удобрений сократилось со 160 тонн в год до 6 тыс. тонн, органических удобрений - с 7 млн. тонн до 1,5 млн. тонн в год

По лесному хозяйству: вырубка леса в 1991 году составляла 8480 га в год, в 1995 - 3253 га. До 1985 года десятки тысяч гектаров тайги на севере области обрабатывались бутиловым эфиром с самолета против листовых пород леса. На сегодня в лесном хозяйстве химизации нет.

Наступил благоприятный момент для размножения дичи. Более того, в области запрещена охота на лося, бобра, выдру, барсука, глухаря, серую куропатку. Сегодня вызывает озабоченность и тревогу другое - положение нашей службы. Охрану и государственный охотничий надзор на территории области осуществляет 100 человек. За последние годы в среднем выявляется от 800 до 900 охот-нарушений, конфискуется до 100 ружей в год. До 60% охотнарушений совершены на территории приписных охотничьих хозяйств. Половина нарушителей - члены областного общества охотников. В борьбе же с браконьерством участвует не более 30%.

- Сегодня у охотоведов и егерей - 30 автомашин, 13 мотоциклов "Урал", 70 снегоходов "Буран". Правда, технику приобретаем не всегда новую, да и есть еще егеря, которые обходятся буквально одной лошадиной силой. Тем не менее, должен сказать, в 80-х годах и половины этого не имели.

Теперь о законодательных и нормативных актах, по которым мы работаем. Во-первых, это - Положение об охоте и охотничьем хозяйстве, которое было утверждено постановлением Совмина РСФСР 10 октября 1960 года за N 1548. То есть, документу - уже 36 лет, и он не соответствует современному федеральному закону "О животном мире". В Положении, например, не предусмотрена передача охотугодий в аренду гражданам, а сейчас есть такие люди, которые способны содержать охотничьи хозяйства, нести егерскую службу, принимать охотников, заниматься охраной и воспроизводством диких животных.

Вышел закон "О животном мире", и логическое его продолжение для нас - это закон "Об охоте и охотничьем хозяйстве России", многочисленные проекты которого так и бродят со времен Верховного Совета по законодательным помещениям Федерации. Закон этот необходим в части определения места каждой природоохранной организации в ведении охотничьего хозяйства. Здесь должны быть закреплены Правила охоты на территории России, тогда они будут иметь силу Закона.

Надо сказать, что с уголовными делами сейчас стало работать проще при поддержке природоохранной и областной прокуратур, которые контролируют прохождение каждого уголовного дела на всех этапах и доводят его до логического конца. Это сказалось и на результатах рассмотрения уголовных дел по браконьерству. Так в 1993 году из 5 переданных судам материалов в 3 случаях мы получили отказы, и осужден был 1 человек. В 1994 году - соответственно 9, 5 и 3. А вот в 1995 году передано в суды 13 материалов, прекращено ведение 2 уголовных дел, и осуждено 8 человек.

Слева направо: Б.И. Мишкин, В.В. Зензин и бывший министр юстиции России, доктор юридических наук А.И. Казанник, автор книги «Народная охрана природы Сибири».

- В законодательных актах, ныне действующих, нет четкого понятия - что является крупным ущербом госохотфонду, за нанесение которого браконьеру грозит ответственность по ч.11 ст.166 УК РФ: две это косули или пять, десять минимальных окладов или пятнадцать. Возьмем федеральный закон "Об оружии". В статье 27 говорится об изъятии оружия работниками органов внутренних дел, в том числе за нарушение правил его ношения, хранения и применения. Про работников госохотнадзора нет ни слова, хотя изъятие оружия за нарушение Правил охоты и его конфискации в соответствии со ст. 222 Кодекса РФ об административных правонарушениях, находится только в компетенции органов, осуществляющих государственный охотничий надзор, а не милиции, работники которой при каждом удобном случае, пользуясь пространством содержанием 27-й статьи, забирают оружие у охотнарушителей (в 1995 году - Омский, Таврический, Большереченский, Крутинский и другие РУВД области).

Выполняя служебный долг по охране государственной собственности, наш работник нередко оказывается в экстремальной ситуации, в конфликте с вооруженными людьми, которые могут оказаться преступниками. Осенью 1995 года, при ночном патрулировании охотугодий в Калачинском районе, охотовед М.И. Козлов и егерь Н.Д. Кривогуз задержали и

доставили в райотдел милиции трех подозрительных лиц, занимавшихся разборкой "Жигулей" в лесу. В ходе следствия выяснилось, что задержанные являются не только угонщиками транспорта, но и убийцами владельца указанной выше машины, а кровавый след за ними потянулся дальше, охотовед и егерь были безоружны, но сумели удачно проимитировать наличие пистолетов, владели обстановкой, хотя вооруженное сопротивление было возможно. За задержание опасных преступников Козлов и Кривогуз были поощрены начальником УВД области денежной премией в размере 500 рублей.

Подобные задержания проводились нашими работниками и раньше. Так, егерь госохотзаказника "Баировский" А.С. Земницкий один и без оружия задержал и доставил в милицию дезертира, вооруженного автоматом.

В ряде случаев мы принимаем нормативно-правовые акты на областном уровне: это постановления главы администрации области "О положении об управлении охотничьего хозяйства администрации области", "О закреплении и устройстве охотничьих угодий на территории области". В Законодательное собрание области представлен законопроект "Об административной ответственности за нарушения правил охоты и охраны среды обитания диких охотничьих животных в Омской области". В рамках его избран путь конструирования специальных норм, отличных по своему содержанию от статей 841 и 85 Кодекса об административных правонарушениях (РСФСР), которые являются в данном случае общими нормами. Охотников часто обвиняют, что мы приглашаем иностранных граждан принимать участие в охоте на территории России, усматривая в этом чуть ли не грабеж национального достояния.

Во-первых, наша пушнина никому не нужна, и сам спрос снизил тенденцию истребления. Во-вторых, есть цивилизованный путь поставить заслон вывозу продукции охоты - это таможня. Она-то уж четко знает, что можно вывозить, а чего нельзя.

- На сегодня, к сожалению, разрушена система подготовки кадров охотоведов. Иркутский институт - в плачевном состоянии, буквально потолок рухнул на головы студентов.

Между тем, банальная фраза "Кадры решают все" остается актуальной и сегодня. Нельзя продолжать придерживаться слов Петра 1: "А в леса послать самых никчемных людишек, учредить самое никчемное жалование, ибо будут приворовывать". Мы пытаемся в области решить эту проблему: на базе кооперативного колледжа создать курсы по обучению егерей и лесников.

- Федеральный закон "О животном мире" определил многие позиции в охране и использовании животного мира и среды его обитания. К Закону правительством утвержден план подготовки 12 проектов нормативно-правовых актов, необходимых для его реализации. Пока не имеем ничего. Да и названный в Законе специально уполномоченный государственный орган по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды его обитания пока не существует. Мы считаем, что этот орган должен быть создан на базе нашего парламента. Пока же правительство Российской Федерации установило, что таковыми являются 4 федеральных органа: министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, комитет РФ по рыболовству, федеральная служба лесного хозяйства России. Сильной законодательной базой и усиленной, хорошо оснащенной и технически-вооруженной охраной охотугодий необходимо удерживать человека, чтобы он не пошел в лес громить все, что там движется.

2. С ЛЮБОВЬЮ И ЗАБОТОЙ

Авт. Проездом в Казахстан, на Селиту заехал в Русскую Поляну к охотоведам. Угодья Исилькульского районного общества охотников и рыболовов занимают более 200 тысяч гектаров. Здесь организовано три воспроизводственных участка. Один - для водоплавающей дичи, два - для местных видов животного мира. О проблемах и заботах общества рассказывает его председатель Александр Васильевич Парахуда.

При реализации биотехнических мероприятий в первую очередь отдаем предпочтение тем, которые наиболее подходят к нашим условиям. Так, например, мы полностью отказались от искусственных кормушек, так как они нецелесообразны. Я не помню ни одного случая, чтобы у нас был падеж диких животных от бескормицы. Подкормочные площадки делаем выборочно и только для серых куропаток, после сезона буранов в многоснежные зимы, когда заносит заросли бурьяна и т. п. Привлекать же животных и птиц легким кормом к определенному месту только ради «удовлетворения спортивного интереса», не имея достаточной охраны, небезопасно.

Каждое лето и осень у нас закладывается множество солонцов как для зайцев, так и для копытных. Охотники закладывают их, исходя из наших рекомендаций. Для зайцев - это столбик из куска полиэтиленовой трубы, просверленной множество раз. Какого диаметра найдутся трубы, такой емкости получается и солонец. Не могу судить о положительном эффекте от них, потому как резкого подъема численности зайцев не наблюдается, хотя впоследствии два года их стало заметно больше.

Для копытных мы рекомендуем земляную яму (1x1x0,3м) в которую закладываем сразу до 100 кг соли, перемешивая ее с грунтом, взятым из этой же ямы. При выборе места учитываем все факторы, необходимые для того, чтобы солонцы посещались, а именно: наличие животных в месте закладки, скрытость подхода, близость водопоя и переходов. Звери начинают подходить в основном на следующий год, т. е. после зимы. Численность косули, как и во всей области, у нас заметно возросла.

Порхалища-галечники мы объединили и делаем совместно, используя крупный песок или пескоотсев. И в этом случае главное угадать место, т. е. оно должно быть на солнце, иметь хороший обзор. Располагать их лучше всего на полянах, где проходят весенние тока.

Эффективно смотрятся зимой кормовые поля, которые мы вот уже 4 года высаживаем в середине лета в Селоозерновском воспроизводительном участке на площади 5-8 га, в зависимости от наличия посадочного материала. Высаживаем топинамбур, овес, горох, подсолнечник. Косули охотно посещают поле до весны, собираются до 30 штук одновременно.

Несколько лет подряд мы занимались изготовлением и установкой искусственных гнезд. За 4 года установили их около трех тысяч.

У нас в районе всего 30 озер, основные из них расположены в Камышловском Логу, поэтому почти все они соленые. И самое неприятное, что часть их постоянно находится в полувысохшем состоянии. Это относится к озерам Половинное (уже 15 лет уровень здесь или минимальный, или оно бывает полностью сухое), Старолосевское, Каменное. Для поддержания благоприятного режима высадили 4 года назад несколько однорядных лесозащитных полос на берегах Половинного и Большого Первотаровского, к сожалению, засуха свела почти на нет наши усилия.

Для увеличения водопокрытых площадей силами охотников-механизаторов отсыпано 5 земляных дамб. В результате образовалось несколько приличных прудов. В двух случаях дамбы подняли уровень естественных озер. В этом году для лисиц, корсаков и барсуков мы в целях эксперимента насыпали и натромбовали несколько бугров, где в дальнейшем они будут рыть норы. Все вышеперечисленные работы требуют больших затрат и привлечения мощной специальной техники, и, естественно, если бы не энтузиазм охотников, нам бы

никогда не осилить больших капиталовложений. Очень ответственно, с желанием работают охотники села Водяное (председатель общества В.Д. Казимир). Это их стараниями стали два пруда в пойме озер Кривое и Соленое, где сейчас на открытие охоты собирается охотников даже больше, чем пруды могут вместить. Охотники села Новорождественка во главе с управляющим А.Н. Пузыревым также принимают самое активное участие в земляных работах. Быть может, это пережиток социализма, но вопросы с техникой решаются охотниками самостоятельно, без дотаций со стороны районного общества.

Несколько лет подряд охотколлектив 12-го хутора высаживает своими силами и средствами кормовое поле в кордоне № 1 (председатель В.Ф. Ковалев).

Есть у нас фермер-патриот, тоже заядлый охотник К.С. Гаценко. Так он начал с того, что за кровные заработанные в прошлом сезоне рубли облагородил озеро, посадил вокруг него лесозащитные полосы, провел обваловку. Оно не его озеро, но он возле него родился и вырос и хочется ему, чтобы было все вокруг красиво. Но Константин Семенович пока единственный из новой волны собственников, не жалеющих средств на природу.

За время, которое я проработал, ну, скажем так, в профессиональной охоте, ведь для меня она стала профессией, т.е. источником существования, я сделал несколько профессиональных выводов.

Первый. В жизнь природы вмешиваться можно, даже иногда необходимо (например, высаживание лесополос и т. п.), но не нужно считать биотехнику панацеей от всех бед.

Второй. Главное в охотничьем хозяйстве - правильная охрана угодий и не только от браконьеров, хотя с последними бороться становится все труднее, потому что браконьер стал моторизованным, расстояние в 100-300 и более километров - не проблема для хорошей техники, в моде ночные налеты, бездорожье, "когда, используя мощную вездеходную технику, забираются в самые отдаленные, слабо охраняемые места. Попробуй, управься со всем разнообразием мощной техники без достаточного количества бензина, на изношенной, постоянно требующей ремонта технике.

3. «НУ, МЕДВЕДЬ, ПОГОДИ!»

Авт. Мне нравятся короткие охотничьи байки Михаила Белозёрова, и я часто печатал их в своих журналах.

Не тяжелее рюкзак и у охотников Тевризского госпромхоза, примысляющих за Черным Мысом у самой тюменской границы. Но у них к этой объективной «небезухе» добивалась и чисто субъективная - за последние годы нынче впервые в угодьях медведь-шатун объявился.

Ну, это тот самый медведь, который жиру на зиму не скопил по разным причинам: может, ранен был, и вопрос в буквальном смысле стоял, как в той поговорке, - «Не до жиру - быть бы живу». А может, как та стрекоза, что «лето красное пропела», да даже для здорового и старательного зверя год по части пропитания был ни дать ни взять - високосный, бедный.

В общем, без провианта остался на зиму косолапый хозяин тайги, а в берлоге сосать лапу без внутренних запасов он не дурак. Вот и шатается по тайге вдоль и поперек - голодный, злой и опасный.

Речь не столько о том, что капкан с добычей опустошит, а как бы самим охотникам ни «загрянуть под фанфары» от нечаянной встречи с разъяренным зверем.

А то, что с шатуном шутки плохи, он уже показал тевризским охотникам на практике, раскатал по бревнышку две охотничьи избушки, уничтожив все съестное, припасенное промысловиками на зиму, не исключая и банки с мясными консервами.

Охотники, конечно, встревожены и вырабатывают варианты операции «Ну, шатун, погоди!»

*Михаил БЕЛОЗЕРОВ,
Усть-Ишим-Тевриз, декабрь 1994г.*

1. ПО ЧЕРНОТРОПУ - СКВОЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БУРЕЛОМ
(В.Кирин, председатель правления областного общества)

Авт. Виктор Андреевич всегда охотно сотрудничал в газетах и журналах. Писал отменно.

Перемены, происходящие сегодня в стране, конечно же, сказываются и на деятельности всех общественных организаций.

Чем живет сейчас наше областное общество охотников и рыболовов? Тем, что ежедневно борется за выживание: пытаемся справиться с обрушившимися налогами, ищем способы финансовой подпитки намеченных программ, постоянно перекраиваем силы, имеющиеся ресурсы, чтобы успеть заткнуть брешь. А главное, естественно, - все это сводим к тому, чтобы как можно полнее удовлетворить нужды охотников и рыболовов, сохранять и приумножать природные ресурсы.

Прежде всего, не прекращаем заниматься производственной деятельностью. Кто-то, вероятно, скажет: какая там деятельность, ну что может общественная организация? Да многое. Это, например, развитие сети собственных мастерских, промыслов, производство продуктов питания, причем экологически чистых, сбор даров природы и многое другое.

Экономическая ситуация заставляет заниматься и коммерческой деятельностью. В частности, стали сдавать 8 аренду свои помещения в городе и районах области, пытаемся расширять сеть услуг для своих и иностранных любителей спортивной охоты. Безусловно, ни в коем случае не во вред природе.

Теперь нередко приходится отказываться оттого, что еще вчера казалось полезным и эффективным. Например, ликвидировали объединение охотничье-рыболовных хозяйств, входившее прежде в состав общества. Сократили и часть самих хозяйств, имевших самостоятельный баланс. Это позволило сконцентрировать финансы, разумнее использовать их. Скажем, в результате таких реформ отпала нужда платить за банковские операции для тех наших организаций, которые имели собственные счета, ликвидировали должности бухгалтеров, кассиров райохотобществ и т.д. Все это дало сотни тысяч рублей экономии в год.

Вот основные цифры хозяйственной деятельности областного общества за 1993 год:

1. Взносы - 23,2 млн. руб. - 12%;
2. Реализация путевок - 33,6 млн. руб. - 18%;
3. Продажа пушнины - 11,8 млн. руб. - 6%;
4. Услуги мастерских - 18,8 млн. руб. - 10%;
5. Доход от торговли - 59,7 млн. руб. - 31%.

Всего доход - 193,5 млн. руб.

Расходы составили - 137,7 млн. руб.

Перечислено в бюджет - 77 млн. руб.

Не забывали мы и о своего рода компенсации охотникам. К примеру, нынче каждый мог купить путевку не в районном охотобществе, куда собирался выезжать, а прямо у нас. Это существенно поубавило людям хлопот. К тому же льготникам-ветеранам войны, инвалидам и другим - было разрешено охотиться вообще без путевок. Опять же сумели по прямым связям получить достаточное количество боеприпасов. Гораздо меньше, чем в других областях, установили стоимость вступительного, членского взносов - на многие тысячи рублей.

Конечно, самый оптимальный вариант - совсем не поднимать ее, но это просто невозможно.

Факт есть факт - рубль постоянно обесценивается, и мы вынуждены в результате этого предпринимать конкретные шаги. Иначе, попросту говоря, вылетим в трубу. Одни только налоги буквально выкручивают руки. Их система сегодня такова, что пятьдесят процентов всех поступлений уплывают в госбюджет. Из остальной части солидный процент уходит на оплату несоизмеримо вздорожавших коммунальных услуг. А ведь еще надо думать о главном - ведении охотничьего хозяйства: охранять угодья, покупать соль-лизунец для диких животных, бензин, транспорт, проводить биотехнические мероприятия, содержать дома охотника.

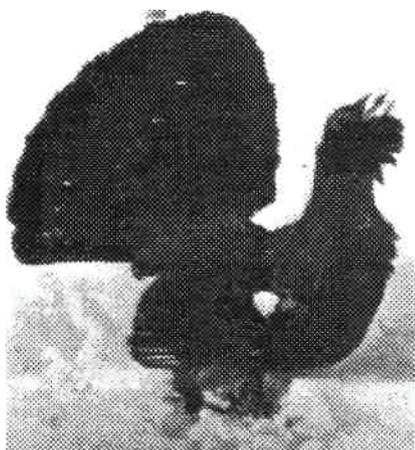

По-прежнему удается в большой мере решать и такую важную проблему, как борьба с браконьерством. Правда, честно скажу, делать это становится все труднее и труднее. Скачок цен на мясо, пушнину «стимулирует» активность врагов природы. И тут нет альтернативы, нужно более полное взаимодействие всех, кто по долгу службы призван охранять живой мир. Я имею в виду сотрудничество облохотобщества, облкомприроды, управления охотничьего хозяйства, УВД. В последнее время здесь во многом удалось продвинуться вперед. Например, очень тесные контакты установились у нас с органами милиции. Результатом стало формирование отряда экологической милиции, активное содействие обществу со стороны дивизиона патрульной службы области, начальников райотделов. Даже во вновь созданном Азовском национальном районе райотдел уже успел организовать ряд «эффективных ночных выездов по пресечению так называемого «фарного» и других видов браконьерства.

Словом, стремимся сегодня делать то, что необходимо именно в нынешней обстановке - и экономической, и социальной. При этом очень ждем новых российских законов об охоте, которые, надеемся, позволят продуктивнее вести охотхозяйство, облегчат существование обществ, а значит, и помогут в решении проблем каждого охотника.

Х. РАЙОННЫЕ ОБЩЕСТВА ОХОТНИКОВ

СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ

ТАРСКИЙ РАЙОН Тарское общество охотников и рыболовов я принял в 1979 г. Охотугодий - 84 000 га. Охотников и рыболовов - 1800. С помощью Омского областного общества охотников начали создавать Бобровское хозяйство. Подготовили вольер и завезли в 1982 г. из Подмосквья 43 диких кабана. В вольере держали и подкармливали кабанов в течение шести месяцев, после чего выпустили в угодье, где подготовили кормушки. В это же время построили загон (вольер) для диких маралов, которых завезли с Горного Алтая в количестве 36 голов и содержали в вольере два года. В 1985 г. их выпустили в угодье.

В 1984 г. из Калининградской области завезли в хозяйство 30 бобров и расселили их на реке Уй и ее притоках. Бобры успешно размножаются, и ежегодно частично ведется их промысел. Дикий кабан размножился и расселился по всей Омской области. Промысел ведется по лицензиям.

Маралы в основном живут в границах Бобровского хозяйства, посещают подкормочные площадки и солонцы, ежегодно дают 15-16 голов приплода, но такое же количество и теряется: исчезают, уходят в другие районы, гибнут от хищников, человека.

Стабильная численность ежегодно до 40 голов. В 1986 г. с Урала также завезли глухарей в количестве 35 особей и выпустили в леса.

В хозяйстве ежегодно ведутся охрана и подкормка диких животных, засеваются подкормочные поляны в лесу, заготавливаются сено, овес и другие корма. В первые 3-4 года волки не трогали кабанов и маралов, а с 1987 г. начали давить сеголеток кабана во время высокого снежного покрова.

В настоящее тяжелое финансовое время областное общество охотников и рыболовов поддерживает материально наше Бобровское хозяйство.

*И.А. ЛАЙКОВ,
председатель Тарского районного общества (сентябрь 1995 г.)*

Авт. Материалы подготовлены для журнала « Охота в Прииртышье ».

1. ТЕВРИЗСКИЙ РАЙОН

На сегодняшний день на учете состоит 870 членов общества охотников и рыболовов, а первичных охотничьих коллективов создано 23. Лучший среди них - Петровский. Все охотугодья, как правило, находятся в пойме Иртыша.

Постоянно работает рейдовая бригада по охране птиц и зверей от браконьеров. Так, 30 марта был задержан нарушитель с убитой рысью. Он оштрафован, а ружье конфисковано. Тевризское РОВД постоянно выделяет сотрудников в рейды, чаще других им бывает Семенов О.Г., составлено 16 протоколов нарушений. Совместно с охотоведом Яценко А.В. проведено 20 рейдов.

Нужно выделить руководителей АО "Журавлиное", которые постоянно выделяют технику и сами принимают участие в рейдах.

В районе каждый год выдаются лицензии на отстрел лосей, главные усилия сосредотачиваем в своей работе на биотехнических мероприятиях, делаем солонцы, порхалища, а также подрубку тальника и осины для зайцев.

Наш край богат птицей и зверем, а потому приглашаем на охоту всех желающих. Будем вам рады.

*Ю. А. ОДИНЦОВ, председатель Тевризского РООиР (октябрь 1995 г.).
Для журнала «Охота» записал В. Зензин*

ЛЕСОСТЕПЬ

4. САРГАТСКИЙ РАЙОН расположен в лесостепной средней зоне. Общая площадь 3727 кв. км. Районный центр находится в 100 км севернее г.Омска.Площадь охотугодий в райоохотбществе составляет 200 тыс. га.

Первичных охотколлективов - 19. Членов охотобщества - 3381.

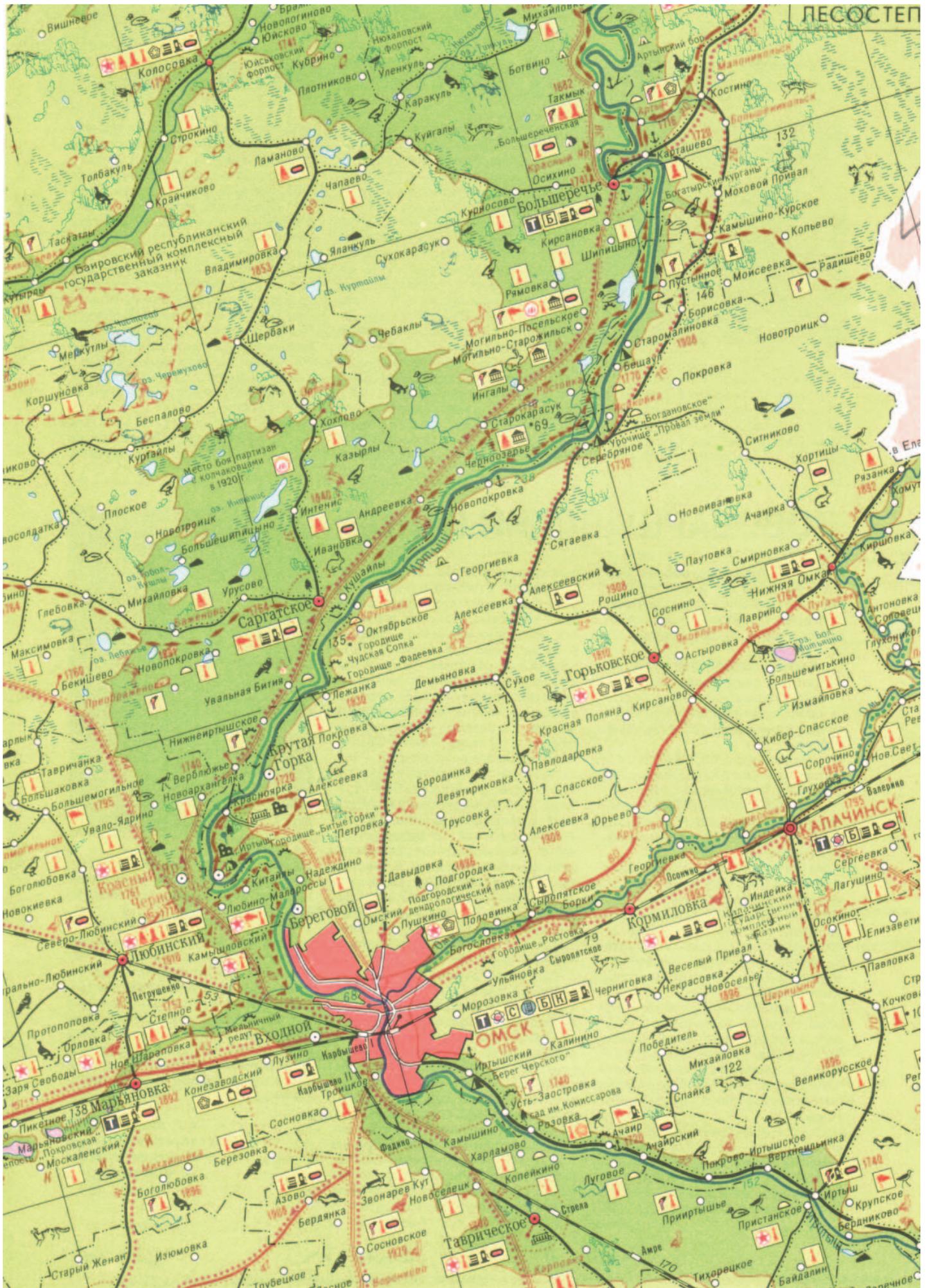
У нас находятся 10 охотколлективов городских, таких крупных предприятий, как заводы СК, 'Нефтеоргсинтез", им. Попова, Транспортного машиностроения, "Омскшина", "Омскмебель", "Прогресс". На всех охотучастках имеются охотбазы для приема как охотников-рыболовов, так и отдыхающих, хороший лодочный парк, пирсы. На территории охотобщества водятся лоси, косули, заходят кабаны, лисы, зайцы, боровая дичь. В связи с большим количеством водоемов очень много водоплавающей дичи, и охота на нее получается неплохая. Имеются хорошие перелеты между водоемами, где можно поохотиться на сухом месте. В большинстве водоемов есть карась. Особенно хорошая рыбалка на удочку на водоеме Тобол-Кушлы охотугодья Б. Шипицинское, где хорошо прижился амурский карась. А на Кандерлинском и Андреевском охотучастках ежегодно запускают мальков карпа, который к осени вырастает до 500-600 граммов. При всех перечисленных проводимых мероприятиях это позволяет членам охотобщества проводить свои отпуска на охотбазах семьями, ловить рыбу, собирать грибы, ягоды, общаться природой.

А.И. ИСАЕВ, председатель районного общества (сентябрь 1995 г.)

5. БЕЗ ПРАВА НА СПОКОЙСТВИЕ (Нодар Бакурадзе)

Первое и, уверен, самое главное: сумели бы мы сохранить свои угодья, если бы не прилагали для этого определенных усилий? Порой даже и огромных усилий? Нет, конечно, не сумели, просто бы не смогли. Цивилизация, механизация, химизация, мелиорация и еще множество всевозможных "выдуманизаций" не просто сапогами, а железными колесами и стальными гусеницами тракторов и прочей техники наступали на всю окружающую среду. Во всю мощь своей исполинской техники вступает в дело мелиорация. В нашем охотрыбохозяйстве в настоящее время числится две тысячи шестьсот двадцать четыре человека только одних большепеченцев. Около тысячи человек, закрепленные по охотбазам, - горожане. Да плюс к этому около трех тысяч человек из города и из других районов области берут путевки на охотничий сезон в наши угодья. Все эти люди вносят определенный вклад в улучшение наших охотничьих угодий. Улучшаются подъезды и подходы к водоемам, принимаются меры к накоплению и задержанию паводковых вод, а также доступ свежей воды из Иртыша в близлежащие водоемы. Для лося и косули это совершенно необходимо, поэтому и заполняются регулярно кормушки в угорьях Батаково, Имберени, Красного Яра, Шипицино и в других местах обитания этих животных. В весенне-летний период ведется интенсивная работа по воспроизводству птиц, зверя, рыбы. Места гнездования птиц тщательно охраняются, а такие водоемы, как Батаково, Имберень, Камырчак, Кривое, Красноярские разливы и все Чепляровские водоемы уже давно стали местами нереста рыбы. Из этих водоемов осенью мы выпускаем в Иртыш многие и многие миллионы малька. Для обновления рыбных запасов озер, находящихся вдали от Иртыша, ежегодно запускаем молодь карпа, толстолобика, амурского карася, пеляди. Охотхозяйство занимается и расселением ондатры по пригодным для ее выживания водоемам. В наших угодьях находятся шесть охотбаз, где можно отдохнуть хоть зимой, хоть летом, ибо вам предоставят и чистые постельные принадлежности, и газовую плиту, и посуду для приготовления пищи, а на некоторых базах можно и в баньке попариться и бильярдные шарики погонять. Должен сказать, что наше охотрыбохозяйство создано не только для охотников и рыболовов, но и для всех жителей района. Ведь ежегодно рыбаки нашего общества сдают в торговую сеть восемь, а то и десять тонн свежей рыбы, которая продается жителям райцентра и окрестных деревень по доступной цене. Да и пушнина, сданная охотниками, реализуется через магазины местным жителям опять же цене ниже государственной. Ну, а охотники, сдающие пушнину, тоже убытка не несут. За зимний сезон 1994 г., например, наши охотники получили два миллиона шестьсот тысяч рублей. Ну и последнее, на чем я хочу остановиться. Ежегодно у нас проводится выставка охотничьих собак, награждаются призами и ценными подарками владельцы настоящих, чистопородных собак. Также ежегодно проводятся соревнования по спортивной подледной ловле рыбы. И здесь не обходится без призов и подарков, и даже те, кому не повезло, кто не сумел поймать ни одной рыбки, все равно получают так называемый "утешительный приз". От всей души желаю удачи всем охотникам и рыболовам в их непростом деле, ибо это дело является значительной составной частью их жизни.

7. ТАВРИЧЕСКИЙ РАЙОН

Районное общество охотников и рыболовов насчитывает 612 человек. Председателем правления с февраля 1986 г. работает Ситник Николай Иванович, большой любитель природы и хороший организатор. Территория охотугодий - 85 тыс. га, в том числе: леса-3040 га и болота - 1235 га. Особенно красивы охотничьи места в пойме Иртыша, на их разливах. В охотугодьях много водоплавающей дичи, и в последние годы гнездится гусь. Наблюдаются отдельные выводки лебедей. Есть боровая дичь: куропатка, тетерев, рябчик. Много зайцев и красных лис. А его величество - лось появился у нас в 1974 г., когда в соседних лесах встретили лосиху с лосенком. А в 1978 г. один лось зашел даже во фруктовый сад плодосовхоза и прилег отдохнуть, где его и обнаружил бывший директор Б.Г. Шалых. Увидев красавца исполина, директор быстро съездил за своим семейством, и те долго любовались мирным зверем. Очень часто на полях встречается косуля, иногда стайками по 8-12 голов. Когда-то ее было намного больше, но разрешили лицензионный отстрел, и основную массу выбили. Есть в охотугодьях барсук, горноста́й, ласка, на озерах ондатра. Большой вред гнездованию и потомству наносят весенние пожары, выпас скота возле озер, болот. А особенно губительны ядохимикаты при обработке полей - здесь уж гибнет все живое. А вообще-то кормовая база для птиц и зверей у нас хорошая, на зиму охотуправление организует и подкормку, проводятся биотехнические, восстановительные мероприятия. Так что наши охотугодья не становятся беднее даже в такое трудное время для страны. Омичам и всем приезжающим к нам в район мы предоставим хорошие возможности поохотиться и отдохнуть на лоне природы.

Н.МИЛЮТИН, почетный член общества охотников (сентябрь 1995 г.)

8. НОВОВАРШАВСКИЙ РАЙОН

В Нововаршавском районе, расположенном на юге нашей области, находится районное общество охотников и рыболовов. На территории, закрепленной за обществом, три охотхозяйства:

- Богдановское, площадь. 94 тыс. га, находится в центре районе;

- Новоивановское, площадь 11 тыс. га, расположено в пойменной части, находится на границе с Таврическим районом;

- Южное, площадь. 13,7 тыс. га, расположено также в пойменной части, граничит с Республикой Казахстан.

Имеется также воспроизводственный участок площ. 9147 га. Кроме этого, на территории района имеется заказник площ. 45 тыс.га.

На учете в районном охотобществе состоит 670 человек, из них охотников 460, рыбаков 210 человек. Все члены охотобщества объединены в 13 охотколлективов, за каждым закреплена определенная территория хозяйства, за которую данный коллектив отвечает по вопросам охраны и биотехнии.

Так как район находится в степной зоне, основная территория охотхозяйств представляет собой равнину с небольшими гривами 3-6 метров высотой с малозаметными мягкими переходами. Более 90 % площади в охотхозяйствах занято под сельхозугодья.

Основной вид охоты на водоплавающую дичь осенью и весной, а зимой на лисицу, зайца, хоря, корсака, колонка. Охота на белую и серую куропаток в связи с низкой численностью закрыта. Площадь озер, расположенных в степи, непостоянна, все зависит от климата и дождей, в иные годы некоторые озера пересыхают полностью, что неблагоприятно сказывается на жизни птиц и зверей. В то же время в пойменной части происходит обратное: из-за большой воды и длительного разлива задерживаются сроки кладок и вывода птенцов у многих водоплавающих, что так же создает определенные трудности в первые дни открытия летне-осеннего сезона охоты.

На территории Новоивановского и Южного охотхозяйств имеются охотбазы, на которых охотники и рыбаки могут отдыхать как во время охотничьего сезона, так и в любое другое время. Новоивановское охотхозяйство арендует завод им. Баранова, за свой счет содержит

рабочих и егерей, ведет строительство и благоустройство. Охотхозяйство Южное арендует Омский облгаз, где также имеется егеря, который отвечает за ведение хозяйства.

Вопросами охраны и биотехники в охотхозяйствах в основном занимаются егеря. Большую помощь в этих вопросах им оказывают Нововаршавское районное общество охотников и рыболовов (председатель Алексенко А.Г.) и районный охотовед Руденко В.И. Также большую помощь в вопросах охраны оказывает Нововаршавское РОВД. Основной вид браконьерства в районе - стрельба из-под фар в осеннее время и добыча ондатры различными способами, такими как стрельба из ружей, постановка капканов и сетей. В зимнее время хатки ондатры разрушаются варварским способом, а также осуществляется лов рыбы в закрытые сроки и запрещенным количеством снастей.

Только за 1994 год за вышеперечисленные нарушения районным охотобществом, районным охотоведом, егерями охотхозяйств составлено на нарушителей правил охоты и рыболовства 61 протокол, изъято 4 ствола оружия, более 100 капкан, 120 сетей. В связи с этим хотелось бы отметить, что основной процент нарушителей составляют приезжие охотники и рыбаки из г. Омска и районов области.

*А.Г. АЛЕКСЕНКО, председатель правления
Нововаршавского охотобщества (ноябрь 1995 г.)*

10. ОХОТУГОДЬЯ ОРОО «ОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВО ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ»

В настоящее время (на 01.12.2009 года) общая площадь закрепленных охотугодий ОРОО «Омское областное общество охотников и рыболовов» по всем типам угодий составляет 2413678 га (в том числе 640196 га охотугодия Тюкалинского, Большереченского, Крутинского райоохотобществ, являющимися самостоятельными юридическими лицами). При этом до 12 % площади территории охотхозяйств занимают воспроизводственные участки - особо охраняемые территории охотхозяйств для воспроизводства диких животных, где охота запрещена (за исключением необходимости регулирования численности некоторых животных штатными работниками общества - лисица красная – бешенство, серая ворона, и мониторинговых исследований).

На территории закрепленных за облохотобществом охотугодий присутствуют все их типы – лес, поле, болото, водная поверхность.

Охотхозяйства облохотобщества находятся в 28 районах области, за исключением Большеуковского района на северо-западе области, и Русско-Полянского района - на юго-востоке. Включают в себя территории степной, лесостепной зоны на юге и в средней части Омской области, лесной зоны на севере области.

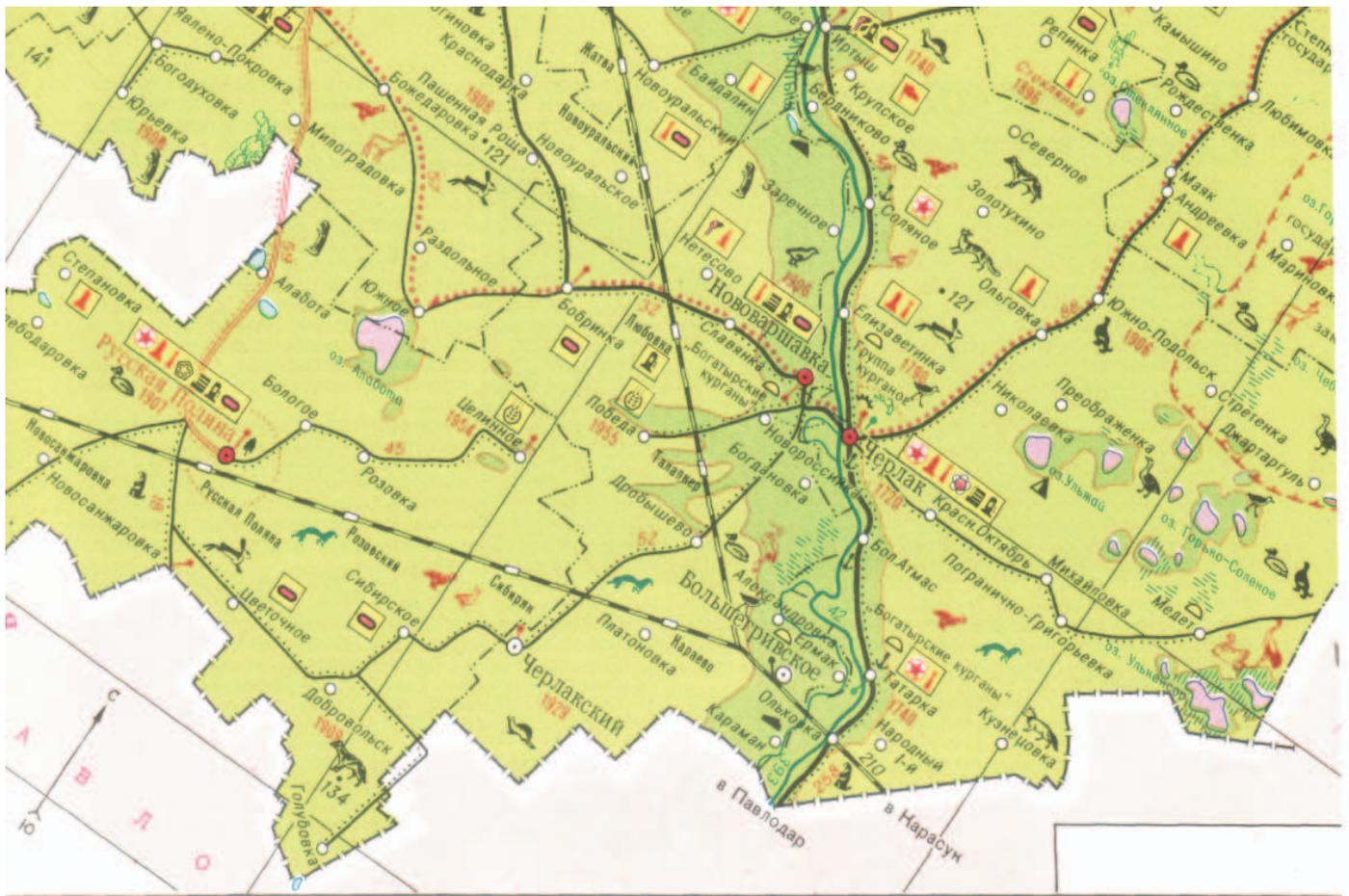
Животный мир разнообразен и включает в себя представителей животного мира, как степной зоны, так и леса.

На территории охотхозяйств встречаются такие виды охотничьих животных, как: белка, волк, горноста́й, заяц-беляк, заяц-русак, кабан, колонок, куница, норка, соболь, хорь, россомаха, рысь, лисица-красная, корсак, косуля сибирская, лось, марал, бобр, ондатра, тетерев, глухарь, рябчик, белая и серая куропатки и другие. На этой территории обитают некоторые краснокнижные виды животных - птицы, млекопитающие, растения, насекомые.

На 01.01.2009 года в облохотобществе состояло на учете 25037 членов общества, работало в обществе 189 человек, в том числе 67 егерей, 4 оховеда, 30 председателей правлений райоохотобществ, имелось 115 общественных егерей.

Облохотобществом постоянно выполняется большая работа по созданию кормовых полей, кормушек, солонцов порхалищ, ведется заготовка и выкладка кормов для диких животных, в охотхозяйствах для этих целей создано 1440 стационарных кормушек, ведется охрана охотугодий.

В облохотобществе для увеличения численности охотничьих животных, таких как марал, кабан, глухарь и другие имеется в Тарском охотхозяйство-репродуктор «Бобровская дача».

ОМСК

Центр области

КАЛАЧИНСК

Города

Большеречье

Поселни городского типа

Одесское
 Белосток

Населенные пункты сельского типа

Центр области и центры районов выделены красной заливкой

48
Сибиряк

Железные дороги, станции, разъезды, остановочные пункты и их названия, тарифные расстояния в километрах

145

Дороги с постоянным автобусным сообщением и расстояния в километрах

152

Порты, пристани, расстояния между крупными портами и пристанями в километрах

Границы заказников

Областной совет по туризму и экскурсиям

Туристские базы

Гостиница „Турист“

Туристский приют

Бюро путешествий и экскурсий

Туристские клубы

Гостиницы

Автозаправочные станции

Спортивные сооружения

Охотничьи базы

МЕСТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

З В Е Р И

- Лось
- Косуля
- Северный олень
- Волк
- Лисица красная
- Корсак
- Медведь
- Рысь
- Барсук
- Куница

- Росомаха
- Соболь
- Горностай
- Норка
- Колонок
- Хорь
- Выдра
- Кидус
- Ласка
- Заяц-беляк
- Заяц-русак

- Сурок
 - Ондатра
 - Белка
 - Суслик
 - Бобр
 - Бурундук
- П Т И Ц Ы**
- Кулик
 - Рябчик
 - Перепел
 - Тетерев

- Белая куропатка
- Серая куропатка
- Утка
- Серый гусь
- Лебедь
- Краснозобая казарка
- Журавль
- Цапля
- Глухарь
- Голубь дикий

Комплексное охотхозяйство «Бобровская дача» было создано в 1982 году на территории Мартышевского сельского Совета Тарского района Омской области в границах Бобровского участка Васисского лесхоза.

В момент создания территория охотхозяйства составляла 13 тыс. га смешанного леса, в котором обитали: лось, бобр, белка, заяц, куница, соболь, норка, а из бобровой дичи - глухарь и рябчик.

В целях повышения продуктивности охотугодий в 1982 году был проведен ряд охотничьих, хозяйственных и биотехнических мероприятий. Были устроены подкормочные площадки, кормушки, солонцы.

Учитывая благоприятные природные условия и возможность наиболее полного использования кормовой базы леса, в хозяйство, по рекомендации и разрешению Главохоты РСФСР в 1982 – 1983 годах был осуществлен выпуск 77 голов диких кабанов, которые не нарушали биоценоза местной фауны диких животных. Акклиматизация прошла успешно.

Планировалось, с учетом расселения кабана по территории Омской области, доведение общей численности кабана на территории Бобровской дачи до 500 - 600 голов с последующим расселением по территории Омской области.

В 1986 году, с целью расширения воспроизводства диких животных, более рационального проведения биотехнических и охотхозяйственных мероприятий, хозяйство было преобразовано в специализированное охотничье хозяйство «Бобровская дача».

С момента создания хозяйства проведена большая работа по акклиматизации и реакклиматизации диких зверей и птиц. Было проведено расселение зайца-беляка, марала, бобра, глухаря, кабана. Хозяйство стало оптимальным репродуктором для естественного распространения этих видов животных.

В настоящее время спецохотхозяйство «Бобровская дача» имеет общую площадь 39,8 тыс. га, в том числе: полей - 8997 га; лесов – 30 104 га; болот – 5 474 га; акватории - 234 га.

ГРАНИЦЫ ОХОТХОЗЯЙСТВА

Северная: от неж. с. Казаевка, вдоль границы кварталов, исключая квартала №№ 295, 283, 284, 285, включая квартала №№ 41, 42, 43, 44, 45, 46 и далее по прямой до неж. с. Егоровка.

Восточная: далее, исключая неж. с. Егоровка, вдоль границы кварталов, включая квартала №№ 53, 58, 67, 92, 107, 110, 111, 112 до границы Седельниковского района, далее вдоль границы Седельниковского района до р. Уй, далее по прямой до неж. с. Лифляндка.

Южная: от неж. с. Лифляндка по прямой до неж. с. Ермаковка, исключая его, далее по прямой до границы кварталов №№ 61, 62, далее включая квартала №№ 61, 62, до границы СПК «Ермаковское» и далее вдоль границы СПК «Ермаковское» до р. Уй до с. Крапивка.

Западная: от с. Крапивка, исключая его, вдоль ручья Крапивка до полевой дороги и далее вдоль полевой дороги до неж. с. Казаевка

На территории охотхозяйства имеется воспроизводственный участок, площадью 7365 га для воспроизводства диких животных.

Последние вселения кабана на территорию охотхозяйства «Бобровская дача» было осуществлены в 2004-2005 годах при соблюдении всех ветеринарных, санитарных и карантинных норм с территории Смоленской области и Называевского тайона Омской области

На территории охотхозяйства для подкормки животных в зимний период постоянно проводятся биотехнические мероприятия по созданию кормовых мест, обустройству

стационарных кормушек, заготавливаются корма, кормосмеси и т.д. Так в 2008 году только для подкормки кабана организовано 6 стационарных кормушек, 3 подкормочные площадки, заготовлено 60 центнеров сена, 10 тонн зерна, 2 тонны корнеплодов.

В настоящее время по данным охотучета и на основании наблюдений за кабаном на кормовых площадках на территории спецохотхозяйства «Бобровская дача» находится порядка 126 особей дикого кабана, 82 марала.

Облохотобщество для сохранения и роста популяции дикого кабана и марала с целью дальнейшего его вольного расселения по территории Омской области на территории охотхозяйства имеет воспроизводственный участок площадью 8805 га, где созданы наиболее благоприятные условия для содержания маточного поголовья дикого кабана и марала и сохранения их молодняка.

В обществе развивается направление охотничьего собаководства, позволяющего сохранять и развивать рабочие качества многих пород охотничьих собак, например, лаек западно-сибирских.

*В.К. САЯПИН, начальник отдела охоты
ОРОО «Омское областное общество охотников и рыболовов»*

11. ВЕСЕННЯЯ ОХОТА НА СЕЛЕЗНЯ (Рассказ охотоведа)

Без преувеличения с приходом в наши края весны оживает и оттаивает вместе с природой и душа человека. Весело манит далекая синева неба, приятно греют солнечные лучи, и с радостью мы слышим звонкие птичьи трели.

Неплохо в это время года забыть о житейских трудностях, делах производственных и вдохнуть полной грудью свежий, пьянящий аромат весеннего леса. Не правда ли, не нужны нам уныние и тоска, ведь открывается одна из увлекательнейших и красивейших охот - охота на селезня. Наиболее впечатляющая охота на селезня с подсадной уткой. Позволю себе заметить, что результат этой охоты полностью зависит от качества подготовки к ней. Так, всех подсадных уток дважды нужно проверить на их рабочее качество. Для этого каждую птицу высаживают на утренней или вечерней заре и примерно по часу прослушивают, как она "манит".

Особенности ее работы лучше записать в специальную тетрадь наблюдений, не забыв при этом указать и номер кольца на лапке. Отобранных таким образом лучших птиц необходимо посадить в специальную вольеру. В ней обязательно должен быть небольшой водоем, где утки могли бы плавать, иначе во время охоты подсадные, содержащиеся без водоема, будут намочить и могут утонуть.

Кроме того, следует исключить попадания в вольеру с подсадными утками диких перелетных селезней. Заранее также должны быть изготовлены садки для уток, ногавки, кольца с кружком на конце, на котором будет отдыхать утка во время охоты.

Для устройства шалашей лучше всего выбрать укромные, закрытые со стороны берега и с хорошим обзором плеса места. Надо учесть и господствующие ветра.

Подсадную сажают в тихом месте. Шалаш устанавливают на урезе воды, в 12-15 метрах перед ним втыкают кольца с кружками для

подсадных. Не следует забывать, что весна приносит неожиданные сюрпризы, например, может резко измениться уровень воды в водоеме. В результате охотник может обнаружить свой шалаш далеко от берега или затопленным. Поэтому лучше изготавливать переносной шалаш из прутьев на деревянной раме. Маскируют его на месте подсобным материалом (сеном, ветками или сухим камышом), а сверху накрывают куском старой рыболовной сети, чтобы маскировку не сносило ветром. Такой шалаш легко перенести на новое место вдвоем.

К месту охоты лучше всего приходиться перед утренней или вечерней зарей с двумя подсадными в садке. Если первая подсадная по какой-либо причине не работает в течение часа, ее меняют. Следует помнить также, что нельзя стрелять по селезню, севшему очень близко к подсадной или на одной с ней линии выстрела. Забыв об этом, можно убить подсадную утку и испортить себе удовольствие, сорвать охоту. Если подсаживается пара, стрелять надо так, чтобы не задеть самок.

Несмотря на то, что весенняя охота, как правило, индивидуальна, необходимо неукоснительно соблюдать технику безопасности. Кроме выполнения общих правил, на весенней охоте категорически запрещается заряжать ружье до прибытия на место охоты.

За последнее время в нашем районе увеличились популяции тетеревов и рябчиков. Однако их численность еще не достаточна чтобы можно было вести и отстрел. Именно поэтому в целях дальнейшего увеличения их численности охота на них в период весеннего токования запрещена. И это должно быть понятно всем, ведь охота - это изъятие излишков данного вида для поддержания биологического равновесия, но ни коем случае не уничтожение полностью каких-либо видов птиц или животных.

Отправляясь на охоту, не забудьте свой охотничий билет с отметкой об уплате государственной пошлины членских взносов и о сдаче испытаний по охотничьему минимуму, путевку и документы, подтверждающие право на ношение оружия.

Тщательная подготовка к охоте во многом определили ее успех.

Авт. Этот разговор состоялся у меня с В. Усмановым, охотоведом Колосовского района, а я родом из Старосолдатки, что расположена рядом. Конец его рассказа я дополнил своими воспоминаниями, как в детстве в деревне мы с другом брали на охоту по несколько подсадных сразу. Очень голосистых. Скрадки делали неподалёку друг от друга и подсадные с большим азартом перекликались между собой.

XI. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕШАТЬ СООБЩА

1. ОХОТА, ОХРАНА, ПРОБЛЕМЫ

Авт. А эта запись, сделанная мной, содержит основные выдержки из выступления Б.И. Мишкина на совместном заседании охотоведов, членов коллегии Госкомэкологии и представителей природоохранной прокуратуры Омской области.

«В 16 веке Сибирь была главным источником поступления дорогих мехов в царскую казну. Ежегодно она поставляла в среднем по 200 тыс. шкурок соболей, 10 тыс. черных лисиц и 500 тыс. белок. В 17 веке пушнина, поступающая из Сибири, составляла почти треть государственного бюджета.

Теперь же охотничье хозяйство России переживает не лучшие времена и находится в кризисном состоянии. В 90-х гг. деградировала сеть промысловой охоты и клеточного звероводства потребкооперации, почти полностью разрушена хозяйственная структура

отрасли, в упадок пришли госпромхозы, деформирована система заготовок охотничьей продукции. Часто приходится на всех уровнях отстаивать интересы охотничьего хозяйства, бороться за сохранение охотничьих заказников, созданных в области за последние 40 лет. На сегодня многие вопросы, имевшие разногласия, сняты с повестки дня благодаря Федеральному закону «О животном мире» и вышедшем в его развитие постановлениям правительства. Хотя это и не дает полной ясности, и время от времени проблемы дают о себе знать с новой силой. А такой необходимый Закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве» уже около 5 лет путешествует в виде проекта по парламентским комитетам. Для сохранения и поддержания порядка, улучшения дел в охотничьем хозяйстве необходим профессионализм в отношениях между государственным органом управления - охотничьим хозяйством и охотпользователями, а крупнейший среди них - Росохотрыболовсоюз. Там, где между ними идет борьба, страдает дело. Скажу откровенно, сохранение взаимопонимания между мной и председателем областного общества В.А. Кириным стоит нам некоторых усилий. Но мы всегда помним, что работаем на благо охотничьего хозяйства и нам необходимы крепкие объединения охотников, непосредственно занимающиеся любительской и промысловой охотой.

- Государственный контроль за охотничьим промыслом в Омской области существует с 1948 года. В сентябре текущего года исполняется 50 лет со времени создания в Омске государственной охотничьей инспекции. На ее базе в 1962 году приказом Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР было сформировано Управление охотничье-промыслового хозяйства исполнительного комитета Омского областного Совета народных депутатов. В 1988 г. оно переименовано в Управление охотничьего хозяйства администрации области. В разное время управление возглавляли семь начальников, среди которых хотелось бы вспомнить Сергея Михайловича Рунева, Тимофея Федоровича Дробеленко, Александра Васильевича Шеленкова, внесших значительный вклад в организацию и становление службы государственного охотничьего надзора.

Федеральный закон «О животном мире» от 22 марта 1996 г. в статье 12 установил основные принципы государственного управления в области охраны и устойчивого использования животного мира, которыми предусмотрена «недопустимость совмещения деятельности по осуществлению государственного контроля за использованием и охраной животного мира и среды его обитания с деятельностью по использованию объектов животного мира».

- Большая беда современного нашего охотничьего хозяйства - нехватка кадров профессиональных охотоведов. Эта профессия уникальна. Настоящий охотовед прекрасно знает жизнь зверей, их повадки, причины, влияющие на их численность. Вместе с тем профессия оховеда связана с риском. Охотовед постоянно встречается с вооруженными людьми (в области - 70 тыс. владельцев оружия) в безлюдных местах, и часто на охоте они бывают подогреты горячительными напитками. Чтобы избежать конфликта, требуется самообладание, знание психологии человека, умение не находить в охотнике врага. О таких наших специалистах, как Виктор Петрович Корниенко (Баировский заказник), Александр Иванович Тиханов (Болшеуковский заказник), Валерий Павлович Левин (Тюкалинский район), Михаил Иванович Козлов (Калачинский район) и многих других можно сказать, что они хозяева в наших угодьях и именно у них охота стала заботой о животных.

По итогам работы государственного охотничьего надзора в 1997 году выявлено 606 нарушений правил охоты, в том числе управлением охотничьего хозяйства - 352, областным обществом охотников 185, областным комитетом по экологии - 3, общественными инспекторами - 19. В течение года было конфисковано 56 ружей и 93 шкурки лицензионных и ценных видов пушных зверей

Среди нарушителей - 403 члена областного общества охотников и рыболовов, что составляет почти 60 процентов этой категории недругов нашей фауны. На территории приписных хозяйств областного общества охотников пресечено 304 нарушения, что составляет 52 процента. Это говорит о том, что в обществе недостаточно жестко ведётся борьба с нарушителями правил охоты. За такие проступки нужно немедленно исключать из членов общества.

Особый разговор - о заказниках. Значение их для восстановления и сохранения численности дичи очевидно. В сезон охоты в заказниках концентрируются животные, потревоженные в прилегающих угодьях. Поэтому каждый район должен иметь охотничий заказник, где не было бы стрельбы и размножалась дичь. Такую ограниченную территорию проще и доступнее охранять существующими силами госохотнадзора. Однако документы на оформление 11 новых охотничьих заказников не проходят экспертизу в областном комитете по экологии в связи с отсутствием денег на проведение углублённого их изучения. Поэтому получается, что пока появятся финансы, в угодьях пристрелят последнего зайца.

Дальнейшая деятельность заказников, безусловно, требует дополнительного финансирования. Необходимо хотя бы раз в 10 лет проводить обследование этих территорий, чтобы определить, как достигаются цели, ради которых они создавались. Нужно провести учёт диких зверей и птиц и определить дополнительные меры по их охране. В настоящее время в заказниках работает 40 штатных охотоведов и егерей. Надо сделать всё необходимое для такой организации их действий, чтобы добиться максимального эффекта в пользу Природы, а значит, в конечном счёте, и Человека.

2. ОХРАНА ПРИРОДЫ - ДЕЛО ОБЩЕЕ

17 января 1995 г. состоялось областное совещание охотоведов, директоров заказников с работниками управления охотничьего хозяйства по вопросам: состояние охотничьего хозяйства области, численность птиц и зверей в 1994 году, их охрана службой охотничьего надзора. Среди приглашенных: зам. прокурора

После окончания заседания в Охотуправлении.
Второй слева - Б.И. Мишкин

природоохранной прокуратуры Алексей Васильевич Алексейцев, управляющий лесами области Анатолий Петрович Богун, начальник отдела разрешительной системы оружия областного управления Борис Николаевич Хмелев, зам. Председателя правления областного общества охотников и рыболовов Иван Иванович

Иванов, представитель Облкомприроды Геннадий Иванович Радько и другие. Работу совещания освещали работники радиокomiteта и телевидения.

Открывая совещание в переполненном зале, начальник управления охотничьего хозяйства администрации области Борис Иванович Мишкин сказал, что подобные встречи стали традицией, а участие в них ответственных работников других областных управлений - закономерный процесс объединения многих усилий по охране окружающей природной среды.

С первым сообщением выступил начальник отдела управления Виктор Антонович Ратниченко, который подробно изложил динамику роста и снижения численности большинства видов зверей и птиц за несколько прошедших лет. Для определения их заполняются карточки зимнего маршрутного учета и пробных площадок (районов). С этого года во многих районах области будут действовать комплексные бригады, в которые войдут охотоведы, председатели районных охотобществ, председатели районных комитетов охраны природы, представители управления леса и другие службы. А возглавят такие бригады по учету заместители глав администраций районов.

Со вторым сообщением выступил начальник отдела охотничьего надзора Михаил Дмитриевич Ильченко. Всего нарушений 817 - это намного больше, чем зарегистрировано в 1993 г. - 454. Какими службами, по всем районам отдельно дан анализ составления протоколов нарушений, даны цифры штрафов и исков. Только одних ружей у браконьеров конфискован 101 ствол. В области работали оперативный отряд управления и объединенные бригады районов. Больше всех составил протоколов нарушений охотовед Большереченского района С.В. Кобитнев - 59. Охотовед Любинского района Г.В. Ахтырцев, председатель Большереченского охотобщества В.С. Бакурадзе и П.Т. Вершинин (Крутин-

ский район) составили по 45 - 50 протоколов.

После этих сообщений выступили приглашенные. В своем слове А.В. Алексейцев отметил большую организационную работу управления и его служб по охране зверей и птиц, их расселению, созданию им условий за счет биотехнических мероприятий и другое. Вместе с тем он указал, что в области 130 приписных охотничьих хозяйств заводов, трестов, различных организаций, которые сегодня недостаточно работают по благоустройству и охране природы. За ними нужен постоянный контроль. Также он указал на недостаточные еще связи с другими областными службами в деле охраны окружающей среды.

А.П. Богун отметил, что работники лесного хозяйства, лесники всегда вместе могут работать с охотоведами по пресечению браконьерства и по борьбе с нарушителями, из-за которых так много лесных пожаров.

Б.Н. Хмелев разъяснил законность пользования табельным оружием работниками охотничьего надзора и ответил на многочисленные вопросы.

И.И. Иванов подробно остановился на работе охотобщества, внес ряд предложений по совместной работе.

На этом закончилась первая часть совещания - деловая, представляющая интерес для всех присутствующих.

После перерыва начался семинар по практике организации охотничьего хозяйства в районах области.

Записал и обработал В. Зензин

3. И НЕ БЕЛЯК, И НЕ РУСАК

В лихие годы Отечественной войны, да и после нее никто не удивлялся, если встречал в поле мальчишку с ружьишкой. Таким пацаном взял двухствольное ружье 12-го калибра, правда, с одним курком, и я. Вот уже 43 года нет в жизни лучших минут потропить зайчишку, уйти на лодке в дальние плеса, подежурить на чучелах «северную». А встречи с друзьями у костра или в натопленном доме на охотничьей базе? Правда, в настоящее время горе-правители и этого практически лишили простого трудягу. И, тем не менее, собрались мы прошлой осенью теплой компанией и выехали погонять русаков на юг нашей области. Едем проселком, стало светать, радует душу обилие следов, заговорили, глаза у всех веселые, не зря приехали. Но тропить сложно, порешили «согрешить» загоном. Облюбовали местечко, расставили «номера», а взагон двое - я и мой приятель. Стали обрабатывать старую посадку яблони-дички. Это была не посадка, а бухта колючей проволоки. Продираюсь через нее, оставляя лоскутья маскхалата, слава Богу, что она метров 150, а так бы из нее живьем не выйти. Отбиваясь от колючек, даю информацию: пошел торный в вашу сторону, будьте внимательнее! Слава кричит: «Вижу русака, пошел в сторону вне выстрела - все, ушел!» Отвечаю Славе: «Работай, еще один есть!» И вдруг радующий слух момент: слышу выстрел, все, дошел! Вырвавшись из колючек, подхожу, поднимаю «косога» и глазам свои не верю: все 5 кг, не меньше, мордочка с рыжими подпалинами, уши такие же рыжие, а хвост белый, шкурка чисто белая с блеском. Я таких не видел за все долгие годы охоты, и мои друзья - тоже. Добыли еще парочку зайчишек. Это было в 1992 году.

Авт. Байку мне рассказал мой друг по институту Ю. ДОРМЦДОНТОВ, почетный охотник. Мы с ним часто ездили на охоту.

4. СОВЕТЫ ТАКСИДЕРМИСТА

В. Буддо, работник Охотуправления, по моей просьбе написал эту статью для журнала «Охота».

«...Охотничий трофей в квартире охотника - это и приятные воспоминания об охоте, и завидное украшение интерьера. Многие любители восхищаются мастерски изготовленными чучелами птиц, зверей, красивым оформлением голов и рогов копытных. Качество таксидермических изделий во многом зависит от предварительной подготовки добытых трофеев. Но немногие знают, как это сделать.

Для изготовления чучел пригодны шкуры птиц и зверей, не разбитых дробью. Если охотник не умеет снимать шкурку птицы, то он должен подготовить тушку для отправки специалисту. Для этого необходимо замочить водой окровавленные места, обсушить перья, заложить вату или мягкую траву (сено) в анальное отверстие и клюв. Затем оправить тушку и уложить на мягкую подстилку, а еще лучше положить в какую-нибудь коробку.

По приезду домой трофей необходимо отнести в мастерскую. Если это невозможно, то тушку птицы необходимо заморозить.

В теплое время года для сохранения материала необходимо удалить кишечник, он извлекается крючком, изготовленным из подручного материала, через анальное отверстие.

Брюшная полость заполняется полынью или крапивой. Прострелы и раневые места обрабатываются любым антисептиком. Наибольшую трофейную ценность для охотника представляют головы, рога и клыки диких копытных животных.

Для изготовления чучел голов копытных необходимо сохранить шкуру шеи длиной не менее 40-50 см. Самому препарировать голову нецелесообразно.

Наиболее ценный трофей копытных - это рога и клыки (у кабана).

Для правильного оформления трофея рогов необходимо сохранение верхней части черепа. У лося сохраняется часть черепа по линии середины глаза с сохранением носовой и затылочной части, у косули весь череп.

Для этого снимается шкура с головы, и столярной ножовкой с мелким зубом отпиливается, с запасом, верхняя часть черепа. После этого удаляются мозг и мясо. Все это необходимо делать со свежим материалом, чем упрощается дальнейшая его обработка. Череп косули отправляется в мастерскую без предварительной обработки.

Трофей кабана - это его клыки. По анатомии они очень глубоко сидят в кости челюсти, поэтому извлечение и обработку их лучше доверить специалисту».

Все ответы на интересующие вас вопросы по данной тематике вы можете получить в таксидермической мастерской, которая организована при управлении охотничьего хозяйства Омской области. Здесь же вы можете оформить заказ на изготовление чучела птицы, оформление других трофеев.

Наш адрес: 644046, г. Омск, ул. Училищная, 10

В. БУДДО, таксидермист

ХП. ЗАПОВЕДНИКИ И ЗАКАЗНИКИ

ЗАКАЗНИКИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ВСЕГО ЗАКАЗНИКОВ

По состоянию на 01.01.96 г. в Омской области имеется 30 заказников, в том числе:

- 16 охотничьих (зоологических) по охране охотничьих животных, подчинены Управлению охотничьего хозяйства;
- 12 ботанических, из них 6 заказников потенциальных кадровиков и 6 заказников сосновых боров, организованных в 1995 году Управлением лесного хозяйства и облкомприроды;
- 2 комплексных заказника ("Верхоильинский" и "Пойма Любинская"), организованы в 1995 году облкомприроды.

Из 16 охотничьих заказников 2 заказника федерального значения ("Баировский" и "Степной"), 2 охотничьих заказника организованы в 1995 году ("Азовский" и "Крутинский").

ШКОЛЬНЫЕ ЗАКАЗНИКИ

В литературных источниках Омских ученых-общественников фигурируют сведения о наличии на территории нашей области свыше 300 школьных заказников. Облкомприроды при анализе материалов по школьным заказникам удалось установить организацию (по постановлениям соответствующих органов) 102-х заказников в 10 районах области в 1978-1982 годах.

ОХОТНИЧЬИ ЗАКАЗНИКИ

Степной - крупнейший линник водоплавающей дичи в регионе. На осеннем пролете в нем ежегодно наблюдается концентрация различных пород гусей - более 40 тысяч особей.

Большеуковский - излюбленное место зимнего отстоя лося.

Баировский - место наибольшей концентрации лебедя - кликуна (более 3000 особей), многочисленных видов водоплавающей дичи, ондатры, копытных.

Бобровые заказники (Бергамакский, Тевризский, Туйский, Усть-Каинский, Усть-Куренгинский), кроме своего прямого назначения, являются местом обитания соболя, белки, норки, куницы, копытных.

Только в заказниках гнездятся беркут, орлан-белохвост, скопа и другие представители фауны, занесенные в Красную книгу Российской Федерации.

ЗАПОВЕДНИКИ

Заповедники - образцы нетронутой, дикой природы - по праву называют естественными лабораториями. Они особенно нужны нам сейчас, когда мы должны понять направления изменений природной среды под влиянием деятельности человека и отыскать пути наиболее бережного и разумного использования ее богатств. Такие образцы нужно вдумчиво и умело выбрать. И места для них отыскивали крупнейшие знатоки природы. Они отдали многие годы жизни этому делу и вложили в него всю свою душу.

1. ГДЕ БЫТЬ ЗАПОВЕДНИКУ «ОМСКИЙ»?

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.10.92 г. N 1115 «Об особо охраняемых природных территориях в Российской Федерации» и решениями городских и областных организаций, намечено создание заповедника «Омский». Наша область - один из шести регионов России, в которых в 1993 году начаты работы по организации заповедника. На это Минприроды выделил миллион рублей. Однако остается открытым главный вопрос, вынесенный в заголовок материала. Вот несколько мнений.

Начальник областного управления охотничьего хозяйства Борис Иванович Мишкин считает, что озеро Тенис - лучшее место для заповедника. Там в летнее время обитает около 12 тысяч пеликанов (несколько лет назад их было всего десятков). Это самая северная в мире популяция пеликанов.

Охотовед Юрий Петрович Яров предлагает посмотреть место под заповедник на территории Большеуковского комплексного заказника, где есть медведи, лоси, рысь, кабан и другие звери. Из птиц - глухарь, тетерев, куропатка и т.д. Площадь - 192 тыс. га. Малонаселенные села - Решетино, Листвяги.

Ряд специалистов и любителей природы облюбовали северо-восточную часть Тарского района. Там также немало зверя и птицы таежной зоны.

М.Ильченко, начальник отдела охотуправления полагает, что самое подходящее «Лузинская дача», где есть сочетание лесостепной полосы с большим разнообразием растительного и животного мира. А главное - можно создать небольшой, но уникальный уголок природы, который могли бы посещать различные группы туристов, школьников, любителей природы.

Какое предложение более реальное - решать специалистам. Но при этом всем надо помнить, что территория заповедника исключает все виды деятельности человека: сельскохозяйственные работы, строительство, выпас скота, сенокос и т. д.

Организацией заповедника занимается Облкомприроды.

В. ЗЕНЗИН, журналист, редактор журнала «Природа Прииртышья»

Авт. Начиная с 1993 г. и на протяжении более десятка лет или оживлённые дискуссии: «Где быть заповеднику?». В них принимал участие и я.

2. СОЗДАНИЕ ЗАПОВЕДНИКА «ОМСКИЙ» В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ОБЛАСТИ

Исключительна роль заповедников в сохранении и восстановлении редчайших животных, растений, неповторимых ландшафтов. Благодаря им некоторые редкие животные стали промысловыми, они дают нам сейчас пушнину, лекарственное сырье и другую ценную продукцию.

Заповедники нужны для составления научного прогноза изменений природной среды в дальнейшем, оценки влияния различных форм человеческой деятельности на природные комплексы и отыскания методов наиболее рациональной эксплуатации природных ресурсов. И как эталоны природных экосистем они требуют комплексного исследования.

Главным образом в заповедниках, в том числе и некоторых наших, были поставлены работы по международной биологической программе. Весьма примечательно, что один из выводов МБП, принятый при обсуждении итогов работы, гласил, что постановка исследований любой крупной экологической проблемы немыслима без анализа процессов, происходящих на заповедных экосистемах (поля, пастбища, искусственные леса и пр.) и отыскание приемов повышения их биологической продуктивности невозможны без познания законов, действующих в естественных, нетронутых, охраняемых экосистемах. В связи с этим новая программа ЮНЕСКО "Человек и биосфера" придает заповедникам исключительное значение.

Российские заповедники, с первого момента их создания, предназначались "исключительно для решения научных и научно-технических задач страны". В этом специфика и принципиальное отличие заповедников от других форм охраняемых территорий как у нас, так и за рубежом.

Оберегая лесные массивы, имеющие водоохранное, почвозащитное или климатическое значение, восстанавливая и увеличивая численность ценных зверей и птиц, а также охраняя места линьки и зимовки водоплавающих птиц и нерестилища рыб, заповедники выполняют большие народнохозяйственные задачи.

Заповедники стали резервуарами редких животных и растений. Только благодаря заповедникам удалось сберечь реликтовые растения и таких эндемичных птиц и животных, как фламинго, белая цапля, турач, зубр, кулан, пятнистый олень, горал, бобр, выхухоль, калан, котик и многих других.

Заповедниками уже достигнуты значительные успехи в восстановлении численности и расширении ареала многих животных, в недавнем прошлом стоявших на грани полного уничтожения. В первые годы организации заповедников, их задачи и направления работы часто определялись как резервы особенно ценных животных, охрана и изучение которых были центральным вопросом. Так, Воронежский заповедник назывался бобровым, Хоперский - выхухольным, Брагинский - соболиным, Кандалакшский - гагачьим и т.п. Позднее все они стали комплексными.

На территории государственных природных заповедников полностью изымаются из хозяйственного использования особо охраняемые природные комплексы и объекты (земля, вода, недра, растительный и животный мир), имеющие природоохранное, научное и эколого-просветительское значение как образцы естественной природной среды, типичные и редкие ландшафты, места сохранения генетического фонда растительного и животного мира.

КРИТЕРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ:

- выбираемые под заповедники территории должны быть в наименьшей степени изменены под влиянием хозяйственной деятельности человека;
- природные комплексы заповедников включают редкие виды животных и растений (или редкие экосистемы);
- заповедники служат образцами ландшафтно-географических зон;
- территории заповедников достаточны для обеспечения саморегуляции происходящих природных процессов;
- в первую очередь заповеваются "эталонные" ландшафты, которым угрожает опасность исчезновения.

Основная задача заповедников состоит в строжайшей охране эталонов дикой природы соответствующей зоны и ландшафтов для сравнения и анализа тех изменений, которые вносит в природу человек.

Необходимо помнить, что сбережение всех видов животных и растений, обитающих на земле, имеет важное научное и практическое значение. Это тот драгоценный генетический фонд, который может оказаться крайне необходимым человечеству.

Существует мнение, что в качестве заповедных территорий нужно выделять только участки нетронутой человеческой деятельностью природы, существующие в первозданном виде. Действительно, эти участки следует охранять в первую очередь, но такое представление о заповедности не совсем верно.

Заповедником может стать любая территория, которую нужно сохранить как для изучения, так и в качестве примера, поэтому организовываться в таком виде могут и территории, которым нанесен значительный ущерб.

В таком случае они выступают в качестве полигона для изучения резервов природы по самовосстановлению.

На запрос Госкомэкологии РСФСР от 08.02.90 г. "О разработке программы создания системы особо охраняемых природных территорий" Облкомприроды согласовал в апреле 1990 года с первым заместителем председателя Омского облисполкома предложения по "Программе развития системы особо охраняемых территорий Омской области", в которой предполагалась организация заповедника на территории Баировского государственного заказника в 2000-2005 годах на площади 57000 га и 09.04.90 г., и направил их в Госкомэкологии РСФСР.

Решением совместной комиссии Омского областного и Омского городского Советов народных депутатов от 19.03.91 г. №60/ 3 "О ходе выполнения решения совместной сессии областного и Омского городского Советов народных депутатов от 22.08.90 г., "Об экологической обстановке в области и неотложных мерах по ее оздоровлению" предусмотрено создание в срок до 2000 года, с выделением на местности, Омского государственного территориального заповедника в лесостепной зоне. Ответственными исполнителями назначены облисполком, Облкомприроды, областное Управление охотничьего хозяйства, соответствующие райисполкомы.

Решение совместной сессии Омского областного и Омского городского Советов народных депутатов от 12.04.91 года № 115/4 "О введении платы за загрязнение природной среды на территории Омской области, об образовании и использовании экологических фондов" утвержден Омский государственный территориальный заповедник в лесостепной зоне. При этом оговаривались конкретные территории, на которых он должен размещаться.

Облкомприроды подготовил и согласовал 19.02.93 г. с первым заместителем главы администрации области предложения по организации на площади около 30000 га заповедника для включения этой территории в "Проект рациональной сети заповедников и национальных природных парков", разрабатываемый Минприродой России.

В мае 1993 - феврале 1994 гг. Центральной проектно-изыскательской экспедицией ЦНИЛ охотничьего хозяйства и заповедников Департамента по охране и рациональному использованию природного заповедника Министерства окружающей среды и природной среды "Омский". Было выполнено проектное обоснование и согласование с заинтересованными ведомственными службами, районными администрациями и землепользователями выделение территории под создание заповедника площадью 3311,8 га.

Согласования по проекту постановления Главы Администрации области об организации заказника были получены в июле-августе 1993 года от всех заинтересованных областных ведомств, за исключением Управления охотничьего хозяйства. Но в октябре 1993 года эти согласования всеми, за исключением областного Управления лесами, были отозваны. Чем же это аргументировалось?

Заместитель начальника облсельхозуправления Р.Л. Иванов: "Пункт 1 проекта постановления исключить, поскольку в соответствии с действующим законодательством акты муниципальных органов управления не подлежат утверждению Главой Администрации области". Замечание не принципиальное - можно было всего лишь заменить слово "утвердить" на другое(ие).

Начальник управления сельского хозяйства Администрации области М.Д. Лыхенко: "Поскольку на территории предполагаемого заповедника существует государственный республиканский заказник "Баировский", который решает все природоохранные вопросы, принимать постановление нет смысла".

Начальник отдела ветеринарии и Госветинспекции Ю.С. Притужалов: "...Заказник на своей территории не имеет редкие виды фауны и флоры требующие защиты. Кроме того заказник находится в освоенной сельскохозяйственной зоне. Изъятие территории из сельхозоборота скажется на домашнем животноводстве и в случае расселения в создаваемом заповеднике диких животных, появится контакт с домашними животными через пастбища, что повлечет образование участков природно-очаговых инфекций. Это противоречит положению о заповеднике по сохранности территории в естественном состоянии всего природного комплекса".

Главный врач областного центра госанэпиднадзора Ю.Н. Басов:

"Областной центр ГСЭН на основании многолетних зоологических и эпидемиологических данных считает невозможным организацию заповедника на территории Тюкалинского, Саргатского и Колосовского районов, находятся постоянно действующие природные очаги туляремии, омской геморрагической лихорадки и бешенства.

Создание заповедника повлечет за собой накопление источников инфекций, вынос их на соседние территории и появление заболеваний среди населения. Закрытая территория заповедника не позволит регулировать численность основных источников природно-очаговых заболеваний.

Письменное разрешение на размещение заповедника, выданное ранее главными врачами центров ГСЭН Тюкалинского, Саргатского и Колосовского районов отменяю".

Начальник областного Управления охотничье-промыслового хозяйства Б.И. Мишкин: "...В настоящее время предпринимаются попытки комитетом по охране природы создать на территории республиканского зоологического комплексного заказника "Баировский" заповедник, ссылаясь на исследования, которые не проводились, нет заключения специалистов-охотоведов, нет научной обоснованности. Создание заповедника повлечет запрещение всей хозяйственной деятельности: посев зерновых, пастьба скота, сенокосение и др. сельскохозяйственные работы, что недопустимо на данной территории...

Полевые исследования, заключения специалистов-охотоведов, научная проработка обоснованности создания заказника проводились на территории области в период с мая по октябрь 1993 года и с областным управлением охотничье-промыслового хозяйства и егерской службой на местах эти вопросы согласовывались, иначе при выполнении работ у разработчиков Проекта организации государственного природного заповедника возникли бы "инциденты". Да и сам проект разработан Центральной проектно-изыскательской экспедицией ЦНИЛ охотничьего хозяйства и заповедников Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов МСХ РФ.

В то же время, если у комитета по охране природы имеются свободные финансовые средства, то их эффективнее направить на охрану кедровых лесов области, которые подвергаются ежегодным вырубкам, сохранение и обустройство "Птичьей гавани".

Председатель комитета по земельным ресурсам и землеустройству области А.Г. Баскаков: "Нет смысла в госзаказнике делать заповедник. Подобрать другую территорию".

Генеральный директор объединения "Омскмежхозлес" В.А. Карпов: "Нет смысла создавать на территории госзаказника".

Утверждения в двух последних согласованиях весьма сомнительны. Создание заповедника "...на территории госзаказника" ни в коей мере не противоречит принципам охраны природы, ведь статус охраняемой территории повышается. Да и участок, намеченный под создание заповедника, составлял всего 3312 га, или 5% от площади заказника "Баировский" (64831 га).

Письмом Облкомприроды от 04.02.94 года № 09-10/156 у 7 областных организаций были запрошены "...замечания и дополнения к проекту Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года, а также мнение о предложении по организации государственного природного заповедника "Омский".

Запросы были направлены в **Омское землеустроительное предприятие ЗапСибНИИГипрозем; Управление лесами Омской области; Омский НИИ природноочаговых инфекций; Областное общество охотников и рыболовов; Управление охотничьего хозяйства; Управление "Омскводресурсы"; Комитет по земельным ресурсам и землеустройству Омской области.** Ответы были получены из 5 организаций.

В целом управление "Омскводресурсы" поддерживает проект Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года, и в частности по организации государственного природного заповедника "Омский".

Управление лесами Омской области: "Управление лесами не имеет замечаний к проекту Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года. Создание государственного природного заповедника "Омский" обоснованно и необходимо для сохранения в естественном состоянии участка лесостепной зоны в качестве эталона".

Комитет по земельным ресурсам и землеустройству Омской области: "Принятие программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года и организация государственного природного заповедника "Омский" позволит организовать управление, ведение кадастра и мониторинга охраняемых природных территорий".

Омское землеустроительное предприятие ЗапСибНИИГипрозем: "Омское землеустроительное предприятие ЗапСибНИИГипрозем рассмотрело проект Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года и считает этот документ актуальным и своевременным".

Омский НИИ природно-очаговых инфекций: указывает на "...нерациональность..." организации заповедника в "...предлагаемом месте..." и "...нецелесообразность организации заповедника..." в "...северо-восточной части области..." в "...п/зоне южной тайги".

Указом Президента РФ от 10.10.95 года "№ 1032 утверждена Федеральная целевая Программа государственной поддержки государственных природных заповедников на период до 2000 года. Программа предусматривает (согласно распоряжению Правительства РФ от 23.04.94 года № 572-р) организацию до 2005 года заповедника "Омский", в лесостепной зоне Омской области, площадью 30000 га.

Во исполнение этого документа последовало Указание Главы Администрации области проработать его. Письмом Облкомприроды от 25.10.95 года № 09-11/1885 от вышеупомянутых областных организаций, а также от ООООиР и Инспекций рыбохраны были запрошены предложения о территориальном размещении заповедника. **Откликнулись: Комитет по земельным ресурсам и землеустройству и Управление охотничьего хозяйства администрации Омской области.**

Облкомзем: "1. На базе Баировского заказника (Тюкалинский, Колосовский, Саргатский районы). 2. На территории заказника "Любинский" (Любинский район). 3. Урочище Батаково (Большереченский район)".

Управление охотничьего хозяйства предложило "...организовать заповедник "Омский" на озере Тенис Крутинского района в той его части, где обитает "кудрявый пеликан"...площадью не более 10000 га".

На повторное письмо Облкомприроды от 01.04.96г. № 09-11/ 543 ответили несколько инстанций. "Омскмежхозлес": "Заповедник "Омский" можно организовать на территории Баировского заказника республиканского значения Заказник имеет площадь 57000 га и на этой территории можно выбрать 30000 га для организации комплексного заповедника "Омский".

ООООиР: "Омское областное общество охотников и рыболовов предлагает организовать заповедник на территории Омского района, площадью 40000 га, в границах: северная - по границе с совхозом Петровским; восточная - по границе с Кормиловским районом до нефтепровода; южная - по нитке нефтепровода до трассы Омск-Муромцево; западная - по трассе Омск-Муромцево до границы с совхозом Петровским".

Омское Управление лесами: "По организации заповедника "Омский" управление предложений не имеет".

Главное Управление сельского хозяйства и продовольствия Администрации области: "...Управление неправомочно вносить предложения по организации и размещению заповедников".

Омская областная инспекция рыбоохраны: "...Инспекция рыбоохраны сообщает, что не возражает против создания такого заповедника в лесостепной зоне".

Можно возразить, что с созданием заповедника, никто в экономическом плане ничего не приобретет, а потеряют многие - местные жители, ресурсные ведомства, хозяйственные предприятия. Поначалу так, скорее всего, и будет. Но при умело поставленной работе по экологической пропаганде, подключению средств массовой информации, рекламе, просвещению можно приобрести гораздо больше как в экономическом, так и в патриотическом смысле. Рано или поздно мы поймем, что иметь на своей земле заповедник (природный парк и т.д.) не только престижно, но и выгодно.

Таким образом, к настоящему времени есть принципиальное согласие всех заинтересованных областных ведомств и организаций и конкретные предложения (от 6 организаций) о местоположении заповедника. Имеется и нормативно-правовая база от областного до федерального уровней. Осталось определиться по конкретному участку (участкам) лесостепной зоны области и согласовать его со всеми заинтересованными сторонами.

Авт. Материал для журнала «Природа Прииртышья» подготовлен при содействии специалистов Госкомэкологии.

3. ЧУЖИЕ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ

В. Фадеев, работая редактором Любинской районной газеты, приезжая в Омск, часто заезжал к нам, в «Омский Вестник», где мы и познакомились. Я попросил его для приложения в газете «Природа Прииртышья» написать статью о Любинском заказнике. Что он и сделал.

На большой поляне, что тянулась от дороги вглубь леса, с потрескавшейся солонцевой почвой, над которой кое-где торчали редкие пучки жесткой полусохшей травы да возвышались кусты полыни, ягод не оказалось, и мне пришлось пересекать редкий березняк. Вплотную к нему примыкали плотные ряды сосен. Судя по толщине стволов, было им уже больше тридцати лет, поэтому под деревьями стоял полумрак, торчали остро нижние засохшие сучья, норовя выколоть глаз, под ногами мягко пружинил слой старой хвои. Здесь-то уж ягод никак нельзя было найти; я двинулся к просвету между рядами сосен и скоро вышел на невысокую гриву, надеясь найти там ягодное место. Смолистый запах плыл над поляной, к нему примешивался густой аромат чабреца, ягод, наносило еще чем-то непонятным, будто медом.

Почему-то эту полянку не тронули сенозаготовители: либо она была малой, либо не нашли из-за того, что далеко от дороги. По поляне, похожей на цветной ковер, разбежались невысокие сосенки-подростки, молоденькие березки с ослепительно белой корой, будто светившейся от яркого солнца. Над травами поднялись белокипенные кисти цветущего лабазника, белые и желтые метелки подмаренника - это от них и наносило медовым запахом. Мои ноги заплетались в длинных побегах мышиного горошка, обвившего стебли трав.

С одной стороны поляны ровными рядами уходил вдаль густой сосняк, с другой - красиво возвышались конусообразные лиственницы со светлой и мягкой хвоей. Я во все глаза смотрел на эту красоту и даже забыл, где нахожусь. Осторожно, боясь потревожить лесное чудо, пробирался к середине поляны, где заметил темно-зеленый островок ягодника. Сделал несколько шагов и вздрогнул от неожиданности: из-под ног с шумом вырвалась из травы рыжеватая тетерка. А чуть дальше увидел следы пребывания зайцев. Под лопухами листьев висели крупные спелые ягоды...

ЭТОТ УНИКАЛЬНЫЙ уголок природы находится в сотне километров от Омска. Сейчас снег спрятал поляны, засыпал сосны и лиственницы, нарядил их в мохнатые шапки, но скоро оживут деревья, поляна разукрасится всеми цветами радуги от буйства цветов.

Может показаться, что лес совершенно мертвый. Но стоит уйти с дороги, как увидишь следы зайцев, лис. А если повезет, вылетят из-под снега ночевавшие здесь тетерева.

Асфальтированная дорога от села Алексеевка перебегает через железнодорожное полотно, огибает сосново-березовый лесок, и впереди показываются засыпанные снегом крыши небольшой деревеньки. Названия у деревеньки нет, зато на табличке, что прибита к зеленому вагончику, обозначено: Алексеевское лесничество. Над крышами и макушками берез взметнулась в небо ажурная металлическая вышка. Лесники говорят, что в ясную погоду с ее макушки можно увидеть даже Омск.

Южнее лесничества видна деревня Малая Черноостровка.

За ней начинается огромный (по местным понятиям) массив леса. Береза, сосна, лиственница, изредка осина, ракета возле болотца.

Часть изб в лесничестве пустует, живут здесь в основном люди, которые охраняют лес. Еще мальчишкой, в 50-е годы, помогал сажать первые сосны один из старожилов деревеньки Бернард Федорович Гайн - больше 30 лет работает он в Алексеевском лесничестве. Дети за отцом потянулись. Старший сын Александр - водитель и тракторист здесь же, дочь Галина после окончания Алексеевской школы, где одно время существовало школьное лесничество, поступила в Свердловский лесотехнический институт, а затем работала лесничим. Сейчас семейную эстафету принял Гайн-младший, Владимир, который после Тогучинского лесотехникума Новосибирской области пришел на место сестры. Работает и Гайн-старший, сейчас он лесник.

О ВЛАДЕНИЯХ Алексеевского лесничества.

5300 гектаров лесопокрытой площади, как любят говорить лесники, почти половину занимает тот большой массив, что южнее Малой Черноостровки, называемый Лузинской дачей. Она находится на территории Любинского района, почти вплотную примыкая к Москаленскому (с юга) и Называевскому (с запада) районам. В лиственничных и сосновых посадках любит прятаться дичь, небольшие болотники, поросшие густым, непроходимым ивняком, дают приют самой разной живности.

А поскольку охотничий надзор бывал здесь редко, этим пользовались браконьеры из соседних населенных пунктов и даже из Любина, Москаленок, стреляли все подряд.

- Когда-то здесь была небольшая деревушка Лузина, - рассказывал директор Любинского мехлесхоза Евгений Петрович Паненко.

- Во время войны было подсобное хозяйство какого-то оборонного завода, скот на мясо выращивали, доступ посторонним людям был ограничен - существовал кордон. В 1947 году был создан лесхоз на территории района, и Лузинская дача вместе с кордоном перешла в ведение Алексеевского лесничества...

Деревья, которые сажал когда-то Гайн-старший, имеют уже вполне зрелый возраст - лет под сорок, и некоторые уголки Лузинской дачи представляют из себя как бы островки дикой тайги. Скот здесь давно не пасут, поэтому сохраняется растительный мир. Всякие рубки леса тоже запрещены, бывают только летом ягодники да сенозаготовители, облюбовали дачу птицы и звери.

Лесники работали сами по себе, хотя между делом гоняли браконьеров, а охотоведы - тоже сами по себе и порой задерживали лесников с ружьями в сроки, закрытые для охоты, никак не находя с ними взаимопонимания.

Напрашивалось решение проблемы: объединить службы лесной охраны и охотнадзора.

ДВА ГОДА назад директор Любинского мехлесхоза Е.П. Паненко предложил председателю Любинского комитета по экологии и природопользованию Геннадию Алексеевичу Гутову подумать о создании на территории Лузинской лесной дачи заказника местного значения. Обговорили с председателем районного общества рыбаков и охотников Г.В. Ахтырцевым и вынесли проблему на обсуждение районного Совета народных депутатов.

Задумка была интересной. Дело в том, что поля и леса в Любинском районе с каждым годом скудеют, мало становится и птиц, и зверей. Кроме своих «промысловиков», зимой можно встретить горожан, охотящихся на лис и зайцев. Особенно достается бедным животным осенними ночами, когда на них охотятся из-под фар. Под горячую руку горестрелки палят по всему, что движется, не разбирая, лось это или кабан, косуля или заяц... Если истребление зверья будет продолжаться такими же темпами, скоро ни одного зайца возле Любина не останется.

Чтобы сохранить хоть часть животного мира для будущих поколений, решено было ходатайствовать перед областными властями о создании в Лузинской даче природного заказника. Однако областные ведомства никак не хотели давать «добро», никому не хотелось упускать из своих рук такой лакомый кусочек. Полтора года ушло на «утряску» вопроса, и только в декабре 1993 года глава областной администрации Л.К. Полежаев подписал постановление о создании природного заказника местного значения «Лузинская дача» на землях гослесфонда площадью 2155 гектаров сроком на 25 лет. Как говорят, пока суд да дело, территорию, отведенную под заказник, опахали со всех сторон, расставили еще осенью аншлаги, разъяснили населению, для чего создается заказник. Мол, наконец-то появится в районе тихий уголок, где звери и птицы смогут спокойно жить, не бояться воровского выстрела, размножаться на воле и расселяться затем по окрестностям заказника.

Словно почувствовав заботу о них, звери начинают концентрироваться в районе «Лузинской дачи». В последние годы бывшие колхозы и совхозы стали применять меньше гербицидов для защиты растений, и от этого выросла численность зайцев, тетеревов. Если раньше птица встречалась отдельными экземплярами, то теперь появились популяции, насчитывающие до 60 особей. Больше стало куропатки, серой и белой. Прижились завезенные в Омскую область кабаны, даже куница облюбовала глухие заросли сосны.

Охраняет животный и растительный мир «Лузинской дачи» молодой егерь Юрий Корнев. Перепробовал он несколько профессий, но работа охотинспектора, наверно, навсегда привязала его к природе, лесу. Юрий рассказывал:

- Интересно за ними наблюдать. Вот кабан. Кажется, неуклюжий, неповоротливый. Как бы ни так! Однажды едем вдвоем с водителем, и вроде бы солома впереди чуть шевельнулась. Только сбавили ход перед копной - она будто взорвалась: секач со всех ног бросился от нас в заросли донника. А хитрющий! В двух метрах от охотника затаился в зарослях, и ни одного звука не услышишь...

Дичь будто магнитом сюда тянет. Допустим, откуда-то из-под Пролетарки идет косуля. По следам начинаешь смотреть - компаса не надо, как по азимуту, держит направление на «Лузинскую дачу». Даже рысь у нас появилась. А недавно видел следы двух волков: зайчишку задрали. Иногда заходят лоси, но у нас они не живут, чужие. В соседних водоемах есть ондатра, норка...

Вот такая она, «Лузинская дача». Охотников поживиться в ней немало. Кое-кто воспринял запрещение охоты здесь как личное оскорбление - это из той породы людей, которым никогда и нигде не был писан закон. Осенью охотинспектор предупредил пастуха из соседнего района, что со стадом нечего делать в «Лузинской даче». Вроде понял. Позднее повадился сюда гонять темными ночами зайчишек из-под фар мужичок из Марьяновского района, да очень уж осторожный, никак с поличным не удавалось его прихватить. Зато по следам приехали к браконьеру домой и провели воспитательный час вместе с председателем охотобщества Г. Ахтырцевым.

- Здесь идеальные условия для размножения зверей и птиц, - рассказывал Юрий Корнев, - поэтому стараюсь не мешать, не тревожить их. Объезду на снегоходе по периметру, это около 50 километров, проверю: не заезжал ли кто? Если никого не было, нечего волноваться. Зимой только на «Буране» да на тракторе сюда можно проехать, а летом придется поработать.

Юрий улыбается. Глядя на его крепкую фигуру, спокойное волевое лицо, почему-то думаю, что егеря не даст в обиду своих подзащитных.

Он увлеченно продолжает рассказывать:

- Здесь есть такие уголки, что даже становится жутковато, особенно летом, когда лиственница покроеется хвоей. Как в тайге! Иной раз еду, зайца вспугну. Мчитесь он как угорелый. Можно выстрелить, но жалко, рука не поднимается. Только глупый человек может стрелять в заказнике. Ну, мелькнет среди стволов косуля как молния. Успеешь выстрелить, а дальше? Раненая, она забежит куда-нибудь, и не найдешь. Только навредишь.

Нынешней зимой в «Лузинской даче» условия для обитания зверей и птиц были идеальные из-за того, что крестьяне... не смогли осенью собрать выращенный ими урожай. Всю зиму стоит восточнее дачи на корню около сотни гектаров пшеницы, неподалеку есть необработанные участки кукурузы и подсолнечника. Чего же не обитать здесь птицам и зверям! Нагуляются, напасутся - и в чащобу. Сейчас это благо, а весной, опасается егеря, может превратиться в большую беду. Никто необработанный урожай, конечно, не придет убирать, а на помощь придет самый простой и испытанный способ уборки - огонь. Он-то и может наделать много бед в лесной даче. Поэтому каждую весну лесники чуть ли не круглые сутки наблюдают за зеленеющими массивами.

Охотинспектор поделился своими планами:

- Если все будет нормально, попробуем завезти белку - должна прижиться. Видел как-то возле Политотдела белочек, значит, и здесь можно поселить. А еще бы как-то удерживать кабанов, чтобы далеко не разбегались, - угрожают ведь их браконьеры. Местного лося нет, а почему бы не обосноваться и ему здесь?

- Осенью Юрию выделили одну из пустующих изб. Но в зиму он не стал переезжать из райцентра в лесничество. Ждет весну, чтобы отремонтировать квартиру, посадить огород возле дома...

- На лето пока нет хорошего транспорта, - посетовал охотинспектор. - Дали в лесничестве лошадку, но думаю: надо бы что-то другое. Может быть, охотобщество или наше управление охотничьего хозяйства что-то придумают, найдут возможность подбросить добрый транспорт...

На прощанье Корнев снова улыбнулся. Таким он и остался в памяти.

4. КАК СПАСАЛИ ЗАМАРАЙКУ

Небольшой заповедный участок иртышской поймы назвал «Птичьей Гаванью», наверняка, хороший человек. Прекрасно это место: гнездятся здесь чайки и утки, лысухи и гагары, кулики и - изредка - бекасы. Это не московские пруды на ВДНХ или Чистопрудном бульваре, где радуют глаз тоже, вроде, дикие, но, в сущности, «прирученные» утки, на юг не улетающие, зимующие в Москве.

У нас в «Птичьей Гавани» первозданная природа пока не угрблена. Птицы прилетают сюда веснами, а осенью, вырастив потомство, улетаются. Перед долгой дорогой на юг отдыхают, набираясь сил, пролетные стаи. Ревут реактивные лайнеры, идя на взлет или посадку, шумят вереницы автомобилей, трещат мотоциклы, а дикие птицы спокойно кормятся, не обращая внимания на нарушителей тишины. Коротают время на скамейках мамы с детишками, что-то им объясняют, показывая пальцами на плавающих уток. Из окон

проезжающих автоэкспрессов смотрят на памятник природы гости нашего города, удивляясь и восхищаясь. Восхищаюсь и я, горжусь, как и тысячи омичей, и вспоминаю давнее - предвоенный 1940 год. Обширный луг с озерами, ложками и протоками именуют Замарайкой - так называется протекающая здесь речка, там, где сейчас Ленинградская площадь, отполированный булыжник улицы Перевозной (ныне Масленникова) спускался к Иртышу, к причалу парома. Осенью, по субботам, отец мой, Александр Александрович Зубков, прихватив меня, семилетнего пацана и сеттера Дину отправлялся на вечернюю зорьку к Замарайке. Охотников тогда было так мало, что в любопытных взглядах с парома на нас недостатка не было. Охотились мы так: отец забредал метров на пятьдесят в камыш, а я и Дина оставались в осоке на берегу. Мама, большая любительница дичи, обычно давала наказ настрелять чирков, что отец добросовестно и выполнял. Хлопал негромкий выстрел его «зауэровской» двадцатки, сбитая птица комочком падала в траву и я, подбадривая собаку: «Ищи, Дина, ищи!» - бежал к месту падения.

В густой траве в вечерних сумерках найти чирка было почти невозможно. Но Дина, пошарив носом между кочек, быстро находила птицу. Однако ни приказы, ни ласковые уговоры не могли заставить собаку подать утку. Подавала она только боровую дичь. А над найденной уткой стояла, повиливая хвостом.

Дичи в те годы было много, стрелял отец превосходно, с расчетом падения сбитых птиц в нашу сторону. К наступлению темноты мы с Диной обычно подбирали десятка полтора чирков.

Потом были войны с Германией и Японией. И только осенью сорок пятого отец в армейской шинели снова стоял в «замарайских» камышах.

Шли годы. Начали замывать плесы и заводи в камышах на южной окраине Омска. Такмыкская «прорва» обескровила пойменные луга, высыхали плесы в захламинских камышах, застраивалось Левобережье. Но Замарайка еще держалась. В середине шестидесятых среди охотников разнесся слух: замарайскую пойму решено замывать песком и построить там жилой микрорайон. Какой-то московский институт приступил к разработке соответствующего проекта.

Охотники заволновались: микрорайонов можно наставить много, а вот второй Замарайки не построишь. Помню, как собирались по вечерам у отца друзья-охотники, среди которых были Г.Г. Шкупов, в то время начальник управления зеленого строительства, П.П. Зутис, начальник Облгражданпроекта. решили: надо идти на прием к Сергею Иосифовичу Манякину. Идею поддержал и Н.А. Рождественский.

Время тогда было своеобразное. Решили так: идти к первому секретарю обкома партии нужно беспартийному отцу. И он пошел. Не знаю, как он записался на прием, как пробился через заслоны милиционеров и референтов, совершенно не понимавших, как можно отнимать время у столь важного лица, ради какой-то Замарайки. У С.И. Манякина отец побывал. Пришел из обкома хмурый, рассказал, что, выслушав его, Сергей Иосифович пристально посмотрел в глаза и спросил: «А, знаешь ли, сколько народа у нас без квартир мается?».

А потом последовало радостное удивление, когда месяца через полтора заглянул к нам приятель отца, инженер отдела архитектуры А.Н. Тетерин, тоже заядлый охотник, он рассказал, как на одном из совещаний Сергей Иосифович, наслушавшись прожектеров, радевших за намыв песка в Замарайскую пойму, неожиданно для присутствующих произнес: «Был тут у меня толковый мужик Зубков... так он против уничтожения Замарайки. Говорят, что для микрорайонов другие места найдем, а такого удивительного заповедника в центре города не создадим никогда. Думаю, что он прав...».

И - единодушное одобрение: закивали согласно головами заседавшие, заулыбались.

В последние годы жизни отец часто бывал у «Птичьей Гавани». Водил туда своих учеников из школы юных охотников, среди которых был и Н.Н. Косачев, будущий председатель правления Омского областного общества охотников и рыболовов. «Стрелял» отец уже из фоторужья, радовался удачным снимкам, писал небольшие заметки о природе в газету, сочинял охотничьи рассказы. Но к названию «Птичья Гавань» он, к сожалению, непричастен...

Автор статьи Игорь ЗУБКОВ, охотник с 45-летним стажем, доцент. Постоянно сотрудничал в моих изданиях, особенную известность получила его статья «О культуре охотничьей».

С ЛЮБОВЬЮ К БРАТЬЯМ МЕНЬШИМ

Авт. Выбирая из многих материалов о «Птичьей гавани» для журнала «Природа Прииртышья», этот я напечатал только из-за симпатичного заголовка. И редактор может делать что-то сомнительное по своему усмотрению.

4. УТЕНОК ТОЖЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ

Птичья гавань - оазис или казус природы? Уж как на это посмотреть. Птицы здесь живут обалдевшие: кряква, например, по словам начальника гавани, охотоведа Федора Григорьевича Васильева, в нормальных природных условиях не подпускает человека ближе двухсот метров, а тут к ней можно подойти на пять, потому что птица своими утиными мозгами дошла: где столько шума и людей - стрелять не будут.

Пришедший сюда в 1992 году Федор Григорьевич Васильев - главный "виновник" уменьшения пожаров в Птичьей гавани, которые были настоящей трагедией для местного пернатого населения. Еще вместо ящиков для гнездовий, которые частенько затоплялись, он "предложил" уткам использовать камыш, который напахивают бульдозером. Уткам это пришлось по вкусу, затапливаемых кладок стало меньше, утят - больше.

Федор Григорьевич - биолог-охотовед, а на вид - просто бодрый пенсионер, который каждый день, без выходных, дозором обходит владенья свои - до самых морозов. Его уткам и чайкам живется лучше, чем ему работается: у него нет никакого "гнездышка", чтобы укрываться в непогоду, дать отдохнуть гудящим ногам, наматывающим в день едва ли не десяток километров. Но главное все-таки: утки живут и, несмотря на экономические трудности, размножаются, в отличие от людей. В позапрошлом и прошлом годах Омск почтили своим прилетом лебеди. Видели их немногие, **в основном Федор Григорьевич да его внуки. В этом году лебедей не было. Ничего обидного для Омска в этом нет.**

- Сюда залетают не только "холостяки", - объясняет Федор Григорьевич.

- Лебеди только на третий год жизни создают семьи, а до этого, чтобы не мешать взрослым в семейных делах, улетают и слоняются, где придется. Птичья гавань пришлась залетным красавцам и красавицам по вкусу, но они уже стали солидными семейными лебедями не до экскурсий. На следующий год будем ждать их детей.

Этим летом парк "Птичья гавань" увеличил свою площадь более чем на тридцать гектаров. В общем-то, приятная неожиданная ситуация: в наши полуголодные времена о птицах заботятся не для того, чтобы потом подавать их к столу, а просто так. Потому что красиво. Потому что живое и теплое. И тоже хочет жить.

Лариса ШВЕЦ

Авт. Запись сделана на диктофоне во время совместной поездки с Борисом Ивановичем Мишкиным на охотбазу «Тенисовская». Там, на природе, времени у нас для беседы было предостаточно.

ХIII. ПРИПИСНЫЕ ОХОТНИЧЬИ ХОЗЯЙСТВА

1. ОХОТА И ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ПРИПИСНЫХ ХОЗЯЙСТВ

КОММЕНТАРИЙ Бориса Ивановича Мишкина - начальника Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Омской области, к постановлению Главы Администрации (Губернатора) области от 22 июня 2000 года 223-п "О порядке предоставления животного мира в долгосрочное пользование в сфере охоты и охотничьего хозяйства на территории Омской области".

- **Леонид Константинович Полежаев подписал пакет документов**, определяющий в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации "О животном мире" порядок предоставления объектов животного мира в пользование и предоставление территории, необходимой для осуществления пользования животным миром.

С выходом постановления утратили силу ранее принятые нормативные правовые документы, закрепляющие охотничьи угодья за охотпользователями. Сегодня все охотничьи угодья (12634,1 тыс. га) являются угодьями общего пользования.

Последнее закрепление охотничьих угодий производилось в 1986 году. Прошло почти 15 лет, кардинально изменилась социально-экономическая ситуация в стране. Прекратили деятельность госпромхозы, за которыми было закреплено 4159,8 тыс. га. Перестали заниматься охотничьим хозяйством коопзверопромхозы облпотребсоюза (767,3 тыс. га). Основным охотпользователем было областное общество охотников и рыболовов - Росохотрыболовсоюз (5200 тыс. га). Небольшие территории были закреплены за ДСО "Динамо" (45 тыс. га), Всеармейским обществом охотников Омского гарнизона (10 тыс. га).

Прошедшие годы показали, что политика полного закрепления охотничьих угодий за юридическими лицами себя не оправдала, ожидаемых результатов не дала. Остаётся низкой культура ведения охотничьего хозяйства, в ряде приписных охотхозяйств снижается численность диких зверей и птиц, возрастает уровень нарушений правил охоты членами обществ охотников, сфера услуг в охотничьих хозяйствах не развивается. Более того, отдельные промышленные предприятия города и районных центров бросили охотничьи базы, перепродали их. При этом сложилось ошибочное мнение, что с покупкой охотбазы приобретаются охотничьи угодья. Это совершенно неверно.

Охотуправлением проведены комплексные компетентные проверки всех приписных охотхозяйств на территории области. Мы имеем полное и чёткое представление о сложившейся ситуации. Постановление Губернатора даёт возможность навести здесь порядок, ликвидировать монополию на владение и распоряжение охотничьими угодьями. Монополия - это застой, отсутствие конкуренции, что современное законодательство запрещает. Учиться надо у природы, многообразием форм она подстраховывает себя. И это касается всех сфер деятельности относительно леса земли, животного мира.

- **Принятое постановление предполагает многообразие форм пользования животным миром, в нём заложены ростки нового в охотничьем хозяйстве, дано право выбора каждому охотнику: где охотиться, в каком обществе состоять.** Что в этом может быть плохого? Возникает беспокойство, что это может подорвать областное общество охотников. Да! Но это перспектива движения вперёд, а общество должно соответственно перестроить свою работу.

Многоукладность в охотничьем хозяйстве предполагает, чтобы в границах каждого административного района была зона, где не звучат выстрелы и зверь может найти прибежище. Должен быть резервный фонд для тех, кто через 5-10 лет захочет взять угодья в пользование, созданы приписные охотхозяйства с высоким уровнем ведения дел. Нельзя делать так, чтобы вся территория района закреплялась за одним охотпользователем лет на 50, как это запрашивают в Большереченском районе. Вырастут наши дети, внуки, что они получат?

Брать охотугодья нужно по средствам и по силам. Выделять для закрепления лучшие территории с хорошей кормовой базой, разнообразием диких животных. Тогда и эффективность проводимых биотехнических и воспроизводственных мероприятий будет выше. Взять к примеру, фермеров. В своё время в большинстве случаев они получили неудобья, которые потребовали больших затрат, тем не менее, их доля в производстве сельскохозяйственной продукции значительна. Но стоит ли создавать дополнительные трудности?!

Можно хищнически использовать большую территорию и жить за счёт этого, не затрудняя себя заботой о сохранении животного мира. А можно на малой территории создать культурное охотхозяйство и эксплуатировать его. Но для этого нужно постоянно многое в него вкладывать. У нас таких примеров нет, а вот в соседней Тюменской области, в Сладковском районе, создано охотхозяйство на высочайшем уровне.

- Сегодня районные органы местного самоуправления, выражая интересы населения района, со стороны взирают на то, что кто-то приезжает в район, имеет охотугодья, строит базы, охотится. - **Современное законодательство, устанавливая новый порядок закрепления охотничьих угодий, даёт право районной администрации, как юридическому лицу, получить долгосрочную лицензию на пользование объектами животного мира и необходимую для этого территорию.** При закреплении охотугодий мы должны дать право каждому жителю села охотиться на своем озере, где охотился его отец, дед. Государственный охотничий билет дает такое право свободной охоты, не ограничивая охотника созданием приписных охотхозяйств.

Утверждённое Положение о порядке предоставления в долгосрочное пользование юридическим лицам животного мира для осуществления деятельности в сфере охоты и охотничьего хозяйства на территории области подробно разъясняет порядок получения долгосрочной лицензии и заключения договора. При этом **Администрация области, как субъект Федерации, поручает Охотуправлению (п.6 постановления от 22 июня 2000 г. № 223-п) выполнение своих полномочий: приём заявок на выдачу долгосрочных лицензий, согласование заключений, организацию и проведение конкурсов, заключение, изменение и расторжение договоров и т.д.** Порядок тут четкий:

1. Заявитель при подаче заявки и всех необходимых документов проводит их согласование. В этом мы не видим нарушения законодательства.

2. Управление, в свою очередь, делает все необходимые согласования своего заключения по представленным документам заявителя. Лицензия выдаётся по приоритету или по конкурсу.

3. Управление готовит проект постановления Главы Администрации (Губернатора) области о выделении территории, необходимой для пользования животным миром.

Неотъемлемой частью долгосрочной лицензии являются "Условия пользования животным миром" и Договор о закреплении территории.

Лицензия и договор выдаются отдельно на каждую заявленную территорию. Мы должны предупредить будущих пользователей: **в случае невыполнения условий пользования и договорных обязательств лицензия будет аннулирована, и уже навсегда.** **Приоритет при закреплении охотугодий будет иметь не головная организация - областное общество охотников и рыболовов, а непосредственный охотпользователь,** за кем эти угодья были закреплены на правах субаренды, т.е. не прежние предприятия, организации и т.д.

Сегодня главы районных администраций введены в заблуждение: согласовывая закрепление территории за районными охотобществами, они отдают их, так сказать, на сторону - областному обществу охотников и рыболовов, оставляя местного охотника опять ни с чем. Путёвка, выдаваемая обществом охотников, приобретает другой смысл - обслуживание охотника. И стоит она может больше, чем краткосрочная лицензия, но это уже в зависимости от количества и качества предоставленных услуг. Для чего общественным организациям и другим пользователям необходимо перестроить свою работу.

- В Положении специальными разделами определён порядок предоставления в пользование животного мира по приоритету и по конкурсу.

Надо сказать большое спасибо руководителю территориального управления по антимонопольной политике Сергею Васильевичу Суменкову, юристам областной Администрации и управления юстиции Омской области, которые приняли самое активное участие в подготовке документов, особенно проработав соблюдение интересов охотника.

Здесь предусмотрено создание постоянно действующей конкурсной комиссии. Утверждены её Положение и состав, куда вошли руководители всех природоохранных служб. Председателем комиссии утверждён Валентин Александрович Третьяков - первый заместитель Губернатора области. Столь высокий и представительный состав конкурсной комиссии, на мой взгляд, позволит провести закрепление охотничьих угодий эффективно и объективно, обеспечить рациональное, устойчивое использование животного мира.

Утверждена форма договора о предоставлении в долгосрочное пользование территорий, акваторий в качестве охотничьих угодий в Омской области. Договор предусматривает обязанности сторон, разрешение возникающих споров и основания прекращения пользования объектами животного мира. Договором определяются площадь охотничьих угодий, предоставляемая в пользование, её местонахождение, границы и срок пользования.

К сожалению, приходится констатировать, что постановление готовилось в условиях жёсткого сопротивления сторонников областного общества охотников и рыболовов. Сроки его принятия затянулись на неоправданно долгий срок (три месяца), что повлекло задержку выдачи долгосрочных лицензий и вред самим себе. Мы пережили достаточно острый период, когда в очередной раз находилось желание присвоить себе полномочия специально уполномоченного государственного органа в этой сфере - Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Омской области.

- Областное общество охотников и рыболовов оказалось не готово перестроить свою работу в соответствии с новыми правилами, которые устанавливает государство в сфере охоты и охотничьего хозяйства. Проведённое в управлении совещание с охотпользователями, состоявшийся разговор в очередной раз это подтвердили. **С их стороны нет элементарного уважительного отношения к государственному органу, к принятым законам. Нет готовности их исполнять.**

Цены на пользование объектами животного мира, принадлежащими к объектам охоты, установлены государством, и с обществами охотников эти цены не согласовываются. Хотя у нас в области они установлены на основании средних сложившихся цен по областному обществу за последние годы. **Манипулировать** этими ценами общество не будет. Оно торгует лишь своими услугами, но никак не дикими животными.

Разговор, состоявшийся с И.И. Ивановым, председателем областного общества охотников, настораживает: чувствуется неприкрытое желание саботировать.

2. ВСЁ УПИРАЕТСЯ В ЗАКОН

Так считают любители охоты и рыболовства ПО «Омскнефтеоргсинтез».

На сегодняшний день в охотничьей отрасли в целом нет твердого законодательства об аренде и использовании охотничьих угодий. В районных обществах охотников и рыболовов, первичных охотколлективах очень мало квалифицированных охотоведов и егерей, низок уровень культуры многих членов. Отсюда и все трудности ведения охотничьего хозяйства, вообще всей работы в низовых звеньях.

Существующая система приписных охотугодий пока что остается фикцией: «Для того, чтобы вести спортивную охоту, совершенно не обязательно иметь на каждом участке угодий охотничьи хозяйства, так как в каждом районе основные землепользователи - колхозы, совхозы, лесхозы, и т.д.»

Они, и только они могли бы сдавать свои природные владения в аренду первичным охотколлективам, взяв на себя за определенную компенсацию охрану угодий, проведение биотехнических мероприятий, соблюдение правил охоты и др. Разумное совмещение интересов городских и сельских охотников, при совместной деятельности, в несколько раз

сократит затраты, поможет навести должный порядок в охотугодьях и контролировать все происходящие в них процессы. И сегодня, говоря о наших охотничьих делах, акцент необходимо перенести на социально-экономические перемены в России, на методы приспособления к ним охотничьего хозяйства области. К такому рассуждению пришли многие активисты, ветераны охотколлектива ПО «Омскнефтеоргсинтез», сделавшее большой личный вклад в развитие охотничьего хозяйства на приписных угодьях.

С 1959 года нефтепереработчики арендуют охотугодья в Саргатском и Большеречном районах. Это хорошие места: чистый воздух, озера, леса, поля с разнотравьем. Они стали любимой и неотъемлемой частью активного отдыха 600 членов общества охотников и рыболовов, а также их семей.

Только в 1992 году в это дело было вложено более 2 млн. рублей. Построены баня-сауна, дом для егерской службы, проведена телефонная связь, проделана работа по улучшению благоустройства и быта.

Основные землепользователи - Чебаклинский и Шараповский совхозы - получают ощутимую техническую помощь от объединения. Наши коллективы поддерживают доброжелательные отношения в охотустроительных делах. Останутся ли охотбазы и угодья за теми, кто более 30 лет заботился о них? Не пропадут ли трудовые средства, вложенные в строительство и содержание охотбаз, угодий? Поэтому правлению областного общества охотников и рыболовов, управлению охотничье-промыслового хозяйства области необходимо как можно скорее получить юридическое право на заключение договоров с основными землепользователями.

О. ЮДИН, председатель охотколлектива

Авт. Бывая на охотбазах нефтяников, отмечал всегда особый порядок охотинвентаря и помещений. Приятно было видеть на столах в комнатах свои авторские книги и журналы «Охота».

3. ЛОСЬ СЪЕЛ... ЗАЙЦА

На охотничьих тропах в достатке и трудностей, и опасных ситуаций, и с курьезами нет дефицита. Ведь народ там встречается очень разный.

Директор Тарского госпромхоза Владимир Александрович Смирнов в ответ на мою просьбу припомнить что-нибудь забавное из охотничьей жизни, рассказал вот такую историю.

Компания горожан приехала на охоту зимой. Идут по лесу, параллельно им след зайца тянется, который через некоторое расстояние соединился со следом лося. Естественно, игрушечный след косога затерялся под большим и размашистым лосиным.

Среди городской охотничьей компании был и новичок, который любопытствовал у бывалых: «Куда же делся заяц?»

- Как куда? Лось его съел.

- А где же шкурка?

- Что ж он, такой большой, будет есть такого маленького, да еще и шкурку выбрасывать?

Похохотали мы с Владимиром Александровичем вдоволь, однако, тут же я засомневался, не разыгрывает ли он и меня, подобно тому, как разыграли товарищи того новичка из города.

Вполне серьезно, был такой несерьезный случай, - еще не до конца отсмеявшись, ответил Смирнов.

Так что, уважаемый читатель, я, как говорят, за что купил эту байку, за то тебе и продаю. И за достоверность фактов ответственность не несу.

Михаил БЕЛОЗЕРОВ

Авт. Эта охотничья байка - пример охотничьей находчивости и особого юмора. В моей редакционной почте их было не мало.

XIV. ОХОТБАЗЫ ПРИПИСНЫХ ХОЗЯЙСТВ

1. УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И ОХОТНИКИ!

Охотничьи базы (а их - сотни) заслуживают написания о них отдельной летописи, но я не берусь за этот труд, так как в десятках моих книг, в стихах и прозе, у меня подробно описываются многие базы. Взять, к примеру, мои повести (они помещены в этой книге в конце, в разделе «Художественная литература»).

В повести «Егерь», прототип моего героя-егеря, Рудских Адольф Афанасьевич своими руками строил несколько охотбаз. Он принимал участие в строительстве самой элитной базы «Тенисовская», или как её называли - «Манякинской». Там два красивейших дома, катера на пристани, дорогая мебель и лучшие телевизоры в комнатах - всё это в первую очередь для областного начальства, для избранных гостей. Афанасьевич построил большой дом с верандами на озере Полдневое для охотколлектива «Солдатское» и небольшой домик на озере Буслинском.

Анатолий Михайлович Канушин (герой повести «Медведь-шатун») построил большую базу для охотников завода им. Карла Маркса на озере Сарыбалы и к ней подъездную дорогу, базу в в Большереченском районе. и областную базу в Драгунке по натаске собак на зверей. А промышляя в тайге на соболей, строил основные и запасные избушки разных размеров во многих местах. И это - всего один человек.

Так что, строить охотбазы, особенно для крупных предприятий в 70- 80-е годы, было делом не трудным. В добротных домах была хорошая мебель, белоснежное белье. Вместе с охотниками отдыхали их семьи или любители природы, которые рыбачили и собирали грибы и ягоды. Жаль, что в последнее время с «перестройкой», с финансовыми трудностями жизнь на базах потускнела. Они стали менее многолюдными, базы продают частным лицам.

Но если бы мне пришлось писать книгу об охотбазах, я бы постарался подробнее в первую очередь рассказать о самых первых времёнах моей жизни (1945-1950 гг.), о многих увиденных мной охотничьих землянках и маленьких избушках, в которых почему-то, как правило, жили одинокие егеря. Помню, как 12-летним пацаном впервые увидел крохотную землянку у озера Теннис (она пряталась в лесу на «Подувальчике). И рядом стоял избаразвалюха. В ней жил одинокий старичок-егерь.

ЕГЕРЬ

Однооконная изба
на берегу у озера
меня нежданно сберегла
от сумрака морозного.

Трещал в печи огонь
слегка
и лампа чуть светила.
И рысья шкура с потолка
свисала и искрилась
Мерцало на стене ружье

с надтреснутым
прикладом...
И дед мне про своё житьё
рассказывал с усладой.
Про птиц, и рыбу, и зверей
...Про одиноких егерей.

И чуть подалее по берегу озера к «Зимнику, за Старым Конкулем, на берегу речки возле озера Кашара – ютилась также крохотная избушка рыбака.

РЫБАК

- Да, такая вот
история
приключилась у нас.
Был Теннис не меньше
моря, -
начал тихо дед рассказ.
Дед – рыбак, он любит
воду,
в лодке может ночью
спать,
а предсказывать погоду
–
словно семечки
щелкать!
С бородой
замысловатой
над размахом плеч
тугих,
он рассказ повел:
-Когда-то
не было страстей
таких.
Чтоб такая уйма люда
на машинах,
и сюда!

Утка поднята повсюду,
весел столь –
кипит вода!..
Раньше здесь была
избушка
на все озеро одна,
жил тогда я со
старушкой..
Помню,
раз пришла весна –
щука,
и карась, и окунь
в берег или
икру метать,
и у самых
этих окон
мог хоть тыщу
их поймать.
Не сетями,
а руками
щук хватал из камыша –
вот с такими
головами!?!..
А теперь-то
ни шиша?
Есть-то
есть –
не та уж рыба...

И Гослов,
и Рыбнадзор
все разводят,
да не в прибыль –
недород,
а то помор...
Зарастает,
обмелело –
и не жалко помирать.
А рыбацкое-то дело
надо тонко понимать...
Дед умолк,
темно в избушке -
он не любит свет зря
жечь.
На соломенных
подушках
и на нарах
нам всем лечь.
Молча,
скопом,
потихоньку
разбираемся впотьмах...
Словно сыч сидит в
сторонке
дед,
в огромнейших пимах.

Если говорить откровенно, всё же я люблю чаще ночевать не на кровати в охотничьей базе, а на телогрейке в спальном мешке у костра, или в палатке. А в холодное время - в машине.

2. ОХОТБАЗА «ТЕНИСОВСКАЯ»

Авт. В детские годы я пешком из деревни Старосолдатка ходил по соседним сёлам со слепым дедом (он подрабатывал в деревнях тем, что отличной пилой заготавливал многим на зиму дрова). Я - как поводырь. Несколько раз бывал с ним в Усть-Логатке, где у него проживала родная сестра. На пути проходили через село Могильное (при Советской власти его переименовали в благозвучное - Октябрьское, но в народе продолжали звать по старинке). Несколько лет назад село распалось, исчезли последние избы.

Далее по пути у нас была деревня Тенисовка. Она ещё раньше исчезла с лица земли, хотя два последних дома с жителями простояли потом около десятка лет. Зато вблизи, у озера Теннис, появилась богатая охотбаза. Два больших дома с хозяйственными постройками виделись издалека. Позднее я на базе бывал много раз. Особенно когда на ней стал работать завбазой наш солдатский охотовед, Адольф Афанасьевич Рудских. Вот что он рассказывал мне о первых своих днях работы на базе:

- Дома и хозблок пришлось мне облагораживать. Рядом под навесом сделал несколько построек. Особенно много поработал с устройством причала...

До озера - 500 метров. Взрывом сделал канаву-выезд, обшил доской с перилами, все делал своими руками. Заложил рядом с домом богатый сад.

Разработал землю под огород. Загородил ограду, защитив сад, и насадил ёлок, голубой и обыкновенной.

Сделал 15 скрадков для охоты. Это забивается 4 бруса на нужную глубину, чтобы не шатался помост, кладется щит 1.5x1 метр, всё это обшивается и делается сиденье и столик. Можно танцевать. Место выбиралось на хорошем пролете дичи, и чтобы убитая дичь не угонялась ветром. Стрелок без лодки.

Я развозил их и собирал уток и охотников. 2 месяца я не знал ни сна, ни покоя. Помогал племянник Агарнов Владимир, спасибо ему. Боялся, подведёт здоровье.

В ограде гараж с отоплением, финская баня и колодец. Делаю погреб и заезд для ремонта машин. Всё, всё готово для приема гостей. 2 катера «Казань» с мотором «Вихрь». Дичи очень много. Проведена от деревни Могильное электрическая линия, отопление водяное электротенами. В доме для гостей богатая мебель, ковры и посуда. Все построено за счет членских взносов области. Председатель Репин Ал. Филимонович.

База областного общества охотников, но посещать её могли только особи. И по разрешению председателя Репина А.Ф. Мне же написали приказ: «За посещение базы посторонними лицами буду немедленно уволен». Работаю один и открытие базы и охоты провожу один. Это надо развести на катере 15 охотников и ночью собрать их! Озеро громадное 100 кв. км. И в этих зарослях камышей ночью собрать и найти скрадки. Но с работой я справился успешно, и мне Горбачев И.П. от лица облисполкома объявил благодарность. Посадил в катер 4 человека и я пятый, все члены обкома во главе с 1-ым секретарем обкома Манякиным С.И. Выехали на озеро, дул небольшой западный ветер, но волна была большой. Каждый имел два ружья и большое количество боеприпасов. Катер был перегружен. Были спасательные средства. Скорость хода была мала. И стало волной заливать мотор. Я старался пройти между волнами, но маневр не удался, скорость была слабой. Мотор залило, и он заглох. На веслах я развернул катер по волнам к берегу. Завел мотор и ушел под защиту острова. Это наука на будущее. Разве я мог не разрешить таким «шишкам» четверым в катер. Слава Богу, всё обошлось хорошо. Сильно устаю, но справляюсь с делами.

Авт. Подобных рассказов - откровений в наших беседах было много. Закончу это тем, что Афанасьевича уволили с базы завистники-коммунисты, ведь А.А. Рудских никогда не состоял в партии и его многие взгляды на жизнь шли в разрез с понятиями о коммунизме. Я ведь тоже всю жизнь был беспартийным, ненавидел холуйство и прислужничество, и Афанасьевич в этом был мне близок по духу. После нескольких посещений базы я написал стих.

ОХОТНИЧИЙ ДВОРЕЦ

Нарядный дворец:
разноцветные стеклышки,
в стенах мозаики радужный блеск...
Охотничья база сверкает на солнышке,
сзади подворья –
роскошный лес.
А перед окнами,
от калитки,
водный канал,
где стоят катера...
Огромное озеро,
солнцем залитое,
сияет лучами сегодня с утра.
Егерь небритый,
в куртке зеленой
сети в охапке на катер несет,
на грядке с клубникою красной,
у дома,
лохматая псина покой стережет...
Баня...Гараж...
Для прислуги два дома.
Не база –
дворец для князей!?
Эта мне местность
лет тридцать знакома –
здесь я ловил карасей.

Вон Усть-Логатка,
родня в ней осталась,
дальняя, правда,
но все же родня.
На этом вот месте деревня стояла,
Тенисовка –
вон, в стороне, тополя!
Веселые улицы к озеру длились,
и там,
где кончался забор-городьба,
лодки-долбленки протоками плыли...
охотились...
Рядом гремела пальба...
Нету деревни, лишь кладбище вижу
за тополями, в бурьяне большом...
Тех, кто разграбил дворы –
ненавижу!
Я говорю о былом, о больном.
Нету деревни...
А база сверкает
в радужных стеклах,
надменно глумясь
над бедностью страшной родимого края,
где юность когда-то
моя пронеслась

Авт. Мне приходилось много раз бывать на охотбазах, как журналисту, с целью сбора материалов для газет и журналов. Одновременно - на базах я охотился. Прекрасны первые, старейшие базы: Бутырлинская и Куртайлы. Но вот я выезжаю после вечерней зорьке, в сумерках, с озера. На пристани, деревянные настилы которых уходят по воде далеко в озеро, вдруг загораются электрические лампочки. Они на стойках, по которым протянут электрический провод, Озеро преобразается. Из загадочного в темноте, таинственного - сразу обнажается в городскую улицу. Всё. Настроение моё сразу портится. Нет, такая охота не по мне.

Но и всё же у меня есть любимая база, та, которую я строил своими руками. Это база общества «Локомотив», расположенная на озере Кривое (Большереченский район, свёрток на 172 км. В сторону Иртыша). Она тоже одна из старейших первых баз, построенных Омской железной дорогой в начале семидесятых годов. Виктор Григорьевич Головлёв, председатель Дорожного Совета ДСО «Локомотив, а позднее председатели Райсовета Лазарев Олег Борисович и Долгих Николай Иванович многое сделали для организации охотничьего коллектива. Я выезжал на охотбазу, встречался с охотниками-железнодорожниками, писал о них в газетах и журналах.

3. ОХОТБАЗА ОБЩЕСТВА «ЛОКОМОТИВ»

Вот одна из моих бесед на охотбазе с председателем правления охотколлектива И. Паутовым и его рассказ

«...В трудное время последних трех лет низовые охотколлективы распались. Охотколлектив "Локомотив", наоборот, вырос, например, в 1994 году убыло по различным причинам 59 человек, прибыло 74 - это происходит оттого, что все текущие вопросы решаются членами бюро правильно.

Заседания членов бюро происходят без срывов ежемесячно в присутствии на них членов ревизионной комиссии и просто членов охотколлектива.

Недостатки есть в поддержании готовности строений для принятия и размещения прибывших на отдых охотников и рыболовов, но мы стараемся с 1994 года отремонтировать, подновить, и уже бы все устранили, но нет для этого средств. Например, на базу отдыха "Осиновое" Называевского района построена дорога силами ПЧ-5 от села Старинка до самой базы, начали строить новую гостиницу, но из-за недостатка средств пришлось строительство приостановить.

Присутствие охотников и рыболовов на базах отдыха увеличилось в 1994 году на 48 человек больше, чем в 1993 году. Уже два года открывалась охота весной и осенью, нарушений правил охоты со стороны охотников "Локомотива" нет, но они в соответствии с указаниями директора охотобщества Большеереченского района Надара Бакурадзе создаются надуманно. Например, охотоведом 8 сентября 1994 г. на базе "Кривоозеринское" с Балаклеевского Петра Павловича востребовано 3000 рублей за неотработку, при всем этом в его охотничьем билете была отметка об отработке, только после дополнительной уплаты за неотработку была выписана разовая путевка N 096421 на 2000руб.

Это ли не насилие?

Другой пример. В декабре 1994 года Н. Бакурадзе прислал своего охотоведа к председателю охотколлектива "Локомотив" за тем, чтобы выдать марки для распространения среди охотников и получения взносов на 2 млн. руб. в обход бухгалтерии областного общества, а затем деньги вернуть ему лично, т.е. из рук в руки. Когда сделка не состоялась, он решил базу отдыха передать другому коллективу.

Так хочется крикнуть словами поэта Владимира Зензина:

***"Ну, когда мы научимся, люди,
жить без глупых вот этих забот?"***

4. ОХОТА: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

Авт. Эту заметку в газету я готовил долго, был в охотколлективе «Локомотив» и в других.

В соответствии с постановлением главы администрации области весенняя охота нынче будет открыта с 29 апреля по 2 мая в большинстве районов. Однако в северных (Большеуковский, Знаменский, Тарский, Тевризский, Усть-Ишимский) отстрел дичи разрешен в более поздние сроки - с 6 по 9 мая.

В основу такого решения легли многочисленные обращения охотколлективов. Им хотелось бы не только отдохнуть на лоне природы, но заодно и поработать на базах своих приписных хозяйств, подремонтировать домики, хозпостройки, лодки и другой охотинвентарь.

Соответствующий вопрос был включен в повестку двух форумов областного уровня. Скажем, 12 апреля прошло расширенное заседание совета охотобщества с участием руководителей отраслевых и районных звеньев. Председатель правления В.А. Кирин доложил об итогах работы в 1994 г. В частности, доход областного общества охотников и рыболовов составил 1 млрд. 300 млн. руб., что поможет осуществлению планов 1995 г. Заместитель председателя И.И. Иванов проинформировал собравшихся об условиях проведения предстоящей весенней охоты: цена разовой путевки - 2 тыс. руб., четырехдневной, общей - 10 тыс. руб., норма отстрела за день - 2 селезня.

Выступили на том заседании представители лесной и санитарной служб, председатель облкомприроды ВТ. Семеняк, зам. природоохранного прокурора А.В. Алексеицев. Они говорили о необходимости соблюдения культуры охоты, правил противопожарной и экологической безопасности.

Неделей позже, 18 апреля, состоялось совещание в управлении охотхозяйства, на которое приглашались охотоведы районов и работники заказников. Начальник управления Б.И. Мишкин четко определил задачи контроля за ходом весенней охоты, за ее сроками и нормами отстрела. Для этого сформированы областные и районные бригады охотнадзора. И здесь своим мнением с присутствующими поделились специалисты лесного хозяйства прокуратуры, других заинтересованных сторон.

Итак, что называется, все выверено, решено и подписано. В принципе, все верно, выработаны полезные рекомендации. И все же у некоторых охотников, особенно опытных, в эти дни наблюдается некоторое душевное сопротивление. Чувствую это и по себе, представляю, как раннее утро 29 апреля окажется словно распорото тысячами ружейных залпов (охотников-то у нас в области только зарегистрированных - 36 тысяч). А ведь большинство уток в связи с ранней весной будет в то время сидеть на гнездах. С лужаек, болотцев, озерных разливов их поднимут в воздух и без разбору расстреляют горе-охотники, поскольку настоящих знатоков, отличающихся в полете селезня от самки, у нас, к сожалению, мало.

Запомнился разговор с председателем правления охотколлектива железнодорожников Иваном Матвеевичем Паутовым. Он поведал, что их правление в 100-процентном составе проголосовало против открытия грядущей охоты. Таково мнение полпредов организации, объединяющей несколько тысяч человек.

Приходилось слышать мнение и представителей сельских районов: они против повсеместного весеннего отстрела дичи.

И рациональное зерно в подобных суждениях есть. Нет, я не ханжа, сам охотник со стажем. Знаю, как полезно любому побывать на природе в наше столь напряженное время. Поэтому, может быть, на перспективу стоит поискать компромиссное решение, наверное, есть смысл сократить срок охоты с 4 до 2 дней? Далее, проводить ее только на территории госфонда? А еще лучше лишь в местах, где птица идет пролетом: пойма Иртыша, Крутинский водный бассейн (Тенис, Салтаим, Ик). И путевки давать не всем желающим, а только лучшим охотникам - как премию за квалификацию, дисциплинированность, за заслуги в природоохранной деятельности. Словом, варианты, как говорится, есть. Можно их чередовать, или выбрать какой-то один, или выработать рациональное сочетание нескольких. Думается, здесь есть над чем поработать специалистам заинтересованных областных ведомств и общественных органов.

В. ЗЕНЗИН, "Омский вестник", 1995, 25 апреля

МЕСТО ВСТРЕЧИ ДРУЗЕЙ!

Анатолий Иванович Грачёв, известный омский журналист, работал в разное время во многих газетах на высоких должностях: гл. редактором «Омский Сибиряк», заместителем главного редактора газеты «Омская Правда», ответственным секретарём «Омской Вестник» и более 10 лет главным редактором школьной газеты «Класс». Он - редактор многих моих книг. Под его началом я вёл в «Омском Вестнике» приложение «Природа Прииртышья», а в газете «Класс» имел две литературные странички.

А.И. Грачёв являлся редактором литературного алманаха «Глубинка», где я был членом редакции.

Анатолий Иванович активно сотрудничал в моих изданиях - в журналах «Охота и рыбоводство», «Природа Прииртышья», «Физическая культура и спорт». Его публицистические статьи отличались высоким профессионализмом журналиста. На хорошем литературном уровне он писал охотничьи рассказы. Некоторые из них помещены в этой книге.

1. ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДРАГУНКИ (А.И. Грачёв)

Костерок, подпитываемый время от времени скромными порциями сушняка и валежничка, приятно прогревает спереди. А спину, шею и уши нещадно атакуют комары. Так что и с тылу - тоже не холодно. Эта гнусь не боится дыма, разворачиваемого то туда, то сюда капризной розой ветров, заплутавшейся в лабиринте колка, прячется от него в складках одежды, пробиваясь с жалом наперевес к незащищенным участкам кожи.

Я охаживаю себя по спине и бокам густой березовой веткой. А собеседнику моему и тезке Анатолию Михалычу Канушину комары, кажется, совсем нипочем. Он весь в воспоминаниях, клубок их разматывается с причудливыми зигзагами, распадаясь на массу обрывков. Так что сюжетную нить повествования приходится то и дело скреплять узелками.

Впрочем, и сосредоточиться-то как следует, несмотря на за полночь, достаточно трудно. Там и сям подают голос охотничьи собачки, «припаркованные» кто к сосне, кто к березе, а некоторые скорочены удлиненной металлической рамы, коей в недалеком будущем уготован статус рекламной витрины типа «Наши достижения».

Неподалеку у более масштабного огнища расположились хозяева четвероногого воинства. Кое-кто захватил сюда то ли на хуторок лесной, то ли на заимку, то ли на недозревшую охотбазу - кроме звонкоголосых лаек не менее речистых жен и чад. А во вместительной поклаже нашлось место не только походному снаряжению да нехитрой провизии, но и тому бесовскому 40-градусному «маслу», которым смазывается бивуачная беседа. Так что у костра того многословно и хохотно.

- Трандоболы, - беззлобно кивает в ту сторону Канушин. - У многого, посмотришь, другой и заботушки нет, как нажраться да языком почесать. А утром - испытания. Медведя спозаранку из вольера вывести надо. С лайками дома не работают (не все, конечно) - хоть бы здесь наверстывали! Какие сами балаболы, такие и...

Он обрывает себя на полуслове и удрученно хлещет по воздуху правой ладонью. Левая в это время занята эмалированной кружкой, в которой маслянисто колышется деготного навара чаище, приготовленный в закопченном котелке тут же на костре. И, пока он прихлебывал крепкое варево, я раздумывал над его сентенциями, благо прошедший вечер предоставил для их иллюстрации свежие картины.

КУРОДАВ ОТКРЫВАЕТ СЧЕТ

Мы шли от Аширова обратным курсом, с облегчением покинув душную электричку. Я пристроился в шаг к высокому усатому парню в защитном одеянии. Несмотря на солидный выюк за плечами и тяжелые сапоги, шагал он легко, и вскоре мы основательно оторвались от основной группы, направлявшейся на базу.

Его Тайга носилась туда и сюда, не теряя, однако, хозяина из поля зрения. За ней увязались еще две собачки, хозяин которых остался с товарищами далеко позади. Эта шумная и агрессивная пара просто жаждала подвига и вскоре совершила его, врезавшись с пронзительным гавканьем в овечье стадо.

А вот Тайга нашла своей энергии более достойное применение. Она выгнала из камышей крупную утку и проводила ее до ближайшего колка. Кстати, наблюдателями этой гонки были не только я и мой спутник. Лениво взмахивая крыльями, за кряквой и пайков проследовал дородный коршун, лелея надежду урвать из ситуации свой шанс.

Когда мы достигли базы. Тайга, видимо, не забывшая привычную дислокацию, сразу же направилась к месту привала. Но упомянутая пара четвероногих коллег поступила иначе. Их внимание привлекли хозяйственные постройки, вернее, обитатели последних. И через несколько секунд белый самец торжествующе трухал от птичника, держа в зубах передавленную шею упитанной несушки.

- Застрелить тварюгу, - презрительно, выронил появившийся из-за угла охотничьей избушки Михалыч.

- Ну, этого, может, и не надо, - протянул мой попутчик. - Лучше пусть владелец «добытчика» выкупит его «трофей» у егеря за... тройную цену.

- На шиша мне его деньги! - воскликнул негодуяще подошедший к нам егерь Асхат.

- Эта ряба давала яйца чуть ли не два раза в сутки. Таковую ни за какую мзду не купишь. К тому же деньги завтра же обесценятся.

Впоследствии я узнал о соломоновом разрешении конфликта. Незадачливый собаковод обязался возместить ущерб аж тремя особями куриного рода соответствующего пола...

- Анатолий Михайлович, - востропнулся я, наткнувшись на внезапную мысль, - наверное, можно сказать: какова собака, - таков и охотник?

- Не исключено, - отозвался он.

- Хотя вернее было бы: по собаке и добыча.

Однако не всегда. В отношении нынешнего городского добытчика - это точно. А вот те, кто на природе вырос, вполне без собак могли обходиться...

Одним из первых учителей у Канушина был остяк Макарыч. Мой тезка промышлял тогда на северной речке Аев, где имел участок («Место такое, - вспоминает он. - Веселенькое!»). В то время там и птицы было много, и зверя навалом, и красота неопишная.

Раньше-то по тайге в основном пешком передвигались (это сейчас норвят не вертолетах да на танкетках). Но ничего. Анатолий тогда здоровый был, «как конь» (по его словам). А груза приходилось брать с собой много - сколь рюкзак выдержит. Не меньше чем на месяц с «большой землей» прощались, и надо было озаботиться не только о себе, но и о собаках. Сухарей, главное, захватить побольше. Сухарик и сам погрызешь, и собаку, где к месту, поощришь. Эвон сколько на себе тащили, кряхтячим-то паром!..

- Нельзя сказать, чтоб Макарыч сильно-то меня обучал. Бывало, скажет: «Смотри, Анатолий, чего да как». И присматриваешься, до всего своим умом доходишь. Но ничего, потом они уже сами у меня учились. Например, как капканы ставить, пушнину обрабатывать, чтоб не просто сдать ее, а с высоким качеством...

- Стоп, Михалыч, - торможу я, - вернемся к нашим собакам. Не зря же о старом остяке разговор зашел?

- Ага. В том-то и дело, что Макарыч сам был как собака. Нет, не по характеру. Тут он душа-человек.

- Правда, когда трезвый. А напьется - не знаешь, то ли убить его на месте, то ли сбежать куда глаза глядят. Но природу он как зверек чуял, в лесу ему ни карты, ни компаса не требовалось.

- Что же, так без собак и обходился?

- Почему? Были. И у сына его Валерки - шибутной такой! И у другого сына, Димки Немельчина, - мы с ним тоже вместе охотились. Были собаки. Но какие? Всякие, кроме хороших. Смех и грех! К осени наберут в деревне штук по 5-6. Что толку, спрашивается? Их же надо воспитывать, держать в натаске. А тут: приводят этаких рекрутов в лес, а они и от ног не отходят. Да чего там: лаять и то не умеют. Хорошо, если одну-две определяют к делу. Остальных постреляют. Зато тем, уцелевшим, после особая честь выпадала...

- Поди, за сезон так натаскивались, что на выставках призы брали?

- Насчет призов - в самое яблочко. Только особые они были, эти призы. Выходили Немельчины из тайги, как правило, при большой добыче и с великим куражом. О порог первой же забегаловки спотыкались, ежели шлея под хвост попадала. И начинали дуванить. Соболя за бутылку не жалели. А под конец и ружья, и собак пропивали. Люди-то полагали, что доброму охотнику и тварь его четвероногая под стать. Наравне с ружьем и соболем быть пропитой - чем не приз для бесталанной шалавы?!

ТЫ СОБАКЕ - СОБАЧЬЮ ЖИЗНЬ, ОНА ТЕБЕ – ЧЕЛОВЕЧЬЮ

Калякаем с Михалычем, швыркаем полукопченный чаек. А время бежит. Незаметно к самым ногам подобрался туман, выползший из недалекого озера. В ложбинах и впадинах он скапливается погуще, и мне сквозь полуснувшие веки видится, что там притаились крупные белые лайки вроде вечерошнего куродава.

Если я правильно понял, Михалыч, на свой инстинкт полагаться можно, а на собачий нельзя? Собака должна знать, что от нее требуется...

Но прежде охотник должен усечь, чего нужно требовать от собаки. В противном случае опять же смеху не оберешься. Вот слушай.

- Когда я с Веселенького на Тыгые (речка такая - у нас начинается, в Тюменщину утекает) перешел, со мной охотился парень такой – Лехой звали. Приедет он, значит, на сезон и собаку с собой привозит. Не собака - обрубьш какой-то (ну, это бы еще полбеда). И все время она у него щенная. Тут сезон - а ей щениться. И что он ее не передерживал - не пойму. Да... Щенки рождаются - он их в узелок и топить. А у нее соски до полу, молоко горит - как же ей по траве-мураве, по бурелому-то бегать?!

- Может, она потом наверстывала упущенное особым прилежанием в службе?

- Ну, брат, извини, но ты мне Леху того сейчас напоминаешь. Бывало, встретимся где-нибудь на меже – наши участки рядом располагались. Он мне ее давай нахваливать. Мол, соболиный след берет и идет, идет за зверем... А что же, спрашиваю, лая ее не слышно?

Но разве ж так хуже? Раньше времени не спугнет, доведет до конца, а там...

И ты какой же, прости, чудак на одну букву, как Леха. Соболю-то петлять горазд. Сколько он тебя по своему же следу протаскает зазря. Тут-то собака и должна лаять, чтоб ты даром сил не тратил. А Лехина-то ищейка, колись она провались, идет по следу молча, загонит наконец соболя на дерево, сядет под ним и... молчит. И Леха мой ищет ее, тварь этакую, целый день - пяти бьет да башмаки стаптывает.

- Однако находит все же!

- Ага. Я у него как-то интересуюсь: как же ты узнаешь, где она у тебя, как ориентируешься? И что же он мне поясняет: она-де когда под деревом на стреме сидит, то по коре лапкой прцарапывает. Сигнал, значит, дает: здесь, мол, соболю твой. Посмотрю я на эту сучку: ни хвоста, ни мозгов, ни фига нет. Одно слово - обрубьш. Кругом обрубьш. Эх, говорю, Леха, так твою и перетак. Взять ту собаку да по морде тебя ею, да по морде. Ибо не она виновата в своей недоразвитости, а ты - хозяин. Какого рожна ты ее все лето на привязи держишь? Хочешь от собаки желаемое получить - натаскивай, учи, испытывай, предлагай различные ситуации, какие на охоте приключиться могут. Она тебе тогда не только добытчицей будет - она тебе при случае жизнь спасет. Вот тогда ты ее не то, что похвалишь - ты ей в ноги тогда упадешь. Только не забывай, что она собака. И будь добр - обеспечь ей собачью жизнь, если хочешь, чтоб она в тебе человека зауважала.

2. МОЙ ПЕВЫЙ «БРОНЕНОСЕЦ»

Авт. Михаил Дмитриевич Ильченко работал много лет в Правлении Областного общества охотников и в Управлении Охотхозяйства администрации области. Занимал высокие руководящие должности. С 2002 года по 2004 г. работал начальником Управления охотхозяйством области. Среди охотников пользуется высоким авторитетом. Иногда печатался в моих изданиях.

Стоят звонкие рождественские морозы, погода солнечная, снег искрится, вылетая из-под гусениц новенького «Бурана». Ровно поет двигатель, и настроение от всего этого какое-то праздничное, приподнятое.

Вторую неделю работаю в паре с егерем Карнауховым на вывозке кормов для кабана в Муромцевском районе. Этот недавно реакклиматизированный вид обитал когда-то на территории нашей области, а затем был хищнически истреблен.

Реакклиматизация кабана началась в 1982 году, когда из Подмосковья завезли и выпустили в охотничьи угодья Муромцевского и Тарского районов группу животных в 120 голов. Тяжело было поначалу этому зверю в сибирских лесах, ведь глубина снега в 30-40 см считается для него критической. Но выжил, начал активно размножаться, и через 3 года его численность увеличилась втрое.

Важную роль сыграли здесь жесткая охрана и интенсивная подкормка. Последнее позволило не только помочь животным получить необходимые питательные вещества в зимних условиях, но и задержало их в непосредственной близости от мест подкормки, что должно было в значительной степени упростить и охрану, и охоту в будущем, так как стали известны места его постоянного обитания и излюбленные переходы.

Везем на волокуше два мешка овса и мешок мороженой картошки в район села Окуневка. Где-то там, за деревней, в заболоченной согре живет стадо кабанов. Аппетит у них отменный, такой порции хватает не больше чем на 2 дня, а на третий нужно повторять. И так всю зиму.

В этом сезоне впервые открыта охота на кабана, и у меня в кармане лежит лицензия с отметкой райохотоведа. Значит, если повезет - мой коллектив будет пробовать деликатесный продукт.

Насчет успеха охоты - полная неуверенность. На кабана я не только никогда не охотился, но и в глаза его живьем не видел, все сведения только из журнала «Охота и охотничье хозяйство» да из старых книг отца.

Проходим Окуневку, через 5 км должна быть подкормочная площадка. Интересный зверь этот кабан. Гон у него проходит в течение полутора месяцев, с конца ноября до начала января, и только на этот период в стадо приходят секачи, которые в остальное время года живут отдельно и поодиночке, за что и прозваны в народе одинцами.

За два месяца до наступления гона у кабана начинает расти «калкан», или «броня», - утолщение подкожной клетчатки с включением потовых желез до 4-5 см. Этой «броней», как двумя щитами, защищены грудь и бока самца на период брачных боев от клыков и укусов соперников. В таком «бронешилете» ему и охотничья картечь нипочем, но пулю от 9-миллиметрового карабина, что висит за моими плечами, и он не выдержит.

Проходим первый лесной массив за Окуневкой, ныряем во второй. Снежный покров высокий и рыхлый, передвигаться на одном «Буране» вдвоем, да еще с груженой волокушей возможно только по старым следам.

Вспоминаю, что кабан очень крепок на рану и даже с пробитым жаканом сердцем может жить до 35 минут, забравшись в чащобу и сохраняя силы к последнему броску, который нередко бывает смертельным для неосторожного преследователя.

Едем медленно по лесу, сосенки, елки и березы в куржаке, искрятся на солнце, как диковинные кораллы. Удар в сосну... «Пошел, пошел, пошел!» - орет Карнаухов. Ничего не могу сообразить и вдруг вижу, как метрах в 60-ти со стороны стоящего на поляне стога сена мчится к опушке что-то темное, то и дело пропадая в вихре снега. Наконец, дошло: секач! Прыгаю в снег и сразу зарываюсь почти до пояса, ташу через голову карабин, а он, кажется, прирос к спине. Наконец, все - карабин в плече, патрон на месте, предохранитель снят, беру чуть вперед, быстро и плавно давлю на крючок - выстрел, вслед успеваю сделать еще два. Кабан как мчался через поляну, так и влетел в лес. Стою, ошалелый от того, что видел, делал и чувствовал, и не могу понять: почему он убежал, а не упал, и даже не споткнулся? Ведь я из этого оружия на 100 метров без промаха спичечный коробок сбивал.

- *Пошли, посмотрим на следы.* - Это мне Карнаухов. Молча, топаю сзади на лыжах.

Это были даже на следы, а какая-то волнистая траншея. Зверь делал прыжки, по три метра почти при метровой высоте снежного покрова! Ну, силища у лесной «хрюшки»!

На том участке, где мои пули должны были поразить цель, валялись щетина и кусочки пуха, а крови не было. Не попал?! Значит, мазанул. Позор...

- *Ну, ладно, остынь тут немного, а я сбегаю, гляну: вышел он из массива или нет,* - бросил Карнаухов. Машинально киваю и остаюсь один. Еще раз иду по следам, вспоминаю, как стрелял, куда ложилась мушка. Еще раз удивляюсь отсутствию крови.

Возвращается Анатлий. Выхода из массива нет.

- *Здесь есть переход один, вот я на него и сяду, а ты давай топай по следу, может, и доберем твоего...*

Что делать? По следу - так по следу. Кабан не заяц, конечно, но показать, что сдрейфил, нельзя.

Через 15 минут после того, как ушел Карнаухов, снимаю лыжи, досылаю патрон в патронник, встаю на след и тихонечко продвигаюсь вперед, пристально осматривая все встречающиеся на пути препятствия. От места стрельбы отошел уже метров 130 - вижу впереди красную ягодку. Приближаюсь - да это же капля крови! Дальше - еще одна, еще и еще.

«Спокойно, здесь нельзя торопиться. Смотри лучше и будь готов», - это я мысленно себя настраиваю.

Знаю, что обычно раненый кабан делает дугу и ложится носом к следу, чтобы максимально подпустить преследователя и внезапно напасть на него. Схожу со следа влево метров на 10, снимаю оружие с предохранителя и медленно-медленно, с удвоенным вниманием просматриваю всю растительность впереди и по бокам.

Смешанное чувство охотничьего азарта и опасности подавляет чувство холода, не слышу бешеного стука сердца. Это все потом и стук, и холодный пот, и мороз. А сейчас - только глаза и уши. Все остальное - «на автомате». Инстинкт подсказывает: секач где-то рядом, да и следы говорят о том же, петляя между деревьев справа, и кровь - темная, венозная - теперь орошает снег почти струей.

Еще шажок, еще один. Впереди, прямо, метрах в пятидесяти, - четыре березы, а следы уходят правее. Курса не меняю, продолжаю до упора «прочесывать» местность глазами. Тишина полная, особое внимание - березовой четверке. До них уже метров 30.

И тут он не выдержал - вскочил. Бросаю приклад в плечо - выстрел. Кабан завалился на бок и забился в агонии. Не торопясь, перезаряжаю карабин. Уши обожгло морозом, руки трясутся, как у паралитика, сердце подпрыгивает к самой глотке. Сажусь на снег метрах в десяти от секача и кое-как закуриваю.

Передо мной лежал самый настоящий вепрь. Огромная вытянутая голова с оскаленными клыками, короткое горбатое туловище с сильными ногами, коричневая шерсть, через которую торчит черная щетина. Весь облик зверя говорил о его идеальной приспособленности к передвижению в самых крепких зарослях, о выносливости и большой физической силе. Подбегает на лыжах запыхавшийся Анатолий, что-то говорит. Я наконец оттаиваю, очухиваюсь. Быстро потрошим трофей, набиваем внутрь снега, и Карнаухов уходит за «Бураном». Рассматриваю единца. Клыки - около 10 сантиметров, значит, ему лет шесть. Визуально определяю вес: около 150 кг. Впоследствии выяснилось, что поражен он был всеми четырьмя пулями. Первыми тремя - в голову, сердце и печень, но кабан прошел свыше трехсот метров и дождался-таки меня, после чего и получил пулю в шейный позвонок. Силен оказался мой первый «броненосец».

Михаил ИЛЬЧЕНКО

3. ОХОТА - НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Авт. С Михаилом Александровичем Лариным - он работает замом начальника пассажирского депо, мы дружим уже более сорока лет. Он мне, как говорится, в «доску свой».

- Михаил Александрович, ты родом с Кубани. Там и делал свои первые шаги на охотничьей тропе. Как охота на Кубани?

- Охота на водоплавающую и боровую дичь в кубанских степях неважная. Я же жил там в школьные годы, и мы, пацаны, чаще охотились на диких голубей. А голубей было много. Вот и все мои воспоминания о тех днях.

- С какого времени познакомился с природой Сибирского края?

- В Омск я приехал в 1960 году и с первого взгляда влюбился в роскошные сибирские просторы, богатые всякой дикой птицей и зверьем. Конечно, никакого сравнения с европейской флорой и фауной, где все так ограничено и бедно.

- А какие районы Омской области для охоты тебе больше нравятся.

- Ты же должен это знать. Мы с тобой часто ездили на Крутинские водоемы: Тенис, Ик, Салтаим, Дикое. Те места тебе тоже очень нравятся. А вообще-то, я люблю также озеро Кривое Большереченского района, там охотбаза омских железнодорожников.

- Какая,- осенняя или зимняя охота тебе больше по душе?

- На зимней охоте бываю редко. В основном, занимаюсь осенней охотой и изредка - весенней, если ее открывают. Ты меня расспрашиваешь о том, что не хуже меня знаешь. Лучше прочитай хотя бы один стих, из тех, что ты посвятил мне.

- Хорошо, слушай:

*С тобою, Миша, я хоть в омут,
пусть даже к чёрту, на рога,
тебе, как никому другому,
я верен в дружбе навсегда.
Ты днями занятый по службе,
весь прокоптел в своём депо,
и нам с тобою очень нужно
реки спокойствие, тепло.
Ты помни, часто по субботам,
ломаю лодкой камыши,*

*мы пили таинство охоты,
как сок целительный души.
Мне нынче тяжело, Миша, что-то
сужает мир, темнит окно...
Сейчас январь, и нет охоты,
и речка стянута стеклом.
Подлёдный лов - он мне не в радость,
за зайцем - снег теперь глубок...
Сижусь, грущу: мне очень надо
той жизни нашенской глоток.*

- Спасибо, Владимир Васильевич, за стихи и приятные воспоминания об охоте. До будущего лета.

XV. ОХОТА И СПОРТИВНЫЕ

1. ОХОТНИКУ НУЖЕН ПРАЗДНИК

Вы не задумывались, отчего это в перечне профессиональных праздников (Дни шахтера, работников легкой промышленности, коммунального и бытового обслуживания и т.п.) нет, скажем, Дня охотника? Рыбакам и то в календаре нашлось место, а вот их ближайшим союзникам по знаменитому - Всероссийскому обществу в подобной почести отказано.

А ведь, коли разобраться, рыбалка - это всего лишь разновидность охоты. Если копнуть поглубже в историческом плане, окажется, что древнейшая профессия - совсем не та, о которой упоминают, как правило, со скабрёзной ухмылкой. Человечество на заре своей не выжило бы, не научись оно добывать пропитание и одежду. Все это давала охота.

Опять же взять экономику. Россия истари была мощнейшим поставщиком мягкого золота, то бишь пушнины, на мировой рынок. До поры до времени ничто не приносило стране столько твердой валюты, сколько охотничий промысел. Да и сейчас ни одно из земных пространств так не богато ценной "рухлядишкой", как территория от Урала до Камчатки, с юга в основном ограниченная великой Транссибирской магистралью.

И вот сложившуюся неизвестно по какому "закону подлости" несправедливость задумал исправить известный у нас охотник, удачливый добытчик мягкого золота Анатолий Михайлович Канушин. Мысль такую он вынашивал много лет. Но раньше установление праздничных дней было исключительной прерогативой наивысшей всесоюзной власти. Никакая масштабная идея не получала воплощения, не будучи обкатанной в коридорах ЦК единственной тогда у нас партии.

Сейчас с этим делом - полегче. В области есть свое, можно сказать, доморощенное и родное Законодательное Собрание. В рамках необъятного региона действует «Сибирское соглашение». Какое угодно поглянувшееся торжество можно канонизировать на месте, не испрашивая высокого соизволения Москвы.

И прецеденты соответствующие уже созданы: тот же Сибирский Международный марафон, фестиваль «Душа России», традиционные ярмарки. Профессиональных охотников, правда, у нас не так уж много. Зато любителей - десятки тысяч. Стрелять они, конечно же, худо-бедно научились (оно, разобраться, и невелика наука - курок спустить). Но ведь, кроме стрельбы, ежели ты, скажем, вышел в тайгу, надо обладать целым набором необходимых навыков. Ориентироваться на местности. Ставить капканы и ловушки. Распознавать следы. Разбить бивуак. Подготовить топливо и разжечь костер. Обработать пушнину.

Есть задачи и посложнее, требующие и ума, и интуиции, и точности руки. Скажем, нагонка и натаска собак (по-разному: на медведя, кабана, соболя, белку и т.д.). А всяк ли сможет в походных условиях избушку срубить. А вдруг лыжа сломалась - ее ведь над из подручного материала вытесать Или в полынью провалился - как лихоманки губительной избежать?

Словом, охотник должен быть и Канушин, к примеру, все премудрости охотничьего дела преодолел. И опыта своего под спудом не держит. Это ведомо всем, кто состоит в секции собаководов-лаечников, которой руководит Анатолий Михайлович. Каждый их выезд на базу, что в нескольких километрах от станции Драгунка, превращается в своеобразный праздник общения, насыщенный в то же время тренировками, хозяйственными хлопотами. Эти жизнерадостные парни создали свою базу собственными руками, и нынче здесь уже можно проводить мероприятия довольно крупного масштаба. Тем более что неподалеку отсюда - солидное Бутурлинское охотхозяйство.

Вот на этой материальной основе и прошли нынче первые не только в области, но и в регионе (а то и в России!) соревнования на звание лучшего охотника. Известно ведь: сколько доброй идее ни витать в воздухе, рано или поздно она должна упасть на благодатную почву. У Канушина нашлись крепкие единомышленники в областных организациях - обществе охотников и рыболовов и управлении охотничьего хозяйства. Активно поддержали его Е.А. Норка, И.И. Иванов и др.

И праздник состоялся. Определяя его дату, Анатолий Михайлович исходил из того, что к началу весны заканчивается зимний сезон и пора, как говорится, подбивать бабки. Самое удобное для этого время - вторые суббота и воскресенье марта. Правда, нынче они выдались

морозными и ветренными, что в определенной степени наложило нежелательный отпечаток. Однако подобная стужа в такую пору - явное исключение.

Эта накладка - не главная. "Первый блин" был отмечен некоторой комковатостью еще и из-за организационных недочетов. До многих охотколлективов в городе и районах области не сумели достучаться - не хватало пропагандистской и агитационной настырности, рекламного размаха. И тем не менее посостязаться в охотничьей сноровке прибыли несколько команд, в том числе, что отрадно, из Тюкалинска и Называевска. Победили, что, в общем-то, закономерно, питомцы А. Канушина. Среди "личников" лучшим стал Игорь Шойка.

После финиша я взял интервью у Канушина уже как у главного судьи соревнований. Он отметил, что в некоторых компонентах сбылись не самые лучшие его ожидания. Многие участники плоховато ориентировались на местности. Кое-кто не смог обустроить себе привал. Некоторые десятки минут бились над разжиганием костра. Кому-то плохо подчинялась двуручная пила, с помощью которой следовало заготовить дрова...

Что же, вот и зарубки на будущее. Хорошо, если бы местные законодатели заметили уникальное событие и конституировали его. А там, глядишь, омский «День охотника» стал бы всероссийским. Да впредь готовиться к нему основательно, зазывать не только побольше команд, но и болельщиков - группы, так сказать, моральной поддержки. Тут бы развернуться и торговцам, и кульпросветчикам... А пока суд да дело, Анатолий Михайлович вынашивает новую задумку. Не откладывая в долгий ящик, провести областные охотничьи соревнования осенью - в преддверии зимнего сезона. Ввести в программу новые интересные компоненты. Скажем, спустить в имеющийся на базе котлован обласок - охотничью долбленку и предложить проехаться на этом утлом суденышке соискателям призов и пьедестала почета. Тут уж редко кто сохранит равновесие, и наблюдать за этим с берега будет весьма уморительно. Одним - экзамен, учеба. Другим - развлечение. Так и должно быть на настоящем празднике. И пусть он украсит нашу жизнь.

А. ГРАЧЁВ

2. СОРЕВНОВАНИЯ ПО СТРЕЛКОВО-ОХОТНИЧЬЕМУ СПОРТУ (СТЕНДОВАЯ СТРЕЛЬБА)

(Из истории стендовой стрельбы в г. Омске)

Первый успех бывает обманчив

С простым охотничьим ружьем, с патронами, заряженными крупной дробью, я стою на стрелковом стенде ДСО «Спартак», в березовой роще, приглашенный на первую тренировку капитаном команды ДСО «Локомотив» Леонидом Ивановичем Гришиным.

Первое воскресенье ноября - тихое, безветренное. Ночью выпал небольшой снег, он не тает, лежит тонким слоем на траве и заборе, на крышах. Все вокруг выглядит светлым, праздничным, торжественным. И настроение у меня отменное. Леонид Иванович подзывает к себе, спрашивает:

- Сколько взял патронов?

- Пятьдесят.

Верхний ряд: 3-4 слева - направо мастера спорта - директор завода Николай Петрович Гетманский и врач Пётр Петрович Михайлов

- *А у меня 75 штук*, - говорит он и показывает на небольшую двухметровую деревянную коробку в центре площадки.

- *Вот там пульт управления подачи мишеней. А слева - высокая кирпичная кладка, называемая «вышкой», справа низкая - «будка».*

Из них зарядные машинки выбрасывают мишени. Так ты первую серию бери пульт и нажимай на кнопки, когда мы просим тишины. Можешь нажимать не сразу, а с небольшим интервалом после команды. Ну, где-то 2-3 секунды задержки - это по правилам, и называется задержка - «таймером».

Внимательно выслушиваю и киваю головой.

- *Все понял, я же в прошлое воскресенье видел, как здесь стреляли. Меня привозил сюда Миша Ларин.*

- *Хорошо. Мы стреляем без тебя первую серию, а ты начнешь со второй. Еще раз понаблюдай за нами, посмотри детали техники: выход, зарядку ружья, стойку, вылет мишени, поводок, выстрел.*

Хлопнув меня по плечу, Леонид Иванович уверенно пошел на первое стрелковое место. Он имеет первый спортивный разряд, стреляет уже два года. У него высокие результаты, близкие к норме кандидата в мастера спорта. Очень доброжелателен, дисциплинирован, старателен. Потому и является капитаном команды, хотя в ней есть два мастера спорта.

Загремели выстрелы. Я стараюсь вовремя нажимать то левую, то правую кнопки. Пошли дуплеты: сразу вылетают две мишени. Для них - отдельная кнопка. Наблюдаю за стрелками. В общем то они выполняют одинаковые движения, но у каждого есть небольшая разница в стойке, в поводке ружья. Вроде ничего сложного.

А вот тарелочки-мишени из угольного песка, стремительно вылетая из окон будок, на громадной скорости моментально проносятся через всю площадку, на которой по краям стоят высокие стойки-шесты, ограничивающие пределы стрельбы по мишеням. Ведь тарелочка мчится далеко, залетая на соседние площадки, отгороженные друг от друга деревянными заборами.

На стендовой площадке размечено восемь стрелковых номеров-мест, расположенных полукругом (отсюда и название «круг»). Стрельба ведется поочередно, командой из 5-6 человек. Серия - 25 выстрелов.

Вот стрелки закончили дуплеты-парные мишени и собрались у пульта, рядом со мной, обсуждая итоги стрельбы. Леонид Иванович разбил 22 из 25, Олег Лазарев - 20, Борис Козик - 17, еще двое из команды «Труд» - по 19.

Приглашают меня на вторую серию. Ужасно волнуюсь, мне уже 25 лет, выступал на больших соревнованиях по легкой атлетике, шахматам, кандидат в мастера спорта по лыжным гонкам. А здесь я новичок, первая проба сил.

Зря я так переживал. Мишень хотя и летит быстро, но где-то за центром площадки заряд дроби, пущенный из моей обычной охотничьей безкурковки ИЖ-54, догоняет мишень. Тарелочка крошится, дробится, разламывается на части.

Стреляю на первом месте угонную - бита. Встречную мишень - в пыль. Команда стрелков выходит на втором месте, и снова разбиваю обе мишени. Третье место - мелкие осколки сыплются от обеих мишеней.

На меня, не скрывая удивления, поглядывают товарищи по команде. Как же так? В первый раз - и столько попаданий!..

Выходим на четвертое место и я делаю первый промах с «вышки». Мишень долетела до центра и резко пошла вниз - и я мажу. Виноват встречный ветер. Дают двадцать пятую - разбиваю. На пятом месте с «вышки» - бью, из будки - мажу. На шестом и седьмом местах встречные мишени разбиваю, угонные - промах. Восьмое место - стрельба вплотную, очень трудно, обе мажу.

Выходим на дуплеты, парные мишени. Во всех четырех дуплетах по одной промахиваюсь, вторую поражаю. Я - охотник с детских лет, хорошо ориентируюсь в полетах всяких птиц, но тут вылетают одновременно навстречу друг другу две тарелочки. Для меня это необычно.

Итого в серии -13 разбитых тарелочек. Как охотник, себя оправдываю. Да и первоначально в спортивной квалификации стендовая стрельба именовалась: «Стрелково-охотничий спорт». И лишь недавно название изменили.

Во второй серии разбиваю уже 18 мишеней, что соответствует норме второго спортивного разряда. Это уже здорово. Меня поздравляют стрелки, к нам подходит директор стенда, полковник запаса Фатин В.А. и, не скрывая восхищения, произносит.

- Работаю здесь десять лет, и не видел, чтобы на первой тренировке сразу выполнить второй разряд Чудо и только, видать охотник ты отменный.

Леонид Иванович ему поддакнул и заметил, что я занимался несколькими видами спорта, опыт есть и физическая база, да, наверное, и способности.

С этого дня начались систематические тренировки. В воскресенье - стрельба на стенде, а в обычные дни, дома - работа с ружьем, без выстрела. С отработкой поводка ружья, прицеливания, нажатие на спуски вхолостую и прочее. На стенах квартиры кнопками прикрепил силуэты мишеней, вырезанные из бумаги, покрашенной в черный цвет. Из стойки, разворачиваясь влево и вправо, имитирую положение стрельбы с первого по восьмое место. Быстро веду концами стволов к мишени, одновременно вставляя приклад в плечо, прицеливаясь и нажимая на спуски ружья.

Результаты на стенде быстро росли. Через три месяца выполнил норматив первого разряда, а еще через пять - показываю результат кандидата в мастера спорта. Знакомые, спортсмены, тренеры предсказывают мне блестящее будущее, и не за горами - звание мастера спорта.

Но как бы ни так. Раз за разом я стал показывать результаты от 85 разбитых мишеней до 92-93, как максимум. 85-норма первого разряда, 90-соответствует кандидату в мастера спорта. А 95-результат мастера спорта. Мне постоянно не хватало 1-3 мишени до мастера спорта, хотя приходилось выступать во многих соревнованиях, в том числе в Москве. И только на третий год, участвуя в первенстве ЦС ДСО «Локомотив», наконец-то выполняю норматив мастера спорта. Меня сразу оставляют в Москве для участия в спартакиаде профсоюзов России. Почти месяц подготовки на отличном стрелковом стенде ДСО «Локомотив» и... совсем посредственное выступление - 94 разбитых мишени из 100.

Этот результат хотя и близок к норме мастера спорта, но для российских соревнований явно низковат. А на тренировках я часто делал 95-96. И дважды - 97.

В чем же дело?

Анализируя свои промахи, выявил, что мои охотничьи привычки, мой длинный поводок за мишенью, поначалу помогавшие в освоении стрельбы, теперь, на более высоком уровне, стали вдруг тормозом, причиной многих промахов.

Парадокс? Нет. Более высокие результаты требуют более высокой техники.

А дело выглядит так: при хорошей погоде, без ветра, траектория полета мишени - ровная. Но ведь чаще бывают дни, когда дует ветер, иногда и сильный. И вот мишень, долетев до центра площадки, под влиянием ветра, резко снижается, или, выражаясь, уходит в поле. Иногда тарелочки - разного веса, и полет тоже разный. А бывает, что рабочий закладывает тарелочки в машинку для метания неровно, как попало. Отсюда и траектория соответствующая. Есть еще и другие факторы, и те, кто стреляет с длинным поводком после центра круга, попадают в трудные условия. Поэтому самая стабильная стрельба получается, когда выстрел не затянут, над центром.

Проведя несколько специальных тренировок на скорость, я стал стрелять с укороченным поводком. Но, увы, это делалось с лишним напряжением, и промахи повторялись опять. Наблюдая на тренировках за стрельбой ведущих мастеров спорта, заметил, что они одинаково хорошо стреляют в разном темпе. А меня же постоянно тянуло к длинному поводу, который иногда с изменением траектории полета очень подводил.

Несколько лет подряд стреляя за команду «Локомотив» на многих соревнованиях, вплоть до первенства СССР, я постоянно показывал свои коренные результаты: 90-94. Для командного результата этого иногда хватало, но для личного достижения в борьбе за призовое место было явно мало. Мои результаты не росли, техника не изменилась. Как пришел я на стенд впервые с длинным охотничьим поводком, так до конца остался этим охотником - спортсменом. Наверное, зря предсказывали мне большое спортивное будущее. Я остался простым, заурядным мастером с неважной техникой стрельбы.

В одном из моих стихотворений, с названием «Дебют» написаны такие строки:

*Мне говорят: блестящим был дебют
такого-то художника... поэта...
Но часто нам дебюты не дают
прав мастерства на трудном свете этом...*

Я это писал о шахматах, то же могу сказать и о стендовой стрельбе.

Теперь, анализируя свои выступления, сравнивая себя с другими стрелками, я уже с улыбкой вспоминаю прошлое. Я пришел на стенд на первую тренировку в возрасте 25 лет, а Николай Бенеш начал в 9 лет. В одиннадцатилетнем возрасте он имел первый разряд и выезжал на иногородние соревнования. В 15 лет выполнил норматив мастера спорта, завоевав звание чемпиона города, опередив около десятка мастеров спорта, в том числе и меня.

Вот это начало, вот это успех в самом расцвете сил. Через два года Николай становится членом сборной команды страны, а еще через два - чемпионом мира. Фантастическая любовь к стрельбе, громадные данные от природы, чрезмерное трудолюбие, отменная техника - вот слагаемые его побед.

И вообще, в Омске было и есть много прекрасных стрелков. Это - чемпионы Первой спартакиады народов РСФСР Владимир Тищенко, Михаил Беспалов, Василий Болотников. Чемпион Спартакиады профсоюзов Сергей Кишкунас, призеры различных соревнований, такие как Леонид Горынин и др.

РЕШАЮЩИЕ ИСПЫТАНИЯ (Рекорд в дождливую погоду)

Над Москвой моросит нудный, мелкий дождь. Как осенью, обложной, прохладный, бесконечный. Даже мерзнут руки.

Яркие спортивные флаги на военном стрелковом стенде в пригороде Москвы, в Мытищах, мокро потяжелели, обвисли, стали похожими на простые тряпки. А на стрелковых площадках стенда полно спортсменов, одетых в красивые безрукавки, в шикарные кепи. Разыгрывается Кубок СССР, гремят выстрелы, белые клубы дыма вырываются из стволов ружей. Повсюду пахнет пороховой гарью.

Июль - и такая слякоть. Дождь сыплет по всей Москве с утра. А сейчас уже - полдень.

Отстрелял вторую серию, иду в раздевалку. Навстречу из павильона появился Николай Бенеш, один из самых юных участников соревнований, выполнивший две серии с максимальным результатом: 50 из 50. Накинув на плечи куртку, в основном прикрывая ружье, слегка наклонившись, кивает мне головой. Не останавливаясь, на ходу, бросаю ему: «Молодец». Он идет стрелять третью серию.

Захожу в павильон, ставлю в пирамиду оружие и сажусь отдыхать в деревянное кресло. Это комната сборной «Локомотива». Несколько моих товарищей по команде расслабленно развалились на диванах и в креслах. Отдохнув, минут через десять решил пойти «поболеть» за Николая. Он стреляет за команду ДСО «Труд», я - за ДСО «Локомотив». Но мы оба омичи. Два года назад он стал чемпионом Омска, впервые выполнив норматив мастера спорта в 15 лет. А сегодня Николай - один из сильнейших стрелков страны, фаворит этих соревнований.

Выхожу из домика. Многие одеты в плащи, куртки. На второй площадке круглого стенда вижу (даже на стрелковом номере в плаще) свердловчанина Юрия Цуранова, мастера спорта международного класса. Юрий, красиво выставив вперед левую ногу и слегка отклонив туловище назад, командует: «Дать!» Вылетают две тарелочки. Дуплет - и обе четко разбиты. Отличному стрелку и плащ - не помеха.

На третьей площадке, на четвертом номере стреляет наш локомотивец-москвич, студент транспортного института, член сборной страны Борис Бульба. Спокойно, не торопясь, расстреливает обе мишени. Эта его манера принесла ему много побед на различных соревнованиях. Но сегодня он в первой серии допустил промах, а ведь более десяти спортсменов имеют пока максимальный результат - 50 разбитых мишеней из 50. Даже самый юный стрелок, Слава Ковешников из Воронежа, имеет 100-процентный результат, к нему уже подходили корреспонденты и что-то записывали на диктофон.

Николай Бенеш - на четвертой площадке. На шестом стрелковом месте особенно сложен дуплет. Коля легко разбивает угонную, а затем - встречную. Мягко, четко, быстро делает короткий поводок. И как бы играючи, поражает обе мишени. Красиво, без всякой натуги. Это и есть настоящее мастерство.

Николай одет в черный тонкий свитер, стендовая куртка скромна, на голове - удлиненное кепи. Простые брюки, кроссовки. Среднего роста, симпатичен, скромен. Внешне - парень как парень, не более. Но выходит на номер - сразу преобразается: принимает слегка наклонную стойку, сжимается внутренне в пружину. Это хорошо видно по выражению лица. При вылете мишени он не торопится. Концы стволов ружья сопровождают полет тарелочки, приклад мягко, быстро идет к плечу. Короткий поводок, мгновение - выстрел! Все просто, рационально, расчетливо. Его техника стрельбы выделяется на фоне всех ста спортсменов, находящихся сейчас на стенде. Недаром на его подходят посмотреть тренеры некоторых команд.

Пока я «изучал» демонстрационную доску с результатами и даже прошелся к забору - посмотреть на первую площадку траншейного стенда, где также шла пальба, Николай отстрелялся на седьмом и восьмом местах. Краем глаза я видел точные попадания.

Стрелки перешли на первый номер, и начались дуплеты - самая любимая стрельба Николая. Четыре дуплета - и все мишени поражены. И серия - 25 разбитых мишеней из 25 возможных.

В итоге первый день Бенеш завершил блестяще - 75 из 75. Я возвращаюсь в комнату отдыха и готовлюсь к третьей стрельбе. Однако, как ни настраивался, - всего 23 попадания из 25. Совсем не мастерский результат, правда, я стреляю за «Локомотив» не в основном составе, а личником. Но всего 71 очко - маловато.

Во второй день погода не изменилась. С утра немного разведрило, а к обеду снова собрались тучи, и опять заморосило. На первой серии Николай Бенеш смазывает одну мишень, но пока с результатом 99 из 100 вместе с Юрием Цурановым возглавляет список лидеров. Я разбиваю те же 23 из 25 и с 94 очками нахожусь где-то в конце пятого десятка, в «золотой» середине. Такова плотность результатов: 95 из 100 набирают сразу около двадцати участников.

На второй ступеньке - 98 из 100 - разместились москвич Владимир Петров (ЦСКА), воронежец Борис Шабашов («Спартак»), москвич Михаил Покотило («Локомотив»), новосибирец Виталий Голубев (ЦСКА).

На третьей ступеньке (97 из 100) - находится около десятка человек, и среди них чемпион Мира Николай Дурнев (у него в активе свой рекорд - 200 из 200, показанный в прошлом году на чемпионате Европы). Он здесь - наверное, старше всех. С утра жаловался на боли в животе. Кто-то на это отреагировал так: Дурнев всегда на что-нибудь жалуется, а потом вдруг становится победителем. Рядом с ним по результатам сегодня - Борис Бульба, Тариел Жгенти, Роберт Полянский и другие. К четырем часам дня закончились командные соревнования с зачетом четырех стрелков по 150 мишеней. Как на круге, так и на траншее первые места заняли армейцы, на втором - «Спартак», на третьем - «Локомотив».

За железнодорожников на круге четвертым номером стрелял юный москвич Алексей Марков. Он разбил 143 мишени, выиграв у меня два очка. А до начала соревнований стоял вопрос: кто будет четвертым в команде: Марков или я? Алексей доказал свое преимущество.

На третий день - снова мелкий дождь.

- *Надо же, как небо прохудилось,* - ворчал стоявший со мной рядом Николай Дурнев.

По 12 стрелков на круге и траншее, показавшие лучшие результаты, продолжили финальную стрельбу из 50 мишеней. Разбитые на две команды по шесть человек, они вышли одновременно на четыре площадки круглого и траншейного стендов. В этот день промахи у финалистов сыпались часто. Накал соревнований дошел до предела.

Я, свободный от стрельбы, внимательно наблюдал за перипетиями борьбы. Николай Бенеш, внешне абсолютно спокойный, выступая в первой команде первым, делает серию - 25 попаданий, во второй - 24. Общий итог - 197 разбитых мишеней, первое личное место и новый рекорд Кубка СССР (по новым правилам с таймером)

Вторым, с результатом 194 из 200 неожиданно становится тренер «Локомотива» Михаил Покотило, опередивший прославленных асов - Петрова, Дурнева, Цуранова. Да и третье место воронежца Бориса Шабашова мало кто мог прогнозировать.

На траншейном стенде борьба за первое место разгорелась между юным Александром Алиповым и опытным Юрием Никандровым. Долгое время лидировал Алипов, но опыт взял верх - в итоге с разницей в одну мишень победил Никандров.

После окончания стрельбы на круглом стенде я случайно увидел Николая Бенеша, стоявшего под козырьком судейского пульта вместе с омичом Леонидом Горыниным, также участником финала. Здороваясь с ними, я услышал часть их разговора. Леонид спрашивал:

- *А чего отец не остался, хотя бы в качестве твоего тренера?*

- *Дома срочные дела, вот и уехал,* - последовал ответ. Отец Николая, Валентин Алексеевич, тоже мастер спорта по стендовой стрельбе, всего неделю назад стрелял здесь вместе с сыном на первенстве ЦС ДСО «Труд» в составе сборной Омской области.

Я представил, как дома в Омске Валентин Алексеевич болеет за своего сына. И не только он, а все семейство. Ведь младший брат Олег - мастер спорта, член юношеской команды «Спартак», а их мать, Майя Николаевна, - судья всесоюзной категории по стенду. И сестра Лариса - судья по спорту. Вот такая замечательная семья у юного рекордсмена Кубка СССР. Судьи соревнований построили спортсменов на подведение итогов и награждение. Николай Дурнев громогласно заявил:

- *Все, заканчиваю выступления, а место в сборной команде страны передаю новому рекордсмену Кубка, омичу Николаю Бенешу.*

Так оно и получилось на самом деле. Уже в следующем, 1968 году Николай Бенеш в составе сборной СССР выступал в Бельгии, на первенстве Европы. Но не совсем успешно.

Зато в 1969 году во Франции, на чемпионате Европы, занимает первое место в командных соревнованиях, второе - среди юниоров, третье - среди взрослых. В том же году на чемпионате мира в Испании у Николая - первое место в командных соревнованиях, первое - среди юниоров и второе - среди взрослых.

Вторично Николай завоевал звание чемпиона мира в командных соревнованиях в 1970 году, проходивших в США. Позднее Николай успешно выступал в чемпионатах Европы 1971, 1972, 1973 гг.

Я много раз наблюдал за стрельбой Николая Бенеша - до установления им рекорда Кубка СССР и после, - но почему-то те дождливые московские дни врезались в память настолько сильно, что и сегодня мне помнятся даже мелкие подробности и детали того соревнования. На фоне серых, пасмурных стендовых площадок в Мытищах ярко вспыхнул талант сибирского стрелка.

СТРЕЛЬБА НАКОРОТКЕ

С утра безоблачно, жарко. Июль есть июль. На стрелково-охотничьем стенде ДСО «Локомотив» проходит второй день Спартакиады народов России.

Я стреляю в шестерке третьим, после новосибирца (фамилию его запомнил). Вчера мы прошли одинаково все серии: 24, 22, 23 из 25 возможных. Слабо. Он всего две недели назад выполнил норматив мастера спорта на соревнованиях ЦС ДСО «Труд»: 96 из 100. А я два месяца назад стал мастером спорта. Для нас обоих 69 из 75 - очень плохо.

Сегодня суббота, второй день стрельбы. До остановки Балашиха от «Измайловского парка» доехал в ужасной толкучке. Москвичи устремились в пригороды, на садовые участки.

Устав и взмокнув от поездки, все же разбиваю в первой серии 24 из 25. Нормально. Но вот сосед по команде (я иду за ним), как и в первый день, начинает стрелять накоротке, до центра. Стоит мишени вылететь, как новосибирец, сжавшись, скоординировавшись, бьет моментально, без поводка. Да, красиво. От тарелочки, что из угольного пекса, остается облачко пыли.

Я, подражая ему, также перехожу на быструю стрельбу, хотя это и не мой темп. У меня удлинённый поводок. Но какая-то дурь ударила в мозги, и мы, два новоиспеченных мастера, устраиваем сущую потеху: кто быстрее разобьет.

А для чего?!

Так с шутками - прибаутками продолжаем соперничать в скорости стрельбы.

Зачем? Это мне не ясно и сейчас.

Проходим полкруга без промаха. На шестом месте у него улетает мишень целой. Сразу за ним - мой промах. До конца серии сделали еще по паре промахов. 22 из 25. Мало. Мастерам так нельзя.

И третья серия. Стреляем еще быстрее. Мой напарник мажет аж четыре мишени. У меня 23 из 25. Тоже ничего хорошего.

Подошел тренер - москвич Михаил Покатило, зло сплюнул:

- *Чего дурью маешься, надо стрелять в своем темпе.*

И глянув на демонстрационный щит, безнадежно махнул рукой. Да, в итоге двухдневных стрельб из 150 мишеней я поразил всего 138. Это была командная стрельба. Я выступал за команду «Локомотив», которая заняла все же 3-е место.

В третий день - финальная стрельба на личное первенство из 50 мишеней, с учетом результата за первые два дня. Всего в финал попадает 12 человек. Я вхожу в список финалистов аж десятым.

Первые в списке - Николай Бенеш и Борис Шабашов. У обоих по 145 из 150. На третьей строке (143) Виталий Голубев. С результатом 142 - двое участников. С результатом 140 мишеней - один участник, и на 11 и 12 местах два спортсмена с одинаковыми результатом - 137 очков.

Слева - чемпион Европы Т. Жгенти, справа - мастера Н.П. Гетманский и А.В. Беспалов

Пока я сам рассматривал демонстрационный щит, подошел Николай Бенеш.

- 142 - твой нормальный результат, а не 138. Плохо. А вообще - то ты мог бороться за третье призовое место. Я киваю головой, внутренне соглашаясь с ним. Он-то уже рекордсмен Кубка СССР, член сборной команды страны.

Финал. Первым стреляет Борис Шабашов, за ним - Николай Бенеш. Результат в двух сериях одинаков - 49 из 50. Общий результат -194, они делят снова 1-2 места. На третьем месте с результатом 191 очко -Виталий Голубев. Значит, будет перестрелка за 1-2 места.

Я стреляю в своем темпе и показываю высокий результат - 49 из 50. С общим результатом 187 из 200 занимаю восьмое место.

А на площадке – снова пальба. То началась перестрелка между Николаем Бенешем и Борисом Шабашовым.

- Приятная дуэль, - произносит один из тренеров, стоящий у судейского столика.

- У Николая техника намного выше, он и выиграет, - заявил седой старичок, автор многих книг по стрельбе. Но не тут-то было. Первая серия - 24 очка у того и другого. Назначается дополнительная серия...

Забавно - это как игра в догонялки по промахам. Мажет на втором месте Борис Шабанов, следом - промах Николая Бенеша.

Снова промах на четвертом у Бориса, следом - мажет по той же мишени Николай. Тренеры, судьи, болельщики - все посмеиваются.

На восьмом месте - промах Бориса, Николай бьет в цель. До конца серии промахов нет. С результатом 23 из 25 перестрелку выигрывает Бенеш. Все поздравляют победителя. Подхожу и я:

- Николай, похоже было на игру в «кошки-мышки». Два международных мастера спорта - и столько промахов.

- Перестрелка - не простая стрельба. Нервная, напряженная. Я вот всякий раз думал: «Промазал Борис - все, я выиграл. А нервы подводят».

«Да, если таких ассов стрельбы нервы подводят, то что говорить о простых смертных мастерах спорта, - подумал я, вспоминая свою бестолковую стрельбу накоротке в соревнованиях с новосибирцем. - Завелся, не выдержал. Все-таки во всем нужен трезвый расчет, хладнокровие, самообладание. Есть ты, есть цель, а больше - ничего и никого!.. Не так ли?»

ТРИ ОСЕЧКИ

Ростов - на Дону, 4-ое августа. В тот день, по некоторым причинам, мне пришлось быть не участником соревнований, а судьей. Облачный полдень, сильный ветер, прохладно. Соревнования по летающим тарелочкам (стендовая стрельба) подходили к концу. В числе лидеров стрелял юноша из Воронежа. Пройдя три серии: 24, 25, 24, он явно шел на выполнение норматива мастера спорта. Из 100 тарелочек нужно разбить 95. Итак - последняя серия. Как минимум, надо 22 из 25 - и значок мастера!

Невысокий, жилистый, с засученными рукавами свитера, в голубой кепке, юноша уверенно прошел круг без промаха (8 мест по 2 выстрела). Осталось четыре дуплета, то есть парные мишени. Воронежцы всей командой, да и другие, свободные от стрельбы участники собрались у площадки, чтобы первыми поздравить молодого стрелка. К тому же юноша занимал пока 3-е место в личном первенстве, а команда воронежцев шла в лидерах.

Первый дуплет на первом месте четко разбивает представитель команды г. Кургана. Быстро стрелок освобождает стрелковое место, хотя в стволе застряла гильза, а по правилам соревнования этого делать нельзя. Нужно вначале извлечь гильзу. Ясно одно, все - и даже противники - желают воронежцу успеха. Вот очередь и юноши. Команда: «Дать!» Вылетают мишени. Ружье быстро вставлено в плечо, кивок вперед, но выстрела нет. Осечка...

Я, как старший судья, подхожу, открываю ружье и забираю патрон с небольшим наколом на капсуле. Наверное, недозвод. Подсказываю боковым судьям: «Пометить первую осечку». Снова команда: «Дать!» Снова осечка... По правилам соревнования четвертая осечка в серии - промах!

На площадке заминка, воронежец осматривает ружье, щелкает вхолостую. Здесь же и тренер. Подсказывает: «Проси еще раз, а потом сменим ружье»...

Юноша уже неуверенным голосом просит: «Дать!» - и почти бесприцельно вскидывает ружье. Первый выстрел - промах. Встречная мишень идет несколько выше обычного, растерявшийся юноша промахивается и в нее. На площадку, махая руками, выскакивает тренер, доказывая, что полет первой мишени неправилен. Что ж, если и так, то по правилам соревнований просто не нужно принимать мишени, а надо просить переподать снова, а если выстрел произведен - промах. Засчитывают оба промаха. Двадцать пятую (угонную), которая дается в серии только раз после первого промаха, юноша разбивает четко, в пыль.

Ни на кого не глядя, склонив голову, юноша уходит с места. Соревнования продолжаются. Осталось три дуплета и непрочный запас в одну мишень. Но эти осечки?..

Второе место. Юноша спокойно, собранно выходит на номер, просит мишень. Вылет, поводок ружья за мишенью и тихий щелчок курка без выстрела. Но что это? Воронежец почему-то стреляет во вторую мишень из второго ствола, что также запрещено правилами. Если первая - осечка, дуплет отменяется. Один боковой судья настаивает засчитать оба промаха, второй - повторить дуплет для выяснения второго выстрела, а первая мишень - промах. Требования в пределах правил, можно так и эдак.

На площадке творится непонятное, даже все болельщики спорят, доказывают. Мне жалко юношу, как быть? Приглашаю главного судью соревнования, убеждаю в непреднамеренных действиях стрелка. Главный соглашается. Объявляю третью, последнюю осечку. Следующая будет - промах. Раскрасневшись, юноша поглаживает стволы ружья, переминаясь с ноги на ногу, а усики тренера воронежцев перед моим лицом успокаиваются. Он подходит к юноше, подбадривает, забирает ружье, приносит другое.

- *Можно*, - разрешаю я. Юноша долго прикладывается вхолостую к прикладу, пробует спуски, снова и снова вскидывает ружье. Пробует второе ружье, третье... И все равно, сменив еще два ружья, в обоих последних дуплетах он делает по одному промаху. Разочарованные болельщики расходятся, юноша кулаками размазывает слезы по лицу. Результат: 94 из 100, и всего лишь 4-е личное место. А если бы - 95, то норма мастера и 3-е место. Что ж, правила есть правила...

...Прошло несколько лет. Этот юноша теперь член сборной страны, не просто мастер спорта, а международный мастер.

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Самолет набрал нужную высоту. Облака внизу походили на заснеженное поле, и чудилось, что мы мчимся по нему на аэросанях, иногда мягко проваливаясь в снег. Через три часа приземлились в Домодедово, и то, что сверху казалось утренней туманной дымкой, оказалось настоящим дымом. Синий, горьковатый, рваными облаками полз он по земле, заполняя собою овраги, леса, пригород.

По дороге в аэропорт Быково, таксист, рассказал:

- Пожары в окрестностях Москвы давно. Брошена на тушение прорва людей и техники, но торф горит на глубине до десяти метров, потушить трудно. Да к тому же он снова самовоспламеняется.

Вдоль шоссе желтеют кюветы, листья на деревьях заклекли, поля кажутся убранными. В общем - поздняя осень в середине августа.

Из Быкова, вместо двенадцати часов, вылетели в шестнадцать. Нервничали, ругались, пока ждали рейс, а он все переносился. Мне припомнились случаи, когда я подолгу, ждал опаздывающий поезд или машину. В таком мрачном настроении винил всех и вся. Так случается часто: тысячу километров пролетишь за час, а где-то и километр отнимает сутки.

При посадке в Воронеже - та же дымка. Опять в такси - рассказы о сплошных пожарах. Пригород словно выжжен, два месяца нет дождя, температура - за тридцать. А у нас в Омске, когда улетали, царили проливные дожди и прохладная погода...

В гостинице «Луч», где с 20-го установлена бронь для участников соревнований, мест нет. Сегодня 16-ое. Нас - трое, завтра прилетят остальные пять человек. Уговариваем администратора, звоним в другие гостиницы. Бесплезно.

Команда ДСО «Спартак» на соревнованиях в г. Кургане. Верхний ряд: почётный мастер В. Тищенко, мастера спорта - Л. Истомина, В. Зензин, О. Бенеш, В. Кукушкин и др.

Позвонили на стрелковый стенд. Сторож с неохотой соглашается принять нас. Берем такси, едем. Стенд - в лесу, и лес в темноте выглядит зеленым, свежим. Сторож - старик расселяет нас на веранде. Старый диван и две широкие скамейки. Двое моих молодых напарников отдают мне диван. Долго не засыпаю. В глазах - гарь, дым.

Утром просыпаемся рано. Делаем зарядку, умываемся. Едем в город на завтрак. С одиннадцати часов - тренировка. Стрельба идет неплохо. Мы и приехали немного раньше, поскольку временно стрельбище в Омске не работает и несколько тренировок нам необходимы. На правой щеке, куда прижимается приклад, ощущаю маленький прыщик. Наверное, грязь от старого пыльного дивана. Чешется, и я неосторожно сковыриваю его.

В обед позвонили из общества «Спартак», сообщили, что прилетели наши и их заселили в «Луч». Звоню в гостиницу. Администратор отвечает: отменена бронь обкома для животноводов, и мы можем приезжать. Вечером, после ужина, идем всей компанией знакомиться с городом. Улицы красивые и чистые, много цветов и зелени. Но вянущий вид цветов, пыльный затхлый воздух с привкусом дыма омрачают ясный летний вечер. Температура - 36 градусов, и это - вечером. Улицы многолюдны - гуляют стар и млад. Мне нравятся города средней полосы России: Ростов, Жданов, Донецк, Краснодар - все чистые, жизнерадостные, в цветах и улыбках. Здесь допоздна катаются на каруселях дети, рядом, на скамеечках, старики. Молодежь гуляет в светлых, нарядных костюмах.

А в Омске прохладным вечером даже красивейшая Иртышская набережная часто полупуста. Нам, привыкшим к вечерней прохладе, не по душе духота позднего вечера.

18-е. С утра - тренировка. На моей щеке припухает чирей и приклад неохотно идет в плечо. Вечером - душ и спать. Идти никуда не хочется, в комнатах душно.

19-е. Последняя тренировка. Щека опухла настолько, что решил не идти на стенд, а пошagal в аптеку. Купил ихтиоловую мазь, лейкопластырь, таблетки. Лечусь, валяюсь на диване, разбираю партии Спасский-Фишер. Уж очень неуверенно проводит окончание партий наш чемпион, и это при счете 7:10.

Пришел с тренировки и подсел к шахматной доске член команды, спокойный, рассудительный Миша Филиппов. Остальные ребята в соседней комнате играют в карты, Татьяна Александровна, представитель команды, со своим мужем, стрелком, промышляет где-то по магазинам.

20-е. Едем на Воронежское водохранилище. Вода зеленовато - мутная, теплая. Никакого ощущения свежести. Покупались, позагорали и через час вернулись в гостиницу. Вечером съехались все команды. Курганец, врач Герман Тищенко, бывший омич, снял с моей щеки лейкопластырь, долго разглядывал и объявил, что стрелять навряд ли придется.

Так оно и получилось. На другой день - начало чемпионата ДСО "Спартак". После нескольких выстрелов я поднял руку, подозвал судью соревнования и отказался от стрельбы. Приклад с силой отдачи в 90 килограммов бил по фурункулу. После выстрела темнело в глазах, и долго плавали горячие метляки...

Вот так, приехав за тысячи верст, из-за паршивого фурункула подвел команду, не дав зачета и лишив ее возможности бороться за явное призовое место. Команда отстреляла неважно, и только Олег Бенеш, наш самый юный мастер, смог занять на траншее третье место.

Соревнования закрыты. Едем на железнодорожный вокзал, так как билетов на самолет нет за неделю вперед. Да и поезд - только до Москвы, а там - трудная пересадка. Конец августа, все из отпусков возвращаются с детьми домой. На вокзальной площади Воронежа в вечернем свете ветер метет черные листья. Листьев много, они шуршат, словно по жести. Пахнет гарью. Где-то беспрерывно горят леса. Да, не таким представлял я себе юбилейный Воронеж, такой гостеприимный по газетным репортажам весенних месяцев, со снимками гостей, среди которых был и Фидель Кастро.

Знойным, душным и пыльным, негостеприимным оказался он для меня.

Долго не подавали поезда, мы разбрелись по перрону. Одинок бродил я, рассматривая озабоченных, снующих всюду людей. В голове, словно дым от пожара, плавали несурзные мысли. Что-то перегорело и во мне, а раньше был собранным, сдержанным, нацеленным. Ассоциация пожаров под Москвой и Воронежем, испепеляющее солнце, выжженная трава, сжигающая злость на фурункул - все перемешалось во мне. Многие утратило цельность и ценность, стало никчемным.

К чему-то вспомнил таксиста - москвича, утверждавшего, что со времен Наполеона еще не было таких пожаров. Злой юмор непоселенного в гостиницу вместе с нами одного кавказца, сказавшего администратору: «Пожара на вас нет!»

Смешной казалась наша поездка, бессмысленной на фоне всех этих бед. Огромные площади земли остались без урожая, без радости...

«А я сам - какой я спортсмен?! Мне 37 лет, и сидеть бы надо дома», - размышляя в таком духе, долго мысленно уничтожал я себя, пока не подошел поезд.

Садясь в вагон, вспомнил, что не раз уже случалось такое раскаянье. Да вот отдохнешь дома - и снова потянет куда-нибудь посостязаться. Так иногда охотник, намучившись, зарекается не ездить на зорьку, А проходит денек-другой, и его снова тянет в леса и на озера.

3. ЧЕМПИОН МИРА НИКОЛАЙ БЕНЕШ

*Взглядом цепким,
пристальным
я весь во власти выстрела!
Чуть наклонясь,
пружинясь,
кричу команду: «Дать!», -
надеждой одержимый
мишень не прозевать.
А таймер лихорадит
и прибавляет дрожь –
далекою отрадой
в секунды те живешь.*

*Нет, это не тарелочка
мелькнет от козырька -
а прыгнет где-то белочка
в просвете сосняка...
В туманной дымке перепел
из-под самых ног
с посвистом и трепетом
взлетит наискосок?
А может, с кочки рыжей
бекас пульнет в зенит?
...Но вмиг мишень я вижу,
приклад в плечо скользит.*

*В одной прицельной линии
тарелка,
глаз,
душа –
выстрел майским ливнем
над далью камыша!
Загадочно мерцает
блеск спаренных стволов,
и гарь пороховая
приятней всех духов!*

Десять лет потребовалось стрелку Николаю Бенешу чтобы пройти путь от новичка до мастера спорта СССР международного класса. Девятилетним он приступил к тренировкам по стендовой стрельбе. Упорное трудолюбие и фанатическая любовь к этому виду спорта принесли юному Бенешу радости и успехи. Уже в одиннадцатилетнем возрасте его берут на иногородние соревнования в составе сборной юношеской команды области. В 15 лет Коля впервые становится чемпионом Омской области (1966 г.). Это уже крупный успех, ибо Омск издавна славился прекрасными стрелками, такими, как чемпионы Первой спартакиады народов РСФСР - Владимир Тищенко, Михаил Беспалов, Василий Болотников, чемпион Спартакиады профсоюзов Сергей Кишкюнас и ряд других мастеров спорта (а их в городе подготовлено более сорока, имена которых известны далеко за пределами области). С этого времени юный Бенеш - главный фаворит в сборной команде области. Он блестяще выступает в различных республиканских и всесоюзных соревнованиях, завоевывает звание чемпиона и рекордсмена Российской Федерации и Советского Союза. Его включают в сборную команду страны.

И вот чемпионат Европы 1969 года во Франции. Омич в состязаниях юниоров по стрельбе на круглом стенде завоевал серебряную медаль. Затем Николай выступал в командных соревнованиях. Здесь упорная борьба разгорелась между стрелками Франции, Польши, Италии и Советского Союза. К финалу команды подошли с очень близкими результатами. Последним в команде стрелял Н. Бенеш. От его выступления зависела судьба командного первенства. Нужно было поразить все 25 тарелочек из последней серии, чтобы обеспечить победу советской команде. В случае одного промаха предстояла перестрелка с командой Франции за первое место, а в случае двух промахов - перестрелка с командой Польши за второе-третье места: чемпионами тогда становились французы. Николай сумел поразить все 25 тарелочек. В итоге победа сборной СССР, в составе которой, кроме омича, были олимпийский чемпион Е. Петров, Б. Бульба (оба из Москвы) и Ю. Цуранов (Свердловск). Они на руках вынесли Николая с огневого рубежа в знак огромной признательности. На этих же соревнованиях Николай был удостоен еще одной медали (бронзовой) в личных соревнованиях среди мужчин. В октябре 1969 года Николаю Бенешу предстояло серьезное испытание - участие в первенстве мира, проводимом в испанском городе Сан-Себастьяне. На этих соревнованиях сборная команда СССР добилась убедительного успеха. Она была лучшей в командном турнире, поразив 587 летающих мишеней из 600, на целых 10 очков опередив польских стрелков, занявших второе место, и на 17 очков - США, ставших бронзовыми призерами.

Кроме золотой медали в командной стрельбе, Николай в упорной борьбе завоевал и высшую награду в соревнованиях юниоров, разбив 146 тарелочек из 150. Три очка проиграл ему второй призер, итальянец Пене Нунчино.

В соревнованиях мужчин с самого начала лидировал Юрий Цуранов. Он стрелял без промаха, но из 50 последних мишеней всего лишь разбил 48 и, всё равно завоевал звание чемпиона мира с общим результатом 198 очков из 200 возможных. Дебютант соревнования столь высокого ранга Николай Бенеш добился серебряной медали. Его сумма была 190, как и у итальянца Гараньяни, однако в перестрелке наш молодой спортсмен разбил все 25 тарелочек, тогда как итальянец - только 24. К званию чемпиона мира среди юниоров Н. Бенеш прибавил титул серебряного призера соревнований среди взрослых. В 1970 году Н. Бенеш вновь стал чемпионом мира в командных соревнованиях, в американском городе Финиксе.

4. ОХОТПРАЗДНИК НА БАЗЕ В ДРАГУНКЕ

14 марта 1997 года. На улице - легкий ветерок со снегом. Пасмурно. На Омской земле уже в третий раз проводится "Зимний охотничий праздник" для выявления сильнейшего охотника и лучшей команды области.

В 14.00, миновав центральные улицы Омска, многочисленные «Жигули», «Газики», «Пазики» и пр. (и даже один «КамАЗ») вышли за город на трассу и двинулись по маршруту Любино – Алексеевка – Ростовка - Бутурлинское охотхозяйство. Там намечен привал-ночевка, а 15 марта, в двадцати пяти километрах отсюда, на базе Облохоты по нагонке и натаске собак, расположенной в хвойном красивом массиве, состоятся сами соревнования...

До Любино проскочили незаметно. На автозаправке несколько машин пополнили бензобаки. Все знали, что пятидневная пурга-метель подпортила дороги и путь предстоит нелегким. Так и получилось. Даже на асфальте образовались заносы, а когда достигли дальних деревень, появились настоящие сугробы. С нами идет еще мощный «Урал», в кузове которого большая железная клетка с медведем, и две маленькие - с белками (звери эти - так сказать, своеобразный инструмент проверки «деловых» качеств охотничьих собачек).

Пункт нашего следования от шоссейной дороги - в десяти километрах. Туда протянут тракторный клин. Однако след его оказался уже изрядно присыпан поземкой. Только съехали с дороги в поле - сразу забуксовали «Нива» и «Пазики». Пассажиры вышли из машин и, дружно вторя: «Раз-два, взяли!» - начали их толкать. Два раза изрядно попотели - и решили зацепить легковые машины тросами за вездеходы. Двинулись дальше...

Наступил вечер. Ветер усилился. По полю гуляла сильная поземка. Куда ни глянь - белые заторы, сугробы. Выйдешь из машины - и насквозь продувает ватник. Это в городе, когда мы уезжали, на улицах и дымке испарений виднелись лужицы. Там - весна, здесь - зима!

Опять заминка, теперь забуксовали вездеходы. И снова, как говорится, всей толпой - с шутками и смехом, с разруганными лицами дружным напором выпихиваем технику из снега. Испытание плохой дорогой раззадорило людей, всколыхнуло их силы. Да оно и понятно: охотники - народы бывалый, закаленный, привыкший к трудностям, тяготам жизни.

Проехали мы по хорошей дороге через лес километра три и вышли на огромную поляну, где всюду гуляли снежные вихри. Тракторную розду так перемело, что идущие впереди «КамАЗ» и «Урал» зарылись наполовину в сугробы. Пробивались метров двести, а затем пошел чистый участок пути. Я глядел в окно кабины и удивлялся: сугробы по сторонам поднимались выше легковых машин. «Как в снежном тоннеле», - подумалось мне.

До базы оставалось менее двух километров - и здесь путь преградили сплошные заносы. Пришлось вездеходам отцепить легкое машины, чтобы выйти из тракторной колеи в поле. Но и там, прокладывая объезды по глубокой целине, они стали то и дело застревать. В желтой будке «Камаза» находилось около двадцати охотников. Они натянули чуни, валенки, плотные брюки, до пояса закрыв себя от снега. Выскакивая из машины, люди откапывали лопатами колеса, толкали, вездеход. Однако пройдя метров десять, он снова останавливался.

Особенно плохо было «Уралу» - его резина на дисках настолько изнашивалась, что колеса бешено вращались со свистом, а железная махина и не думала трогаться с места. Человек пятнадцать из ближайших легковушек бросались ему на помощь. Медведь над нами, в клетке, недовольно гремел цепями.

Затем «КамАЗ» зацепил «Урал» на трос. И так, в связке, они стали прокладывать объездные пути, по несколько раз укатывая, утюжа колею. На темнеющей поляне уже скопилось более десятка машин. И тут, как назло, «Урал» зарылся в сугроб «по уши», и у него заглох мотор: лопнул патрубок - и вода вытекла из радиатора. Заменили чертову деталь, растопили снег, залили радиатор. Более тридцати человек копошилось вокруг двух стальных машин - и «Урал» вытащили.

На поляне совсем сгустились сумерки, снег потемнел и затвердел. Это было к лучшему: «Урал» перестал буксовать. Он готовился цеплять наш «Пазик», а «КамАЗ» тем временем, выйдя по объезду в лес, где была хорошая дорога, быстро сгонял на базу и вернулся.

Вроде все самое неприятное осталось позади, но нас ожидало новое разочарование. Только потащил «Урал» объездом по глубокой колее наш «Пазик» - порвался трос. Снегу в колее столько, что «Пазик» ложится на брюхо, и трос рвется раз за разом. Еще хуже «Ниве» - она вся зарылась в снег «с головой», и, как клин бульдозера, пропахивала дорогу до земли. И в конце концов... развалилась: ее передний бампер оборвался вместе с тросом, и бедолага приобрела жалкий, аварийный вид. Зато все остальные машины пошли после нее по торной дороге легко.

Так, в сплошной темноте, закончились крупномасштабные маневры нашей многочисленной автотехники. Колонна втянулась в лес на хорошую дорогу, и минут через двадцать мы были на первой базе, где нас ждала приятная новость: 20-километровый проезд на Бутурлы час назад прочистил трактор К-700.

Немного отдохнув, оставив несколько машин, колонна двинулась на Бутурлинскую базу. На открытых местах еще дважды буксовали легковушки, тем не менее, через два часа мы были уже в месте назначения, где нас разместили в теплых, уютных домиках. Хозяин охотбазы Геннадий Пушкарев встретил нас чаем и красивыми большими фотографиями в рамках, развешанных на стенах комнат. Оказывается, он профессиональный фотохудожник и большой любитель природы.

Передохнули, поужинали, провели заседание судейской коллегии. Всем участникам выдали стартовые номера. В некоторых комнатах заснули не сразу. Из коридора можно было услышать охотничьи байки, анекдоты. Нам, двум журналистам, предоставили небольшую уютную комнату...

Рано утром объявили подъем, подготовку к отъезду, хотя многие охотники были уже на ногах. Выйдя на улицу, я увидел более десятка человек в белых костюмах с номерами, шедших к нашей базе через заснеженное озеро на лыжах.

Оказывается, группа участников ночевала на базе завода им. Козицкого, на другом берегу. Их туда пригласил егерь В.Я. Попов, узнав, что в Бутурлах на всех мест не хватает. Он и лыжню заранее для гостей протоптал. Веселые, свежие лица пришедших приятно удивили меня, словно и не было вчерашнего долгого, тяжелого пути.

Попили чаю, началась посадка в машины, и здесь обнаружилось, что наш «КамАЗ» не заводится, а помочь с буксира - некому: все крупные вездеходы остались на первой базе.

Решили: ехать, а за «КамАЗом» прислать один из тягачей. Так и сделали. Тронулись в путь два «Пазика», два «Газика» и около десятка легковых машин. Не проехали и километра - начали буксовать. Вытаскивали из ям поочередно все машины. Но были и участки хорошей дороги. Через час добрались до базы «нагонки и натаски собак», сразу послав любинский «КамАЗ» в Бутурлы.

Приехавшие начали готовиться: кто-то к судейству, кто-то к старту. К ним подключились две команды любимцев и коллектив из Называевска. Да еще и хозяева - охотники из «секции лаек». На базе Облохоты я бывал не раз. Приезжал на соревнования, испытания лаек на медведя. В вольерах здесь живут медведь и кабан, в сосновый бор выпущены белки. Теперь привезли еще одного медведя и белок. Всем этим занимается «секция лаек», возглавляемая Анатолием Михайловичем Канушиным.

В лесу стоят несколько настоящих маленьких охотничьих избушек, с земляным полом, с деревянными нарами, с печками-жестянками. Прохожу мимо избушек - дверь одной из них открывается, меня зовут. Вхожу. На нарах - человек семь. Михалыч спрашивает: «Как надо стрелять мишень, куда выцеливать?» Оказывается, они вчера вчетвером стреляли по три раза. Двенадцать выстрелов - и столько же промахов. Ни одной разбитой мишени. Долго рассказываю, как делать поводок ружья и вынос прицеливания. Не доходит. Тогда Михалыч командует выйти всем наружу, принести метательную машинку, мишени. Удивляюсь: в считанные минуты все готово. По команде «Дать!» мишень летит через поляну в лес, у кромки которого устроена стрельба. Все ясно: объясняю, что они очень далеко отпускают мишень, а этого нельзя делать при такой мелкой (№ 9) дроби. На месте растолковываю: что, как... Затем несколько быстрых выстрелов - и мишени раскалываются на кусочки. Михалыч доволен.

- *Лыжи не скользят, снег прилипает, отдача?* - опять спрашивают они. Прошу принести мне их лыжные мази. Беру красные и синие тюбики (для свежего снега и теплой погоды), смазываю, а по центру скользящей поверхности наношу твердую, зеленую мазь. Против отдачи... Все, готово. Больше вопросом нет. Уходя, шучу: «Если не займете первое командное место - перестану с вами здороваться».

Я привез сюда на базу тридцать своих журналов и книг, подписанных начальником Управления охотничьего хозяйства Борисом Ивановичем Мишкиным и раздал их бесплатно охотникам. Записал на диктофон пару бесед. Сегодня возьму интервью у победителей, подготовлю публикацию в газету и кое-что для журнала «Охота». Дел хватит...

Из любопытства решил пройтись по лыжной трассе, посмотреть готовность этапов. Удалившись километра на два от базы, захожу в сосновый лес, останавливаюсь и долго слушаю шелест ветра, рассматриваю деревья. Свежайший озоновый воздух, ослепительная белизна снега, яркая зелень иголок.

Прошел час. А оказалось: я в этом лесу нахожусь чуть ли не вечно. Вернулся на базу, попил чайку, поговорил с любинскими и называевскими охотниками. Их я знаю лучше.

Пришли, наконец, машины из Бутурлов. Но не все. Не дождавшись лишь часа до старта, неожиданно вернулись назад в Омск команды «Омскшины», Исилькульского и Горьковского районов. С ними уехал и главный судья соревнований Валерий Мельниченко. Как быть?..

Строить участников на парад принялся Андрей Петров, работник Облохоты, энергичный молодой парень, готовивший трассу соревнований. Здесь, на базе, он уже три дня: нанимал трактор для очистки дороги, завез кучу сухих деревьев, настроил метательные машинки и сделал еще много чего. А сегодня с утра, явно простывший, кашляет, хрипит.

Построились более сорока участников, и Андрей, прежде чем сдать рапорт, скомандовал:
- Смирно!.. Равнение налево!..

Члены Оргкомитета, судьи и принимающий парад И.И. Иванов, зам. председателя правления Облобщества, приехавший всего полчаса назад, - все стояли справа. Однако участники соревнований повернули головы в другую сторону. Абсурд. «Ну и цирк», - подумал я. Некоторые из окружающих посмеивались. И дальше Андрей вел себя крикливо и суетливо, отдавал распоряжения невпопад. А флаг соревнования поднимали вообще без соответствующих команд.

По ходу парада я несколько раз поглядывал на Ефима Алексеевича Норку, заведующего, стоящего неподалеку, но его лицо ничего не выражало. «Наверное, не понимает ситуации, а может, просто устал за эти два дня от утомительного лазания по снегу. Да и возраст не тот», - решил я.

Начался старт. Судейская бригада во главе с Федором Николаевичем, энергичным начальником отдела охоты, вначале проверяла экипировку спортсменов: рюкзак, ружье, лыжи.

Участники соревнований должны были четко ставить капканы, стрелять из малокалиберной винтовки, работать с компасом, распознавать следы на снегу, поражать из ружья летящие мишени, а в конце пути, на бивуаке, готовить кипяток для чая. Один за другим, с интервалом в три минуты, охотники убегали по лыжне навстречу испытаниям.

Перед самым стартом я попросил Андрея подновить запорошенную трассу на «Буране». Он пообещал, но не сделал. И когда я пришел на этап, где велась стрельба из ружья по «тетеревам», то есть по летающим тарелочкам, я с трудом обнаружил след лыжни. Прибежавший под номером один Валентин Третьяков (ставший в итоге третьим призером), сделавший один промах и оштрафованный судьями, громко возмутился, обегая сосенки явно не в том месте. И только после его ухода судьи проложили штрафной круг там, где следует.

Но все эти издержки, очевидно, связаны с погодой.

Судьи на этапах судили по своему усмотрению и разумению, не зная порой общеизвестных требований. Конечно, охотничий праздник - это не чистый спорт, можно кое-что и упрощать, но все-таки предпочтительнее - руководствоваться правилами.

И, тем не менее, не взирая на погоду и разные сложности, на этапах шла горячая борьба за личную и командную победы. Стоя на трассе соревнований я, как и другие, уже определил сильнейшего. Это Александр Болоцкий, охотник из «секции лаек». И по скорости бега на лыжах, и по умелым действиям на этапах, он вышел сразу вперед и стал бесспорным победителем в личном первенстве.

На второе призовое место пробился Сергей Фомин, представитель одной из любинских команд. К сожалению, за три промаха в стрельбе по тарелочкам он бежал три штрафных круга. При хорошей стрельбе он на равных боролся бы за первое место.

Третий результат в упорной борьбе показал Валентин Третьяков из «Сибнефтомонтажа», шедший под № 1, прокладывавший лыжню для своих соперников. Такова воля жребия.

Командные места распределились следующим образом: первое - завоевала «Секция лаек», второе - у команды из Любино, третьим призером стал коллектив прошлогодних победителей, охотников из Крутой Горки.

Приятно отметить, что Любино представляли на соревнованиях две команды. Геннадий Ахтырцев, председатель райохотобщества, лучший организатор в области, в этом деле показал себя лидером.

Поздравление победителей, награждение призами, киносьемки, и, главное, отличное настроение увенчали праздник. После заключительного парада стали расходиться к своим машинам, готовиться к отъезду домой. Погода заметно улучшилась.

Я прошел к столику, где продавались шашлыки с дымком костра, и наливалось сто грамм. С удовольствием жую вкусное мясо. За спиной слышу голоса. Люди дерябнули «по махонькой», теперь обмениваются мнениями, спорят, доискиваются до истины.

- На следующий год надо проводить праздник не во вторую, а в третью субботу марта. Метелей уже не будет и заносов тоже.

- Нынче уехали команды из-за того, что спать негде было. Рядом есть еще охотбазы, их бы использовать.

- Нет, праздник лучше проводить там, где идеальные условия подъезда и размещения. Скажем, в Чернолучье.

- Губа не дура. Туда лучше ехать с бабой.

- Бабу, да и ружье туда не брать, там в домах отдыха хватит молодых девок

- Еще и плавательный бассейн заодно заказать.

- А вот серьезно: шашлык и чай могли бы сделать бесплатно, как на всех соревнованиях, по талонам.

- У нас даже на слете животноводов давали бесплатный обед.

- Шашлык стоит пять тысяч, да ломтик хлеба и чай. Пусть всего шесть тысяч. На сорок человек - двести сорок тысяч...

- Мелочь. Ведь столько мы платим за патроны и оружие.

- Да еще плюс членские взносы и за путевку.

- И сюда приехали за свой же счет, - я подошел давеча к начальству - говорю, мол, немного бензина до заправки, у вас, может, есть? Так один меня высмеял: «Ишь, чего захотел...».

Охотники продолжали разговор, а я, покончив с шашлыком, пошел к машине. Появился откуда-то кинооператор Андрей, спросил, где найти Канушина. Прошли к охотничьим избушкам. Встретив нас, Михайлович с неудовольствием посетовал: *«Бежал тяжело - плохо отдохнул вчера, да и возраст - 58 лет все же...»*. Я его немного успокоил:

- А в прошлом году ты выиграл у всех, безо всяких отговорок. Конечно, 58 - много. Надо сделать возрастную группу: кому 60 лет и более. Мне лично - 62, если все будет нормально - на следующий год я приму участие в соревнованиях, а еще через год будем просить Оргкомитет о включении в программу праздника - «Старт ветеранов». И ты, Михалыч, и другие убеленные сединой охотники, будете желанными почетными участниками.

Возвращаясь в город, сидя в машине, я раз за разом прокручивал в голове события этих двух дней. И пришел к выводу, что провел время с пользой: и отдохнул душой, и впечатлений свежих набрался, и знающих людей послушал, и дельными мыслями обогатился...

Авт. Через неделю после соревнований, меня пригласили на заседание в Охотуправление для разбора праздника. Я высказал массу замечаний. В ответ председатель Правления предложил мне на следующий год быть Главным судьёй соревнований. Так и было сделано. Я провёл соревнования на должном уровне и получил благодарность и ценный подарок.

5. ЛЮБОВЬ К ПРИРОДЕ И ОХОТЕ

Кочкин Александр Николаевич родился 2 сентября 1948 г. в Щербакульском районе Омской области (село 1-е Комиссаровское). Закончил Омский строительный техникум, затем

– Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал мастером, старшим прорабом, главным инженером, начальником строительного управления, заместителем управляющего треста. В настоящее время - директор Управления капитального строительства Омска.

Я знаком с Александром Николаевичем более двадцати лет. Бывал у него на работе, вместе ездили на охоту, вместе тренировались в стрелковом клубе. Когда я готовил и издавал журнал «Охота в Омском Прииртышье», он вместе с Канушиным Анатолием Михайловичем были моими консультантами по многим вопросам. У того и другого - богатые коллекции оружия, много разной литературы о природе и охоте. Оба опытные, знающие охотники.

Сегодня я беру у него небольшое интервью.

- Александр Николаевич, я многого не знаю о Вас, хотя мы и знакомы два десятка лет. Ну, хотя бы самую малость. Кто были ваши родители?

- Отец, Кочкин Николай Ильич (1918 г. рожд.) прошел всю войну, работал в совхозе Борисовский, перед пенсией был старшим прорабом. Мать - Кочкина Матрена Даниловна (1916 г. рожд.) также всю жизнь трудилась в совхозе, перед пенсией работала в гараже, в цехе вулканизации.

- Давно знаком с вашей очаровательной супругой Нэллой Николаевной. Когда вы поженились?

- Мы с ней вместе с 1971 года. Ее девичья фамилия - Красноперова. Сейчас она на пенсии, но продолжает работать в Омскгоргазе в должности инженера.

- У вас в семье две дочери. Расскажите о них.

- Старшая, Татьяна (1972 г. рожд.), закончила Омский институт физической культуры, мастер спорта по пулевой стрельбе из пистолета. Работает директором плавательного бассейна. Младшая, Светлана (1975 г. рожд.) закончила Омский политехнический институт. Работает в налоговой инспекции Кировского административного округа.

- *Александр Николаевич, вы сами мастер спорта по стрельбе, заядлый охотник. Где любите больше бывать на охоте. В каких местах?*

- Много лет охотился на озерах Саргатского района. И хотя моя родина - Щербакуль, но постоянно тянет на север, где я провел сотни счастливых охотничьих зорек. Вот на этой фотографии - одна из удачных поездок.

- *В своей повести «Егерь» я привожу описание вашей охоты на лосей. Вы там немного «браконьерничали», правда, не по своей вине.*

- Да, было такое.

- *А еще, помните, я вам посвятил один стих. Вот две строки: «Дробовик 10-го калибра, шомпольное старое ружье»...*

- Спасибо, за посвящение. Мне очень нравятся ваши стихи.

- *Александр Николаевич, вы прекрасный охотник, интеллигентный человек, интересный собеседник. Я желаю вам и вашему семейству всего наилучшего. Успехов вам.*

XV. ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ

1. СЕКРЕТЫ ОХОТНИЧЬЕГО ОРУЖИЯ

Наверное, это был единственный человек, фамилию которого я запомнил с первого раза. И не только фамилию, но и имя-отчество: Иван Иванович Иванов. Согласитесь, довольно редкое сочетание. И если каждого русского мужика иноземцы называют Иваном, то этот человек - трижды русский мужик.

В самом деле, есть в нем что-то от матушки-природы - крепкое, корневое. Внешне замкнутый и неразговорчивый, он, когда надо, говорить может часами, увлеченно, рассудительно, с глубоким пониманием и дела, которому служит, и нашей непростой жизни.

Работает Иванов в областном охотобществе, первым замом у Виктора Кирина, председателя правления. Оба они (не побоюсь этого слова) беззаветно преданы обществу, и мало кто знает, сколько здоровья, нервов и сил тратится ими, чтобы каждый из нас, охотников-любителей, мог, как и в былые годы, встречать на своих охотничьих базах, на "своих" водоемах осенние (а теперь - и весенние!) зорьки. Чтобы мог без проблем приобрести и охотничьи припасы, и, самое главное, - ружье, без которого охотник - не охотник и от которого зависит и результат охоты, и ваше настроение. Вот об этом мы и беседуем с Иваном Ивановичем Ивановым.

- *Каждый из нас помнит свое первое ружье, как первую любовь. Для меня это была старенькая отцовская одностволка 24-го калибра, а для вас?*

- Тоже отцовское ружье - Иж-54. Впервые я его взял в руки в 13 лет, конечно, под контролем отца. И сходу записался в школу юного охотника, которая была при областном охотобществе. Все свободное время пропадал там, крутился среди "зубров"-пенсионеров (ведь тогда руководство общества состояло сплошь из старичков). Но зато было чему поучиться у них. Там с Николаем Косачевым познакомился, таким же, как я пацаном, и тоже безоглядно влюбленным во все, что связано с охотой. Уже тогда я понял, что дорога у меня одна – в охотоведы. Перед армией была попытка поступить в Иркутск на охотоведа. Увы, не удалось. Очень уж большой был конкурс.

- *Представляю, какими длинными показались два армейских года без любимого занятия - охоты.*

- Ошибаетесь. Меня там быстро "раскусили" как охотника. Служил в Забайкалье, и как-то пришлось сопровождать на охоту высокое начальство. Люди-то в годах, а оказались почти новичками. Не могли собрать МЦ-21 12-го калибра, подаренный одному из них женой. Собрал, рассказал, как стрелять из ружья... И с тех пор, как только на охоту ехали, брали меня в качестве наставника-инструктора. А потом, перед увольнением в запас, оформили мне документы для работы в Сихетэ-Алинском заповеднике: мол, поезжай работать, а мы к тебе на отдых будем ездить.

Но как раз тогда по заповедникам сокращения начались, и я вернулся в Омск. Вскоре заочно поступил учиться и стал работать в областном охотобществе.

А "специалистом по ружьям" не от хорошей жизни стал. Когда нас "окунули" в рынок и настали тяжелые времена, пришлось думать, как обществу выжить. На членских взносах и путевках далеко не уедешь. И я получил задание - наладить торговлю оружием и припасами. Собрался - и в путь! Объехал все оружейные и патронные заводы России. Изучал их продукцию, общался с мастерами и конструкторами, знал обо всех новинках и что они стоят. Старался все лучшее привезти в Омск.

- *По-моему, вы можете оказать большую услугу и новичкам, которые мечтают о хорошем надежном и недорогом ружье, и вообще всем, кто занят этой проблемой. С чего начнем?*

- С ижевского завода. Большим спросом пользуется Иж-27. У него хороший бой. Ружье простое в обращении, очень надежно, но тяжеловато. А теперь вот и ложу завод вынужден делать из березы, в лучшем случае из бука, потому что южное дерево орех остался за кордоном.

Жаль, конечно, что завод не выпускает также ружья 16-го и 20-го калибра, спрос бы на них был огромный. Вертикальное расположение стволов - тоже плюс. Кстати, кто стреляет из вертикальных, на ружья с горизонтальными стволами, к примеру, Иж-43, уже не перейдет.

Ружье это сделано на базе Иж-58, но лучше не стало. На вид грубоватое, даже топорное. Замки у него надежные, но утяжеляют вес.

Иж-18 - ружье одноствольное, не только 12-го калибра, но и 32-го.

- *Иван Иванович, прошлой осенью, на открытии охоты, знакомый охотник продемонстрировал нам новинку сезона - "помповое" ружье. До этого я видел такое оружие только в американских телебоевиках и почему-то отнёсся к этой заморской штуковине предвзято. В фильмах они смотрятся эффектно, а здесь, на берегу озера, - как что-то инородное, особенно неприятно это клацание при перезарядке. В общем-то, и мои товарищи отнесли с прохладцей к новинке. А ваше мнение?*

- Согласен с вами. Я тоже не в восторге от помпового оружия и думаю, что это, скорее, дань моде, и оно не приживется у охотников. В общем-то, оно предназначено для охраны.

- *Недавно узнал из охотничьего журнала, что некоторые охотничьи ружья переконструированы из военного оружия. К примеру, карабин "Сайга" переделан, оказывается, из автомата Калашникова. Очередями... по лосю! Это тоже безнравственно!*

- Вы рано выносите приговор. "Сайга" как раз и отличается от автомата тем, что из этого карабина нельзя вести автоматную стрельбу очередями. А вообще-то карабин неудачный. Скорострельность на охоте не нужна. Ведь при том неизбежны подранки.

Другое дело - карабин «Лось», «Барс». Из этого оружия можно стрелять прицельно, чисто.

- А почему Тульский оружейный завод с многовековыми традициями сдал свои позиции?

Теперь все заводы позиции сдают, и оружие тульских мастеров действительно стало похуже качеством. Вот ТОЗ-34 с вертикальным расположением стволов. Легкое, элегантное, с хорошим боем. Но казенная часть подкачала, капризная, часто выходит из строя. И я бы новичкам не советовал его покупать.

А вот МЦ-21 (пятизарядное) по-прежнему пользуется спросом. Незаменимо для охоты на гуся и лисицу.

Уже поступает в продажу новое ружье ТОЗ-87. Долгонько его ждали. Легкое, удобное. Но ахиллесова пята - хрупкость сплава, из которого изготовили весь механизм перезарядки патронов.

С апреля на заводе начался серийный выпуск ТОЗ-91, в котором соединилось все лучшее от Иж-27 и ТОЗ-34. И что очень важно, в Туле сейчас работают над созданием, вернее, восстановлением дешевого ружья ТОЗ-63, выпуск которого как-то был неоправданно прекращен.

Тульские мастера изготавливают подарочные ружья с гравировкой, позолотой. Если кто-то мечтает приобрести такое оружие, пусть к нам, в общество, обращается. Сделаем заявку, у нас есть договоренность с заводом.

В общем, проблем с приобретением оружия нет. Другое беспокоит. Сколько нарезного оружия продано! Мы волей-неволей тоже приняли в этом участие, иначе доходы от продажи получили бы только коммерческие структуры, а на развитие охотничьего хозяйства - ни гроша. Оружие попало к случайным людям, которые не шибко-то задумываются о том, как правильно отстрелять косулю или лося. Не знают, что пуля летит на многие километры. Им лишь бы добыть кусок мяса. И если теперь не наладить строжайший учет и контроль, численность косули и кабана будет подорвана.

Всем подряд малокалиберное оружие продают, а это угроза тетереву. Если раньше его губила химизация сельского хозяйства, теперь истребление из тозовок с подъезда. Опять же нужен жесткий надзор, И не только. Нужен новый закон об охоте.

- Мы почему-то всегда из одной крайности в другую бросаемся. То запрещаем все подряд, то разрешаем без меры.

- Видно, жизнь так устроена. Иначе не отыщешь золотую середину. Хотя в общем-то к оружию надо относиться спокойно. Ведь раньше, в старые добрые времена, оно было почти в каждом доме, даже не у охотников. И от этого не было меньше дичи, никто по утке и утятам не стрелял. И разве плохо, если отец с юности научит сына обращению с ружьем, расскажет, какую пользу оно приносит и какую опасность таит. Я со своими сыновьями в запреты не играю. Одному 10 лет, другому - 14. Оба умеют стрелять, а старший даже не хуже меня. Я знаю, без меня они ружье не возьмут, а со мною и разбирают его, и чистят. Хотя... зарекаться, конечно, нельзя. Ведь даже палка раз в году стреляет.

Просто надо помнить, что ружье - это источник повышенной опасности и надо с ним быть бдительным и дома, и на охоте.

- Как-то раньше даже рассматривалась идея, чтобы все ружья хранить в специальной камере хранения и получать только при выезде на охоту.

- Если бы такое случилось, я бы, скорее всего, свое ружье отдал на переплавку.

Вел беседу Станислав ТРЕТЬЯКОВ

Автор этой статьи, очень уважаемый в Омске журналист за свою честность, бескомпромиссность и высокое профессиональное мастерство, много лет работал в «Омской Правде», где вёл на большом развороте газеты экологическую страницу «Природа и мы». Иногда помещал на своей странице мои стихи. Сегодня работает на телевидении.

2. ПОЭЗИЯ

А.Н. Конкину
Дробовик 10-го калибра,
шомпольное, древнее ружье,
на пристенке затаилось
хитро,
это дедовское - не мое.
Он тяжелый, длинный,
не прикладист,
а отдача, что не устоишь,
для стрельбы рогатину
дед ладит:
если стрелишь - стаю всю
сразишь.

У меня же легкая берданка,
и калибр всего лишь 32.
У нее затвор...
Я спозаранку в лес иду,
на ток, к тетеревам. Заряжу
патрон с литою дробью,
выстрел бахнет –
дробь летит, свистит...
Глажу я берданочку
с любовью,
если птица камнем
вниз скользит.

Мне и лет-то нынче только
десять, но без дичи не
хожу домой... А сегодня
тетерев увесист - бережно
держу его рукой... Я держу
его за шею крепко, ноги
волочит он по стерне. Ведь я
ростом меньше метра, с
кепкой, Но охотник
признанный вполне.

В.ЗЕНЗИН

3. НЕМНОГО О ТЕХНИКИ ОХОТНИЧЬЕЙ СТРЕЛЬБЫ

В технике охотничьей стрельбы нужно выделить три вида вскидки ружья:

а) когда приклад заранее вставлен в плечо, а концы стволов несколько опущены, как при стрельбе на траншейном стенде. Стрельба из такого положения ведётся по боровой дичи, вылетающей из-под собаки, по бекасам, при стрельбе по подранкам. Для производства выстрела останется добавить движение ног и корпуса, чтобы совместить линию прицеливания с мишенью;

б) когда приклад и стволы сразу поднимаются параллельно прицельной линии на требуемую высоту. Этим способом выполняется стрельба «навскидку», и охотник стреляет быстро, как бы не целясь. Это в стрельбе по боровой дичи в просвете деревьев или на небольшом озёрном плесе, окруженном высоким камышом;

в) когда приклад находится у бедра, а концы стволов, находящиеся внизу, ведутся к цели, с одновременной вставкой приклада в плечо (то есть техника стрельбы на круглом стенде). Эта техника рассчитана на поводок ружья и более точный выстрел. В домашней обстановке вы можете на стене сделать 3-4 мишени и разместить их через 40-50 см. Прицеливаясь в одну, переводите ружье на вторую мишень, третью - тем самым осуществляете поводок ружья. Если вы добавите пару мишеней на разной высоте, то целясь в ту и другую поочередно, как бы выполняете стрельбу дуплетом.

У каждого охотника, как и спортсмена стендовой стрельбы, есть отличительные, только ему присущие черты в технике стрельбы, зависящие от анатомии тела, скорости реакции на вылет и др. Взять, например, технику стрельбы омича, чемпиона мира Николая Бенеша. Помню, как на чемпионате страны в Москве, когда шел продолжительный тихий дождичек и утомленные долгими соревнованиями многие мастера спорта все чаще делали промахи, Николай Бенеш спокойно, точно поражал все мишени. 25 из 25. Снова 25, снова и снова без промаха. И только в трех сериях он допустил по одному промаху. В итоге 197 пораженных мишеней - новый рекорд страны.

Собравшиеся на стрелковой площадке ведущие тренеры, глядя на нового рекордсмена, отмечали очень мягкую, быструю вставку приклада в плечо, исключительно короткий поводок ружья (а внешне казалось, что его просто нет), отмечали экономность всех движений, отличную реакцию на вылет мишени и какую-то особую уверенность в стрельбе.

Вскоре Николай Бенеш в составе сборной команды страны становится чемпионом мира. Шли годы, приходили новые победы. Но тренеры сборной страны упорно хотели «улучшить» технику стрельбы молодого мастера спорта международного класса. «Улучшить» - в кавычках. И добились своего. Техника Николая Бенеша стала более красивой, удлинился поводок ружья, внешне выглядело все эффективно. Но парадокс: вместе с этим все чаще стали появляться промахи. Результаты начали снижаться...

Значит, можно сделать вывод, что особенности техники стрельбы, индивидуальные способности стрелка надо оставлять, развивать, а не заменять какой-то красивой техникой, не подгонять ее под общие стандарты. Сто охотников, сто стрелков - и каждый чем-то отличен от другого.

4. ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

Авт..Я просматриваю оперативную сводку УВД по Омской области с В. Паховым, старшим инспектором разрешительной системы ОПП СОБ УВД Омской области.

И слушаю его рассказ:

«...Оружие требует внимательное обращение от любого. Так в Крутинке, возле озера в огороде, учащийся 6 класса Х., 1981 г. рождения, при неосторожном обращении с ружьем произвел выстрел, в результате чего смертельно ранил своего двоюродного брата. Подобных примеров можно приводить, к сожалению, много.

Некоторые владельцы огнестрельного оружия хранят его где угодно, уповая на то, что могут украсть у кого-то, но только не у него. Видимо, на это рассчитывал гр. Тихонов В. П., 1949 г. рождения, оставив 14 января 1993 г. около дома № 6 по ул. Степанца в автомобиле охотничье ружье, которое было похищено.

В период с 6 по 12 мая 1993 г. в Кировском районе г. Омска из машины «Москвич-403», принадлежащего гр. Чичерину, было украдено охотничье ружье «Вольф», производства Германии.

Несмотря на постоянные напоминания о том, что во время перевозки ружье должно быть разряжено и зачехлено, некоторые охотники это игнорируют. Трагический случай произошел в Таврическом районе, когда 3 октября 1992 г. гр. С., 1967 г. рождения, на поле в 3 км от с. Карповка доставал заряженное ружье из машины, зацепил спусковым крючком за что-то, из-за чего произошел выстрел в подбородок. И наступила смерть.

16 октября 1992 г. в Крутинском районе в 30 км от Крутинки во время посадки в автомобиль произошел случайный выстрел из неразряженного оружия в голову Г., который также погиб.

Памятен случай в Знаменском районе, когда охотовед при выезде на охоту по лицензии передал нарезное оружие одному из напарников, в результате неосторожного обращения произошел выстрел в голову одного из участников охоты, который получил смертельное ранение.

Особую опасность для окружающих представляют владельцы оружия, злоупотребляющие спиртными напитками.

6 июня 1993 года в трех километрах от с. Рассохино Нововаршавского района на почве ссоры после распития спиртных напитков С., 1939 г. рождения, выстрелил в ногу М.

10 мая 1993 года около 2 часов ночи в гараже по ул. Энтузиастов в Советском районе задержан гражданин, который после распития спиртных напитков остался охранять гараж.

Увидев проходящего мимо гаража человека, стал его преследовать, потом выстрелил из ружья, причинив ему ранение правого глаза.

Исходя из анализа преступлений с применением огнестрельного оружия, видно, что у населения имеется определенное количество незарегистрированного оружия. Поэтому УВД обращает внимание, что граждане, добровольно сдавшие незаконно хранящееся у них огнестрельное оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, освобождаются от административной и уголовной ответственности.

Члены охотобщества, имеющие незаконно хранящееся оружие, могут зарегистрировать его в органах милиции. От административной ответственности они также будут освобождены.

В заключение мне хотелось бы выразить уверенность, что все охотники-любители нашей области примут меры личной и общественной безопасности при перевозке оружия и непосредственно в охотничьих угодьях».

5. МОЁ ОРУЖИЕ

Управлением внутренних дел администрации Омской области выпущен Сборник основных изменений и дополнений к законодательству об административных правонарушениях за 1990-1993 годы.

С одним из авторов данного сборника, зам. начальника подотдела лицензионно-разрешительной системы ОПР СОБ УВД Б.Л. Овчаренко, мне пришлось вести частную беседу при оформлении покупки оружия. В разговоре "О введении в действие Порядка реализации постановления Совета Министров РФ" от 11.02.1993 г. N 109 и "Положения об административной ответственности за нарушение правил и порядка продажи, приобретения, хранения и ношения специальных средств самообороны на территории Омской области" я сделал замечание, что сегодня защита прав и законных интересов граждан получает более широкое поле деятельности и в первую очередь для имущих людей. Но как быть с неимущими, которым не по карману приобретение оружия? И, в частности, - как быть с охотниками, владеющими оружием, но не имеющими прав на его использование для личной безопасности? А ведь охотников у нас в области около 50-ти тысяч человек...

Б.Л. Овчаренко ответил мне, что в апреле 1994 года выходят дополнения к постановлению, и этот вопрос будет решен положительно. На мое неудовольствие сложностью регистрации и перерегистрации любого оружия он сказал, что эта бумажная волокита упростится.

И вот в конце апреля я попросил старшего инспектора разрешительной системы ОПР СОБ УВД Омской области В.К. Пахомова выступить на страницах приложения "Природа Прииртышья"

газеты «Омский вестник» специально к открытию весенней охоты. Он любезно согласился и написал обстоятельную статью. А через месяц я пошел по кабинетам разрешительной системы УВД уже не как журналист, а как рядовой охотник для перерегистрации личного охотничьего оружия. Увы, чтобы перерегистрировать оружие, мне потребовалось не одна неделя, хотя раньше, внося плату и показав квитанцию, это делалось за один-два дня... И, вспомнив разговор с Б.Л. Овчаренко, я усмехнулся про себя: "Да, упростили..." Снова беру в руки газету "Омский вестник" от 21 апреля 1994 года и начинаю повторно, внимательно читать статью В.К. Пахомова "Человек с ружьем". Вот цитирую дословно: "Во исполнение Закона РФ "Об оружии" и Постановления Совета Министров правительства Российской Федерации от 2 декабря 1993 года "О мерах по реализации Закона РФ "Об оружии" утверждена новая инструкция о работе органов внутренних дел по контролю за оборотом служебного и гражданского оружия. Данная инструкция предусматривает ряд изменений и добавлений..."

Для продления разрешения на хранение оружия владелец обязан за три месяца до истечения срока действия разрешения обратиться в территориальный орган внутренних дел, предоставить имеющееся оружие для технического осмотра и следующие документы: заявление на имя начальника органа внутренних дел с просьбой перерегистрировать имеющееся оружие и ряд различных справок... Наивный я человек, рассчитывающий так просто пройти перерегистрацию! Оказывается, уже за три месяца надо было начать хождения по кабинетам.

Далее читаю: "...оружие должно храниться в разобранном виде в местах, исключающих возможность его использования или хищение посторонними

лицами, лучше если в металлическом ящике (сейфе) из железа толщиной 3 мм и не менее чем с двумя внутренними замками, причем для боеприпасов должно быть выделено отдельное место, закрываемое на внутренний замок...

А как быть в случае разбойного нападения на квартиру, когда решают все секунды?..

В статье указано, что нельзя иметь оружие на даче, в гараже, в сарае, в вагончике, в автомобиле, то есть полный запрет на использования оружие для самозащиты, а в случае отступления от вышеизложенных правил оружие изымается, а хозяин привлекается к ответственности по ст. 172 и 173 КОАП РСФСР. Вот такие-то пироги, мой бедный охотник, вот и защитились. А теперь о том, как я ходил по инстанциям с перерегистрацией оружия. Первый мой поход к начальнику Ленинского РОВД (он был в отпуске, а принял меня заместитель Владимир Эдуардович Аллеев) закончился недоумением последнего: почему ему нужно подписывать мне заявление на перерегистрацию оружия, он ведь абсолютно не знает меня. Достаточно подписи участкового, который должен проверить состояние и условие хранения моего оружия.

Второй мой выход в поликлинику №1, за справкой 286-У, к старейшему врачу-профпатологу Якову Моисеевичу Резиновскому. Он выписал мне общую справку о состоянии здоровья, сказав, что справок формата 286-У нет, да и они для учащейся молодежи, а к наркологу и психиатру мне можно не идти, достаточно его справки. А еще добавил, что разговаривал именно с Б.Л. Овчаренко и убедил его, что вместо кучи справок должна быть одна, на одном листе: на первой странице направление к участковому, которой ставит свою подпись-разрешение на перерегистрацию, а на второй странице - справка врача по месту жительства или по месту работы.

Третья моя встреча - с участковым, которого я пригласил домой (он и раньше был у нас в квартире). Молодой красивый лейтенант Д.В. Степанов осмотрел мой сейф с оружием, составил и подписал справку, а еще даже и посоветовал, куда лучше переставить сейф.

И вот после этого без оружия, без справки нарколога и психиатра я пришел в разрешительный отдел Ленинского РОВД. Со мной разговаривали вежливо, корректно, правда, пошутили при виде очереди охотников, которые были все с зачехленными ружьями:

"Ну, тяжело вам ружье принести, принесли хотя бы цевье от ружья, на нем есть номер оружия..."

На мой вопрос, что вы думаете насчет упрощения системы перерегистрации оружия, ответ был однозначен: мы работаем по инструкциям, разговаривайте с областным начальством. Прежде чем писать эту статью, я побывал в Первомайском и Центральном РОВД. Картина везде одна: очереди охотников с оружием, строгость оформления доку-

ментов в соответствии с инструкциями, нежелание разговаривать об упрощении...

И вот бредут на перерегистрацию по городам и поселкам области с разобранными ружьями, спрятанными под плащи, 50 тысяч охотников, многие уже в возрасте, пенсионеры. Оглядываются, и не напрасно: трахнет кто-нибудь по голове и заберет оружие. Такое нынче время. Ну и бог с ним, с оружием. Ведь после удара по голове останешься ли жив?.. И у меня невольно возникает вопрос к Б.Л. Овчаренко и В.К. Пахомову: о какой защите гражданских прав и законных интересов может идти разговор, когда те, с пистолетами, - насильники и рэктеры - могут в любую секунду напасть на человека, а простому смертному по вашим инструкциям легче умереть, чем попробовать защититься.

*В. ЗЕНЗИН,
мастер спорта по стендовой
стрельбе, почетный член
общества охотников*

6. ОБРАЗЦЫ ЗНАМЕНИТОГО ОРУЖИЯ

ЗНАМЕНИТАЯ «двадцатка» русского мастера Ивашенцова применяется одинаково успешно как на птицу, так и на зверя. В отличие от современных ружей, она обладает высоким боем, надежностью всех частей боевого механизма, простотой в разборке. Спусковой механизм выполнен в совершенстве. Ружье имеет тонкую, художественную гравировку. Первый выпуск состоялся в 1911 году на императорском Тульском оружейном заводе.

ИЗ ОРУЖИЯ бельгийского производства надо выделить «Лебо» и «Дифурни», имеющие прекрасные боевые качества, а «Дифурни» впервые снабжено экстрактором, что являлось в то время новшеством. Отличная гравировка, красивое цевье и приклад придают оружию роскошный вид.

ПЕРВЫЕ автоматические ружья фирмы «Брауненг» отличаются от наших современных ружей своей легкостью, элегантностью, вентилированной планкой прицеливания. Затвор их сложнее и надежнее, а бой намного превосходит наши МЦ.

ИЗ НАРЕЗНОГО оружия можно выделить «Маузер», калибр 5,6 мм, применяемый для промысловой охоты на белку, соболя, боровую дичь. Он укороченного, облегченного типа. Хорош на бой и точность, чего не скажешь о нашем мелкокалиберном оружии - ТОЗ-8,16,17. Маленький затвор, небольшое ложе из орехового дерева, надежность и неприхотливость в любых условиях делают его незаменимым для таежных охотников. Чтобы разобрать его, нужно вручную открутить всего один болтик и сложить в небольшой чехол для переноски. Сборка производится в течение минуты.

7. ЗАРЯДКА ПАТРОНОВ ПУЛЕЙ

Схема зарядки патрона:

Стрельба из гладкоствольных ружей пулями представляет интерес для большого количества охотников. Особенно интересна для меня стрельба пулями из ружей 32-го калибра. Свой способ изготовления и снаряжения пулевых патронов для ружей 32-го калибра проверил уже двумя десятилетиями охотничьей практики. Он сводится к тому, что свинцовую пулю креплю на специальном стабилизаторе, отлитом из мягкого полистирола (крышки банок, пробки бутылок шампанского и др. подобные материалы). Перья стабилизатора от руки скручиваю в ту или иную сторону, засыпаю порох в гильзу и опускаю пулю стабилизатором вниз, но не до самого конца, затем переворачиваю гильзу капсюлем вверх, несколько раз встряхиваю и потом досылаю пулю до конца. Пыжей никаких применять нельзя, т.к. порох равномерно распределяется между перьями стабилизатора, а конусная поверхность внутренней части гильзы не позволяет перьям стабилизатора выпрямиться.

После выстрела стабилизатор обеспечивает вращение пули вокруг своей оси и очень высокую скорость полета - более чем в два раза выше круглой пули.

Если стрелять в щит размером 1м * 1м круглой пулей по центру на расстояние 150 м, то не все пули попадут в щит, часть их коснется земли раньше, чем долетит до щита. Пули же со стабилизатором все приходят в центр щита и укладываются в круг диаметром 350 мм. Конечно, к каждому ружью надо подбирать свой вес пули и пороха. Для моего ружья Иж-17 вес пули равен 19-20 г, а пороха "Сокол" - 1 г. Заряженный патрон заливаю тонким слоем состава: 30 % канифоли и 70% парафина.

1. Латунная гильза.
2. Свинцовая головка пули.
3. Часть стабилизатора, крепящая его к пуле.
4. Центральный сердечник стабилизатора.
5. Оперение стабилизатора.
6. Порох.

8. ПОЧЕМУ ПОРОХ «БАРС» НЕЛЬЗЯ ПРИМЕНЯТЬ В ЛАТУННЫХ ГИЛЬЗАХ

Порох «Барс» почти в два раза плотнее пороха «Сокол». Известно, что заряд пороха «Сокол» для 12-го калибра 2,3 грамма, а заряд «Барса» - 2 грамма. Но объем пороха «Барс» в две раза меньше, чем «Сокола».

Теперь посмотрим, как он располагается в латунной ружейной гильзе.

Технология изготовления латунной гильзы любого калибра такова, что необходимо иметь так называемый штамповочный конус внутреннего пуансона, иначе его невозможно будет извлечь из гильзы при изготовлении. В таком случае практически при постоянном наружном диаметре латунных гильз внутренний диаметр неодинаков, и чем ближе к головке гильзы, тем он меньше.

Поэтому, чем меньше объем пороха, тем больше по периметру будет сминаться пороховая прокладка и при выстреле пороховые газы прорвутся через пыжи в дробовой заряд, разбросают его, не обеспечат необходимой скорости дроби.

«Сокол» меньше обеспечивает прорыв газов в дробовой заряд. Дымный порох - наилучший для стрельбы из латунных гильз. К тому же обилие твердых частиц в продуктах сгорания дымного пороха обеспечивает практически полную закупорку всех пор в пыжах и обеспечивает эффективное действие газовой части сгоревшего пороха, даже если не будет пороховой прокладки.

М. ЛАРИН, охотник-любитель, инженер

9. ВЫБОР РУЖЬЯ

Выбирать ружье нужно по стволам и теневым кольцам. Последние должны располагаться строго по центру.

Нужно проследить также, чтобы ложа соответствовало определенному отрезку длины руки. Согните руку в локте, поднимите на уровень плеча. Поставьте ружье на локтевой сустав и выпрямите ладонь. Ложа в таком положении должна доставать до первой фаланги указательного пальца, то есть до уровня первого спускового крючка от ствола.

Погиб ложи, как правило, у новых ружей маленький, рассчитанный на среднего человека. Чтобы ложа соответствовало вашей фигуре, нужно измерить

расстояние от ключицы до глаз. Стрелкам с короткой шеей подходит погиб 55-80 мм, а с длинной - 70-90 мм.

Как измерить погиб? Надо собрать ружье, наложить сверху метровую линейку или любую рейку так, чтобы она выходила за ложу, и определить расстояние между линейкой (рейкой) и ложей. Но это еще не все: после всех замеров нужно обязательно пристрелять ружье, чтобы убедиться, куда же несет заряд каждый ствол ружья на расстоянии 35 метров. Охотники, которые не делают этого, оставляют после себя кучу подранков, нанося большой ущерб фауне.

10. УХОД ЗА РУЖЬЕМ

Частый выход ружья из строя зависит от его владельца. Ружье нужно хранить со спущенными боевыми пружинами. Ружье, которое хранилось со взведенными курками, непременно даст осечку, так как, долго находясь в сжатом состоянии, пружины садятся.

У ружья ТОЗ-34 пружины нередко ломаются. Что здесь можно посоветовать? После окончания охотничьего сезона разберите механизм, промойте в бензине, смажьте не

текучими маслами, лучше вазелинами N 200, 201, 202. Ложу, посадочное место для колодки промойте и промажьте олифой. Хорошо высушите и соберите ружье.

Не смазывайте механизм текучими маслами. Стекшее масло впитывается в древесину ложи и разрушает ее. Владельцам ижевских ружей ИЖ-58, 43м, 12, 27 хотелось бы подсказать следующее: чтобы не кололо ложу в том месте, где садится замок, его нужно подпилить, а под хвостовую часть оставляйте зазор 0,5-1 мм на усадку материала.

С ружьями ТОЗ-34 обращайтесь аккуратно, не допускайте, чтобы флажок опускался в промежуточное положение, иначе ружье выйдет из строя.

Основные неисправности и их устранение:

1. Ружье дает осечку - густая смазка, нужно промыть механизм в бензине и смазать техвазелином марки ацеатим N 200, 201, 202.

2. Ружье не закрывается - что-то попало под выталкиватель.

3. Курковые ружья дают осечку - курок согнут на колодку. Снять курок и выправить. Возможно, отвернулся весь механизм щечки. Все винты подтянуть.

4. После всего вышеуказанного ружье все же дает осечку - обращайтесь к оружейным мастерам по адресу: ул. Училищная, 10. Управление охотничье-промыслового хозяйства.

Г. ПОПЛАВСКИЙ, оружейный мастер

XVII. ОХОТНИЧЬЕ СОБАКОВОДСТВО

1. У НАС В ОМСКЕ

Авт. В здании областного Общества охотников и рыбаков на 1-м этаже есть комната с надписью на двери: «кинолог». Здесь работает Стас Охримюк. Я сегодня (12 января 2010 г.) у него в гостях. Он - штатный работник, большой знаток собаководства Сибири, является членом Совета кинологов России.

Несколько лет назад он мне давал уже материалы для журнала «Охота и рыболовство в омском Прииртышье». Я решил подновить свои знания и между нами идет непринужденная беседа.

- Стас, какова общая картина собаководства в Омской области?

- В целом, картина солидная. В шести секциях числится более 500 собак. За 2009 год проведены две областные выставки, приняли участие в нескольких выставках в городах: Кургане, Новосибирске, Екатеринбурге, Перми и других. Заняли несколько классных мест. Так омский дратхаар Арис стал чемпионом России.

Если говорить о работе секций, то надо отметить большой вклад в секции «гончих» - Зореева Сергея Ивановича, «легавых» - С. Охримюк, «лаек» - Плешечева Александра Анатольевича, «борзых» - Бородину Елену Пертовну, «норковых» - Варакина Виталия Николаевича.

- А как обстоит дело в сельских районах?

- Здесь бы я выделил Тюкалинский район, где работают успешно под началом Пивцахина Валерия Ивановича, председателя районного общества охотников. Еще назову очень активного собаковеда - Данилова Геннадия Семеновича.

- А все-таки есть ли большие знатоки. Кто они?

- Их много. Вот некоторые из них: Абраменко Анатолий Иванович, Микрюнов Александр Лазаревич, Данилов Валерий Васильевич, Энгель Олег Готлибович и др.

- Стас, я слышал, что О.Г. Энгель является в тоже время спонсором в Омском охотхозяйстве.

- Да, Олег Готлибович финансирует многие проекты развития Петровского участка в урочище Демьяновское. Вкладывает деньги в охотбазу, в воспроизводство зверей и птиц и даже создал памятный уголок с обелиском, посвященный В.А. Кирину, основателю Петровского участка.

- В районе станция «Драгунская» есть база по натаске собак. Как она используется.

- Это база для Омского собаководства является основной. Туда часто проводятся выезды, успешно работают на ней эксперты - Гритчин Михаил Михайлович, Зореев Сергей Иванович и др.

- А чем еще могут похвалиться омичи?

- Очень значительным достижением является созданный в Интернете сайт по секции породы - «борзые», с полной историей этого вида, с подробным описанием родословной, с информацией по результатам многих выставок.

- Стас, спасибо за беседу. Всяческих тебе успехов.

Стас Охримюк на удачной охоте со своими лайками

2. ИСПЫТАНИЕ ЛАЕК НА МЕДВЕДЯ (ИЗ ПРОШЛОГО)

9 апреля 1995г. на базу облобщества «Драгунские вольеры» были приглашены около 20 охотников с сибирскими лайками для проведения натаски на медведя.

За 50 лет моих охотничьих занятий и встреч со всевозможными охотниками эта встреча была особой.

Впервые я увидел такое количество лаек - собак умнейших и универсальных. Они одинаково отлично идут и на таежного зверя, и за водоплавающей дичью, и за маленькой белкой, и за лосем и медведем.

Также, впервые встретил я и такое созвездие профессиональных охотников-таежников, самых маститых и смелых. Не пожалею высокопарных слов, если скажу о них: охотники экстра-класса, наша гордость, таежная элита сибирского края. Навсегда мне запомнится острослов, душа компании Александр Болоцкий, стеснительный богатырь Павел Битеня, строгий охотничий эксперт Владимир Фокин, приветливый хозяин базы Асхат и другие.

Охотничьи рассказы длились в охотничьих избушках за полночь, а утром рано - работа. Проложен след медведя по лесу, и охотники согласно жеребьевке двинулись с лайками к месту испытаний. При выходе по следу к медведю давалось 10 минут для общения лайки с медведем, которого она вначале облаивала, а потом, приблизившись вплотную, вступала с ним в схватку. Эксперты-судьи определили победителей. Лучший результат показала лайка Павла Битеня.

В заключение хочется сказать, что рядом со мной на испытаниях стоял юноша, еще даже не имеющий своей лайки, но мечтающий стать таежным охотником. Он уже второй день на базе конопатит стены охотничьих избушек, сооружает вольеры для собак. Ведь все строительные работы на базе делают сами охотники, так сказать, на общественных началах. Уже есть и вольер для кабанов, сделаны десятки скворечников-домиков для белок. А если учесть, что база стоит в красивой роще, то можно только по-доброму позавидовать всем, кто будет настоящими хозяевами базы в скором будущем, когда закончится ее строительство.

В. ЗЕНЗИН

3. КИНОЛОГ БРАНДИ

В Тевризе его называют отшельником - кто с иронией, кто с уважением. Живет в небольшом домике на краю села, и главное его богатство, что нажил за всю свою жизнь, что ценит выше всего, - собаки. Особенно его любимица - Иня, которая и в доме, и во дворе как хозяйка. Но главное ее достоинство - она наиболее близка к его идеалу и способна, а он мечтает об этом страстно, дать потомство настоящих западно-сибирских лаек.

"Да мало ли в Сибири лаек, у каждого охотника-промысловика - лайка", - удивится кто-то. Тогда он раскроет свои книги. И только, вздохнув, скажет: "Настоящих западно-сибирских лаек нет в России. Потеряны, растворены их породные данные. Стыдно признаться, но Россия не допускается на международные выставки западно-сибирских лаек, потому как имеющиеся лайки не соответствуют требованиям Международного союза кинологов". И он восстанавливает родословную своих любимиц. Ведет переписку со всеми коллегами страны и многими зарубежными. У него странная память - он помнит коллег не в лица, не по фамилии. Он помнит их по имеющимся у них лайкам. На каждую у него своя карточка. О каждой знает все до глубинных корней ее родословной. Потому и коллеги, а нередко и ученые часто обращаются к нему за советом. Ученых степеней не имеет. По профессии считает себя просто охотником. Но есть мечта, как звезда в ночи, идеал его лайки, которая просчитана уже в поколениях, и нужно только терпеливо работать и ждать результата отбора лучшего образца.

В. ЧЕШЕГОРОВ

ИНФОРМАЦИЯ О ПРОШЛОМ

4. СЕКЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО СОБАКОВОДСТВА (данные 1995 г.)

ЛАЙКИ

В секции насчитывается 96 собак, из них 15 классные, имеющие полевые дипломы. Председатель секции А.М. Канушин Активно помогают работе секции А. Болоцкий, А. Худов.

ГОНЧИЕ

В секции 358 собак, из них 35 принимают участие во многих мероприятиях, 26 собак имеют полевые дипломы. Общественный актив: Л. Кирьянов, И. Ганзвит, И. Курочкин, Петр и Михаил Терещенко.

СПАНИЕЛИ

В секции насчитывается 190 собак, из них 26 классных. Председатель секции Виталий Горнастилёв.

БОРЗЫЕ

В секции 28 собак, классных нет. Активно работают на общественных началах А. Швенке и В. Косенко

ЛЕГАВЫЕ

Численность секции - 130 собак, 11 собак - классные, имеют полевые дипломы. Общественный актив: Виктор Межевикин, Александр Гаин.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Я ВЫБИРАЮ СОБАКУ

Если вы решили приобрести охотничью собаку, вам нужно прочитать ряд книг по охотничьему собаководству, проконсультироваться в обществе охотников, обсудить с членами семьи.

Чтобы иметь полноценную охотничью собаку, нужно самому вырастить, воспитать ее. Щенка нужно брать от классных собак обязательно со свидетельством о происхождении, с четырехколенной родословной. Щенка желательно брать в возрасте 40-45 дней, с хорошо выраженными породными качествами, активного, с хорошим, блестящим шерстным покровом. Чтобы приобретенный вами щенок, стал хорошей охотничьей собакой, превосходящей своих родителей по рабочим качествам, его надо натаскивать.

Большинство охотников-собаководов живут в городе, в квартирах, поэтому для собак заранее нужно определить место.

В первые дни после отъема от матери щенок скулит. Поэтому его надо отучить от этого играми или игрушками. Игрушки должны быть мягкими - резиновыми или ватными, но не твердыми.

После последней прививки, примерно в 3-3,5 месяца, щенка можно выводить на улицу.

НАТАСКА ЛЕГАВОЙ

Натаска собак начинается уже с 3-4-месячного возраста. Во время игр этого очень легко добиться, когда собака играет с какой-то игрушкой. Она ее таскает, играет с ней. В это время ей нужно дать команду «Ко мне», и так - несколько раз, за определенное лакомство. Собака потом будет сама таскать вам всевозможные вещи. Желательно, чтобы игрушкой было крыло утки или голубя или несколько крыльев, скрепленных между собой. Собаку желательно натаскивать в поле. В задачу натаски входят: повторение и закрепление первоначального обучения, послушание и безотказное выполнение всех команд, поиск челноком, ознакомление с пернатой дичью, тренировка в потяжке, стойке и подводке, находить и подавать убитую дичь с суши, а также с воды в руки охотнику.

У нас в Омске создана база для натаски и нагонки собак всех пород. Там созданы прекрасные условия для натаски легавых собак. Есть натасчик, который выезжает и проводит практические семинары по натаске.

ДРАТХААР - ПЕС ЧИСТОПОРОДНЫЙ

В Омске при областном обществе охотников и рыболовов организовано Омское отделение российской ассоциации дратхаар. Отделение занимается чистопородным разведением охотничьих собак породы дратхаар, проводит семинары по натаске, полевые испытания, выставки. Также ассоциация помогает охотникам в приобретении высокопородных щенков дратхааров, осуществляет ввоз молодняка из других областей, таких, как Екатеринбургская, Курганская, Владимирская, Московская и др., занимается распространением методического пособия по собаководству «Дратхаар» и информационного вестника «Дратхаар», которые являются единственными в России изданиями, посвященными только этой породе, и распространяются только отделениями РАД.

По всем вопросам обращаться по адресу: г. Омск-46, ул. Пушкина, 115, каб. 3. ТЕЛ. 30-62-78. ОХРИМЮК Станислав Александрович

5.А ГАЛИФЕ ПОЧЕМУ-ТО ЦЕЛЫЕ

В цирке к медведям - особое отношение. Взять львов, тигров и прочую хищную братию. Их выводят на арену без намордников. Демонстративно суются к ним в пасть головой, посылая оттуда улыбки и воздушные поцелуи. А вот косолапому на челюсти набрасывают прочную ременную оплетку и рискованного панибрательства с ним не допускают. Почему?

Этот вопрос я задал при случае своему хорошему знакомому, бывалому охотнику Анатолию Михайловичу Канушину. За ответом он, как говорится, в карман не полез, словно ждал, когда я ткнусь к нему со своими недоумениями.

- Медведей я знаю хорошо. Через мои руки прошло их штук 20... Да нет, больше, больше. Это самый опасный и непредсказуемый зверь, которого знает человек. В тайге он никогда на тебя не кинется, если, конечно, ты его не спровоцируешь. А в неволе, наоборот, человека ни фига не боится... Поэтому бдительности возле него не теряй: зазеваешься - он тебе вмиг анатомию тела нарушит. И тут же на свет родилась байка, запечатлевшая эпизод из его многолетней практики. Дело было несколько лет назад. Группа охотников-любителей из секции собаководов, руководимой Канушиным,

намерилась провести испытания своих лаек на базе в Бутурлах. Объектом натаски должна была послужить медведица Маша - огромная и злая, как, скажем, иная вокзальная буфетчица. Ярость ее проистекала не только от природы, но и от недостатка сервиса, поскольку вазовский сторож дядя Саша не баловал ее отеческой заботой.

Зимой как-то нагрязнул Михалыч с проверкой, а к Маше, то бишь к ее вольеру, не пробиться: сугробы - выше макушки. И видно, что она там - в беспокойстве. С осени из-за недогляда жиру не набрала, а без него - какая спячка?! Михалыч - к дяде Саше. А тот - только что из соседней деревни. Видать, медовухи накушался. И крещенские морозы ему нипочем. Телогрейка - нараспашку, под ней - ничего кроме толстого красного пуза, от которого пар, как от радиатора.

- *Что же ты тут творишь?* - миролюбиво начал Михалыч. - *Хоть бы раз в неделю зверюгу проводывал. Ведь она же не спит...*

- *Я к ней ходил,* - праведно, вытаращив глаза, отмел претензии голопузый доглядчик.

- *Маша,* - говорю, - *Маша.* А она в вольер забилась - и ноль внимания. Мне даже обидно: я ж ее не целоваться зову - по делу. На этом дипломатическая часть общения закончилась. Михалыч, не жалея эпитетов, охарактеризовал моральный облик дяди Саши и оплакал беспросветную юдоль не призренной медведицы. Хорошо еще, если внушение ограничилось риторикой: под горячую руку Канушину лучше не попадаться...

Так вот, собирается, значит, Михалыч на испытания. И вдруг - "Волга", а в ней - майор милиции Нехлюдов Петр Алексеевич. Тоже охотник-любитель, обладатель двух лаек...

- *Да были бы хоть стоящие, а то стыдоба одна,* - сокрушается Канушин. - *Он тоже их сроду не учил добывать ни зверя, ни птицу. А одна - вообще щенок пятимесячный.*

"Анатолий Михайлович, - говорит майор, - *поехали со мной на "Волге".*

Прямо слов нет. Я-то привык - и всех из своей секции приучил - добираться до базы на электричке. Спокойно доедешь до Черемновки, а там - пехом несколько километров, собачки мимоходом с природой осваиваются...

Короче, в доступной форме попытался Михалыч объяснить, что не любит своих собак на легковушке возить! К тому же они у него злые и могут нехлюдовских незнакомок покусать.

- *Да ты не бойся,* - увещевал майор, - *я своих в багажник затолкаю. Тут Канушин аж вскинулся: как, мол, в багажник?! Это они всю дорогу будут трястись по жаре, как в духовке, пылогу глотать. Какой же с них толк получится?!*

- Не бери в голову, Михалыч, - настаивал Нехлюдов. - *А твои собачки пусть с нами в салоне путешествуют.*

Ну, что с ним поделаешь. Пришлось уступить. Прибыли на базу раньше всех. Выпустили собачек. Канушин-то своих шибко хорошо знает.

"Как бы мои, - говорит майору, - твоих не покусали, ты их лучше прибери к ноге поближе"
"Да пусть побегают", - отмахнулся тот.

Хороший, вроде, мужик, но реальной обстановки явно недооценивал! Канушинская Тында это вскорости доказала, цапнув парочку раз пятимесячного нехлюдовского неука. Пошли Машку смотреть. А она - злая пуща прежнего. Никто ей воды в колоду не подливал. Она от жажды и ярости всю землю в вольере ископала. И так в чувствах своих металась, что цепь, на которой ее держали, вокруг шеи в несколько раз обкрутилась. Анатолий Михайлович сунулся было с палкой - цепь раскрутить, она - на него. Он отпрянул, ногой в колдобину сверзился, чуть не упал. Тут бы ему и каюк, да собачки его наскочили. Рассвирепевшая Машка на них переключилась, одну к сетке прижала, другую тоже хотела к себе подгрести, но в это время первая не сплеховала, обидчицу за лапу зубами хватанула...

В общем, здорово медведицу разгневали. На следующее утро вывели ее из вольера, перецепили цепь на трос, метров 100 длиной. Провели испытание, все собачки отработали и с хозяевами своими ушли с полигона. Остались лишь эксперт Фокин, один из охотников Пудов, тот самый майор и Анатолий Михайлович.

Машка удалилась в сторону, канушинские собаки - за ней.

- *А что, Михалыч, давай я своих собак за твоими пущу, -* подает инициативу Нехлюдов. - *Хочу, чтоб они медведицу хоть раз укусили за какое-нибудь этакое место...*

Не успел он высказать заветную свою грезу, как внезапно вернувшаяся Тында опять уела нехлюдовского несмышлениша. Тот от боли и обиды зашелся в визге. Хозяин присел на корточки, утешает:

"Ой, ты, хороший мой".

Тут медведица, затаившая ненасытную злобу, как раз к нему подоспела. Однако майор, сидевший спиной к ней, этого не ведал.

- *Медведь несется!* - закричал Фокин. Нехлюдов рванул было прочь, но уперся носком сапога в кочку - шмяк на карачки. Машка же, не будь дурой, поймала зубами столь не галантно подставленную ей часть тела, а когтями вцепилась чуть ли не в плечи и ловчится его под себя подмять.

- *Дело швах совсем, -* рассказывает Михалыч. - *Хорошо, что цепь не дает ей маневра. Я Петра Алексеевича за погоны ухватил, тяну на себя. Думаю, если отпущу, он отбиваться начнет - она его вообще попластает...*

Фоке-то надо бы было подбежать, у него, как у эксперта, ружье, надо в Машку стрелять в упор - человека спасать. А он, видать, растерялся... Медведица майора прямо-таки жует, он ревет и стонет, примерно как Днепр широкий, с него и фуражка улетела, а косопалые любят скальпы снимать. Пудов подбежал, лопатой Машу охаживает. А ей хоть бы что - она продолжает Нехлюдова жрать. И что ты думаешь: Тында, как черт, налетела и вонзилась в самый тыл зверюге. Та отвлеклась, и я майора, наконец, на себя выдернул!

Пострадавший орал благим матом. Машка, отшвырнувшая Тынду, накинулась на милицейскую фуражку, яростно комкая ее в лапах. Увидев это, Петр Алексеевич отчаянно застонал:

«О, господи, у меня ж там документы!».

Увел его Михалыч в сторожку, уложил на стол, заставил приспустить галифе.

- *Ну, брат, до сих пор не могу понять, -* говорил мне Канушин, - *штаны целые, а из филейной части шмат мяса выдран... Нехлюдов-то лицом вниз лежит, ему не видно*

"Что там?" - спрашивает.

"Ничего особенного, - отвечаю, - обыкновенная царапина". Вставил тот шмат на место, бинтом замотал, на "Волгу" его усадил, отправил в Черемновку, Пудова дал в сопровождение. Девчонки-фельдшерицы там чуть в обморок не грохнулись. Но кое-как устояли, восемь уколов ему вкатили. И уехал он в город. После этого два месяца в госпитале провалялся...

История на этом не закончилась. Поэт Геннадий Шмаков интерпретировал ее в своем ключе. Были у него примерно такие строчки:

"Забирает нас в полон бурый зверь покудова. Вот вчера на базе он заломал Нехлюдова. Снял штаны, рубаху рвал..."

И т.д. (Петр Алексеевич потом выговаривал автору: *"Ну ты даешь: как это может какой-то вонючий зверь рвать советского офицера?!"*).

Поэт в ту пору подрабатывал сторожем-слесарем в тепличном комбинате'. Дежурства он коротал со своей лаечкой. И вот как-то по осени несет он исправно вахту - вдруг подъезжает машина. В ней милицейский подполковник и два нижних чина. Последние принимаются грузить капусту, а старший по званию завязывает беседу со сторожем.

- О, лайка, - произносит он с уважением.

- А вы что, разбираетесь? - осведомился Шмаков.

- У моего подчиненного тоже лайки. Сильные такие. От медведя его спасли.

- Как это?

- Поехал в Называевский район по грибы. Сшибает их, значит, в корзину, вдруг - шум за спиной. Вывалил Мишка из кустов - вот такая морда, навалился - ключицу сломал, клок мяса вырвал. Насилу собачки хозяина отбили.

- А не Петром ли Алексеевичем Нехлюдовым его случайно кличут?

- Точно так. И совсем не случайно.

И тогда прочитал Геннадий гостю свою поэму. И тот - то хохотал дико, то - крутил головой в сложном чувстве, твердя как бы в забытьи:

"Ах, тудыть твою, медвежатник!"

Анатолий Грачёв

ХVIII. РЫБАЦКИЕ ЗОРЬКИ

1. ПРОБЛЕМЫ В РЫБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Водный фонд Омской области составляет 290 тыс. га и представлен 66 тыс. га рек и ручьев, 217 тыс. га озер. Из общего количества пресноводных озер, которые составляют 168 тыс. га, только лишь 70 тыс. га имеют рыбохозяйственное значение.

Следует отметить, что даже эти озера, как и многие водоемы в Западно-Сибирском регионе, в основной своей массе заморные в зимний период и по своей биологии в них могут выжить лишь карась и голянь. Даже основные рыбопромысловые водоемы Ик и Салтаим-Тенис являются периодически заморными водоемами, где эти явления повторяются через 4-8 лет, что значительно затрудняет проведение в них рыбопроизводных работ. Зачастую эти работы связаны с определенным риском потери выращенной рыбы от замора.

Но что делать, судьба нам других водоемов не дала.

Тем не менее, в предыдущие годы воспроизводство рыбных запасов на водоемах Ик и Салтаим-Тенис давало положительные результаты и являлось основным делом Крутинского рыбозавода.

В общем, естественная изначальная база рыбной промышленности нашей области - водоемы являются не совсем благоприятными для промышленного рыборазведения.

До начала семидесятых годов в Омской области в рыбной отрасли главенствовала экстенсивная технология, основанная на добыче рыбы в естественных водоемах естественном воспроизводстве рыбных запасов, которая давала возможность к этому периоду получать не более 600-700 тонн рыбы в год.

Основными добываемыми видами рыб являлись карась, плотва, окунь, щука, язь, налим.

К началу семидесятых годов из-за изменения гидрологического уровня реки Иртыш и озер Омской области, а также ухудшения экологической обстановки появилась тенденция к сокращению естественного воспроизводства рыбы и, как следствие, снижение ее уловов.

Изменился и качественный ее состав.

Положение дел надо было менять.

В начале семидесятых годов начинается создание промышленной рыбохозяйственной базы области. Для комплексного изучения рыбохозяйственной базы озер, их использования создается омская рыбоводная группа СибрыбНИИ проекта.

Омским сельхозинститутом проводятся научные работы по использованию в рыбоводстве геотермальных вод, что позволило в дальнейшем, с учетом этого опыта, при проведении селекционно-племенных работ получить в Омской области районированную к условиям Западной Сибири породу сарбоянского карпа. Один из авторов - доцент Омской сельскохозяйственной академии Анатолий Савельевич Зыбин продолжает заниматься улучшением этой породы.

Осуществление комплекса мелиоративных и строительных работ по сооружению нагульных прудов и озерных хозяйств Таврического зонального рыбопитомника, рыбоперерабатывающих цехов, отработка технологии трехлетнего выращивания рыбы (что позволило повысить рыбопродуктивность прудов с 6 ц/га до 12 ц/га), развитие тепловодного рыбоводства с использованием вод омских ТЭЦ увеличило производство местной рыбы к 1990 году до 2100 тонн против 500-800 тонн в начале этой работы, из них 67% составила выращиваемая рыба.

Отрасль с оптимизмом смотрела в будущее.

Намечались программы развития рыбопитомной базы, озерного рыбоводства в северных районах области. Так, уже проектировались:

- тарский карповый рыбопитомник;

- база по формированию стада производителей сиговых видов рыб в Тевризском районе.

Строился сиговый рыбопитомник на водоемах Калыкуль и Сазыкуль в Крутинском районе.

Осуществление этих проектов в перспективе давало бы возможность довести улов рыбы в области до 3-3,5 тыс. тонн в год.

Но этим программам не суждено было осуществиться, и мы сейчас с грустью смотрим в прошлое, в котором осталось наше будущее.

Однако не все потеряно. И созданная в предыдущие годы база рыбной промышленности области в настоящее время может и должна стать основой для увеличения производства высококачественной рыбы местных водоемов.

В.К. САЯПИН, зам. председателя ассоциации "Омскрыбпром"

Авт. Ассоциация «Омскрыбпром» в связи с финансовыми трудностями распалась, а Владимир Кузьмич ныне возглавляет охотничий отдел в Правлении областного общества охотников и рыболовов.

2. КРУТИНСКИЕ ВОДОЁМЫ

Авт. Начиная с 1991 г. дела в рыбном хозяйстве области шли неважно. Много было нерешенных проблем без должного финансового обеспечения. На мою просьбу, написать статью для журнала «Охота и рыболовство» В.М. Булгагов решил не сразу. И лишь, когда я заговорил о Крутинском рыбозаводе, дал согласие.

О рыбном хозяйстве нашей области можно многое рассказать.

Запомнилась весна 1959 года, когда начал работать на Крутинском рыбозаводе. Непросто было тогда подъехать к берегам озер - вешние воды по оврагам, низинам, размывая дороги, заполняли водоемы. Уровень воды в них поднимался на 60-70 см, улучшая тем самым гидрологический и гидрохимический режимы, а значит, создавались оптимальные условия для жизни водных организмов. Это было закономерно, поскольку водосборные площади не нарушались, земельные угодья до урезов воды не перепахивались. Этим в основном поддерживался незаморный период в наших водоемах.

Позднее водосборные площади стали сокращаться за счет выруба лесов, перепахивания близлежащих земель к озерам. Сегодня нередко можно наблюдать пахотные площади в 100-150 м от воды на озерах Ик, Салтаим-Тенис и других водоемах. Озера не стали наполняться водой, в них снизился уровень воды и, соответственно, участились заморные явления.

Однако это отдельная тема для большого разговора, а пока вернемся к тем далеким временам.

Территория рыбозавода находилась в Крутинке по ул. Октябрьской. Деревянные постройки были ветхими. Промысел рыбы был не механизирован. Зимой рыбаки вручную, используя пешни, делали заготовку тони, а невод протягивали с помощью конных воротух. Численность рыболовецкой бригады доходила до 20-22 человек. Рабочий день рыбака зимой длился 10-12 часов. Улов рыбы был разным: от 2-3 до 100 ц.

Озеро Салтаим-Тенис в основном использовалось для летнего промысла рыбы. На берегу этого водоема были сделаны землянки, в которых жили рыбаки, выезжая домой лишь на 1-2 дня повидать родных.

Так называемый поселок Гослов был расположен в пойме Тениса неподалеку от села Мысы, где проживало около 40 семей рыбаков. За редким исключением работники рыбозавода трудились добросовестно. Были и передовики производства: рыбаки Николай Черепанов, Василий Грязнов, Иван Овчинников, водитель Александр Ничков, приемщики рыбы Абакумович, Кутаевский. Многих уже нет в живых, а дети некоторых продолжают профессию отцов.

С 70-х годов в рыбной отрасли стали происходить существенные изменения. Появились средства механизации - льдобуры, мотолебедки, тракторы, автотранспорт, маломерный флот. Сегодня добыча рыбы осуществляется с использованием этих средств. Доля ручного труда значительно сократилась. В этот же период было положено начало развитию озерного рыбоводства.

Биоресурсы крутинских озер позволяют получать ежегодно до 1500 т рыбы (сейчас производство этих объемов сдерживается недостатком рыбопосадочного материала).

Выращивание сиговых пород рыб (пелядь, сиг, рипус) начиналось с завозного рыбопосадочного материала, который покупали во многих местах. А карпа выращивали своего, зарыбляя озера из нересто-выростных хозяйств Крутинского рыбозавода и Таврического рыбопитомника. Создали свою породу карася - амурского, который отличается более быстрым темпом роста и крупными размерами.

Омскрыбпром, Крутинский рыбозавод, его бывший директор Бондарев Михаил Николаевич, ныне пенсионер, много вложили труда в развитие озерного рыбоводства. Были созданы противозаморные системы, лаборатория, контролирующая гидрохимическое состояние воды.

Подтолкнул к принятию этих мер замор рыбы 1967 года, тогда погибло около 100 т леща Лещ - рыба тугорослая. Чтобы получить вес рыбы 1-2 кг, надо его растить 6-10 лет. Зарыбление озера Ик проходило по линии Главрыбвода, и лимиты для отлова леща давали только органы рыбоохраны.

Читая сегодня заключение о причинах гибели рыбы в 1967 году, понимаешь, что уже в те годы были тревожные сигналы по ухудшению состояния наших водоемов. Но все же я считаю одной не из последних причин, повлекших массовую гибель леща, было сдерживание органами рыбоохраны его отлова. Просто не разрешили рыбозаводу промысел, считая, что в оз. Ик леща недостаточно. Это было ошибочное решение.

После этой трагедии и, учитывая периодическую заморность наших водоемов, в озерном рыбоводстве были избраны для выращивания другие, более быстрорастущие виды рыб - сиговые. Объемы их выращивания доходили до 450-500 т в год. Омичи помнят, когда рыбозаводом поставлялась свежемороженая, соленая, пряная и копченая пелядь. Была налажена расфасовка этой рыбы в красочных коробках.

Далее надо было развивать это нужное, весьма перспективное направление в озерном рыбоводстве, используя дешевые, дарованные природой кормовые ресурсы для получения белкового продукта. Была разработана программа строительства рыбопитомной базы на крутинских озерах Калы-куль, Сазыкуль, начали выполняться строительные работы. На территории рыбозавода начали постройку холодильника с копильным цехом для переработки этой рыбы. Крутинский рыбозавод должен был получать около 16 млн. сеголетков пеляди, зарыблять озера Салтаим, Ик и выращивать до 1000 т этой деликатесной рыбы.

Опыт работы подтвердил правильность этого направления. Ну а ежегодные потери пеляди (5-8 т) в зимний период - это нормальные технологические потери, из-за которых не стоит поднимать ажиотаж.

Однако недалевидность руководителей Карасукского совхоза, лично директора Киселева, бывшего первого секретаря Крутинского райкома партии Копейкина затормозила стройку рыбопитомника.

А Крутинский рыбозавод тем временем, не имея собственной рыбопитомной базы, снизил объемы улова рыбы почти в 4 раза. Годовой улов составляет всего лишь 130 т. Через год он еще сократился.

Проблема остается, ее надо решать. Без собственного производства хорошего рыбопосадочного материала - сеголеток весом по 70 г - рассчитывать на успех нельзя. И убедительный пример тому: в 1993г. Крутинская районная администрация взялась за зарыбление оз. Ик, доставив, как нам сказали, несколько миллионов икринок сиговых рыб. Затратив значительные средства, зарыбили водоем нежизнестойким рыбопосадочным материалом (икра), в результате в промысловых уловах появились лишь штуки пеляди. Во всяком случае, рыбозаводом было выловлено около 10 штук. Теперь из местной администрации спрашивают: посоветуйте, что делать дальше? А дальше надо строить свои

рыбопитомники, без них движения вперед не будет, как без семенного зерна не будет хлеба, и решение этой задачи зависит, к сожалению, не только от нас, рыбаков.

В итоге сырьевые запасы кормовых организмов для рыб в озерах недоиспользуются, гидробионты отмирают, и продукты их разложения из года в год ухудшают химический режим водоемов. Я считаю, что необходимо срочно достраивать питомную базу, не отодвигая ее в XXI век. Ведь в конце концов здравый смысл возобладает над недоверием и равнодушным отношением к природным богатствам.

Повторяясь еще раз, скажу: только система Крутинских озер при грамотной их эксплуатации способна давать людям более 15 тыс. центнеров товарной рыбы в год.

Не снижая объемов улова рыбы и развивая побочную деятельность (звероводство, заготовка леса), продолжает работу коллектив Тевризского рыбозавода, преобразовавшийся в ТОО "Радуга".

В конце прошлого года довелось мне побывать в этом коллективе, и я удивился стабильности предприятия, в котором сохранились кадры, люди смотрят в будущее. Бригадир рыболовецкой бригады Веселов Николай Антонович - наш орденосец, продолжает свой нелегкий труд рыбака.

По моему, выпади на их долю ещё пара таких "перестроек", а они все равно выстоят, выживут, потому что стремятся к цели, причем идут к ней продуманным путём и, главное, хотят выжить.

В прошлом году это предприятие реализовало более 1000 шт. шкурок зверей - песца, норки, лисы.

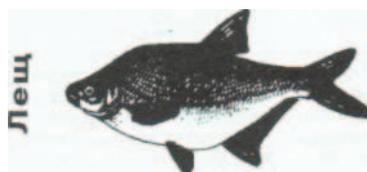
Заготовили и реализовали около 4,5 тыс. м³ леса и при этом выловили примерно 2200 ц рыбы, в результате имеют прибыль.

Слов нет, заслуга в этом деле их директора, беспокойного человека Самойлова Анатолия Николаевича.

Из-за отсутствия озерного фонда несколько труднее сложилась судьба Тарского рыбозавода, но и здесь директор предприятия Пенкин Аркадий Иванович сумел со своим коллективом развить рыбообработку, создал сеть своих магазинов и обеспечивает тарчан хорошей рыбной продукцией. Весьма тяжелое сегодня состояние прудовых хозяйств - рыбхоза Подстепка и Таврического рыбопитомника.

В общем эта отрасль в прошлом дотационная, сегодня, не получая государственной поддержки, находится на стадии распада, но люди упорно ищут выход, стараясь найти свое место в рынке, и хочется верить, что свою дорогу, свой верный путь они найдут.

*В. М. БУЛГАКОВ,
заслуженный работник
рыбного хозяйства России*

3. ПОТЕРЯННЫЙ КАРП (Г. Георгиевский)

Почти тридцать лет доцент Омского государственного аграрного университета Анатолий Савельевич Зыбин занимается рыбоводством. Родился он на севере нашей области - в Колосовке, где рыбалка была всегда и удовольствием, и возможностью прокормиться дарами рек и озер. Брать-то от матушки-природы мы можем, а вот отдавать ей и приумножать ее богатства не все умеют.

Недавно в "Крестьянском слове" был опубликован указ Президента России" о присвоении доценту ОГАУ А.С. Зыбину за заслуги в области сельского хозяйства и многолетний добросовестный труд почетного звания "Заслуженный зоотехник Российской Федерации".

Несколько лет назад это событие могло бы стать поводом для мажорного интервью с награжденным. Но иные нынче времена, в том числе и в аграрной науке. И разговор с заведующим лабораторией рыбоводства Анатолием Савельевичем Зыбиным не о том, что было, а что стало с этим направлением в аграрной науке.

- Разрешите вас поздравить с присвоением почетного звания "Заслуженный зоотехник Российской Федерации". И все же, как вы оцениваете ситуацию в рыбоводстве. Не оскудели наши пруды и озера?

- Опасность такая имеется. В "застойные" времена, т.е. лет восемь-десять назад, ежегодно реализовывалось до 400-450 тонн товарной рыбы с прудов. В прошлом же году едва удалось продать населению города лишь десятую часть того, что было раньше.

Себестоимость выращенной рыбы оказалась выше продажной цены. Затраты возросли, диспаритет цен тоже дает себя знать. Акционерным обществом сейчас невыгодно заниматься рыбоводством в условиях неплатежей и массового безденежья. Они бы рады купить в учхозе N 2 посадочный материал. Но килограмм годовалого карпа, например, в прошлом году, стоил 5000 рублей, что дороже товарной рыбы. Понятно, что такая цена кусается. А снизить ее учхоз N 2 не может, потому что возросла плата за энергоносители, воду и комбикорма. Итог печальный. Не взяли у нас годовичков-карпов хозяйства нашей области. Пришлось их отправлять в соседние Павлодарскую и Кокчетавскую области, где нашли и деньги, и транспорт, и хозяйства, заинтересованные в выращивании товарной рыбы и искусственных водоемах.

Больно мне как ученому, смотреть на то, как пустуют и зарастают более тысячи гектаров нагульных прудов в Омской области. Разрушается сама основа рыбоводства. А ведь в 1986 году мы вывели свою сарбоянскую породу карпа, которая по своим биотехническим характеристикам превосходит европейского зеркального карпа.

Разработана и внедрена новая технология рыборазведения с использованием геотермальных вод, которыми богата наша область. В учхозе N 2 имеется десять зимовалов, пробурили две артезианские скважины, подали термальную воду в пруды. Результаты зимовки удивили многих ученых. В геотермальных водах сохранность посадочного материала 97-98 процентов. В тех хозяйствах и районах области, где есть геотермальные источники, можно и нужно строить рыбопитомники, чтобы совсем не потерять нам карпа и другие породы нашей сибирской рыбы.

- Но Анатолий Савельевич, большинство руководителей акционерных обществ убеждены, что разведение рыбы в нынешних экономических условиях столь же убыточно, как и животноводство. Так ли это на самом деле?

- Итоги деятельности прудового хозяйства в учхозе N 2 нашего университета за прошлый год убеждают как раз в обратном. Занимаются там выращиванием рыбопосадочного материала карпа. Получили прибыль в 35 миллионов рублей. Небольшая сумма по нынешним временам, но все-таки она есть.

Значит, не такое уж убыточное дело рыбоводство, если к нему подойти по-научному и с хозяйским расчетом.

- Пустующие и зарастающие нагульные пруды в области это не только недополученные к столу омичей десятки тонн рыбы. Не менее губительны экологические последствия.

- Иртыш, на котором расположены Усть-Каменогорская и Бухторминская гидроэлектростанции, настолько зарегулирован, что фактически мы потеряли пойму реки, происходит засоление пойменных земель. Впадающие в Иртыш речушки тоже обмелели. Для их восстановления необходимо применять рыбо-севооборот. А ведь лет полета назад в одном Обь-Иртышском бассейне вылавливали до 600 тысяч центнеров рыбы. Это богатство поубавилось во много раз. Как вернуть былую славу Иртыша и Оби, как кормильцев сибиряков, чтобы в наших магазинах было много рыбы своей и разной?

В пойме Иртыша, как подсказывает сама природа, нужно строить пруды. Весной во время весеннего паводка взял иртышскую воду, вырастил рыбу, а осенью слил водичку обратно в Иртыш. Нужны разумные, берегающие природу, технологии в сельском хозяйстве.

Чтобы реализовать то, что вы говорите, требуется экологически грамотные и просвещенные люди. С другой моралью и иными понятиями. Они нужны уже сейчас. Но ни в одном из вузов России не готовят агробиологов, которые бы соединили два начала: узкое профессиональное и экологическое.

Старый лозунг "Кадры решают все" актуален для аграрной науки и сейчас. Наша лаборатория может готовить специалистов-экологов по рыборазведению. И еще. Сегодня рыбоводы и инспекторы рыбоохраны не могут защитить пруды и водоемы области от массового браконьерства. Обязанностей у них много, а прав? Не поставишь же на каждый пруд во время выращивания рыбы подразделение ОМОН. Нужен закон, причем строгий, по охране рыбных запасов.

Бесспорно, законодательная база необходима.

Но важно и другое: сохранить рыбоводство как отрасль, в том числе и ваше племенное хозяйство

- Учхоз N 2 Омского аграрного университета постоянно снабжает прудовые хозяйства рыбопосадочным материалом, выращивает ежегодно по 2 миллиона штук годовиков карпа. Кроме того питомник получает до 15 миллионов штук личинок. Для собственных нужд учхозу N 2 надо 3 миллиона. А остальное удастся реализовать. Куда - не известно.

Если разместить молодь в прудовых хозяйствах, вырастить и сохранить ее, то на следующий год можно получить дополнительно 500-600 тонн товарной рыбы.

Запасы геотермальных вод на территории Западной Сибири оцениваются в 65 тыс. кубических километров. При рачительном отношении к природным ресурсам по/ ный океан можно с выгодой использовать для интенсивного тепловодного рыбоводства. Почти тридцатилетний опыт геотермального рыбоводства в учхозе N 2 аграрного университета тому подтверждение. Геотермал воды можно с успехом применять для теплофикации помещений, парниково-овощных хозяйств.

В Тюмени, Ханты-Мансийске и у нас в Омске на базе геотермальных источников работают специальные водолечебницы. Пригоден этот феномен сибирской природы для обработки льна-сырца.

И прав был мой учитель - доктор биологических наук, профессор А.В. Федюшин, который считал, что не пускать дело на самотек, потому что неиссякаемый источник подземного тепла фундамент, на основе которого будет создано рыбное "поле" области и Сибири в целом.

- По мнению американского ученого Кармана, рыба, возможно, явится величайшим потенциальным источником для производства пищи в пределах наших биологических лимитов. И пример тому - Япония, где потребляется на душу населения в год 60 кг рыбы (70-80 процентов от всего пищевого рациона). А у нас в России в несколько раз меньше. Значит, у

рыбоводства в Сибири, в том числе и прудового, большое будущее. На рыбоводных фермах можно вырабатывать десятки тысяч тонн карпа, толстолобика, белого амура и других рыб. Думаю, что наши потомки воплотят идеи профессора Федюшина и прудовые хозяйства возродятся, а карп займет прочное место в семейном меню омичей.

Г. Георгиевский работал корреспондентом в газете «Крестьянское слово. Часто прибалкивал, но всегда соглашался что-то написать. Как и эту статью. Он рано ушёл из жизни, молодой и красивый, полный творческих сил.

4. ПОДЛЕДНЫЙ ЛОВ

«...Недавно мы разговорились с моим другом-рыболовом, который занимается только летней рыбалкой, и неожиданно разгорелся между нами спор: какая рыбная ловля интереснее - летняя или зимняя? Я доказывал, что зимняя рыбалка имеет свои прелести: незабываемый белый простор озер и полей, с морозцем или снегопадом, особая подготовка места рыбалки, свои секреты подкормки и владения удочкой, своеобразие поклевки и почти интуитивное чувство момента подсечки. А взять мартовские дни: в утренней морозной дымке ты выходишь на лед, начинается рыбалка, и вдруг часам к десяти теплеет, солнце горячо пригревает, от лунок идет пар. Плюсовая температура, начало весны. Как прекрасны такие рыбалки!

Уже дома, вечером, на меня нахлынули воспоминания. Было это давно. Друг моего отца Николай Антонович, большой любитель рыбной ловли, частенько уходил на зимнюю рыбалку. Зная, что я люблю порыбачить, поохотиться, пособирать грибы и вообще отношусь положительно ко всем мероприятиям с выходом на природу, он решил привлечь меня к подледному лову рыбы. Мы договорились встретиться на водоеме Шубняк. Снастей у меня своих не было, и Николай Антонович пообещал дать мне все на месте. Было это в феврале, день выдался хороший, рыбаков на водоеме - человек 30-40. Николай Антонович дал мне удачный бур, кусочек теста (мотыля у него в тот день не было) и подкормку. Долго рассказывал и объяснял, как и что нужно делать. Пробурив три лунки и поставив в них подкормки, я решил практически посмотреть процесс ловли. Сел рядом с Николаем Антонович и стал наблюдать за ним. Наблюдать мне пришлось долго, прежде чем первый чебачок попал на крючок Николая Антоновича. Честно говоря, я не заметил, как он каким-то мягким движением руки подсек и выудил рыбку. Воодушевленный, я сел на свои лунки. Просидев примерно с час и не поймав ничего, я решил посмотреть, как ловят другие рыбаки. Большинство рыбаков ловили на мотыля - намного успешней, чем мы. Поклевка на мотыля была уверенней, и я даже заметил, как чебачок берет со дна наживку, поднимает кверху леску. В это время следовала подсечка, и рыбка была поймана. У некоторых рыбаков был уже улов в 20-30 штук. Ловился в основном чебак. Я снова сел на лунку и опустил мормышку на дно, время от времени чуть-чуть пошевеливая ее. И вот наконец леска у кивка стала подниматься вверх, я судорожно подсек и почувствовал, что рыбка на крючке. Это была моя первая рыбка, пойманная зимой».

О.ЛАЗАРЕВ, почетный член общества охотников и рыболовов области

Авт. Мы с О. Лазаревым дружили много лет. Жаль, его сегодня нет. Остались лишь его рассказы.

1. ОХОТНИЧЬЕ ПОЛЕ

ОМСКАЯ область в течение последних лет (с 1991 г.) принимает иностранных туристов, и для некоторых групп организуется охота на водоплавающую и боровую дичь, на копытных животных (лосей и косуль) и на зверей (медведя, рысь). Как на сегодня обстоит дело с иностранным охоттуризмом - с этим вопросом я обратился к начальнику управления охотхозяйства администрации области Б.И. Мишкину.

- Борис Иванович, какие областные организации занимаются иностранным охотничьим туризмом?

- На этот вопрос можно ответить однозначно: областное управление охотхозяйства и областное общество охотников через предприятия "Омсктурист" (генеральный директор Н.И. Романча) и "Омскинтурист" (генеральный директор В.С. Пецевич). Но здесь есть одна заковырка" - в Омске около 50-ти различных организаций, в той или иной мере связанных с организацией иностранного туризма, да еще ряд администраций районов (Крутинский, Тарский, Тевризский) напрямую, самостоятельно выходят на иностранных туристов. Все это - нарушение законности, только управление охотхозяйства при администрации области может выдавать лицензии на право отстрела копытных животных или зверей. А для вывоза любых охотничьих трофеев снова нужно разрешение управления охотхозяйства.

- Для проведения охоты с интуристами, наверное, готовятся заранее строго расписанные охотничьи туры?

- Да, такие охотничьи туры мы передали в предприятия "Омсктурист" и «Интурист», хотя цены на стоимость услуг и охоты прилагаются ориентировочные. В турах указаны маршруты, количество дней, условия охоты и другое. Выбор видов охоты большой, но транспорт для передвижения не комфортабельный - это обычные автобусы, а на месте охоты ГАЗ-66 или трактор с прицепной будкой. В большинстве случаев места охоты в северных районах области.

- Борис Иванович, я был на встрече с господином Михель Шмуки из Швейцарии, так он на мой вопрос об охоте их туристов ответил, что швейцарцы не стреляют в зверей, а могут только гладить их по голове, что они очень любят природу и хотели бы в Омской области снимать фильмы или фотографировать нашу фауну и флору. Более 600 человек из Швейцарии (с 1991 г. по 1994 г.) посетили наш сибирский край и были восхищены красотой природы.

- Очень хороший вопрос. Во всех странах на западе охоту с выстрелами, убийством не пропагандируют. Конечно, у нас в области очень много птицы и зверя, и мы себе позволяем охоту, но когда резко уменьшается численность каких-то птиц или, скажем, лосей, косуль, то на несколько лет закрывается охота на эти виды. Взять ту же Швейцарию - ее площадь 41 тыс. км², а у нас область - 139,7 тыс. км², т.е. в три с лишним раза превосходит по размерам. И животный мир во много раз богаче...

И все же я, как начальник управления, хотел бы видеть в наших охотугодьях иностранных туристов без оружия: пусть занимаются фотоохотой, рыбной ловлей, сбором ягод и грибов. У нас в области 16 охотничьих заказников, а два из них - Баировский и Степной - республиканского ранга, где собирается столько дичи, сколько и не снилось иностранным туристам. Есть у нас что показать!.. А сегодня ставится задача, чтобы каждый район области имел дополнительно свой заказник. Это значит - еще плюс 20-25 заказников. Вот в этом направлении и нужно развивать иностранный охоттуризм.

Беседу вел В. ЗЕНЗИН

2. ОХОТА НА МЕДВЕДЯ НА ОВСАХ

...Оставив в поселке Кейзас свою машину, распростившись с егерем и начальником участка, я сел с Николаем на его телегу, и мы на лошадке отправились к месту охоты. Ехали очень долго чуть заметными лесными дорогами, и лишь кое-где встречались нам небольшие хлебные поля... Вот, наконец, и овсяное поле.

«Дальше глухая тайга... – сказал Николай – а здесь у этих сосен, выход медведя на поле». Да я уже и сам видел примятые полосы овса.

Быстро соорудили на крайних деревьях, на высоте 5-7 метров, палати-настил из жердей и привезенных досок. Николай уехал, я остался один.

Было уже около 18 часов и я залез наверх, в свой скрадок. Привалившись спиной к толстой сосне, спокойно дремал, зная, что медведь скоро не придет. Вечерело быстро, так как небо затянули сплошные серые тучки. Тайга стала черной, да и на поле потемнело. Я надеялся, что ранняя луна будет освещать поле, но в тучах лишь кое-где проглядывали окна, и луна редко попадала в них.

И вот, когда уже стемнело совсем, я услышал чуть уловимые шорохи и шаги, а через минуту - чавканье. На поле, метров в 50-ти что-то смутно чернело, двигалось - но понять, что это - было невозможно. Я направил ствол карабина в ту сторону и терпеливо стал ждать: когда же проглянет луна.

Было прохладно, шло время - и вот сквозь редкую тучку забрезжил свет. Я разглядел зверя, но мушку на карабине не видел. И вдруг луна полностью вышла из-за туч. Медведь уже казался рядом. Видны уши, открытый рот. Зверь насторожился. «Стреляй скорей!» - дал я себе команду. Целюсь ниже головы. Выстрел, еще выстрел. Зверь осел и откатился метра на три в сторону, снова привстал. Делаю подряд еще три выстрела. И здесь луна опять неожиданно ушла за тучи. Темно, ничего не видно и не слышно.

И тут я услышал топот коня, и вскоре Николай подскакал ко мне с берданкой через плечо. Хитрец, он прятался за ближнем лесом. Я слез с дерева. Снова выглянула луна. Медведь не шевелился и мы подошли к нему. Громадный зверь лежал на животе, вытянувшись в сторону леса, положив голову на лапы. Странная поза...

Николай быстро снял с коня большую веревку-удавку и начал обвязывать ею тушу медведя. Я сказал ему, что прогуляюсь пешком до деревни, и, выйдя на травяную дорогу, медленно побрел в темноте, ощущая какое-то двойственное чувство. Охотясь много лет, наслаждаясь природой, упиваясь сладким чувством ожидания встречи со зверем или птицей - в конце охоты, видя убитого зверя, начинал в чем-то сомневаться. Да, что там, в конце охоты - ведь были случаи, когда охотясь на кабанов, косуль, лосей - я стоял на номере и молил Бога: «Пусть зверь не выходит на меня, пусть выйдет на другого. Пусть стреляет другой...».

Вот и сегодня. Так долго я мечтал об этой охоте. А сейчас иду, а кто-то тайный глубоко, внутри, снова осуждает меня.

*Борис МИШКИН.
Начальник управления охотничьего хозяйства
администрации Омской области*

3. ВСЕ ИНОСТРАНЦЫ В ГОСТИ К НАМ

Владимир Степанович Пецевич - генеральный директор ВАО «Интурист-Омск». Я попросил его ответить на несколько вопросов, касающихся иностранного туризма.

-Владимир Степанович, расскажите немного об истории интуризма в Омске.

-Первые туристы из Омска появились за рубежом в 1956 году. Тогда Омск был закрытым городом, количество иностранных туристов в наш город было незначительным. Но начиная с декабря 1990 года, после снятия этого ограничения, их количество резко возросло. Так, только в 1991 году Омск посетило более тысячи иностранцев...

-Из каких стран преимущественно туристы?

-Из Швейцарии, Германии, США, Монголии, Китая и других стран. А со швейцарскими фирмами у нас даже тесная деловая связь.

-Тургруппы приезжают большим составом?

-По-разному. Есть большие группы. Были поезда с туристами из США, Швейцарии, Германии. Но вместе с этим есть много индивидуалов (по одному, два, три человека).

-А какое отношение у вас к коммерческим фирмам, которые также занимаются интуризмом?

-Надо сказать, что многие коммерческие организации занимаются интуризмом, не имея условий для размещения, обслуживания по маршрутам и т. д. Эти организации оказывают нам и Омску «медвежью услугу». Иностранцы, многое недополучая, увозят с собой не особенно приятные впечатления о некоторых сторонах нашей жизни. Это портит нам рекламу в глазах Внешнеэкономического акционерного общества «Интурист», который в 1994 году отметил свое 65-летие.

-Какие примечательные моменты в работе в этом году?

-Добавились группы из Южной Кореи, по-прежнему увеличивается число туристов из Германии, в связи с интересами в АЗОВСКОМ национальном районе.

-А какие трудности?

-Я бы выделил экономические: это отсутствие хороших туристских баз, плохие дороги, отсутствие нужного автотранспорта. У нас всего несколько микроавтобусов «ДАФ-400», которые отвечают всем современным требованиям.

-Ваши перспективы?

-Надо отметить, что за последние два-три года интерес к Омску и области со стороны иностранных фирм возрос. Конечно, мы в Омской области имеем достаточное количество культурных памятников, растительный и животный мир включает в себя таежную зону, лесостепную и степную. Это уникально. Многие интуристские группы не задерживаются в гостиницах и ресторанах, а стремятся приблизиться к природе: уезжают в таежный лес, на чистую лужайку, на охоту и рыбалку... Они ищут общения с простыми людьми: с земледельцами, хранителями древних профессий, охотно посещают крестьянские избы. Несмотря на трудности нынешнего времени, они верят в Россию, в ее богатства и культуру. И вообще – к Сибири у них особое отношение. Они знают, что сюда веками ссылали людей с высочайшим умом - это и высококультурные и талантливые народники, декабристы и другие. Они-то к высоким нравственным качествам сибиряков приносили и высокий гражданский дух. Уж поистине о Сибири можно с правом говорить: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!..» А потому я твердо уверен: у интуризма в нашей области хорошее будущее.

Беседу вел В. ЗЕНЗИН

4. ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Широко и привольно раскинулась Омская область на Западно-Сибирской низменности. На ее территории (140 тыс. кв. м) могут разместиться Австралия, Бельгия, Нидерланды вместе взятые. Выгодное географическое положение на пересечении Транссибирской железной дороги с Иртышом, огромная площадь, Великая сибирская река Иртыш с десятками притоков, а также сотни озер, огромные подземные богатства минеральной воды «Омская», разнообразие ландшафтов - от таежной зоны на севере до степной на юге, обилие солнечных дней (по числу их область не уступает Крыму), множество исторических, революционных, археологических, литературных памятников, повсеместное нахождение на территории области различных промышленных и сельскохозяйственных экскурсионных объектов при наличии разнообразных коммуникаций и современного транспорта - авиационного, железнодорожного, речного и автомобильного - все это открывает самые широкие возможности для развития в Омском Прииртышье различных форм и видов туризма, экскурсий и отдыха.

Областной центр - давно перешагнувший миллионную отметку по числу жителей - город Омск, старинный северный город Тара, рабочий поселок Большеречье – все они из наиболее культурных поселений такого размера в России, Чернолученско-Красноярская зона отдыха в сосновом бору на берегу Иртыша, турбаза «Ямской двор», где начинается известный в стране конный маршрут, рыболовно-охотничья база отдыха на берегу огромных Крутинских озер - это и многое другое предлагают сибиряки своим гостям.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКАЗНИКИ

Для производства биотехнических мероприятий, воспроизводства и расселения зверей и птиц, созданы следующие заказники: Мангутский, Любинский, Калачинский, Большеуковский комплексный, Бергамакский комплексный, Туйский бобровый, Тевризский бобровый, Усть-Куренчинский бобровый, Усть-Каинсасский бобровый, Бергамакский бобровый, Ермиловский по боровой дичи.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКАЗНИК «БАИРОВСКИЙ»

В 1992 году в заказнике гнездилась 1 пара орлана-белохвоста, осенью, на пролете, наблюдалось до 12 особей.

Краснозобая казарка останавливалась на осеннем пролете небольшими табунками до 20 особей, в заказнике не гнездится. По опросным данным и аэровизуальным наблюдениям, на территории области (северных районов) обитает до 30 особей беркута.

На территории бобровых заказников и других таежных реках севера области встречается скопа, численность которой также невелика, 25-30 особей.

Встречи с азиатским бекасовидным ветеренником единичны.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКАЗНИК «СТЕПНОЙ»

В 1992 году в заказнике и в непосредственной близости от него гнезилось до 100 пар шилокловки. Отмечены ее гнездовья практически во всех граничащих с Казахстаном районах. Общая численность оценивается в 2,0-2,3 тыс. особей.

В период весенней миграции, на пролете, в заказнике отмечалось до 130-150 особей краснозобой казарки, 200-220 особей пiskuльки. В конце осеннего пролета водоплавающей дичи наблюдалось до 10 особей орлана-белохвоста. На озерах Крестинское, Горькое, Ленинское Горькое, Чистое гнездились соответственно 5, 10, 2 пары савки.

5. Анатолий КАНУШИН - ОХОТНИК ТАЕЖНЫЙ

С Анатолием Михайловичем я знаком давно и вроде бы знаю его - и не знаю. Знаю как человека, садовода, председателя областной секции охотничьего собаководства, как охотника на водоплавающую дичь, а вот как таежного охотника - почти не знаю.

Хотя он одним из первых выполняет договорные обязательства по сдаче пушнины и является победителем многих соревнований со своими таежными лайками. Я мало бывал в тайге и, когда мы встречаемся с ним, задаю ему массу вопросов о таежной охоте.

- Анатолий Михайлович, а много ли в Омской области профессиональных таежных охотников!

- Да как сказать, человек тридцать будет. В области три госпромхоза: Тевризский, Усть-Ишимский и Тарский - и два охотничье-промысловых участка: Седельниковский и Большеуковский. Очень известные охотники Ходарев Виктор, Федоренко Валентин.

- У нас в северных районах области много егерей, охотоведов, а они кто!

- Эти люди работают в штате областного управления охотничьего хозяйства, и профессионалов среди них мало. Они в основном занимаются организацией охоты на местах. Хотя один из них - Червяковский Виктор из Тарского госпромхоза - знаменитый охотник, таежный профессионал.

- А как давно вы стали таежным охотником!

- Я родился в 1939 году в Омске. Детство провел на берегу Иртыша, любил рыбалку, рано приобщился к охоте на уток. А в тайгу попал в 1963 году и сразу понял: вот она, настоящая охота! Охота на зверя в глухих местах, где не ступает нога человека, таит в себе непередаваемые словом ощущения первозданной природы, ее нетронутой красоты! Да пусть простят меня охотники-утятники, а их у нас огромная армия, но только на таежной охоте можно познать все величие Матери-Природы!

- Но таежная охота, как все говорят, очень трудная!

- Согласен. Мне за пятьдесят, выгляжу молодо, есть и силенка, но очень стали побаливать суставы рук, ног. Обращаюсь к врачам, а они говорят: профессиональная болезнь. Постоянные переохлаждения на морозе, ночи у костра или в холодной избушке, переходы по пояс в снегу по 100-200 километров - все это не проходит бесследно. Исходил я весь Север, был в Тюменской и Томской тайге, и везде в одиночестве. Такова судьба таежного охотника, а с внешним миром общаемся только по рации. Но что бы ни было - таежную охоту не променяю ни на что.

- Какие виды охоты для вас любимее!

- Больше всего мне сегодня нравится охота с лайками на соболя и белку. Охота на лосей, медведей и другое зверье - все это уже в прошлом.

- Анатолий Михайлович, вы инициатор создания базы натаски и нагонки собак. Как дела там!

- В драгунские вольеры завезены медведи, белки и другие звери. Вольеры являются учебной базой общества охотников, здесь можно проводить и экскурсии, натаску собак по зверю и другое. Но сегодня общество охотников денег на нее не выделяет, и многие работы приостановлены. Мне за свой счет это тоже не под силу. Хотя у меня есть и хорошие ребята-единомышленники.

- Какое место в вашей жизни занимают собаки!

- Они со мной на охоте, на соревнованиях. Каждый день я провожу с ними 2-3 часа. Когда мне нездоровится или у меня плохое настроение, я с ними подолгу сижу, разговариваю, глажу их. Они мне смотрят в глаза, скулят, лижут руки. И мне становится сразу лучше, я обретаю душевную уверенность, становлюсь сильнее.

- Ваши любимые охотничьи места!

- Это участки бывшей охоты на речках Аю, Тегус на границе с Тюменской областью. Нравилась угодья на речках Яголья и Полугарь. Сейчас охочусь на речке Еголья.

- На севере области есть бобровые заказники, вы там были!

- Да, я бывал во многих заказниках. Очень много бобров на реке Туй и ее притоках. Но и на моих охот-угодьях всегда есть по 2-3 семьи бобров, которых я охраняю от возможных браконьеров.

- А что, даже в глухомани есть браконьеры!

- Сейчас при наличии разной техники, вертолетов появляются нехорошие люди и в тайге. Они следят за охотниками, когда те возвращаются с пушниной домой. Они уничтожают любую живность на охотничьих тропах. Правда, на моих участках таких людей не было. Если бы они появились, я бы был к ним беспощаден. Вообще-то в тайге чувствую себя в полной безопасности, не то что в городе. Находясь месяцами в тайге один на один с природой, я настолько проникаюсь доверием к зверям, птицам, что сам как бы становлюсь частицей тайги. Настоящий охотник -самый бережливый к природе из всех людей, вторгающихся в ее целомудренную жизнь.

Беседа вел В. ЗЕНЗИН

6. ЧТО ТЯНЕТ ИНОСТРАНЦЕВ К ОЗЕРУ ТЕНИС

Охотничья база областного общества охотников и рыболовов расположена в Крутинском районе на озере Тенис.

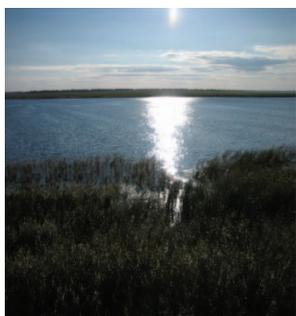
Построена она в конце 70-х годов. В двух одноэтажных домах общей площадью 132 кв. м, оборудованы кухни, водяное отопление, холодный водопровод из скважины. На территории базы имеются хозяйственные постройки и баня. В комнатах - необходимая мебель, постельные принадлежности, другие предметы быта.

Через «Росохотсоюз» в 1991 году были заключены пробные контракты с тремя иностранными группами охотников в осеннее время для охоты на водоплавающую дичь.

Опыт приема иностранных охотников, накопленный в 1991-1993 годах показал, что зарубежные гости остаются весьма довольны как созданными бытовыми условиями, так и организацией непосредственно охоты. Наши огромные сибирские просторы, наличие дичи, причем действительно дикой, а не той, которая выращивается в вольерах, а затем выпускается на волю и становится предметом охоты, заставляют по-настоящему раскрывать у охотника его способности, чтобы добыть ужу, кулика, тетерева или другую дичь.

Для иностранных охотников каких-либо особых условий на озере практически не создается, хотя место предварительно определяется такими условиями, чтобы каждый охотник имел скрадок, лодку, размещался на безопасном расстоянии друг от друга, то есть особое внимание обращается на технику безопасности.

Как я уже упоминал, охота для иностранных охотников организуется согласно заключенным с ними контрактам. В контракте оговаривается вид охоты (на какую дичь), сроки - ТУР. Он, как правило, составляет 4-5 дней. Как показывает практика, этого времени вполне достаточно, чтобы удовлетворить охотничьи страсти. Если же охотник желает продлить время пребывания, то за соответствующую плату он это может сделать. Также в контракте оговариваются все виды услуг: питание, специальная, егерская служба, транспорт...

Время пребывания иностранных охотников весьма насыщено. На утреннюю зорьку подъем в 5 часов утра, короткие сборы, завтрак и развоз охотников по местам охоты. В 11-12 часов дня все охотники собираются на базе, обедают, отдыхают и в 15 часов вновь разъезжаются по местам охоты. По окончании охоты вечером собираются все на базе, идет осмотр добытой дичи. Затем обязательная процедура посещения русской бани, после бани - ужин, где идет очень оживленный обмен впечатлениями прошедшего дня. За столом царит доброжелательная, непринужденная обстановка. Речь идет об организации охоты, русской кухне, а также обмен мнениями о событиях в нашей стране и стране охотников, т. е. самый широкий спектр вопросов, которые затрагиваются в этих беседах. За разговорами, порой и песнями, под хорошую музыку охотники засиживаются за столом далеко за полночь, а в 5 утра надо вставать. Вот в таком ритме все 5 дней. Надо сказать, что этот напряженный ритм весьма приходится по душе охотникам.

Е. НОРКА,

7. ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ

В пределах степной, лесостепной и лесной зон Среднего Прииртышья занимает огромную равнинную площадь -140 тыс. кв.км. Область образована 7 декабря 1934 г. В августе 1944 г. из ее состава выделилась Тюменская область.

Могучая сибирская река Иртыш имеет протяженность 4200 км. Она берет начало в Китае, затем течет через Казахстан и более тысячи километров - по Омской области. От Омска на север до Салехарда, у Полярного круга ходят пассажирские и грузовые суда (расстояние 2760 км). В пути они минуют знаменитый Тобольск (1587 г.), с которого после похода Ермака в 1581-1584 гг. началось интенсивное освоение Сибири русскими, а также Ханты-Мансийск, через 20 км от которого Иртыш сливается с Обью (от Омска - 1870 км). Иртыш в пределах Омской области имеет разветвленную водную сеть, в том числе притоки - Омь, Тара, Оша, Шиш, Туй, Ишим и др. Около шести месяцев в году Иртыш покрыт льдами. Средняя температура января - 20 град., июля +20 град. Лето теплое, но короткое. Уже в конце августа наступают заморозки, которые также нередки в конце мая в пору буйного цветения черемухи, яблони и сирени. Климат в целом умеренно-холодный и континентальный с обилием солнечных дней. Однако длинные и холодные зимы переносятся легко благодаря сухому воздуху.

Леса и кустарники занимают четвертую часть территории области. В лесостепной зоне изобилуют березово-осиновые колки с хлебными полями и пастбищами между ними. В северной части преобладают сибирские урманы, т.е. темнохвойная тайга из сосен, елей, пихт, кедрача с примесью березы, осины и рябины, с разнообразным подлеском и труднопроходимым буреломом. Это «райские» места для сибирского медведя. Здесь же встречаются обширные заболоченные пространства с приподнятыми лесными гривами, переходящими в низкорослый рямовый лес из карликовых сосен, и болотными "островами" с лосиными тропами между ними. В области также встречаются реликтовые боры с высокими соснами: Чернолучинский, Артынский, Петропавловский, Екатерининский и др. На лесных полянах и в лесах много грибов и ягод: земляника, клубника, костяника, смородина, малина, в тайге - черника и брусника, на болотах - клюква и голубика.

Разнообразен животный мир. Водятся заяц, лисица, лось, медведь, волк, барсук, соболь, белка, ондатра, колонок, горностай, глухарь, тетерев, куропатка, рябчик. В области, особенно в северных районах, распространены охотничий промысел и звероводство. Охота на отдельные виды пушных зверей, лося и медведя осуществляется только по специальным разрешениям.

В области около 16 тысяч различных озер. На юге встречаются соленые озера, в том числе с запасами лечебных грязей. В средней полосе - самые крупные озера: Ик, Тенис, Салтоим (146 кв.км). В Муромцевском районе славится таежное озеро Данилово с целебной водой. В озерах водятся около 20 видов рыб: щука, язь, карась, окунь, пелядь, стерлядь и др., гнездятся утки, гуси, лебеди.

Область характеризуется разнообразием национального состава. Преобладают русские, много украинцев, татар, казахов, немцев, живут белорусы, поляки, латыши, эстонцы, чувашаи и др. Всего в области проживает более 2 млн. человек, из них около 60 процентов - в городах, в т.ч. в Омске 1 млн. 180 тыс. человек.

В Омске сосредоточены крупные предприятия машиностроения, нефтехимии, легкой и пищевой промышленности. Продукция омских предприятий известна и в нашей стране, и более чем в 60 зарубежных странах. Это нефтепродукты и шины, телевизоры и холодильники, магнитофоны и стиральные машины, тончайшая электроника и запасные части к сельхозмашинам, строительные материалы, ковры, синтетические моющие средства. В области развито животноводство, производство зерна, в т.ч. пшеницы сильных и твердых сортов. На местном сырье работают мясокомбинаты и молочные заводы.

Богата и культурная жизнь города. К услугам жителей и гостей различные музеи - изобразительных искусств, историко-краеведческий, литературный им. Ф.М. Достоевского, воинской славы омичей. Работают цирк и десятки театров, в т.ч. академический театр драмы, музыкальный, театр юного зрителя, театр кукол. Славится симфонический оркестр, широко известен Государственный омский русский народный хор. Специалистов самых различных профессий готовят академии, университеты, институты, техникумы, колледжи, училища. За пределами области известны достижения омских спортсменов.

Омск - крупный авиационный, железнодорожный, речной, автотранспортный узел.

Интересна история освоения Прииртышья. Здесь человек проживал с древних времен. Старейшие изученные стоянки существовали 10-12 тыс. лет назад, другие - 4 тыс. лет в пору так называемой Саргатской культуры. В I-м тысячелетии н.э. в Прииртышье жили угорские племена (угры, самодийцы, остяки, вогулы). В IX-X вв. в эти места с Алтая и из Казахстана пришли тюркские племена, образовавшие тоболо-иртышское царство. После похода Ермака создаются русские крепости, форпосты, деревни. Для связи с Россией с XVII в. ведется строительство сибирских трактов, по которым следовали команды военных, вольные поселенцы, почта и ссыльные, в том числе Радищев, декабристы Достоевский и Чернышевский, особенно по пути Сахалин - Чехов. Однако значительные пространства, особенно южные, оставались долгое время незаселенными. Этот процесс усилился после основания в 1716 г. Омской крепости, которая в XVIII в. стала административным центром Западной Сибири, а также после строительства Сибирской железной дороги в 1893-1896 гг.

Бурные события происходили в Омске в начале XX в. Советская власть была установлена в марте 1917 г., но с июня 1918 г. до 14 ноября 1919 г. власть в городе находилась в руках белогвардейцев и адмирала Колчака, который провозгласил себя Верховным правителем России, а Омск - временной столицей русского государства.

Неувядаемой славой покрыли себя сибирские боевые соединения и омичи в войне 1941-1945 гг., в том числе в битве под Москвой, Ленинградом, на Волге, при освобождении Украины и во многих других сражениях.

Несколько поколений сибиряков и омичей, истинных патриотов Родины и своего сибирского края, не жалели сил и жертвовали собой, чтобы после гражданской и Великой Отечественной войн вытянуть страну из разрухи, создать в трудных условиях мощную промышленность, развитое сельское хозяйство, передовую науку и культуру. На полную мощность работала строительная индустрия. Строились новые жилые массивы, корпуса вузов, школ, больниц, создавались санатории, базы отдыха, дворцы культуры, кинотеатры, библиотеки, детские сады. Не было проблем семьей поехать на Черное море, в Боровое, совершить экскурсии в любые города и живописные места страны. Самодеятельные туристы, даже студенты и школьники (было бы желание) совершали турпоходы на Кавказе, Алтае, Байкале, Урале и по родному краю. Хочется верить, что со временем все стабилизируется и сибиряки получают необходимые условия для нормальной жизни, которые они в богатом сибирском краю заслужили своим упорным трудом, что для омичей и всех гостей нашего Прииртышья будут созданы самые различные формы и виды для полноценного отдыха и туризма.

* * *

Зензин Владимир Васильевич, редактор-составитель данной книги, является автором поэтических сборников: "Гори, охотничий костер", "Время и честь". Редактор приложения "Природа Прииртышья" в газете "Омский вестник". В конкурсе журналистов за 1993 год за материалы по экологии ему присуждена вторая премия. В 1994 году издал журнал "Охота в Прииртышье", где выступил как охотник и стрелок, как поэт, писатель, журналист и редактор-составитель.

8. ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОХОТЫ И РЫБАЛКИ

Областное предприятие "Омсктурист" и Омское управление охотничьего хозяйства приглашает зарубежных гостей и всех местных любителей природы, охоты и рыбалки на специализированные маршруты по живописным малонаселенным местам Омской области. Все маршруты начинаются в городе Омске. В течение одного-двух дней - проживание в гостинице "Турист" с питанием (для иногородних), участие в экскурсиях, подготовка и выезд на маршруты.

1. Охота на глухарей и косачей.

Сроки: апрель-май и сентябрь-октябрь до снежного покрова. Проезд из Омска до Тары 300 км автобусом, затем 50 км до с. Знаменское и еще 27 км в Завьялове. По пути остановка в Больиеречье с посещением комплекса "Старина сибирская". Охота под руководством егерей с подходом или из укрытия (шалаша). Туристов сопровождают автомашина ГАЗ-66, подготовленная для походных условий (газовая плита, постельные принадлежности, набор продуктов и др.).

Другие варианты. Проезд от Омска до Тары, затем до Пологрудово и таежного села Атирка с паромной переправой через Иртыш, далее до Князевки и Больших Тунзов или через Васисс до Петровки и Усть-Куренги. Все это очень красивые глухариные и медвежьи места. Также возможней проезд из Омска за 200 км в райцентр Крутинка, затем в сторону села Абатское до деревни Толоконцево, на границе с Тюменской областью. В каждом варианте 2 дня в дороге (из Омска и в Омск) и 3-4 дня охоты. В группе 3-4 охотника. Ночлег в избе у егеря и в тайге в прицепной будке трактора или в автомашине ГАЗ-66.

У егеря на ужин - грибы, огурцы и дары тайги. Вставать придется рано утром, по темну идти на ток к месту охоты, где готовы шалаша. С 10 сентября по 25 сентября возможна охота в северных районах на глухарей и рябчиков на дорогах с подъездом в автомашинах; в машине только 2 охотника, в группе - 4 человека.

2. Охота на медведя, на овсах: с 15 августа по 10 сентября. В группе 3-4 человека. Проезд из Омска за 200 км. в Больиеречье, где обед и экскурсия, затем после Тары на пароме через Иртыш в Васисс и Петровку (еще 200 км.), или через Пологрудово до Атирки и Князевки. Здесь охота на медведя на овсах, что рядом с урманом. Другой вариант - из Омска через Тюкалинск в Большие Уки (20 км.) и еще 70 км. до д. Листвяги. Здесь возможна охота с высокого дерева в оборудованной сидушке. Подъем на дерево по высокой раскладной дюралевой лестнице.

3. Охота на лося в Крутинском, Знаменском и Тарском районах с 10 сентября по 20 октября. В группе 2-4 охотника. Проезд из Омска автобусом, затем на ГАЗ-66 или тракторе с будкой. Возможна смена групп через 5-6 дней.

4. Сплав по рекам на моторных лодках. Сроки: июнь-сентябрь. В группе 2-4 туриста. Из Омска автотранспортом через Тару, Пологрудово, Васисс в Петровку, затем сплав в течение 4-5 дней по реке Шиш до ее устья - 200 км. Или проезд из Пологрудово через Князевку в бывший поселок Туйский со сплавом по красивой таежной реке Туй до впадения ее в Иртыш у Тевриза. По пути - ночлеги в палатках, вечера у костра, ужин из свежей ухи. На реках встречается много уток, бобровые плотины, возможна встреча с медведем и лосем.

5. Охота на диких гусей и уток. Возможна с 25 апреля по 20 мая и в сентябре-октябре. Проезд из Омска автобусом до села Крутинка затем на охотбазу управления охотничьего хозяйства на озере Тенис. В группе 5 человек.

6. Конкретные планы обслуживания, маршруты и стоимость услуг согласовываются при заключении договоров сторонами.

*Г. ЧЕЛЯДИНОВ,
ведуший специалист*

9. ЗАГОРОДНЫЕ ЭКСКУРСИИ

1. Прогулка на катере по реке Иртыш, во время которой предоставляется возможность полюбоваться живописными видами пригорода Омска со стороны реки, узнать о роли великой сибирской реки в экономике края, познакомиться с историей Омска и Иртышского речного пароходства.

2. Однодневная экскурсия в Чернолученско-Красноярскую зону отдыха (около 50 км в северном направлении от Омска). Отдых, русская кухня, баня, прогулки по хвойному бору, купание в Иртыше и прием солнечных ванн, знакомство с домом отдыха и городом сказок. Зимой - лыжные прогулки, катание с гор, подледный лов рыбы.

3. Посещение поселка Больиеречье. Поселок находится в 204 км к северу от Омска, на левом берегу Иртыша (основан в 1627 году). Сейчас это благоустроенный зеленый и красивый центр одноименного района. В Больиеречье находятся единственный в России сельский зоопарк (более 200 животных), известный в крае историко-этнографический музей, картинная галерея, досуговый комплекс "Старина сибирская", зона отдыха с пляжем, спорткомплекс, школа искусств. Возможен вариант с проведением одних суток на базе "Локомотив", расположенной на берегу озера Кривое в лесу (180 км от Омска). На этой базе пищу готовят сами туристы в столовой на газовых плитах. Прокат лодок, рыбная ловля, в период охотничьего сезона - охота.

4. Поездка в г. Тару. Тара - древний город на севере Омской области: в 1994 году ей исполнилось 400 лет. Город находится в 302 км от Омска на тракте Омск-Тара, на левом берегу Иртыша. Тара сыграла важную роль как русская крепость и торгово-промышленный и культурный центр в период заселения и освоения Западной Сибири. Через город проходил Московско-Сибирский тракт. В окрестностях Тары есть много живописных мест, на севере района охотничьи угодья на таежных зверей, боровую и водоплавающую дичь.

5. Посещение Крутинских озер. Крутинские озера находятся на западе Омской области, примерно в 200 км к северо-западу от Омска. Красивые и богатые озера раскинули свои берега на 18 тысяч гектаров. Крупнейшие из озер - Ик, Салтаим, Тенис - соединены между собой. Здесь расположена хорошая база для охотников и рыболовов. В двух домиках - уютные двух- и четырехместные комнаты. Чистота воздуха, абсолютная тишина, таинственные и неоглядные просторы воды создают условия для отличного отдыха. Осенью на озерах останавливаются многотысячные стаи уток, гусей, лебедей...

6. Экскурсия на конезавод. Конезавод "Омский" расположен в 40 км от города. Туристы знакомятся с породами лошадей, катаются на туристских тройках, обучаются верховой езде.

7. Организуются экскурсии в Подгородский лесхоз, в сад Комиссарова, в Азовский немецкий национальный район и в северные таежные районы, в том числе в Муромцевский с отдыхом на берегу живописного лечебного озера Данилово и на базе отдыха "Петропавловская".

Экскурсии и выезды организует областное предприятие "Омсктурист", расположенное в центре города в Доме туриста. К услугам туристов - комфортабельная гостиница "Турист" на берегу Иртыша, автобусы, квалифицированные экскурсоводы и разнообразные программы обслуживания на любые сроки для различных категорий населения. Здесь же работает туристский клуб, который проводит туристские слеты, соревнования по туристской технике и спортивно-туристские пешие, лыжные, водные походы в Прииртышье.

*Л. А. УРЫЧЕВ, заместитель
генерального директора ТЭП
"Омсктурист".*

10. КРУИЗ ПО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Долгое время существовали круизные маршруты на теплоходе по Иртышу: Омск - Ханты-Мансийск - Омск; Омск - Салехард - Омск. К сожалению, уже несколько лет этих маршрутов нет. Предпринимаемые попытки реанимации туров по Иртышу не дали положительных результатов. Мы считаем: чтобы их восстановить, необходим новый подход, включающий интеграцию усилий всех заинтересованных сторон. А ими должны явиться турфирмы Омска и Новосибирска при поддержке местных администраций.

Итогом этой работы должен явиться маршрут «Круиз по Западной Сибири». Начавшись в Омске, он пройдет через города и рабочие поселки Тара, Тевриз, Усть-Ишим, Тобольск, Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск, Стрежевой, Колпашево, Томск и закончится в Новосибирске.

За две недели туристы смогут познакомиться практически со всеми известными крупнейшими населенными пунктами Западной Сибири. Пройдя на теплоходе 1800 км вниз по Иртышу, туристы увидят, как меняется природа: степные районы переходят в лесостепь, лесные районы - тайгу, тундру. От Ханты-Мансийска теплоход вверх по Оби последует до Новосибирска, пройдя крупные города севера Западной Сибири и старинный Томск. Наряду с экскурсионной программой по историческим местам туристам будут предложены "зеленые стоянки", купание на пляжах, рыбная ловля, а также обширная развлекательная программа.

Этот круиз войдет во Всероссийский каталог внутренних маршрутов, который будет распространяться под эгидой Российской Ассоциации туристических агентств на всех международных выставках как у нас в стране, так и за рубежом.

Ориентируясь, в основном, на российских граждан, мы рассчитываем принимать и иностранцев. Уже получено согласие включить новый маршрут в программу международных детско-юношеских фестивалей.

Естественно, при организации такой программы мы никак не обойдемся без помощи областной и городской администраций.

*С. В. Савостьянов,
директор турфирмы «Евразия-тур»*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И ОХОТНИКИ!

В книгу включены основные вопросы организации охотхозяйств, важнейшие статьи по главным проблемам. Но, просматривая материалы, мы с Б.И. Мишкиным обнаружили почти полное отсутствия наших конкретных, личных встреч с охотниками и охотоведами. Нет описания наших (лично наших) поездок на охоту и впечатлений от встреч на охотбазах или у охотничьего костра. Борис Иванович дал согласие, (как соавтор этой книги), на то, что бы я от себя сделал вторую часть книги, включив в неё несколько приложений. Как журналист и редактор журналов и охотничьих приложений к омским журналам, я собрал эти материалы и дополнил книгу шестью **приложениями**. Особенно большими получились пятое и шестое **приложения**, где в стихах и прозе из ранее опубликованных мною книг, как бы восполняю пробелы. И всё-таки, прихожу к мысли, что объять всё в одной книге по истории Омской охоты почти невозможно. Как говорится: «Нельзя объять всё необъятное». Поясняю почему:

В детские годы, сталкиваясь с охотой, я узнал, что профессиональных охотников почти нет. «Раз-два и обчёлся». В Старосолдатке, где охотились около сотни людей (Старосолдатка в то время была районным центром и её население составляло более пяти тысяч человек) имелось всего два штатных охотника. Это дед Софет, проживающий в крохотной деревушке, Буслах, и сосед мой – Пётр Александрович Губин. Но они промышляли в основном капканами и ловушками. О первом я написал два коротеньких стиха:

ДЕД СОФЕТ И Я

За увалами высокими,
где в рямах большие ели,
есть избушка одинокая
для охотников за зверем.
Там в труппах
между сограми
по ночам волчицы вой,
там сохатый,
в кровь изодранный,
с волчьей стаей
держит бой...
Там капкан дождался рыси -
впился в лапу ей металл...
Там я вижу после выстрела
зверя мертвого оскал...

С дедом я в избушке той
пацаном бывал зимой.

ТАК ОХОТНИКОМ СТАЛ САМ

Дед Софет –
охотник знатный
и сноровкой, и умом.
Знают все в Старо-Солдатке
на заимке его дом.
Вся охота - за Буслами,
и тех мест - он старожил.
Зверя, птицу промышляя,
он капкан мне подарил.
На охоту взял с собою,
я польнью тер капкан...
Утром встал, а он с лисою!..
Так охотником стал сам

Об охотоведе П.А. Губине где-то в моих рассказах встречается несколько строк. А охотников толковых, знающих было много, особенно среди учителей. И сам, бывший директор школы Антон Павлович Иванов (ему 86 лет) жив и сейчас, продолжая успешно охотиться. Вот почему бы мне не написать о них?

Позднее появился егерь Романов Николай (дали ставку для Баировского заказника). Шли годы. Его заменил на этом посту сын Александр. И о них у меня ни слова.

Во время охоты в последующие годы я бывал на многих охотбазах приписных хозяйств. Сколько знакомств с егерями, сколько могло бы быть интересных рассказов. Но времени всегда в обрез, некогда, есть более важные дела.

Помню, как несколько раз был на озере Сарыбалы, за Тюкалинском. Озеро большое, мы с дядькой, Иваном Владимировичем всегда подъезжал к нему со стороны Кабырдака, а охотбаза с другой стороны. Вечером к нашему костру приезжал на своём неизменном «Белорусе» егерь Василий Иванович, и отчитывал нас за то, что мы не заезжаем к нему отметить. Я так ни разу и не начевал на его базе (база принадлежала Заводу им. Карла Маркса, где работала начальником отдела моя жена).

Конечно, в многочисленных моих стихах и рассказах есть упоминания или даже подробные описания отдельных встреч. Но это так мало.

Давно хотелось написать рассказы о Тюкалинских охотоведах, о Валерии Павловиче Левине, начальнике районного охотодола (про его отца, Павле Левине я писал когда-то две статьи), и о председателе районного общества охотников – Пицакине. Ведь озёра этого родного мне района я знаю «назубок», знаю десяток баз и егерей. Вот в Усть-Логатке бывал несколько раз у Бориса и Олега, а толком не знаю о них ничего. Всё бегом, везде проездом, всё некогда.

Последние 3-4 года, в связи с возрастом, я охотничать переключился на озеро Пикетное и Покровское Марьяновского района в компании с директором Омского колледжа транспортного строительства Валерием Владимировичем Ковальчуком. Близко, удобно. Общаюсь с начальником райотдела охоты Александром Васильевичем Марченко и председателем районного охотобщества Лесовским Михаилом Германовичем. Люди знающие, интересные, большие профессионалы. Всё думаю написать о них. А время идёт. Рядом с ними живет и работает запоминающаяся личность, глава муниципального образования «Заря Свободы» Александр Георгиевич Костылев, заядлый охотник и рыбак.

Нет, уже многого мне не удастся дописать. Годы утяжеляют, неважное здоровье. Уходит охотничий пыл и желание заниматься литературой.

И хочется писать уже иные стихи:

*... Я чую: последние близятся дни.
И ветер тревожные звуки доносит...
Холодные скоро прольются дожди,
погаснет в полях золотистая осень.
И в сердце нахлынет тоска и печаль
по Родине, с детства любимой...
Я руки тяну в невозвратную даль -
там вижу морозные зимы.*

Теперь, высказывая свое недовольство нынешней жизнью, я всё чаще слышу упрёки и в свой адрес. И в чём-то соглашаюсь. И пишу иронические стихи:

*И кто-то хочет вновь меня оспорить,
бросая зло в лицо моё ответ -
что не филолог я, и не историк,
не журналист, и даже - не поэт.*

Может быть после издания этой книги пора и поставить точку в своём творчестве.

А приложения в книге нужны. Хорошо бы каждому охотнику знать структуру управления охотничьего хозяйства и кадровый состав охотоведов области. Знать постановления и законы о животном мире, по которым идет процесс охоты.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

1. Структура управления Охотхозяйства Администрации Омской области (данные на 1 ноября 2002 г.)

- отдел госохотнадзора, в его составе - специализированный отряд и оперативная группа;
- отдел планирования, лицензирования и ресурсоведения;
- отдел бухгалтерского учёта, отчётности и делопроизводства;
- 32 районных отдела госохотнадзора;
- 2 заказника федерального значения «Степной» и «Баировский»;
- 25 заказников областного значения.
- Штатная численность работников управления 155 человек.

Основные направления работы:

- охрана государственного охотничьего фонда;
- контроль за ведением охотничьего хозяйства на территории области;
- регулирование использования охотничьих животных.

С 1986 по 2005 г. Управление охотхозяйства Администрации Омской области возглавлял Борис Иванович Мишкин

На территории Омской области имеется 65 видов млекопитающих, в том числе насекомоядных 11 видов, рукокрылых 6, грызунов 30, хищников 14, парнокопытных 4, птицы, наиболее часто встречающиеся животные области, их насчитывается 260 видов, в их числе куриные, аистообразные, гагарообразные, гусиные, журавлеобразные, кулики, чайки и крачки, дневные и ночные хищники и другие, 4 вида пресмыкающихся, 5 видов земноводных, 32 вида рыб, 2800 видов членистоногих.

На территории области были интродуцированы такие животные, как ондатра, норка, заяц-русак, марал, енотовидная собака, сурок-байбак.

Реакклиматизированы речной бобр, дикий европейский кабан, для освежения крови завозился глухарь.

На территории области обитают исчезающие виды, занесённые в Красную книгу МСОП (Международный союз охраны природы) кудрявый пеликан, краснозобая казарка, гусь – пискулька, скопа, орлан-белохвост, коростель, тонкоклювый кроншнеп; в Красную книгу России - колпица, чёрный аист, белоглазый нырок, савка, курганник, степной орёл, полевой лунь, луговой лунь, балобан, сапсан, чёрный журавль, стерх, красавка, стрепет, ходулочник, шилоклювка, кулик-сорока, бекасовидный веретенник, степная тиркуша, черноголовый хохотун, малая крачка, чеграва, филин, вертлявая камышловка.

Редкими животными на территории области являются все виды летучих мышей и пресмыкающихся, выдра, росомаха, рысь, европейская норка, крот, глухарь, дрофа.

На территории области находятся около 130 видов охотничье-промысловых животных. Визитной карточкой области является охота на водоплавающую дичь.

Уникальность охотничьей фауны области состоит в том, что на её территории проходит северная граница ареала корсака, южная - северного оленя. На озере Тенисс расположено самое северное в Западной Сибири поселение кудрявого пеликана.

Самым крупным зверем в области является медведь.

Основа охотничьего хозяйства это численность диких охотничьих животных. По данным зимнего маршрутного учёта 2002 года на территории области обитает белка - 23036, волк - 536, горностай - 7752, заяц-беляк - 26085, заяц-русак - 2655, кабан - 159, колонок - 4297, корсак - 810, косуля - 6024, куница - 1642, лисица - 5352, лось - 3128, олень северный - 478, росомаха - 110, рысь - 233, соболь - 4242, хорь - 2221, белая куропатка - 116924, серая куропатка - 67026, глухарь - 12349, рябчик - 72707, тетерев - 264796.

Результаты учёта численности показывают общее снижение, как и по всей России, диких копытных (лось, косуля).

Популяция кабана удвоилась в результате принятых мер (завоз, подкормка, запрет охоты).

В связи с изменением путей миграции идёт уменьшение численности уток, речных и нырковых.

Последние три года растёт численность гуся.

Восстанавливается численность зайца-беляка после эпизоотии. На территории области больше стало таких хищников, как волк, рысь, росомаха.

Растёт численность боровой дичи тетерева (максимальная за последние пять лет), рябчика, белой куропатки.

В целом состояние популяций диких животных на территории области стабильно.

Охотничьи угодья Омской области составляют 13,6 млн. га, из них:

- угодья общего пользования - 9,6 млн. га;
- заказники - 1,0 млн. га;
- закреплено за охотпользователями - 3,0 млн. га.

На территории области организовано 27 охотничьих заказников, из них два федеральных заказника «Степной» и «Баировский». Пять заказников видовых по охране бобра, один (Ермиловский) по охране боровой дичи, один (Мангутский) по охране ондатры, остальные заказники комплексные. Штат заказников 28 человек.

Затраты на функционирование заказников в 2001 г. составили 11636,2 т. руб. (охрана охотничьих животных, биотехнические и воспроизводственные мероприятия, учёт численности, борьба с вредными хищными животными, охотустройство).

На основании распоряжений Губернатора Омской области Охотуправлением выдано 60 долгосрочных лицензий на право пользования животным миром. 34 юридических лица закрепили охотничьи угодья для осуществления пользования животным миром на площади 3 млн.га.

Самым крупным пользователем остаётся областное общество охотников и рыболовов, ими создано 39 охотничьих хозяйств на площади 2,3 млн.га.

На учёте в области состоит более 30 тысяч охотников, из них имеют государственное удостоверение на право охоты 18442, около 12 тысяч охотников являются членами общественных охотничьих организаций, которых в области три: областное общество охотников и рыболовов ассоциации «Росохотрыболовсоюз», Всеармейское общество охотников Омского гарнизона, добровольно-спортивное общество «Динамо».

На право добычи охотничьих животных управлением в 2001 году выдано 55620 именных разовых лицензии, в 2002 году в весенний сезон охоты на селезней - около 12000, на летне-осенний сезон охоты на водоплавающую дичь более 27000, на текущий зимний сезон 2002-2003 гг. на пушных зверей и боровую дичь уже выдано 16000 лицензий.

Оперативные данные о состоянии работы по надзору за соблюдением правил охоты на территории Омской области на 1 ноября 2002 г.

Выявлено нарушений правил охоты	472
Наложено штрафов	389 чел. на сумму 74,7 т.р.
Предъявлено исков	53 чел. за ущерб, нанесённый госохотфонду на сумму 54,8 т.р.
Предъявлено за продукцию незаконной охоты	14,8 т.р.
Лишён права охоты на 3 года	1 охотник
Предупреждено	54 чел.
За несвоевременную сдачу лицензий привлечено к административной ответственности	68 чел.

Незаконно добыто	3 лося, 9 косуль, 5 бобров, 22 ондатры, 4 глухаря, 1 тетерев, 1 корсак, 40 уток, 7 селезней, 7 гусей, 1 куропатка, 1 лебедь
------------------	---

Изъято всего 73 единицы оружия, в том числе

- находятся в РУВД 54 ед.
- возвращено по предъявлении документов 10
- конфисковано 3
- сдано в ХОЗО УВД 3
- бесхозные сданы в РУВД 3

Направлено материалов на возбуждение уголовных дел	14 на 32 чел.
--	---------------

Наибольшее количество нарушений выявлено в районе

Называевском	83
Исилькульском	29
Знаменском	32
Большереченском	23
Любинском	23

2. ИНФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА АДМИНИСТРАЦИИ ОБЛАСТИ

(ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ за 1993-1995 гг.)

За 1993 год вскрыто - 454 нарушения правил охоты на территории области. Службой охотничьего надзора управления охотничьего хозяйства раскрыто 386 нарушений, работниками райохотобществ - 67. Привлечены к административной ответственности с вынесением постановлений о наложении административных взысканий - 446, передано на рассмотрение адмкомиссий, трудовых коллективов - 3, в органы прокуратуры и РОВД - 5.

На 444 человек наложен штраф в сумме 1 млн. 130 тыс. рублей, взыскано - 1 млн. 5 тыс. рублей. В возмещение ущерба, причиненного Госохотфонду, предъявлено исков на 1 млн. 29тыс. рублей, взыскано - 800тыс. рублей.

Из 454 нарушителей правил охоты 270 являются членами общества охотников и рыболовов.

НА ПРИЦЕЛЕ - КОСУЛЯ

Житель р/п Крутая Горка Глебов А.А. совместно с Кондрашиным В.И. в Омском районе отстреляли косулю, не имея лицензии на охоту, и были задержаны егерем Митиным В. В. Глебову А.А. предъявлен иск в возмещение ущерба, причиненного Госохотфонду, в сумме 73100 рублей. Материал для привлечения к уголовной ответственности направлен в Октябрьский РОВД.

За соучастие в незаконной охоте гр. Кондрашин В.И. привлечен к административной ответственности и оштрафован на сумму 73100 рублей.

ЛИСЯТА В НЕВОЛЕ

Житель Калачинского района Куликов Н.Ф. еще в мае месяце 1993 года отловил и содержал в неволе щенков красной лисицы в количестве 7 голов. За допущенное нарушение Куликов Н. Ф. подвергнут административному штрафу в сумме 3870 рублей, предъявлен иск - 216720 рублей. Калачинским народным судом исковая сумма удовлетворена в пользу управления охотничьего хозяйства.

Л. БЕЛОЗЕРЦЕВА, старший охотовед управления

ИЗ-ПОД ФАР НА ЗАЙЦА

Житель Нововаршавского района Шитов Е.А. 2 ноября 1993 года занимался браконьерской охотой - с подъезда из-под фар на зайца и был задержан охотоведами Руденко В.И. и Олейник А.С.

На Шитова Е.А. материал направлен в Нововаршавскую прокуратуру для привлечения куголовной ответственности, т.к. Шитов Е.А. уже до этого 22.09.93 г. привлекался к административной ответственности и был оштрафован на 3870 рублей с предъявлением иска 7740 рублей за незаконно добытого зайца.

А. ОЛЕЙНИК, охотовед

УГРОЗЫ БРАКОНЬЕРА

21 ноября 1993 года около ст. Любовка Нововаршавского района в черте поселка были задержаны отец и сын Климов Петр Леонтьевич и Климов Евгений Петрович на мотоцикле Урал 14-17 ОМИ. При задержании установлено следующее: в коляске мотоцикла лежало заряженное ружье со взведенным курком. Оба гражданина были в состоянии алкогольного опьянения, документов на оружие, путевки на охоту и охотничьего билета не оказалось. Гр. Климов П.Л. сдать ружье отказался, а гр. Климов Е.П. притом угрожал расправой.

А. РУДЕНКО, охотовед Нововаршавского района

ОКАЗАЛ СОПРОТИВЛЕНИЕ

25.09.1993 г. Молодых Иван Васильевич, житель г. Тюкалинска, был задержан в Крутинском районе на оз. Ашкуль с капканами для отлова ондатры. При задержании оказал сопротивление, оружие не разрядил, отказался предъявить документы.

В. РАССКАЗОВ, шт. охотник

ЛИШЬ БЫ СТРЕЛЬНУТЬ

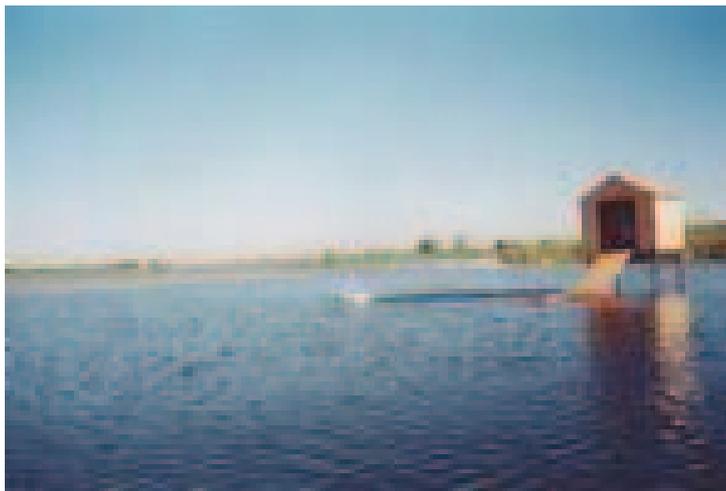
Гражданин Мартынов Александр Иванович на охоте стрелял во все, что попадет на мушку ружья. Так 30.10.1993 г. отстрелял сову. А Иващенко Виктор, охотясь на зайцев, вместо одного отстрелял двух. А там - хоть трава не расти.

А. ВОЙТОВ, охотовед Азовского района

БРАКОНЬЕРСТВО В ЗАКАЗНИКЕ

31 октября 1993 года гр. Казанцев В. П. охотился в Баировском республиканском заказнике на ондатру. Капканы в количестве 15 штук изъяты, наложен штраф в сумме 3870 рублей.

В. ТРЕТЬЯКОВ, егерь

ИМ ЛЕБЕДЬ – НЕ СВЯТЫНЯ

06.10.94 г. жителями г. Исилькуля - Л., работником ВОХР железной дороги, и П. - отстреляно по одному лебедю (запрещенный для охоты вид по области).

На них наложены штрафы за нарушение правил охоты по 10250 рублей и предъявлен иск возмещение ущерба Госохотфонду, по 20500 рублей.

А. КАЛАШНИКОВ, охотовед

Службой охотнадзора в январе 1995 года вскрыто 46 нарушений правил охоты. Изъято 7 стволов оружия. Возбуждены уголовные дела на девять человек. 8 января в Любинском районе задержаны 6 человек, из них четверо жители г. Омска за отстрел пяти косуль в запрещенные сроки с подъезда с применением двух снегоходов "Буран" и автомобиля "КамАЗ". Ущерб составил 512500 руб.

Дело находится на рассмотрении в экологической прокуратуре

В Калачинском ГУВД возбуждены уголовные дела на троих жителей района за охоту на территории Калачинского комплексного заказника

Управлением охотничьего хозяйства направлены материалы в Больше-реченское РУВД для возбуждения уголовного дела по статье 166 ч. 1.2 УК РФ на штатного работника общества охотников и рыболовов кинолога Шамро Олега Николаевича (часть 1 - вторичное наказание в течение года. 8 сентября Шамро был оштрафован за нарушение правил охоты, охотился без разрешения на оружие и путевки на охоту.

04.02.95 г. Шамро совместно с Дворниковым Владимиром Михайловичем работником СМЦ УВД, отстреляли четырех косуль с подъезда на снегоходе

3. ОТДЕЛ ГОСОХОТНАДЗОРА (при Управлении Россельхознадзора)

Сведения о режиме работы районных отделов Управления Россельхознадзора по Омской области по выдаче, продлению и замене удостоверений на право охоты

Район области	Ф.И.О. ответственного	Адрес (рабочий)
1.	2.	3.
Азовский	Рейтер Анатолий Брунович	646880, с. Азово, ул. Фабричная, 14
Большереченский	Кабин Сергей Вячеславович	646670, р.п. Большеречье, ул. Лермонтова, 36
Большеуковский	Яров Юрий Петрович	646380, с. Большие Уки, ул. Свердлова, 101
Горьковский	Коновалов Александр Григорьевич	646600, р.п. Горьковское, ул. Красный Путь, 2
Знаменский	Порошин Петр Владимирович	646550, с. Знаменское, ул. Ленина 108
Исилькульский	Калашников Александр Федорович	646024, г. Исилькуль, ул. 1 Мая, 77
Калачинский	Козлов Михаил Иванович	646902, г. Калачинск, ул. Черепова, 97
Колосовский	Данилов Виктор Владимирович	646350, с. Колосовка, ул. Олимпийская, 1
Кормиловский	Смайлов Аязбай Галиакбарович	646970, р.п. Кормиловка, Ул. Гагарина 5
Крутинский	Мезер Владимир Эдуардович	646130, р.п. Крутинка, ул. Крылова, 71, кв.1.
Любинский	Титов Сергей Евгеньевич	646160, р.п. Любинский, ул. Октябрьская 49
Марьяновский	Марченко Александр Васильевич	646040, р.п. Марьяновка, ул. Авиационная, 16
Москаленский	Гиршфельд Анатолий Александрович	646070, р.п. Москаленки, ул. Почтовая, 64
Муромцевский	Учайкин Николай Сергеевич	646430, р.п. Муромцево, ул. Гагарина, 32
Называевский	Сизов Евгений Сергеевич	646104, г. Называевск, пер. Корпоративный, 6 В
Нижнеомский	Биличенко Юрий Григорьевич	646620, с. Нижняя Омка, ул. Трудовая, 40 А

Нововаршавский	Руденко Иван Владимирович	646830, р.п. Нововаршавка, ул. Зелёная, 109
Одесский	Еремеев Василий Васильевич	646860, с. Одесское, пер. Больничный, 8
Оконешниковский	Тимофеев Николай Александрович	646940, р.п. Оконешниково, ул. Пролетарская, 71
Павлоградский	Блоха Андрей Андреевич	646760, р.п. Павлоградка, ул. Колхозная, 14
Полтавский	Мишкин Иван Анатольевич	646740, р.п. Полтавка ул. Комсомольская, 42
Русско-Полянский	Ляшук Сергей Васильевич	646780, р.п. Русская Поляна, ул. Ленина, 34
Саргатский	Пономарёв Александр Николаевич	646400, р.п. Саргатское, ул. Карбышева, 27
Седельниковский	Рожковец Павел Александрович	646480, с. Седельниково, ул. Новая, 2 А
Таврический	Волошок Виталий Валерьевич	646008, р.п. Таврическое, ул. Пролетарская, 102 А
Тарский	Кареба Виктор Трофимович	646536, г. Тара, ул. Транспортная, ул. 15 А
Тевризский	Слепушенко Николай Иванович	646560, р.п. Тевриз, ул. Спортивная, 3
Тюкалинский	Левин Валерий Павлович	646330, г. Тюкалинск, ул. Павла Усольцева, 3 А
Усть-Ишимский	Волохов Владимир Гаврилович	6465802, с. Усть-Ишим, ул. Рабочая, 1
Черлакский	Олейник Александр Степанович	646250, р.п. Черлакское, ул. Зелёная, 143

ТОЛЬКО ЦИФРЫ (на 01.01.2010 года)

В феврале 2010 года Управление Россельхознадзора по Омской области отмечает свое 5-летие. За это время отделом охотничьего контроля и надзора, Государственного пожарного надзора выявлено более 4300 нарушений охотничьего законодательства, наложено штрафов на сумму около 4 млн. руб., предъявлено судебных исков нарушителям почти на 1 млн.руб. Количество охотников, имеющих государственные охотничьи билеты, увеличилось до 26 тыс. человек.

ДЕЛА И ЛЮДИ

4. НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО

Стрелять в животных не люблю

Коллективом мужчин (и каких мужчин!) - инспекторов охотничьего и лесного надзора много лет руководит женщина.

Евгения Ратниченко – начальник соответствующего отдела Управления Россельхознадзора по Омской области. Но не сразу она, «главная охотница области», взяла в руки ружье. Какие пути-дороги привели ее в эту профессию и легко ли это - даме командовать сильным полом, мы расспросили Евгению Дмитриевну за чашечкой чая.

- Евгения Дмитриевна, отчего 30 лет назад Вы выбрали такую необычную для девушки профессию?

- Началось все со школы – в нашем классе была хорошая учительница по биологии, которая имела опыт работы в заповеднике и очень интересно вела занятия. Тогда и появилась у меня мечта – посвятить свою жизнь защите диких животных. Решив поступать на охотоведа-звероведа в Иркутский техникум, сдала туда документы, получила комнату в общежитии, а ребята-студенты и говорят: съезди на экскурсию в племенной зверосовхоз, тут рядом, 50 километров – заодно на Байкал полюбуешься... Мы с подружкой поехали, а там все новенькое, автоматизированное, и руководство нам говорит: «Девочки, оставайтесь, узнайте сначала профессию, а уж потом принимайте решение поступать - мы вам и вещи из города заберем...». Какие мы гордые были, что нас взяли! Я сразу же стала председателем комсомольской ячейки зверосовхоза - было много интересных поездок по Восточной Сибири, в Югославию... А потом меня избрали депутатом сельсовета.

- Сколько же вам лет было?

- 18, а уже приходилось решать взрослые проблемы сельчан, участвовать в бракоразводных процессах. Один из них до сих пор помню – с женой разводился бывший заключенный, но, несмотря на его прошлое, все происходило достойно – мирно поделили имущество... Конечно, нагрузки эти были мне не по возрасту: после работы хотелось еще погулять, побегать по сопкам, половить хариуса, но времени на это не оставалось. Зато и зарплаты-премии – до 1,5 тысяч рублей, большие по тем временам деньги... Нас отвозили в дорогие магазины, где взрослые покупали себе шубы, а для нас с подружкой это еще не и имело значения – тратились на магнитофоны, подарки родным...

- Учиться уже не хотелось?

- Все два года, пока я ухаживала за норками, председатель приемной комиссии техникума, возившая на практику студентов, спрашивала: «Когда наработаешься?». Зато поступила потом без проблем, и почти сразу познакомилась со своим будущим мужем Виктором. После техникума мы вместе закончили Иркутский сельскохозяйственный институт, где был один из двух на всю страну факультетов охотоведения. Экзамены сдавала на пятерки, а Витя и однокурсники удивлялись: «Ты ведь даже ружье в руках не держала, капканов не ставила!».

- Виктор лучше разбирался в охоте?

- У мужа это семейное – он с детства ходил с отцом на дичь, многому у него научился. И главный охотничий завет отца «Никогда не стрелять самку» выполняет всю жизнь.

- Муж вас научил, наконец-то, стрелять?

- А я всегда очень метко стреляла – исключительно по мишеням. Но на 40-летие супруг подарил мне ружье, сказав: «Хватит! Раз ты охотовед, то должна и охотиться!». Первые несколько лет я возила ружье с собой, а от стрельбы по животным отлынивала. Потом подействовали все-таки на меня охотничьи байки: у кого удачней выстрел, больше трофеев... Захотелось и себя испытать – смогу ли переплыть озеро, закрепить в камышах лодку... В результате к 45-ти годам доказала себе: «Да, я могу!» – добыла несколько селезней, чем мои домашние очень гордятся. А самым запоминающимся, желанным для каждого охотника трофеем, стал гусь. Но стрелять в животных все равно не люблю.

- Не было разочарований в работе?

- Знаете, я очень благодарна судьбе: получается так, что у меня вот эти линии, которые на ладонях – профессии, любви, семьи как будто слились в одну и гармонично ведут по жизни. И так у всех наших сотрудников. Все, кто приходит к нам на работу, отдают этому свое сердце, душу, время – равнодушных нет! Ведь, чтобы пресечь браконьерство, приходится выезжать на проверки в любое время суток, выслушивать угрозы, иногда – рисковать жизнью. Зачастую браконьеры оснащены лучше наших инспекторов и превосходят количеством. И чтобы ночью в лесу выйти с проверкой к группе нетрезвых, вооруженных карабинами нарушителей, требуется бесстрашие. Не раз наши инспекторы спасали не только животных, но и людей – заблудившихся и замерзающих в лесу или попавших в руки преступников. Сейчас полномочия по охране, контролю за использованием объектов животного мира переданы субъектам федерации – в Омской области это министерство сельского хозяйства и продовольствия. А мы осуществляем контроль за соблюдением законодательства в этой сфере, привлекаем к ответственности нарушителей.

- Опыт ваших инспекторов может пригодиться в региональном министерстве?

- Безусловно! Инспекторы, проработавшие у нас по 20 лет и больше, имеют богатейший опыт – четко знают границы районов и частных охотничьих хозяйств; где и на какие виды животных выдаются лицензии; как разыскать и грамотно оформить задержание нарушителей – в Управлении ведь проведено множество семинаров. Это только кажется, что охранять животный мир – просто, на самом деле требуются серьезные специальные знания и умения. Конечно, мы всегда готовы поделиться опытом, порекомендовать ценные кадры. Ведь цель у нас одна – сохранить для жителей Омской области ее прекрасные леса и животных.

Материал подготовлен при содействии организационно-аналитического отдела Россельхознадзора по Омской области. Консультант - начальник отдела Татьяна Васильевна Прокопьева.

5. С 2010 ГОДА ОМИЧИ СМОГУТ ДОБЫВАТЬ ДИЧЬ И ПОД НОВОСИБИРСКОМ

Выходит новый Федеральный закон о животном мире. Будем охотиться по-новому.

С 1 апреля 2010 года вступает в силу новый закон об охоте, который уточняет правила ее проведения и порядок определения лимитов добычи животных.

В соответствии с документом, лимит добычи охотничьих ресурсов утверждается для каждого субъекта России ежегодно высшим должностным лицом региона не позднее 1 августа текущего года. В этом распоряжении указываются лимит в отношении каждого вида дичи, при необходимости ее пол и возраст, а также квота добычи для каждого охотничьего угодья. В документе содержатся нормы, касающиеся сохранения охотничьих ресурсов и охраны среды их обитания. Например, могут устанавливаться ограничения и запреты на добычу животных по полу, возрасту, срокам и способам охоты. Для территории Омской области такие документы уже разрабатываются.

Согласно закону, каждый охотник должен иметь охотничий билет, разрешение на добычу охотничьих ресурсов и разрешение на хранение, ношение оружия. Охотничий билет выдается органом исполнительной власти субъекта федерации и является документом единого федерального образца без ограничения срока и территории действия. Для привлечения инвестиций в охотничье хозяйство орган исполнительной власти субъекта России заключает с победителем аукциона соглашение на срок от 20 до 49 лет. По условиям соглашения, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель создает охотничью инфраструктуру, обеспечивает внутрихозяйственное охотустройство и сохранение охотничьих ресурсов и среды их обитания. Местные власти, в свою очередь, предоставляют в аренду земельные и лесные участки, а также дают право на добычу охотничьих ресурсов в границах угодий.

Согласно документу, пользование животным миром осуществляется с применением орудий и способов, отвечающих международным стандартам на гуманный отлов диких животных. При этом дается определение орудий охоты - это «огнестрельное, пневматическое и холодное оружие, отнесенное к охотничьему оружию», а также «боеприпасы, капканы и другие устройства, приборы, оборудование, используемые при осуществлении охоты».

6. ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВО ОХОТНИКОВ И РЫБАКОВ

Кадровый состав Областного общества охотников и рыболовов

НАИМЕНОВАНИЕ РАЙОНА	ФИО	АДРЕС
Азовский	Улыбин Александр Иванович	Азово, ул. 40 лет Октября 21-1
Большереченский	Бакурадзе Нодар Семенович	Большеречье, ул. Советов 40
Большеуковский	Мантуров Олег Владимирович	Б-Уки, ул. Свердлова, 12
Горьковский	Гилевский Сергей Федорович	Горьковское, ул. Кирова 68
Знаменский	Ретунский Павел Иванович	Знаменское
Исилькульский	Ивко Валерий Иванович	Исилькуль, ул. Советская 70- 17
Калачинский	Лукша Александр Владимир.	Калачинск, ул. Калинина 27- 4
Колосовский	Чернолевский Алексей Филиппович	д. Трещеткино Колосовский р-н
Кормиловский	Лихоткин Николай Тимофеевич	Д. Немировка, ул. Школьная, 8
Крутинский	Вершинин Петр Тимофеевич	Крутинка, ул. Гагарина 5
Любинский	Сырьев Владимир Павлович	Любино, ул. Береговая 10
Марьяновский	Лесовский Михаил Германович	Марьяновка, ул. 40 лет Октября 54-10
Москаленский	Беккер Валерий Андреевич	Москаленки, ул. Почтовая 77-6
Муромцевский	Семенчук Михаил Григорьевич	Муромцево, ул Северная 26- 1
Называевский	Кауров Николай Александрович	г. Называевск

Нижне-Омский	Стародубцев Павел Павлович	Нижняя Омка, ул. Молодежная 45-1
Нововаршавский	Тарасенко Виктор Иванович	Нововаршавка, ул. Торговая 19-2
Одесский	Трубкин Николай Жоржович	Одесское, пер. Тенистый 2-2
Оконешниковский	Пелюшко Александр Иванович	Оконешниковское, ул. Приозерная 7-1
Омский	Тихонов Александр Петрович	-
Павлоградский	Кашаев Владимир Федорович	Павлоградка, пер. Больничный 2-2
Полтавский	Рубчак Михаил Степанович	Полтавка, ул. Дачная 18-1
Русско-Полянский	Русов Евгений Максимович	Русская Поляна, ул. Беляева 25
Саргатский	Комлев Николай Николаевич	Саргатское, ул. Тракторная 2-2
Седельниковский	Толстяков Владимир Григорьевич	Седельниково, ул. Набережная 10
Тарский	Лобанов Владимир Николаевич	Тара, ул. Кузнечная 98-6
Таврический	Баранов Владимир Алексеевич	с. Пальцевка
Тевризский	Одинцов Юрий Ахмадиевич	с. Тевризское, ул. Средне-Луговая 12
Тюкалинский	Пивцакин Валерий Иванович	Тюкалинск, ул. Советская 51 «а»
Усть-Ишимский	Волохова Елена Валентиновна	с. У.Ишимское, ул. 40 Лет Октября 38-1
Черлакский	Павлов Александр Федорович	Черлак, ул. Мельникова 59-1

Шербакульский	Курилов Михаил Иванович	Шербакуль, ул. Береговая 16 «а»
Ачаир	Романс Александр Зифридович	д. Ачаир, ул. Центральная 82
Бобровская дача	Санников Николай Владимирович, Медведев Владимир Александрович	д. Мартюшово Тарского р-на к-з Разгуляевой
Бутурлинская база	Пушкарь Геннадий Константинович	д. Черемновка Называевского р-на
Теннисская база № 1	Сурманов Анатолий Дмитриевич	-
Теннисская база № 2	Чиров Михаил Параскелович	-
Омское хозяйство	Кузнецов Александр Евдокимович	д. Алексеевка Кормиловского р-на
Любинская старица	Кочнев Валерий Николаевич	с. Красный Яр Любинского р-на

Приемная - 31-79-36.

Бухгалтерия - 31-12-90.

Кинолог - 30-23-70.

Охототдел - 30-62-76.

Магазин «Охота» - 31-30-46.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

1. ПОСТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы на страницах многих газет и журналов авторы важнейших статей говорили о необходимости закона о животном мире.

Во втором номере журнала «Охота и рыболовство» Б.И. Мишкин, начальник управления охотхозяйства области, В.А. Кирин, председатель правления областного общества охотников и рыболовов, Е.А. Норка и другие в своих выступлениях ставили ряд вопросов и предложений по организации охотхозяйств, о взаимоотношениях между различными областными службами, о роли местных администраций.

Все эти материалы были подготовлены в феврале-марте, включены в данный журнал, тексты набраны в редакции на компьютере. И когда журнал полностью был готов к изданию, 18 апреля 1995 года вышло постановление главы администрации Омской области: "О закреплении и устройстве охотничьих угодий", а 4-5 мая в «Российской газете» опубликован федеральный закон "О животном мире".

Редакция журнала решила не вносить поправок к статьям, подготовленным в журнале в связи с вышедшими постановляющими материалами, а оставить их в первоначальном варианте, хотя федеральный закон "О животном мире" и постановление об аренде охотугодий отвечают на многие вопросы авторов. Но надо отметить, что есть еще ряд предложений практического характера, есть некоторые неясности в решении конкретных проблем.

А значит рубрика в журнале: "Закон и его реализация" будет оставаться для дальнейшей работы.

А. В. АЛЕКСЕЙЦЕВ, зам. прокурора природоохранной прокуратуры

Глава администрации Омской области

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 18.04.95 г. Омск № 188-п

О закреплении и устройстве охотничьих угодий на территории области

В целях обеспечения действенного контроля за использованием государственного охотничьего фонда на территории области и определения порядка закрепления и устройства охотничьих угодий ПОСТАНОВЛЯЮ:

Утвердить Положение о закреплении и устройстве охотничьих угодий на территории области и состав областной межведомственной комиссии по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов (прилагаются).

Управлению охотничьего хозяйства администрации области (Мишкин Б.И.) провести проверку ведения охотничьего хозяйства предприятиями, учреждениями и организациями, независимо от форм собственности, и внести предложения по закреплению за ними охотничьих угодий в соответствии с вышеуказанным Положением.

Л.К. ПОЛЕЖАЕВ, Глава администрации

УТВЕРЖДЕНО

постановление главы администрации области

от 18.04.95 № 188-п

ПОЛОЖЕНИЕ

о закреплении и устройстве охотничьих угодий на территории Омской области

Настоящее Положение разработано в целях контроля за использованием государственного охотничьего фонда на территории Омской области и определяет порядок закрепления и устройства охотничьих угодий.

І. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Охотничьими угодьями признаются все земельные, лесные и водопокрытые площади, которые служат местом обитания диких зверей и птиц и могут использоваться для ведения охотничьего хозяйства.

Охотничьи угодья подразделяются на следующие виды:

а) угодья, закрытые для охоты: заказники, заповедники, зеленые зоны и другие особо охраняемые природные территории;

б) угодья, закрепленные за юридическими лицами;

в) угодья общего пользования (государственный резервный охотничий фонд).

Под охотничьим хозяйством понимается охотничье угодье, закрепленное за конкретным охотпользователем с целью воспроизводства и увеличения численности охотничьих животных, их охраны, проведения биотехнических и охотхозяйственных мероприятий, рационального использования охотничьих ресурсов.

Охотпользователем может быть любое юридическое лицо, независимо от форм собственности, за которым закреплено определенное охотничье угодье.

ІІ. ПОРЯДОК ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ

Охотничьи угодья закрепляются за охотпользователем постановлением главы администрации области по представлению управления охотничьего хозяйства администрации области, с учетом заключения областной межведомственной комиссии по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов на срок не менее 10 лет. Лесной фонд предоставляется в пользование для нужд охотничьего хозяйства специализированным охотничьим предприятиям, общественным охотничьим организациям, юридическим лицам в соответствии с порядком и условиями пользования лесным фондом для нужд охотничьего хозяйства, устанавливаемыми администрацией области.

Основанием для закрепления охотничьего угодья является охотэкономическое обследование для последующего устройства и организации охотничьего хозяйства с указанием мероприятий по охране, воспроизводству и нормированию добычи диких копытных животных.

7. Для рассмотрения вопроса о закреплении охотничьих угодий охотпользователь подает в управление охотничьего хозяйства согласованную с администрацией соответствующего района заявку на закрепление конкретных охотничьих угодий. К заявке прилагается проект организации охотничьего хозяйства, составленный на основании материалов

межхозяйственного охотустройства, с обязательным участием представителя управления охотничьего хозяйства администрации области.

8. Проект организации охотничьего хозяйства должен включать:

- а) обоснование места, границ и расчет площади организуемого охотничьего хозяйства;
- б) карту-схему организуемого хозяйства с нанесением и описанием границ и характера охотничьих угодий,
- в) данные о видовом составе и численности охотничьих животных в году, предшествующем закреплению угодий;
- г) проект плана развития хозяйства на срок не менее 5 лет и объем вложений средств трудового участия охотников в ведении охотничьего хозяйства с обязательным указанием мероприятий по охране и воспроизводству ресурсов охотничьих животных;
- д) планируемый штатный персонал охотничьего хозяйства, обеспечивающий охрану, воспроизводственные и биотехнические мероприятия;
- е) нормы закрепления охотничьих угодий на одного охотника.

9. Заявка на закрепление охотничьего хозяйства рассматривается управлением охотничьего хозяйства области в течение одного месяца.

10. При отказе в закреплении охотничьих угодий управление в письменном виде извещает охотпользователя с указанием причин отказа и возвращает все материалы.

11. После принятия постановления главы администрации области о закреплении охотничьих угодий управление охотничьего хозяйства, в дальнейшем - "Управление", и "Охотпользователь" заключают договор на эксплуатацию охотничьих угодий.

III. ПОРЯДОК ПЕРЕЗАКРЕПЛЕНИЯ ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ

12. За 6 месяцев до истечения срока действия договора на пользование охотничьими угодьями "Управление" совместно с "Охотпользователем" проводит генеральную проверку (ревизию) деятельности охотничьего хозяйства по выполнению договорных обязательств. При проверке особое внимание уделяется состоянию охраны и проведению воспроизводственных мероприятий по увеличению численности запасов охотничьих животных. Сопоставляются данные динамики их численности за период использования охотничьих угодий. О результатах проверки (ревизии) и возможностях закрепления угодий на новый срок "Охотпользователь" ставится в известность. "Охотпользователь", который получил извещение о возможности закрепления охотничьих угодий на новый срок, представляет в "Управление" соответствующие заявки на дальнейшее пользование угодьями с обоснованием предложений, если таковые имеются, по изменению границ хозяйств и условий договора.

13. Материалы по закреплению и перезаключению охотничьих угодий, определению результатов ведения охотничьего хозяйства и разработки предложений на новый срок рассматриваются областной межведомственной комиссией по охране и использованию охотничьих ресурсов.

14. Рассмотренные и одобренные межведомственной комиссией материалы обобщаются в «Управлении» и передаются на рассмотрение и утверждение главе администрации области в виде проектов постановлений, в которых дается общая оценка деятельности по ведению охотничьего хозяйства на закрепленной территории за истекший срок, а также перечень хозяйств, охотничьи угодья которых закрепляются в новых, измененных границах, и перечень хозяйств, которые по каким-либо причинам упраздняются.

15. После принятия постановления главы администрации области о перезакреплении охотничьих угодий "Управление" заключает с "Охотпользователем", за которым

закрепляются угодья, договор на пользование угодьями на новый срок в порядке, установленном настоящим Положением, формам типовых договоров.

16. По окончании работ по перезакреплению охотничьих угодий "Управление" составляет итоговый отчет, который представляет Департаменту по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов и продовольствия Минсельхоза РФ с приложением копии постановления главы администрации области.

IV. Контроль за ведением охотничьего хозяйства на закрепленных охотничьих угодьях

17. Контроль за ведением охотничьего хозяйства "Охотпользователями" на закрепленных за ними охотничьих угодьях осуществляется управлением охотничьего хозяйства, областным обществом охотников и рыболовов, в пределах их компетенции, путем проверки не реже 1 раза в 2 года.

18. По результатам проверки составляется акт в четырех экземплярах, в котором подробно отмечается состояние ресурсов охотничьих животных, порядок ведения охотничьего хозяйства и имеющиеся недостатки. Один экземпляр акта передается "Охотпользователю", второй остается у лица, проверяющего это хозяйство, два экземпляра акта направляются "Управлению".

19. "Управление" рассматривает акт и по материалам проверки издает приказ, в котором дается анализ динамики численности охотничьих животных в хозяйстве, отмечаются недостатки в ведении охотничьего хозяйства и намечаются меры, а также сроки по их устранению, рассматривается выполнение договора на пользование охотничьими угодьями. Приказ о результатах проверки "Управление" направляет "Охотпользователю", в ведении которого находится проверенное хозяйство, районному охотоведу или другим лицам, проверившим хозяйство, вышестоящей по подчинению хозяйства "Охотпользователя".

(приказ в этом случае направляется вместе с актом проверки).

20. В случае невыполнения "Охотпользователем" обязательств, предусмотренных договорами, и порядка ведения охотничьего хозяйства на закрепленных угодьях к "Охотпользователю" может применяться одна из следующих мер взыскания: предупреждение; запрещение охоты на всех или отдельных охотничьих животных на срок от 1 месяца до 5 лет; расторжение договора на пользование охотничьими угодьями.

21. Меры взыскания, перечисленные в п.20 настоящего Положения, налагаются "Управлением".

22. Изъятие охотничьих угодий из пользования, передача изъятых угодий в ведение '«Охотпользователя»' или перевод их в государственный резервный охотничий фонд производится на основании постановления главы администрации области, принимаемого по представлению "Управления», с заключением областной межведомственной комиссии по охране

и рациональному использованию охотничьих ресурсов. При изъятии охотничьих угодий затраты, произведенные "Охотпользователем" на выпуски диких животных и другие воспроизводственные мероприятия не возмещаются.

2. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ЖИВОТНОМ МИРЕ»

(принят Государственной Думой 22 марта 1995 г.)

Животный мир является достоянием народов Российской Федерации, неотъемлемым элементом природной среды и биологического разнообразия Земли, возобновляющимся природным ресурсом, важным регулирующим и стабилизирующим компонентом биосферы, всемерно охраняемым и рационально используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан Российской Федерации.

Глава I.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Основные понятия

В целях настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

животный мир - совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации;

объект животного мира - организм животного происхождения (дикое животное) или их популяция;

биологическое разнообразие животного мира - разнообразие объектов животного мира в рамках одного вида, между видами и в экологических системах;

генетические ресурсы животного мира - часть биологических ресурсов, включающая генетический материал животного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности;

устойчивое существование животного мира - существование объектов животного мира в течение неопределенно длительного времени;

использование объектов животного мира - изучение, добывание объектов животного мира или получение иными способами пользы от указанных объектов для удовлетворения материальных или духовных потребностей человека с изъятием их из среды обитания или без такового;

устойчивое использование объектов животного мира - использование объектов животного мира, которое не приводит в долгосрочной перспективе к истощению биологического разнообразия животного мира и при котором сохраняется способность животного мира к воспроизводству и устойчивому существованию;

среда обитания животного мира - природная среда, в которой объекты животного мира обитают в состоянии естественной свободы;

охрана животного мира - деятельность, направленная на сохранение биологического разнообразия и обеспечение устойчивого существования животного мира, а также на создание условий для устойчивого использования и воспроизводства объектов животного мира;

охрана среды обитания животного мира - деятельность, направленная на сохранение или восстановление условий устойчивого существования и воспроизводства объектов животного мира;

пользование животным миром - юридически обусловленная деятельность граждан и юридических лиц по использованию объектов животного мира;

пользователи животным миром - граждане и юридические лица, которым законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и законами и иными

нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации предоставлена возможность пользоваться животным миром;

долгосрочная лицензия - специальное разрешение на осуществление хозяйственной и иной деятельности, связанной с использованием и охраной объектов животного мира;

именная разовая лицензия - специальное разрешение на однократное использование определенных объектов животного мира с указанием места и срока его действия, а также количества допустимых к использованию объектов животного мира;

распорядительная лицензия - специальное разрешение, предоставляющее право определенным в нем лицам в установленном порядке распоряжаться объектами животного мира.

Статья 2. Цели настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон регулирует отношения в области охраны и использования животного мира, а также в сфере сохранения и восстановления среды его обитания в целях обеспечения биологического разнообразия, устойчивого использования всех его компонентов, создания условий для устойчивого существования животного мира, сохранения генетического фонда диких животных и иной защиты животного мира как неотъемлемого элемента природной среды.

Статья 8. Полномочия органов местного самоуправления в области охраны и использования объектов животного мира

Органам местного самоуправления могут передаваться отдельные государственные полномочия в области охраны и использования объектов животного мира в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации с передачей необходимых для осуществления указанных полномочий материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству.

Статья 10. Участие граждан и юридических лиц в охране и использовании животного мира, сохранении и восстановлении среды его обитания

Граждане и юридические лица, включая общественные объединения и религиозные организации, участвуют в охране и использовании животного мира, сохранении и восстановлении среды его обитания в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

В связи с этим граждане и юридические лица имеют право:

- получать от органов государственной власти соответствующую информацию, если иное не установлено законодательством Российской Федерации;
- проводить общественную экологическую экспертизу;
- осуществлять общественный контроль,
- проводить мероприятия по охране животного мира и среды его обитания;
- содействовать реализации соответствующих государственных программ.

Органы государственной власти при осуществлении своих полномочий в области охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания обязаны учитывать предложения и рекомендации граждан и юридических лиц.

Участие международных общественных организаций в охране и устойчивом использовании объектов животного мира на территории Российской Федерации регламентируется международными договорами Российской Федерации.

Глава II.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 11. Государственное управление в области охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания

Государственное управление в области охраны и использования животного мира осуществляют Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и специально уполномоченные государственные органы по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания.

Специально уполномоченные государственные органы по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания состоят из федеральных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания и их территориальных (бассейновых) подразделений.

Глава III.

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА И СРЕДЫ ИХ ОБИТАНИЯ

Статья 19. Организация охраны объектов животного мира и среды их обитания **Статья 18. Государственные программы по охране объектов животного мира и среды их обитания**

В целях реализации требований настоящего Федерального закона осуществляются разработка и реализация специальных государственных программ, предусматривающих конкретные мероприятия, направленные на охрану объектов животного мира и среды их обитания.

Федеральные программы по охране объектов животного мира и среды их обитания утверждаются Правительством Российской Федерации.

Территориальные и местные программы разрабатываются и реализуются в порядке,

предусмотренном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Мероприятия по охране отдельных объектов животного мира не должны наносить ущерба другим объектам животного мира, окружающей природной среде **животного мира и среде его обитания.**

Организация охраны животного мира осуществляется органами государственной власти Российской Федерации субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

Полномочия в области государственного контроля за использованием и охраной животного мира и среды его обитания специально уполномоченных государственных органов определяются Правительством Российской Федерации.

Статья 21. Установление ограничений и запретов на использование объектов животного мира

В целях сохранения и воспроизводства объектов животного мира и среды их обитания осуществление отдельных видов пользования животным миром, а также пользование определенными объектами животного мира могут быть ограничены, приостановлены или полностью запрещены на определенных территориях и акваториях или на определенные сроки решением органа исполнительной власти Российской Федерации или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в пределах их компетенции по представлению соответствующего специально уполномоченного государственного органа по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания.

Сохранение объектов животного мира может быть достигнуто путем изменения вида пользования животным миром с запрещением изъятия объектов животного мира из среды обитания и организации использования этих объектов без изъятия в культурно-просветительных, рекреационных и эстетических целях, включая организацию экологического туризма.

Статья 23. Охрана животного мира и среды его обитания в особо охраняемых природных территориях

На территориях государственных природных заповедников, национальных парков и на других особо охраняемых природных территориях охрана животного мира и среды его обитания осуществляется в соответствии с режимом особой охраны данных территорий, который устанавливается Федеральным законом "Об особо охраняемых природных территориях".

Статья 24. Охрана редких находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира

Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного мира заносятся в Красную книгу Российской Федерации и (или) Красные книги субъектов Российской Федерации.

Действия, которые могут привести к гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания объектов животного мира, занесенных в Красные книги, не допускаются. Юридические лица и граждане, осуществляющие хозяйственную деятельность на территориях и акваториях, где обитают животные, занесенные в Красные книги, несут ответственность за сохранение и воспроизводство этих объектов животного мира в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации обязаны создавать необходимые условия для сохранения и разведения редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира, в том числе путем специализации зоопарков и организации питомников.

Оборотоспособность диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, допускается в исключительных случаях по разрешению (распорядительной лицензии), выдаваемому специально уполномоченным государственным органом по охране окружающей природной среды в порядке, предусмотренном Правительством Российской Федерации. Содержание указанных животных в неволе и выпуск их в естественную природную среду также допускаются в исключительных случаях, определяемых Правительством Российской Федерации.

Глава IV.

ПРАВА И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ОХРАНУ ЖИВОТНОГО МИРА И СРЕДЫ ЕГО ОБИТАНИЯ

Статья 30. Права должностных лиц, осуществляющих охрану животного мира и среды его обитания

Права должностных лиц, осуществляющих охрану животного мира, определяются соответствующими Федеральными законами.

Статья 31. Права должностных лиц специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды его обитания

Должностные лица специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания имеют право:

- проверять у юридических лиц и граждан, документы, разрешающие осуществление пользование животным миром, находиться на особо охраняемой территории (акватории), а также разрешения органов внутренних дел на хранение и ношение огнестрельного оружия;

- задерживать нарушителей законодательства об охране и использовании животного мира и среды его обитания, составлять протоколы на совершенные ими правонарушения и доставлять указанных нарушителей в правоохранительные органы;

- производить досмотр вещей и личный досмотр задержанных лиц, остановку и досмотр транспортных средств, проверку оружия и других орудий добывания объектов животного мира, полученной от них продукции, в том числе и во время ее транспортировки, в местах складирования и переработки;

- изымать у нарушителей незаконно добытую продукцию, оружие и другие орудия добывания объектов животного мира, в том числе транспортные средства, а также соответствующие документы с оформлением изъятия в установленном порядке;

- хранить и носить служебное огнестрельное оружие и специальные средства при исполнении служебных обязанностей;

- применять в установленном порядке физическую силу, специальные средства - наручники, резиновые палки, слезоточивый газ, устройства для принудительной остановки транспорта, служебных собак и огнестрельное оружие.

Порядок приобретения, хранения и применения служебного огнестрельного оружия регулируется действующим законодательством.

Перечень должностных лиц, выполняющих задачи по охране объектов животного мира, которым разрешено применение служебного огнестрельного оружия, а также перечень видов и правила применения специальных средств и оружия определяются Правительством Российской Федерации.

Статья 32. Социальная защита должностных лиц специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды его обитания

Социальная защита должностных лиц специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и использованию объектов животного мира и среды их обитания осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Глава V.

ПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИВОТНЫМ МИРОМ

Статья 33. Права на объекты животного мира лиц, не являющихся их собственностью

Объекты животного мира могут предоставляться органами государственной власти, уполномоченными осуществлять права собственника от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, юридическим лицам в долгосрочное пользование на основании долгосрочной лицензии и гражданам в краткосрочное пользование на основании именной разовой лицензии.

Пользователь осуществляет принадлежащие ему права владения и пользования объектами животного мира на условиях и в пределах, установленных законом, лицензией и договором с органом государственной власти, предоставляющим соответствующую территорию, акваторию для осуществления пользования животным миром.

Пользователь не вправе распоряжаться объектами животного мира.

Содержание прав на объекты животного мира определяется Федеральным законом на основании общих положений гражданского законодательства.

Статья 34. Виды и способы пользования животным миром

Юридическими лицами и гражданами могут осуществляться следующие виды пользования животным миром:

- охота, рыболовство, включая добычу водных беспозвоночных и морских млекопитающих

- добыча объектов животного мира, не отнесенных к объектам охоты и рыболовства;

- использование полезных свойств жизнедеятельности объектов животного мира - почвообразователей, естественных санитаров окружающей среды, опылителей растений, биофильтраторов и других;

- изучение, исследование и иное использование животного мира в научных, культурно-просветительных, воспитательных, рекреационных, эстетических целях без изъятия их из среды обитания;

- извлечение полезных свойств жизнедеятельности объектов животного мира - почвообразователей, естественных санитаров окружающей среды, опылителей растений, биофильтраторов и других; получение продуктов жизнедеятельности объектов животного мира.

Статья 37. Порядок выдачи лицензий

Для получения долгосрочной лицензии на пользование животным миром заинтересованное юридическое лицо подает заявку, в которой указываются:

- сведения о заявителе:

- вид пользования животным миром;

- перечень объектов животного мира;

- границы и площадь территорий, необходимых для осуществления пользования заявленными для использования объектами животного мира;

- предполагаемый срок пользования животным миром.

Заявки на получение объектов животного мира в пользование на территории Российской Федерации подаются в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

На основании согласования орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации и пользователь животным миром заключают договор о предоставлении в пользование территорий, акваторий, необходимых для осуществления пользования животным миром, в соответствии с гражданским, земельным, водным и лесным законодательством.

При наличии нескольких равных по приоритету претендентов на одну и ту же территорию, акваторию животный мир предоставляется в пользование на основании конкурсов с соблюдением антимонопольных требований.

Конкурсы организуют и проводят органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации совместно со специально уполномоченными; государственными органами по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания.

Предоставление в пользование животного мира и территорий, акваторий, необходимых для осуществления пользования, должно проходить с учетом интересов местного населения.

Территории, которые используются для ведения сельского и лесного хозяйства и на которых ранее осуществлялись или могут осуществляться охота, рыболовство и другие виды пользования животным, обеспечивающими пользование животным миром на определённый срок, в согласованное время и в установленном порядке.

Именные разовые лицензии гражданам на использование объектов животного мира выдаются соответствующим специально уполномоченным органом по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания по их заявке в соответствии с установленным порядком, а также пользователями животным миром в пределах установленных им лимитов.

Статья 38. Долгосрочная лицензия на пользование животным миром

Долгосрочная лицензия на пользование животным миром в зависимости от вида пользования должна содержать:

- сведения о пользователе животным миром;
- разрешенные виды пользования животным миром;
- перечень объектов животного мира, передаваемых в пользование;
- границы и площадь территории; акватории, необходимой для осуществления пользования животным миром;
- срок действия лицензии; условия пользования животным миром, а также территориями, акваториями, необходимыми для осуществления пользования животным миром.

Статья 40. Права и обязанности пользователей животным миром

Пользователи животным миром имеют право:

- пользоваться объектами животного мира, предоставленными в пользование;
- пользоваться без разрешения объектами животного мира, приобретенными для расселения на закрепленной территории, в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, если эти объекты животного мира содержатся в полувольных условиях;
- собственности на добытые объекты животного мира и продукцию, полученную от них;
- выдавать гражданам именованные разовые лицензии на использование объектов животного мира в пределах установленных норм, квот и лимитов; заключать договоры с юридическими лицами и гражданами на использование ими объектов животного мира с одновременной выдачей именных разовых лицензий;

- вести подсобное хозяйство, включая переработку продукции, полученной в процессе осуществления разрешенных видов пользования животным миром, и производить изделия из объектов животного мира;

- реализовывать произведенные продукцию и изделия;

- на предоставленных в пользование территориях получать земельные участки в производственных и иных целях в порядке, установленном гражданским, земельным, водным и лесным законодательством Российской Федерации;

- возводить на полученных в установленном порядке земельных участках постоянные или временные постройки, сооружения и дороги, необходимые для осуществления хозяйственной деятельности, связанной с использованием животным миром;

- предъявлять в установленном законодательством Российской Федерации порядке иски за ущерб, причиненный им неправомерными действиями юридических лиц и граждан, повлекшими за собой гибель объектов животного мира, ухудшение среды обитания объектов животного мира, за необоснованное ограничение права на пользование животным миром, права собственности на полученную продукцию, а также в случаях прекращения права на пользование животным миром при изменении статуса земель с учетом упущенной выгоды;

- оказывать воздействие на среду обитания объектов животного мира, улучшающее состояние объектов животного мира, по согласованию с землевладельцами (землепользователями), владельцами лесного фонда и специально уполномоченными государственными органами по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания.

Пользователи животным миром обязаны:

- осуществлять только указанные в лицензии виды пользования животным миром;

- соблюдать установленные правила, нормы и сроки пользования животным миром;

- применять при пользовании животным миром способы, не нарушающие целостности естественных сообществ;

- не допускать разрушения или ухудшения среды обитания объектов животного мира;

- осуществлять учет и оценку состояния используемых объектов животного мира, а также оценку состояния среды их обитания;

- проводить необходимые мероприятия, обеспечивающие воспроизводство объектов животного мира;

- оказывать помощь государственным органам в осуществлении охраны животного мира;

- обеспечивать охрану и воспроизводство объектов животного мира, в том числе редких и находящихся под угрозой исчезновения;

- применять при пользовании животным миром гуманные способы.

Статья 41. Охота

Отношения в области охоты и охотничьего хозяйства регулируются на основе настоящего Федерального закона специальным Федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним другими Федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Перечень объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, исходя из их статуса, численности, традиций в использовании видов и качества получаемой продукции, составляется специально уполномоченным государственным органом по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира по согласованию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и утверждается Правительством Российской Федерации.

Статья 42. Рыболовство

Отношения в области рыболовства и охраны водных беспозвоночных рыб и морских млекопитающих регулируются соответствующими законами и иными Нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Статья 47. Основания и порядок прекращения пользования животным миром

Пользование животным миром прекращается соответственно полностью или частично в случаях:

- *отказа от пользования;*
- *истечения установленного срока пользования;*
- *нарушения законодательства Российской Федерации об охране окружающей природной среды и условий пользования животным миром, оговоренных в лицензии на пользование животным миром;*
- *возникновения необходимости в изъятии из пользования объектов животного мира в целях их охраны;*
- *использования территории, акватории для государственных нужд, исключая пользование животным миром;*
- *ликвидация предприятия, учреждения, организации - пользователей животным миром.*

Право пользования животным миром в случаях, предусмотренных абзацами 2,3,4 и Участи первой настоящей статьи, прекращается путем аннулирования соответствующими органами предоставленных ими лицензий на пользование животным миром.

Право пользования животным миром в случаях, предусмотренных абзацами 5 и 6 части первой настоящей статьи, прекращается путем аннулирования лицензии с согласия сторон либо через суд.

Решение о прекращении пользования животным миром может быть обжаловано в суде в установленном порядке.

Глава VI.

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 48. Право на применение традиционных методов добывания объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности

Граждане Российской Федерации, чье существование и доходы полностью или частично основаны на традиционных системах жизнеобеспечения их предков, включая охоту, рыболовство и собирательство, имеют право на применение традиционных методов добывания объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности, если такие методы прямо или косвенно не ведут к снижению биологического разнообразия, не сокращают численность и устойчивое воспроизводство объектов животного мира, не нарушают среду их обитания и не представляют опасности для человека.

Глава VII.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 50. Цели и задачи экономического регулирования охраны и использования объектов животного мира

Экономическое регулирование охраны и использования объектов животного мира предусматривает:

- *установление и регулирование экономических отношений в области охраны и использования объектов животного мира, в том числе между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и природопользователями, а также между пользователями животным миром и пользователями иными видами природных ресурсов*

- *формирование системы платежей за пользование животным миром и создание стабильной экономической основы охраны, воспроизводства и устойчивого использования объектов животного мира;*

- *экономическую защиту государственных интересов в области охраны и использования объектов животного мира;*

- *экономическую защиту пользователей животным миром.*

Статья 52. Система платежей за пользование животным миром

Система платежей за пользование животным миром включает в себя:

- *плату за пользование животным миром;*

- *штрафы за сверхлимитное и нерациональное пользование животным миром.*

Внесение платы за пользование животным миром не освобождает природопользователя от выполнения мероприятий по охране объектов животного мира, среды их обитания и возмещения причиненного им вреда.

Плата за пользование животным миром поступает в федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации в следующем соотношении:

- *федеральный бюджет - 40 процентов;*

- *бюджет субъекта Российской Федерации - 60 процентов.*

Штрафы за сверхлимитное и нерациональное пользование животным миром поступают в бюджеты субъектов Российской Федерации.

Средства, поступающие в Федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации в соответствии с частями четвертой и пятой настоящей статьи, используются на реализацию соответствующих федеральных и территориальных программ, мероприятия по комплексному использованию, охране и воспроизводству объектов животного мира, их защиту от вредных воздействий, ведение государственного мониторинга объектов животного мира, научно-исследовательские работы, а также на иные цели, связанные с охраной и использованием объектов животного мира и среды их обитания.

Глава VIII.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 55. Административная, гражданско-правовая и уголовная ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации об охране и использовании животного мира

Юридические лица и граждане, виновные в совершении следующих правонарушений:

- *нарушении порядка осуществления пользования животным миром, а также незаконном ввозе в Российскую Федерацию животных или растений, признанных наносящими ущерб объектам животного мира, занесенным в Красные книги;*

- нарушении правил охраны среды обитания животных, правил создания зоологических коллекций и торговли ими, а равно в самовольном переселении, акклиматизации и скрещивании объектов животного мира;
- нарушении правил транспортировки, хранения и применения средств защиты растений и других препаратов, причиняющих ущерб животному миру;
- уничтожении редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира или совершении иных действий, которые могут привести к гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания указанных объектов животного мира;
- нарушении правил охоты и рыболовства, а также правил осуществления других видов пользования животным миром;
- нарушении правил китобойного промысла;
- ввозе в Российскую Федерацию и вывозе за ее пределы объектов животного мира, их продукцию и частей без соответствующего разрешения;
- нарушении требований по предотвращению гибели объектов животного мира в процессе хозяйственной деятельности и при эксплуатации транспортных средств;
- нарушении режима охраны объектов животного мира в государственных природных заповедниках, государственных природных заказниках, заповедных зонах национальных парков и на других особо охраняемых природных территориях, акваториях;
- уничтожении или повреждении анишлагов и других знаков, устанавливаемых пользователями животным миром или специально уполномоченными государственными органами по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания, а также зданий и других сооружений, принадлежащих указанным пользователям и органам;
- нарушении установленного порядка представления лицензий на пользование животным миром и разрешений на изъятие объектов животного мира из среды их обитания;
- сокрытии или искажении информации о состоянии и численности объектов животного мира, имеющей важное значение для безопасности населения и домашних животных, устойчивого использования объектов животного мира, их воспроизводства и качества среды их обитания,

несут гражданскую, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 57. Разрешение споров по вопросам охраны и использования объектов животного мира

Споры по вопросам охраны и использования объектов животного мира и среды их обитания, предоставления животного мира в пользование разрешается судом или арбитражным судом в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 58. Недействительность сделок, нарушающих законодательство Российской Федерации и законодательство субъектов Российской Федерации в области охраны и использования объектов животного мира

Все сделки, совершаемые в отношении животного мира в нарушение законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в области охраны и использования объектов животного мира, являются недействительными.

Статья 59. Изъятие незаконно добытых объектов животного мира и орудий добывания

Незаконно добытые объекты животного мира, их части и выработанная из них продукция, а также орудия незаконного добывания объектов животного мира, в том числе транспортные средства, подлежат безвозмездному изъятию или конфискации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

При невозможности изъятия незаконно добытой продукции с виновных лиц взимается ее стоимость.

Глава IX.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

Статья 60. Международные договоры

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Федеральным законом, то принимаются правила международного договора.

Глава X.

ВВЕДЕНИЕ В ДЕЙСТВИЕ НАСТОЯЩЕГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА

Статья 61. Введение в действие настоящего федерального закона

1. Ввести в действие настоящий Федеральный закон со дня его официального опубликования.

2. Признать утратившим силу Закон РСФСР от 14 июля 1982 года "Об охране и использовании животного мира" (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1982, N 29, ст. 1029).

3. Предложить Президенту Российской Федерации и поручить Правительству Российской Федерации привести их правовые акты в соответствие с настоящим Федеральным законом.

*Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН. Москва, Кремль
24 апреля 1995 года N 52-ФЗ*

ПУБЛИЦИСТИКА

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

И. ИВАНОВ. ПТИЧИЙ ГРИПП - ЭТО СЕРЬЕЗНО

Иван Иванович Иванов, председатель правления Областного общества охотников и рыболовов, которое насчитывает в своих рядах 39 тысяч человек. Это - лишь члены общества, имеющие удостоверения - билеты на право охоты. А сколько еще тысяч человек, выезжающих на лоно природы вместе с охотниками, чтобы одновременно собирать грибы, ягоды, или просто посидеть вечер у охотничьего костра, послушать охотничьи байки. Все вместе - это целая армия - огромная, любящая свой родной край, свое родное Прииртышье.

Авт. Я – журналист, редактор омского журнала «Охота и рыболовство», почетный член Областного общества, часто беру интервью у И. Иванова. Сегодня у нас с ним очень важная тема разговора - «Птичий грипп».

- *Иван Иванович, как в целом, охотники и рыболовы Омской области воспринимают «Птичий грипп». Это - может очередное пугало, «страшиловка» для людей. Как пел В. Высоцкий: «...То у нас тарелками пугают, то у нас - руины говорят...».*

- Нет, Владимир Васильевич, это все - серьезные угрозы возможного, страшного заболевания для людей. Правление Охотобщества ведет профилактическую работу, вникает в ситуации проявления гриппа. Так, 17 августа 2005 г. мы ввели запрет на рыбный лов на многих водоемах области, а 14 сентября, перед открытием охоты обнародовали постановление о запрещении охоты в ряде районов, имевших на своей территории случаи падежа (гибели) диких птиц.

Во все охотколлективы были разосланы многочисленные ПАМЯТКИ по профилактике и недопущению заражения людей гриппом птиц (в первую очередь для охотников, занимающихся отстрелом диких птиц). В ней четко прописаны правила поведения (обращения) с отстрелянной птицей.

Управление Россельхознадзора выдало нам строгие инструкции для руководства в наших практических делах по профилактике птичьего гриппа.

Получили мы ряд рекомендаций по профилактике от многих организаций, в том числе и от Российской академии медицинских наук, от ГУ научно-исследовательского института по исследованию гриппа.

- *Как сказал главный санитарный врач России Онищенко, кур мы ели, и будем кушать все равно. А как быть с дичью?*

- Также будем готовить к столу и дичь, но строго в соответствии с гигиеническими требованиями приготовления. А куда мы денемся от этой продукции, если куры, куриные яйца составляют у нас 50-60 % дневного рациона питания. Запрети эти продукты - и завтра в России разразится голод. Так что, зря ваш «брат» - журналист иногда раздувает чрезмерно некоторые проблемы. Они, как говорится, - «выеденного яйца не стоят».

- *Иван Иванович, расскажите немного об истории возникновения птичьего гриппа, и как человеческое общество противостоит его угрозам.*

- Еще в 70-х годах прошлого века ученые нашей страны часто выявляли в крови у птиц вирус АН5N1, тот самый, что ныне проявляет себя столь агрессивно на территории многих стран мира. Академик Львов, занимающийся проблемами гриппа в те годы, открыто заявлял: эпидемия стучится к нам в окно. Правда, этого пока не произошло, но в 1997 году была зарегистрирована на птичьих рынках Гонконга вспышка птичьего гриппа, где заразились восемнадцать человек. Шестеро из них умерло, что является очень высоким процентом к числу заболевших. В 2003 году, там же, ситуация повторилась: из пяти инфицированных умерли двое. И вот теперь, уже два года, птичий грипп будоражит мировую общественность, пугая своей непредсказуемостью.

У всех вирусов есть одна особенность, делающая их особенно опасными. Под воздействием биологических и экологических факторов они могут чрезвычайно быстро менять свои свойства, что приводит к возникновению новых их разновидностей. Так и человеческий грипп каждый год меняет свою антигенную формулу, хитрит, приспосабливается к условиям, сохраняясь как биологический вид.

Вообще-то, возбудители заболеваний животных и человека обитают в природе независимо друг от друга, и определенные вирусы поражают только определенные группы животных и птиц. Такой феномен называется учеными «природной очаговостью», и они могут существовать столетиями и никак не затрагивать человека.

Зачастую вирусы птичьего гриппа передаются от диких водоплавающих птиц к домашним птицам или животным. Но одновременно эти птицы и животные могут заразиться вирусами гриппа человека. И в итоге, разные, но родственные вирусы встретятся в одном организме, произойдет так называемая реассортация генов, то есть обмен генетической информацией. И, возможно, родится новый вирус, передающийся от человека к человеку - и даже способный вызвать пандемию (эпидемию), охватывающую территорию многих стран. Такое произошло в 1918-1920 годах, тогда грипп под названием «испанка», неотвратимо унес 50 миллионов человеческих жизней. Как показали современные исследования ученых, тот вирус «испанки» являлся разновидностью вируса гриппа птиц и свиней.

- В Омской области с прошлого года ведется большая профилактическая работа по исключению случаев природных очагов инфекции птичьего гриппа. Как сегодня обстоят дела, что еще планируется сделать в этом направлении.

- В Омской области принимаются все меры для профилактики и предупреждения птичьего гриппа, для чего составлен Комплексный план мероприятий по предупреждению заноса и распространения гриппа птиц на территории Омской области, утвержденный постановлением Правительства Омской области от 3 августа 2005 года № 95-п «О мерах по предупреждению заноса и распространения гриппа птиц на территории Омской области». В плане действий Правительства Омской области по социально-экономическому развитию на 2006 год указано на обеспечение реализации этих мероприятий.

Так в сельских районах, где имеется большое количество водоемов, планируется охватить вакцинацией сто процентов домашней птицы, а всего по области - более полутора миллиона птиц. Для этого привлекается в помощь ветеринарным специалистам около 500 студентов ветинститута. Стоимость этих работ оценивается в 12 миллионов рублей. Помимо общих наблюдений и обследований, на территории области дополнительно создана лабораторно-диагностическая сеть из 14 пунктов. Работа предстоит большая, ведь в области находится более трех тысяч водоемов, возле которых гнездится прилетевшая с юга птица.

- Иван Иванович, очень много разговоров строится всегда по сценарию: «Природа – Экология – Охота». Ваше мнение на этот счет.

- Люди, во все времена, влюблялись в окружающую жизнь, влюблялись страстно, навеки.

Кто-то в свою деревушку, кто-то в свой город. Иные отдавали сердце рекам и озерам, других часто влекло в небо. А какая армия влюбленных в охоту, рыбалку, в таинственность чудной природы.

заказников, имеется 16 охотничьих (зоологических) по охране охотничьих животных (подчиненных Управлению охотничьего хозяйства), и еще 12 ботанических, из которых 6 заказников потенциальных кедровников и 6 заказников сосновых боров (подчиненных Управлению лесного хозяйства). И еще есть два комплексных заказника (Черлакский и Любинский).

В историко-литературных источниках Омской области приводятся данные о наличии 102 школьных заказников, о природном парке «Птичья гавань», о курортных и лечебно-оздоровительных зонах (таких как Красноярско-Чернолучинская) и охранных зеленых зонах вокруг городов и поселков Омской области.

Госкомэкология долгое время работала над созданием Красной книги Омской области, частично ее готовило Управление охотничьего хозяйства. Такая книга уже есть, хотя и нужны еще доработки по некоторым вопросам, ее постоянное пополнение. Не зря же есть в официальном документе, - плане действий правительства Омской области по социально-экономическому развитию на 2006 год, в разделе «Обеспечение экологического равновесия», пункт 1.8.10. *«Вести Красную книгу Омской области по редким и находящимся под угрозой исчезновения растениям, животным и другим организмам Омской области».*

Много лет стоит вопрос о создании Государственного заповедника на территории области, но вопрос не решается и поныне. Зато, наконец-то, вышла объемистая Энциклопедия о природе Омской области под названием - «Земля, на которой мы живем». Уникальный труд, участие в котором приняли около 300 авторов».

- На территории области закрыта в 2006 г. весенняя охота. Но мы-то с вами - охотники. Какое ощущение у меня? Представьте себе, как я приезжаю к себе на дачу. За забором - маленькое озерцо. Плавают, кричат дикие утки. На деревья - скворцы, на заборе распекает варакушка - наш сибирский «соловей». Душа радуется, исходит счастливым мигмом...

- Владимир Васильевич, вы - поэт. Наверное, настоящие охотники в душе, все – поэты.

-

- Иван Иванович, в разговоре со многими охотниками я слышу твердую уверенность, что осенняя охота этого года будет открыта. Тысячи любителей Природы смогут выехать в свои любимые уголки Прииртышья, к своим речкам и озерцам, березовым рошицам. Смогут любоваться вечерними и утренними зорями, сидеть всю ночь напролет у охотничьего костра.

- Теперь я понимаю, почему появился на свет поэтический сборник В. Зензина «Гори, охотничий костер». Так что, Владимир Васильевич, до встречи на осенней охоте, у нашего охотничьего костра.

КАНУШИН ИЩЕТ СОЮЗНИКА

Не знаю, как где, а в тех местах трава нынче выдалась знатная. Идешь сквозь нее, а она прямо-таки струится по ногам. И ты уже невольно замедляешь шаг. А замешкавшись, не можешь не заметить срежи зеленых струй, ближе к их подножью, рубиновые самородки на

редкость урожаистой клубники. И не преминешь наклониться за ядерной ягодой. отведав же одну-другую, непременно потянешься за третьей-четвертой.

Таким вот образом пронаклонявшись, я приотстал от Михалыча с его сподвижниками. Обнаружив это, кинулся было в горячих вдогонку. Но сразу же приостыл в своем рвении, умерил ход и прижался к кустам, что хороводились справа от тропки. Вернее, не сам прижался, а мишка меня прижал. Да нет, не тушей, не лапами, а всего лишь тоскливым и в то же время негодующим ревом.

Я вспомнил: в детстве меня из избы на двор не менее зычно требовала корова, когда я запаздывал с выдачей корма. Однако медведь драл глотку отнюдь не по голодному делу. Травы, которые он хрумкал не хуже скотины, вокруг было вдосталь, Потапычу остро не хватало свободы, о чем он настоятельно давал понять и голосом, и громоханием крепкой цепи, на которой метался вдоль толстого стального провода.

Мы подошли к вольеру, в центре которого приосанилась дородная сосна со срезанной верхушкой. Охотники открыли принесенную с собой клетку - оттуда выпрыгнул янтарный комочек и взлетел вверх по стволу до верхней сетки. Видно, оттуда небо казалось белке совсем близким и достижимым. Глядя на него, она забегала по ячеистой препоне спинкой вниз, цепко охватывая проволоку когтистыми лапками.

Что и говорить, красивое, грациозное создание. Но что сделалось вмиг с ее хвостом! Вот у настоящее чудо. Вместо пушистой метелки за беличьей спинкой распласталось изящное, ажурное опахало, которое в просвет на солнце заиграло всеми цветами радуги, ей-ей, на зависть любому форсисто-му павлину.

Вслед за мамой высадили на сосну ее детенышей, двое, что покрепче, резво процокал и коготками к «потолку» и принялись выкидывать акробатические фортели. А третий - недокормыш, что ли, поцарапавши неуклюже по коре, соскользнул вниз, в траву.

- Как бы не сбежал, - забеспокоился Михалыч.

- Нет ли щелей понизу в сетке?

- Не должно быть, - заверил кто-то из парней, - заделывали все

тщательно. Утечка живой силы исключена.

Тем временем из вольера добыли скворечню, приспособленную под беличье жилье. Из нее в окружающий лиственный выпустили прежнюю невольницу. Фотолетописец собаководческого братства насторожил было камеру. Но куда там! Обретшая свободу в несколько прыжков оказалась на недосягаемой высоте, а там запорхала с ветки на ветку, с кроны на крону - только ее и видели.

- Теперь ее только с собаками искать, - удовлетворенно хмыкнул Михалыч. - Вечером, если погода позволит, испытания проводить можно...

Что ж, дело сделано, мы тронулись в обратный путь. И надо же, не только меня, стороннего наблюдателя, происшедшее затронуло за живое, но и бывалую охотничью братию.

- Как думаешь, - раздумчиво спросил фотограф Игорь кого-то из товарищей, - *никуда далеко не денется?*

- Полагаю, что прямиков в Красноярку зафитилит, - глубокомысленно заметил тот.

- Не иначе, мы ведь ее сюда оттуда забирали, - с готовностью подхватил Болотский. - Там родичи у нее остались - соскучились: письма шлют, телеграммы отбивают, ждут не дождутся, зовут сиротинку к себе.

Разнокалиберным залпом грянул из нескольких глоток беззлобный смех. То ли с одобрением, то ли с завистью коротко рявкнул за рощицей топтыгин. Заливистым брехом откликнулись томившиеся в безделье на стане собачки. Ото всего этого веяло удивительной налаженностью и безмятежностью.

Однако я уже знал, насколько обманчивы внешние впечатления, начать хотя бы с того, что охотники прибыли сюда на свои два кровных выходных в основном не отдыхать, а работать. Это - и собачек своих на белку да на медведя натаскивать, к всероссийским соревнованиям готовиться, и к благоустройству базы своей руку приложить. Так что знакомился я с их бивуачным бытом и вспоминал знаменитое тургеневское: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник...».

Два года прошло с тех пор, как отвели эти земли областному обществу охотников и рыболовов во временное пользование, но не столько все общество о том пеклось, сколько один из руководителей его, Е. А. Норка, и председатель городской секции охотничьего собаководства А.М. Канушин.

Последнему и пришлось в конце концов за все отдуваться. И не только инициативой, несобственным горбом и деньгами. Общество, имеющее какие-никакие средства, не вложило сюда ни копейки. Михалыч же лишь нынче летом потратил 700 тысяч да к осени сруб большого дома для базы приобрел в Знаменке за полтора миллиона. И бензина прорву пожег на переезды да перевозки. А в возмещение своих расходов ничего пока не получил.

Странная картина получается. Вроде бы ему одному это нужно для какого-то личного удовольствия. Между тем в секции собаководства человек 600 числится, разбитых на подсекции по 5 породам. Натаска собачек - сложная, ответственная работа, но нельзя забывать, что и с хозяевами их ведь тоже немало надо повозиться. И все, что здесь достигается, идет в копилку, в багаж всего обществ. А где же, так сказать, встречные потоки?

Честно говоря, когда я осмотрел канушинское хозяйство, оно не поразило меня обустроенностью. Домик егеря не доделан. Из трех охотничьих избушек до ума доведена лишь одна. Медвежьи вольеры доступны почти всем стихиям и неудобны. Не обихожен приличный котлован. Нет подъездов, автостоянок и т.д. и т.п.

Сами посудите. Только под строительство здесь отведено 14 гектаров. А общая площадь - от Драгунки до Черемнова - около 400 кв. километров. Разве же с такой махиной в одиночку справишься? Однако от общества на все просьбы Анатолия Михайловича о помощи - один ответ: надо строить - стройте. Купил на севере добротный новый сруб, сработанный по заказу, на фундаменте, хотел с обществом договор заключить, да не тут-то было: твоя, дескать, собственность, вот ты и вези, ставь...

Ну, ладно, наставит Канушин здесь своих городушек. А завтра у руководства возникнут какие-нибудь грандиозные планы. Вроде таких, например (земля слухом полнится): выкупить здешнюю землю под хутор или под дачи. Места-то благодатные. Ягод и грибов до черта, рыбные озера. Дичь водится. И электричка под боком.

- *И куда же я тогда со своим имуществом денусь?* – недоумевает Канушин.

- *Разбирай да увози,* - легко отвечают ему. - *Или бери землю в аренду на энное количество лет.*

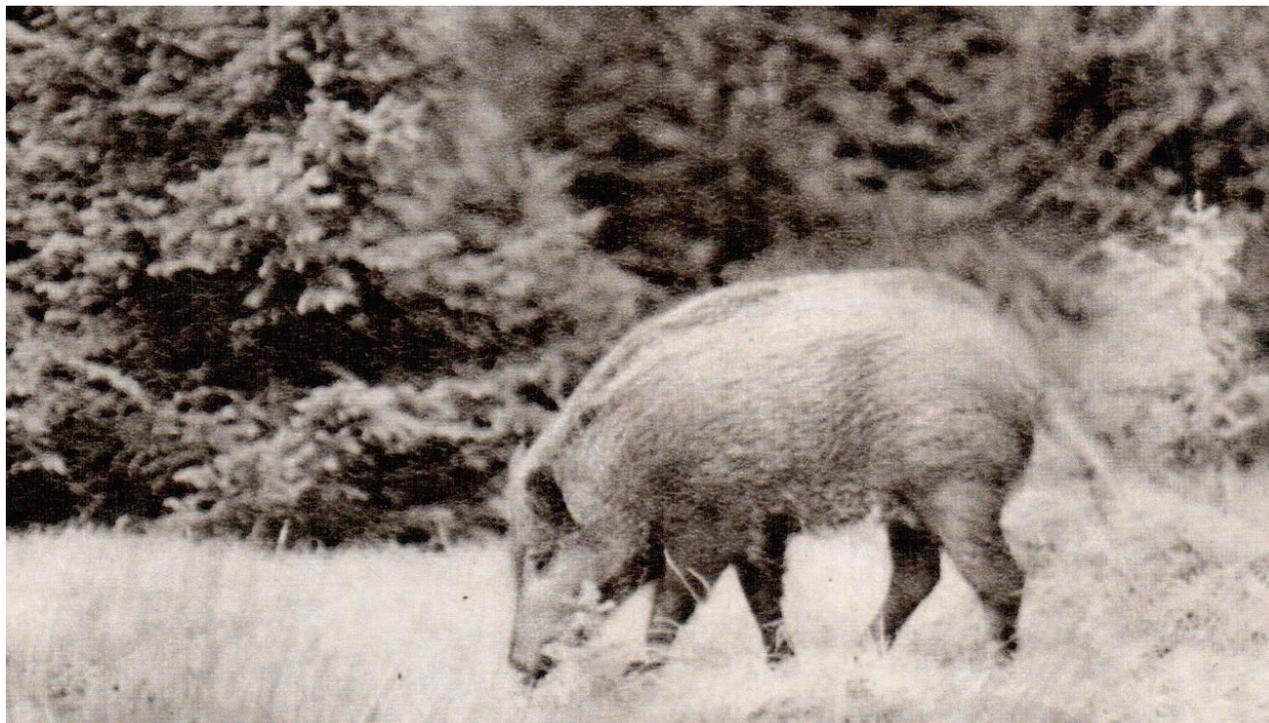
Это значит: он хоть и арендатор-созидатель, а все - с боку припека. Ведь хозяином-то останется общество охотников и рыболовов...

Словом, сплошные сомнения-страсти. А взяться по серьезному... На безвестном хуторе близ Драгунки можно создать Всероссийский центр по натаске и нагонке охотничьих собак, проведению соревнований по белке, зайцу, кабану, подсадному медведю, утке, норным видам... Можно иметь гостиницу, ресторан, прокатное хозяйство, принимать гостей из-за рубежа.

И это - не прожекты. Основы своей школы собаководства здесь заложены. Нынче в Екатеринбурге, к примеру, взяли 3-е командное место, один из омичей стал чемпионом. И на

это вот достойное представительство от общества поступило - страшно сказать! - несколько тысяч рублей. Остальные расходы, львиную долю, Канушин оплатил из своего кармана.

В одну из недавних суббот активисты городской секции провели плановые испытания лаек побелке. Все 10 участниц справились с заданием, а две лучшие получили дипломы согласно строгим требованиям соответствующего положения. Об этом мы говорили с А.М. Канушиным напоенными влагой вечерами у ладненского костерка, а после - при встречах в редакции. Одно время грела его надежда на сильного спонсора, обещавшего заинтересованную поддержку. Но вскоре надежда угасла вместе с недолговечным пылом несостоятельного партнера.

- Зачем мне все это, - расстроился как-то вконец Анатолий Михайлович, - деньги утрамбовывать в дело, не дающее ни рубля отдачи? Это же несовременно. А на мецената я пока не тяну - того и гляди, гузенка лопнет. Да зашибись оно все провались! Брошу я эту затею, пока по уши в ней не увяз. Есть у меня хорошие друзья на север - плечо свое предлагают. Не подведут, наверняка знаю. Плюну я на Драгунку да и перекинусь поближе к родному Тую... На севере, да будет тебе известно, и орех, и ягода экзотическая, и зверя доброму добытчику вдоволь. И что душу греет, разные немцы-датчане на те края глаз положили. Готовы хоть завтра приехать. И нужен им опытный проводник. Так что передислокация - не проблема. Жаль затраченных сил и времени. И омичей жаль. Уж больно удобной была бы для них наша развитая база... И нам материально-технически или там научно подпитываться легче...

Ну что тут скажешь? Голым сочувствием только раздражение умножишь. Пишу я эти строки и втайне надеюсь, что все-таки попадут они на глаза руководству не только охотобщества, а и кому повыше рангом - из областной ли, городской администрации. Может, внимут голосу Михалыча по-настоящему предприимчивые люди, понимающие, что вкладывать капитал в природные уголья, в землю-матушку - всегда беспроигрышно, а более того - благородно и безмерно прибыльно в смысле нравственности, имеющий уши да услышит?!

А. Грачёв

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3
СТИХИ И ПРОЗА ОМСКИХ АВТОРОВ

РАССКАЗЫ
Владимира Зензина, из книги
«Охотничьи зори»

МАТЁРОЕ ОЗЕРО

“Вот озеро, всем озерам озеро!” - восхищенно произносит каждый, кто впервые попадает на Тенис. Местные жители и старые охотники просто называют его – «Матёрое озеро»...

Сибирь грандиозна, величава. Мировые события всколыхнули ее дремучесть и необъятность. Над Тенисом то и дело во всех направлениях, на различной высоте проходит множество самолетов, особенно часто в направлении стройки “Тюмень-Сургут” и других.

Недалеко, километрах в тридцати, ведется укладка асфальта на магистрали Москва-Владивосток.

Омская область по территории занимает площадь большую, чем некоторые западные государства. В области несколько тысяч озер, зарегистрировано тридцать пять тысяч охотников озером Тенис связан проливом Салтаим - такое же громадное озеро.

На озере Тенис. Почётный член общества охотников, мастер спорта по стендовой (охотничьей) стрельбе Владимир Зензин

Несколько меньше озеро Ик, которое по весне речка Китерма соединяет с первыми.

Их общая площадь - 150 тысяч гектаров, средняя глубина - 1,7 метра.

Озера имеют речки-притоки: Челдан, Карасук, Шипуновка, Горькая, Тенисовка, Конкульская. Из Тениса вытекает речка Оша. Это озеро любимее мне других. Ведь на берегу Ика стоит районный поселок-рыбозавод, а на Салтаиме много рыболовецких бригад, и оно отдаленнее. Основной пролет дичи идет через Тенис, здесь больше камышовых речек, плесов и мелких внутренних озер по

береговым зарослям. В общем, оно более спокойное для дичи, хотя многие места труднодоступны. Здесь гнездится самая северная колония кудрявых пеликанов.

Зимой по этим заснеженным озерам бродят сотни рыбаков, долбят лунки, ловят окуней и спасают ценные породы рыб, таких как пелядь и лещ, от замора. Ведь через лунки озера дышат, вбирая кислород.

Мои дядьки, молодой и старый, так же беззаветно любят Тенис. Старый, Паисыч, поговаривает:

- Вот оно - наше царство! Хочешь, поезжай вправо, хочешь - влево или вперед, места хватит всем охотникам, сколько бы их ни было. И дичи тоже. Не так, как на других озерцах, где охотники посыпают друг друга дробью. Того и гляди - глаза выбьют...

Правда, с развитием ценных пород рыб Тенис начали ограничивать, закрывать охоту, но мы по-прежнему бываем на нем. Паисыч - сторожил Тениса, мы с молодым дядькой - тоже уроженцы здешних мест.

По берегам озера раскинулись десятки сел Тюкалинского и Крутинского районов, так что и за день их не объехать по берегу. Весной вода, заливая обширные луга, образует речки по низинам, и рыба устремляется из озера в озеро на далекие расстояния.

Много охотбаз выстроено на берегах Тениса, будет построено еще больше. Известные люди - гости из дальних городов нашей страны, дальнего и ближнего зарубежья охотятся на просторах Тениса.

Пройдут десятки и сотни лет, новые поколения людей будут наслаждаться его красотами и дарами. Такое озеро обмелеет нескоро. Дичь, рыба, ондатра, а главное - красивейшие места диких камышовых речек и плесов будут привлекать всех, кто любит природу, ее таинства.

Я знаю: мы с дядьками скоро снова приедем на Тенис. "Какие райские места!" - обмолвится старый Паисыч.

- Блеск, роскошь! - поддакнет Иван.

Я им в ответ улыбнусь и сделаю в блокноте еще одну маленькую запись...

«...СТОНОМ СТОНЕТ ОЗЕРО...»

Пужинали. Закурили. Майская ночь коротка и светла. А здесь - еще и луна над самой головой. Полузатопленный прошлогодний стожок, на котором сидим, возвышается, как островок. А вокруг, на километры, заливной луг, дальше - огромное озеро.

Пахнет полусгнившим, терпким, но таким ароматным сеном, что не хочется дремать. Да через час и выезжать. Лодки приткнулись к стожку. Сквозь прикрытые ресницы проблескивает серебристая лунная дорожка через весь разлив.

Отчаянно звенит озеро. И каких только голосов тут нет! Гуси и утки. Чибицы и кулики. Гагары и лебеди. Их крики сливаются в одну песню, похожую на томительный стон. Настолько неистовы птичьи голоса.

"Стоном стонет озеро", - обронил давеча Паисыч, а я сразу и не понял смысла его слов. Небо - звездно и призрачно. И там, высоко-высоко, слышится шелест крыльев. Это все новые и новые стаи, волна за волной движутся на север. Короткий привал - и дальше.

Вечером я рассмотрел озеро, которое еще покрыто серым рыхлым льдом. Левый угол, километра в полтора, уже оттаял, и на нем черным-черно уток, гусей. Гоголи и крохали, как осколки льдин, отвечивают белизной в лучах заходящего солнца. Их-то хорошо узнаешь, любителей закраин, непрерывно ныряющих в воду. Над заливными лугами слышится приглушенное: "Швак! Швак!". То призывно кричат красавцы-крякаши, самки которых уже давно сидят на гнездах. Немного к полуночи успокоились лягушки, их "оркестр" на закате дня издавал сплошную канонаду.

Тихо позванивает воздух - как натянутая струна. Заливной луг дышит, трава и осока зелеными иглами пробиваются сквозь воду. Этого я не вижу, я чувствую по напряжению, которое томительно висит в воздухе. Даже кровь во мне отзванивает по артериям и капиллярам, пронизывая дрожью каждый мускул. Я прикрываю еще плотнее ресницы, но все так же ярко вижу серебристую дорожку через залив и слышу звон.

"Стоном стонет озеро... Любовным стоном...».

ВЫЕЗД НА ЗОРЬКУ

В черном зеркале воды отражаются живые близкие звезды. До них можно дотронуться рукой. Узкий проход пристани огражден стеной высокого мрачного камыша, похожего на ряды пик!

Два метра - в воде, два - над водой, светловатых и блестящих, как сталь. Вокруг тишина - таящая напряжение. Глаза привыкли к темноте, медленно толкаюсь веслами. Рядом из камыша неожиданно вырывается с кряканьем утка - даже видно. Как она боком, от страха. Несуразно громко хлопая крыльями, уносится вверх. Немного насторожился сам. Теперь у лодки - сильный всплеск, несколько брызг долетают до лица. Это ондатра, как подводная лодка, ушла вглубь, но снова всплыла, прочертила по воде впереди полукруг, и опять - всплеск, нырок...

И снова - тишина... Выплываю на первый плес, большой, чистый. Смутно мерцающий, переливающийся тонкой волной. Луны - нет, она была с вечера, а звездное, близкое небо надо мной похоже на своеобразное озеро: темные пятна перемежаются со светлыми. Рассматриваю, любуюсь: Млечный путь... Медведица... Ковш...

С востока начинает отбеливать... Почти неуловимые нити света.

Медленно-медленно перебираю веслами. Время, как вода, тихо струится вверх. Рождение зари!.. Пробуждение нового дня - продолжение жизни. Переход от темноты к свету! И во всем - таинственность!

ОТКРЫТИЕ ОХОТЫ

«Ну, ты устроился, как царь!», - сказал дядька, проплывая мимо по огромному плесу еще дальше. Огромный Тенис просыпался.

Владимир стоял в гуще камыша небольшого курешка плавуна, а рядом по воде плавало с десяток чучел. Уже отчетливо виднелся прибрежный лес со стороны зари, в обратной стороне стояла густая мгла ночи.

От воды струился пар, оседая на камышинках, собираясь в капельки. Капли росли, стекали вниз и тяжело обрывались в зеркало воды.

На ружье также образовалась водянистая накипь, воронёные стволы сверкали, огненно переливаясь в лучах зари. Ружье было дорогое, марки МЦ-8, и лежало безучастно у ног.

Пролетали утки, стайками и поодиночке. В ящике полно патронов. Пружинистое, чуть остывшее от гребли, тело просило действия. Сколько Владимир мог сбить уток? Сто-двести... А разрешается всего пять. Это может один дуплет по стайке. Правда, на берегу осталось два охотника. Можно на них десяток.

Засунув руки поглубже в карманы, продолжал наблюдать за утками. «Еще успеется, успеется...», - твердил себе.

Натренированное плечо мысленно сжимало приклад, глаза как бы прицеливались по планке и весь организм сладостно сжимался от ощущения выстрела...

«Да, разве это охота, для человека, выросшего на озерах, знающего толк в стрельбе», - думал с грустью Владимир. Ни одной утки в своей жизни он не продал и тогда, когда не ограничивали охоту. Просто дичь раздавал знакомым. Правда, дважды позднее выписывали ему разрешение в Управлении охоты для отстрела дичи в столовые больницы. Заплатили копейки, но зато была прекрасная охота. Настрелялся вдоволь. А сейчас?..

ПРОПАЦИЙ ВЫХОДНОЙ

Увядшая листва купается в лучах тихого, ласкового солнца. В воздухе разлилась первая нега золотистого сентября, а у меня разболелась голова. Сейчас мне нужно бы плыть по озеру, ставить сети, а потом, выбрав место покрасивее, сесть в скрадок, предварительно выставив на воду чучела.

Хотелось бы...

Пропадает второй выходной, нет машины, и я хожу по комнате из угла в угол, выхожу на улицу, смотрю подолгу зачем-то в небо и молчу. Молчу целыми часами и жду: когда же позвонит дядька, которого по работе загнали куда-то в район.

Мне начинает не нравиться город с его шумом и суетой. На листьях деревьев я различаю толстый слой пыли, скверы затоптаны, голуби шарахаются от назойливых кормящих рук.

Голоса детишек, как крики грачей перед дождем, слились в сплошной гул. Где-то сверху из окна, ругается старуха и вместе с ней лает щенок, живущий в клетке, высоко под крышей. Как ничтожны вот эти двое пьяных, перемазанные грязью, идущие в обнимку, или те вон парни, что столпились во дворе вокруг играющих в карты. А недалеко за столиком стучат старики в домино.

Небольшой сквер пуст, за исключением скамейки в центре, где, не стесняясь, обнявшись, сидят парень с девушкой, а может, парень с парнем - не различишь. У того и другого - длинные волосы и брюки...

Как неприкаянный, хожу я, долго брожу по улицам, забыв, что дома семья и дел уйма. Что охота - не самое главное. Но в данный момент душою я там - на озерах, в лесу.

СПИСАННЫЙ ГАЗИК

Мы возвращались поездом с соревнований, и после ужина всей командой собрались в одном купе. Разговорились об охоте и рыбалке: где, кто бывает, сколько неожиданностей и приключений у каждого.

...Миша, шофер Главпочтамта с ГАЗ-69, высокий и добродушный парень, спросил:

- Владимир Иванович, что выяснилось тогда с маслом?..

Эта фраза обращалась к зав.кафедрой одного из институтов, совсем не связанного с техникой. Владимир Иванович, очень уважаемый и скромный мужчина средних лет, всего как год купивший списанную машину ГАЗ-67, смущенно замялся.

- Понимаешь, Миша, приходил один товарищ, смотрел, сказал, что в основном через картер гонит, и еще местах в двух-трех. Там, оказывается, нет какой-то прокладки, наверное, потерял, два болта сверху без гаек болтаются ...

Все присутствующие, наслышанные о притчах о притчах с ГАЗ-67, и абсолютным техническим незнанием Владимира Ивановича, насторожились, чувствуя подвох в вопросе Миши.

- Вы так весь газик растеряете, что ни поездка, 2-3 частей нет. И так-то старье, хлам. А все-таки тот раз вы доехали до места?

- Нет, Миша. Осталось километров пятнадцать, кончилось масло, в ближайшей деревне спросили, не нашлось. Правда, одна бабка предлагала сливочное, - как бы шуткой стараясь замять неприятный разговор. Все окружающие настроились на автомобильную тему, поскольку большинство имели свои машины.

- Владимир Иванович, и чего бы тебе не поставить волговский мотор и ходовую часть, как это сделал я на «Победу», - продолжил Толя Паршин, его старый друг, заглядывая ему в глаза.

- Где там, свои родные части не могу подогнать, люфт руля и тормоза до сих пор не отрегулирую. За сто метров до ямы начинаю тормозить, качков десять надо, и чаще притормаживаю уже после ямы, а на яме зубы считаю... Видно было, что у Владимира Ивановича так наболело о газике, и он, не стесняясь, выливал горечь.

По городу о нем ходят анекдоты: раз его газик остановил милиционер, подумал: машина горит. Так из выхлопной трубы валил дым. Карбюратор и сейчас расходует тройную норму бензина.

- Н-да, - промолвил как бы между прочим полковник запаса, наш представитель команды Павел Михайлович, - ты еще ни разу сам своим ходом не вернулся в город, все тебя притаскивают на буксире. Я на своем газике никогда не сидел в поле. Лучше тебе нанять шофера, как сделал наш генерал. Дешевле будет.

- А я ему предлагал свои услуги, - снова вмешался Миша, - при условии, если он купит задний мост, который подыскал я по сходной цене. Тогда соглашусь возить его на охоту и рыбалку.

- Где я возьму такую сумму, - ответил Владимир Иванович, - и так вся зарплата идет на запчасти, а ездить не приходится.

Молчавший до сих пор Володя Тищенко, художник, имеющий в безукоризненном состоянии «Волгу» первого выпуска, спросил:

- Володя, а как Петр Петрович в твоей машине брюки порвал о сиденье, и не смог пойти на работу. Говорят, в тот раз он получил выговор за прогул?..

Все рассмеялись. Владимир Иванович, не обижаясь, посмеиваясь со всеми, добавил, что ему было недавно хуже. Залез под машину, под колеса не положил ничего для тормоза, и колесо наехало ему на ногу. Еле вылез. В общем – одни неприятности и работать некогда, и дома не бывает сутками.

Разговор продолжался долго, перемежаясь шутками и смехом. Только я и еще Олежка, студент первого курса, мастер спорта, молчали, не высказывая своих эмоций. В конце, оставив в покое ГАЗ-67, начали вспоминать кто о чем.

ХОЛОДНАЯ ВАННА

Все разом выскочили из палатки и начали торопливо собирать лодки. Все – это я, молодой дядька Иван Владимирович, пятидесятилетний Паисыч и его двадцатилетний сын Анатолий.

Раньше всех собрал раскладушку молодой дядька. Он – механик, гайки на болты привык накручивать. Следом – я. Ружья в лодки – и по узкой протоке толкаем веслами лодки.

Заря уже резко окрасила восточную половину неба. Но увал и лес – в сумерках, а над озером посветлело. Палатка у леса исчезла в тумане. Туман плыл над камышом, крупными каплями высеиваясь на лезвия камышинок. То и дело взлетали утки. Я обычно выезжал впереди и по пути сбивал две-три утки. А здесь впереди – дядька. Сажу в лодке на ведре, перевернутом вверх дном. Оно елозит по днищу лодки. Как правило, под мной ящик с патронами, но норму отстрела ограничили до пяти уток и патроны в патронаже.

Делаю несколько сильных толчков, обхожу дядьку. Тот, в шутку при обгоне, толкает мою лодку веслом, не зная, как я

неловко сажу на ведро. Ведро соскользнуло на край днища, раскладушка наклоняется, я по высокой траектории с ведра валюсь за борт, не в силах что-либо поправить. Посудина, зачерпнув бортом воду, идет на дно. Выскакиваю из нее и стою по грудь в воде. Дядька, смеясь, что есть силы толкается веслами и улепетывает от меня.

Поднимаю со дна жестянку и выливаю воду, ложу ружье, сажусь на ведро и – в погоню. Надо отомстить. За свои 35 лет впервые вывалился из лодки, холодная ванна взбудрила меня, я почти настигаю дядьку. Он налетает в протоке на кочку и по инерции вылетел из лодки на камыш. Я проплываю мимо. Начался плес, с выходом в море, с глубиной около трех метров, и шутки плохи.

Стайка уток проносится над головой. Хватаю ружье, делаю дуплет. Неудобный разворот, и – опять скользит ведро. Падают одна утка, вслед уже без дядькиной помощи, падаю за борт и я.

Грязь, тина. Ружье держу в одной руке, другой гребу. Дядька спешит ко мне. Теперь не до смеха. Отдаю ему ружье, ногой в воде цепляю патронаж с патронами. Передаю тоже ему в лодку. Затем цепляюсь на дне за распорку ногой и поднимаю лодку. Втаскиваем общими усилиями ее на камыш, и я карабкаюсь в нее.

Дядька снимает кое-что из одежды с себя, передает мне. С трудом согреваюсь. Хотя и сентябрь, утро очень прохладное. Разбрасываем чучела по плесу и садимся рядом в камыше. Часто с ним, вот так рыдышком проводим свои зорьки. Над огромным Тенисом уже рассветло...

ТАВОЛЖАН

В заболоченных тюменских лесах, на границе с Омской областью, раскинулось огромное озеро, на берегах которого приютилось несколько малых деревень. Труднодоступное для рыбалки и охоты, сплошь заросшее высоким камышом, оно имеет внутри плесы чистой воды, на которых осенью на пролете отдыхают и кормятся несметные стаи уток, казарок, гусей. Только опытные, самые заядлые охотники, отваживаются иногда пробираться по малозаметным речным проходам через лавды и тростниковые заросли на центральные плесы озера.

«Неоглядный Таволжан!.. Дремучий Таволжан!.. Непроходимый Таволжан!..», – называют его старожилы здешних мест, что-то загадочное, могучее, древнее слышится в этом названии.

...Проделав длинную дорогу в несколько сот километров, черный от пыли и грязи допотопный ЗИМ остановился у кромки камыша на безлюдной пристани. Была вторая суббота октября, осока и трава блекло пожелтели, а впереди – насколько можно было видеть невооруженным глазом – колыхалось светло-рыжее море из метелок камыша, сливающееся на горизонте с небом. Стрелка часов показывала шесть часов вечера. Явно похолодало. Дротахаар, высокий коричневый кобель по кличке Рока, выскочил из открытой дверцы и начал обнюхивать истоптанную площадку. Ямка и обгоревшая трава вокруг нее хранили еще пепел недавнего костра. Возле лежала кучка сухих заготовленных дров. Леонид Георгиевич остался разглядывать в траве отпечатки колес или найти еще какие-нибудь приметы, чтоб определить: кто же здесь был до него? Всего две-три компании охотников пользовались этой пристанью, и он всех их знал хорошо. Похоже, что следы ГАЗ-69, охотников из Кртуинки. Разминая затекшие ноги, прошелся по узкому заходу в камыше. Метров через двадцать началась вода, а в другие годы до воды надо было тащиться более ста метров. Вернулся к машине, открыл багажник и начал выгружать лодку, чучела и разные вещи. Нужно собрать лодку, приготовить все засветло и, немного отдохнув, часа в два ночи проснуться и начать

пробираться к центру озера, на что уйдет несколько часов. Большое расстояние, трудный заплыв в темноте по узким обманчивым проходам – дело довольно сложное.

Слева издалека, от деревни Михайловка, которая чуть виднелась за прибрежным лесом, раздался дуллет, затем второй, третий... На этом стрельба и окончилась. «Наверное, рыбаки выехали, подняли утку на деревенском плесе, сдуллетили – и ставят сети...», – подумал Леонид Георгиевич, продолжая четко и аккуратно соединять болтами крепежные планки у «раскладушки» собственной конструкции. Удлиненная лодка, узкая, легкая, хорошо идет по камышу и в то же время очень прочная и устойчивая на воде.

Лодка собрана, и теперь можно перекусить, раскинуть сиденья и подремать... Маленький будильник на панели приборов зазвенел тихо и мелодично. Очнувшись от сна, охотник выключил будильник, сел на сиденье. За ветровым стеклом стояла густая осенняя темнота, полог из брезента часто и тревожно хлопал по капоту. Звезд на небе не видать, значит, погода изменилась. А ведь вечером было солнечно. Рока, сидящий на переднем сиденье, слегка заскулил. Хозяин погладил его по голове, открыл дверцу и выпустил из машины. Включил свет в салоне и начал неторопливо одеваться. Свежий воздух, втекающий в открытую дверцу, освежал, бодрил. Стакан выпитого чая окончательно прогнал сон.

Выйдя из машины, первым делом волоком перетащил лодку на пятьдесят метров по проходу до более глубокой воды, а затем в три приема перенес в лодку два ружья, патроны, корзину с едой, одежду. Скомандовал: «Рока, в машину, охранять!..». Стекло в передней дверце оставил открытым, чтобы собака могла выпрыгивать и запрыгивать в машину. Леонид Георгиевич – высокого роста, с фигурой спортивного склада, в маскировочном костюме цвета хаки, в военном берете – был больше похож на десантника, чем на охотника. Взяв в руки шест, осторожно подогнал лодку вперед. Странно, прошло 10-15 минут, а глаза уже привыкли к темноте: смутно различался проход в камыше, а в небе появились просветы, где поблескивали изредка зернышки звезд. Лодка слегка покачивалась и, как шука, скользила сквозь камыш, чувствуя энергию разогретого тела, азартно, как канатоходец, стоя и слегка раскачиваясь на пружинистых ногах, все сильнее и сильнее отталкивался шестом. Кончилась одна протока, через редкий камыш начиналась другая – и так много раз. Нужно было только безошибочно выбирать направление к центру озера... Сколько пробирался, он не засекал по часам, но вот впереди показалась большая чистая вода... Расставив чучела на мыске широкого полуовального плеса, заплыл в камыш и привязал ремнями лодку к двум, привезенным с собой тычкам. Собрал дополнительно по бокам в снопы камыш и крепкой тесьмой притянул его к лодке. И стрелять было удобно и безопасно. До рассвета оставалось более часа. Откинувшись на сиденье в лодке, положив под голову плащ, отдыхая, мысленно повторил свой путь по камышам. Да, интуиция, наверное, самое главное для охотника – запомнить эти десятки протоков, речушек, просто невозможно. Просчитать путь по направлению ветра, расположению звезд тоже не всегда удается. А вот чутье пока не подводит. И силенок со снарядом хватает. То тяжелое, тягостное состояние тела, головы, все городские заботы и сомнения исчезли, улетучились. А неприятностей, разных неразрешимых дел в последнее время хватало.

Его, академика, ректора крупнейшего вуза страны, на выборах в Государственную Думу из-за махинаций избирательной комиссии некоторых административных чиновников, что называется, «прокатали». И только усилиями общественности его друзьям и единомышленникам удалось вскрыть факты обмана и вручить ему заслуженный мандат депутата. Более того, Леонида Георгиевича выбрали председателем комитета по науке, культуре и образованию. Началась кропотливая работа, встречи на разных уровнях, запросы в правительство. А главное – борьба за выживание 14 вузов области. Но тяжелейшее финансовое положение России, отсутствие элементарной поддержки и понимания «в верхах» сводили к нулю всю работу. Порой наступало разочарование, безверие – наваливалась усталость. Правда, и раньше трудностей хватало. И с давних лет, когда становилось неважно, он уезжал на 2-3 дня на охоту куда-нибудь подальше, в глухомань. И, как правило, один. Вот и сегодня, один на один со своими мыслями, спокойно и взвешенно подытожил дела последних дней...

От воды потянулся пар, в лицо пахнул легкий холодный ветерок. Появились первые утренние звуки: в камыше неподалеку забулькала ондатра, пробежала возле лодки водяная курочка, со стороны берега закричала спростонья утка. С каждой минутой все отчетливее проступали камышинки, медленно расплывались и сплывались чучела. В небе, затянутым высокими редкими облаками, стало настолько светло, что можно было рассмотреть тонкую узорчатую роспись воздушных волн с синими просветами, таящими бездонную глубину. Вечным и торжественным отсвечивала небесная синь, а потому озерный плес с камышами внизу навевал на сердце тихое смирение. Метелки камыша разбегались светлыми бесконечными покрывалами – озеро казалось степью, покрытой ковылем.

Тихое и печальное позванивание тростника усиливало состояние покоя, которое вот-вот взорвется с наступлением рассвета. Ожидание чего-то сладостно-нового проникало в душу...

Неожиданно высоко-высоко над головой потянулись первые стаи гусей и уток. Их острые стрелы были направлены на юг, но некоторые стаи начали снижаться. «Да, рано нынче птица отходит...», – подумал Леонид Георгиевич. Вчера вечером тюменское радио передало резкое похолодание в Ханты-Мансийском автономном округе – снег, метель. И понятно: погнала погода раньше времени птиц к югу...

Отдельные стайки гусей и уток уже низко кружили над озером. Там и здесь садились на плесы. Но охотник ждал на первые выстрелы гусей поближе, наверняка. Потому положил в лодку ТОЗ-34, изящное легкое ружье штучного изготовления, а взял в руки второе – МЦ-8, спортивное, тяжелое, заряженное патронами с крупной дробью. Небольшой табунок гусей-гуменников низко зашел над чучелами. Дуплет – и пара птиц оборвалась вниз. Севшие до того на воду стаи уток и гусей после выстрелов поднялись вверх, заполнив собой все небо, в несколько этажей. Внизу мелькали стайки чирков и широконосок, повыше – шилохвостая утка. И уже вдали – стаи гусей и казарок. Стреляя не торопясь, близко, точно выцеливая, Леонид Георгиевич сразу сбил около двадцати уток. И здесь низом, плотно зашла новая стая гусей. Первый выстрел – и из стаи выпало четыре гуся, второй – еще две птицы. «Вот это да! – подумал он. - Пора кончать охоту. Хватит!..». Но откуда-то появились стайки хохлачей и гоголей, которые без оглядки пикировали на чучела. Со свистом, рассекая тугими крыльями воздух, они садились в чучела, плавали, ныряли. Встав на ноги, любуясь этой северной птицей, охотник сделал еще несколько дуплетов по улетающим из чучел птицам. Сбитые на воду гоголи переворачивались на спинки, сверкая белыми перьями, приподняв вверх красные лапки. И хотя у Леонида Георгиевича было специальное разрешение на неограниченный отстрел дичи (не ехать же из-за пяти уток в такую даль, на край света), стрелять ему больше не хотелось.

...Собрав сбитых птиц, сняв чучела, снова заехал в скрадок. Перекусил, выпил крепкого кофе и лишь затем направил свою лодку к берегу. Она, нагруженная дичью, шла теперь медленнее, борта невысоко поднимались над водой. Солнце клонилось за середину дня, облака рассеялись. Но странно – в воздухе резко похолодало. «К морозу разведривает, – подумал Леонид Георгиевич, – ночью лед может сковать все плесы. Ведь и сегодня утром на камышинках уже был лед...».

Часа через два показался берег. Желтая осока и трава тускло поблескивали вокруг пристани. Далеко впереди темнел лес – вчера он был еще желтым, – ночью ветер сорвал с него последнюю листву. Рока, вздымая брызги, мчался навстречу по проходу. Жалобно повизгивая, соскучившись, запрыгнул в лодку, передними ногами уперся хозяину в грудь и нежно, влажным носом, коснулся щеки. Пошлепав по загривку собаку, охотник скомандовал: «Рока, на берег!..» - и вслед за собакой выпрыгнул из лодки, пошел вброд, волоча за собой тяжелую «раскладушку». Выйдя на берег, поставил на капот ЗИМа запасной термос, находившийся в машине, налил чаю и медленными глотками, с наслаждением, выпил две чашки...

И сразу появилось жгучее желание ехать домой. Удивительно устроен человек: страстно рвался на охоту из душливого, пыльного города, прошло всего два дня – и скорее хочется вернуться домой. И уже не уставший, инертный – каким ехал сюда, а посвежевший, бодрый, полный желания бороться и работать, отстаивать свое гражданское право.

Разобрать лодку и сложить вещи в машину не стоило большого труда. Завел мотор, немного прогрел. Включил передачу, отъехал метров десять, остановился. Вышел из машины, обошел место стоянки, осмотрел примятую траву – не оставил ли чего из вещей, еще раз посмотрел на озеро, на его бескрайние камыши. Небо над желтой равниной отсвечивало свинцовой тяжестью, холодом – попахивало снегом и зимнею грустью.

Вначале ехал по проселочным дорогам, не торопясь, разглядывая плотные заросли ивняка, отдельные островки леса, низкие болотца. Убранных хлебных полей не было видно, а там, где они были раньше, стоял сплошной бурьян. И здесь Леонид Георгиевич вспомнил некоторые деревни по пути сюда, тихие, разоренные. А скотные дворы – еще в хорошем состоянии – пустые, заброшенные. Многие из них начали растаскивать: сняты двери, разбросаны крыши, нет окон... Впереди показалась асфальтированная дорога, по которой стремительно мчались грузовики. Сгущались сумерки. И вдруг Леониду Георгиевичу захотелось посидеть у костра. Не доезжая до асфальта, остановил машину у таловых кустов, собрал хворост, зажег. Ехать в наступающих сумерках не хотелось: без света фар – темно, с фарами – плохо. Да и встречных машин полно, слепят. Вот и присел у костра, согрелся, размечтался. Вспомнилась почему-то молодая актриса, пригласившая его на премьеру, даже в пении костра почудился ее голос... Рока рядом шастал по кустам, из них только что вылетели куропатки. Костерок то ярко вспыхивал, то угасал. Маленькие порции веточек постоянно подпитывали его веселый огонек.

Когда догорели последние веточки, глубокая темнота обступила машину. ЗИМ быстро покати́л по мягкой, травяной дорожке и быстро выскочил на асфальт. Включенный мощный свет дальних фар осветил громадный коридор вдоль дороги. Машина набрала скорость, за ветровым стеклом засвистел ветерок, а свет все раздвигал и раздвигал темноту, четко освещая придорожные кусты, копны соломы, задремавшие ряды деревьев. Молчаливая, таинственная ночь, расступаясь перед светом машины, открывала другую, загадочную жизнь. А ослепленный лес, туманные поляны и даже вечные стога казались фантастикой, чем-то нереальным. «Как же прекрасна жизнь вот здесь, на природе. И что снова ждет в городе?!», – подумал Леонид Георгиевич. И сразу в голову невольно ворвался вихрь тяжелых воспоминаний.

ЛУННОСТЬ

Так уж получается, что на озерах я часто - в одиночестве. Вот и сегодня дядька с племянником уехали за пять километров на другое озеро ставить сети, а я остался здесь, на зимнике, на вечернюю зорьку. Солнце уже давно закатилось, утки с озера улетели к берегу на кормежку, все затихло. Но мне спешить некуда. Тихо плыву в лодке по широкому проходу в камышах к берегу.

Луна, огромная и яркая - над самой головой, кажется, вот-вот окунется в воду. В моей лодке-раскладушке светло, как днем. Отливает блеском вороненая сталь стволов ружья, светятся серыми красками крылья крякового селезня. Он кажется живым. Даже резиновые чучела, еще мокрые от воды, посверкивают необычной окраской и тоже похожи на живых уток.

Вода возле лодки вздрагивает, бежит легкая волна, переливаясь серебряным светом. На камыше - янтарные капли росы, выступающая из воды ряска красива и причудлива, как кружево. Озерный мир преобразен лунным светом в сказочное царство. И только за камышами, у ближнего леса, черные тени напоминают о наступившей ночи.

Я встаю на ноги, легонько отталкиваясь веслами. Лодка, как щука, скользит вперед по серебряной лунной дорожке. Камыш кончился, по бокам над низкой осокой - тонкая пелена тумана. Оттуда слышится кряканье прилетевших на отмель кормиться уток.

Возле талового куста различаю нашу палатку. Машины с дядькой еще нет. Снова присел на сиденье в лодке и слушаю голоса птиц, шелест осоки... Вот из-за озера, от мигающей огнями деревушки, бежит далекий-далекий лай собаки... А может, то - кажется. Так чутко звенит тишина...

ЗИМНИК

Мне не нравится охота на малых озерах. Стрельнешь раз - улетят туки, и жди, когда снова появятся. А появятся ли? Правда, уж если прилетит утка, то твоя, как в пригон идет. Возьмешь без труда. Но это мне тоже не нравится.

Люблю я трудную охоту на больших озерах. И с первого раза на озере Тенис полюбился мне “зимник”. Привез меня на чалой лошадке Иван, конкульский конюх, рыжеватый, добрый и всегда улыбающийся мужик. В те времена еще мало было транспорта, и “зимник” считался глухим местом. Зимой через него возили сено и потому прозвали так.

Подъехали мы на рассвете, а по заливному лугу, на километр, расселись казарка и гусь. Многие, многие тысячи. Поднялись - неба не видать.

У Ивана были сети, и мы на деревянной лодке, которую привезли на телеге, отправились по проходам в камыше к озеру. В двух местах тащили волоком через заносы камыша, слежавшегося в плотную массу. Выбрались к озеру, а оно - подо льдом. Лед на многие километры. У берега закраины чистой воды метров пятьдесят шириной. По этим закраинам последовали влево в угол, который полностью оттаял. Вплыли в него, столько утки поднялось, что в небе образовалось несколько ее “этажей”. Наверное, не хватало места в воздухе. Нырки кружатся у самой воды, кряковые над ними, а выше всех звенели гоголи. Такая красота!..

Поставили сети мы и заехали в камыш на мысу. Утка бесперечь проносилась над нашими головами, но стрелять мне Иван разрешал только голубую чернедь, самцов. Они в это время хороши, почти единственные, остальная утка - сплошная худоба. Правда, гоголи и хохлатая чернедь тоже справные, но пахнут рыбой.

Настрелялись мы в волю. Подобных охот я до этого не видел...

Давно это было. С тех пор часто приезжаю сюда. Другой раз и добудешь дичи мало. Зато досыта насмотришься на громадный, величавый простор озера, на большие косяки уток и казарок, пролетающие в разных направлениях.

Ведь Тенис - самое крайнее к урману их крупных озер, оно - как промежуточный пункт на маршрутах дальних перелетов птицы.

КАМЫШОВКА

Удивительно маленькая, серенькая птичка прыгала в тугой и густой заросли камыша. Озеро было диким, пустынным. В камышах глубина - до трех метров. Даже утки и те улетали с мыса к берегу на кормежку.

А эта неутомимая малышка прыгала и прыгала с камышинки на камышинку в самой гуще. Чаще ее не было видно, и только тихонько вздрагивали вверху метелки камыша, выдавая ее присутствие. Камыш пожелтел, поблек, мошки погибли от первых заморозков. И чего она искала, я так и не понял.

Вот движение камышинок приблизилось к моей лодке вплотную, и здесь я увидел ее отчетливо. Мелкое желтоватое перо на грудке походило на пух, облетающий с метелок. Крохотная головка, очень грациозная, слегка вытянутая вперед, заканчивалась светлым клювом.

Тоненькие коготки изящных серых лапок цепко держались за трехметровый стебель. И странно - она двигалась по камышинке сверху вниз, что меня больше всего и восхитило.

“Как в вековом лесу”, - подумал я. И в этот же миг птичка заметила меня. Яркие зернышки ее завораживающих глаз посверкивали удивленно и настороженно. Мгновенье - и она прыгнула в сторону, за плотную стену камыша.

“Какое изящество, какое чудо природы!” - с улыбкой прошептал я про себя.

НЕПОГОДА

Порывы ветра прижимают камыш к самой воде, тонкие стебли упруго сгибаются, и метелки их напоминают оперение стрел, что наполовину вошли в воду. Камыш и стрелы?.. Временами ветер ослабевает, и тогда камышинка выпрямляется, и становится похожим на частокол копий...

Небо, застланное черными, рваными тучами, сливается на горизонте с водой. И само громадное озеро почернело, лишь гребни волн, поднимаясь высоко, отсвечивают тусклой свинцовостью.

И мне кажется: это не озеро, а вспаханное поле - такая между волнами зияет чернота борозд.

Вдоль берега, над увалом и дальше - словно косматая конница в атаке, стелется под напором ветра длинная гряда леса, раскачивающего гривами вершин.

Вокруг - темно, вся природа приняла угрожающе угрюмый вид. В воздухе чувствуется что-то тревожное, трагическое...

Я пристально вглядываюсь в дальний луг и различаю (а может, мне кажется) стога - богатырские шлемы витязей. А еще дальше, за стогами (уж точно мерещится), вижу плетни и частокол, деревянные постройки. Ну, точно, как застава, или форпост. Стены, редуты, глубокий ров. И белые мазанки, белые рубища россиян...

Из-под полузакрытых и дремотных век выплывают все новые и новые картинки древности, удаляются и растворяются в мираже...

А дождь мелко и нудно стучит в капюшон плаща, порывы ветра то усиливаются, то - утихают. И только здесь, на глухом, затерянном в лесах, озере, безлюдном и дремучем, я понимаю, как мир дик и древен. Ничто вокруг не обозначает времени, цивилизации. Деревня, стога, изгородь - все это только чудится. Потому что на пятьдесят километров в округе нет ни одного поселения. Когда-то были, но сегодня разрушены, исчезли без следа...

МОЯ ЗАРЯ

Я приболел, сижу дома, на охоту не поехал...

Над городом в полнеба полыхает заря. Ярko отражаясь на стыке с синью, она походит на громадную радугу. Огромная заря - на всех одна. Мне она - чужая. Моя, маленькая, в тоненькую полоску, сейчас догорает где-то в озерных камышах. Сгорает тихо, безымянно...

Над городскими улицами в шуме и трескотне машин мечутся яркие языки вечернего света, прячутся в деревьях и под крышами домов. Фонари, как ночные совы, выплывают в тревожную мглу.

Моя заря - полевая, неслышная, тает сейчас во мне. Чудится, как на верхних листочках деревьев вспыхивают метлячки, на камышинках звенят комарики, по воде, как на водных лыжах, скользят паучки. Нежно и заботливо перекликаются птички. А на озерной глади сужается светлый круг, края его темнеют, поглотив прибрежный камыш и лес. Круг растворяется в воде, тонет. Но откуда-то появляется луна, и дорожка от нее, посеребренная таинственными жемчугами тянется ко мне по зеркалу озера...

Ночной город долго не хочет засыпать, раздраженный голосами и гудками. Вдалеке, над нефtezаводом, тревожные факелы огня зловеще подсвечивают небо.

А перед моими глазами встает вновь и вновь - моя тихая, полевая заря.

В ЗАКАЗНИКЕ

Сентябрьские ветра принесли заметную прохладу. Иней по утрам стал похожим на снег. Сегодня же с утра светило ярко солнце, в разморенном полудне плавали легкие паутины, напоминая о “бабьем лете”. На желтых кистях камыша звенела мошкара, все еще не желая расставаться с летом...

Николай лежал на дне лодки, положив голову на распорку и скосив глаза, наблюдал, как два сереньких крохотных “чирка”, спокойно плавали среди чучел по плесу. Камыш был настолько высок, что лежащему ему, казался лесом. Прикрывая глаза, вслушиваясь в близкое кряканье и отдаленный, гортанный крик гусей, думал: “Как хорошо, что есть такие дикие места на громадных сибирских просторах, и как плохо, что это любимое его место почему-то районное начальство сделало местным заказником...”

Он-то знал, что кое-кто из них постреливает в этих угодьях, но сделав сам несколько выстрелов, почувствовал себя “браконьером”, сразу отпало желание охотиться, и вот теперь, лежа в лодке, предался воспоминаниям, как с малых лет им завладела охотничья страсть. Всегда, каждую осень его сердце страстно колотится, просясь на раздолье озер.

Местный егерь Арсений, без левой руки, отличный стрелок, приглашал Николая в близкие им с детства места. Впервые Николай воспользовался “его властью”, а когда один на всем мысу начал стрельбу, стало как-то неловко, не по себе. И вправду, чем он лучше других. Нельзя так, нельзя.

Где-то близко в камыше прокричал гусак, сбитый им мелкой дробью на подранка. Тоже нельзя было этого делать.

Николай не любил охотников из города, хотя сам уже восемь лет как переехал в город. Горожане стреляют много и без толку, сбивают птиц в камыш и чаще на подранков, переводят дичь, за это Николай считал их злейшими браконьерами. Да еще перепьют, вываливаются из лодок, тонут.

С увеличением транспорта, на озерах стали процветать хулиганство, воровство, чего раньше никогда не бывало.

Николай перебирал в памяти приятные и неприятные истории. Взгляд упал на часы: пятнадцать ноль-ноль. Через час за ним приедет на мотоцикле Арсений. Выплыл на плес, собрал несколько отборных крякашей, сбитых им на выбор. В другое бы время он разложил бы их в лодке, чтобы подсохли и “имели вид”. На этот раз затолкал в мешок. Разобрал ружье и - тоже в мешок. Медленно, оглядываясь, поплыл по протокам к берегу.

ДИРЕКТОР ЗАКАЗНИКА

Хорошее место для охоты. Сюда вечером так и валит утка на кормежку. В заказнике же не будет лучше – только хлопотнее, поскольку «больше разговоров...».

Светлые волосы с пролысиной, высокий лоб, внимательные живые глаза – все располагало к себе в облике Петра Александровича. Когда бутылка опустела, он поднялся и произнес: «Интересно, что вы за охотники? Посмотрим, как вы стреляете». С этими словами он взял баночку из-под шпротов, насыпал туда земли, умял ее и скомандовал: «Заряжай ружья». Потом предупредил, что он бросает баночку из-за копы произвольно, а мы стреляем по показавшейся внезапно цели.

Приготовились. После первого броска прозвучал один всего выстрел, Петровича, и тот – промах. Иван Васильевич даже не успел вскинуть ружье. Я же просто решил пропустить первую попытку.

Петр Александрович отыскал в траве баночку, выговаривая Петровичу: «Ну, какой же ты стендовик-мастер, а Стояли теплые, солнечные дни середины октября. Село Коршуновка жило страдой. На полях гудели комбайны. По дорогам в клубах пыли мчались грузовики с зерном. На токах в основном работали студенты, с которыми я приехал на уборочную в местный совхоз.

Четыре учебные группы с четырьмя преподавателями во главе были разбросаны по трем бригадам. А я, как старший, ежедневно их объезжал или даже обходил пешком (деревни располагались одна от другой неподалеку). Попутно, прихватив с собой ружье, пробираясь вдоль дороги по лесу или болотам, я охотился на тетеревов и уток. Преподавателям и студентам это нравилось: они часто получали из моих рук охотничьи трофеи, из которых наши походные повара готовили жаркое.

Но в одну из суббот директор совхоза пригласил меня поехать на охоту с ним. Договорились встретиться за околицей, в полутора километрах, на перекрестке двух дорог. Так было удобно: он выезжал их конторы сразу за село, а я, живший на квартире на самой окраине, с противоположной стороны села, выходил по другой дороге в лес, к пяти часам вечера. Впрочем, может, ему не хотелось принародно собирать охотников, и это была своеобразная мера конспирации.

Так или иначе, положив в рюкзак болотные сапоги, ружье в чехле и два десятка патронов, я за полчаса отправился к назначенному месту. Шел медленно, рассматривая березовые островки леса и просторные поляны с еще зеленой травой и яркими цветами. Да и листва на березах была зеленой. Лишь отдельные листки пожелтели, и некоторые из них редко посыпали проселочную дорогу, тоже еще с зеленой травкой и неглубокой колеей.

Подошел к перекрестку и стал ждать, прислушиваясь к лесным звукам. Странно: ветра не было, но отчетливо слышались разные свисты, шелест, скрипы и лишь изредка – отдельные голоса птиц. Солнце низко клонилось к дальней согре, и от берез потянулись длинные, прохладные тени. Я разглядывал у ног траву и цветы и заметил клевер. Он, чуть покачивая головками, мягко шуршал и, успокаивая, манил к себе, а мышинный горошек, дребезжа перезревшими стручками, словно о чем-то жалел. И еще много-много разных коробочек маков и других цветов, наполненных семенами, оживали вдруг, издавая тонкие звуки. Вот над головой просвистела пчела, вторая, третья... Значит, есть еще нектар на цветах... Здесь, прямо перед лицом, по коре березы ползут несколько муравьев. Куда и зачем?.. А вот, под валежником, прошелестела мышь... В нос бьют терпкие запахи переспевшей осени.

...Как-то неожиданно возник шум мотора, и из-за деревьев вынырнул «газик». Открылась дверка. В машине, помимо шофера и директора, был третий спутник. Оказалось, это – директор Чернолученского дома отдыха, тоже заядлый охотник. Директор совхоза, которого все называли Петрович, сказал, что едем в Баировский заказник. Это рядом, и там нас уже ждут.

Директор дома отдыха, Иван Васильевич, продолжал свой рассказ, прерванный моей посадкой. По тому, как он несколько раз обращался к Петровичу, было ясно: они – старые закадычные друзья...

Прошло совсем немного времени, и наш «газик» выскочил к небольшому озерку, обогнул его вдоль талов и оказался у осинника, где светилась копна золотистой соломы. Возле нее стояла телега, а рядом пасся конь. Из-за копны вышел мужчина. Высокого роста, плечистый, в легкой куртке, он шел навстречу нам, приятно улыбаясь. Петрович, невысокого роста, тоненький, жилистый, легко выпрыгнул из «газика», за руку поздоровался и отвел хозяина заказника в сторону. Николай, молодой парень, шофер машины, негромко усмехнулся. Он знал, Петрович будет проситься на охоту, но Петр Александрович (так звали директора заказника с необычной фамилией – Бартус) не пустит.

Петрович, недолго разговаривая, как-то странно махнул рукой и вернулся к машине, бросив: «Здесь останавливаемся...». Он вытащил корзину с едой, поставил к копне, приглашая: «Надо перекусить, а то не будет удачи...». В его руках появилась бутылка «Столичной», которую он и разлил на четверых. Николай, по понятным причинам, отказался. Чокнулись, выпили. Петрович нарезал тонкими ломтиками сало. Иван Васильевич достал некоторых районных руководителей, которые прямо восхищались Бартусом, говорили о нем с уважением, вспоминая, как он их не пускал в заказник. Есть у него немало друзей – взять охотоведа района Левина. Тот всегда за него горой. Да и Петрович очень его уважает. Так что есть опора, есть, кому охранять заказник, хотя площадь его входит в три района: Тюкалинский, Саргатский, Колосовский. Как человек, Петр Александрович очень душевный, всегда в центре любой компании. Как-то пришел он зимой в школу и видит: молодая учителька в тоненьких ботиках сидит за столом, кашляет. А он возьми, да и линейкой с ее стола незаметно замерил один ботик. Наутро принес ей самокати-валенки – так, бесплатно. И такой случай – не один...».

Наверное, многое бы еще рассказал мне Николай, но из леса появились Петрович с другом. Полная корзина груздей и еще – почти полный рогожный мешок. Иван Васильевич с блестящими от возбуждения глазами повторял: «Вот это да, какое богатство – как в сказке». Петрович дал команду Николаю подогнать «газик» ближе к камышу, где была малозаметная пристань. Сел в машину, махнув нам рукой. Солнце уже наполовину опустилось за дальний лес, и надо было торопиться. Мы с Иваном Васильевичем подошли к пристани, где уже Петрович с Николаем, выгрузив лодки-раскладушки, собирали их, закручивая болтики креплений. «Вот, твоя, – указал баночку шпротов, настаивая отведать их.

Петр Александрович Бартус снял шапку, откинулся к копне. Спокойно поддерживая общий разговор, как бы между прочим, он рассказал, что вот это озерко на границе заказника – очень еще был чемпионом?!». Действительно, Петрович в свое время был чемпионом области в стрельбе по летающим тарелочкам. Но среди сельских спортсменов и имел всего лишь первый разряд. Петрович выслушал упреки, потом спросил: «Можно стрелять дуплетом?» Получив согласие, кивнул в мою сторону: «Вот это – настоящий мастер, пусть себя покажет». Я уже к тому времени сориентировался и ответил согласием. И когда баночка только вылетела сзади, из-за головы, я мгновенно выстрелил.

Заряд дроби весь угодил в цель, захватил ее с собой вверх и бросил метров на двадцать вперед... На этом соревнование и окончилось.

Петр Александрович, сказав, что утка пойдет на озерко только потемну, предложил нам пойти собирать грузди. На днях де он наломал в этих лесах отличных, отнюдь не червивых, сухих, но попадались и сырые. А вот в том болотце даже встретились опята. Иван Васильевич сразу ожил, засуетился, попросил у Петровича корзину. А Петр Александрович засобирался домой, пообещав вместо себя подослать на мотоцикле своего сына.

Через пять минут мы с шофером остались одни. Николай, приподняв капот, поковырялся в моторе, вытер руки и подсел к копне рядом со мной. Думая о Бартусе, о его спокойных, неспешных движениях, какой-то своеобразной интеллигентности в манере поведения, хотел кое о чем спросить Николая. Но тот, словно почувствовав мое настроение, сам начал рассказ.

«Интересный же это человек - Бартус. При мне было только несколько случаев, когда он отказывался пускать в заказник всякое начальство. Однажды сам председатель райисполкома пожаловал с гостем из области. Приехали на двух машинах к нам в совхоз, хотели, чтобы их Петрович еще сопровождал бы. А Петрович прикинулся больным – послал своего зама. Приехали к Бартусу. Председатель спрашивает: «Как дела, Петр Александрович, дает ли совхоз дрова тебе, сено?.. И что еще нужно?». А Бартус поблагодарил за заботу и напрямую спросил: «Вам нужна охота – так едемте».

Потом провез их по территории заказника и вывел за его пределы – на одно пшеничное поле. Он выследил за несколько жней до этого, что вечерами из заказника сюда летят большие стаи крякши, серой утки на кормежку... Охота на сухом месте, на поле, в вечерней зорьке, получилась на славу. Постреляли хорошо. А что вне заказника, об этом гости и не знали. Бартус тоже был доволен: загнал обратно дичь в заказник. Так же он однажды вернул «домой» гусей, но с другими гостями. В общем, в конфликты ни с кем не вступал, а всегда находил выход. Вот и это озерцо на границе заказника не раз служило ему громоотводом. У него в подчинении – четыре егеря, но помогают ему еще и три сына. А зятя своего, Андрея Семеновича, больше всех гоняет. С браконьерами, которые все равно лезут в заказник, он безжалостен. Раз даже составил протокол на руководство милиции. Правда, его вызывали в райком партии, но и там он заявил, что оштрафует любого и просто объяснил: дескать, иначе как же я буду смотреть в глаза своим егерям и народу?..

Не было случая, чтобы на него кто-либо затаил злобу. Мальчишек-охотников по деревням даже собирал в школах и вел с ними долгие беседы. Есть и среди них его помощники. Слышал я разговоры мне Петрович на лодку, – она старенькая, подтекает, но не страшно. Озерко неглубокое».

Взяв у Николая пустую канистру вместо сиденья, положив повыше в нос рюкзак и ружье, я по узкому проходу в камышах потащил лодку к воде.

Петрович впереди уже выезжал на озеро. Стоя, толкаясь шестом, он быстро гнал свою узкую самодельную лодку. И вскоре скрылся в камышах на другом берегу озера. Я свернул налево, на небольшой мыс, затолкал лодку в камыш и стал ждать.

Солнце давно скрылось за прибрежный лес, сгущались сумерки. И здесь в воздухе послышались свисты крыльев. Вначале пролетели несколько стаяк чирков, затем пошли табунки серой утки. «Серяк», так зовут ее охотники, меньшего размера, чем крякш. Утка шла непрерывно с озера Чистогай. Несколько раз сдуплетил Петрович, три раза одиночными выстрелами ответил Иван Васильевич. Стайки уток переместились к моему берегу, низко разворачиваясь над водой. Я открыл стрельбу, и через 15-20 минут у меня кончились патроны. Выехал на плес и стал подбирать сбитых уток. Близко у берега застрекотал мотоцикл. Значит, приехал сын Бартуса. Быстро темнело. Когда я вытащил лодку на берег, у машины все были в сборе, готовые ехать домой. Петрович протянул мне две связки сушеных карасей, сказав: «Это тебе и Ивану Васильевичу гостинцы от Бартуса, сын передал. Везите в город, будете варить щербу...».

Веселые, возбужденные удачной охотой, мы сели в «газик». Шофер включил свет, машина медленно двинулась обратной дорогой, огибая туманное озерко.

...Прошло уже лет двадцать с той охоты. И недавно я вновь случайно оказался в Баировском заказнике. Разговорился с местным пастухом, что гнал стадо на водопой. Вот что он мне поведал:

...Петр Александрович Бартус давно умер, дела в заказнике ведут его сыновья и зять Андрей Семенович. Трагически погиб его друг, Павел Левин, а место охотоведа в Тюкалинске осталось за его сыном, Валерием Павловичем. Нет в живых и Романова Николая Петровича, и егерем заказника стал сын – Владимир Николаевич. В общем, везде дети заменили отцов...

Закончив рассказ, пастух верхом поскакал на карей лошади к удаляющемуся стаду.

РАСПОРКИ

Один из них был рыбак, другой – охотник. И потому им всегда было трудно найти водоем сразу на двоих. Вот и на этот раз они остановились и разбили палатку у чистого круглого озера, где была рыба, но не было уток. Михаилу-охотнику (он же шофер машины) пришлось в три часа ночи вставать, заводить газик и ехать через лес, примерно за километр, на озеро, заросшее камышом и редилиями, со множеством островков.

...Кончался октябрь. Безоблачное небо светилось звездами, однако заря долго не загоралась. Но постепенно воздух стал прохладнее. Кое-где в камышах закрикали утки. На воде все отчетливей проступали чучела, медленно сплывающие и расплывающиеся в стороны.

Михаил томился в сладком ожидании. Ружье приятно холодило ладони, подсадная утка всякий раз неожиданно всплескивала воду и отзывалась на утиные крики в камыше. Сзади, где-то близко, прокричал селезень: «Швак! Швак!». Подсадная тотчас ответила. Было слышно, как селезень с шумом поднялся и, рассекая воздух тугими крыльями, полетел в ее сторону. Михаил, повернув голову назад и скосив глаза, спокойно проследил за птицей. Когда селезень пролетел над головой, охотник, приподнявшись, выстрелил в упор. Было еще темновато, выстрел прозвучал неуверенно. Селезень, упав в камыши, начал бить крыльями.

Не имея привычки выплывать за подранком, но ясно представляя в своих руках красавца-крякаша в его уже весеннем оперении, Михаил все же развязал камышинки над лодкой и толкнул ее веслами. Подплыл. Селезень был уже мертв. Досадуя, что выехал зря, Михаил резко наклонился вперед, доставая птицу рукой.

То ли он оперся на переднюю распорку лодки-раскладушки, то ли его движения вызвали большую нагрузку, как вдруг распорка переломилась и нос лодки сложился. В сущности. Это была не распорка, а урезанная тычка. Напарник забыл распорки дома, Михаил отдал ему свои, чтобы у того сети не цеплялись за шероховатости палки. А тычка вот оказалась хотя и крепкой на вид, но гнилой. Вода с угрожающим шипеньем ринулась к ногам охотника. Приподнимая нос лодки, Михаил быстро отклонился назад, но тут вторая распорка, настоящая, также предательски треснула, и лодка, сложившись в конверт, пошла на дно.

Уже стоя по горло в воде, не шевелясь, охотник чувствовал, что суденышко продолжает проваливаться в ил, и мучительно, лихорадочно думал: «Что делать? Как быть?» Высокий, жилистый, сильный – он никогда еще не попадал в подобные опасные ситуации.

Ах, да, вспомнил, что давно договаривался с напарником: в случае беды – пять выстрелов подряд. Нашупал под ногой ружье и, нагнувшись, нырнул под воду, достал. От движения лодка провалилась еще ниже, и надо было уже задрать вверх подбородок, чтобы вода не попадала в рот. Одной рукой приподнял ружье над головой, вылил воду из ствола, снял предохранитель. Резко прогремели пять выстрелов, опустошая обойму браунинга. Ненужное теперь ружье он привязал за подволок к плавающему чучелу и опустил рядом с лодкой. Стал ждать.

Легкий ветерок с той стороны наверняка приглушил выстрелы. Да и напарник уже в годах, глуховат. Ясно, что сигнала он не слышал. А иначе последовал бы ответный выстрел.

«Спасись! Спасись!», – стучало в голове. За минуты пролетевшие с того момента, как он выплыл из скрадка, полностью рассвело. На камышинках перед лицом, там, где они касались воды, поблескивали капли-льдинки. Вода казалась свинцово-тяжелой. Но странно, Михаил пока не ощущал ее грозного холода – наверное. Мешало чувство смертельной тревоги. «Спасись! Спасись!», – сверлила его мозг одна только мысль. Первоначальный порыв – плыть к берегу – он сразу выгнал из головы. Пятьсот-шестьсот метров по леденистой воде, через островки камыша и редилей со льдом не проплыть! Судорога неминуема.

«Жить! Жить!.. Спасись! Спасись!», – его заиклило на этом ставшем единственным и неотвязным заклинанием. Как глупо, как нелепо – умереть в этой чистой светлой воде.

«Что делать!», – лихорадочный вопрос жег голову... Распорки, сломанные распорки... Чем заменить? Ага, деревянные весла! Как не додумался сразу. Нож – где. В кармане? Да – нашупал, вытащил... Как лучше? Два весла, две распорки? Нет, это долго. Уже чувствительно деревенеет тело. Обрезать одно весло под распорку и вставить по центру лодки, под крепежные металлические планки. Правильно, а вторым веслом надо будет грести... Быстрее! Быстрее!.. распорка готова. Он вытолкнул ногой из лодки ящик с патронами, бросил на него ружье, туда же – ногу из лодки. Ящик уходит в ил. Второе весло опускается на него. Кажется, можно вставать. Встал – так низко, что нужно запрокинуть голову. Осторожно приподнял ногой лодку, с трудом вставил распорку, она намного шире посудыны, но это и лучше.

Никакой силы. Все же вместе с напарником поехали на озеро. Изготовили багор и легко подняли со дна все вещи. Вода была светлой, ящик с патронами, ружье и все остальное отчетливо виднелись, выступая из ила. Куртка и шапка плавали между чучелами. Воздух, нагретый за день, потеплел. Вместо льдинок на камыше сверкали крупные капли. Подсадная утка за камышом, охрипшая за день от крика, воткнув голову под крыло, спокойно дремала. Когда подошла лодка, она сама запрыгнула в нее, недовольно поглядывая на хозяина. И только теперь Михаил вспомнил об убитом крякаше. Тем же следом, по редкому камышу, он подплыл и поднял с воды красавца-селезня. Глаза у того были открыты и отдавали. Итак, лодка поднята, теперь из нее нужно вылить воду. И поставить снова, не зачерпнув бортом. И оказалось, что это невыполнимо. Вытянутых рук не хватает, чтобы в воздухе перевернуть лодку, и она, прихватив бортом воду, снова утопает.

И все-то ее пустяковый, каких-то шестнадцать килограммов, но при малейшем усилии ноги проваливаются вместе с опорой в ил так, что голова целиком погружается в воду. Остается одно. С силой толкать один край лодки, придерживая другой, чтобы она, поднявшись, перевернулась. Толчок... Второй... Слабо. Лодка снова падает вверх дном. Еще и еще. Опора ушла так низко, что для вдоха нужно всплывать.

Несколько раз второпях заглотил воды. В голове появилась боль, шумит и потрескивает в висках... Нет, все! Бесполезно!.. наступает вялость и безразличие. Покалывая иглами, все глубже в тело проникает холод. На цыпочках, держась за лодку, с запрокинутым лицом, Михаил стоит несколько долгих минут. А небо чистое-чистое. Синее-синее. Холодное и враждебное. Наверное, взошло солнце, а воздух – как лед. Из рта идет пар и растворяется вверх. В глазах начинает кружиться небо и что-то тяжелое тянет вниз.

«Конец... Конец... Конец...», – зазвенело где-то внутри. Или Михаил отдохнул, или в порыве отчаянья сделал невероятное усилие: левой рукой толкнул лодку вверх, правой – по ходу, изо всех сил, опережая левую – дернул другой конец. Лодка, зачерпывая немного воду, встает на ребро, медлит и нехотя шлепается на днище. Слышится, как плещется в ней вода, постепенно затихая.

И здесь, громко, торжествующе забилося сердце. Уже почти замерзшее тело ожило. Надо теперь залезть в лодку. Как? Вот метрах в пяти камыш погуще. Весло из-под ног в лодку. Энергичные движения ногами. Посудина передвинулась. Веслом нагнул камыш с обратной стороны, набрал в замерзшие пальцы, прижал к борту. Камыш, словно карась, выскользывает из ладоней, но все ту же натягиваются его струны, все плотнее прижимается Михаил грудью к борту. Из всех сил работал одеревеневшими непослушными ногами, всплывает, тянет себя на борт, используя камыш как лебедку.

Елозит грудью, дергает себя и чувствует, как через острый край борта, вперед, продвинулось одно ребро. Немного наваливаясь то влево, то вправо, бултыхая ногами, продвигается еще на одно. Потом еще и еще. И наконец, пересчитав все ребра, переваливается в лодку. Полежал. Осторожно развернулся, сел. Выплескал ладонью воду. Взял обледеневшее весло. Весло в руках не держится, выпадает. Разворачивается профилем, не гребет. Через голову к чучелам спикировала со свистом стайка хохлатых чернедей, но, увидев лодку, круто взмыла вверх. Провожая их взглядом, Михаил вдруг увидел над камышом большой красивый, огненный круг взошедшего солнца. К нему от воды медленно плыл морозный пар. Стиснув зубы, наконец, начал яростно грести, и лодка зигзагами пошла к берегу. Плохо соображая, не помня как, он доплыл до берега, добрался до машины, взял из-под колеса ключ зажигания, вставил в щель, но никак не мог повернуть его несгибающимися пальцами. Пришлось сделать это двумя ладонями. Залез в машину.

Завел мотор. Проехав сквозь лес, остановился у палатки, не выключая двигатель, нашел паяльную лампу, разжег и залез в палатку. Через несколько минут от жары стало ломить уши, но руки и ноги не ощущались. Тогда он направил огонь на ноги. Обгорели волосы, кое-где вздулись пузырьки, но тепла кожа не чуяла.

Тем временем, увидев машину, на берег выплыл напарник. Заглянул в палатку и понял все. Налил из термоса в кружку чаю и подал товарищу. Михаил взял, понес ко рту, однако руки так дрожали, что в кружке ничего не осталось. Налили снова, то же самое. Тогда начал пить из горлышка термоса. Зубы стучали о медь, чай растекался по синим опухшим губам.

Напарник долго растирал посиневшее тело охотника, накрывал тулупом и всей одеждой, что была на двоих. Дрожь высоко подбрасывала тело Михаила, он вылезал из-под тулупа и снова грел себя паяльной лампой. Так повторялось много раз. К вечеру дрожь унялась. Михаил несколько раз пил чай, стал нормально двигаться, пальцы на руках и ногах сгибались, хотя в них еще не было каким-то живым, насмешливым блеском, хотя весь он окаменел, вытянув шею и лапы. От неожиданного сравнения с собой Михаил вздрогнул. И какой-то неведомый, даже в те ужасные минуты, страх проник в него. Михаила передернуло, он спрятал под мокрую телогрейку селезня и торопливо, наклонив голову, стал грести к берегу.

ОХОТА НА «СЕВЕРНУЮ ДИЧЬ»

С утра над нашей глухоманной деревушкой закружил первый снег. Крупные, влажные хлопья нехотя опускались на черную землю, с ночи схваченную изморозью и кое-где ледком. Наскоро собрав охотничьи принадлежности, перекинув через плечо старенькие ружья, мы с Сашкой лесной дорожкой поспешили на озеро Долгое...

Вот и расступился лес, показались камышовые заросли. У первого плеса с названием «Шубина озерина» увидели невысокого мужичка, снующего у телеги. Быстро стащив вниз смоленую деревянную лодку, он проволоч её до самой воды. Потом вернулся, привязал серого жеребца к телеге, взял ружье, мешок - и к лодке. Одет он был по-зимнему: валенки с галошами, полушубок, шапка. В нем мы узнали конюха райпо.

- Ну, и хитер же дядя Петя, оделся, не то, что мы с тобой. В наших дырявых телогрейках долго не высидишь, - съязвил четырнадцатилетний Сашка, первым огибая озерину и через талы выходя на край большого озера, где у нас запрятана в камышах старая плоскодонка.

Озеро сквозь пролетающий снег мерцало свинцовой свежестью. На берегу у самой воды стоял старый таловый куст, внутри его лежала охапка жёлтой травы - так называемый «сухой скрадок».

Сашка сел в лодку, выбрался из камыша и выставил для меня неподалеку на чистине два деревянных чучела, а сам поплыл влево, в Артемов угол. Я нарвал ещё немного желтой осоки и развесил её на нижних ветках куста. Хорошо замаскировавшись, уселся на дощечку-«седушку», подстелив на неё травы. Ни ветерка в кусту. Тихо, тепло. Мне тринадцать лет, охочусь с десяти, но собственное ружье, старенькую берданку, заимел недавно, месяц назад.

Лишь немного осмотрелся, как к чучелам сверху плюхнулась шилохвостка с длинной шеей, очень крупная. Недолго выцеливая, пальнул. Утка замерла на воде. От грома выстрела на середине озера поднялось несколько стаек, и одна из них потянула в мой угол. Но пролетела далековато и, перевалив через прибрежный камыш, опустилась на Шубиной озеринке. Прогремел дуплет. Затем с небольшим интервалом раздался третий выстрел. Ясно. Это дядя Петя добивал подранка.

Прошло с полчаса. Лета птицы нет. Мои глаза гладко прищурились в полудремоте. И снова неожиданно со стороны озера подлетели и сели две связы с перламутровыми грудками и белыми подкрылками. Да, это была «северная» утка, очень крупная, непуганая. Хотя многие охотники под словом «северная» подразумевают только гоголей, лутков и крохалей. Но есть ещё и крупные породы - шилохвост, связь, крякаш и другие. Они первыми подходят к Севера, а за ними - и все остальные.

Не обращая внимания на деревянные, недвижимые чучела (а вот местная, стреляная птица уже бы их распознала и улетела прочь), эта парочка спокойно плыла вдоль камыша. Я терпеливо ждал, когда они сплывутся.

Вот первая утка что-то замешкалась, вторая догнала, вплотную приблизившись к подруге. Выстрел. Обе утки, уронив головы в воду, остались на месте.

У меня в кармане - еще четыре патрона. Два израсходованы удачно. Два выстрела и три утки!

И снова, следя за медленным полетом снежинок, я предался неторопливым размышлениям. Конечно, мужиков после войны в деревне осталось мало, за всю осень лишь изредка встретишь кого-то на озерах, а вот вчера во дворе соседа Андрея - лучшего механизатора колхоза я увидел в ведерке около десятка тушек уже обработанных диких уток.

Рядом хозяйка рассказывала моей матери:

- Андрей охоту не очень любит, но перед отлетом птицы обязательно несколько раз выезжает на озера. Дикая утка и жирнее, и вкуснее домашней намного.

Вот и дядю Петю впервые вижу на охоте. Сельский мужичок расчетлив, запаслив...

Сколько времени прошло, не знаю. Послышался резкий свист крыльев, и огромная стая крякашей откуда-то с берега зашла над озером. Разворачиваясь и снижаясь, с шумом опустилась на воду.

«Наверное, с хлебного поля, с Бугровой гривы», - мелькнула догадка в моей голове. Сели птицы вразброс, по три-четыре вместе. Ближайшая ко мне четверка крякв находилась на расстоянии около пятидесяти метров. А моя старенькая одностовка двадцатого калибра да патроны с самолитной дробью годятся для стрельбы метров на тридцать, не более.

Стал ждать: может, подплывут. Птицы осмотрелись и, опуская головы глубоко в воду, принялись доставать корм со дна. Озеро обмелело, с краев покрылось ряской и мелкой травой. Медленно ближняя четверка продвигалась к берегу. Когда крякашам осталось до чучел метров десять, птицы насторожились.

Сашка в Артамоновском углу сделал подряд почти четыре выстрела.

«В кого он там палит не вовремя», - чертыхнулся я с досадой, бездыханно замерев в своем скрадке. Близко с озерины прогремел выстрел. Четверка крикашей, вытянув шеи, беспокойно оглядывалась по сторонам. Два селезня и две самки. У селезней на шее кольцеобразные полосы из белого пуха, как галстуки. Головы их отсвечивали зеленым пушком с малахитовым блеском. На ярких крыльях - радужные отражения многих цветов. Красавцы и только!

До них - не менее тридцати пяти метров. Вдруг они развернулись и стали медленно отплывать в противоположную сторону. Мои нервы не выдержали, я нажал на спуск. Двух плывущих рядом селезней после моего выстрела осыпала мелкая дробь. Вся стая шумно взлетела, оставив на воде одного селезня рядом с моими чучелами. С перебитым крылом, птица быстро поплыла к берегу у камыш, не зная, что приближается ко мне на верный выстрел. Я перезарядил ружье, спокойно выждал, и уже у самого камыша дробь догнала свою добычу. Из ствола после выстрела долго и медленно струился пороховой дым.

Израсходованы сразу два патрона, но мои трофеи увеличились. Четыре патрона - четыре дичины. Понемногу сгущались сумерки. Со стороны озера, разворачиваясь в мой угол, появилась небольшая стая казарок. Громко крича и на лету перестраиваясь из шеренги, в треугольник, на высоте около пятидесяти метров гуси летели прямо на берег через мой скрадок. Учащенно забилося сердце. Что делать?

Надежды на удачный выстрел мелкой дробью по казарам почти нет, а стрельнуть так хочется. Ружье непроизвольно тянется за гусиной вереницей, гремит выстрел. Дробь резко ударила по крыльям. И только. Провожая гусей разочарованным взглядом, и вдруг одна казарка через сто метров выходит из стаи в сторону и, медленно планируя, снижается на Бугровую гриву.

Села! Это примерно за четыреста метров. Закладываю в ружье последний патрон и бегом - туда. Долго кружу по гриве, внимательно вглядываясь в желтое жнивье. Но ничего не вижу. И ориентиров на этой большой гриве я не заметил. Где искать?..

Медленно брожу, а перед глазами мерещится гусь, расставивший в стороны крылья, медленно снижающийся на гриву. Но где он приземлился, куда спрятался, попробуй найди?..

Уже стемнело окончательно. Хватит кружить. Завтра утром приеду на велосипеде, возьму с собой собаку и найду подранка.

Повернув, иду к озеру. А там плывет, стоя в лодке, и что-то кричит Сашка. Бегу скорее к нему...

ПОСЛЕДНИЙ ДУПЛЕТ

Ветер разогнал низкие темные облака, и сразу вокруг все посветлело. Громадная гладь воды тихонько колыхалась, дышала холодным паром, отливала свинцовым блеском.

Прибрежный лес на той стороне озера походил на серую щетину. Только внимательно приглядевшись, можно было различить безлистный, голый березняк.

На отдельных камышинках, тяжело склонившихся к воде, намерзли сосульки, а некоторые из них, особенно крупные, пригнули стебли до самой воды. Солнце иногда тускло проглядывало сквозь рваные облака, и сосульки в такие моменты ярко светились.

Паисыч представил, как позавчера в бурю ветер хлестал по камышам, окунал их в воду, посыпал снегом. А теперь камыши отзванивали ледышками, метелки тонко шелестели, как крылья пролетевших птиц. Да, птицы на озере не наблюдалось. Вчера ее было много, но городские охотники, приехавшие на двух грузовых машинах с будками, так отбомбили, что озеро затихло, помертвело. «Не осталось ни одной птахи, старик», - хвастливо сказал один из них, когда Паисыч подъезжал утром к пристани, а горожане отбывали домой.

Прошло около часа с той встречи. Паисыч выплыл на озеро, поставил чучела и затолкал лодку, отдыхая, разглядывал озерную даль. Вода в камышах схватилась тонким льдом, на котором белели снежинки-пушинки. Деревянная лодка обледенела, весло тоже поблескивало льдом.

Охотник натянул на руки рукавицы, сгреб под валенки на дне лодки сено, поднял воротник старой шубейки, поправил шапку-ушанку. «Как зимой... Так-то оно лучше», - подумал он, прикрывая по-стариковски в дремоте глаза. В воздухе опять закружились снежинки, мечась туда-сюда, и казалось, что они совсем не падают вниз. Несколько чучел на воде постепенно удалились из поля зрения, и вот перед глазами, где-то далеко-далеко, возникла давняя картина...

Он, еще совсем молодой, и его друг-просмешник Тимофей плывут на большой лодке по этому озеру. Вокруг на берегах лежит снег - изумительно белый. Уже спеклись в ледяную тесьму закраины, а незамерзшее озеро стонет от дичи. Столько ее, что не видно воды. И гуси взлетают, и казарки. Они с Тимофеем быстро ставят чучела, затаскивают в камыш лодку. Не успевают заломить камыш и спрятать лодку, как большая стая гоголей со свистом опускается к ним в чучела. Плавают себе, ныряют, а дробовики еще не заряжены... Спешно зарядили "самопалы", и Тимофей спрашивает: в каких ему стрелять. А гоголи не обращают внимания на их разговор, плавают - лобастые, с белизной на крыльях...

И здесь из глаз все исчезло. Паисыч вздрогнул, очнулся от свиста крыльев. Круто разворачиваясь и снижаясь, к чучелам подлетало четыре гоголя.

Резко тормозя крыльями, выпустив лапки вперед, сели под самый камыш, к лодке. Охотник сжался, затаился. Медленно просовывая двустволку сквозь будылья, дрожащими пальцами взвел курки. Гоголи, явно видя лодку и охотника, быстро отплывали к чучелам. Паисыч в упор различал их желтоватые глаза, коричневые клювы. Предводительствовал самец-старик, белый как лунь, за ним вплотную плыла гоголюшка, за ним - третий. Охотник ждал момента, когда соединится тройца, чтобы взять их первым выстрелом, а затем сбить четвертого, что в стороне, достать в подъеме из второго ствола. Такое у него получалось не раз...

Медленно-медленно сплывались птицы, стволы ружья дрожали от напряжения. Наконец третий гоголь приблизился к паре вплотную, и Паисыч, дернувшись от усталости, а может, от лишнего волнения, резко нажал на спуск. Ружье странно качнулось вниз, громыхнул выстрел. Чувствуя неладное, охотник не стал стрелять в четвертого, а вперил взгляд в тройцу, разбежавшуюся по воде в разные стороны. Один был слегка ранен, два других стремительно взлетели вверх. Паисыч навскидку, не целясь, пальнул вторым патроном в переднего самца, но заряд дроби прошел где-то выше птицы.

Подранок, улетающий низом, выправился и присоединился к стайке. Охотник долгим взглядом провожал птиц, сердце его учащенно билось, но странно - досады не было.

Как в том дремотном сне, он увидел гоголей наяву, рядом: они заставили горячо забиться его сердце, приблизив прошлое, молодое время...

Посидев еще немного, собрал чучела и поплыл к берегу. Недалеко по гриве громыхал трактор, таща на волокуше солому. Совсем прояснило, снег перестал идти, выглянуло солнце. Но какое-то бледное, желтоватое - оно не грело. "Все, - подумал Паисыч, - в эту ночь озеро встанет, лед закует весь плес..."

Вспомнил про письмо от младшего сына, который приглашал поехать на охоту на Север, в Тюменскую область. Хорошо бы съездить к старшему в Запорожье, давно не видел внуков, соскучился. Этим летом так никто и не навестил его в деревне.

Проломав белую закраину льда у пристани, вытащил лодку, перевернул и, оставляя галошами рубчатый след на тонком, чистом снежке, побрел к телеге. Гнедой в нетерпении переступал ногами, позванивал уздечкой, искоса следя глазами за хозяином. Его коричневая грива и бока покрылись инеем, побелели и, поблескивая, также напоминали о приближающейся зиме.

В КАПКАНЕ

На самую последнюю охоту мы с Иваном выехали на "зимник", где на лодках по займищу с плесами и речушками выплывали обычно на громадное озеро Тенис.

К пристани подъехали в полдень, не торопясь собрали лодки-раскладушки и по километровому проходу выбрались к озеру. Наступила первая половина октября, и то, что шел небольшой снежок, не удивляло. Легкий ветер колебал тяжелую ледянистую волну, которая прибывала к берегу первую шугу. Гребли через залив до мыса. Здесь идет основной пролет дичи. Простояли в островах часа два, но утки было мало. Правда, мне посчастливилось сбить дуплетом двух казарок.

В сумерках обосновались на маленьком плотном островке. Поужинали. Постелив в лодки камыш, рано легли спать. Ночью ударил такой морозец. Что стало холодно даже в спальных мешках. Проснулись до рассвета. Вокруг тихо-тихо. Кое-где по камышам крикали подранки да высоко вверху звенели крылья пролетающих стай, спешащих на юг.

Немного прояснило. Сплошная пелена льда тускнела до самого горизонта. Дядька поинтересовался толщиной льда. Ударил веслом и удивленно ахнул. Алюминиевая лопасть с трудом пробилла сантиметровый слой льда. А это значило, что на наших малютках-раскладушках его не проломить.

Продолжало холодать, ветер изменил направление и дул строго с севера. Небо затягивалось свинцовыми облаками. О потеплении не могло быть и речи. У нас сразу пропал интерес к охоте, да и стрелять было не во что. Местная утка за ночь отошла на юг, а та, что пролетела в вышине, шла на проход, и была за пределами выстрела.

Начали соображать: как выбираться? Ломать лед - бесполезно. Весел надолго не хватит. Деревянные, быстро сломаются, хотя лопасти из алюминия. Рубить лед нечем, вот был бы топорик...

Решили собрать тычки, что стоят рядом, вдоль камыша, и подвязать их под днища лодок. И ехать, как на лыжах. Так и сделали. На проходы. Рубку льда и тычкам ушло часа два. От брызг на одежде образовался ледяной панцирь. Вылезли на остров, затащили на камыш лодки и кое-как проволокой и веревками, что нашли в ящиках с патронами, привязали деревяшки. Поставили раскладушки на лед, и толкаясь веслами, наподобие лыжных палок, двинулись в направлении берега. Вначале скольжение было хорошим, но ослабили крепления палок. Они начали смещаться, их нужно было часто поправлять. А здесь еще лодка Ивана проломила ледяной панцирь и оказалась в воде. Больше часа он с моей помощью выбирался на лед. Берег достигли уже в сумерках, и проходами в камыше, по заснеженному льду не опасаясь провалиться, пошли пешком, волоча за собой лодки. Еле переставляя ноги, голодные, измученные, наконец-то подошли к машине. Влезли в нее. Иван завел мотор, включил печку - обогреватель, и мы мгновенно заснули...

СЕРЫЕ ШЕЙКИ

Озеро встало недавно. Я на первой рыбалке по подледному лову. Осторожно иду по тонкому льду вдоль камыша. Но что это?..

На припорошенном снегом льду - узорчивые отпечатки лапок утки, а вплотную к камышу - замерзшая лунка воды, прихваченная тонкой пленкой льда. Край камыша утоптан следами какого-то зверя, видны перья птицы. Ясно: на этом месте ночевала утка-подранок, у которой не хватило сил улететь со всеми на юг, и она встретила здесь первые морозы.

Рассматриваю перья подранка: нет сомнений, это "кряква". Вижу: по камышу от берега тянутся четкие следы лап. Да, это старый лис, хитрющий, опытный. Когда это было? Вчера или сегодня?.. Пожалуй, сегодня ночью.

Представляю несчастную "серую шейку". Ночью, при желтой луне, появляется с красно-огненной шерстью страшный зверь. Хватает ее, терзает и уносит в камыш и дальше - в темный лес...

Продолжаю путь. Снова - такая же картина. Только звериные следы - помельче, похоже, лисенок. И утиный пух - черноватого цвета. Наверное, лысуха. Следы снова уходят в камыши...

Метров через двести - новая полынья, еще совсем свежая. Даже пар от нее идет. Лунка очень большая. Утиный пух и перья рассыпаны прямо по воде. Здесь явно жил нырок. Долгие дни и ночи не давал он замерзнуть воде, разбивая грудью смерзающие закраины плеса... И сюда, через камыш, протянулись те же два лисьих следа: большой и маленький...

На самом дальнем мысе, возле которого обычно рыбачу, я нашел место отчаянной борьбы за жизнь еще одной обреченной "серой шейки". По отпечаткам крыльев на снегу было видно, как утка поднялась, пролетела метров десять и снова села. За ней - зловещие кляксы лап зверя, вошедшего в охотничий раж, настигавшего жертву прыжками по чистому белому снегу. И так - несколько раз. Но печальный исход тот же. У кромки камыша пестрела небольшая кучка перьев...

Я вышел на центральный плес, разобрал рыбацкие принадлежности. Но хорошее настроение у меня пропало, и желания рыбачить уже не чувствовалось.

ЗДЕСЬ НЕ СОСКУЧИШЬСЯ (А.Грачев)

Тайга - это место, где никак и никогда не соскучишься. Там встречи, большей частью неожиданные, непредсказуемые, ждут тебя на каждом шагу. И не только со зверем или с людьми. Это еще и встречи с явлениями или вещами. Умеешь читать чужой след - и обогатишься: либо добычей, либо новым знанием о жизни.

...Есть на севере области такое красивое место - Кулай. Раньше здесь был поселок, сейчас лишь один домишко сиротливо торчит. Когда-то в нем располагалась военизированная охрана. А Кулай служил местом ссылки. Подходишь к нему и видишь: колышки из земли торчат. Это кладбище. Из тех «врагов народа», кто сюда в 20-30 годы попал не по своей воле, никто почти живым отсюда не выбрался.

Латышам повезло больше. Надо сказать, трудяги были отменные, среди них - мастеров разных дел немало. Деревни крепкие поставили, в деревнях - школы. Поля плодородные возделали. Но как только амнистию им объявили - все побросали и ринулись на родину. Все, кроме одного. Иван Михайлович Тымбра с семьей еще долго в Кулае после того жил. В том самом доме, где когда-то охранники располагались. С этим «последним из могикиан» встречался в свое время мой приятель, бывалый охотник Анатолий Канушин. Вот кто знает про омскую тайгу, про пограничные с ней участки тюменской, томской, новосибирской лесной глухомани столько, сколько никто другой.

От него я услышал о замечательной охотничьей семье Федоренко. Глава ее, офицер белой гвардии, сбежал сюда в начале гражданской. Здесь и родились все его восемь детей, в том числе - четыре сына. В память о старшем Федоренко осталось у Канушина старинное ружье, год рождения которого (выбитый на металле) - тысяча восемьсот «какой-то». Самое удивительное - нарезы в его длинном шестигранном стволе. Как могли нанести их в столь незапамятные времена?!

А еще рассказывал мне Анатолий Михайлович о совершенно фантастической вещи. Это собранная собственноручно бывшим офицером дворянского корня паровая машина, не имеющая в качестве скрепы ни одного гвоздя. Михалыч видел ее своими глазами в Федоренкином доме, откуда невиданное чудо, вроде бы, перекочевало в музей'. Чего только ни увидишь в тайге... Скажем, обломки боевых летательных монстров. Одна такая «чушка» - приличного диаметра, длиной метров в восемь - свалилась с неба целехонькая. Посмотрел горожанин-охотник, прикинул, примерился: вот бы в Омск-то ее перевезти - знатный бы гараж получился. Один только редкостной прочности металл чего стоит.

Да только как сию махину из тайги вынуть? Однажды подобную ей целый взвод солдат вызволял из болотного плена. К вертолету ее не подцепишь. Пришлось внушительную просеку в темном лесу прорубить.

Есть одна простая истина. В тайгу легко войти, куда тяжелее - из нее выбраться. Однажды Канушин и известный в Омске организатор туризма Геннадий Федорович Челядинов несказанно удивили васюганских остяков, когда появились перед их взорами, преодолев непроходимые болота.

- *Неправда*, - в голос лопотали аборигены. - *Из Омской области к нам пешком пройти невозможно. Вы спустились наверняка с вертолета...*

Однако никто и не собирался их мистифицировать. Просто Михалычу и его попутчику, похоже, довелось стать первооткрывателями забытой уникальной дороги. Ее делали подневольные люди из бревен несколько лет, начиная с 1937-го. Когда болото поглощало один слой кругляков, сверху накладывался другой. И так, кажется, бесчисленное количество раз, ибо здешние хляби дна не имеют. Таким вот образом и возникло неповторимое сооружение несколько метровой толщины, протянувшееся через болото на 9 километров от нашей речушки Березовой до Привасюганья. Большая часть ссыльных вымерла, кому удалось уцелеть, тот ушел из гибельных мест, кишящих мошкой, гнусом да комаром. И гать стала ненужной...

Тайга оживляется теперь в основном за счет разного бродячего люда. Штатные и самодеятельные охотники, лесостроители, геологи, шишкобои, краеведы, любители приключений и т. п. И когда тропы их пересекаются, возникает незапланированный привал. А там за кружкой чая или чего покрепче вяжутся кружева повествований, одно хлеще другого, и выстраиваются мизансцены, подобные той, что запечатлена на известном полотне В. Перова. Ибо неистощима тайга на разного рода сюрпризы, курьезы и казусы. Как-то напросился в партнеры к Канушину на охоту молодой, неопытный «ружьеносец» Володя Домашенко. Очень уж ему хотелось научиться добывать соболя. Ну, Михалыч от него никаких секретов и не скрывал. Показывал, как ловушки и капканы ставить, как соболя из дупла или другого убежища выкуривать, как в лесу по собственным следам на снегу ориентироваться. И вот, идут они этак по лесу и слышат: тарыхтит что-то в тайге. А зимой всякие резкие звуки по лесу далеко разносятся. Решили подойти поближе, посмотреть, кто или что там тишину нарушает.

И обнаружили шестерых - хоть жлобами их назови, хоть мордоротами, не ошибешься - словом, крепких мужиков с топорами. Как выяснилось позже, это были так называемые сейсмики. В их задачу входило прорубание профилей, закладка взрывпакетов, приведение их в действие. А после этого с помощью соответствующих приборов определялось: есть ли на месте взрыва под землей какая-либо полезная залежь. Такие группы обычно набираются из бичей, а командует ими знающий дело бригадир.

Итак, в глухом лесу встретились «дикари» - что те, что эти. Прозвучали взаимные приветствия. Жлобы, конечно, тут же топоры побросали, пригласили охотников в свой вагончик, буксируемый танкеткой. А промеж ними - еще одно живое существо: маленькая собачонка, смахивающая на лайку. Оказалось, что это - достояние бригадира, именуемое Козлуша. И вроде бы невзрачная животина не зря свой хлеб ела. Выгонит какую-нибудь зверушку, птицу - стреляй, пожалуйста. А ни одна такая бригада в тайге без ружья не обретается.

- Мужики, а не показался ли вам тут совсем недавно медведь? - спросили бичи охотников. Те ответили отрицательно.

- А мы три дня назад на Черемшанке работали и на медведя наткнулись, - сообщил бригадир. - Ох, и переполошил же он нас...

Дело было так. Старательная Козлуша, неотступно сопровождавшая лесорубов и взрывников, вдруг принялась истошно лаять. Ну, прямо исходит яростью и никак не унимается.

- Думали, белку надыбала или соболя загнала, - рассказывал бригадир. - Взяла ружьишко, подхожу к ней. Смотрю. Грам-та-ра-рам. Берлогу лает. Я одно место в горсть - и быстрее к мужикам: так, мол, и так, собачка берлогу нашла.

Как выходило из повествования, мужики вмиг оживились. Взяли топоры наизготовку и потребовали, чтобы шеф немедленно вел их к медвежьему пристанищу.

- Мы его сейчас! - шумят. - По рукам и ногам, тьфу, черт, по всем четырём конечностям скрутим. А будет не в меру ерепениться, на куски разрубим!

Подхватились дружно и грянули навстречу молодецкой забаве. Главное, уверены в успешном для себя исходе, как, примерно, Алан Чумак перед зарядкой «крэмов», а может, и аккумуляторов. Еще бы, на руках - пять топоров плюс ружье 16 калибра (половина патронов - с пулевыми «боеголовками»). Ну, что им медведь, когда они сами, почитай, медведи?

Подходят к звериному лежбищу. Козлуша - на передовой линии атаки, лает так, будто на сдельщине трудится. Метрах в пяти от берлоги бригадир

остановился, выставил вперед ружье. Подчиненные со своими секирами выстроились за его спиной полукругом.

- *Давай, начинай*, - требуют они.

Поскольку медведь носа из своей хаты не казал, стрелок решил выпугнуть его оттуда, а потому пальнул для начала дробью. Прямо в «чело», то есть - в отдушину, которую косолапый оставляет для, так сказать, кондиционирования воздуха. Козлуша аж заходится лаем. А в берлоге никакого движения.

- *Хлопцы, трам-та-ра-рам, там же пусто!* - вознегодовал бригадир, обернувшись к своему сопровождению.

И в этот самый миг раздался зловещий треск. Вернув голову в ее фронтальное положение, бригадир к ужасу своему увидел на месте «чела» громадную косматую башку.

- *Уф - уф!* – сердито фырчал Топтыгин, разламывая фасад своего архитектурного сооружения.

Незадачливый стрелок онемел, забыв о бронебойных пулевых зарядах (впрочем, может, это его и спасло: может, Мишка принял его за оригинальный столб)! Бравые лесорубы кинулись в разные стороны, показывая образец проворства и быстроногости. Одна Козлуша сохранила присутствие духа, бесстрашно наскакивая на распаренного ото сна гиганта. Оглушительно уфкая, он пронесся мимо бригадира и, преследуемый собачкой, скрылся в ближайшей чащобе.

- *То ли повезло мне редкостный раз в жизни?* – завершал свой рассказ бригадир в раздумье. - *То ли косолапый со сна ошалел и напуган был не меньше нашего? Но скорее всего, Козлуша всех нас спасла.*

Посмеялись еще «дикари», обменялись всяческими комментариями по этому случаю. Потом вернулись на свои стези. Михалыч и Домашенко пошли по «путику», а «жлобы» замахали топорами, готовя площадки под две буровые вышки. Так, на оптимистической ноте, закончилась еще одна нечаянная встреча в тайге.

НА МЕЖЕ

(Отрывок из рассказа Льва Трутнева)...

Быстро светало, и Осип выключил фары. Трактор катил прямо на сплошную стену леса.

- *Гляди, сбоку следы*, - наказал Осип, - *тебе там виднее.*

Вадим глядел, но ничего не видел. Синие тени ползли от всего, что мало-мальски возвышалось над снегом, пятнали стерильную его белизну. Трактор пер, сшибая талины, тонкие, в черенок лопаты, деревца, переваливался на невидимых под снегом валежинах. Вадим, подпрыгивая от тряски, услышал грохот Венькиного кулака по крыше кабины. Трактор замер. Впереди тянулся глубокий размашистый след. Осип высунул голову через дверку и что-то сказал Веньке. Тот ответил. Вадиму их разговор был непонятен. Тягач крутанулся и пошел вдоль следа, вламываясь в мелкий березняк. Деревца, согнутые его многотонной тяжестью и силой, стлались, как трава, под ветром.

Толстые, в обхват ладоней и больше, деревья трактор обходил, проныривая между ними.

След лося голубел то далеко в стороне, то у самого трактора, и Осип ловко крутился на тракторе, поворачивая в ту или иную сторону.

Где-то за деревьями покраснелось расплывчатое пятно - загоралась заря. Вадим вглядывался в близкие, уже насквозь пробитые светом, чащи и перебирал в патронташе пулевые патроны, крепче зажимая коленями ружье. Он понимал, что Венька не оставит ему шанса на первый выстрел: ему и виднее, и удобнее. В кабине пока опустишь стекло, да вставишь в стволы патроны, да развернешься... Венька за это время из карабина пять пуль выпустит.

- *Пошел, гад!* - закричал Осип. - *Пошел!*

Вадим увидел в стороне глубокую лежку под тальником и ходкий след от нее. Он зашевелился, стал опускать стекло дверцы. Свежий воздух хлынул вниз, захолодил левый бок, меньше стало машинной вони.

- *Хлебало только не разевай!* - опять крикнул Осип. - *Хлестанет – и каюк.*

Те деревца, что задевались гусеницами вскользь, часто выпрямлялись, ударяли по трактору, и под этот удар не то, что голову, руку опасно было подставлять. Вадим это понимал и отшатывался от форточки. За какие-нибудь полчаса он привык не моргать, не вздрагивать внутренней дрожью, когда на трактор наплывали мохнатые ивняки или толстые сучья деревьев - они оставались там, за железной скорлупой кабины, со скрежетом царапая ее.

- Ты со своей пугалкой вперед батьки не суйся, - предупредил Осип, заметив, что Вадим заволновался, - *Венька без тебя управится. От него не ускользнет, будь спок...* - В свое время Осип отсидел пару лет за браконьерство, и речь его мало походила на крестьянскую, кое-чего он там, в местах не столь отдаленных, нахватался.

- *Венька не то, что тебя - меня обставит по всем статьям,* - блестел глазами Осип, - *ловкий стервец. С детства за мной по этим болотистым лесам-сограм бегал. А я лосей положил, что иной воробьев...*

Трактор теперь гнул под гусеницы и деревца покрупнее, в руку толщиной, и кое-какие даже с заднего толчка, с разгона. Кругом вздымалась такая чаша, такие снега, что у Вадима дух захватывало, когда машина молола гусеницами и напрессованный снег, и ветки, и валежины, и еще черт знает что, спрятанное под этими сугробами. Он мысленно прикинул путь от сеновозной дороги до этих глухих мест, и сердце у него заколотилось тревожно - что случись, пешком не добраться!

Впереди открылась небольшая полянка. Глубокими бороздами разошлись по ней свежие лосиные следы.

- *Еще вспугнули!* – выкрикнул Осип и двинул трактор прямо в непролазные тальники. Скрежет, лязг, рокот, несуетная тряска и вибрация. Вадима мотало по кабине, как игрушку. Он цеплялся за что попало, боясь трогать опротивевшие, постоянно толкавшие его рычаги, и понять не мог, как там, за кабинкой, держался Венька, уворачиваясь от всех этих сучьев и веток, от дугой согнутых справа и слева деревьев, готовых выпрямиться в любой момент и захлестнуть насмерть. Черт, а не человек! Маленькое сожаление о том, что не ему придется стрелять лося, появившееся у Вадима еще вчера, перед сном, и таившееся в глубине души до последнего момента, потухло: в кабине, хотя и трясло дико, но не стегало снегом, не морозило.

Венька вдруг загрохотал кулаком по крыше. Трактор ткнулся в очередное деревце и затих. Раздался резкий выстрел, еще и еще. Вадим завертел головой, стараясь увидеть в чашобе огромных зверей.

- *Не егозись!* - приказал Осип. - *Венька всех положит...*

Вадим встревожился: лицензия на одного зверя и там записана его фамилия. А вдруг кто-нибудь накроет? Глухомань глухоманью, но егеря все равно на снегоходах объезжают угодыя, след увидят, и все.

- *Лицензия на одного,* - робко предупредил Вадим, у него будто свело челюсти.

Осип только усмехнулся, не ответил.

Вадим понимал, что и Кувалдиным мяса надо, не без этого. Важный человек хотя и сказал, что сам с ними рассчитается, но он далеко, а здесь хозяева другие, со своими расчетами.

- *Двух, не больше!* – крикнул Вадим, высунув голову.

Венька не обратил на него внимания и что-то сказал Осипу.

Трактор снова рванулся с места, и тут, в промежутке среди кустов, Вадим заметил бегущего лося. Он быстро сунул ружье в форточку, но трясло так невыносимо, что стрелять не имело смысла. Да и зверь в несколько мгновений скрылся в чаще.

- *Не сучи ногами,* - опять осадил его Осип. - *Это раненый, никуда не денется.*

Трактор вырвался из кустов на какой-то просвет, и в сотне шагов слева Вадим вновь увидел стоящего зверя.

Венька наклонился.

- *Попробуй из ружья,* - негромко сказал он Вадиму.

Трактор замер. Вадим, трясясь незаметной дрожью, привычной на охоте, вставил в ружье патроны с черными глазками особых, разрывных при ударе пуль и подвел мушку под убойное место - на лопатку. После выстрела, которого Вадим не слышал, зверь сунулся мордой в сугроб, но все еще возвышался над снегом. Это Вадим видел мельком, как при стрельбе уток влет, и нажал вторую «собачку». Фонтан снега поднялся там, где еще недавно стоял огромный зверь, что-то там мелькало, билось...

ПРИЛОЖЕНИЕ №4 ПОЭЗИЯ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

БЕЛОЗЕРОВ

До утра в лесу шуршало,
дуло, холодом несло.
Развиднелось, рассвело –
все вокруг -
белым-бело!

Вот лисица на поляну
прошмыгнула раньше всех,
нос и лапы, как в сметану,
окунула в белый снег.

КУРОПАТКИ

Куропатки на ночлег
в голубой
нырнули
снег,
и до самого рассвета
в этом сказочном снегу
куропаткам снилось лето
с голубикой на лугу.

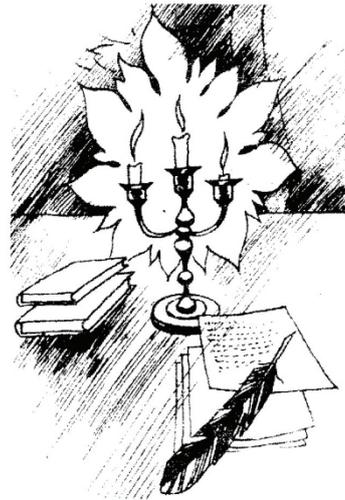
ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА

Валерий ЧИЖОВ

Сторожка в лесу
Вдали от дорог.
Едва переступишь
высокий порог,
Увидишь –
Сухие дрова у печи.
Да соль в коробке,

Да огарок свечи.
Согреешься -
Дальше отправишься в путь.

Но прежде в сторожке
оставь. Не забудь:
Поленницу дров
Для растопки печи.
Да соль в коробке,
Да огарок свечи.

КАЗАНКА

Геннадий ШМАКОВ

В избе печурка-барабанка
Ночуй да чай себе согрей,
в глуши безлюдная Казанка
стоит без окон, без дверей.
Была древнею красивой:
карнизы, тонкая резьба...
Но заросла давно крапивой
умельца здешнего изба.
Казанку бросили крестьяне
за то, что путь к воде крутой.
Теперь стоит она в урмане
одна казанской сиротой.
Но только выпадут гюроши
да поседеют кедрачи,
сюда придет с заплечно ношей
Усольцев-дедушка с Бичи.
В избе махрой запахнет едко,
дед сварит ужин, сладит свет,
а лайки Найда и Валетка
обнюхают звериный след.
Здесь рысь царапала листвянку,
запрыгивала на сарай,
разбудят древнею Казанку
лихая прыть и злобный лай.
Уйдут собаки в ельник синий,
поднимут улицей метель,
и улыбнется дед Василий,
На эту глядя канитель.

ДУША ЖИВАЯ

Владимир МАКАРОВ

Пришло с годами: кажется, увижу
Сорожку на траве, так сброшу в пруд
И окуня теперь уж не нанижу.
Продев под жабры ивняковый прут,
И для ершишки жадного наживу
Насаживать не стану на крючок...
Пусть кто-то ухмыльнется:
дескать лжива
Вся эта сердобольность, землячок!
А я всерьез об этом заявляю,
Прослыть слюняем не боюсь теперь,
Хотя пока неясно представляю
- Душа смягчилась что ли от потерь?
Или к покою призывают годы
Все непреклоннее день ото дня?
Или мольба скудеющей природы

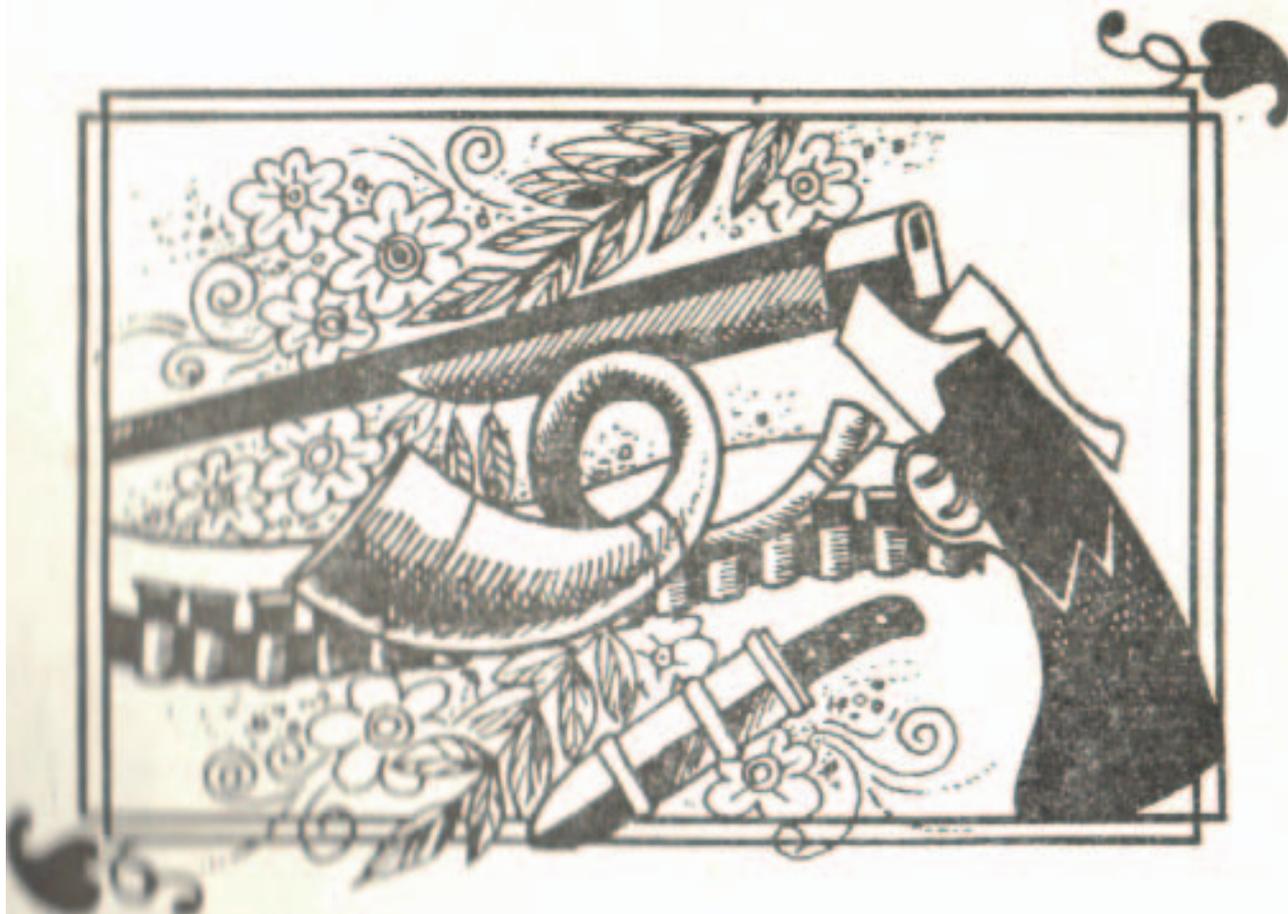
В конце концов, дошла и до меня?
Знать, состраданье к этой мелочишке
(Подумаешь - сорожка, окунь, ерш!)
Совсем не мелочишка; не мальчишка
И ты давно; душе, брат, не соврешь,
- Она, душа, отчаянно ранима,
И в том как раз спасение твое...
Пока тобой любимо и хранимо
Земное, столь непрочное жилье,
Пока за все живое совесть гложет
Тебя и от сомнений не уйти,
- Душа жива; она тебе поможет
И на бессмертье право обрести,
Когда увидишь, что твои усилья
Поденные - не обратились в прах,
Что землю не подслоем мертвой пыли
Ты оставляешь, уходя, в цветах!

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

**КНИГА
«ГОРИ, ОХОТНИЧИЙ
КОСТЁР»**

КНИГА ЛИРИКИ

Книга издана в 1991 г. (редакционно-издательский отдел города Омска)

СТРОКИ ИЗ ЛЕСА, С ПОЛЯ, С ОЗЕРА...

(О книге В. Зензина «Гори, охотничий костёр»)

Если вы, читатель, приобретёте и раскроете эту книгу, то вы немедленно, с первых строк, окунётесь, войдёте в многоцветный мир сибирских лесов и полей, ощутите непередаваемую атмосферу охотничьих ночёвок у костра, услышите голоса бывалых людей. Это неудивительно и вполне закономерно - ведь книга называется «Гори, охотничий костёр», и написана она человеком незаурядным, исходившим немало охотничьих троп - поэтом, мастером спорта по стендовой стрельбе Владимиром Зензиным.

Книга лирики В. Зензина объёмиста, солидна, она по существу является итогом многолетней работы автора, результатом его неисчислимых бдений на утренних и вечерних зорьках, наблюдений за родной природой и «нашими братьями меньшими». Вот они - то, - все эти крякухи и красавцы-селезни, тетерева и журавли, соболи и лоси - и являются, так сказать, главными героями задушевной, доверительной беседы автора со своим читателем. И, право слово, исповеди этого бывалого человека - я уверен! - найдут отклик в неравнодушных сердцах, которые не совсем ещё - в нашем раздразе и перепалках - растеряли любовь к живому.

Конечно, книга В. Зензина изрядно населена и людьми - ведь охотничьи маршруты сводят человека со многими и многими, и о них тоже поведал нам наблюдательный, вдумчивый автор. Люди в книге - самых земных, прочных профессий: комбайнёры, шоферы, рыбаки, - те самые, благодаря которым жива и будет жить земля российская, как бы ни хотели её расчленивать, раздраконить, распродать иные горячие головы.

Поэт влюблён в своих героев, он рисует их в самых обыденных коллизиях, но авторская любовь к ним высекает искру поэзии. Вот один из них – усталый, после работы, комбайнёр пришёл в кино, видит на экране ласковое южное море, а думы – о своём, о земном:

**«... надо запастись ещё картошкой,
дом подправить, заменить слезу...**

**Надо многое-
усталость клонит,
и глаза слипаются без сил.
Чудится ему: свои ладони
в ласковые волны опустил!».**

Так и видишь этого сельского механизатора, которому и руки то хочется опустить в волну морскую лишь для того, чтобы остудить в ней жар страдной работы!..

В Зензин находит точные, ёмкие слова для описания того незатейливого с виду сельского быта, который и держит душу «на плаву»: у одних, давно оставивших отчье село, - воспоминаниями; у других, верно служащих родной земле, - повседневными встречами с нею. Но для того и существует поэтическая речь, чтобы заметить эту обыденную красоту, заметить и показать её нам:

**«Потемневшая бадья
пообилась, обветшала,
жёстким ободом света,
вниз скользнула, как бывало.
С наслаждением пью и пью,
кланяясь с любовью прежней
избам, срубам, журавлю
и словам из песни нежной».**

И, как уже сказано вначале, не пожалел стихотворец строк для лесных, полевых и озёрных обитателей! Сколько теплоты, юмора, сочувствия разлито в этих стихотворениях! Но здесь я позволю себе маленькую «хитрость»- я не буду цитировать эти стихи, а предоставлю возможность читателю, влюблённого в природу, самому неторопливо и со вкусом находить эти добрые строки, во множестве рассыпанные по страницам книги. И я по-хорошему завидую той светлой радости, что ожидает читателя при знакомстве с книгой В. Зензина.

Написанные строки – не рецензия в традиционном смысле, - это просто отклик, слово о многолетней работе моего товарища...

В целом же, хочется поздравить автора с поэтическим дебютом, а любителей природы сибирской пригласить к чтению лирических строф о родном крае. Думаю, особое место среди читателей займут и охотники, и рыбаки, и туристы.

И пусть поэту не изменит с годами чувство, столь точно выраженное в его собственных строках:

**«...Лишь прокричит сова, взлетая,
да мышшь прошелестит в копне, -
и снова тишина густая
рождает музыку во мне!»**

ВЛАДИМИР МАКАРОВ,
член Союза писателей,
газета «Омская Правда», 23 апреля 1992 г.

ТРОПИНКА

Тропинка уводила в вечер
и вдруг исчезла из-под ног...
вот могла по поясу...
вот по плечи...
а от зари один дымок.
Иду вперед почти на ощупь,

но загорается звезда,
та,
первая,
на грани ночи.

И бездорожье –
не беда.

Даль, опрокинутая
с небом
в озерной сини...
Журавлей
далекий крик.
- Ах,
где там,
где бы
мне разглядеть их поскорей!
Цветы склоняются в истоме,
разнеженные
солнцем
майским,
а иволга в березках стонет
- лежу в траве я,
тихий мальчик.
Еще не мучимый судьбою,
еще и жизни не постиг,
я слышу небо голубое
- бездонный
журавлиный
крик!..

ТОКОВИЩЕ

На синь воды слетает
от вербы желтый пух...
В тетеревиной стае
красавец есть –
петух!
Он –
токовик,
он первым
к поляне подлетел
и, распутивши перья:
«Чув-ши!
Чув-ши!..»
- запел.

И сразу меж деревьев
летит со всех сторон
таинственный и древний
тетеревиный звон!..
Слетевшись на поляну,
по парам здесь и там
пустились птицы в танец
- клич рвется к небесам!
Хвосты пораспускали,
крылами бьют –
лишь тронь...
Горит над бровью алой
воинственный огонь!

О чем звенит в ночи осока?..
О чем ей вторят камыши?..
Счастливым я
и одинокий
томлюсь в задумчивой тиши.
Березы,
затаив дыхание,
склоняют ветви над тропой,
и звезды с робким
заклинаньем
срываются к земле стрелой!..
Лишь прокричит сова,
взлетая,
да мышь прошелестит
в копне –
и снова тишина густая
рождает музыку во мне!

ПАИСЫЧ

Угрюмая темная вода
под низкой крышей снежной
тучи,
на камышинке
в серье льда
высвечивает лучик!..
Вызванивают камыши
далекий посвист злой метели,
и лишь красавицы-крякаши
на юг еще не отлетели.
Да стайка белогрудых птиц
ныряет в ледяную воду,
похожих чем-то на синиц,
несущих снежную погоду,
...Светлеет темная вода,
в себя снежинки погружая,
пустынно озеро...

Едва

вдали я берег различаю.
Кряжист Паисыч –
экий хват,
долбленку впереди толкая,
бросает мне веселый взгляд –
его я понимаю!

Он стар,
и звоны камыша
ему любимей песни!..
Последний выезд.
не спеша
веслом просторы крестит.
Бормочет что-то про себя
не верующий в бога,
и я,
еще нежней любя
его,
отстал немного.
Пусть поколдует,
поворчит
на снежную погоду...
- Придется ль весла намочить
еще через полгода?!

Мы вновь с тобой, Пономари,
-Мое лесное озеро!..
Лось рядом,
в отблесках зари,
блестит рогами грозными.
Виток оточенных мечей
к воде он опускает:
пьет медленно –
и мрак теней
со дна к нему всплывает.
Прядет ушами...
головой
мотнул
и замер чутко!..
И, взглядом встретившись со
мною,
стоял еще с минутой.
Потом –
прыжок!
И враз исчез,
треща вдали талами...
И снова тих прибрежный
лес...
Ружье блестит стволами...
Пономари!
Пономари!..
Мне доставляет радость
стоять
вот так
в лучах зари
и пить твою прохладу!

ЧИБИС

Пронзительный чибиса крик
заставил меня оглянуться:
пес, высунув влажный язык,
до птицы хотел дотянуться.

Та,
хлопая резко крылом,
взлетев,
тут же пала
подранком...
Почти перед самым то псом
вела себя смело и странно!
Пес злился,
в прыжках
настигал,
но чибис у самого носа
подпрыгивал,
снова взлетал...
Крик жалобный по полю
несся!
Я знал:
не случится беда
и чибис совсем не подранок,
уводит он пса от гнезда.
И все-таки
риск был на грани!

В заре,
над талою землей,
чернеющей,
дымящей паром,
летела низко птичья пара,
сверкая снежной белизной!..
Над камышами
взмах тяжелый,
должно быть, ослабевших
крыл,
казалось –
в воздухе застыл!..
Но только кликаньем
веселым
ко мне на встречу воздух
плыл...
Стою в низине я под гривой:
еще озера подо льдом,
еще снега в лесах кругом –
и этот сказочно красивый
миг
постигаю я с
трудом!
И вспоминается мне осень:
уже пустынные поля,
замерзшая, как лед, земля
- затянута дымкой просинь!
В озерах только полыньи –
последних лебедей лавины
плывут по небу, словно
льдины,
под крики грустные свои!

На белых крыльях виден снег
и в мощных взмахах –
свист метели!..
Была зима длиною в век –
и вот,
вы снова прилетели!!

ЯЧМЕНЬ

Заколосившийся ячмень
передо мною встал внезапно
и оживил забытый день,
и возвратил горячий запах.
Боготворю те колоски
в осеннем поле
неуютном,
которые домой несли
украдкою,
в раздумье смутном.
Война,
печали черный дым,
за что та горькая расплата?!
И даже став теперь седым,
мне хочется той болью
плакать!
Благословляя новый день,
взошедший с мирною зарею,
боготворю тебя, ячмень,
покрытый чистою росой!
Мне жизнь полей мудрее
книг
была –
в мозолистых ладонях
я доброту земли постиг –
прими любовь мою с
поклоном!
И колосись вовек, ячмень,
той светлою памятью,
живою,
где каждый трудный
честный день
отмечен и моей судьбою!

Закат лиловый потонул
на дне озерной глади,
а месяц сверху протянул
дорожку светлой пряди!..
Глядят из темной глубины
огням звезды разом!..
Среди царящей тишины
я думаю о разном!..
Лодчонка старая
моя
скользит...

- И капли с весел,
срываясь,
в тишине звенят
и в сердце грусть заносят.
Камыш, склонившись тяжело,
спит мирно над водою.
- Так что меня
сюда влекло
дорогой дорогою?!
Доверчива благодать
целительных просторов,
где престарелая ждет мать
за выцветшею шторой?..
Иль этот голубой покой
под кваканье лягушек
и птицы странный крик
ночной,
что содрогает душу?!..
Вновь за кормой бежит волна,
почти что на заметна,
как годы,
как Судьба сама
- лишь гребень тихо светит!
А месяц ткет из серебра
ковёр дорожки длинной –
и плыть по ней мне до утра
в край сказочный,
былинный!

В этом крае камыши
Высоки, как лес,
бесшумны.
Версты плыть –
и ни души,
жуткая за полночь
лунность.
по протокам,
с плеса в плес,
пробираюсь.
Мучит жажда...
В тьме глубинной сотни
звезд,-
обступает зыбь и лавда...
Лишь ондатры
здесь и там
дыбят воду,
как торпеды...
И на линьке
гусакам
страха
в крепях здесь
не ведать!..

В огородах пожухла ботва
и капустные грядки белеют,
загустела вверху синева –
глядя в небо,
все чаще немею...
Холод выбелил к ночи ложок
и ледком прозвенел по
кюветам,
мне охота –
горячий глоток
уходящего в зимушку лета!

Крик гусей заплутал в
вышине,
и колючие ветры печалют,
но тревожно и радостно мне
в эту ночь
на безлюдном
причале.

У ОЗЕРА ДУБАСНОЕ

Одинокая дорожка
вдоль талов
и кочкарник
в заболоченной низине...
Легок шаг –
и не слышать твоих
шагов,
ты сейчас предохранитель
плавно
снимешь!
И с ружьем на изготовку,
снова весь
замирая
в этом сладком
напряженье,
точно знаешь:
птица рядом,
где-то здесь!
Шаг за шагом...
И томительны мгновенья!
От высоких,
пожелтевших,
ярких трав
веет терпко
дикой
свежестью тумана...
Шумом крыльев
тишь лесную
разорвав,
низом тетерев
взлетает из
бурьяна!!

СТАРИЧЬЕ

Терлееву В.М.

Столбы в обрывках проводов
встречают нас при въезде.
Бурьян да ямы –
нет дворов,
и не играют дети.
Два дома в улице пустой
без окон...
За оградой
погост, кресты...
Стою немой
от мыслей безотрадных.
А рядом вольные луга
и с синевой озера,
шумят листвою с бугорка
березки, с ветром споря!
За гривой рям – сосновый рям
с морошкой и брусничкой!..

Старичье –
душу я отдам
за блеск природы дикой.
За твой нетронутый покой
в просторах ясно-синих,
за этот воздух неземной
чуть с горечью полыни!..
- Вы, люди с черствою
душой,
во власти беззаконной
смахнули жизнь с земли
родной,
оставив мне два дома.
Так пусть они в осенний час
здесь, на охоте вольной,
напоминают всякий раз
о нашей родословной

Мой первый выстрел?..
Майским полднем
луга в воде по окоем...
Он громом стаю уток поднял,
оставив с раненым крылом
красавца- селезня!..
По плесу
бежал я,
сколько было сил,
не помня, где берданку
бросил,
я долго селезня
ловил!
Мне, восьмилетнему, по
грудь
была вода
со снегом
талым...

Пытался селезень нырнуть –
и в брызгах радуга
блистала...
Война, голодное житье,
где лебеда,
а где мякина.
Охотничье то ремесло
почетом окружило имя!
Охота нянчила меня,
воспитывала, закаляла,
в восходе, на закате дня
своими сказками пленяла.
Учило Родину любить-
ее луга, ее разливы!
Учило бережливым быть
и даже в бедности –
счастливым!..
- Гори охотничий костер!
К тебе я снова возвращаюсь,
где вольность духа,
где простор,
где на губах пахучий
щавель!..

ТЕТЁРКА

На ветках приоткрылись
почки,
и зелень смутная сквозит,
чуть наклонясь,
тетерка квохчет...
А на поляне пух летит.
Она спокойно,
горделиво,
с березки смотрит на луга,
и перья серые
с отливом
в лучах зари -
как жемчуга!
Внизу,
под нею,
бьются в парах
тетерева –
она глядит,
как зорька ширится
пожаром...
Восходит день –
кто победит?

НА ЗАИМКЕ

Когда еще на небе звездном
лишь только проблески зари
и в кедраче так осторожно
сидят на кочках глухари,
когда еще к ручью напиться
зверь не спешит
и всюду тишь –

вдруг сердце негой
затомится,
и ты уже не спишь,
не спишь...
Полупроснувшись,
одинок
ты смотришь,
слушаешь,
молчишь,
к заутренней
звезде
высокой
душою прежнюю летишь!
И долго-долго,
полулежа,
открыв глаза в глухую ночь,
мечтая вновь о невозможном,
- не знаешь,
как себе помочь.

У домика бригады
под увалом
переплетает ивы
дикий хмель,
и там во тьме,
туманной и усталой,
кричит ночная птица -
коростель!
А наверху,
где нива колосится
густая,
над зеленою волной
всю ночь сверкают
яркие зарницы,
и плавает
целительный
настой...

По прокосам
на тихих опушках
я по краешку леса иду...
Словно сестры,
белеют волнушки
горделиво на самом виду.
На дары край родимый не
беден,
и грибы –
хоть литовкой коси,
этот выход,
пожалуй,
последний-
на прощанье ты их собери.
Собери
и в корзине старинной,
что когда-то из ивы

плел сам,
отнеси их
больной Акулине,
так любившей
ходить по лесам.

ТАРЗАН

Он родословной - из собак,
берущих след большого
зверя,
но получилось в жизни так –
он охраняет в доме двери!
Неделю на цепи сидит,
скулит надрывно,
просит воли...
Но в выходной –
довольный вид,
мы с ним вдвоем выходим в
поле!

Хвост распустил
и морду вниз,
повизгивая,
к кочке рвется –
в мгновенье
перепел под свист
влетел!..
За ним Тарзан несется.
В прыжках огромных,
напрямик,
задравши голову высоко,

Тарзан неистов –
словно миф
охотничьей
поры
далекой!

Закат лиловый потонул
на дне озерной глади,
а месяц сверху протянул
дорожку светлой пряди!..
Глядят из темной глубины
огнями звезды разом!..
Среди царящей тишины
я думаю о разном!..
Лодчонка старая
моя
скользит...
- И капли с весел,
срываясь,
в тишине звенят
и в сердце грусть заносят.
Камыш, склонившись тяжело,
спит мирно над водою.

- Так что меня
сюда влекло
дорогой дорогою?!
Доверчивая благодать
целительных просторов,
где престарелая ждет мать
за выцветшею шторой?..
Иль этот голубой покой
под кваканье лягушек
и птицы странный крик
ночной,
что содрогает душу?!..
Вновь за кормой бежит волна,
почти что не заметна,
как годы,
как Судьба сама-
лишь гребень тихо светит!
А месяц тклет из серебра
ковер дорожки длинной –
и плыть по ней мне до утра
в край сказочный,
былинный!

ГУСИНЫЙ ПЕРЕЛЕТ

В осеннем небе пеленой
снег мокрый
день кружил,
и где-то сверху
надо мной
гусиный крик поплыл!..
За клином клин,
стрелой на юг,
по ветру,
торопясь,
белесый разрывая круг, -
армада птиц неслась!
Темнело...
но тревожный крик
буравил пелену,
над озером громадным Ик
он медленно тонул.
Я, засыпая,
приоткрыл
стекло в своей машине
и долго слушал ветра рык,
плач птиц невыносимый!..
Проснувшись, рано по-темну,
услышал те же крики,
и так же хлестко по стеклу
снег с ветром бился дико!
Но странно –
тот гусиный крик
плыл в разных направленьях,
и в клиньях чудился изгиб-
в них распались звенья!

Светало.
Призрачно вверху
вновь птицы проплывали,
их разметало на ветру,
к земле их прибывало!
И вот над гривою уже,
от массы отделяясь,
снижались стаи в вираже,
на поле приземлясь!
В снегу,
в желтеющей стерне
искали птицы зерна,
а чуть подальше, в стороне,
виднелся плес озерный.
Гусей скопились тыщи там –
стонала вся округа!
... Два дня как дома,
но ушам
все слышен крик в той выюге!

ВЕСЕННИЕ ДАЛИ

На пролете птичья стая
к озеру спустилась утром,
оперением блистая,
расплескала ночи сумрак!..
Плыли льды светло по плесу-
как осколки белой выюги!
Селезень,
взлетев,
пронесся
круг...
И снова сел к подруге.
Птицы весело купались,
и взлетали брызги градом,
и заря в них отражалась
сотней самых ярких радуг!..
Солнца слиток раскаленный
всплыл!
Пожар окрасил воду!..
Взмыла стая –
клич влюбленный
долго несся в небосводе...

Оранжевое в синем
над плесом занялось!
Берега раздвинув,
половодье понеслось!
И белый лед,
сверкая,
торжественно плывет,
поет,
звенит, ломаясь,
попав в водоворот!

Отсвечивая холодом,
стоят в воде талы,
и веточки их –
молоды,
и почки так светлы!
Гудит буксир протяжно,
пуская белый дым.
О, как сегодня важно
и мне быть молодым!..
Причал слегка качается
под робкий всплеск волны,
в тревожном крике чаячем
слова твои слышны!..
Мерцающая,
синяя
запламенела гладь!
- Заря,
Ну, обними меня
и дай весной дышать!

Как я любил по вечерам
в лугах,
пронизанных туманом,
спешить с ружьем на выгора
и ждать в тиши зари
желанной!
Последний лед кусками плыл
по плесам,
белизной сверкая,
- веселой выюги
поздний пыл
лучом холодным отражая!
Темнело,
и густел туман,
и звезды в выси загорались,
кричали птицы здесь и там –
и стаями с воды срывались!
Сжимая пальцами приклад,
я слушал посвист каждой
стаи,
стремящейся сквозь
звездопад
на Север,
где еще не тает.

ОХОТНИЧЬЯ ЗАРЯ

Шмакову Г.

В полнеба разлилась заря,
и лес звенит от пробужденья!
Всё, как спрессованный
заряд!..
Как тетерев в любовном
пенье!

В кустах еще дымят снега,
а с края солнечной поляны
блестит подснежников гряда
и ароматом нежным манит!
Ковер игольчатый
травы
зазеленел в лучах апреля,
а почки ждут своей поры –
в тепло не очень веря!
И жаворонок в небесах
звенит,
звенит влюбленно,
малиновка поет в кустах
над речкой ослепленной!
И как здесь свежестью такой
не надышаться,
не напиться!?
И с посветлевшей головой
в берёзку не влюбиться?..
«Чув-ши!» -
зовут тетерева
и в парах бьются на поляне...
Пляши!
Свисти!
Рождай слова!..
- пусть выстрел твой не
грянет.

ВЕСЕННИЕ ПАЛЫ

Чибис в небе,
как стреножен,
низко кувыркается
и кричит вблизи
тревожно,
так,
что мне икается!
Луговина заливная
окаймила старицу,
гоголей свистящих стая
с шумом вниз спускается!..
Тянет с паром от земли
запах листьев прелых.
Облака,
как корабли,
в гавани апреля!
Жаворонок изнемог
в песне нескончаемой,
и кузнечика смычок
пиликает отчаянно!
Зеленеет куст талов
в крошечных листочках...
Вижу дальний дым палов
- лес горит?..
Ну, точно!
Надо ж, выдумать палы
вдоль лесных окраин!..
Да, для глупой головы
нет разумных правил!

Литые
ладони
плуга
врезаются мягко в стерню,
мгновенье –
и пласт упруго
отсвечивает зарю!
В кустах еще снег таится,
а в воздухе пахнет весной!
И с криком гусей вереница
на Север летит надо мной.

УТОЧКА СЕРАЯ

На кочкарнике в тихой
пойме,
у большого куста ивняка
мне трезвонят лягушки
довольные,
что опять полноводна река!..
Зеленеют луга заливные.
Кряква дикая прячет гнездо,
рядом селезень - гордый,
крикливый-
ищет, мечется,
бьет крылом!
Уточка, молчаливая серая
в прошлогоднем
густом камыше
обложила гнездо свое
перьями,
дремлет радостно –
май на душе!
Снятся ей приозерные зори,
плес,
утята ныряют вокруг...
Снится даль, голубые
просторы
и взлетевших птенцов
первый круг!
Видится над полями густыми
стайки дружной
высокий полет...
Не парчою из перьев
красивой-
ее сердце любовью живет!
Уточка моя серая, милая,
день и ночь на гнезде ты
одна,
для меня ты такая красивая –
как родная моя сторона.

Высокие слова
в прекрасные напевы
слагает в майском небе
синева...

Летят,
разят невидимые стрелы
желаний прежних –
и мечта жива!
Огни в ночи...
Ах, эти боли слева –
то бьется сердце
в стиснутой груди...
Я различаю тайные напевы,
я слышу,
как земля поет,
гудит...

Глухое озеро...
Талы
цветут,
к воде склоняясь,
на гнездах утки.
Словно дым,
плывет заря,
купаюсь!
Красавец-селезень
в камыш
кричит призывно,
долго,
взмахнул крылом –
и снова тишь,
лишь разбежались волны...
Слетает желтый пух с талов,
плывет,
присев на воду...
- А может, то
своих птенцов
крякуха
в плес выводит!?.

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

ОЗЕРО ДОЛГОЕ
Моя живительная чаша,
светлейшая!..
Мне пить и пить
глотками
зори непогашенные,
из детства
в старой лодке плыть.
... Стою в корме,
шестом толкаюсь –
босой мальчонка –
в восемь лет,
как драгоценность выбираю
в сетях рыбешку –
ярок цвет!

Карасики,
то с золотистой,
то с серебристой чешуей,
а сеть вся
в капельках искристых.
И чайки вьются надо мной...
А вечером
с берданкой старой
сизу в скрадке
и долго жду,
когда сплывутся утки в парах
–
и ствол за ними я вожу!..
Я возмужал здесь,
вырос смелым
- здесь строил сказочный
шатер.
И сильный духом,
крепкий телом,
шел бедам
всем наперекор!..
Теперь, устав от гула,
пыли,
спешу из города сюда,
где с детских лет
мне полюбилась
твоя
чистейшая
вода!

Косачи поутру почернили
стерню,
мы траву пожелтевшую
косим
не на план,
на Буренку свою,
мама часто вздыхает: «Ах,
осень!..»
С укоризною мама глядит на
прокос,
на пожухлые, зябкие травы.
Рядом поле – такой
раскудрявый овес,
шепчет мама: «Хотя бы
отавы...».
Старший брат оселком
поправляет косу,
водит быстро брусочком по
краю,
сталь искрится...
Я воду несую,
она плещется, как ни
стараюсь.
А сестра под копною с
грибами сидит,
выбирает на суп сыроежки.

Пес внимательным взглядом
за нею следит,
Взгляд собаки
пронзительно-
нежный.
...Проплывает опять клин
гусей в синеве,
рассыпаясь в причудливый
веер,
мать идет по некошенной
редкой траве,
держит бережно сорванный
клевер.
- Вот такого добра
накосить на сенцо,
можно чай заварить,
- и вздыхает,
нежно гладит меня
и светлеет лицом.
Снова крики вверху
- клином стаи.

Вокзал сей,
как избушка,
приземист,
дверь с вершок...
Напротив две старушки,
а рядом
мужичок.
В руках он сети крутит,
наверное, рыбак,
старухам воду мутит:
купил за
четвертак.
Та четвертак
и эта, -
за две пошло полста...
Пытается в газету
свернуть, - да ни черта
они не подчиняются,
как окуни скользят...
Он долго с ними нянчится,
глаза светло блестя.
- Теперь мы будем с рыбкой, -
все бабкам он толмит...
Кивают те с улыбкой:
- Поймайся, рыба-кит...

Гоцкало И.В.

В который раз за осень эту
Ялуторовск
в ночи мне светит...
Вхожу я к вам на огонек.

Согретый чаем и приветом,
я рано утром на рассвете
спешу в озерный уголок.
Вдыхая свежесть и прохладу,
я пробираюсь по лесам...
Иду по зыбким камышам...
- и нахожу во всем отраду!
Прекрасна осени пора,
прекрасен отдых у костра!
Когда под вечер луч косой
ласкает листик золотой
и тени длинные ложатся,
тревожен птичьих песен звон
– прощальной песней льется
он,
им скоро с нами расставаться!
Бескрайне небо голубое,
светла торжественная даль,
а на душе совсем иное
- неизъяснимая печаль.
И близки в эти вечера
тоска и боль моих «вчера».

Прихватит сердце разом –
и отпустит.
Совсем не боль...
Дыханье затая,
я вслушиваюсь в пульс
впервые с грустью
среди веселых звуков бытия.
Как билось,
сильное и молодое!!
- Еще, пожалуй,
рано уставать?!
Но появилось смутно
в нем такое,
что хочется ладонь
к груди прижать.

В ЭКСПРЕССЕ

Всю ночь звенели тихо
рельсы,
а утром встал,
глаза протер –
и всматриваюсь с интересом
в сибирский
голубой
простор!
Россия!
- без конца и края
поля равнинные, леса...
Хребты Кавказа
и Алтая
лишь где-то держат небеса.

А здесь,
среди усталых пашен,
меж тихих рощиц в серебре
река, деревню обласкавшая,
румянец студит на заре!
Да стадо пестрое неспешно
взбирается на косогор...
О, Родина,
в раздумье нежном
на всем задерживаю взор!
Как старику,
что на восходе
с росой
бредет косить в луга,
ты каждой капелькой на
стоге,
травинкой каждой дорога!
Ты дорога мне полустанком
и домиком на берегу
- и я другим уже не стану,
любить иначе не смогу!
И эти в дымке перелески,
дорог размытых колеи,
и эти люди,
эти песни
- они со мной,
навек мои!

В ПОХОДЕ

Закат...
Притихший лес оплавлен,
не вздрогнет
ни один листок,
и облака уходят плавно
куда-то в сумрак, на восток.
Блестят огни в деревне
дальней,
в полях тумана пелена,
и только коростель печально
кричит в болоте допоздна...
Костер зажжен:
и сразу пламя
рождает огненный цветок,
он, распускаясь лепестками,
все выше тянет стебелек!
... Присели,
тихнут разговоры,
на лицах отблески костра,
висит гитара на березе,
росинки струны серебрят!
За гривой, в согре,
ухнул филин,
над речкой вскрикнула сова –
мурашками по нашим спинам
разлилась древняя молва!..

Прошелестела под палаткой,
быть может, ящерица ,мышь?
Во всем таинственность,
загадки
- и жадно в темноту глядишь.
Туман густеет, меркнут выси,
и гаснут огоньки в золе...
- Просты и задушевные мысли
в час откровенья на земле.

О, жизнь упрямая,
смешная,
ты тяжелей день ото дня!..
Ты, правду с чернотой мешая,
так больно мучаешь меня!
Порою слабым и незрячим
иду от споров в отчий край,
где пахнет пирожком
горячим,
где есть корова,
двор,
сарай...
А нынче –
оглянусь –
в округе
ни живности,
ни пирога.–
Голодный мир?!...
И сам в испуге
бегу, хоть к черту на рога.
Как в детстве,
я готов картошку
промерзшую весной копать,
меж сосен собирать морошку
и в пять утра,
с зарей,
вставать...

Все шире степь,
прозрачней даль
- равнина без конца!..
Ковыль пушистый,
словно шаль,
коснулся вдруг лица.
И я ложусь
в цветы, в ковыль –
глазами в синеву.
плыву в предания и быль –
и в миражах кружу!..
А жаворонки,
словно хор
«Аскольдовой могилы»...
Чу!
Кони мчат во весь опор
-я слышу цокот сильный!

И словно Ярославны плач
сквозь легкий звон
кольчуги...
Но тихнет лошадиный скач
и ветер бьет упругий.
...Очнулся.
Рядышком блестит
наш газик под лучами.
Шофер ворчит,
ключом стучит –
и степь звенит мечами!..

Спокойный голубой Зайсан
вдали коснулся неба,
и вижу я: летит
баклан
ко мне вдоль побережья.
Красив баклан,
да, он рыбац-
мастак
- профессиональный!
Я на рыбалке просто так,
верней,
совсем случайно.
...Везет машина нас к реке,
в предгорье забираясь,
колеса шелестят в песке,
по оси погружаясь.
Я налегке,
зажав в руке
подаренную удочку,
да булка хлеба в рюкзаке-
к ушнице, может,
в будущем.
- Вот и река,
впрямь ручеек.
Настраиваем удочки,
но безразличен поплавок
и затихают шуточки...
Проходит час,
зной настает –
внезапно в струнном мареве
от моря к нам «сорога» прет -
и плавники, как зарево!
За косяком косяк...
Бурлит
река,
до края вспенена,
на берег удочка летит
- и в воду по колени я!
У ног ерши и окуньки –
ладони свел в черпак.
Колючи больно плавники,
зато ушница –
смак!..

Теряю ли,
приобретаю?..
Все реже тосты,
меньше встреч,
одно теперь я твердо знаю:
пора минуты мне беречь.
Прошли мальчишечьи угары,
ушло веселье дней лихих –
слышней сердечные удары,
а может, просто я притих?
Свой пульс со временем
сверяю,
ведь нынче день –
что раньше век,
знакомства старые теряю,
а без друзей –
гол человек!?
Взамен раздумья,
горький опыт,
сомнений всяких тяжкий
груз.
Кого-то по плечу похлопать
по дружбе скорой уж боюсь.
Не манит нынче берег Крыма,
в деревне отпуск проведу.
Я знаю:
деньги юг отнимет,
а что для сердца там найду?!

Нам лица жизнь избороздила
следами тяжкими морщин...
О, сколько мыслей,
чувств скопилось
в их тайниках
на дне глубин!
Секут нас беды,
суховеи,
метелей раскаленный снег.
А пуще - те, кто в нас посеял
вражду
в нелегкий этот век!
Повсюду рэкет,
вор,
убийца
- им мафия –
родная мать!..
Вожди и партии,
вам снится
лишь трон,
на прочее –
плевать!
А мне –
что до зимы колючей,
до мафии
и всех вождей?!

- Собрал оружие на всякий
случай
и жду последних новостей!

Пришел электрик –
на руках бинты,
без шапки –
на дворе ужасный холод.
Совсем малец,
и говорит на «ты»,
через плечо катушки белый
провод.
Снимает крышку счетчика,
тайком
он морщится от боли,
и отвертка,
врезаясь в бинт,
марает, как мазком.
Шурупы заржавели,
видно, мертво...
- Послушай-ка
дружище, - говорю, -
А, что с руками?
- Так, замкнул проводку...
Вот и порядок, все...
- Благодарю...
И он уходит твердою
походкой.
Почти пацан,
в замаранных бинтах,
льняные кудри,
знает сердцем токи...
А я
не мыслю в токах ни черта,
живя
под напряжением
высоким!

ДЕРЕВЕНСКИЕ УЛИЦЫ

В ДЕРЕВНЕ

Весеннего неба проталины
синие
отражаются в солнечных
лужах.
Скворцы,
трепеща нежно крыльями,
над скворечнями парами
кружат.
Иду...
А ледок потрескивает –
прозрачный,
тоненький,
хрупкий...

Утро лучами поблескивая,
навстречу их тянет, как руки!
Деревенская тишь невесома
и веселого солнца россыпь
бьет из окон каждого дома –
как и встарь слышу:
- Милости просим...
Не пройти и полшага здесь
крадучись,
и бросает в щемящую дрожь
та сердечность,
особая праздничность
- пред которой вовек не
солжешь!..
Не обманываюсь,
не загадываю,
постараюсь не быть сам в
долгу,
принимаю любовь вашу с
радостью
- где такое еще я найду!?

НА МЕЛЬНИЧНОМ ОЗЕРЕ

В блюдце озера
серебряное
пала ранняя звезда
и над веточкой сиреневой
осветила мне года.
Осветила горечь давнюю
и рассветный блеск озер,
где мальчишкою я плаваю –
голодранец-фантазер!
Вижу мельницу крылатую,
скрип телеги,
храп быков...
Весь в муке,
с башкой лохматою-
мой дружок поверх мешков...
Вновь ладонью растираю я
поседевшие виски,
по крупичам собираются
даты,
весны,
колоски...
Колоски-
ценою в золото,
в талом поле, у межи...
- Выплыл месяц,
стало холодное,
тишь вокруг,
и ни души.

Скучнеют сумрачные дали
в туманной дымке луговой,
над озеринкой прокричали
два журавля...

И вновь покой.
Так резко пахнет муравьями,
смородиной...
И чистый сок,
хмелея,
пенится над пнями,
не принимая смерти срок.
Березы белые вповалку,
разрезанные пополам,
на лесосеке светят жалко,
пугая сумрак по кустам.
Пора домой.
Лесной тропею
идем сквозь тени напрямик...
Сверкают зубья предо мною –
пила,
как хищника язык!

СЕНОКОС

Просторно утро:
синь,
ни тучки –
небес такая глубина!..
На вилах зазмеился лучик
и взмыла вверх копна.
Блестит роса,
еще не жарко
и мало паута,
клубникой пахнет...
Рядом ярко
шиповник светится с куста.
Стог с каждым взмахом
выше,
выше –
тянусь повыше я.
За волокушей посвист
слышен.
Надсадный храп коня...
А листья сыплются сухие
за ворот,
щекоча.
Ладони медью налитые
и тяжкий взмах плеча.
Устали руки с непривычки,
по телу –
дрожь...
Но шутит дед:
- Ты, городничий,
не зря наш хлеб жуешь!

РАЗВЕДРИЛО

С утра метались тучи,
и ветер листья рвал...
Разведрило –
и лучик
на лодке засверкал.

Вылажу из палатки
на солнечный простор
в одежде влажной,
мятой –
глаза свои протер.
Разведрило!..
Разведрило
и в мыслях и в душе!
И воля стала твердою,
и весь я посвежел!..

НА КЛАДБИЩЕ

Памяти Шелудкова И.П.

Пали капли на щеки и губы,
на могиле сырая земля!..
Тихий дождичек приглубил
травы спекшиеся,
тополя.
Моет щеткой иглистой
дорожку,
все поет
и стучит по листве –
и светлеет земля понемножку,
и сверкают цветы в
колдовстве!
Знать бы слово такое,
тайное:
чтоб воскресли на миг имена,
чтобы тайная горечь растаяла
–
стала поступь твоя слышна!
Там,
где мокрые ветви березы
у ограды зеленой грустят,
снова ладный стоишь ты,
тверезовый –
и искринкою светится взгляд!
Вот с пристенка
ружьешко достанешь,
в сапоги...
И к озерам – айда!..
- Никогда по тебе не устану
тосковать
в тихом шуме дождя.

ВЫГОРА

Здесь, помню,
были выгора:
весной вода их заливала
и рядом стадо отдыхало –
а осенью,
по вечерам
на плесах поджидая уток,
мы прятались в таловых
прутьях...

Потом, уехав в институт,
я позабыл болотце это...
Прошло лет двадцать,
вновь я тут –
иду в зеленом царстве лета.
О боже! Что за волшебство?!
- Там,
где дымились выгора,
навстречу лес встает,
поет,
листвою солнечно горя!
В прожилках клейковатых
листьев,
от бликов солнца и росы,
так целомудренно и чисто
сквозит иная жизнь весны!
Стою, смущен...
Прохладой веет
в тени больших берез, осин.
Смешон, кто прошлое жалеет
– у будущего столько сил!
Заплачу –
кто меня осудит?
Устал, а столь еще хочу!
За юность края – это чудо –
какой ценою заплачу?!

Потемнели поля,
перелески,
замутились у речки глаза,
и вороньей,
картавою вестью
громыхнула за далью гроза.
Пыль взвилась,
и прогорклые травы
вдоль дороги
взмахнули листвою...
Я лошадкою бурю правлю,
торопясь поскорее домой.
На охапке зеленого сена,
полулежа, смотрю в небеса,
где меняется цвет постепенно
облаков.
А между них – полоса!
Полоса с синевой
бесконечной!..
Полоса –
как дорога мне вдаль!..
- В первый раз я подумал о
вечном,
беспредельном...
И стало мне жаль:
этот луг,
этот сон деревушки –
эту малую точку земли...
И прикрывши глаза,

долго слушал,
как раскаты
все небо трясли!

Вечереет...
Плес бледнеет,
стынут дали.
В редкий лес
туман пролез.
Тени пали...
По верхушкам,
по макушкам
прыгают лучи.
Придорожный,
осторожный
дом молчит.
Над полями
и лугами
проплывает сон,
и в гаданье,
и преданье
вечер погружен.
Заметалось,
отражаясь,
пламя у реки.
Замолчали,
размечтались
рыбаки...

Луг отавою высокой
под ноги бежит...
Вот и согра,
- в кочках мокрых
плотный куст стоит.
- Здравствуй,
ягода-смородина!..
Раздвигаю тихо куст –
и она качнула гроздьями,
сладчайшая на вкус!..
Я предельно осторожно
руки развожу –
с черным жемчугом горошин
ветки на весу!
Влажный куст - еще в истоме
и росой блестит –
отсвет утренний,
знакомый
на листьях дрожит!
Дышат,
терпко дышат ветки –
белый пар внутри!..
Мир таинственный,
заветный
в капельках горит!

ОЗИМЬ

Бушуют снежные метели
в моих задумчивых краях,
повсюду белые постели
в холодных стелются полях!
И, словно покоряя осень,
весенним пламенем горя,
зеленая,
в росинках, озимь
под снегом залегла не зря.
Средь листопада,
черных пашен,
среди засыхающих лугов
она в сто раз казалась краше
да и дороже
всех цветов...
Я вспоминаю ее часто,
лишь за окном завьюжит снег
– она, как обещанье счастья,
которое храню от всех.
Храню, но с грустью
понимаю,
что ей не в силах я помочь,
когда метель шальная, злая
в полях свирепствует всю
ночь...
Я одного хочу:
с тобою
прожить до вьюжной седины
и сохранить в душе с
любовью
зеленый уголок весны.

В деревенском дворе на
крыльчке
промелькнули короткие дни
и сегодня,
в назначенный вечер,
привязные щелкнули ремни.
В час прощания с летним
привольем
на дороге вечерней
лесной
наполняюсь тревожной
любовью
к стороне моей бедной,
родной.
Уезжаю...
Бегут перелески
и дрожит в позолоте листва,
а вдали мать все шепчет и
крестит
ее боль во мне вечно жива!
РОДИНА! –

Дальних лесов кружева
в инее бархатном,
чистом.
Высью искристой пленит
синева,
и белизной дали высланы!
Стынет деревня в холодных
снегах,
тянет дымок над избою.
С думой о хлебе,
о вольных лугах
мне не расстаться с тобою!
Кружится иная мелкая пыль –
белит ворота и изгородь...
И возвращает забытую былль
с надеждой,
которую выстрадал!
- Будешь ли сытой,
богатая Русь?!
- Будешь ли сильной,
счастливой?!..
Полям иду твоим...
Тягостна грусть
от мысли моей
сиротливой!

СЕНТЯБРЬ- КУДЕСНИК

Ах, какая акварель
в ярко-красочных лесах!..
Пахнет терпко дикий хмель,
ал шиповник на кустах!
Лист осины ярко-красный
на безветрии дрожит,
и на зорьке чисто-ясной
травы иней серебрят!
Тихо светит можжевельник,
ракита слегка блестя.
Рям зеленый,
как отшельник,
летний свет в себе таит!
Пожелтел камыш
прибрежный
и метелки поутру,
осыпая бисер снежный,
коченеют на ветру!

Не доехав до деревни,
на краю опушки слез...
Не припомню я деревья –
был ли,
не был этот лес?!

Вспомнил:
кустики здесь были
и осинки вдоль тропы...
- А теперь,
скажи на милость,
вымахали, как столбы!
Вспомнил:
рядом с мелколесьем
две березки на бугре
нас манили птичьей песней
теплым летом на заре!
Лазить мы по ним любили...
Высится теперь одна –
да и эту надрубили!?
И корява белизна!..
Подхожу,
ладонью глажу
шрамы черные в коре:
- Что, березка,
мне расскажешь
о прошедшей здесь поре?
Я охотником «бывалым»
в детстве шел своей тропой.
Был,
как ты,
тогда я малым –
а теперь,
как ты, - седой!..

НОЧНАЯ РЫБАЛКА

Лодку в озеро толкаю,
опираясь на весло,
и вода, звездой мигая,
расступается легко!
Брызжут блики...
Тихо, сонно
от борта бежит волна,
гладь озерная бездонна,
серебрят ее луна...
Вот и сети...
Осторожно
поднимаю поводки.
Тишину слегка тревожа,
с них стекают ручейки.
Падают не капли –
звезды!
И запутавшись, луна
в ячеях трепещет, слезно –
серебрится чешуя!
Снизу маленький карасик
зацепился плавником,
извивается он,
пляшет
чутким,
рыжим поплавком.
Вот добыча так добыча!

- «Рыбка золотая»,
мне в ладонь
смешливо тычется
и просит...
Отпускаю!

Камыш стеной темнеет вдоль
причала,
над ним кружа
в наплывшей тишине,
как по сигналу, чайки
замолчали
и сели на прибрежном
зыбуне.
Я задремал...
С лохматыми бровями
Емеля-дед
рукой убрал зарю,
прикрыл луга туманным
покрывалом
и заложил табак себе в
ноздрю.
И так чихнул,
что молния упруго
свилась над колосащеюся
нивой...
И рассмеялся, сотряся
округу...
...Проснулся я,
а надо мною – ливень!
Сверкали молнии,
грома гремели...
И я залез под лодку,
как сурок,
и вспоминал про дедушку
Емелю.
А сон-то
в руку –
слыл дед
как пророк!

И вот уж лето на исходе
и разговоры о погоде,
и день и ночь гремит страда,
и медленней бредут стада...
Я – отпускник,
мне осень в радость.
Ружье, рюкзак –
айда в леса!..
Смотрю на синий плёс с
отрадой
и улыбаюсь в небеса!
В лучах зари шиповник
жарко
блестит,
как раскаленный дождь!..

К березке тоненькой
прижался
и слушаю Вселенной дрожь!..
Вверху плывет:
«Кур-лы, кур-лы»...
И мыши шелестят меж
листьев,
и столько света,
синевы!..
И все отчетливее мысли!
И жжет меня опять тоска
о днях,
потерянных напрасно,
и клич прощальный свысока
летит ко мне мечтой
неясной?!
Вот красный лист
скользнул с осины:
«Так в чем я прав,
а в чем повинен?!»
Лес тих –
он золотом оправлен.
Я думаю о самом главном...

Озеро Травное,
с кочками, мошкаррой,
в ноги плещет волною:
- Погрусти ты
со мной?!..
Любо-дорого вспомнить
твой брусничный настой,
здесь, на дойке,
в подойник
лился звон с белизной!..
Я стою у причала,
и гольяны у ног
брызгают так отчаянно –
где же, мой поплавок?!..
Лес утихший баюкает
предзакатную тишь,
и брусникой, и клюквою
вновь к себе ты манишь.
Только страшно мне
вспомнить
детство с горечью слез:
здесь нашли мы покойника –
мальчик, Саша, замерз...
Эта горечь - навечно...
Чую дрожь своих рук,
но лучи, словно свечи,
гасят в волнах испуг.
Засмотрелся на воду:
все темней глубина,
стало мелко –
хоть бродом
перейду –
не страшна!..

А в городе –
заметней осень,
и в небе стаи птиц с утра...
Как хорошо пройти вдоль
просек и пусть –
ни пуха ни пера!
Теперь в лесу светло и пусто,
и на дорожке травяной
лист под ноги ложится
с хрустом,
светясь холодной
желтизной!..
Над городом - заката
просинь.
Иртыш –
как слиток серебра!..
И наскучавшись,
сердце просит
друзей
и шуток у костра!

Осень золотистая,
с шорохами,
свистами,
в росах серебристая,
с болью сердца
чистою!..
С горечью полынной
вдоль дороги стынувшей,
с обложными,
длинными
ливнями...
Несказанно дороги
мне леса твои,
что, редая,
вздогнули,
словно в забытьи!

Непроходимый
в заводи камыш
склонился над водой
- и дремлет чутко...
Вверху прошелестела стая
уток,
и снова разлилась тягуче
тишь.
Вода прозрачна,
глубоко, до дна –
рассматриваю рыбок с
интересом,
и с борта лодки,
осторожно свесясь,
пью жадно –
и пьянит меня она!

И смотрит из воды,
поймав с поличным
меня,
обветренное чуть лицо!..
Две капельки тяжелые
свинцом,
сорвавшись с губ –
летят в мое обличье!
Круги слегка расходятся,
скользят
по лбу, щекам –
и кажутся улыбкой!
На зеркале, ломающемся,
зыбком
так странно я гляжу в свои
глаза!
...Я долго пью,
и зубы леденеют –
засвищут скоро в небе
холода!..
И потому прозрачней и
светлее
день ото дня
озерная вода.

КОНЕЦ ОТПУСКА

Кричит желна...
Одна...
Другая...
- Лес вторит эхом голосов!
За стаей
пролетает стая
окрепших,
выросших птенцов.
И из-под самых ног,
у тропки,
взлетает перепел
звоня!..
Последние деньки короткие
у леса,
птиц
и у меня.
Поляна,
это понимая,
все ярче,
пламенем цветет!..
И паутина,
не цепляясь
за ветки,
медленно плывет.
А в небе столько света,
сини .
Высь бесконечна,
словно жизнь!..
Но вижу я,
как первым инеем,
вдали туманы улеглись.

И лес все больше золотится,
и листья начали кружить...
Пора и мне поторопиться:
дрова порезать,
двор накрыть...
Такие дни не любят
праздность –
работу просит жизнь сама,
ведь впереди
не лето красное,
а злая зимушка-зима.

Печальней не было и нет,
чем утра раннего ненастье,
когда осенний мутный свет
туманом может расползаться.
Когда меж стынущих берез
листва неслышная кружится
и под протекторы колес
на грязь сонливую ложится...
Не видно птиц,
лишь дробный стук
о дятле мне напоминает,
да между веточек паук
знакомо сети расставляет.
Свежо...
Туман слоится в дождь.
А мгла,
просторы заполняя,
в душе рождает тайно дрожь
с любовью
к сумрачному краю!

Продираюсь по болоту...
Кочки рыжие в воде
поплавками манят в топи –
вымок весь и пропотел.
Тальника густые прутья
преграждают,
ловят в сеть,
хорошо передохнуть бы –
только некуда присесть.
Всюду сырость,
всюду плесень,
на корягах гниль и слизь,
и не слышно птичьих песен...
И, вообще-то,
есть здесь жизнь!?
Только вижу я такое:
в кочкаре журавль сидит
и, ничуть не беспокоясь,
пристально за мной следит.
Он в гнезде...

А путь мой спешный
мимо, в сторону ведет.
Различаю отблеск нежный
перьев, шеи поворот.
Грациозный и покорный,
наблюдает он за мной,
я шагаю попроворней,
удаляясь стороной.
Не пойму: ведь мир не тесен
–
тут же бедность, тощий
мох...

Вспоминаю в поднебесье
песни грустные,
как вздох!

Сентябрь...
Теплынь...
- А снег идет,
он, как подснежник,
в Первомае
в траве повянувшей цветет
и тихо тает,
растворяясь!
Я с непокрытой головой
стою у рощи оголенной,
под пнем,
как память о былом,
кочок травы еще зеленой...
Снежинки в воздухе висят
и неохотно кружат,
кружат...
И завораживают взгляд
напоминаьем вьюг и стужи.

Отоспавшись в сытом тепле,
потянусь на ветра и холод,
и на зорьке,
душой посветлев –
буду свеж,
опьяняюще молод!..
И тропинка за мной побежит,
рыжеватой травой виляя –
у далекой
седой межи
в дымке утренней я расту.
Растворюсь в глубине лесов,
а потом появлюсь из тумана –
у задумчивых,
тихих стогов
я учиться спокойствию стану!
Подниму косачей на стерне
и стрельну в крякашей на
болоте,
а к обеду

на свежей копне
чай попью с превеликой
охотой!
И от чая
слегка разморюсь,
на спине полулежа,
мечтая,
засмотрюсь на тончайшую
вязь
облаков –
что, как сны,
проплывают!..

Уже и даль слегка желта,
крик чайчий –
мольбой!..
Вода прибрежная чиста
прозрачной глубиной.
В пустых полях
блестит стерня
да нити паутин...
Вверху курлыканьем пленяя,
скользит
уставший клин...
А в колке
косяники гроздь,
чернея, запеклась!
- Осенний лес,
моя любовь,
сгорающая страсть!
Светлеешь ты,
пустеешь –
что ж,
придет пора, звеня,
и в дом зеленый позовешь
мальчишкою
меня!

Горьковатый запах дыма
ветер издали донес,
под ногами в росах стынет
разметавшийся овес!..
Жду!..
За озером вечерним
различаю крик и лай,
просвистела утка- чернедь,
огибая леса край.
Как любил я на закате
по тропинкам здесь шагать –
луг не тот,
не тот характер,
чтоб, жалея, вспоминать!
Помню леденистый ветер,
слякоть –
я продрог, хоть плачь...

Выжил... И всего на свете
мне милей простой калач!
После супа с лебедюю
тот кусочек калача
ел я бережно и стоя –
был он с пыла,
сгоряча!..

И теперь в вечернем поле
неспроста поет овес
о забытой горькой доле,
что в войну я перенес.

В осень стылую,
в сырость ненастья
где-то в поле
под стогом сажу
и спокойно,
с любовным участием,
на родные просторы гляжу...
Моросит без конца
и без края
над лугами
и дальней рекой,
а душа
нежностью прорастает
и светлеет во взгляде слезой.
Я стараюсь простить
непогодину
и унять в сердце
тихую дрожь...
Мои думы о - доме,
о Родине,
и о прошлом –
чего не вернешь!

ОХОТНИЧЬЯ ЗАВЕТНАЯ ТРОПА

Охотничья
заветная тропа:
лесной рассвет
с полоской нежно-
алой,
грибной настой,
которым лес пропах,
ручей с осокой-
жесткой, полинялой.
Предутренняя сладостная
тишь
и куропатки белые на кочках,
безоблачная заревая высь –
где спутника светящаяся
точка!..

Охотничья
заветная тропа!
- Нет, не мирки,
миры летят навстречу
на крыльях птиц
и в легких облаках...
Мою ты
душу новизною лечишь!
Целебен воздух,
чист полей простор,
светла вода,
приветливы
дубравы!..
- Гори вовек,
охотничий костер,
не требуя ни денег
и ни славы!
... Уходит тихо к горизонту
день,
палатка растворилась меж
деревьев –
и светит мне в ночи
трухлявый пенёк,
и льются песни за рекой,
в деревне!

ТАК СВЕТЛО

Так прохладно на зорьке,
светло!..
Облака растворились в
просини,
лист пожухлый с деревьев
снесло,
и открылись сквозные
просеки!
Тянут клином на юг журавли,
и седая плывет паутина!..
Есть щемящее чувство
любви,
когда роща тиха и пустынна.
Над водой поднимаю весло,
и срываются капельки-
лучики!..
Так прозрачно –
что видно дно
на зеркальной
речной излучине!
Даль светла,
широка,
высока!..
Над живьем светит
хмельная радуга!..
Пригорюнился стог у леска,
только жду я чего-то
- и радуюсь!?

Луна
высвечивает возле ряма
поляну, что безлика и пуста.
Палатку ставим...
Весело,
упрямо
горит костер у стылого куста.
Туман с болота
сыростью доносит,
с деревьев осыпается
листва...
Трещит костер,
валежника подбросив,
готовим ужин –
праздничны слова!..

НА ОСТРОВАХ

Ноги затекли.
Пошевелился,
приоткрыл глаза –
светло, как днем!..
В лодку с боку
яркий луч пролился,
вороненым отражен стволом.
Очумел со сна
иль показалось:
больше солнца
в десять раз луна!..
Освещает яркое кресало
плес озерный
в глубину, до дна!
Камыши блестят,
звенят, как стрелы,
тетива их спрятана в воде.
Лунный свет разлился до
предела,
от него не спрятаться нигде!

Берег, лес –
ослеплены до ветки!..
Призрачно сквозит ночная
даль.
Все мертво,
и холодно высь светит,
и исходит от всего печаль!

Домик егеря.
Причал,
ровный лес, дорожки...
Нынче домик заскучал
старую сторожкой.
Но зато по выходным-
здесь столпотворенье:
«москвичи»,
«газоны»,
«зимы»
льнут к его строеньям.

Полны комнаты гостей,
а сегодня - вторник...
Золотистых карасей
чищу я проворно.
Пес зевает у крыльца,
бабка моет сенцы.
Два зеленых деревца
напевают сердцу
тихий, радостный напев
на господней воле...
И дымок,
с трубы слетев,
улетает в поле.
Егерь где-то заплутал
в озере с сетями...
Вновь транзистор забренчал
музыкой, вестями.
Выключаю...
Вечер тих,
солнце красит воду
и звучит в ушах мотив
песенки народной.

Как стадо,
разбрелись вдаль облака
на догорающем
вечернем
небосклоне...
За речкой,
в темной гуще лозняка,
в болоте топком
выпь ночная стонет.
Иду с ружьем тропинкой
луговой,
густой туман
белесой пеленою
встает,
волною катит над травой
и лижется,
как верный пес,
со мною!..

И неохота снять ружье с
плеча,
я провожаю взглядом уток
стаю –
иду я просто вечер
повстречать
и потому сегодня
не стреляю.

Последний ветерок в листве
утих,
все замерло,
лишь выпь неугомона.

Природа входит в душу,
словно стих,
и мучает тревогою бессонной.
И нет покоя мне,
и не пойму –
чего еще теперь от жизни
надо?!..
- Иду, как в юность,
в белую волну,
и льнет к щеке желанная
прохлада.

НА ОХОТБАЗУ

Кусты воровато глядят,
притаившись,
дождь липнет к лицу,
дразня...
Дорога раскисла.
От грязи налипшей
ботинки,
как двое щенят, -
скользят
и съезжают с дороги,
скулят и сопят в пузыри...
Рюкзак тяжеленный –
патронов в нем много,
на две-три удачных зари.
Один я бреду,
скоро база,
а запахи трав и цветов
дурманят забытым соблазном
–
как хмель отшумевших
годов!
Березы все те же!..
О, радость
тех дней,
где я пил майский сок
с такою истомой,
усладой –
а где же дворы,
ферма, ток?!
Деревни той нет и в помине,
вся база – два дома, сарай...
Дождь схлынул...
И вижу я синий,
озерный,
приветливый край.

В темноте
по узким, мелким плесам
пробираюсь сквозь густой
камыш...
Жалобно поскрипывают
весла,
нарушая вдумчивую тишь.

Вот и гладь озерная...
Дорожкой
катится свет лунный по воде,
кажется,
что в сторону немножко –
и луна исчезнет в темноте.
Но плывет она со мною
рядом,
льет в лицо мне
свой лимонный свет...
Островов заснувшие отряды
медленно смыкаются вослед.
Поднимаю весла
и бездвижно
жду отставших путников
своих,
и такая тишина –
что слышно,
как сорвавшись с весел,
дождь затих...
Где-то первых птиц раздались
крики,
посветлело слева в вышине...
И зари расплавленные блики
засветились тихо на волне.

Полосица невезенья –
и просвета нет!
И повсюду тени,
тени...
- Где же солнца свет?
Уезжаю на охоту
в дебри, в камыши.
На болоте все заботы
выбью из души.
Надышусь росой, хвоей,
освежу глаза –
злое, лживое, дурное
унесет гроза.
Буду слышать, как пичуга
прославляет высь,
и шепнет мне лес,
как другу:
- Весел будь,
держишься!
И добавит:
- Ты не хлипок –
будь в своем уме,
сколько не было б ошибок
в этой кутерьме.
- Не жалея свои потери,
впереди вся жизнь...
И смотрю я, как деревья
тянут ветви ввысь.

Как нудно дождик моросит
и даль туманом закрывает...
И кажется,
природа спит
и сам я,
словно засыпаю.
Накинув плащ,
прикрыв ружье,
слежу за озером рассветным,
каким-то слухом и чутьем
распознаю его секреты.
Под крики уток и гусей,
сквозь пелену дождя,
в тумане
я вижу ближе и ясней
девичий образ милый,
странный...

А пар восходит от воды
и пузырится гладь седая,
за камышом –
поля пусты,
с талов прибрежных
лист слетает...
Отсеребрили,
отцвели
и озеро,
и даль лесная!..
Лишь стайка рыбок
на мели
веселым светом отливают...

ОЗЕРО ДИКООЕ

На озере Диком странные
крики
да ветры ночные,
студеные, липкие,
в воде кочкара переходит в
талы,
роса по багульнику –
капли светлы!..
Перезрела
нетронутая брусника,
давно поосыпалась голубика,
над торфом деревья
сомкнули сучья,
скрывая сохатого
с рогами могучими.
Ноги ласкает из моха перина,
мучает кликаньем
плач лебединный.
Сколько их?
- Сотни, громадная стая,
тьму белизна над водой
прорезает...

Здесь,

на краю одичавшего света,
кончилось раннее тихое лето.
Лед по закраинам,
пух лебединный,
снег ли на ветках –
роскошный ли иней?!..
Озеро Дикое –
с поздними криками
птиц и зверья
и с болотными всхлипами –
мне наполняет загадками
душу,
буду всю ночь
это таинство слушать!..

Взорвав тишину
треском крыльев
в чащобе,
где плесень и хмарь,
мелькнул на мгновенье
и скрылся
матерый красавец –
глухарь!..
А ветки - сплошную стеною.
Под кирзою чавкает мох!..
И тьма комарья надо мною –
от писка их
вроде оглох!
Но запах багульника резкий
бьет в ноздри
- я зол и упрям...
Мурлычу под нос себе песню:
- Ах, где ты,
мой клюквенный рям?..

ПРОФИЛЯ

Большая гусиная стая
сидит на стерне вдальке,
в бинокль хорошо различаю
их позы...
Иду налегке.
Ружье да десяток патронов.
Скрываясь в густой раките,
я вышел на самую кромку –
согнувшись,
смотрю:
где же, где?..
Ах, вот они
рядом, родные –
одни,
голова опустив,
зерно подбирают –
другие
их подняли,
насторожив!

Еще проползти метров
тридцать
и можно, пожалуй,
стрелять,
но вижу:
так странно бездвижна
вся стая?..
- Честная ты мать!
Да как не узнал сразу,
олух,
фанерки –
ведь то, профиля!..
Охотник поднялся на шорох
из ямки,
глядит на меня...

ЖУРАВЛИ

Плывет седая паутина,
цепляясь за шести антенн,
а выше –
табор журавлиный!
Смотрю –
и вижу дальний день...
О, как любил я,
наслаждаясь
весенней чуткой тишиной,
следить –
как, в синеве купаясь,
вы растворялись с синевой!
И только слышалось:
«Кур-лы...».
И тени в облаках скользили,
не гуси-лебеди,
а вы
меня на крыльях уносили!..
Остыл сентябрь.
Заметней иней,
и пахнет горечью осин...
- Прощай же, табор
журавлиный,
я остаюсь в полях один!

В ШАЛАШЕ

Засыпают речка и поляна,
засыпает дальнее село!..
И белеют на лугах туманы,
словно лебединое крыло!..
Спите, подорожники и ивы,
и стога,
как стойбище слонов!
Спи, мой луг,
уставший и счастливый, -
я всю ночь
вас охранять готов!

Двуозерки...
Горький шавель,
дикий лук,
солончаки.
Мой сосед - Марянин Павел,
вдаль глядит из-под руки.
Там, вдали, над камышами,
утки бойкие снуют,
рядом конь прядет ушами,
пауты над ним поют.
У телеги конь привязан,
с Павлом к озеру спешим,
не побритый, в куртке
грязной,
он бредет, пуская дым.
От махорки, матерщины
разлетелось комарье:
«Настоящий, вот, мужчина», -
говорят все про него.
Он пастух и на охоту
звал: мол, знает дичи тьму...
Вечер красит в позолоту
небосклон,
камыш – в сурьму.
Где вода, где плес – не видно,
камышом все поросло...
Плачет птичка и в обиде
бьет по веточке крылом.

Ковер таежный мягок и зыбуч
– темно,
переплелись верхушки сосен,
и в них застрял
рассветный,
первый луч.
- Не верится,
что на пороге осень.
Нетронутый покой...
Смола, озон!..
Багульник резким запахом
дурманит,
гагары крик
вплывает в этот сон
от небольшого озера в
тумане.
... Урман.
Вокруг такая глухомань,
за сотню верст - охотничья
избушка.
Здесь в предрассветную,
глухую рань
люблю я дикий мир часами
слушать!..

- Да, такая вот история
приключилась у нас.
Был Теннис не меньше моря,
- начал тихо дед рассказ.
Дед – рыбак, он любит воду,
в лодке может ночью спать,
а предсказывать погоду –
словно семечки щелкать!
С бородой замысловатой
над размахом плеч тугих,
он рассказ повел:
- Когда-то
не было страстей таких.
Чтоб такая уйма люда
на машинах,
и сюда!
Утка поднята повсюду,
весел столь –
кипит вода!..
Раньше здесь была избушка
на все озеро одна,
жил тогда я со старушкой...
Помню,
раз пришла весна –
щука,
и карась, и окунь
в берег шли
икру метать,
и у самых
этих окон
мог хоть тыщу
их поймать.
Не сетями,
а руками
щук хватал из камыша –
вот с такими головами!?..
А теперь-то
ни шиша?
Есть-то
есть –
не та уж рыба...
И Гослов,
и Рыбнадзор
все разводят,
да не в прибыль –
недород,
а тот помор...
Зарастает,
обмелело –
и не жалко помирать.
А рыбацкое-то дело
надо тонко понимать...».

Дед умолк,
темно в избушке -
он не любит свет зря жечь.
На соломенных подушках
и на нарах нам всем лечь.
Молча,
скопом,
потихоньку
разбираемся впотьмах...
Словно сыч сидит в сторонке
дед,
в огромнейших пимах.

О, эта бешенная гонка
за неизвестностью
вперед!
И поиск озера в потемках,
и пристань,
что в тумане ждет...
Под светом фар собрали
лодки
и разложили чучела,
чайку попили,
а не водки,
и сразу в руки –
два весла!
...Поплыли в темень
по проходу
молчком,
себя не торопя.
И только мысли о погоде –
чтоб утром не было дождя.
Вот озеро,
на чистой глади
расставив чучела,
спеша –
единой утки, может, ради
мы растворились в камышах!
Камыш - еще в дремоте
сладкой,
но шире светится восток,
ондатра проплыла украдкой,
и рядом просвистел чирок!..
Мир открывается, светлеет –
все резче берег...
Выплыл лес!
Полоска света заалела
на самом краешке небес!

Осень на подходе...
Ночь кромешная
залегла в тяжелые поля!..
В небе чутко дремлют сны
нездешние
и созвездья искрами пылят!

Белый пар восходит из
лощины,
теплый, как парное молоко!..
В рюкзаке,
заброшенном на спину,
сеть пустая,
а в руке весло.
И, через плечо ружье
повесив,
сапоги омыв в траве росой,
вдоль речушки,
краем перелеска
я иду дорожкой полевой...
До чего ж приятна ночи

свежесть:
сладость трав
и робкий вдох деревьев
тишину баюкают и нежат!..
Вот луна всплывает над
деревней.
- Поднимись на цыпочки, не
бойся,
руки распластай к ней –
и лети!..
Низко-низко клонятся
колосья,
тяжестью молочной налиты!
Чудится,
как зерна в них твердеют,
и, быть может, от того внутри
глубоко во мне растут и
зреют
чувства –
и от них теплей в крови!!

Тепло в машине под
брезентом,
по крыше тарабанит дождь –
при мысли об ушедшем лете
по телу пробегает дрожь!
Полупроснувшись,
ощущая,
как приближается рассвет,
и медленно я одеваюсь,
и не включаю даже свет.
Пускай Иван поспит немного:
ему сегодня в ночь рулить,
грязища будет на дороге –
а надо двести верст пилить...
Открыл машину –
ветер льдистый,
и серый сумрак над водой.
Накинув плащ,
иду на пристань,
по сторонам - камыш
стеной!

Беру насос,
качаю лодки,
готовлю сети,
чучела...
И стройность
с твердою походкой
моя фигура обрела.
Размялся и согрелся малость,
дышу всей грудью на ветру –
и не пугают годы,
старость!
В рассвет уверенней смотрю!

Текут туманы
медленно и густо,
а в них плывут стога
и темный лес!..
Но явственней рассвет
на водах тусклых
с позолоченным краешком
небес!
Сажусь я в лодку...
От гребка весла
бежит вода,
зарей переливаясь...
Бросаю с поводками грузила
–
и чучела плывут
«живою» стаей!
Толкаю лодку с краю
камыша,
заламываю по бокам метелки,
и, затаившись, медленно
дыша,
я слушаю все звуки долго,
долго.

Как реактивный,
чернядь голубой
пикирует на плес...
Выпь прокричала!..
А вот почти над самой
головой
шальной чирок пронесся
одичало!..
Светает...

Четко вижу чучела,
и на стволах ружья
роса искрится,
ондатра мимо лодки
проплыла –
и в чучелах
вдруг вынырнула птица!

ПАРЯ НАШ

На пристань не спеша
я выплываю,
а в лодке нос завален дичью
весь:
здесь чернядь,
гоголь белизной сверкают...
крохаль чешуйчатый
и турпан есть!..
Вокруг машин народ везде
толпится
и, как всегда,
идут навстречу мне.
Я в полушубке старом,
в рукавицах, -
а валенки в галошах,
на ремне.
В стежёных брюках
прожжена штанина –
в таком я одеянии стою...
В военной форме
фирменной - мужчины,
другие в новых куртках...
Я смеюсь:
-Бездельники,
проспали вы охоту,
а водку ведь
и дома можно пить?!.
Но без обиды,
по плечу похлопав,
со мною начинают говорить.
Мол, где сидел на зорьке,
сколько чучел,
какую дробью гоголей
стрелял?..
Вдруг от телеги,
с сеном, перевьюченной,
дед подошел:
- А я то не видал?!
Во, то охотник!..
Ездите здесь разные,
у каждого - бинокль и
патронташ,
а дел – нема,
природу только дразните...
А этот - деревенский
паря, наш!

ОХОТА

Мой друг говорит мне:
- Охота,
очень охота в леса!..
Он знает любую заботу
на время возьмут небеса.
...И вот мы вечерней тропой
спешим, по осоке шурша.

Он в чунях,
в накидке просторной
под цвет кочкары, камыша!
В чехле по бокам –
два кинжала,
казацкая удаль видна!..
Спешим мы –
верст десять осталось
до озера,
час – до темна!
Пришли наконец-то...
Палатка
натянута...Стук топора...
И запах кондёра
к нам сладкий
струится уже от костра!
И вьется костра
дым прогорклый
под посвисты перепелят!..
Мы слушаем долго,
до зорьки,
как гуси на лавдах кричат...
Забрезжили чуточку выси!..
И громом, сердца горяча,
вдали прогремел первый
выстрел,
блеснув отраженьем луча!

Надоела мне сладкая пища,
лимонады
и разные соки...
Мне в леса бы,
где ветер свищет,
где ночами шатры
звезд высоких!
...Вновь луна
тихо светит в окошко,
в тополях
притаилась мгла...
И не спится –
тревожно немножко,
словно горечь в душе залегла.
Не был месяц в полях –
и болею,
просыпаюсь средь ночи –
лежу.
Жду
когда за окном заалеет,
и за синью рассветной слежу.
А она,
растекаясь волною,
переходит в туман и мираж,
невесомо уносит с собою
в мой охотничий,
старый шалаш!

Заря все дальше уходила,
и я решил идти за ней...
Прохладно озеро дымилось,
поднялись сумерки с полей!
За лесом яркою полоской
горела неба полоса...
Я шел и шел...
Зернисто,
броско
ложилась под ноги роса!
На мокрых сапогах
зеркальных
мерцали капельки звездой,
напоминая отсвет дальний
костра,
оставленного мной!..
Вначале шел я по колено
во тьме...
Потом уже по грудь!..
Стущались,
вырастали тени –
и призрачным казался путь.
И потонул я весь во мраке –
заря сошла почти на нет...
- Кто знает,
где зимуют раки
и где зари ночует свет?!

БУШУЕТ СЕВЕРНЫЙ ЦИКЛОН

Бушует северный циклон:
гнет ветви,
задирает воду,
сужает низкий небосклон,
даль свистами изводит...
Листва, кружа,
как рой, летит –
она еще не отгорела,
ее пугает мрачный вид
надвинутых пределов!
Палатка вздрагивает в такт
порывам ветра,
как живая,
в нее влезаю кое-как,
лежу, раздумьем маясь.
Настой увянувшей травы
дыханье будоражит,
на пожелтевшие бугры
под утро иней ляжет.
Что иней?..

День,
другой пройдет,
и с дальней болотины
снег льдистой пылью
сыпанет!..
И будет согра стынуть.
В ней ночью темной
затрещат,
обламываясь,
сучья –
страша у логова волчат,
меня бессоньем
мучая...

В БУРЮ

Почернело озеро,
лохмато
волны поизрезали залив,
гребни их с отливом
седоватым пенятся,
дорогу преградив.
Лодочки,
малютки-раскладушки,
из дюрала,
- эх, лиха беда,
к камышу попятились
послушно –
их пугает пьяная вода!
Ветра вой порывистее,
злее...
Час-другой...
Но хочется домой,
и нашелся тот,
кто всех смелее,
выплыл и –
подхвачен уж волной!
Чуть спустя,
вслед ринулась армада,
лодок десять –
брызги,
весел взмах...
С каждым метром вал встает
громадней,
вяжет руки затаенный страх.
Главное,
чтоб лодочка-малютка
находилась сверху на волне!
И гребу,
сколь силы есть,
но жутко:
вал нещадно хлещет по
корме.
Всё острее страх-
и так охота
вылезть из костюма и сапог...
Озеро огромно и глубоко,
да и берег все еще далек.

Зубы сжав,
гребу и привыкаю
к мысли,
что борьба с волной сладка!..
А над берегом вдали
мелькают
чайки, -
словно чей-то всплеск платка.

У ЛЕСНИКА

Стекла окон запотели,
а за ними осень,
мгла...
Лучше стога нет постели,
но нельзя нам без тепла.
Промочил дождь,
исхлестали
леденящие ветра!..
Закрывает бабка ставни,
словно очи, до утра.
Старичок слезает с печки,
ноги в валенки сует –
как всегда,
он рад при встрече,
извиняться не дает.
Раздеваемся,
вдыхаем
запах хлеба,
молока...
Бабка стол нам наставляет
под рассказы старика.
Фотографии...
Божница...
Рушники...
В углу сундук.
Самовар пыхтит...
Струится
память в сердце:
стук да стук!..

Свободою нежась,
напевно
гудят на столбах провода,
и в речке –
спокойно,
не пенясь,
течет ледяная вода!
Охотничья лайка,
соскучась
по воле –
в сарае скулит,
а в небе просторном –
ни тучки!
Лишь иней на крышах
блестит!

Две плашки,
намокшие колья –
рыбалкой забытый мосток,
за лугом - капустное поле,
где видится тонкий дымок.
Там сизо-зеленые листья
закутали в плед кочаны...
А дальше –
жнивьем берег выстлан
и кучи соломы видны ...
Скрипит в дальнем поле
телега
на холод прозрачной зари!..
Живу в ожидании снега –
холодной,
но чистой любви!

Ходит по тропе октябрь
в голом перелеске...
Плес покрыла мелко рябь
со свинцовым блеском.
Дремлют тихо камыши,
в воду оседая,
крики дальние слышны
перелетной стаи.
Паутина на шесте,
лед намерзший
в лодке...
И снежинки в высоте
запоздавшей сводкой!..

Первый лед по остывшим
колдобинам –
заморозки так рано легли?!
Расставание с летом
и Родиной
протрубили вверху журавли.
В поле собрана в скирды
солома,
и над речкой
галдит воронье...
По суровым
сибирским законам
скоро снег пересыплет
жнивье!
А пока в речке плещутся гуси
и капуста блестит на полях,
и во взгляде крестьян
нету грусти –
урожаи уже в закромах!..
Хоть и холод,
но синь необъятна,
лист опавший
еще не отцвел.

И дорога легка и приятна
мимо радостных,
свадебных сел.
Что ж,
закурим, Иван,
включим печку
да протрем смотровое стекло
– нам до милых озер
недалече,
и с погодой опять повезло!

Над безлистою рощей
ветер тучи полощет,
и летят в небе низком
одичавшие свисты!..
Над пустыми полями
иней выбелен снами,
а на вербах куржак
не растает никак!..
И последняя стая,
снежным пухом блистая,
кличет жалобно мне
о тебе,
о весне.

Потемнело озеро.
Со свистом
мечет пену,
гонит буруны.
Гром грохочет в тучах
быстрых,
низких –
между тучек молнии видны!..
Наши лодки –
малые скорлупки,
выбросило на камыш-плавун,
хныкает Ефимыч:
«Плохи шутки...».
Сник,
как кур намокший,
говорун.
Дядька шутит:
«Не мели,
Емеля,
отдохнем –
и камышами,
вброд...»...
Ближе,
ближе дождь завесу стелет.
Капли первые...
Сейчас польет!

НА ПЕЧКЕ

Снова мне на русской печке
отогреться довелось!..
Прознобил с утра на речке
льдистый дождь меня
насквозь.
День пролазил по болоту –
только дичи след простыл,
но охота –
есть ОХОТА!
Да и край родимый мил!..
С дедом выпили мы
«горькой»,
и ему я наказал –
разбудить меня до зорьки,
чтоб охоту не проспал!
И теперь на печке жаркой
я гоню из тела дрожь,
и ничуть,
ничуть не жалко,
что попал под сильный
дождь.
Головою на печурке –
печка больно коротка –
слушаю, как ветер чутко
дышит в трубы свысока!..
Слушаю,
как дождь по крыше
тарабанит без конца.
Рядом в ухо кот мурлычет,
лай знакомый у крыльца...
Потихоньку звуки гаснут,
и, блаженно разомлев, -
засыпаю сном неясным,
с сильным храпом,
словно лев!..

НА МЫСЕ САЛТАИМА

Озеро с чайчьим криком, -
за плотной стеной камыша.
Здесь
зыбун пузырится дико,
и невольно стынет душа!..
Глубина метра три,
не меньше,
плес идет к озеру
рукавом...
По разводьям во льду,
по трещинам
раскладушку толкаю с
трудом.
Жестяная лодчонка-
скорлупка,
оступись –
и разглядывай дно,
не спасись ни за что...

Это ль шутка:
лед схватил камыши давно!
... Сзади плес от шуги
серебрится,
и снежок замелькал в
вышине!..
Вот и озеро...
Стайками птицы:
гоголь,
черныдь
на чистой волне.

Туманится холодная заря
над убраным
пшеничным полем.
Веселой,
звонкой песней глухаря
седеющий октябрь
с утра наполнен.
- Паисыч!
Сети тянут вешала,
переплелись,
наполненные ветром...
- Ты слышал:
ночью утка отошла,
до снега считанные
километры.
- Паисыч!
Вылезть на Тенис рискнем
и покачаемся на волнах
сладко,
и рыбку на прощание
ботнем!..
Быстрее же,
выбирайся из палатки!
...Вот сети собраны,
к воде идем –
тропа светла и
выстлана листвою.
Но пристань –
вся покрыта толстым льдом,
и плес озерный
светится слюдою!

Полюбил я озер чистоту
поздней осенью
с первым снежком,
когда птицы,
стремясь в высоту, -
машут,
машут прощально крылом!..
А внизу –
в белом инее лес
и стерня с золотистой
соломой...

В селах к осени
свой интерес –
свадеб звон
раздается веселый!
Здесь напиться у каждой
двери
подадут,
пригласят на ночлег...
Я сегодня не сплю до зари –
рядом свадьба
и первый снег!

ОХОТНИЧЬЯ ИЗБУШКА

Перелески...
Гривы...
Воздух влажный,
горький.
Домик некрасивый
прячется за горкой!
Домик неказистый
с крышей травяной
и с оконцем чистым,
с дверью приставной!..
Над трубою стружкой
вьется белый дым,
топит печь-буржуйку
друг мой, Никодим.
Я продрог,
уставший, -
дичь искал в полях
и по ней,
взлетавшей,
мазал впопыхах!..
И ружье с досады
сзади,
на ремне...
Но какая радость:
свет горит в окне!
Будет чай с душичкой
поставлен на шесток...
Будет ночью мгlistой
петь в углу сверчок...

Неспроста небеса
замахнулись
белокрылым,
пушистым снежком!..
И под ветром
талы встrepенулись
и растались с последним
листочком!
Сыплет снег на увядшие
травы
и на пашню
иные цветы!..

И сверкает поляна лукаво
россыпью неземной чистоты!
Озимь яркой,
зеленой полоской
окаймляет припудренный
лес...
Снег и...
зелень?!
Красиво и просто.
Это чудо
из всех чудес!!

Светился тихий луг в росе –
заря рожала солнце!..
На пожелтевшей полосе
мираж из дымки соткан.
На влажных кочках
здесь и там
тетерева кричали.
Вдали по мшистым берегам
рога лосей качались!
Синь леденела,
в тишине
белели снежно дали
и плыл в щемящей вышине
клич лебедей
прощальный.
Рассвет все рос...
Белесый пар
вдруг в иней превратился,
когда же выплыл красный
шар –
лес снегом заискрился!..

КРЯКАШИ

В полях озябших –
ни души!..
Снег ночью выпал и не тает,
во льду озера –
крякаши
то здесь, то там
взлетают стаей.
Над пожелтевшим камышом
–
остывшей намертво пустыней
нахмуренным,
ноябрьским днем
все кружат крякаши
лавиной!..
Чего же птицы еще ждут?
Ведь снег,
пожалуй,
не растает.
Но вновь косяк,
свиваясь в жгут,
над камышами зависает.

252

И опускается в камыш,
на серый лед
застывших плесов,
крик птичий разрывает тишь
неумолимостью вопросов!..
Ответа я не нахожу:
зачем еще осталась стая?..
И к плесу ближе подхожу,
и уток четко различаю.
Их лапки красные скользят
по льду...
И вновь взлетает стая!..
Печалится мой тихий взгляд:
опять снег в воздухе
мелькает!..

У ОЗЕРА ДИКОЕ

В краю нехоженых земель
вхожу я в краснотал –
здесь в ночь пуржила
карусель,
и снег под утро пал!..
Звериной тропкой прохожу
к воде на мшистый край
и с удивлением гляжу –
во льду озерный рай!
Нет чаек, уток не слышать –
нет даже полыньи...
И словно мертвая печать
легла здесь в забытье!
Рассвет, -
он кажется, застыл,
остановив свой бег!..
Вот снова в воздухе поплыл
чуть теплый,
мягкий снег!
...Ни следа, море белизны,
и над тропой лесной
все сразу веточки видны!
Всплыл травяной настой!
Снег пахнет клюквой
и листвою,
цветет в густой траве!..
Мир дикий сник –
он не живой
в холодной синеве!
И только яркий краснотал
за снежной пеленой
рассветом летним мне сиял,
восстав перед зимой!

Стучат секунды
мелкою монетой.
Бегут,
бегут –
и копятя в рубли!..

Кончается,
сгорает тихо лето,
а что в сусек
с тобой мы наскребли?
День за окном
прозрачно золотист –
такие дни и летом-то
нечасты,
а я лежу больной:
в поту, раскис,
оторванный от дела,
безучастный!..
Мир в мареве,
блаженно растворясь,
плывет –
ему совсем не до меня.
Откуда в сердце и взялась
боязнь
- мне очень жаль потерянного
дня!

Наверно потому,
что день такой,
последний
перед долгою зимой,
а может, от того,
что белизна
моих волос
впервые так видна!

Во мне всю осень
кто-то жил другой!..
Он плохо спал и просыпался
рано,
ждал воскресенья так,
как ждет больной –
и вот в чем заключалась эта
странность:
он тосковал
по рощам и полям,
и по тропинкам росным
к ясным зорям,
он тосковал по желтым
островам,
что плавают в тумане по
озерам!
И слышался ему знакомый
свист
утиной стаи,
выстрелы...
и всплески.
И чудилось,
как ярко-красный лист
осинник красит
в дальнем перелеске!..

Там, на жнивье,
сидят перепела
и куропатки из талов
взлетают...
Но за окном сегодня синева
сгустилась...
Иней на кустах не тает.
Над Иртышом с утра
звенит мороз
и старицы во льду...
- Прощай, охота?!
Пора подумать о делах
всерьез
и с жадностью над книгами
работать!

КОГДА БЫВАЕТ ОЧЕНЬ ТРУДНО

К ПРИРОДЕ

Когда бывает очень трудно,
когда, хоть плачь и
невтерпеж –
в глазах темно от многолюдья
и мысли разные подсудно
одолевают –
сам зовешь,
зовешь прошедшие года:
летят обратно поезда!
И быстрой лентою кино
меняются события, люди...
Иное было так давно,
и уж, наверное, не будет.
Но есть и будет навсегда
со мною верная природа –
и не обманет никогда
меня в любое время года!
Не безысходностью –
теплом
глядит осенний лес в озера,
а озимь даже зимним днем
горит в снегах лучом
зеленым!..
О, сотни раз сюда я мчусь
в дни выходные с сердцем
грустным,
и наслаждаюсь,
и лечусь!..
И вновь в душе и свет,
и чувства!..

Меня прозвали «браконьер»
за то, что я охоту,
любителям всем не в пример,
считаю, как работу!

Могу я лишку настрелять,
что супротив закона,
потом всю эту дичь раздать
друзьям своим,
знакомым.
Охота –
тоже ремесло,
пускай и без дохода!
Мне не сменять теперь ружье
на лейку садовода.
Охота нянчила меня,
учила,
закаляла!..
А браконьер с того я дня –
когда отца не стало.
Когда отец на фронте пал,
и я с берданкой старой
ушел к озерам,
за увал,
приклад сжимая яр!

В эту ночь предосеннюю,
стылую
на охоте под стогом сижу...
Пахнет мятой
и теплыми ливнями,
листья падают по виражу.
Шелеститмышь то ближе,
то дальше...
Мелкий дождь переходит в
туман...
О тебе я не думал так раньше:
ты со мною,
ты – мой талисман!

Я узнаю их сразу
по рьяным голосам,
у нас охотник разный –
и я был разным сам.
Вначале был мальчишкой,
охотником села,
и не учил по книжкам
я тайны ремесла.
От страха сердце жалось
в полночный час, глухой,
когда один, бывало,
шагал тропой лесной.
Взвездя курок,
отчаянно
я песни пел, как мог,
и эхо отвечало мне,
что я не одинок...
Давно живу я в городе,
в деревню редко езжу,
но наполняюсь гордостью
при встрече с полем нежным.

Хожу босой полянами,
пью пригоршней из озера,
с подснежниками ранними
рассвет встречаю розовый!
Люблю закаты чистые,
весенние, осенние,
а больше –
неречистые
беседы откровенные.

Отгремели залпы за увалом,
спущен флаг,
уходят поезда...
Я лежу в гостинице усталый,
и лицо горит, как от стыда.
Я подвел команду,
нет медалей –
а на первом месте даже шли!..
Думал ли когда, что
оскандалюсь –
вот что значит – нервы
подвели.
Как с площадки –
все еще в доспехах
и переодеться нету сил.
Как давным-давно привык к
успеху
и всегда победой дорожил!
Мысли неотвязные теснятся:
что ж, пора уйти, я постарел,
ничему не надо удивляться –
был накал борьбы,
перегорел!..
Кровь стучит,
и дрожь бежит по телу...
Но вскипает не заметно
злость:
сразу бросить стенд –
совсем не дело,
повоюем –
что бы не пришлось!
Победить!
- Во что бы то ни стало,
и уйти из спорта лишь
тогда...
И проходят злора и усталость,
и гудят вдали
мне поезда.

СОКРОВЕННОСТЬ

Меня опять задели
ненароком,
смеясь над откровенностью
моей!..

Трещит в кустах болтливая
сорока,
чирикает бесхвостый
воробей.
А я желал добра всем,
суетился –
хотел не сто рублей,
а сто друзей.
Взамен,
вослед,
смешок тайком струился –
настало столько
непроглядных дней!
Кому-то вечно должен и
обязан,
чему-то подчиняю жизнь
свою-
и нету личных радостей,
соблазнов...
«Зависеть хватит!» -
нынче говорю.
Во мне свой бог,
без риз и позолоты, -
зачем искать мне от добра
добра?!
Наедине с природой,
на охоте
колдую у веселого костра.
Вечеровать останусь одиноко
и отогрею душу у огня...
- Я не обижу
никого нароком,
забыв,
как опечалили
меня.

Ах, дядьки,
за горами и морями
в чужом краю я вспоминаю
вас:
вы шутками меня не
посрамляли,
хотя смеялись надо мной не
раз.
А здесь,
в кругу чужом,
все чинно, чванно –
без шутки жизнь,
что без ручья весна,
и жестко мне на дорогом
диване,
и душевной,
долгой ночью не до сна...
Куда ни глянь,
по-европейски чисто:
асфальт и клумбы,
толчея людей.

А я скучаю по заре росистой
сибирских,
нескончаемых полей!
Там,
где леса зонты свои раскрыли
и спят озера светлые
насквозь,
меня ночами уносили крылья
каких-то птиц...
И сладко мне спалось.

Белизной туман прикрыл
речку с луговиной,
и закат ко мне подплыл,
камышы раздвинув.
Слышу я,
как ловит высь
шелесты и свисты...
Вот ондатры две сплылись –
шубки свои чистят.
Возле лодки окунек
взвился –
брызги градом,
просвистел вверху чирок
и уселся рядом.
А жучки и паучки,
как на водных лыжах,
мчат ко мне вперегонки –
обогнал всех рыжий.
Снова криканье и всплеск
в камыше прибрежном...
На ружье холодный блеск,
веет сумрак свежий.
Не мирок,
а целый мир,
свой,
неугомонный,
рядышком со мною жил
по своим законам!

Умирает заря в камышах,
словно лебедь,
сраженный картечью...
Рыбаки жгут костер у стожка,
и мелькают их тени весь
вечер.
Над лугами,
над лесом вдали
темнота
занавес
распростерла...
Белый пар –
как дыханье земли!
Словно слезы –
росинки зерна!

БРАКОНЬЕРСТВО

По глупому спору
и по совету
изрядно подпитых с ночи
друзей
стою в тальнике я,
в осеннем рассвете,
среди камыша и колючих
ветвей...
Тропинкой от озера,
с водопою,
лось приближается:
вижу рога
и ниже –
гриву с дремучей космою,
настороженные уши слегка!
Все ближе...
Вот десять шагов. И
прицельно
стволы поднимаю...
Мушка скользит
по лбу,
по горбатуму носу зверя,
и вижу глаза –
лошадиный их вид!
Какая-то кротость,
покой и смиренность
во взгляде открытом...
И дрогнул спуск!
Стволы покосились –
гром с озареньем
воздух потряс...
и раздался хруст!
Лось вихрем метнулся,
бурьян поднимая,
рога запрокинув странно
назад, -
и рядом промчался,
меня обдавая
силой могучей!..
Я сел, шуря взгляд...
Мурашки по коже!..
С таким исполином
встретиться в схватке я был
не готов.
На ветке дымился клочок гривы
лосиной...
И сгустки крови
на листе у талов!..
Поникший.
сидел, проклиная охоту,
сжимая вспотевшей ладонью
ружье...
Шумело осокою жесткой
болото,
и билось испуганно сердце
мое!

Невзначай
или все ж понарошку
за живое задела меня?..
И обидой такой
огорошенный
я мрачнею так
день ото дня!
Слишком многое пережито,
чтобы с легкою ссорой
забыть...
Протекает молва через сито,
осень снегом пошла
моросить.
Видишь:
лебеди под облаками
проплывают прощально на
юг,
машут крыльями –
словно руками...
И смыкается неба круг.

Поплакать бы,
да нет слезы,
а сердце - в туче
беспроглядной –
но нет ни молний,
ни грозы,
и мучаюсь я странной
жаждой...
Однажды в бурю, в камышах
я ночевал в лодчонке утлой:
лил ливень,
словно из ковша,
и я с трудом дождался утра.
Продрогший,
я встречал
рассвет –
омытый,
солнечный,
певучий!..
Хочу грозу,
чтоб молний свет
во мне кромсал на части
тучи!

НА РОДИНЕ

Когда осенние дожди
плывут сплошною пеленою
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою,
когда погосты и кресты
встают ясней на перекрестках
– то возле них мрачнеешь ты
под ветром леденистым,
хлестким...

В пустынном поле –
никого!

Стою с протянутой рукою
и слышу: где-то далеко
знакомый лай бежит по
полю!..
Скорбит осенняя земля,
уставшая,
совсем нагая...
Здесь мама старая
моя,
- такая тихая,
больная.
д.Старо-Солдатка

ЗАСНЕЖЕННОСТЬ

ПРЕДЗИМЬЕ

Однообразная,
унылая картина:
поля пустые,
грусть сырых лесов
и в небесах
клин белый,
лебединый
скользит по гребням
снежных облаков!..
Вглядишься,
замри,
останови мгновенье!
- Ты слышишь:
леденящие ветра
летят от севера
тоскливой тенью,
с какой-то беспощадностью
утрат!
Трава пожухла...
Тяжелеют взмахи
вороньего
продроженного крыла.
Полынью с конопляником
пропахли
тропинки...
И молчат перепела.
Обводит время темными
кругами
глаза озер
и синеву небес,
и сыплет иней первыми
снегами
в лицо,
на травы,
на примолкший лес...

Озябший лес
хватила седина –
от инея закуржавели ветки!
Морозец лужи высветил до
дна,
и слышен крик гусей
в полях рассветных.
И словно кем-то брошенный
снежок –
бежит,
крича,
по полю куропатка!
Заиндевел у озера стожок,
шиповник на кустах
алеет сладкий.
Вот здесь,
под утро,
напетлял зайчишка –
на побелевших листьях
смутный след.
В кустах мелькнула
беленькая птичка –
а может,
первый снег?!

Приснились мне к чему-то
сани
и по снежочку первый след...
К утру погода наша манит,
пожалуй,
первый снег.
Палатка нервно трепыхает,
как птица
с раненым крылом.
Лес то поет,
то завывает,
с последним распростиась
листом.
На четвереньках
из палатки
я вылезая:
ветер, дрожь...
Я в шапке, телогрейке ватной,
но продувает все насквозь!
Стою, прислушиваюсь чутко,
в лицо летит дождинок лед...
За камышами кричат утки,
собравшись в дальний
перелет.

Снег закрыл небеса и
просторы,
хлопья снега чисты и нежны

– как узоры
на легких шторах
у далекой,
но верной жены...
Страхи прочь!
Прочь завесы и дымы!..
Дань забудьте,
раскаянья нет –
я прощенья прошу у любимой
через сотни сомнений
и бед!
Я на озере диком,
пустынном
зло ломаю предательский лед
– и опять предо мной
тлен незримый
и грозящий судьбы поворот!
Оступись на мгновенье
и сразу
смертным холодом
будешь сжат...
Я тобою давно наказан –
как,
не знаю,
вернуться назад.

Я провалился в озере
глубоком
и еле-еле выбрался на лед.
Шел снег... Одежда
смерзлась и жестоко
скрипела –
брел я к берегу, вперед.
И вот, устав,
прилег на кромке леса –
снег замедляет,
тяжело дышать,
а пульс в висках
подпрыгивает с треском –
и я твержу себе:
вставать, вставать!..
Я замерзаю,
иссякают силы,
и даже воля отказала мне...
Очнулся – уже сумерки
сгустились,
и звезды где-то светят в
вышине.
Привстал с трудом:
над озером громадным
белесой мглюю тянут облака,
вокруг болото...
По судьбе превратной
на много верст вокруг ни
огонька.

Дорога под названием
«зимник» рядом –
в траве слегка заметна колея,
верст через пять избушка –
в общем надо
идти к ней,
а другого нет жилья.
И я иду, с трудом толкаю
ноги:
белеют слева кочки,
справа лес, -
белеет ночь!
Не сбиться бы с дороги,
ведь след под снегом вроде
бы исчез?
Присел и шарю...
От колес телеги
есть след –
он тонким лучиком ведет
в траве высокой. Ветер
привередлив,
в лицо крупую снежной
больно бьет!
Вот слева ям, а вот она –
избушка,
а над трубою струйкой рвется
дым!..
Но в окнах тьма, и замер я,
прислушиваясь, -
не бред ли?..
- Вижу «газика» следы!..

Обледеневшие ветви
белеющих в дымке берез
качает пронзительный ветер,
что свист
дальней вьюги принес.
Снег тонкою струйкой
змеится
по пашне,
дороге,
жнивью,
и первая в ветках синица
щебечет про радость свою!
Порхает,
искрит,
суетится
и сыплет на снег семена.
На холод не стоит сердиться –
такие пришли времена.
Привет,
щебетунья родная,
мне песнею сердце согрей.
Пусть холод и снег налетают
– нам вместе с тобой
веселей!

В поле за ночь
выпал снег...
Вьется змейкою поземка.
Зябко сгорбясь,
человек
вышел из дому в потемках.
Огородом, напрямик,
по тропе ему известной
многоопытный лесник
входит в мир свой
интересный.
Брежит розовый рассвет
на березках белоствольных,
заячий
пугливый след
белой строчкой вышел в поле.
Слышен дятла дробный стук,
где-то крикнула синица...
Лес за лесом,
сделав круг,
обошел свои границы.
У опушки,
на талах,
куропатки чистят перья...
- Вот кормушка,
на снегах
след копыт –
здесь были звери...
Возвращается домой
вдоль оврага
чистым полем...
Снежной,
теплою зимой
нынче он вполне доволен.

Снег теплый кружит над
жнивьем,
светлеет день
в холодной дымке...
Охотник смотрит на ружье
и шепчет:
- Мне бы на займку,
по первопутку потропить
еще непуганого зверя,
ловушки вновь насторожить
и окуней в реке проверить...
Но стар
и глух он,
как зима!..
С седой,
дремучей бородой,
в ушанке
и больших пимах,
глядит в окно с тоскою...

Слетев с опушки, снегири
алеют на большом сугробе...
Даль стынет.
Внутренне замри,
понять безмолвие попробуй!
Бреду,
проваливаясь в снег,
а у деревни скрип полозьев.
Вокруг куста зайчишки след,
прогнулись ветки в белых
гроздьях!
И солнце зимнее вразлет
рассыпалось в иголках
снежных –
лес ослепительно цветет,
взгляд белизною больно
режет!
Глаза слезятся...
Злой мороз
выветривает тело,
душу...
Я рукавичкой грею нос
и тишину лесную слушаю.

За окном метельный ветер
свищет,
в проводах тоскливое нытье!..
Захотелось мне, грустя,
помыслить
и понять насущное, свое!
Вышел в поле...
Сумрачно и дико
волнами поземка вдаль
скользит,
слышу храп коня, полозьев
скрипы...
На лугу знакомый стог стоит.
Он - под шапкой снежной,
великаншей –
весь пропахший травами,
теплом .
Грустное мое воспоминанье
об охоте, лете,
о былом!
Милое бродяжничество!..
Тайна
увяданья,
крики журавлей...
Что же вечно в жизни,
что случайно,
что же вечно в жизни,
что случайно,
что же главное в судьбе
моей?!

Я преподаватель,
я учитель –
вечное, святое ремесло!
Как мне быть сегодня,
подскажите,
если в душу снега намело?
Голод приближается, разруха,
-
хватит ли терпенья,
наших сил
побороть нужду, собравшись
с духом,
чтобы день счастливый
наступил?

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

Заметает поземка следы,
лихо сыплет на лунку мукою,
и вода, наподобье слюды,
застывает,
покрывшись шугою!
Но, «шумовкою»
сбросив ледок,
плавно дергаю тонкую леску,
подсекаю,
тащу поводок –
окунь выброшен
с яростным плеском!
На искрящемся,
мягком снежке,
красно-синий рассвет
излучая,
бьется рыба,
на миг ошалев –
плавниками лучи отражая...
Возвращаются свет и тепло,
Возвращается теплое лето!
Что-то нежное
в душу вошло,
и сижу,
этим чудом согретый!
И синеют таинственно льды,
гранью радуг светя
под водою...
Пар над лункой –
памяти дым!
...Вновь вода застывает
слюдою.

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Иван, бессонница заела
и сытость –
вздоху поперек!
И заморожено метелью
окно,
и на стекле ледок.

А лодки с наледью уплыли
под снег
на озере моем...
Стоит в углу,
покрывшись пылью,
повороненное ружье!
Сейчас бы в отпуск на
неделю
да в камыши залезть с
ружьем!
Я вспоминаю то и дело
все наши выезды вдвоем.
Я, как охотник,
что-то значу:
в природе знаю толк,
люблю
простор нехоженный
с удачей!..
Люблю охотничью зарю!..
Люблю с тобой принять по
махонькой
над котелком, где есть навар,
где в ложку с поля плещут
запахи
и от костра в лице пожар!..
Мне чудится вновь:
в отчете крае
тетерева, слетев на ток,
меня с весной уже
поздравили!..
Дремлю...
И сон мне невдомек.

Лисьей шкурой,
рыжей шкурой
светится болото...
Чуть поскрипывая сбруей,
скачет конь охотно.
Первый снег в лучах искрит,
солнцем ослепленный,
белый вихрь из-под копыт
с детства мне знакомый.
Влажны карие бока
у коня,
а в санях
мужичок прилег слегка:
«Привет односельчанам!..»
Прокричал мне, стеганул
карего со свистом,
к стогу ближнему свернул.
В поле чисто-чисто!..
Помню раннюю весной
гулкий вздох
зеленый,
помню летний грозовой,
влажный звон истомы...

Отшумела в осень рожь,
листья сбросил леший...
- Что ты мне, зима, поешь
полозьями –
я пеший!

Ларину М.
С тобою, Миша,
я хоть в омут –
пусть даже к черту на рога!
Тебе,
как никому другому,
я верен дружбе на века!..
Ты, днями занятый на
службе,
весь прокоптел в своем депо,
и нам с тобою очень нужно
реки спокойствие, тепло...
Ты помнишь:
часто по субботам,
ломая лодкой камыши,
мы пили таинство охоты –
как сок целебный,
для души!..
Мне нынче тяжело, Миша,
что-то
сужает мир,
темнит окно...
Сейчас январь -
и нет охоты,
а речка стянута стеклом.
Подледный лов –
он мне не в радость,
за зайцем –
снег теперь глубок...
Сижу,
грущу –
мне очень надо
той дружбы
нашенской
глоток!

Я качусь на лыжах
полем, не спеша,
и снежинки лижутся,
звездами шурша.
Выше над лесами,
выкатился шар,
пал на снег багряный
негреющий пожар.
В белом бездорожье,
словно луч,
лыжня...
Кто-то осторожно
смотрит на меня.

Кто-то слышит чутко
каждый шаг мой,
вдох...
И на сердце смутно
встал переполох.
Я остановился
к солнышку лицом,
то-то удивился
увиденным кругом:
вон снегирь,
как яблоко,
и заяц-белячок,
вон сорока-ябеда
трещит наискосок...
Все следят внимательно:
что же я за гость?
- Завтра обязательно:
возьму пшена хоть горсть.

В УРМАНЕ

В угрюмом медвежьем логу
сугробы кристально чистые!..
Широкие лыжи, ныряя в
снегу,
задевают о зелень мшистую.
На белой поляне
лунки свежи,
из них косачи взлетают
с шумом, треском –
и миражи
в снежной дымке мерцают.
Январь,
но не прочен наст
у речки, в глубоком овраге.
Ворчит проводник:
- Бог даст
на утро будем в отряде...
Палкою тычет в следы:
-Здесь соболев
прошел матерый,
то –
рысь за кусты
маханула, почуяла порох...
Долго бредем вдоль реки по
кустам
по следу хитрой куницы...
Избушка на взгорке,
желанный привал.
Пар из-под шапки струится.
Полдень,
звенит в кедраче тишина,
щелкают ветки морозно –
дремучесть таежного долгого
сна
до конца разгадать
невозможно.

НА НОМЕРЕ

Стою на номере
и слышу:
вдали загонщики кричат,
а лес холодной дымкой
дышит,
снежинки в воздухе летят!..
Я замер на опушке редкой
в халате белом и пимах –
готов я сделать выстрел
меткий,
и отблеск светит на стволах.
Я долго жду...
Лишь где-то дятел
постукивает в тишине.
Вот, вроде,
шорох еле вятный –
и видится лисица мне?
Нет!
- Это клок травы в бурьяне.
Я снова жду,
а вдруг русак
промчится мимо –
выстрел грянет!..
Но тихо,
слышу чей-то шаг.
Загонщики почти уж рядом –
хотя бы тетерев взлетел!..
И копится внутри досада:
родимый край так обеднел!
А колок этот
впрямь хороший:
внутри - кусты больших
талов,
но дичи нет.
Свежа пороша,
и не видать нигде следов.

БЕЛЫЙ КОЛОБОК

Ахают морозцы
над притихшим лесом,
и снежок скрипит
под валенком моим,
старую берданку
на плечо повесив,
я иду по зимнику
шагом молодым!
А из колка в колок
(я давно приметил)
катится бесшумно
белый колобок,
то в кустах исчезнет,
то мелькнет меж веток –
след за ним веселый:
скок да скок...

Вот он на опушке
сел на лапках задних,
свечкой приподнялся,
уши наострил...
Думает, наверное:
Ну, задачу задал,
напетлял, напутал –
всех перехитрил!?
Невдомек зайчишке,
что в снегу глубоком
след от лапок быстрых
тянется за ним,
да еще просмешница,
сорока - белобока,
кружит и стрекочет,
выдает чужим.
Я иду не слышно,
я деньком доволен,
обхожу кудрявый,
в инее лесок –
впереди опять
в широком, чистом поле
катится веселый,
белый колобок!

Лыжи ищут старый след
и под снег ныряют,
на сто верст ищу окрест
хитрых горностаев!
Наследили тут и там –
крестики да нолики...
По таежным берегам
спят морозы колкие.
Белок хитростный полет
меж большими сучьями!..
Жиг!..

И шишка упадет
под сосной дремучею.
На синицу я сержусь:
увязалась следом,
только к зверю пригляжусь –
закричит:
- Ты где там?..
Так пролазил целый день,
и темнеет в падах,
снять капканы –
поздно, лень...
Возвращаться надо.
Над избушкой,
за рекой,
вьется лента дыма,
там ушицу дед хромой
варит из налима.

ЧАРЫМ

В марте солнца веселый
разбег
все заметней по склонам
седым –
как наждак,
ноздреватый снег
под названием жестким –
«чарым».
От берез все отчетливей тень
на поляне
в полдневном кругу –
вот и вытаял черный пень,
вот и кочки видны на лугу!..
Только к ночи серчает мороз
и стучит колотушкой в
осины.
Режет ноги «чарым»
до слез,
и потеют звериные спины.
Лось забрался в нехоженный
рям,
и козлы залегли на болоте...
Но не спится в ночи егерям –
браконьеры спешат на охоту!
...След кровавый на жестком
снегу

от урочища к колку ведет –
от кого же бессильно бегут
эти звери –
кто следом идет?!
Может, волка почудился вой
или выстрела дальнего эхо?..
Я иду по тропе кровавой,
рядом след:
кто на лыжах проехал?!

ЭЛЕГИЯ ФЕВРАЛЮ

Белолобый,
метельный февраль,
ты мне сказкой ночами
светил,
ты крылом лебединым ударь
по равнине –
и уходи!
Ни следов, ни лица...
Звездный шлейф
над поземкой в завьюженном
поле,
от чудачеств лесных ошалев,
напылил, насвистелся
вдоволь!..
Ах, февраль,
белокудрый февраль!

Ты – царевич
 в блистании кружев,
 уходя заворожено вдаль,
 разбросал серебро в лютой
 стуже.
 Ты меха раздарил по лесам,
 поразвесил на елках
 сережки...
 И слезятся от света глаза –
 словно счастье и вправду
 возможно?!
 Ах, февраль,
 белопенный февраль,
 с заколдованной в инее негой
 – я твою чистоту обожал
 под холодную строгостью
 неба!..
 Март придет –
 потемнеют снега,
 растекутся, увянут по лужам.
 Белизна,
 что мне так дорога,
 как невинность,
 вдруг станет ненужной.

ВСТРЕЧАЙ, ПАИСЫЧ, НАС...

Под ноздреватым снегом
 жесткий наст,
 теплеют заскучавшиеся
 выси!..
 Март близится...
 Встречай, Паисыч, нас –
 давай поговорим,
 откройся в мыслях.
 Давай поспорим про житье-
 бытие:
 марксизм в тебе –
 мозолистые руки...
 любовь к земле, как песни
 давней звуки...
 Ну, а рыбалка,
 в чем-то божество!
 Ты едешь с превеликою
 охотой
 рыбачить с нами
 на родной Тенис.
 Паисыч, -
 друг,
 развеяй мои заботы,
 веселой шуткой снова
 отзовись.
 ...Вот впереди маячит
 Конкуль старый,
 а слева Новый виден на
 бугре.

На озере повсюду люди...
 Яро
 мы бурим лунки в ледяной
 коре...
 Отменный клев!..
 От луночек –
 пар синий,
 ворчит Паисыч:
 - Эко, как озябли,
 да и уха в котле давно уже
 стынет.
 Ну что, родня,
 по маленькой дерябнем?!

ПОД НОВЫЙ ГОД

Я вылеплен
 насквозь из снега –
 пурга свистит,
 метёт...
 И чудится:
 не с неба –
 в небо
 вихрь белый прет!
 Швыряет хлопья одичало
 в мое лицо,
 волною белою качает,
 берет в кольцо!
 И хочется мне затеряться,
 в метель уплыть.
 Совсем не нужно
 притворяться,
 кого-нибудь любить.
 Ведь чистота вокруг такая,
 такая белизна!..
 Черёмухою мне из мая
 та веточка –
 видна!
 Душа проснулась в чудном
 миге –
 светись, метель!..
 Все прошлое,
 как в скучной книге,
 за тридевять земель.
 Ресницы,
 брови – в искрах снега,
 жар щеки жжет...

Таким я
 светлым
 сроду не был –
 ах, как метет!

 Иней белит осторожно
 всюду веточек берез...
 Лес холодный примоложен
 светом снежных
 чистых звезд!
 Лыжи лижут снег зернистый,
 и от палок позади
 вьется белый вихрь
 искристый –
 сердце рвется из груди.
 Белизна слепит до боли,
 и чечетки в конопле
 кормятся у кромки поля
 на желтеющей меже.
 Конопля –
 сорняк, и только,
 но смотрю я,
 удручен:
 наркоманов всюду
 столько
 вот за этаким сырьем!..
 Я хмелею от морозца,
 возбужден
 и весел я...
 - И не надо мне колотиться
 и курить,
 и пить зелья!..

СВЕТ СОМНЕНИЙ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Мне не хватает глубины:
 скольжу я по поверхности,
 ни ярких чувств,
 ни новизны,
 ни смелости для верности.
 Жизнь погрубела,
 денег власть
 всем захлестнула души!..
 В чужой карман
 ты не залазь,
 не бойся зла и стужи.
 Молюсь не только за себя:
 пускай в рубцах ладони –
 трудись
 и, ближнего любя,
 не делай лик иконный!
 Молюсь за сына и за дочь,
 за будущее внуков!..

И проступают через ночь
любви
живые
звуки!

Слышу споры опять про
охоту
то в автобусе,
то по углам...
Вот в газете-
зловещее фото:
браконьер –
по козлам и лосям!
- Ешь ты мясо,
не дрогнет мускул
на лице –
хоть убили - быка?!
- Ешь цыпленка
без жалости,
грусти?
Он не вырос –
но колет рука!..
Пишет кто-то опять про
охоту:
Мол, злодеи,
кто ходит с ружьем,
у охотников только забота:
как природу
сожрать живьем?!
Чистоплюи,
глашатаи века,
вам без мяса и дня не
прожить.
Велика ли честь
прокукарекать?!
Вегетарианцем
не лучше ли быть?..
Шашлыки
подавай вам с кровью,
рябчиков?!
- А охотник меж тем
на поляне лесной с любовью
сыплет зерна пичугам всем!
Ладит гнезда
и строит кормушки,
а скворечен у дома –
не счесть!..
Надоело изрядно мне
слушать
болтунов –
где их совесть и честь?!

Утро майское разлилось
под лучами солнца,
дымкой озеро покрылось,
затихая сонно!
Камыши стоят бездвижны,
а пары все гуще –
я в плену у белой жизни
миражей плывущих...
Стайки уток надо мной
просвистели низко,
но покрыто небо мглой –
слышу только свисты.
Рядом острова плывут,
миг – и исчезают...
Рыбы всплеск...
Растаял круг...
- В белизне витаю!
Явь ли это или сон?
- Все покрыто мглойю.
И немножко обозлен:
где я, что со мною?
Дышит воздух горячо,
солнце жжет до пота...
И кладу в чехол ружье –
окончена охота!

Кусается собачий лай
бессонными ночами,
тоскою плещет через край
и память рвет клыками.
Был у меня добрейший пес –
верней любого друга,
мне дичь подстреленную нес
скулил,
коль было туго.
Смотрел в глаза,
и влажный нос
почти лица касался,
и затруднительный вопрос
меж нами разрешался.
Мы в стоге спали под дождем
и вместе в лодке плыли,
бывало всяко – трудным днем
не ныли и не выли.
И мне теперь понятен вой
собак,
что не у дела.
Там, на цепи, в тиши ночной
их злоба накопилась.
Им в лес,
да зайца потропить,
как встарь, пойти на зверя...
- А их в сарае, на цепи,
упрятали за дверью!

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

Окончена удачная охота,
а радости –
хотя бы с ноготок?!
Блистая опереньем с
позолотой,
красавцы-селезни летят в
мешок.
В глазах открытых –
страх и удивленье,
в зрачках застылых –
мертвая тоска...
И крылья,
что любили высь,
паренье,
сломались –
и хрустят внутри мешка.
...А солнце светит молодо
и пьяно!
А травы прут,
звенит берез листва!
И над мешком поет,
как над курганом,
мне жаворонок
грустные слова...

ПОДСАДНАЯ

Ах, как нежно крикает
и плещет
крыльями,
и важно так плывет!..
Тонкий шнур от лапки,
от колечка
к камышу прибрежному
ведет.
Там хозяин сжался,
притаился,
из скрадка высовывает ствол,
он крестьянин –
ночью помолился,
прежде
чем сюда с ружьем пошел...
Уточка все кричет,
все хлопочет
с негой чародейства своего.
На разливе
между желтых кочек
селезень поверил в
колдовство!
От весны,
в любви своей хмелея,
устремился вниз он
с высоты,
и в парчовых крыльях –
чудный веер,
перья шеи –
дивной красоты!

На воде рассветной
отражаясь
радугую яркой –
словно царь,
к ней спешит,
пока еще не зная,
что такое дробь
и смерти гарь!
А она,
легко и грациозно
шею изогнув,
к скрадку плывет...
Ствол ружья поблескивает
грозно,
миг –
и гром ударит в небосвод!

НА ЗИМНИКЕ

Бликий диск сияющей луны
прячется, скользит за
облаками.
У полузатопленной копны
с лодок мы слезаем с
рюкзаками.
А вокруг- залитые луга
с камышами,
займищем и плесом,
майский воздух холодит
слегка,
и парок идет от влажных
весел.
Влазим на копну
и рюкзаки
развязали,
скатерть-самобранку
расстелили...
Словно кунаки,
Ноги - под себя.
- Давай таранку!
В кружки разливается вино,
и Паисыч произносит слово
за охоту –
ей одной дано
вместе нас собрать сегодня
снова!
Тост за тостом...
Разговор течет,
как влюблялись, кто когда
женился...
А луна в воде у самых ног,
словно лед, что кое-где
искрился.
Над разливом
крик гусиных стай,
что кружили днем еще над
плесом...

Слышно из деревни крик и
лай,
и гармошки грусть
о прошлых веснах!

НА ВЕСЕННЕМ РАЗЛИВЕ

Резко дробь
хлестанула по крыльям,
и раскатисто гул поплыл...
Два пера,
опускаясь,
кружили –
только селезень выше взмыл!
Но напрасно...
В неверном паренье
он качнулся
и замер в зените.
- Синеву обнимая
весеннюю,
сжал он крылья над сердцем
пробитым!

- Все впереди!..
- звучит уже насмешкою,
а стук в груди
день от дня поспешнее.
Все позади!..

- Нет,
это слишком строго,
но блеск седин
виски мои потрогал...
Надежду затая,
грущу,
брожу средь лета.

Да,
песенка моя
наполовину спета.
День катит на закат,
а небо все тревожнее,
и ничему не рад.
Чем дальше –
невозможнее!..
А сил еще полно:
работай да работай!..
Но счастье не дано
измерить только потом.

Один я,
одинок!..
Так,
словно поздней осенью,
промок в грязи,
продрог -
и в поле меня
бросили.

Когда мне горько,
не хватает
ни сил,
ни воли –
вижу я
в родимом небе птичьи стаи,
в осеннем золоте поля!
Я вижу дом родной у речки
и маму тихую мою –
и сразу
мне теплей и легче,
и тверже на ноги встаю!..

МАРТОВСКИМ УТРОМ

Изголодалась за зиму лиса,
уже не прячась, рыщет по
поляне.

Под настом мыши в
трещинах пищат,
там пахнет теплым летом и
дурманом.

Лиса то лапкой яростно
гребет,
то слушает, склоняясь
головую...

Присядет, напряжинуется,
всканет

И, кажется, игру ведет с
собой.

Я вижу: дышат впалые бока,
а шерстка слиплась и
бесцветной стала.

Стою в кустах... Глубокие
снега
вокруг - и ветки в искорках
кристаллов.

У оврага сестрички - две ивы
желтым пухом слегка
зацвели. Ветер треплет им
косы игриво, слышу клич
лебединый вдали. Пахнет
гнилью, увядшей травой. Пар
прозрачный плывет из
куста. Неуютно, прохладно -
не скрою,
но такая вверху СИНЕТА!

МАРТОВСКОЙ НОЧЬЮ

В лесах - чарым, жестокий снег...
Пасться косулям худо,
и что ни шаг - то с кровью след...
В сугроб ложатся грудью...
И стайкой медленно бредут
к жилью, на огороды,
а сзади - вой... Их здесь спасут,
накормят, в лес проводят...

ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ

И.П. Шелудких

Здесь встарь по весне
разливалась вода -
озерами даль отражалась.
На гриве высокой, где леса гряда,
деревня светло возвышалась.
Стога и кустарники плыли в воде...
Ручьи, словно малые речки,
победно журчали
под пеной везде...
Казалось: так будет навечно.
Но нынче прорыли
канал обводной,
плотины построили, гати...
И стало так грустно:
не видно весной
разливов сверкающей глади.

ТАЛАЯ ВОДА

Теплый ветер в ивах свищет.
В каждой луже - небосвод.
Нет вкусней, прохладней, чище
этих чудных талых вод.
Пью водицу из-под снега,
вытаяв во льду глазок.
Ах, какая сладость, нега -
леденцом скользит глоток!

В ТУЙСКОМ ЗАКАЗНИКЕ

Желтовата, в темных пятнах
а с ушей свисает кисть...
Когти длинные на лапах...
Не тигрица - это рысь!

ЗАКРАИНА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера...
Враз растопила кромку льда
под берегом березовым.
А ивы желтые стоят
по грудь в воде...
Горит закат...

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Стихи из книги «Прииртышье, край любимый», вышедшей в 1996 г.

РОДИНОВЕДЕНИЕ

В начале XX-го века, в 1916 году наставник Омской учительской семинарии А.Н. Седельников издал «Учебник Родиноведения», предназначенный для школ Западно-Сибирского округа.

В предисловии он писал: «... изучение России должно начинаться в младших классах и с родины учащихся...». И далее - «Не должно казаться роскошью писать учебник для одной области. Области и губернии, входящие в состав Западно-Сибирского учебного округа, представляют совершенно различные районы по природе и составу населения, а по пространству каждая из них превосходит главные государства Западной Европы...».

И ещё: «учебник предназначен для всех средних специальных школ, для высших начальных, а в качестве пособия и для начальных школ...». Заканчивалось предисловие словами: «...чтобы быть полезным членом своей Родины и государства, необходимо с ранних лет изучать свою родину. Изучая её, мы научимся более любить и ценить своё Отечество...».

Сегодня в программе школ есть предмет «Краеведение», в нём, как и в «Учебнике Родиноведения» А. Седельникова, есть разделы: «Население», «Населённые пункты (места)» с описанием исторических, экономических и статистических данных. Но в «Краеведение» явно не хватает главного - «научить более любить и ценить своё Отечество».

Недавно в Омске вышел из печати уникальный, громадный труд 300 ученых: «Земля, на которой мы живём». Академики и доктора наук, профессора и кандидаты наук подробно представили Омскую область по всем направлениям. Вот уж действительно «краеведение» в самом лучшем виде! Но, к сожалению, и в этой книге мало говорить о воспитании любви к родной земле. То есть, недостаточно уделено внимание экологии, охране окружающей среды и природных ресурсов. Ведь экология - это отношение человека к Природе, в переводе слово «экология» - «Природа - наш общий дом», где человек является не хозяином, а лишь малой частицей огромного организма.

А вот творчество известного поэта Тимофея Белозёрова, собранное воедино, является прекрасным литературным учебным пособием - «Родиноведение», продолжившим после учебника Александра Никитича Седельникова эту важную тему. Любовь к Природе переходит у поэта к воспитанию у читателя любви к «малой» и «большой» Родине, к понятиям не материальным, а скорее всего – духовным, нравственным, эстетическим.

Я - преданный поклонник поэтического наследия Тимофея Максимовича. В последние дни его жизни, находясь рядом с его больничной кроватью, я услышал слова. Он говорил медленно, тихо, но убедительно: «Послушай, ты мастер спорта, но брось свои спортивные выступления. Твои творческие возможности могут дать хорошие литературные произведения, посвящённые нашей общей любви к родному Прииртышью. Сделай это. Запомни, литература - это вечное...».

ПРИХОД ВЕСНЫ

ВО ДВОРЕ

На припеке, за черным
амбаром, снег растаял - и лужи
блестят.
И скворцы неразлучно парой
то на луг, то к скворечне летят.

За плетнем пахнет сеном,
навозом,
в огороде дымится ботва...
Тают копыя сосулек –
с них слезы:
кап-кап-кап!
И звенит синева!

ЗАПАХ ТАЛОГО СНЕГА...

Солнце греет трухлявые
брёвна,
запах талого снега в лицо...
Глуховатая бабка Матрёна
вышла в фартуке на крыльцо.

У бычка залоснился загривок,
тычет голову прямо в ведро.
Рыжий пёс лает звонко,
игриво...
Воробей смотрит с крыши
хитро...
Села бабочка на солнцепёке...
В первой луже плывут
облака...
На кустах ладят гнёзда
сороки...
Скрип телеги и свист седока.

РАННЯЯ ВЕСНА

Нынче спорая весна -
паводок на речке.
Синь... Разливами полна
даль... Ручьи лепечут

ПЕРВЫЙ РУЧЕЙ

Из сугроба, меж березок, под
веселый крик грачей светлой
струйкой, осторожно выплыл
маленький ручей. Робко
булькает, чихает... Осмелел -
пустился вскачь. Листья, ветки
в нем играют... Чудится то -
смех, то - плач...

ВОЗВРАТИЛИСЬ

На гриве заря в талых водах
заглась,
жнивье позолотой сверкает...
Два лебедя с кликаньем, низко
кружа,
садятся на поле, с края.
купаются в луже и зерна
клюют
усталые белые птицы,
и шеи выгнув, глоточками пьют
живую, родную водицу.
Приветствуют криком родные
края,
и капли, как жемчуг, стекают с
крыла.

ДОЛ

Полюбил я с детства луг-
в нём траву косили.
Вился речки полукруг.
И стрижи кружили...
Собирала мать в подол
землянику красную...
Лишь поздней узнал, что дол -
это луг мой ласковый!

ТРОПА

Затерялся бы, пропал
я в тайге дремучей -
но ведёт меня тропа,
а над нею - лучик!
Меж вершин - просвет в глазок,
впереди – тропа в шажок.

ПРОСЕКА

Шёл по лесу.
Впереди
вижу небо с просинью,
топоры стучат, гудки...
Люди рубят просеку.

СУХОДОЛ

Постарел водораздел,
в травах зарастает...
И разлив так обмелел-
камни выступают...

ШТИЛЬ

Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль.
Тучка чёрная видна-
так обманчив этот штиль.
Быть грозе! –
А в речке - синь,
в травах - нити паутин.

СУХОСТОЙ

На корню гниют деревья:
от болота - прель и гниль...
Раньше в воду свято верил,
а теперь - взгляд изменил!

КОВЫЛЬ

Я опять собираю ковыль,
и от ветра тебя заслоняю.
Ты поверь в серебристую былль
над курганом в неведомом
крае.
Как причудлив букета ковыль?!
Для меня он - преданье
пустынь.

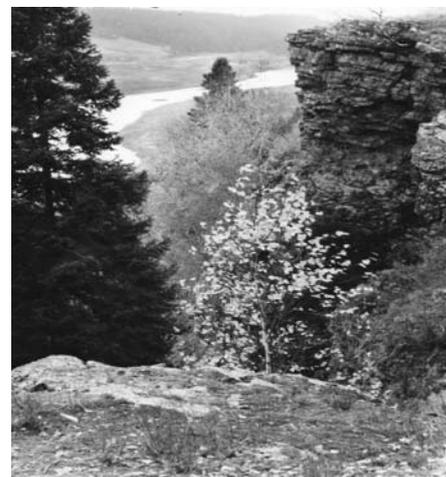

СЕЛЬ

Грязекаменный поток
оторвав с холма карниз,
всё сметая на пути -
устремился вниз!
Снеготаянье весны...
Селевой поток
сена стог, забор и клеть
к речке поволок!

ЭРОЗИЯ

Порастрескалась земля
от жары и ветра.
Загрустили зеленыя
на поляне летней.
Ссохлись, съёжились цветы,
и завяли травы.
Солнце жарит с высоты...
- Боже, ты не правый!?

ШИБЛЯК

Колет руки, колет в шею
мне шиповник так и сяк.
Но пройду я, одолею
лес с кустарником - шибляк!
И сорву на память розу,
станет взгляд мой нежно-розов!

ОМШАНИК

Сосед на зиму в подвал
улья свои опускает.
Здесь, в омшанике,
мне он сказал, -
пчелы слегка засыпают.
Оставил им в сотах мёд,
до весны улей с ним
доживёт...

РОДНИЧОК

Подо льдом не спит река.
Где обрыв с сугробом -
пар идет от родничка,
струйка бьет с ознобом.

Светлоокая вода,
растекаясь лужей,
замерзает коркой льда
на январской стуже.
Не сдаётся родничок:
Булькает, сочится...
Словно беленький сверчок
в сны к весне стучится.

ВЫГОРА

Через лес прошёл пожар-
чернота, аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней.

ПАДЬ

В овраге сыро...
Вниз сползая,
кусты цепляются, как рать.
Осел грунт, корни оголяя.
Внизу темно, угрюма падь.
Но пахнет свежестью
желанной,
и плавает туман обманной.

ЧАЩА

Глубже в лес - темно и
страшно.
Жерди... Плесень... Гниль
вокруг...
- Не ищи грибы ты в чаще, -
говорил мне в детстве друг.
Я с корзиной продаююсь -
пусто.
Друга вспоминаю...

КОЛОК

Рощица - как островок,
посреди стоит в степи...
В ней лисица есть, сурок.
Ястреб на ветвях сидит.
Куропаток серых стайка
села к ивам в холодок...
Под кустом прижался зайка.
Колок мой - степной лесок!

УРОЧИЩЕ

Здесь редко ступает нога
человека-
иду я тропинкой охотничьей:
тайга неприступная,
филина клетот-
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в век
Здесь охранял человек.

НА СОЛНЦЕПЁКЕ

А на завалинке у дома,
за ветром - тишь и благодать.
Сижу на солнцепеке... Дрема
мой взгляд пытается застлать.
Прищурившись, слезу как
ветка
качает почки-лепестки,
как кот крадется незаметно
к плетню...

Присел: и вмиг - прыжки!..
Расправив крылья, на припеке
сверкает бабочка огнем...
К скворечне на шесте высоком
скворцы несут пушинки в дом.

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Осколки белых льдин на берегу
играют хрусталем, горят
лучами.
Я, радостный, с веслом к реке
бегу,
сверкает лодка черными
боками.
Мы с дедом конопатили вчера,
пазы кипящим варом
пооблили...
И вот, я в лодке, и кричу:
“Ура!..”
Гребу против течения что есть
силы!

ТРИШКИН УВАЛ

С детства я тебя познал:
лес на склонах, травы...
Возвышался ты, увал,
гривой величавой!
В согре, под горой, смородина
– запах чудный, запах Родины!

Налетел горячий ветер -
пыль, как облачко, скрутил.
Раскачал у ивы ветви.
Вдоль по речке прокатил.
Рябь осталась на воде...
Прошумел - и нет нигде.
Только долго в черной тучке,
что над лесом проплыла,
бился майский гром могучий,
закусивши удила.

ЗАТОР

Льдины мчат во весь опор
по реке могучей...

У моста опять затор -
льдины сбились в кучу!
Треск и скрежет...
Ледокол
жмёт, гудит призывно.
С хода глыбы расколот!..
Волны плещут зыбко

Тучка холодком пахнула,
писк и крик с кустов смахнула.
Зашумела ветерком
над березовым листком.
Потемнел полдневный луг.
Слышен цокот - капель стук.

В НОЧНОМ

Звездной ночью у обрыва
в тьме звенит, поет родник.
Тени мечутся пугливо
от костра через тальник.
Слышен говор, лай и ржанье...
Крышки стук на котелке...
В ясном небе - звезд мерцанье,
яркий свет костра - в реке.

ДЕРЕВЕНСКАЯ РОЩА

Два грача из старых веток
на березке строят дом.
Майский день над ними,
светлый,
смотрит солнышком в гнездо...
Утомились... чистят перья,
к людям полные доверья!

ОГНЕВОЙ ЗАКАТ

Золотые плывут облака...
Золотистые блики на речке.
Рыжие у лошадок бока,
порыжели все спины овечьи.
С красным блеском горшки на
плетне.
Огненные над крышами
трубы...
Заалела рубашка на мне,
покраснели собачьи губы...

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской
ночью,
и долго длился страшный гул,
он с перекатами так мощно
лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел
постичь
небесной силы позывные,
природы дикой тайный клич.

Я ВИДЕЛ САМ

С красно-бурою окраской
на меже, где чистотел
притаилась хитро ласка...
Глупый суслик осмелел.
Только вылез он из норки -
ласка хватя его проворно!
Удивила меня ласка!
А на вид зверек так ласков...

ЛИВЕНЬ

Ветер к ночи разгулялся,
зашумел прибрежный лес.
Мрак угрюмо надвигался -
с треском, свистом -
в душу лез...
Вся палатка трепыхала
птицей, с раненым крылом.
Молния вблизи сверкала
и ревел медведем гром.
И – внезапно - водопадом
ливень хлынул с высоты...
Тяжестью своей громадной
смял палатку и кусты.

Играют дети в прятки
грачи летят на луг...
Проклонился на грядах
в зеленых стрелках лук.
Дед ладит топорище
на лавке у крыльца,
а над скворечней свищут
два радостных скворца.
На кольях банки, крынки
искрятся, как слюда...
О чем-то, о старинном
поют мне провода.

ДЕДУ - 90 ЛЕТ...

В небе майском - синий свет...
Деду - девяносто лет...
В валенках и телогрейки
на завалинке сидит.
Яркий луч лоб, щёки греет.
Дед о прошлом говорит...
Из газеты самокрутку
ладит долго, не спеша.
И, в прищуре, оком мудрым
смотрит в воды Иртыша.
Он – рыбак, большой мастак!..
Говорит: «Уж, всё не так...
нету рыбы... обмелело...
страсть к рыбалке -
охладела...»

ЖЕЛАННЫЙ МАЙ

Широким плёсом разлилась
река,
над старицей ветвей виток
зелёный.
А дальше - берег с желтизной
песка,
Разлив - и стаи птиц...
Их клич влюблённый.
Желанный май!
Промчался ледоход,
В овраге расцвели, желтея,
ивы...
... Вот показался белый
теплоход -
И слышу я гудок, такой
счастливый.
д. Бородинка

НАЧАЛО МАЯ

В воде острова...
И на радость грачам
ивы всю расцвели,
а у фарватеров вновь по ночам
бакены ярко зажглись.
Ранний рассвет...
Набережной иду
от гостиницы «Омск» до моста.
Вода день за днём прибывает...
Плывут
осколки последнего льда.
В сваи бетонные бьётся волна,
крутит выюны под мостом...
Прёт половодье...
Река так сильна -
как щепкой, играет бревном.

ЩУРЯТА

На солнечной косе искрит
июльский день.
Как маленькие серые торпеды,
пригрелись рыбки... Вот
скользнула тень
моя в воде, и сразу с нею,
следом -
выюны, выюны... Уходят в
глубину
стремительные и живые
стрелы...
И вижу только сонную, одну.
Но всплеск - и вмиг исчезла
ошалело.

п. Береговой

Смотрю я с обрыва - до дна вся
видна!
А струйка ключа холодна-
холодна...
Мелькнет то голянян, то карась
золотой
и всплеск разбежится веселой
волной.
Ах, Оша родная, моя ты душа,
как в летушко красное ты
хороша!?!
Мальчишки, как свечки,
с обрыва летят,
ромашковый луг,
стайки желтых цыплят...
Течешь из Тениса в Иртыш, в
океан,
лугами, полями - и в дождь и в
туман.

У реки в лучах багряных,
огибая берега,
выплывают из тумана
золотистые стога.
В каплях росных, в искрах
света
по отаве босиком
к тальникам, едва заметным,
пробираюсь бережком.
У обрыва на песочке,
там где ключ холодный бьет,
клев отменный!.. Между
прочим
на червей карась берет.

АМУРСКИЙ КАРАСЬ

Сети по воде стоят углом.
С лодки ботом бьем, плывем
зигзагом,
загоняем рыбу мы с дружкой.
Только не идет карась, как
надо.
В сторону прорваться норовит,
от сетей под лодку аж уходит...
Час, другой - а рыбку не
словить.
Вот такая, хитрая, порода!
Браконьерство он не признает,
но на удочку - с лихвой идет!

СТАРИЦА КАЙМАНАЧИХА

Резкий всплеск под удилищем,
и - оборван враз крючок!
... Подвязал второй. Колышет
снова красный поплавок.
Подсекаю!.. Потянул -
лещ стрелой в воде мелькнул.

ДРЕВНЕЕ ремесло

Дяде Пааше Губину

Из прутьев ивовых мордушку
я с дедом у реки плету.
Он в обод сверху, словно в
ушко,
вставляет прут - я снизу жду.
Веду дорожкой обводною,
и прутья мягкие, как жгут,
сверкая влажной белизною,
за кругом круг бегут, бегут...

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав...
Ряской, камышом он зарастает.
Берег в мягких травах, как в
коврах.

Отражаются в воде сонливой
белые, как льдины, облака...
От кувшинок тихий блеск
игривый...
Далеко за дамбой синь-река.

п. Кушайлы

Трава у берега да ряска,
и холод в синей глубине...
А вечер тих, задумчив, ласков -
вновь вижу рыбок я на дне.
Карасики все с золотинкой -
играют стайкой, мельтешат...
И пузырьки от губ икринками,
сорвавшись, вверх ко мне
летят.
С мостков люблюсь этим
чудом,
и золотистый видя свет,
вновь наполняюсь
нежным чувством к реке,
которой лучше нет!

Рыбацкое счастье

Красно-розовый, пугливый,
в речку тычется закат...
Трое мальчиков счастливых
на больших мостках сидят.
Удочки к воде склонились,
чутко дремлют поплавки...
В лицах детских отразились
блики радужной реки.

Щука

Зеленоватая - под травы,
и полосатая слегка...

У омота, за переправой,
она сторожит окунька...
Прожорливая-
дашься диву!
Встречал длинною с метр,
поди...

Берёт с крючка малька-наживу.
Не дёргай резко, проведи...

Ночью на салтаиме

От зари вечерней в плесах
блики.
Хлещут щуки по воде хвостом,
чебачки шарахаются дико
перед близким и зубастым
ртом.
Словно выстрел-всплеск,
то окунь яро
у сетей разбрызгал сонный
круг...

И кричат плакучие гагары,
и в тумане глохнет дальний
звук.

... Озеро ночное - Салтаим,
с другом в лодке тихо мы
сидим.

Рыбаки

В тёплый вечер,
во мгле, рыбаки
собрались в тальнике у реки.
Рыбакам по одиннадцать лет,
от костра в лицах розовый свет.
Из золы длинной палкой к
ногам
выгребается чудо-картошка,
прежде чем прикоснуться к
губам,
до красна обжигает ладошки...
Вдоль косы закидушек крючки,
если клёв - на рогатках звонки.

Река детства

По речке Оша, солнышком
сверкая,
плывут эскадрой голубые
льды...

Я на одной из льдин -
шестом толкаюсь -
и мой восторг из сказочной
мечты.

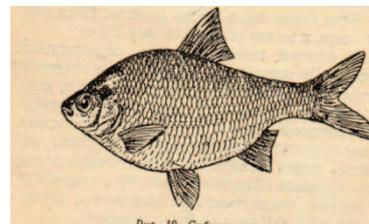
А надо мною чаек клич
призывный!
А в окнах изб - искрят, горят
лучи!..

268

Плыву!!.
Нет ничего прекрасней в
жизни.
Река и лёд!..
И сердце - так стучит!..

Я настоящий рыболов...

Закат потух...
И сразу - всплеск
вдоль кромки камыша...
Подъязок первым в сети влез-
всплыл, резко трепеща.
Вытаскиваю... Вот - чебак,
пять окуньков подряд.
Зашёл, наверное, косяк...
Глаза мои горят!
А следом - пелядь!.. Вот улов!..
Я - настоящий рыболов

Тевризский ерш

Сразу и не разберешь:
то ли окунь, то ли ерш.
А колючий, словно ежик,
но в ухе - ни с кем не схожий.
От него такой навар,
что хлебнешь - и бросит в жар!
Ромашковый луг, и гусята на
нем.
Теленок на привязи бродит...
Галка с разлета, играя крылом,
пикирует - это к погоде.
Речки слепящей большой
полукруг,
с песчаной косой и мостками.
Каскадами - брызги!
Мелькание рук,
с мальчишескими голосами.

Плеск воды над колодиной,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный, -
я в весеннем лесу...
Как дары от природы,
сноп медунок несущу...

Жаворонок в небе майском
песенку мне пел,
и качаясь, словно маятник,
под облаком висел...
Как на ниточке висел!..
Долго слушал я, смотрел...
А потом сложил он крылья -
Камнем вниз - и в травах
скрылся.

ИЗЛУЧИНА

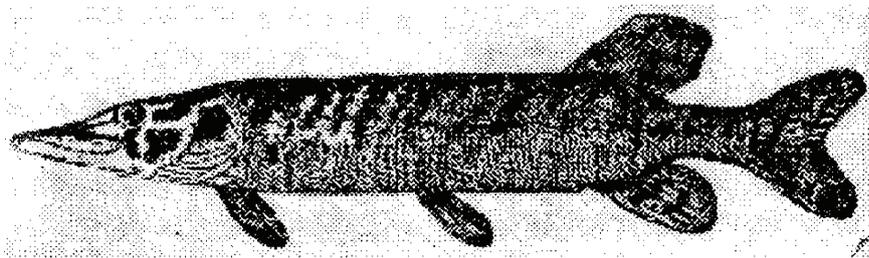
В воде играют солнца лучики,
бежит река за поворот.
Полукольцом искрит излучина,
в ней остров с ивами встаёт.

РАЗВЕДРИЛО

Ясный, солнечный денек
снова над деревней...
Ведро - словно огонек
из наречий древних

НА ЧАНАХ

Озеро в тумане тонет,
стынет синяя вода.
Выпь в болоте тихо стонет,
вздрагивают невода.

Всплеск, круги - то рыба в сети
попадая, бьет хвостом.
У костра я не заметил -
ночь ушла, светло кругом.

ВЕСЕННИЙ ЗАПРЕТ

На Ике рыба валом прёт
под берег, накормёжку.
Вот плеск... и треск...
в камыш идёт...
Я натянул сетёшку.
Вся в дырах, старая - но, вмиг,
в ней заплескалась пелядь...
А вот и окунь, рядом - сиг...
Куда все страхи делись!..
Запрет на ловлю? - что запрет,
когда тебе пятнадцать лет.

НА ВЕСЕННЕМ ОЗЕРЕ

Не пойму что- то озеро:
зелень, тычки цветут?..
На сырых, на берёзовых
кольях, листья растут!?
Есть и веточки малые-
чудеса небывалые?
... Тишь весенняя, майская -
корни сок всюду пьют.
Жизнь для тычек обманчива,
через месяц - умрут.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

От колышков - нить лески к
закидушкам.
Блеск паутин окутал тальники.
В дождевиках, бывалые и
ушлые,
по отмели шнурыют рыбаки.

В ладонь зажав коробочки с
приманкой,
насаживают ловко червячка...
В капроновых садочках
спозаранку
уж плещет рыба... И парит
река...
Вверху светло, но солнце
медлит где-то.
Покой и тишь царят перед
рассветом.

РЕЧКА ОША

Вырос я в местах хороших:
там из озера Тенис
рвется с дамбы речка Оша,
и спешит к Солдатке вниз.
Там весной на льдинах белых
плыл в залив через камыш,
рыбьи косяки лавиной
мчались на проход в Иртыш.
На разливах уток стаи,
отдохнув, взлетали ввысь...
Те места давно оставил -
как там Оша, как Тенис?..

ОЗЕРО ИК

Гаснут звезды. Тишь да гладь.
Лишь заря зардела,
рыбки начали всплывать
и плескаться смело.
Разбегаются круги
в золотистых волнах,
Светом радуги-дуги
лучики в них тонут.
Плес огромен - вдаль и ширь...
Кажется безбрежным мир.

НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ К МОИМ КНИГАМ

1. ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ РАССКАЗОВ «НА ЛЕСНЫХ ЗАКРАЙКАХ»

«...Всего несколько коротких рассказов Владимира Зензина – и перед нами раскрывается мир Таинственной Природы, от которого мы, горожане, всё больше и больше отдаляемся, лишая себя одной из самых великих радостей бытия. Этот серьезный недостаток восполняют откровения о птицах и животных, о цветах и деревьях, которые автор почти очеловечивает, проникая в их суть – чувственную, думающую и удивляющуюся.

Читая, невольно ловишь себя на мысли, что при всем этом ты сам присутствуешь, как будто бы стоишь за спиной большого знатока природы, тонко и чутко истолковывающего великие ее тайны. Рассказы Владимира Зензина трогательны любовью к Сибирскому краю, который, благодаря писателю, становится понятным, близким и родным.

Мне в детстве повезло: был такой взрослый человек, который нас, двух друзей, поднимал до утренней зорьки и вел на Иртыши ловить рыбу. С того времени у меня нет выше желания, чем выйти на реку или озеро в ранние утренние часы. И в этом плане Владимир Зензин чем-то напоминает мне мое детство и того доброго человека, который подарил мне эту любовь к природе на всю жизнь.

Удач вам на творческом пути. Пусть ваша любовь к Природе поможет ей выжить, в том числе – и с помощью молодого поколения, которому адресована книга.

*В.А. Дудкин,
главный специалист Комитета по делам науки и высшей школы
Администрации Омской области*

2. «СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ» (книга издана в 2000 г.). «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

«...Время от времени на страницах периодики появляются небольшие рассказы Владимира Зензина о нашей сибирской природе. Нежные и прозрачные, они завораживают читателя, ненавязчиво предлагают ему оглянуться вокруг, задуматься и как бы другими глазами взглянуть на окружающий нас мир, а в конечном итоге – и на самого себя. Мне, горожанину, они помогают с хорошей светлой грустью вспомнить те немногие дни и часы, которые удалось прожить не на равнодушном асфальте, среди одноликих каменных домов, а в берёзовом лесу, на берегу Иртыша или степного камышового озера.

Заядлый охотник и рыбак, Владимир Зензин исходил тысячи километров родного Прииртышья, изучил его в своих странствиях тонко и досконально, давно и беззаветно очарован его тайнами и красотами. Несомненная литературная одарённость позволяет ему находить для своих рассказов слова, точные и не заёмные. Впервые собранные воедино, эти невеликие рассказы позволяют нам чётче представить своеобразие творчества этого интересного литератора.

Рад, что мне доверено написать несколько напутственных слов к этой чистой, наполненной поэзией книге. Уверен – она принесёт юным читателям немало радости и доброго настроения».

*АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР,
Председатель правления Союза писателей*

3. ВСТУПЛЕНИЕ к книге «ГОРИ, ОХОТНИЧИЙ КОСТЁР» (книга лирики, издана в 1991 году)

СТРОКИ ИЗ ЛЕСА, С ПОЛЯ, С ОЗЕРА... (О книге В. Зензина «Гори, охотничий костёр»)

Если вы, читатель, приобретёте и раскроете эту книгу, то вы немедленно, с первых строк, окунётесь, войдёте в многоцветный мир сибирских лесов и полей, ощутите непередаваемую атмосферу охотничьих ночёвок у костра, услышите голоса бывалых людей. Это неудивительно и вполне закономерно – ведь книга называется «Гори, охотничий костёр», и написана она человеком незаурядным, исходившим немало охотничьих троп – поэтом, мастером спорта по стендовой стрельбе Владимиром Зензиным.

Книга лирики В. Зензина объёмиста, солидна, она по существу является итогом многолетней работы автора, результатом его неисчислимых бдений на утренних и вечерних зорьках, наблюдений за родной природой и «нашими братьями меньшими». Вот они-то, – все эти крякухи и красавцы-селезни, тетерева и журавли, соболи и лоси – и являются, так сказать, главными героями задушевной, доверительной беседы автора со своим читателем. И, право слово, исповеди этого бывалого человека – я уверен! – найдут отклик в неравнодушных сердцах, которые не совсем ещё – в нашем раздразе и перепалках – растеряли любовь к живому.

Конечно, книга В. Зензина изрядно населена и людьми – ведь охотничьи маршруты сводят человека со многими и многими, и о них тоже поведал нам наблюдательный, вдумчивый автор. Люди в книге – самых земных, прочных профессий: комбайнёры, шоферы, рыбаки, – те самые, благодаря которым жива и будет жить земля российская, как бы ни хотели её расчленивать, раздраконить, распродать иные горячие головы.

Поэт влюблён в своих героев, он рисует их в самых обыденных коллизиях, но авторская любовь к ним высекает искру поэзии. Вот один из них – усталый, после работы, комбайнёр пришёл в кино, видит на экране ласковое южное море, а думы – о своём, о земном:

**«... надо запастись ещё картошкой,
дом подправить, заменить слегу...
Надо многое - усталость клонит
и глаза слипаются без сил...
Чудится ему: свои ладони
в ласковые волны опустил!»**

Так и видишь этого сельского механизатора, которому и руки то хочется опустить в волну морскую лишь для того, чтобы остудить в ней жар страдной работы!..

В. Зензин находит точные, ёмкие слова для описания того незатейливого с виду сельского быта, который и держит душу «на плаву»: у одних, давно оставивших отчужденное село, – воспоминаниями; у других, верно служащих родной земле, – повседневными встречами с нею. Но для того и существует поэтическая речь, чтобы заметить эту обыденную красоту, заметить и показать её нам:

**«Потемневшая бадья
пообилась, обветшала
жёстким ободом света,
вниз скользнула, как бывало
С наслаждением пью и пью,
кланяясь с любовью прежней
избам, срубам, журавлю
и словам из песни нежной».**

И, как уже сказано вначале, не пожалел стихотворец строк для лесных, полевых и озёрных обитателей!

Сколько теплоты, юмора, сочувствия разлито в этих стихотворениях! Но здесь я позволю себе маленькую «хитрость» – я не буду цитировать эти стихи, а предоставлю возможность читателю, влюблённому в природу, самому неторопливо и со вкусом находить эти добрые строки, во множестве рассыпанные по страницам книги. И я по-хорошему завидую той светлой радости, что ожидает читателя при знакомстве с книгой В. Зензина.

Написанные строки – не рецензия в традиционном смысле, – это просто отклик, слово о многолетней работе моего товарища...

В целом же хочется поздравить автора с поэтическим дебютом, а любителей природы сибирской пригласить к чтению лирических строф о родном крае. Думаю, особое место среди читателей займут и охотники, и рыбаки, и туристы.

И пусть поэту не изменит с годами чувство, столь точно выраженное в его собственных строках:

**«...Лишь прокричит сова, взлетая,
да мышь прошелестит в копне, –
и снова тишина густая
рождает музыку во мне!»**

*Владимир Макаров, член Союза писателей,
газета «Омская Правда», 23 апреля 1992 г.*

4. ОТ РЕДАКТОРА КНИГИ: «СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР»

Уважаемый читатель!

Вам посчастливилось открыть книгу, которая созвучна «Повести о лесах» Константина Паустовского, «Дороге к другу» Михаила Пришвина, «Рассказам» Виталия Бианки.

От названных литераторов в прозе Владимир Зензин отличается тем, что замечателен как Волшебник в Поэзии. Его книга «Сибирь, сторона родная» проникнута Рубцовским лиризмом и зоркостью, чудодейственной Зензинской Правдой!

Каждое слово Автора просеивается через сомненья и раздумья. Чтобы приковать мысли Читателя к своим, с этой целью некоторые слова он выдает порционно, т.е. пишет их по слогам, например, «память пе-ре-во-ро-шу».

Во многих стихах Владимира Зензина (порой веселых, иногда – не очень) слышится красивая музыка. Не верите? Так найдите же стихотворение «Заснеженность» - это же сама песня...

Помню наши беседы в таёжных делях, в урманских болотах, где я старался соотносить свое миропонимание с мнением Омского Мудреца и Поэта Владимира Зензина.

К нему часто прислушивался большой Мастер поэтического пера – Тимофей Белозеров. Творчество Владимира Зензина по достоинству ценят маститые Омские литераторы: Александр Лейфер, Анатолий Грачев, Владимир Макаров, Лев Трутнев и другие. Жаль, что никогда не увидят эту книгу Ефим Беленький и Михаил Бударин.. Что касается меня, то этой книгой, которую представляю, я просто-напросто очарован.

Чем же притягивает книга? Чем она завораживает? Конечно же, глубоким содержанием, ясными мыслями, правдивыми рассуждениями и поэтическим видением Природы Прииртышья.

«Ну, а художественные достоинства каковы?» - спросите Вы. Отвечу. Можете не сомневаться, дорогой Читатель: книга «Сибирь, сторона родная» определено (однозначно) высокохудожественна.

Да, да... С большим волнением читая стихи и прозаические зарисовки о Прииртышье (материал подается порционно, стихи и проза чередуются), я понимал, что Автору, пусть и в творческих муках, удастся находить нужные слова, которые светились бы: то – красками художника; то – мрамором скульптора; то – музыкой скрипача; то – солнечным лучиком...

Интереснейшая книга Владимира Зензина «Сибирь, сторона родная» станет Вам, дорогой читатель, добрым советчиком и мудрым Другом, являя собою кладезь самых разнообразных познаний о природе. Она и о хороших людях, призванных беречь ее и любить. К ним и Матушке-Природе сам Автор относится с глубокой нежностью. Вот почему это трогательное слово произносится им сотни раз, говоря о том, что сама авторская душа и нежная, и ранимая, и страдавшаяся.

Любое стихотворение Владимира Зензина несет Читателю не только новые знания, но и помогает понять увиденные чудеса и красоты Природы в синеве неба, шуме леса, песне волн, в плаче чибиса и чаек.

Мне, редактору, радостно представить замечательную книгу истинного Сына Отечества, всерьез обеспокоенного плачевным состоянием родной Природы. Проводя Читателя по разным уголкам Сибирских просторов, Автор бесхитростно и откровенно, часто с болью в сердце, с чувством высокого патриотизма, неустанно повторяет:

**«Люди, остановитесь, оглянитесь,
Посмотрите на варварство,
Которое творим сами.
Люди! Мы же дети одной Матери-Природы, а
есть ли на земле слово, прекраснее слова «МАТЬ»?
Так будем же ее беречь и жалеть. Любить.
Призадумайтесь над тем:
Светла ли в озерах водица?..
Сколько на озере птицы?..
На Юг ли, на Север они летят?..
А... сколько у кряквы утят?..**

Какое глубокое видение Автором различных Явлений Природы на озере и реке, на земле и в небе, на лугах и полях, в лесных дебрях! В одном из стихотворений он пишет:

**«Казалось, не серебряные ручьи
Стекают с неба,
А из земли выросли стебли дождя».**

Он видит даже неуловимые нити света, таинственный танец снежинок, внимает музыке дождя и шепоту камыша, и покоряет точностью изложения глубоких мыслей, достоверностью. В этом легко убедиться, побывав вместе с Владимиром Васильевичем на многоголосом сельском базаре, но базарная сутолка – не его стихия. Он вновь убегает в поля.

«Мне жизнь полей мудрее книг!» - восклицает Автор, счастливо наделенный многочисленными талантами, в том числе – литературным. Подтверждаю это его стихотворением «В тайге»:

**Я сбежал из города в тайгу,
И над речкой тихой, ясноликой
Из сосны рублю себе избу,
Печь кладу – ведь я не лыком шитый.
Я умею многое: сошью
Из звериной шкуры куртку, чуни...
Для колодца выдолблю бадью,
Надо – и в сугробе заночую.
Я умею мастерски стрелять,
Сети ставить, находить берлоги...
Я – в тайге, но в голове опять
Голоса родных и гул тревоги.**

Его тревожат не только заморы на озерах, высыхание водоемов, но и малая рентабельность рыбозаводов, нищета некогда богатых деревень. И вновь повторяет: «Берегите Природу от браконьерства и головоуятия, от варварской вырубке лесов, от всевозможных пожарниц». Автор прямо-таки кричит нам: «Возрождайте деревни! Занимайтесь землепашеством! Сохраняйте леса, дающие планете дыхание».

Привожу выдержки из моего письма, написанного после получения его книги: «Гори, охотничий костёр».

«...Спасибо, Владимир Васильевич, за Благородство, Естество, за Совесть, за Талант!

Если бы Ты не обладал личностными достоинствами тонкого ума и чувств, наблюдательностью, то... и...не состоялся бы как Поэт. Твой Лирический герой - настоящий сибирский парень: Мастеровитый, Башковитый, Спортивный!!! Художественно одаренный!..

...Хорошо, что не только констатируешь, но и привлекаешь внимание Читателя к острым проблемам современности. Стихи твои высоко оцениваются Знатоками и Любителями Поэзии Ленинградской области. А мы с Анной Владимировной (моей женой, у нее уже готовы 2-ой и 3-ий поэтические сборники) без слез читать Ваши удивительные стихотворения просто не можем. Сердца клокоют, мысли вскипают, Душа замирает, источая всевозможные похвалы Тебе – Тому, чья авторская позиция так патриотична.

Проблемы, которые ставишь в своем творчестве, я поднимал в объемистом письме в «Комсомольскую Правду» осенью 1974 г., когда свирепствовали гонения на А.Д. Сахарова. Не побоялся: один из немногих заступился за прославленного Академика. Не обошлось без окриков свыше, без запугиваний – выручил мой 5-летний комсомольский стаж, награда ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде» и поручительство друзей из Областного комитета ВЛКСМ.

Но, вернусь к твоему творчеству. Меня всегда восхищало то обстоятельство, что Ты презирал шумиху и лжепатриотизм, крикливость. Свои замечательные стихи Ты создавал ТАИНСТВЕННО, словно сидел в камышах на лодке, а рядом безмятежно качались чучела.

Похвально, что Успеху Твоих проникновенных стихотворений способствуют не литературные приемы

Литературных Академий, а несомненный природный талант, жизненный опыт, трудолюбие, влюбленность в Родную Природу.

Как человек впечатлительный и наблюдательный, пытливый и умный, одаренный многими талантами, в том числе, и – поэтическим, Ты просто Не мог Не сочинять стихи.

А стихи твои прекрасны! Такая красота сквозит в первую очередь, у М.М. Пришвина, у С. Есенина, Евдокима Русакова, у И. Антонова, Вадима Шефнера...Ну, что ж!?. И я пишу тебе «Поздние признания» твоего таланта и слова искренней благодарности за Твои книги. Вижу в них Твой умный и красивый взгляд...

С каким сердечным трепетом читаю милые слова малой Родины: увалы, айда, паря, пимы, выгора, рям, талы, калач, масло «рыжик» и др. Как волнительно читаются: Старо-Солдатка, Усть-Логатка, Тюкалинск, Ялуторовск, Старичье, Крутинка, Салтаим, смородина (здесь ее называют уродливо - «сморода». А в Ялуторовске могила моей матери...).

Покоряет образность Ваших стихов, Владимир Васильевич:

Облака – сны, ондатры – торпеды, серебряное блюдце озера, вафельный жир гуся, черный жемчуг смородины, виток мечей (рога лося), концы линялого платка, щебет ласточек беспечный...

А ритмы! Рифмы!.. (озерный – зерна, крылья – открыл я, вечерний – чернядь, не стану – полустанок, истоме – стонет, тучи – лучик, полднем – поднял и т. д.).

Как певуче произносится: «Что, березка, мне расскажешь?», «Ах, сентябрь, ты мой – кудесник», «Родина – дальних лесов кружева...»...

Читаю, вновь перечитываю: «Осенний лес – моя любовь», «Неспроста поет овес», «Мои думы о доме, о Родине...» и др., и др., и... не могу начитаться. Какая тонкая наблюдательность! Какое точное выражение мыслей – «Разведрило!.. Разведрило и в мыслях, и в душе».

Владимир Васильевич, мне известны муки поиска нужного слова. Вот почему вместе с Анной Владимировной (моя жена – поэтесса) так радуемся Вашим поэтическим находкам, многим прелестным строчкам. Сколько притягательной силы в одном таком названии «Гори, охотничий костер» – и хорошо, что обложка красочна.

В ваших стихах нерасторжимы юношеская непосредственность и мудрость бывалого человека. Читаю и вижу пушистость верб и солнечную пыль, слышу как трещат льды, ломающиеся на весенних реках и озерах, восхищаюсь разливами...

И это все. Не элементарная описательность ради рифмы. Стихи выстраданы, не надуманы. Они покоряют свежестью и чистотой, хорошим настроением, переживанием автора.

Твою чудную книгу «Гори, охотничий костер» сейчас читает редактор газеты «Голос патриотов» Василий Ив. Суворов. Васю стихи Твои, Володя, очень и очень радуют, волнуют – а это редчайший знаток поэзии... (Продолжаю писать, 28-е ноября 2004 г. 7 часов утра, г. Луга Ленинградской обл.).

...Вот только вчера виделся с Васей Суворовым – образованнейшим человеком Северо-Запада. Он дал мне и Анне книгу Ник. Старшинова (муж Юлии Друниной) «Частушки» и... опять говорили о Вашем таланте, Владимир Васильевич, о Вашей книге «Костер». Он вновь ее просил.

– Принеси, – говорит, – Владимира Зензина, так хочется почитать еще и еще...

А ведь у него дома библиотека в несколько тысяч книг. И сам он – редактор нескольких книг.

С глубоким уважением, Анна и Виктор 30.11.2004 г.

(Продолжение)

Выйдя из Тюкалинской глубинки, из простого деревенского люда, испытал в детстве все горести и тяготы голодного военного времени (отец погиб на фронте под Псковом), Владимир Васильевич Зензин берет на себя смелость взвалить на собственные плечи тяжкий писательский труд. В своей поэтической декларации, в заключительных строчках стиха «Омская область» четко определено авторское кредо:

**...С интересом
я вглядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком
снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это –
Родина! Сибирь!**

Уважаемый Читатель, как бы я ни старался сказать слова Благодарности Автору за книгу «Сибирь, сторона родная», как бы ни восхищался этим удивительным (у-ди-ви-тель-ным) человеком, я не смогу сказать о нем так, как рассказывает он сам о себе: «Писать всегда одну Правду и только – Правду» - такова клятва, таково кредо поэта и журналиста Зензина. (Снова привожу выдержку из моих старых писем к автору).

«Большинство Твоих стихотворений расцениваю как подлинно художественные, в них не только ум, но и равнодушное сердце, а так же главное, – совесть.

Часто пою песню Ал. Морозова.

**«Возьмите карандаш
и... напишите – «Совесть»,
и вспомните: когда
Вы думали о ней...».**

Вот что автор говорит о муках творчества:

**«Я - болен, я – безволен...
Я вечно чем-то недоволен.
Как объяснить, как разгадать,
Как самого себя понять?..
...И вновь – стихи!
- Душа – в огне!»...**

Вот каково оно, пожараще стихотворчества. Чтобы лучше понять Бунтаря и Правдолюба Владимира Зензина, следует еще и еще раз прочесть главу «Свет надежд», в которой он грустно заметит:

**«Страничкой улетаю мои дни...» И вновь повторяет:
«Поэзия – лекарства лучше нет!
Слово – Божество!
Стихи – когда Душа поет!**

То с улыбкой, то с грустинкой пишет поэтические картины: «Рождество» (концовка)

**«И хотел бы я в чистой рубашке
в час последний прийти на лужок,
поклониться ручью и ромашке,
из ключа выпить чистый глоток».
И вновь беседует:
с подснежником и озером;
с березкой и осинкой;
с вербой и васильком.**

Он рассказывает Читателям о живительной силе корня «Аир», о настойках валерианы, о клюкве - ягоде, о видах подснежника и других цветах и травах... Просит знать и помнить названия рыб и птиц, различных животных. Автор поможет увидеть жаворонка на ниточке, бабочку, летящую к оконной раме; зайца, линяющего в колке; утенка-нырка с белыми дудочками будущих крыльев и еще раз пересчитает: а сколько у кряквы утят?

И снова тревожится, горько вздыхает и печалится, видя незажившие раны на теле земли – следы человеческого варварства: весенние палы, весенняя охота, разгильдяйство и безразличие чиновников, отвечающих за экологию и сохранность природы.

Грустит ли одинокая скирда в поле, растут ли грибы-сыроежки, собирает ли лисица подранков, стонет ли лебедь одинокий, как сердится ежик, как кричит гагара – до всего есть дело равнодушному сердцу Автора – все сказанное выше образно подтверждается многочисленными стихотворениями, такими, как «А душа болит, болит...»

Стихи покоряют дивной неожиданностью сравнений:

***Желтый птенец – одуванчик; рыжее пламя лисицы;
белый хвостик косули – подснежник; пар над лункой – памяти дым;
почки вербы – золото; на осиновом листочке – шрифт лесной;
Леса – зеленый океан и т.д.***

А каковы наблюдения-олицетворения!

***Мышата чистят зубы; куропатки играют в прятки;
танец ласточек – касаток; в карауле стоят тополя;
куда зовешь бескрылых, птица?
Аист – джентельмен,
воробьи беседуют, хвалят друг друга, целуются...***

Уважаемый Читатель!

Не сердитесь, что наш разговор повернул вдруг в литературоведческую сторону. Ну как не сказать о звездной россыпи сибирских слов: медунки, отава, зарод, шаньга, пимы, зипун, шабур, дровни, берданка, скрадок, няша и т. д.

И как удачно слова зарифмованы!

*Лопух – пух, кусты – застыл, с весел – плесах,
лысуха – глухо, прячут – горячий, бокал – Байкал, чую –
ночюя, перелески – прелестный и т. д.*

Но все-таки не выразительностью художественных средств (ими восхищен тоже) покорен Редактор, а Личностью Автора, сказавшего о себе:

«Дышу – стихами»

«Растворюсь я в алой зорьке».

Повторяюсь: как могуч лирикой Сергей Есенин, как пленителен Николай Рубцов, как пронзительно правдив Владимир Зензин, при чтении которого то дрожь и озноб, то полынная горечь, то слезы Радости. (Привожу опять из своего письма отрывок стиха, написанного на книгу В.В. Зензина «Поздние признания»).

Именно этим можно было бы и закончить данную статью. Но хотелось бы познакомить Читателя с двумя пожеланиями Автору.

Одно – от Анны Терлеевой. Другое – от Редактора

**Поешь ты Гимн родной природе,
Молитву – таинство творишь
И веришь, что в своем народе
Вновь Совесть предков воскресишь.
Но не горюй, Поэт, так жгуче,
Что в диком обществе живешь:
Оно у нас не станет лучше –
Ведь «Что посеешь – то пожнёшь».
Всю душу выплесни до капли,
Раздай любовь родным местам:
Гагарам, рябчикам и цаплям,
Березам, травам, камышам.
И счастлив будь, что живы птицы,
Что горицвет еще цветет,
Что бьет Родник живой водицей, -
А сердце плачет и поет.**

Анна Терлеева, 14 октября 2009 г.,

**Земляк, талантливый пером,
Рисуй словесные узоры,
Пусть светят лунным серебром
Тобой воспетые озера.
Поэт! И Мастер по стрельбе,
Искатель Правды – тяжелой ноши,
Пусть улыбаются Тебе
Все звезды над родимой Ошей!**

*Редактор Виктор Терлеев,
Санкт-Петербург, 15 октября 2009 г.*

PS.

Мне уже 83 год. Всё чаще задумываюсь: а что же я сделал в жизни?.. Ответить трудно. Но всякий раз сажусь к компьютеру, включаю Интернет, нахожу свою фамилию, читаю о себе появляющуюся информацию с читательских конференций и различных конкурсов. Вот последние заставки:

5. В ГРОХОЧУЩЕМ МИРЕ...

После составления классификации продолжаем работу, выясняя, какие экологические факторы в нашей Омской области являются более значимыми и почему. Богатейший материал создали наши омские поэты о природе нашего края. Изучая учебный материал «Среды обитания», было бы просто непростительно не воспользоваться их стихами. Вот где можно, используя стихи и наглядные пособия: фотографии, гербарии - дать знания детям о растительном и животном мире Омской области. Это стихи Владимира Зензина – «Озеро Чертайлы», «Ночью на Салтаиме», «Поиск коня», «В заречной согре» и другие.

«ОКРУЖАЮЩИЙ МИР»

На уроках окружающего мира в разделе «Родной край – часть большой страны» можно использовать стихи омского автора Владимира Васильевича Зензина. Так, знакомя детей с водоёмами Омской области, предлагаю для прослушивания стихотворение «Речка Оша». Перед чтением предлагаю учащимся проследить по физической карте за названными в стихотворении географическими объектами.

РЕЧКА ОША

**Вырос я в местах хороших:
там из озера Тенис
рвётся с дамбы речка Оша
и спешит к Солдатке вниз.
Там весной на белых льдинах
плыл в залив через камыш,
рыбьи косяки лавиной
мчались на проход в Иртыш.
На разливах уток стаи,
отдохнув, взлетали ввысь...
Те места давно оставил –
как там Оша, как Тенис?..**

Стихотворение позволяет проследить за истоком и устьем реки. Полное представление о данной реке формируется после прослушивания и обсуждения заранее подготовленного учеником сообщения.

Река Оша, впадающая в Иртыш с юга близ села Знаменское, на всём протяжении протекает в пределах области. Своё начало берёт из озера Ачикуль, расположенного в непосредственной близости от озера Тенис. Длина реки 530 километров. Оша почти на всём протяжении зарегулирована многочисленными плотинами.

На уроке «Жизнь пресного водоёма» можно предложить учащимся для прослушивания стихотворение В.В. Зензина «Ночью на Салтаиме»...Дополняет представление об этом озере следующая информация. Самое большое озеро в области – Салтаим. Его длина 18 км, ширина в северной части – 15 км, в южной – 4 км, наибольшая глубина 2,5 м. Дно илистое. Берега озера сильно заросли камышом. В пресных озёрах Крутинского района встречается около 20 различных видов рыб, из которых промысловое значение имеют щука, налим, язь, карась, окунь и другие.

Городские дети испытывают трудности при запоминании названий птиц. Ещё сложнее узнать им птиц, которые занесены в Красную книгу. В.В. Зензин посвятил стихи балабану, стрепету, краснозобой казарке, савке и другим пернатым... Автор не только даёт описание внешнего вида птиц, но и указывает места их обитания.

Есть у В.В. Зензина стихотворение с необычным названием «16 января 2002 г.» Этот день особым образом вошёл в историю Омской области. Первые 100 тонн нефти поступили с Крапивинского месторождения на Омский нефтезавод. Это начало промышленной добычи нефти на собственной территории.

Омские авторы дают детям возможность совершать заочные путешествия по родным местам. Ребята сами принесли в класс книгу Владимира Зензина «Сибирь - сторона родная». Мы нашли время, чтобы прочитать несколько рассказов вслух.

С помощью стихотворения В.Зензина «На реке Шайтанка» можно сразу дать целостное представление о растительном мире по берегам наших рек:

*Я брожу вдоль речки,
в ней кувшинки-свечки!..
Над водой - рогоз, тростник
и аир с трезубкой...
Дальше – манник, стрелолист,
камышинки дудки...
Корень белый – то аир,
он лечебный, как эфир.*

Изучая на уроке тему «Взаимоотношения организмов», мы с детьми читаем стихотворение Владимира Зензина «Сохатый»:

*Ноги обдирая о «чарым»
Пятиться, стремиться в рям сохатый.
Волчья стая бросилась за ним,
Вмиг - три зверя на спине покатою.
Пал он в снег, спиной их давит в наст,
Бьет копытами!..
вскочил на ноги-
Сбил рогами двух матерых
враг...
И прыжком махнул через дорогу...
Долго рям валежником трещал,
Волки, сгрудившись, лизали раны.
Головой уткнувшись в снег, лежал
Их возжак, подергиваясь странно.*

Шквал эмоций вызывает у детей это стихотворение и радость, что остался жив сохатый, и одновременно грусть, и боль за гибель волка. Именно такие стихотворения помогают не только запоминать учебный материал, но и учат нравственности. Целый блок стихотворений об исчезающих растениях и животных нашего родного края создал Владимир Зензин...

6. «ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ПОЛЕЙ РАССВЕТНЫХ...»

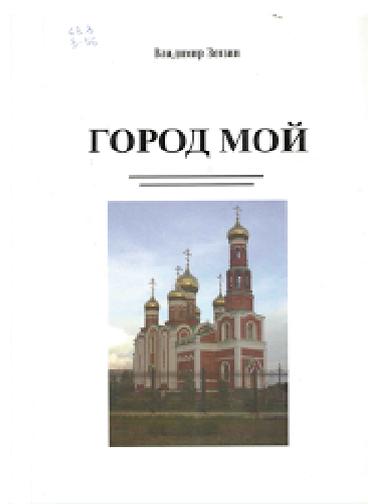
*А этот материал взят из Интернета с читательской конференции
Тюкалинской районной библиотеки*

«...В.В. Зензин – многократный лауреат конкурсов журналистов, пишущих на темы природы и экологии. Он автор более 40 книг о природе Прииртышья и людях Сибирского края. Его стихи и рассказы о многообразии флоры и фауны Сибири, о первобытной красоте, чистоте целомудренной и величественной Матери – природы, вызывают у читателя чувство прекрасного и воспитывают бережное отношение к окружающей среде.

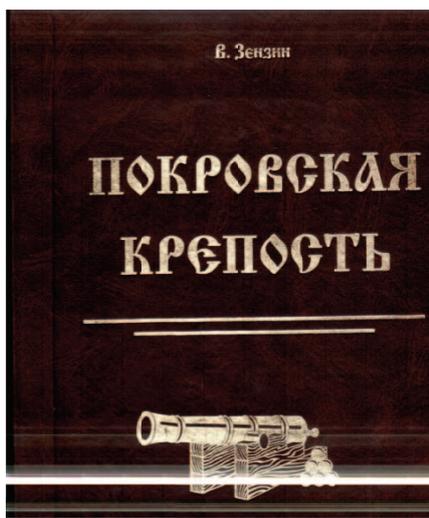
Зензин Владимир Васильевич родился в 1935 году в селе Старосолдатское Тюкалинского района Омской области. Окончил педвуз, преподаватель Омского колледжа транспортного строительства.

Владимир Васильевич часто посещает родные сердцу места. В одну из таких поездок автор подарил книги центральной районной библиотеке имени Л. Иванова.

Зензин В. Город мой: Историческое повествование. – Омск, 2006. -599 с.

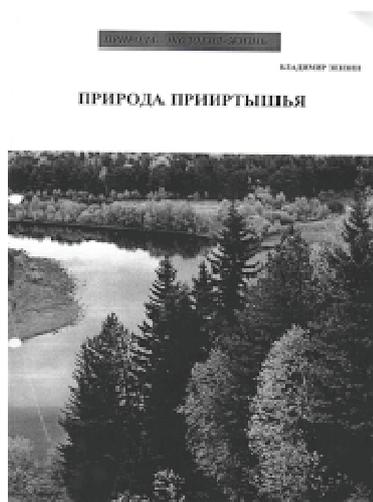
В книге показаны изменения в облике города Омска, несколько разделов посвящено полной истории города, рассказывается о простых тружениках, а также в приложения включены литературные произведения о природе и людях Сибирского края.

Зенин В. Покровская крепость (литературно-историческое обозрение Сибири) – Омск, 2007 – 836 с.

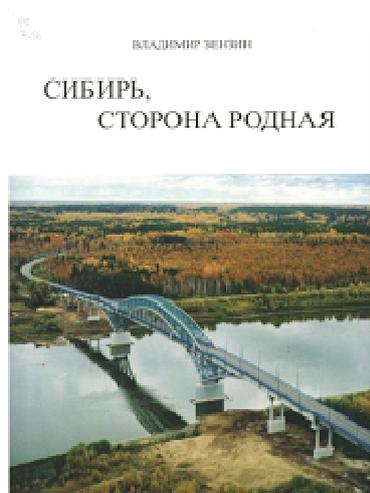
История крепости необычна и незнакома. Она являлась важным звеном в мощной Сибирской оборонительной линии.

Книга может быть использована в качестве дополнительного учебного пособия по предметам: история и литература, биология и экология.

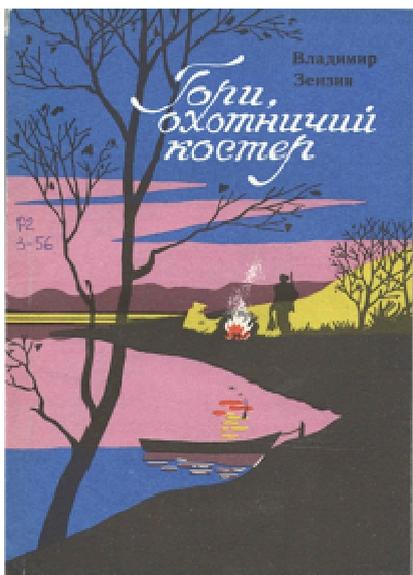
Зенин В. Природа Прииртышья: Стихи и рассказы для детей и подростков – Омск: Омский педуниверситет, 2013. -39 с. – (Природа – экология – жизнь)

Данное издание включает в себя основную часть книги «Прииртышье, край любимый», которая издана в 1996 году и была включена в школьную программу «Изучения краеведения».

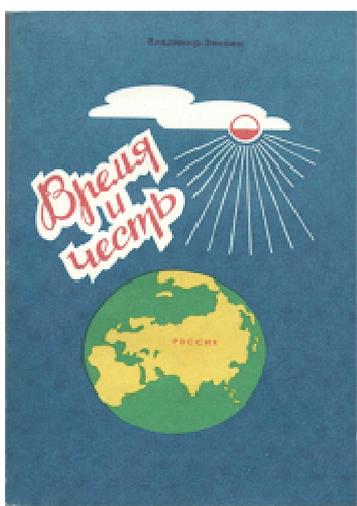
Зенин В. Сибирь, сторона родная: Рассказы и стихи. – С. – Петербург:СПб: ООО «ИГРА СВЕТА», 2009. – 176 с.

В данной книге собраны значительные сведения по Омскому Прииртышью, автор представил все многообразие флоры и фауны нашего края.

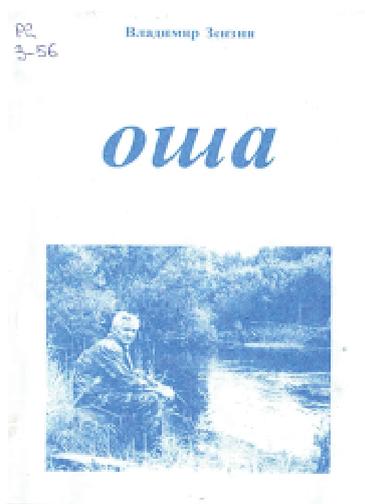
Зенин В. Гори, охотничий костер: Книга лирики. – Омск: Редакционно – издательский отдел, 1996. – 256 с.

Книга о природе сибирского края и его людях, об охотниках, рыбаках, грибниках, ягодниках о всех тех, кто любит и бережет природу.

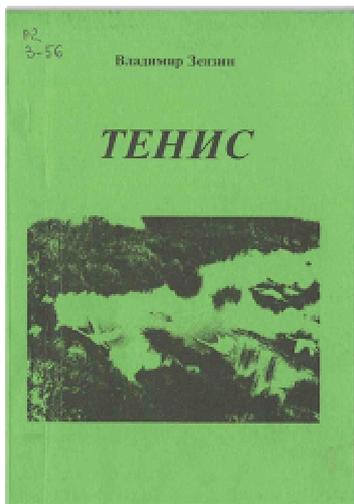
Зенин В. Время и честь: Стихи и поэмы. – Омск, 1993. – 304 с., ил.

Стихи о природе, о красоте родного края переплетаются с размышлениями о судьбе родного русского народа. Время и честь – главный мотив лирического сборника поэта.

Зенин В. Оша: Стихи и рассказы. – Омск, 2002. - 80 с.

Оша – древнее, историческое название одной из 2930 рек и речушек Омской области. Красота Сибирской природы покоряет сердце любого человека, вступившего в этот удивительный мир. Оша – родная река автора. Он вырос на ее берегах.

Зензин В. Тенис: Стихи и рассказы. – Омск, 2013. -99 с.

Книга о красивом и неоглядном озере, с непроходимыми зарослями камыша, богатое разной дичью и рыбой, манит к себе всех любителей природы. На Тенисе самое северное гнездование колонии кудрявых пеликанов. Более десятка видов птиц, занесенных в Красную книгу, издавна обитают в этих местах.

Надеемся, что чтение книг, представленных на виртуальной выставке, принесет много радостных и поучительных минут читателям...».

ПОВЕСТИ

1. ЕГЕРЬ (КНИГА ИЗДАНА В 1997 г.)

Лесная, чуткая, звенящая тишина. На многие километры вокруг – ни души. Золотистая листва берез поблескивает на солнце, переливается нежными бликами в тот момент, когда легкий ветерок набегает на ветви и начинает перебирать отдельные листочки...

Отдыхая после рубки и сбора сушняка, уложенного в поленницы в нескольких местах, Афанасьевич сидел на стволе березы, поваленной бурей, на опушке большого лесного массива. Эта береза лежит здесь уже третье лето, любят посидеть на ней и приезжие охотники, и Николай Петрович, и он сам. Она – как лавочка.

Лес начинается меж двух озер и уходит широкой гривой в северную сторону. В нем, в основном, береза и осина. Он перемежается местами плотными высокими талами, и чем дальше на Север, тем чаще и чаще таловые кусты с высоким кочкарником расплозуются на сотни метров в стороны, а березовые островки уступают место “рямкам” из невысоких сосенок, с багульником и мхом у корней, с ярко-красной брусникой. Это и есть труднопроходимые “лосиные места”. В той северной стороне нет людских селений, километров через пятнадцать начинаются сплошные клюквенные болотины, за ними на десятки верст тянется громадный, плотный рям, переходящий в необъятную, могучую тайгу. Трижды за девять лет жизни в охотничьей избушке, зимой на лыжах, с бывальными охотниками он ходил в тайгу, и каждый раз они брали по одному медведю. Что же касается лосей, то они сами выходят к избушке, а их исконные, найденные тропы проходят рядом, чуть севернее. Во время миграции, когда выпадают обильные снега, десятки животных появляются со стороны Тюменской

области, направляясь в сторону Большеуковского заказника. В марте, этими же тропами, возвращаются обратно. Косули делают переходы табунками по двадцать-тридцать штук вместе...

Самая ближняя деревня Заозерная – в двенадцати километрах на юг отсюда. Слева и справа на десятки верст подряд тянутся большие и малые озера. Если учесть, что с юга от деревни охотничья избушка отделена узкой протокой, соединяющей два озера, то Афанасьевич живет словно на острове. Девять лет одинокой жизни...

Правда, в сентябре-октябре все-таки часто наезжают охотники на дичь, но зимой на зверя – редкость. Еще в первую неделю мая, если открывают весеннюю охоту, да летом кое-кто заглянет на ягоды и грибы...

Сегодня среда третьей недели сентября. День солнечный, теплый. С утра было прохладно, но быстро согрелся работой. А сейчас, распахнув безрукавку, подставив лицо солнцу, Афанасьевич вслушивался в тишину леса, блаженно втягивая ноздрями чистый воздух, настоянный на запахах перезревших цветов и трав. В такие минуты отдыха он обычно любил вспоминать что-нибудь приятное из прошлой жизни. Прошлая жизнь – а ей уже семьдесят один год...

* * *

У ног шевельнулась Найда, подняла голову и наострила уши. Умными глазами посмотрела на хозяина, словно спрашивая у него разрешения, затем осторожно встала и, крадучись, удалилась в лес. Афанасьевич, стряхивая оцепенение от воспоминаний, корявой пятерней, словно расчесывая волосы, провел несколько раз по голове. Удивительно: для человека, перенесшего столько испытаний, волосы оставались густыми, без пролысин, с чуть заметной сединой. Пышная борода делала его лицо добрым и приветливым. Большой, но правильный нос, широкий размах бровей, открытый взгляд нестареющих, поблескивающих тихим светом глаз – все это располагало к нему, а также спокойствие и уверенность движений. Высокие плечи, бугристая мощная спина, длинные руки с узловатыми кистями, – говорили о необычной природной силе.

Рубашка и безрукавка слегка топорщились на крутых плечах, брюки зеленоватого цвета изрядно стерлись, особенно на коленях, но крепкая ткань сохранила цвета защитной охотничьей спецформы егерей. На ногах – высокие, до колен, чуни из лосятины. Легко, удобно...

Из леса вынырнула Найда, подбежала, села у ног, положив голову на колено старика. Глядя ее мозолистой ладонью по голове, спросил:

- Ну и что же ты, сбегала?.. Чего ты там нашла?..

Собака извиняющимся взглядом посмотрела ему в лицо, лизнула руку. Если бы она обнаружила в лесу птицу или зверя, она бы их облаяла. И по тому, как собака лает, охотник узнал бы, кто там есть. А раз вернулась молча, то ничего не нашла, а ей вначале что-то показалось.

Найда – невысокая, с черными и серыми красивыми пятнами на спине, с подпальными боками – являла собой помесь спаниеля с лайкой. Чего в ней больше – трудно сказать. Одно ухо, как у матери, – опущено, второе, как у отца, – остро торчит вверх. Хвост загнут колечком, когда же выслеживает птицу или зверя – хвост распрямляется и опускается вниз. Грудь светло-дымчатая, широкая, мощная. Шерсть на шее мягкая, короткая, сверху – черная, с постепенным переходом в светлую. Под глазами на щеках – по одному белому пятнышку ворсистой шерстки. Мордочка длинная, узкая. Красавица! Но главное – умница она необыкновенная. Понимает хозяина с полуслова. Очень любит ластиться, даже чересчур – она ведь самка. Первую его собаку на базе – лайку, по кличке Майс, кто-то застрелил далеко от базы, на дороге. Она каждый вечер одна обегала леса и озера в радиусе 4-5 километров. Вторую собаку привез Николай Петрович. Афганская овчарка, недружелюбная и не охотничья, привыкшая жить раньше в квартире, она не нравилась старику. И, понимая это, Петрович забрал ее в город. И только Найда, которую к нему доставили щенком, стала ему очень близкой.

В прошлое лето ее укусил клещ. Это могло кончиться плохо, но старик отвез ее в Тюкалинск, в ветлечебницу. Накупил дорогих лекарств. Несколько дней врачи держали ее под капельницей. Выкарабкалась, хотя и не без последствий. Теперь, волнуясь, собака начинает дрожать, голова ее подергивается, по телу пробегает нервный тик. Афанасьевич в такие моменты гладит ее ладонью по голове, загривку, спине. Пальцами почесывает за ушами, ласкает за подбородок. Собака успокаивается, ложится у его ног, благодарно поглядывая на хозяина...

- Пойдем обедать, – сказал старик. Он встал, поднял подстеленную телогрейку, вытащил из дерева воткнутый топор, и пошел к избушке, что стояла в ста метрах у протоки, соединяющей два озера. Собака, обнюхивая на ходу кочки, побежала впереди.

* * *

Охотничья избушка приютилась под навесом трех больших берез. Как будто по чьему-то заказу, здесь у протоки, на возвышении стояли эти развесистые деревья. Когда Афанасьевич вместе с Николаевичем Петровичем, директором военного завода, выбирая место под домик, подъехали к протоке в первый раз, без разговора, только посмотрев друг на друга, решили: лучшего искать нечего.

Сейчас Афанасьевич вспоминал, как прежде, чем приехать сюда, у них с Петровичем состоялась встреча на заводе, в его кабинете: Три длинных стола – подряд, в конце, поперек, еще один стол.

Дорогие стулья, богатая отделка стен, потолка – все сразу поразило Афанасьевича. Бывал он в обкоме, работая на областной базе на озере “Тенис”, но такого шикарного кабинета не встречал. Николай Петрович, сидевший за дальним столом, быстро встал и пошел навстречу, протягивая руку. Сели рядышком в кресла. Афанасьевич, впервые видя его в белоснежной рубашке с галстуком, дорогим костюме, невольно подумал: “А на охоте выглядит как простой мужик...”

Когда у Афанасьевича случилось страшное горе с семьей, и он, не зная, как дальше жить, находясь в Омске, так – случайно позвонил Николаю Петровичу домой. Затем состоялось с ним несколько встреч, ведь они были знакомы через охоту уже более десятка лет. Впервые он сопровождал компанию охотников во главе с Петровичем из Старосолдатки под Большеуки, на охоту на лосей. Позднее Николай Петрович несколько раз заезжал на Манякинскую охотбазу. А очень близко они сошлись на областных соревнованиях по стендовой стрельбе. Афанасьевич тогда стал победителем среди сельских охотников и выполнил норматив первого спортивного разряда. Николай Петрович же – мастер спорта, член сборной команды города, участник многих всесоюзных соревнований – был у них главным судьей соревнований.

На столе то и дело звонили несколько телефонов. Николай Петрович нажал кнопку внутренней связи и сказал: “Отвечайте, меня нет...” Не теряя времени, сразу, сходу признался Афанасьевичу:

- Несколько лет собираюсь купить домик в деревне, у озера. На примете был один в Усть-Логатке, у дамбы, где Оша вытекает из Тениса, но рядом – областная охотбаза. Не нравится мне такое соседство. Есть места на Салтаиме, в Медете – да все не то: домики на виду у людей, отдыха нужного не будет. А мне хочется побыть хоть иногда одному. Вот и у тебя сейчас такое же желание. Давай посмотрим, где это может быть лучше. Ты и я знаем досконально всю Омскую область. Конечно, надо выбирать только на Севере...

С этими словами он встал, приглашая Афанасьевича к середине стола, на ходу разворачивая карту.

- Смотри: вдоль Иртыша, слева вниз – Тара, до нее – 300 километров. Далее – Знаменское, Тевриз – более 400 километров, а Усть-Ишим вообще далеко. Неплохие места направо, через Иртыш. Паром – опять неудобно. Если справа, вниз по Иртышу, через Муромцево, до Седельникова и еще дальше, снова свыше 400 километров. Несколько ближе охотугодя – через Кабырдак и Старосолдатку на Большеуки. Но ты, знаю, будешь против. Тебе сейчас больно и неприятно вспоминать об этих местах.

Остается самый короткий и самый выгодный маршрут: Омск – Тюкалинск – Усть-Логатка – Новокарауск – Заозерная. Всего около трехсот километров. В ту сторону, дальше, были когда-то еще две деревни, но их давно нет, люди поразъехались. Километров в пятнадцати есть сеть озер, два из них очень красивы, богаты рыбой, дичью. Они соединены протокой...

- Что-то их на карте не видно? – перебил его Афанасьевич.

Николай Петрович глянул с улыбкой, спрашивая:

- А ты там бывал?

- Да, раза три-четыре. На охоте, и один раз – за клюквой.

- Вот и я дважды охотился там, и один раз приезжал в рям за брусникой. Места отменные...

Афанасьевич внимательно посмотрел на карту и спросил:

- А когда изготовлена карта? Здесь не только озер, даже моей родной Кумыры нет, – и ткнул пальцем рядом с Хуторами, – немного ниже должна быть...

Петрович, показывая справа внизу исходные данные, прочитал: “Выпуск 1986 года...”

- Значит, вышла всего год назад.

Они еще минут десять оговаривали основные моменты для начала работы, потом Николай Петрович попрощался:

- Вот выедем на место и поговорим обо всем основательнее...

* * *

В начале июня, на “Ниве” вчетвером, они подъехали в полдень к протоке, к мостику. На поляне сверкала невысокая, молодая, зеленая трава. Желтые цветы полосой тянулись вдоль протоки, а в талах чирикали птицы. В центре протоки, на синей глади купалась, плескалась стайка голубой чернеди, в осоке швакал крикаш. Две маленькие уточки, чирки-свистунки, ныряли у самого мостика. Солнце... Тишина... Луговая дрема...

Все смотрели на другой берег протоки, на три красавицы-березы, где предстояло строить избушку. Мостик, очень старый и ветхий, предназначался для проезда на телегах и пешеходов. Кое-где зияли меж досок щели в кулак: видно, его никто не ремонтировал, да и свежих следов не видно.

Протока, слева и справа, имела ширину около пятидесяти метров и шла к озерам среди талов, смахивая больше на обычную речку. А здесь, у мостика, протока сужалась до 10 метров. Берег над

водой возвышался на метр: может, землю когда-то нагребли бульдозером, но сейчас все заросло травой и талами. И дорога, еле заметная, выходила на мостик, расположенный на уровне того и другого берега.

Николай Петрович обратился к двум сопровождающим, из которых один был его заместитель по производству, а второй – начальник деревообделочного цеха:

- Надо вначале укрепить мостик. К тем столбикам в воде нужно подставить опорные сваи-рельсы, соединить их металлическим уголком с крепежными болтами, сверху на сваи-рельсы положить поперек широкие швеллеры, и тоже болтами скрепить. А повдоль, почаще настелить просмоленные брусья. Доски старого мостика оставить сверху, ничего не меняя. Никакой роли для прочности они не играют, зато сохранят сверху старый вид. Рельсы, швеллеры и прочее – покрасить в серо-грязный цвет, под старые стойки. Вроде так все и было с самого начала...

Выслушав Николая Петровича, все весело заговорили, с шутками и прибаутками:

- Построили завод, а десятиметровый мостик осилим, – заверил заместитель.

- Мостик узенький, надо бы перила, а то кто-нибудь свалится в темноте или с похмелья, – съязвил начальник цеха.

- Это хорошо, что узенький. Легковая машина пройдет, а грузовикам на базе нечего делать. Афанасьевич сам сделает перила – изгородь, как на огородах. Чем беднее – тем лучше. Но шлагбаум, да под замок, изготовить в цехе, – поддержал веселый тон директор.

Далее Николай Петрович более официальным тоном произнес:

- Мы пошли с Афанасьевичем смотреть место под домик, а вы берите рулетку, замеряйте высоту, ширину и прочее. Все сделать на заводе, а здесь – только сборка и крепление.

Перейдя по скрипучему мостику, они по едва заметной дорожке дошли до трех берез. Николай Петрович долго стоял, оглядываясь, и наконец, произнес:

- Мы с тобой, Афанасьевич, далеко не первые. Посмотри – под березками несколько бугорков и ямок. Даже есть обломки кирпича – стояло какое-то строение. А там, в стороне, к лесу – насыпь и холмик, заросшие крапивой. Нет, не временные, а постоянные жили хозяева в этих местах.

Подошли заместитель и начальник цеха. Директор вытащил из кармана пиджака два свернутых листка и протянул им, разворачивая.

- Посмотрите план охотничьей избушки, второй чертеж – хозблок. Избушка – под березами, хозблок – в сторону леса, на расстоянии. Метров 40-50, не ближе.

Не спеша прошли с Афанасьевичем вдвоем вдоль протоки влево, затем – вправо. Сходили в березовую рощу, оглядели поляну и даже выбрали место под огород. Через час все уехали в город.

* * *

А потом дела начали разворачиваться, как в сказке: “По шучьему велению, по моему хотению...” Через две недели Афанасьевич на ГАЗ-69 с прицепом, и двумя сопровождающими спецмашинами с высокими бортами приехал в Новокарасук грузить разобранный избу. Бревна, почти новые, лежали штабелями. На них свежей краской написаны номера ряда, простенка... Их с помощью совхозных мужиков быстро погрузили на бортовые машины, а двери и окна – на прицеп газика...

Два часа спустя машины подошли к протоке и встали перед мостиком. Затем ГАЗ-69 с прицепом легко пробежал через мостик, разгрузился под березами, вернулся обратно. С бортовых машин стали разгружать бревна и укладывать в прицеп газика, который вез их через мостик. Словно челнок: туда-сюда сновал газик. Руководил всем знакомый начцеха. Афанасьевич разглядывал мостик: ремонта почти и не видно, рельсы, швеллеры покрашены под столбики, сверху – старый настил.

Подошел Николай и спросил:

- Ну, как мостик? – и не дожидаясь ответа, предложил:

- Помните разговор, Вы хотели поставить на мостик перила. Я привез десяток тоненьких столбиков и два десятка необработанных прожилин, так как Петрович, отправляя нас, напомнил: “Делайте все скромнее и надежнее...”. А вот щиты-аншлаги с надписью “Приписное охотхозяйство” да и шлагбаум велел разукрасить поярче...

Четверо рабочих, три водителя и Николай работали споро, четко, не подпуская его к бревнам. Чуть позже Николай снова подошел к нему и попросил:

- В ГАЗ-69 есть фанерный ящик. В нем – котелок, картошка, мясо, крупа... Хорошо бы Вы (к нему почему-то все обращались на “Вы” или просто по дружески “Афанасьевич”) приготовили нам ужин на костре, с дымком...

- Будет сделано, с дымком, – кивнул Афанасьевич, и пошел к березам. Подождал пока приедет газик, вытащил из него продуктовый ящик, перенес его в сторону, к лесу, сходил за сушняком и начал готовить ужин. Он торопился, видя, как спешат рабочие...

Через час, закончив перевозку бревен, все сели в кружок на полянке. Поужинали, и шофера сразу стали собираться в обратный путь. Попрощались, садясь в машины. Остались четверо строителей с Николаем...

Немного отдохнув, рабочие начали сборку домика. Глядя на них, Афанасьевич подумал: живут в городе, вечерами привыкли отдыхать, смотреть телевизор, а тут – раз надо, вкалывать до темна. И незаметно для всех начал помогать то одному, то другому – с усердием хватая бревна и укладывая их в простенки.

На второй день дособрали стены, вставили двери, окна. С крышей возились полтора дня. На третий день пришел обратно ГАЗ-69 и самосвал с кирпичом, цементом и песком. Из газика, кряхтя, вылез пожилой печник. Строители, разгрузив самосвал, сели в машины и уехали в город. Николай остался снова – помогать печнику и ждать хозблок, который обещали привезти через день...

Стройка шла полным ходом, не останавливаясь ни на один день, и в первых числах июля, в основном, завершилась. Осталась мелочевка.

“Охотничья избушка” – в таежном понятии – невысокая, небольшая, с земляным полом, с грубыми нарами, с черными стенами, из которых между бревнами торчит мох. Как говорят, сделанная “по черному”, с маленьким оконцем.

Эта же выглядела иной. Высокая, просторная изба, с хорошим полом, с русской печью и полатями, с большими окнами. На крышу домика положили белую оцинкованную жесть. Ставни и наличники на окнах покрасили яркожелтой краской. И получилась не охотничья избушка, а сказочный теремок, излучающий солнечные цвета.

По настоянию Николая Петровича крайний правый отсек из трех, расположенных в хозблоке, оборудовали под баню...

* * *

...Прошло девять лет с момента постройки охотбазы, а оцинкованная жесть и желтая, для военных изделий, краска по-прежнему ярко и весело отсвечивают в лучах солнца. Афанасьевич, распахнув сенцы, положил под лавку топор, повесил телогрейку, ополоснул из рукомойника, висевшего над тазиком, руки и лицо. Большое махровое полотенце приятно пахло речной свежестью. Рубашки, белье и всякое тряпье старик стирал в протоке. Шерстяные носки, которых у него больше десятка, менял почти ежедневно. Он очень любил чистоту и порядок, а потому, прежде, чем ступить за порог, снял чуни, а войдя – сбросил безрукавку. В комнате веяло свежестью и прохладой, форточки на окнах раскрыты, их квадраты затянуты мелкой сеткой от комаров. Занавески расшторены. Широкая кровать, обеденный стол, шкаф с посудой, стулья – все имело добротный, опрятный вид. И даже русская печь – с духовкой, печуркой, трубой – выкрашена в зеленоватый цвет. Полати сложены из полированных досок. Встал на скамью – хочешь, вправо на печь залазь, влево – на полати...

Обед разогревать не стал. Поел холодного мяса с пшенной кашей, запил густо заваренным чаем, предварительно размочив в нем сухарь. В еде он был непривередлив. Охотничий кондер из дичи, или уха из карасей стояли в большой кастрюле в холодном подполье по 3-4 дня. Отливая в железную чашку нужную порцию, разогревал ее на огне, а чаще ел холодной. Также в большом количестве, на несколько дней, почти из тех же продуктов, готовил пищу для собаки. Правда, в летнее время она питалась в своей будке, у крыльца, но зимой, как любая комнатная собака, жила с ним в домике, где при входе для нее специально расстелен старый коврик.

Обед длился недолго. Старик вышел на крыльцо, присел. Солнце клонилось к лесу, в теплом и безветренном пространстве плыли, изящно извиваясь, белые паутины. Значит, вёдро, солнечная погода продлится на несколько дней...

Найда, облизываясь, вылезла из своей конуры, подошла и прилегла насупротив, положив мордочку на лапы. Внимательно глядя на охотника, чуть шевелила хвостом, словно спрашивая: “А чем будем заниматься вечером?..”

* * *

- Чем заниматься вечером? – повторил в раздумье старик. Вторник и среда для охоты закрыты: дни покоя для дичи. В основном охотники приезжают в пятницу вечером – на субботу и воскресенье. Настанет октябрь, вторник и среда “раскроются”, и тогда некоторые любители, особенно кто в отпуске, засядут на озерах на неделю – караулить подлет северной утки: гоголя, лудка, крохоля.

Сегодня у него в плане: опробовать новую мордушку, приготовленную для зимы. Надо поставить в протоку два-три щита плотной изгороди, сделанные из ивовых прутьев, как бы перегородив протоку. В промежутке между щитами поместить, как в окне, мордушку.

“Наверное, сейчас, около четырех часов, – подумал старик, – можно не торопиться”. Последние два-три года он вел себя степеннее, даже ходить и двигать руками стал медленнее. Немного

откинувшись плечами к дверному косяку, вытянул ноги, расслабился. Прикрыл глаза и явно почувствовал, как солнечные лучи, застревая в морщинках лба и щек, согрели его лицо. За последние годы морщины, которых он раньше не замечал, резко углубились, избородив вдоль и поперек коричневатую кожу. Вот и у глаз – сплошная сетчатка.

Но морщины – пустяки, ерунда. Хуже, что зрение резко притупилось и слух явно сдал. Это подосаднее. Особенно для него, как охотника. Но что поделать – пошел 72 год, и старик давно уже со всем смирился, как-то внешне и внутренне притих в одиночестве. И словно уводя его от старости, память снова и снова возвращалась в прошлые, молодые годы. Иногда в разговоре с кем-то он не мог вспомнить какой-нибудь факт, событие, фамилию, название. А теперь, как бы в забытии, память настолько оживляла картины прошлого, что он словно вплотную видел чье-то лицо, дом, улицу... Ему четко слышались слова матери, отца, знакомых. Не надо настраивать себя на воспоминания – они сами возникали внезапно, властно. Как и в эту минуту:

... Августовское утро 1941 года. Деревня Старосолдатка, райцентр северного района. Вдоль улиц нарыты свежие глубокие ямы для телеграфных столбов. На центральной площади круглый, хрипящий репродуктор разносит последние сводки информбюро. С площади медленно, телега за телегой, движется обоз. Кто-то сидит на телегах, кто-то идет рядом. Большая разноликая, плачущая, кричащая, поющая толпа. Мужья, жены, братья, сестры, дети, старики, старушки. Многие – подвыпивши. Обоз движется за деревню, на окраине останавливается. Прощание. Плач. Причитание женщин, ярые звуки гармошки... А потом лошади медленно тянут телеги вдаль, на них остались новобранцы: отцы и взрослые парни...

Он, пятнадцатилетний пацан, шел обратно по улице один, молчаливый, угрюмый, сжавшись в комок. Только утром слышал о страшных, кровопролитных боях, огромных потерях, отступлении. Ему показалось, что все эти ямы под телеграфные столбы накопаны, как могилы, для солдат из их села. Может, этих ям и не хватит. Недалеко на окраине – кладбище, много раз он видел там свежие могилы – их глинистая, мокрая земля точь в точь схожа с этой.

Как старший, он стал хозяином в доме. Младший брат, сестра и мать, признавая это, относились к нему уважительно. Он старался: до зари вставал и где-то в полночь ложился спать. Корова, овцы, свинья, куры, а это – заготовка сена, дров, ежедневные работы во дворе. И одновременные занятия в школе, где мать стала работать техничкой. И, конечно же, охота – страсть, которая захватила его давно, и без нее он не представлял своей жизни. При первой же возможности, с ружьем, один убежал на озеро, в леса...

Так и жили семьей в трудностях, заботах и долгие четыре года ждали отца с фронта. Но в мае 1944-го пришла похоронка.

- Все, конец!.. Конец надеждам, ожиданиям, вере в будущее, – такие мысли сверлили его воспаленную голову. Он и в бреду не мог бы представить отца мертвым, убитым. Да, раненым, какие возвращались иногда в деревню, без руки или ноги – это было еще допустимо. А убитым – нет, нет и нет!..

Прошло несколько мучительных дней, он осознал неизбежность суровой жизни. И все понял: это не конец белого света, вокруг тысячи таких же сирот, надо самому бороться за право жить дальше. И начал трудиться с еще большим старанием...

А в июле его самого призвали в армию. Сначала – Новосибирск, курсы снайперов (он в свои 16-17 лет был лучшим охотником на всю округу). А затем – Подмоскowie, где он, сержант – инструктор, проводил занятия по стрельбе с молодыми солдатами из разных пополнений. На фронт удалось выпроситься только в апреле 1945 года. Попал под Прагой в жестокие бои, и в одной из атак получил тяжелое ранение в бедро. Полевой госпиталь, отправка в тыл. Через полмесяца окончилась война. А через месяц, попал в Омск, где лечился недолго. В начале августа – тот день отчетливо помнит и сейчас – пешком, в гимнастерке с двумя медалями на груди, он от шоссе, где слез с грузовика, – напрямик через луг, шагал к родимой деревне...

... Неожиданно близко и громко прошумели крылья птиц. Тетеревиный выводок, вылетев из леса, и развернувшись веером, сел неподалеку на поляну. Забавные птицы: рядом дом, человек сидит на крыльчке, у ног его – собака. А вот не боятся и каждый день к вечеру вылетают на эту поляну, ищут в траве корм, что-то клюют. Сходятся и вновь расходятся, тихо переговариваясь на своем языке. Самцы, перья которых окрасились в черный цвет, четко выделяются, горделиво поднимая головы вверх. Тетерок, скромных и незаметных, скрашивает поблекшая, серая трава. Не то что сам, и других охотников упросил Афанасьевич не стрелять в этом лесу никакую живность, объявив этот лес и протоку “воспроизводственным участком”, где всякая охота запрещена. Птицы и звери с ним – круглый год рядом, как домашние. Вот облетят скоро листья с деревьев, и тетерева по утрам будут

садиться на ветки крайних берез, наблюдая, как из трубы охотничьей избушки тянется в небо забавная струйка дыма. Или как Найда бегаёт по поляне, раскапывая норы мышей...

... Афанасьевич поднялся с порога, прошёл в хозблок, взял мордушку и два свертка перегородки из мягких ивовых прутьев. Не спеша двинулся к протоке, блестящей синей гладью в ста метрах от избы. Найда, опередив его, уже вбегала в таловые кусты, что росли по берегу.

* * *

Когда Афанасьевич почти вплотную подошел к протоке, из камыша навстречу выскочила Найда, неся в зубах кряковую утку. Подранок, вытянув шею в сторону, шипел на собаку, бил крылом по морде. Старик осторожно вытащил утку из пасти собаки, похлопал ее по загривку и похвалил:

- Молодец, иди гуляй...

Собака снова убежала в камыши. Охотник присел на кочку, осмотрел поврежденное крыло птицы, пощупал ее кости. Вроде остальное все нормально. Найда всегда аккуратно хватает подранков и несет к хозяину живыми. А тот пусть решает – как быть...

Солнце еще лишь наполовину опустилось за лес, можно не торопиться, посидеть на кочке, поразмышлять. Откуда подранок – ясно. У той части протоки, что уходила в сторону большого озера, на другом берегу установлен щит с надписью: “Охота на реке запрещена”. В день открытия охоты с озер, где гремела канонада, на протоку стайка за стайкой слеталась разная утка: кряква, шилохвость, широконосок, чирок. К вечеру ее скопилось более сотни. На второй день, когда стрельба в основном затихла, утки разлетелись по своим озерам. Осталось на речке одно семейство кряковых – 9 штук, и чернеди – 8 штук. Эти выводки выросли здесь, протока – их родной дом...

Во вторую субботу, во время стрельбы на соседних озерах, сюда прилетело уток не меньше. Одних, наверное, перебили, других разогнали куда подальше. А в последнюю субботу их прилетело уже всего десятка три. На озерах слышалось мало выстрелов. Понятное дело: местная утка начала отход к югу, а с севера еще нет подлета. Несколько охотничьих компаний, по совету Афанасьевича, разъехались на более глухие озера и болотины. И оттуда доносились редкие, одиночные выстрелы...

На второй день, в воскресенье, в полдень, одна подпитая компания перед тем, как возвращаться в город, подъехала к охотбазе. Видя, что на базе никого нет, открыла частый огонь из нескольких ружей по уткам на протоке. Когда же Афанасьевич с другими охотниками вернулся, то не увидел на воде ни единой птицы. И сразу все понял. Лишь через день, вечером, вернулись на свои места четыре кряквы и три красноголовика – менее половины бывших семейств.

Вот и эта крякуха – жертва тех браконьеров, что преступили через запрет. Охотник нежно погладил серые, тоненькие перышки на шее кряквы, приговаривая: “Еще месяц до отлета, заживет твое крылышко...”. После этих слов, он прошел сквозь камыш к воде и опустил крякву в протоку. Та быстро поплыла к середине.

Старик невдалеке, в кустах, взял лодку-раскладушку, волоком за ремень подтащил ее к воде, погрузил мордушку и поплыл влево, где чернел узенький мостик. Протока кое-где по центру – глубиной до трех метров, и зимой в ней собирается много рыбы. Она не промерзает до дна. Рядом с мостиком, параллельно ему он давно уже вбил столбики. К трем крайним проволокой привязал, как он выражался, “плетень”, а в промежутке, между двумя щитами, пристроил мордушку. Пока он перегородил щитами протоку наполовину. В следующий раз доведет щиты, и сделает это полностью. Зимой ему легче рыбачить с маленькой мордушкой. Быстро продолбит небольшую прорубь, проверит снасть, а отверстие во льду накроет войлоком, присыпет снежком. Лунка почти не замерзает, если часто проверять улов...

Большими мордушками он рыбачил летом, хотя в хозблоке у него висело около двух десятков сетей с разной ячейей. Но с сетями много мороки, надо тратить уйму времени. Сейчас у старика стояло две мордушки у камыша, чуть правее, откуда он первоначально выплыл. Вернулся обратно, вытащил первую. В ней – около двух ведер мелкого и среднего карася. Рыба вся – “желтяк”, кроме трех крупных – они серебристого цвета. Попало и около полусотни гольянов – толстеньких, жирных...

Метрах в десяти, у камыша – садок, сделанный тоже из ивовых прутьев, прочно перевязанных тонкой проволокой. В воскресенье охотники из цеха деревообделки забрали около трех ведер по просьбе начцеха Николая, который не смог сам приехать на базу. Да и вообще, каждое воскресенье при отъезде егеря предлагал рыбу, особенно тем охотникам, кто неважно поохотился и ехал домой “пустым”, без трофеев.

Старик подъехал к садку, вытащил затычку из мордушки и высыпал рыбу. Получив небольшую свободу, караси начали плескаться, подпрыгивать. Но вскоре вся рыба ушла вглубь, на дно.

Во второй мордушке, что находилась метров через двадцать, было примерно столько же. Вытряхивая ее в садок, отобрал покрупнее полтора десятка карасей себе на уху, сложив их в целлофановый мешочек...

Дела сделаны. Сидя в лодке, отдыхая, непроизвольно оглядывал зеркальную протоку. Невдалеке, ближе к середине, на воде красовались несколько белых кувшинок. Они – редкость на водоемах, но такие прелестные. Рядом с мостиком виднелись цветки кубышки желтой, а с другой стороны, у мыса, встречаются лютик и водорез. Больше всего цветов вдоль берега – сплошной ковер из ряски.

Раньше старику казалось, что чем больше растительности в воде, тем водоем темнее, грязнее. А здесь, в протоке, вода чистая-чистая, хотя и внутри, на глубине, плавают роголистник, телорез и еще какие-то незнакомые водоросли. По тому, как колышется трава слева направо, выдает себя течение воды: из большого озера – в малое. А из последнего в свою очередь вытекают два ручья в соседние озера. Это сейчас, в сентябре, протоки и ручьи из озера в озеро малозаметны, а в некоторых местах даже пересыхают, но по весне по ним вода потоком стремится во все стороны озерного края, объединяя все водоемы, заливные луга, поймы, займища...

Лодка Афанасьевича качается около камыша. Рядом растет рогоз, тростник, аир. Много раз он собирал белые корни аира по заказам знакомых больных. А троелистку, что растет на берегу, по рецепту матери заготавливал на зиму, как главное лекарство...

На воде постепенно потемнело, откуда-то сбоку наплыли плотные облака. Стало совсем сумрачно. И сразу протока ожила: из воды, завывпрыгивали рыбки, из камыша на противоположной стороне выпорхнули четыре знакомые кряквы и полетели “на грязь”, на кормежку. Где-то за островком камыша прокричали чернеды, с берега, из осоки, зигзагами, с резким криком унеслись вверх два бекаса... Даже паучки-плавунцы и водяные букашки засновали по черно-глянцевой воде то туда, то сюда. Над протокой вверху над головой еще было светло, но старик щурил глаза и понимал: в темноте на водной глади ему уже ничего не разглядеть...

Найда на берегу, сидя на задних лапах, крутила головой вслед за птицами. Смотрела на охотника, не понимая, для чего же он в лодке и без ружья. Старик несколько раз толкнулся веслами по мелкой воде и выехал на берег. Собака подскочила к лодке, виляя хвостом, рассматривая трепещущихся карасей, вывалившихся из целлофанового пакета. Афанасьевич сложил рыбу обратно в мешочек, и они двинулись к избушке.

* * *

Темные тучи уплыли за озеро, и вокруг посветлело. Старик, оставив рыбу у дверей, вошел в дом, посмотрел на настенные часы: восемь часов вечера. Взял нож и кастрюлю и вернулся на крыльцо, по пути прихватив в сенцах фанерную дощечку для чистки рыбы. Живые караси прыгали на доске, выскальзывая из пальцев. Выпотрошив рыбу, помыв ее в ведре, Афанасьевич зашел в сенцы, чиркнул спичкой и зажег газовую горелку. Через двадцать минут караси в кипящей воде всплыли наверх. Значит, уха готова. Сыпанув в чашку почти пол-ложки перца и налив пару поварешек, старик уселся на крыльце. Найды в темноте не видно, куда-то убежала далеко. Размочив слегка пару сухарей, он не спеша, с наслаждением хлебал пахучий навар большой деревянной ложкой. Сухари размокли плохо и жестко хрустели на крепких зубах. В такие-то годы – и все зубы на месте. Правда, слева сверху, два запломбированных под коронкой. Но и они работают нормально.

Из темноты вынырнула Найда.

- Ты где это бегаешь, я уже поужинал...

Собака сунулась к нему в ладонь холодным, влажным носом. Несколько раз лизнула языком. Старик, взяв миску, налил ухи, положил туда два сухаря. Подержал немного, чтобы остыло, и поставил в конуру, а сам пошел до туалета, что стоял в таловых кустах. Доски сортира от времени и ветра потемнели, и даже днем его трудно различить на фоне серых ветвей талов.

Старик вернулся, когда собака тщательно вылизывала миску, постукивая ею о стенку будки.

- Что, не наелась, лижешься? Давай-ка иди, лови мышей...

Собака толкнулась мордой о его ногу и убежала в сторону леса. Она его понимала с полуслова. Когда-то давно он прочитал в охотничьем журнале, что собака охотника, находясь с ним постоянно рядом, понимает около четырехсот слов. Это, наверное, так и есть. Найда выполняет десятки словесных заданий. Да и сам он понимает ее лай: звонкий – на тетерева на ветках; тихий – на птичек; яростный – на лисицу или хорька; длинный, мягкий – на зайца во время гона; тихий, прерывистый – на ежика. А грозное ворчание – на постороннего человека. Есть скулеж и десятки разновидностей повизгивания, ворчания – но это известно только ему, хозяину, когда он о чем-то просит собаку или ругает, или благодарит. И все-таки она часто удивляет его своим умом и чутьем, появляясь много раз за день у его ног в самый нужный момент...

Вот и вчера вечером. У него разболелись голеностопы, колени. Заныли опять все суставы. Отрыжка таежной охоты: от больших переходов по пояс в снегу, от ночевок у костра в мороз, от многих переохлаждений.

И когда старик снял чуни и стал руками растирать ноги, сразу откуда-то появилась Найда. Бросилась к нему и начала постепенно лизать своим нежным языком пальцы одной ноги, затем другой. Она снимала влажным языком биотоки и боль. И ноги сразу перестали ныть.

Случалось такое и раньше...

Старик любил посидеть в темноте, послушать ночные звуки. Он и в избушке без надобности не зажигал свет, и в комнату идти ему не хотелось. Спать ложиться еще рано, он и так просыпается еще до рассвета. А иногда – ночью. Увидит во сне что-нибудь из давней жизни, проснется и не может понять: сон это или явь. Даже ущипнет себя порой.

Вчера ночью, во сне, к нему вернулось детство.

Он – маленький мальчик – идет к Оше на мостки, встречать дедушку Егора, который возвращается по реке с рыбалки. Дорогу переходит стая белых гусей. Вожак бросается на него, бьет крылом и клюет в ногу – такая боль. Дедушка Егор, подправив лодку к берегу, машет на гусака веслом, отгоняет в сторону. Только отъехал дедушка к мосткам, здоровенный гусь – снова к нему. Он – убежать, но гусак догнал да так хватил за ту же ногу, что он закричал и упал... И здесь старик проснулся: очень больно. Схватился рукой за ногу, а на том месте – шишак. Днем в лесу наколол ногу веткой – вот и приснилась боль...

Его родная речка Оша и деревня Кумыра, где он родился, снятся ему часто. Кумыра – старейшее поселение Тюкалинского района. Однажды в книге на картинке он видел ее форпост, основанный в 1750 году. Год он запомнил – все же родина...

Потом из Кумыры их семья переехала в деревню Островную, что приютилась на берегу огромного озера. Недавно и оно приснилось ему: неоглядное, синее-синее. В большой лодке плывут отец и он. Ему – 8 лет, в руках – ружье: отец дал подержать. У ног лежат убитые утки-гоголи. Полукруглые, белыми брюшками вверх, с красными лапками, большими коричневыми головами. А один самец – весь белый. Только хохолок на голове – синий. И у всех гоголей глаза – как желтые горошины...

А когда проснулся, подумал: в жизни охотничьей позднее видел гоголей тысячи раз. Да, красивые – и только. Но то, что предстало перед глазами ему, восьмилетнему, сохранилось сказочным и неповторимым явлением на всю жизнь.

Деревня Кумыра от его базы находится сейчас где-то километров за пятьдесят, на юго-восток. Островная – к Северу от Кумыры километров на двадцать и, пожалуй, поближе к его охотбазе. Напрямую – озера, болота. А в объезд до них – весьма далеко. Вспомнил: основатель деревни Островная – Чередов. А вспомнил вот почему: в деревне Старосолдатке, куда их семья переехала жить перед войной, в 1939 году, жили Чередовы, из той же династии. Один из них – Иван Михеевич Чередов, учитель школы, рассказывал им в классе об этих событиях. Позднее Иван Михеевич стал директором школы. Потом переехал в Тюкалинск, затем в Омск. Ныне он – профессор педагогического института. И почему не напишет интересную книжку об истории, людях Кумыры, Островной, Старосолдатки?!

... Снова из темноты вынырнула Найда, горячая, потная. Видно за кем-то гонялась.

- Ну, что Найда, кого ты там встретила? Зайчишку, лисичку?..

Собака в ответ тихо заскулила, словно жалуясь. Егерь догадался, что она долго бегала по следу старого зайца – умного, хитрого, который ее дурачил, как хотел. Вот если бы Афанасьевич встал на заячьем кругу с ружьем, как бывало не раз, то косою сразу бы оказался сам в дураках.

- Ладно, Найда, подожди: выпадет снег – и мы с тобой накажем кое-кого из хвастливых зайчишек...

Собака завиляла хвостом, соглашаясь с ним. Старик встал, разминая затекшие ноги, обошел избушку, посмотрел на звездное небо и подумал:

“К утру похолодает, на травы выпадет первый снежный иней. Уж слишком холодный ветерок дул вечером, на закате, с северо-запада...”

* * *

Широкая деревянная кровать, толстый матрас, теплое одеяло и две подушки из птичьего пуха помогали старику сразу согреться и засыпать крепким сном. Через час-другой в отдохнувшей голове начиналось прояснение, какое-то движение. Картины из прошлой жизни – четкие, ясные – с мельчайшими подробностями всплывали из памяти. Вот захоти днем вспомнить что-нибудь подобное – он не вспомнит и сотой доли того, что непроизвольно приходило ночью. Это его даже пугало.

“Наверное, клетки мозга отживают и на прощание дарят чудесные картины давней жизни” – думал по утрам старик. И боялся, что скоро сны кончатся и он уже так ясно, близко не увидит былого. Но сны продолжались...

... Снова ему снилась деревня Островная и домашнее, необъятное озеро. Соседний мальчишка Сашка, рыжеволосый и конопатый, имел берданку 32 калибра, с затвором. В свои 12 лет один охотился на уток, тетеревов, зайцев. Часто брал с собой и его, десятилетнего.

- Поехали со мной, проверим сети и посидим на вечерней зорьке – предложил Сашка, выходя из соседней калитки.

Они сели в широкую деревянную лодку, взяли в руки по веслу, вставили в ключины и начали грести. Лодка шла легко, волн не было, и они вскоре подплыли к сетям.

- Давай осторожнее, – предупредил Сашка, – а то в соседней деревне рыбак в том году вывалился из лодки. Моряк, служил на флоте, а вот запутался руками, ногами в сетях, и ушел на дно...

Вместе быстро перебрали четыре сети, крупные, с ячеей на 50. Караси, величиной с мужскую ладонь, шлепались на дно лодки, подпрыгивали, плескались. Сашка специально зачерпнул банкой воду из озера.

- Живыми привезем домой – сказал, поливая их водой.

Закончив с сетями, не торопясь, подъехали к камышу, выставили метров за двадцать от мыса два серых деревянных чучела, и спрятали лодку в камыш. Сашка веслом срубил полосу камыша, как бы заламывая его, и на озеро открылось окно.

Две стайки уток, поднятые ими, когда они подплывали к сетям, вскоре вернулись. Летя низко над водой, первая стая чернедей села далеко от них, метров за сто. Вторая, небольшая, летела выше, и, снижаясь к первой стае, не успела к ней подсесть. Уток по инерции пронесло ближе к берегу и они, тормозя крыльями, с шумом сели вразброс вокруг чучел. Сашка, еще как только въехали в камыш, пообещал:

- Первый выстрел – твой...

Он давно обещал дать ему выстрелить, но всякий раз на охоте отказывал, ссылаясь:

- Патронов мало, вот заряду штук 7-8, тогда дам.

Обычно у него в кармане имелось 3-4 штуки. Оно и понятно: пороха в деревне ни у кого нет, кроме заготовителя пушнины Гришина, жадного, хитрого мужичка из Хуторов, который часто приезжал к их родителям.

- На, держи берданку, – тихо прошептал Сашка, – дай им сплыться, тогда и пуляй...

Птицы, по две-три вместе, мирно плавали вокруг чучел, не обращая внимания на их шепот. Дрожащие руки навели ствол на трех сплывшихся уток. Выстрел прозвучал неожиданно громко, и отдача ружья опрокинула стрелка на дно лодки. Смеясь, Сашка помог ему сесть на седушку. А на воде, возле чучел, не трепыхаясь лежали два чернедя.

“Вот это да!.. Да разве может быть такое?..” – в голове восторженно пронеслась самая первая, самая желанная радость начинающего охотника. Сашка одобряюще сильно хлопнул его по плечу. Плечо очень больно зануло и от его хлопка, и от удара приклада при выстреле...

... Афанасьевич проснулся, потрогал плечо. Оно действительно болело. Днем, таская сушняк, несколько раз сильно укололся острыми шипами, оставленными от сучьев. Во время работы или охоты старик не обращал внимания на такие мелочи и, наверно, правильно делал: ведь надо же закалывать, тренировать себя.

Глухая полночь. Маятник часов на стенке мерно тикал, но узнать, сколько сейчас времени, старику не хотелось. Как обычно он полежит в темноте, о чем-то поразмышляет, что-то вспомнит в связи с этим сном, а потом так же незаметно уснет до утра. Такой ночной режим давно стал для него привычным.

“Да, многих однокашников давно нет на свете. И Сашки, и других пацанов. Короток век человеческий”, – думал старик, вспоминая подробно годы жизни в Островной, и Сашку, самого заядлого пацана-охотника. С того дня его потянуло со страшной силой к охоте и рыбалке, и он уже не отставал от Сашки ни на шаг.

Охота – древнейшая человеческая страсть, стала позднее главным в его жизни. Ради нее он пропускал занятия в школе, бросал работу, уезжал от друзей, семьи. На 2-3 дня любил забираться в самые глухие места, где можно побыть одному, независимым от других. Всю жизнь он не любил компаний, коллективных охот. Стремился везде быть один, не любил охотиться рядом с деревнями. Пусть куда-нибудь в лес или на болото, где и птицы меньше и дольше добираться, но так – чтобы побыть одному.

Один – сам себе хозяин и повелитель, и Бог!

Странно: порою он даже не стремился побольше убить, настреляться вволю. Чаще всей душой, всем существом отдавался созерцанию окружающей природы. Наслаждался чистотой воздуха, запахами трав и цветов, нетронутостью глухих полей, дикостью и доверчивостью лесных обитателей.

Почувствовать первозданность мира, ощутить себя маленькой, незаметной частицей огромной матери-природы, не обидеть ее, не навредить ей ничем – вот его главное желание, пронесенное им из детства через всю долгую жизнь!..

В 14 лет, когда они переехали жить в Старосолдатку, ему наконец купили старенькое одноствольное ружье двадцатого калибра. К этому времени он передержал в своих руках около десятка разных ружей. На день-два ему давали на охоту. Возвращая их, он дарил дичь.

Свое ружье!!! Через год он, еще пацан, стал одним из лучших охотников среди десятков других. Ведь перед началом войны Старосолдатку сделали центром вновь созданного района. Население ее резко увеличилось за счет приезжающих на многочисленные управленческие должности и во вновь созданные организации и предприятия...

* * *

Проснулся от шороха: вроде кто-то скребется в дверь. Присел на кровати. Точно, Найда. Открыл дверь, впустил собаку. Та прижалась к его ногам. Старик погладил ее, спрашивая:

- Что случилось?.. Где бегала?..

На ладони ощутил сырость, мелкий иней. Вот оно что: собака где-то шастала по кустам, вымокла. Дрожит и просится погреться.

- Рано, рано, подружка, мерзнешь. До зимы еще далеко. Ну ладно, входи, отдохай...

Собака улеглась на коврик у порога. Прилег на кровать и сам.

До рассвета осталось не менее часа. С утра надо съездить на озеро, посмотреть: не подошла ли хоть немного северная утка. Могут к вечеру подъехать 2-3 машины с охотниками, им нужна точная информация и совет: на какие озера лучше поехать...

Лежа, прикрыв глаза, вспоминал послевоенную Старосолдатку. Первые два года, как вернулся из армии, работал военруком в школе. Нравилось: и гранату он швырял далеко, и стрелял из мелкокалиберных винтовок по-снайперски, и строевой учил ходить, как надо. Но в райвоенкомате думали иначе, и на третий год рекомендовали военруком майора в отставке, с протезом вместо руки. Диплом об окончании военного училища, ряд боевых орденов – все это решило спор с директором школы в пользу райвоенкомата...

А ему предложил сосед, председатель колхоза Игнатий Иванович сесть на новый трактор. Ведь перед уходом в армию он полгода работал трактористом. Он согласился – другого выбора не было. И начал с темна до темна вкалывать в полях. С первых дней возвращения из армии он ухаживал за тоненькой, черноглазой Мариной. Их дружба переросла в любовь, и они решили пожениться. Да и мать настаивала, так как его младший брат годом раньше уехал в полувоенный институт инженеров железнодорожного транспорта в Новосибирск, а сестра тем летом поступила в Омский сельхозинститут. Остались они с матерью вдвоем.

Свадьбу сыграли скромно – лишних денег не было. Невеста – из большой бедной семьи. Работала после школы в местной аптеке. И зажили они втроем дружно. Через год родилась – одна дочка, через два – вторая. Пахал на тракторе здорово, предложили ему стать бригадиром отделения – не захотел.

- И так на охоту редко выбираюсь, а бригадиром утром и вечером надо быть в конторе – отказываясь, признался он в своей слабости.

Страсть к охоте брала свое, и он не жалел, что не рвется в начальство, встречая в озерах счастливые охотничьи зорьки...

Во время уборки хлеба его пересадили на комбайн. Здесь уж он показал себя в полной силе. Сутками не вылазил из-за штурвала комбайна, побив все рекорды местных комбайнеров. По завершению страды его вызвали на слет ударников в Тюкалинск. А он, вместо этого, уехал на охоту. Шла середина октября, самый пролет северной дичи. Узнав причину отсутствия, оргбюро слета постановило не выдавать ему предполагаемой награды.

И после в жизни такое случалось не раз. В какой-то момент, бросив важное дело, он скрывался от всех вдалеке, на охоте...

Для семьи делал все необходимое: заготавливал вовремя дрова, сено. Копал картошку и носил из колодца воду, ежедневно хозяйничал во дворе. Всю зарплату отдавал жене. Дочери подрастали ласковыми, трудолюбивыми. Учились на отлично...

Когда поступили в колхоз первые новые автомашины, он первым сел за руль. И опять удивлял в уборочную страду всех своей хваткой, работая по двадцать четыре часа в сутки. После завершения уборки перевозил зерно на станцию Называевская. В грязь, снег, по бездорожью – и опять больше

всех. Правление оформило на него ходатайство в район на поощрение. А он, сделав последний рейс, бросил автомобиль в колхозном гараже и самовольно уехал в Омск, на соревнования по стрелково-охотничьему спорту.

За полмесяца до этого в Тюкалинске проводился праздник “урожая”, где он победил всех участников по вольной борьбе и выиграл соревнования в стрельбе по летающим тарелочкам. Борьбой он занимался со школы, выигрывал все состязания на народных праздниках и гуляньях. За ним даже приезжал тренер из Омска на предмет переезда в город, для тренировок.

Но мастером спорта по борьбе он не хотел быть, тем более – уезжать из Старосолдатки, от семьи. Пусть и не надолго. А что касается стрельбы, так то – основа его охотничьей страсти. Он отпрашивался у нового председателя, тот его высмеял и не пустил. Председатель приехал к ним недавно по направлению райкома.

- Ни рыба, ни мясо. Телушку от бычка не отличит, – смеялись над ним сельчане. У Афанасьевича не сложились с ним отношения, как и у многих других.

К этому времени Старосолдатский район расформировали. Деревня снова вошла в Тюкалинский район, и главная фигура в ней – конечно – председатель. Ни обойти его, ни объехать – в любом вопросе...

* * *

В Омске Афанасьевич нашел ДСО “Урожай”, показал документы, вызов на соревнование. Ему выдали на неделю талоны на питание, выписали 220 стендовых патронов и разместили в гостинице. Три дня на тренировки, два дня – соревнования, и еще – день отъезда.

Пообедав в гостинице, поехал на стенд. Много раз бывал в Омске и Загородную рощу нашел сразу. Среди берез, на поляне – по две площадки: “круг” и “траншейные”. Инструктор, взяв у него талоны, привел на первую площадку “круг”, где стреляли четыре человека, сказав: “Они закончат серию, а в следующей очереди будешь стрелять ты”. Шепнул что-то оператору на пульте – и ушел. Афанасьевич в Тюкалинске дважды стрелял на площадке круглого стенда, и у них, сельских спортсменов, соревнования будут только на круге. “Траншея” его не интересовала. “Круг” – это вышка слева, справа – будка. В Тюкалинске оператор на пульте, выполняющий команду стрелка на подачу мишени, сидел за столиком. Здесь же – в деревянной будочке. Те же восемь стрелковых мест, расположенных полукругом...

Раздались резкие, необычно громкие выстрелы. Еще и еще...

Четверка спортсменов стреляла уже с третьего места. Двое молодых парней в дорогих спортивных костюмах, со спортивными ружьями, разукрашенными красивыми наклейками на прикладах, четко, быстро до центра разбили обе мишени. Третий стрелок, мужчина в годах, с охотничьей “тулкой”, стрелял медленно, за центром площадки и одну из двух мишеней не разбил. Четвертый – мальчик лет пятнадцати промахнулся по обеим. Мужчина, видимо, отец, что-то долго объяснял ему, вставлял ружье в плечо, делал поводок. Двое ребят перешли на четвертое место, нетерпеливо оглядывались, ждали, когда отец с сыном уйдут с номера. И 5, 6, 7 места юноши отстреляли уверенно. Афанасьевич, не вытерпев, спросил оператора, молодого парня:

- Кто эти двое?.. Они ни разу не промазали?

Оператор, видя его впервые, неохотно, с ехидством ответил:

- Их знают все. Это лучшие мастера спорта. Из команды “Динамо”.

А мастера, выйдя на 8-е место, небрежно, играючи, лихо – в “дым” разбили обе сложнейшие мишени!

Афанасьевич вспомнил, как в Тюкалинске они стреляли с первого места по седьмое – 14 мишеней. Плюс пятнадцатую, повторную, после первого промаха. Он победил с результатом 11 из 15. На восьмом месте и дуплеты они не стреляли. Несколько человек тогда попробовали так, для себя, стрелять на восьмом номере, но все промазали, а один даже не успел выстрелить, поскольку мишень идет близко, над головой, сотые доли секунды.

Мастера спорта вышли на дуплеты. На 1, 2, 6, 7 местах легко расстреляли парные мишени (сейчас на круглом стенде – другие правила и иной порядок стрельбы). Мужчина с мальчиком закончили стрельбу еще на седьмом месте, а результаты юношей: у первого – 24 из 25, у второго – 25 из 25. Вот это стрельба!

Афанасьевич собрал свое охотничье ружье с параллельными стволами, старенькое ИЖ-54, служившее ему уже около десятка лет. Следующую серию начали втроем. Он и двое юношей. Мужчина с сыном ушли. Стреляя в очереди третьим, он внимательно следил за всеми движениями юношей. Выходя на номер, старался стрелять так же быстро до центра, подражая им. Может внешне ему это и удавалось, но конечный результат, как правило, был промах. Из пятнадцати мишеней, на семи номерах, он разбил семь. Далее, восьмое место, обе – промах. В четырех дуплетах разбил по

одной. Результат: 11 из 25. У юношей по 24 разбитых мишени. И хотя у него и остались патроны, он стрелять больше не стал. Стыдливо отворачиваясь, потихоньку, стороной ушел со стенда.

В гостинице, не раздеваясь, прилег на кровать. Красное лицо – от волнения и неудачи – пылало огнем. Руки – от стреляных гильз – пахли приятной пороховой гарью. Гильзы из карманов куртки высыпал на стол. Он не ожидал такого, думал, что будет гораздо лучше. Причины?.. Их было много. Да и мишени летели намного быстрее, чем в Тюкалинске. Юноши дважды просили накрутить пружины метательных машинок, что и сделали заряжающие. Он не успевал даже разглядеть мишень, стреляя ее до центра.

Уставший, незаметно для себя, заснул с надеждой, что завтра найдет свои ошибки и результат улучшится...

На второй день, приехав на стенд, Афанасьевич увидел около двух десятков стрелков на всех четырех площадках. На первой, где отданы его талоны на мишени, на восьмом месте стреляло 5 человек. В клубной форме, все со спортивными ружьями.

- Стреляет команда “Спартак”, после них готовься ты, – крикнул ему из будочки знакомый оператор.

Приняв дополнительно по 2-3 мишени на восьмом, и для них оказывается трудном месте, спартаковцы перешли на дуплеты. А стреляли они блестяще. Только двое сделали по одному промаху. Если посчитать: 5 человек по восемь мишеней – 40 выстрелов. Из них всего – два промаха.

“Умеют же стрелять люди!” – восхищенно подумал он про себя.

Стрелки подошли к оператору, где стоял и он. Вдруг один из них, невысокий, худощавый, в стендовой безрукавке и в модном иностранном кепи с длинным козырьком, раскрыв руки для объятий, радостно воскликнул:

- Ба, Афанасьевич, какими судьбами сюда, зачем?..

Это был Николай Петрович, тогда еще замдиректора военного завода. Два последних года подряд они компанией на двух машинах в конце ноября с лицензиями приезжали к нему в Старосолдатку на охоту на лося. И оба раза, сопровождая их, он удачно организовывал загоны. А то, что Николай Петрович – большой спортсмен, об этом он и не знал.

Афанасьевич рассказал ему все как есть. И подробно – о вчерашней неудачной тренировке.

- Не горься особенно, – шутя успокоил его Николай Петрович, – вот у нас в команде – все мастера спорта, а иногда мажем. По 8-10 лет уже стреляем, сожгли десятки тысяч патронов. А ты сразу захотел результат. Так не бывает.

- Пойдем на площадку, бери ружье, посмотрим...

Их двое и еще один юноша вышли на первое стрелковое место. Николай Петрович показал, как надо держать ружье, куда смотреть, какой делать вынос на прицеливание. Потом сам попросил угонную мишень: “Дать!” – и разбил. Затем также поразил встречную, строго над центром площадки. После него обе мишени удачно разбил Афанасьевич. Как стрелял юноша, он не видел, потому как Петрович все ему что-то объяснял, показывал. Прошли 2, 3, 4 стрелковые места, и после очередного его промаха Петрович твердо заявил:

- Зачем ты торопишься делать выстрел до центра. Кто тебя гонит? Даже над центром для тебя, с малой тренировкой, неразумно. Ты должен увидеть вылет, осознать траекторию, подойти мушкой к мишени и выстрелить спокойно за центром. Главное – попасть, а до центра или за центром – это не важно.

И здесь у Афанасьевича словно гора свалилась с плеч, в буквальном смысле слова. Он не стал чрезмерно напрягаться на вылет, быстро, но плавно шел стволами за мишенью, за центром обгонял ее мушкой на нужное расстояние и нажимал на спуск. Какое ему делать упреждение на каком месте – ему подсказывал охотничий инстинкт. И странно – после выстрела за центром круга мишень рассыпалась на мелкие осколки.

Петрович, довольный Афанасьевичем, расстреливая свои мишени строго над центром, объяснял:

- Я стреляю в мишень над центром потому, что тренируюсь много лет, у меня выработан автоматизм, своеобразный темп. Иногда я стреляю и до центра, если мишень летит тихо, или сильный ветер, но это уже тонкости техники стрельбы. А тебе пока надо стрелять как на охоте, как ты привык. Спокойно, с поводком, сознательно. Автоматизм для быстрой стрельбы появляется через годы тренировок на стенде.

Запомни: ты должен видеть и знать, куда ты выстрелил – от мишени вверх ли, вперед, сзади. Тогда во второй, третий раз ты исправишь свою ошибку. А быстрая стрельба, вслепую – бестолковая...

Особенно много раз стрелял Афанасьевич на восьмом месте. Отведя концы стволов от козырька вылета мишени, разворачивая правильно корпус, начал через раз разбивать мишени.

- В дуплете первую мишень стреляй как одиночную, не торопись. А на второй, встречной, делай побольше вынос...

Следуя его советам, Афанасьевич разбил несколько полных дуплетов.

Да, за 2-3 часа он прошел с Петровичем большую школу познания спортивной стрельбы. Именно – спортивной.

В пятницу стрелковый стенд не работал. Готовили на субботу-воскресенье к соревнованиям.

* * *

С утра в пятницу Афанасьевич обошел несколько магазинов, купил кое-что, выполняя заказ взрослых дочерей и жены, а после обеда, раздевшись, растянулся на кровати. Он любил отдохнуть перед трудной охотой или другим делом, чтобы утром руки и ноги были свежими, чуткими, сильными.

Вообще-то он уже спокойно смотрел на эти соревнования: подобно ему, неопытные, в смысле стрельбы, на стенде соберутся сельские охотники. Будут крутить головами в разные стороны, толком не зная, как правильно вести себя на огневом рубеже.

Петрович в разговоре с ним признался: в Омске более двадцати мастеров спорта по стендовой стрельбе, есть среди них чемпионы и призеры всесоюзных соревнований. Когда соревнуются они, тогда действительно спортивные жаркие дуэли. А первенство сельских стрелков – так, праздник охотников...

... Субботнее утро выдалось чистым и морозным. За окном на градуснике – минус восемь. Да и понятно: конец октября. Афанасьевич одел на себя теплый вязаный свитер и зимние ботинки. Приехал на стенд. На площадках уже полно народа, больше половины – без ружей.

“Смотри-ка”, – подумал Афанасьевич – “пришли и болельщики”

Сзади неожиданно подошел Николай Петрович.

- Афанасьевич, удачи тебе. Приехал посудить соревнования и поболеть за тебя. Запомни: не торопись, будь внимателен. Промажешь – не расстраивайся, а думай о следующей мишени.

Через некоторое время в команде из пяти человек Афанасьевич проходил с одного на другое стрелковые места. Быстро дошли до дуплетов, но сломалась машинка. На восьми местах принято 17 мишеней, разбил – 12. Маловато...

Наладили машинку и опять загремели выстрелы. На дуплетах, в каждом по промаху, еще четыре дырки. Итог – 16 пораженных мишеней.

Когда посмотрел на информационном щите протоколы стрельбы других команд, против одной фамилии нашел цифру – 17, только один человек обстрелял пока его на одну мишень.

Вторая серия. Появилось даже желание стрелять и соревноваться, а вместе и – уверенность. В итоге результат – 19 из 25.

Судьи соревнований составили список двенадцати лучших, по шесть человек в команде, для финальных стрельб. В первой шестерке он неожиданно увидел под номером “один” свою фамилию. Оказывается, парень, обстрелявший его на одну мишень в первой серии, во второй разбил 18 мишеней. Всего в двух сериях – 35. У него – столько же.

Одинаковые результаты – по 35, но лучшая серия – 19, определила порядок соревнований. Да, его поставили под №1. Судья на площадке на черном демонстрационном щите написал фамилии шестерых участников, и вызвал их на первое стрелковое место. Афанасьевич с досадой подумал: “Хорошо бы стрелять вторым, можно посмотреть полет мишени, сориентироваться...”

Но судья прервал его размышления своей командой:

- Участники, будьте внимательны. Показ мишеней! Вышка – дать!.. Будка – дать!..

Две мишени, одна сверху – угонная, вторая из будки – встречная, плавно пронеслись через центр площадки. Диаметр тарелочки где-то 10-12 сантиметров, не более. Она – из угольного пекса. При попадании дроби тарелочка пылит, раскалывается или рассыпается на мелкие крошки.

- Претензии к полету мишени есть? Нет. Тогда – первому и по порядку. Заряжай! – дал команду судья.

Афанасьевич, не торопясь, зарядил ружье. Попросил: “Дать!..” Разбил угонную. Вторым выстрелом – встречную. На первое стрелковое место направился его главный соперник, паренек в стендовой безрукавочке, в кепочке, со спортивным ружьем. Раньше он тренировался здесь, имел постоянные результаты 22, 23 из 25. Кандидат в мастера спорта, но уже два года после окончания института работает в Любино, и сегодня чувствуется двухлетний перерыв в его стрельбе. Он по характеру “балагур” – шутит, посмеивается над собой и соперниками.

- Ну, с Господом, поехали, – тихо произнес он, выйдя на стрелковое место. Спружинился и громко крикнул: “Дать!..”

Да, он тоже настроился только на победу. Обе мишени он разбил быстро, четко, до центра.

Афанасьевич больше не стал наблюдать за другими, чтобы не устать, а внутренне готовился ко второму месту...

Прошел без промаха 2, 3, 4 места. И вдруг, на пятом – промах с вышки. И двадцать пятая, повторная, – промах. Два, подряд...

Дул встречный ветер, и мишень, вылетев из-под козырька, до центра площадки шла по ровной траектории, а далее, за центром, прижатая ветром, она резко снижалась, да еще и вибрировала в поле. Афанасьевич при нажатии на спуск видел, как мишень провалилась вниз, под стволы, но изменить что-либо, поправить в прицеливании уже не мог. Ведь на все стрелку даны десятые доли секунды. Здесь, пожалуй, больше срабатывает автоматизм, чем мысль. А автоматизм закладывается постоянными тренировками.

Афанасьевич только сейчас понял, почему мастера спорта стреляют до центра или над центром. Траектория полета мишени по разным причинам может измениться за центром круга. Николай Петрович потом рассказал, что даже разный вес тарелочек (а это не редкость в соревнованиях любого масштаба) обязательно меняет траекторию полета за центром круга. Все эти тонкости стрельбы неизвестны колхозникам, стреляющим с ним в одной команде. Они промахивались через одну мишень, и чаще.

Василий, так звали спортсмена, стрелявшего за Афанасьевичем, шел уверенно без промаха до шестого места, но сразу мазнул две угонные подряд.

- Вот они, мои родные промахи-нолики, чего я и боялся – произнес с иронией Василий, сходя с места, и с досадой резко швыряя гильзы в мусорный ящик...

Афанасьевич оглянулся на информационную доску, что стояла рядом за спиной, у шестого стрелкового места. Судья мелом выводил на табло, напротив фамилии Василия, два крупных ноля. Если мишень разбита, то судья делал прочерк, если промах – ноль. Против его фамилии шли прочерки до девятой клеточки, где красовался ноль. И под цифрой – “двадцать пять” – еще один “ноль”. Василий, не успокаиваясь, продолжал шутить:

- У тебя на пятом месте два колесика, у меня – на шестом. Кто вперед на них докатится к следующему промаху. Давай соревноваться.

Стрелки, стоящие рядом, рассмеялись. Но Афанасьевич не думал шутить и расслабляться. Он бычился, злился, собирался на серьезную стрельбу. Конец серии: 20 из 25. И у него, и у Василия...

Переходя на вторую площадку, Афанасьевич думал: “А все ли я сделал что мог?..” Подойдя к информационному щиту второй шестерки, где только что закончилась также первая серия, прочитал их результаты: 15, 14, 14, 12, 16. Такие вот финалисты. Он, пока, среди них – лидер.

Рядом появился Петрович.

- Афанасьевич, хочешь, я посужу вашу вторую серию. Как зам главного судьи, я имею на это право.

- Нет, Николай Петрович, пусть судит прежний судья. Правда он сейчас по одной мишени сказал: “пылила” – и объявил промах, а мы – стрелки видели осколки, заспорили. Он тогда спрашивает бокового судью, который в это время с кем-то разговаривал, и мишени не видел.

- Бита, не бита Ефимович?..

- “Чистейший промах”, – ответил тот, не моргнув глазом.

... Вторая финальная серия неожиданно началась с промаха на первом месте по угонной мишени. Первая – и промах. Василий также делает по ней промах, и, сойдя с места, заметил Афанасьевичу, с полным серьезом, без улыбки:

- Сейчас будет легче стрелять, промах снимает излишнее напряжение, – и даже легонько, по приятельски, похлопал Афанасьевича по плечу. И действительно – до самого восьмого места они шли с одним промахом. Но на восьмом, коварном, Афанасьевич не разбивает с вышки, а Василий мажет по обеим...

Первое место – дуплет. Угонная мишень после его выстрела улетает целенькой, как та, одиночная, в начале серии. Надо же. Василий долго готовится к дуплету, но результат тот же. Промач-бита.

* * *

Сойдя со стрелкового места, Василий зло сплюнул, выругался матом. Судья строго сделал ему замечание...

Второе место в дуплете прошли без промаха, а на шестом он и Василий снова сделали промахи по угонной мишени, а встречную разбили в пыль.

- Смотри, забавно даже, они копируют друг друга в промахах, – услышал Афанасьевич чей-то голос из толпы болельщиков.

Василий после промаха на шестом месте, отошел за информационный щит, встал у высокого заградительного забора, склонил голову и начал пинать носком ботинка стреляную гильзу.

“Нет, и балагуру, просмешнику не легко проигрывать, он отстает на одну мишень, а остался последний дуплет. Последний – и решительный...” – подумал Афанасьевич, настраиваясь на последний выход.

“Как увереннее разбить его, почему промазал угонную на шестом месте?” – соображал про себя.

И вдруг его осенило: “Зря он столько дает себе заданий перед выходом на номер. Как встать, куда развернуться, где держать стволы ружья, какой делать вынос – от всего этого за целый день он так устал, что, когда ему дали дуплет на шестом месте, он вначале оторопел: что делать? Мишень стремительно удалялась, а он не смог сдвинуться с места. То есть, попросту, прозевал ее вылет. Многочисленные задания забили его голову, затормозили психику, ослабили внимание. Он не уловил самого важного – момента вылета мишени.

“Все ясно, – прошептал про себя Афанасьевич, – главное внимание на вылет, пойти мушкой сразу плавно за мишенью, как на охоте за птицей. Мишень перекрыть стволами, нажать на спуск. Это же все так просто...”

Афанасьевич выходил на седьмое место с таким ощущением, словно дуплет уже был разбит...

Да, дуплет получился настоящим, охотничьим. Афанасьевич мягко, быстро сделал поводок по угонной мишени, перекрыл ее стволами, нажал на спусковой крючок...

Выстрел – мишень превратилась в пыль. Поймал на мушку встречную. Немного провел. Выстрелил – и также в пыль.

После дуплета в воздухе над площадкой некоторое время висели от мишеней два клубочка дыма...

Со стороны болельщиков, стрелков, стоящих у пульта подачи, раздались громкие аплодисменты. Такие громкие, что Афанасьевич вначале и не понял, кого это они приветствуют. Но когда увидел спешащего к нему Петровича, в тот же миг почувствовал: свершилось маленькое чудо. Пусть и маленькая, но это же – ПОБЕДА!

* * *

Петрович, крепко сжав его ладонь, сказал:

- После закрытия соревнований едем ко мне домой на ужин. Я обещал жене показать настоящего охотника, да и чемпионство надо отметить...

Один за другим к нему подходили стрелки, болельщики, судьи. Хотя бы сказать пару добрых слов, даже без рукопожатия, многие считали своим долгом. Улыбались, шутили. Знакомых он узнавал в лицо, некоторые подсказывали: “Помните, мы с вами ночевали на Сарыбалах, и вы утром из рямка, с маленького озера вынесли несколько связок гоголей и лудков – всего около полусотни уток! А мы просидели на большом озере впустую...”

Второй, солидный, в дорогом пальто и шляпе рассказывал окружающим:

- Мы с ним встретились у мостика в Усть-Логатке. Газиком на буксире из грязи вытащил нашу “Волгу”.

Третий, в кожанке и унтах, запросто хлопая его по плечу, убеждал:

- Ты, Афанасьевич, лучший охотник области. Ты должен был выиграть. Когда я тебя увидел на гриве у деревни Кумыра, где ты наколотил целую вязанку гусей, я понял, с кем имею дело...

Подходившие, поздравляя его, в основном говорили про охоту. Он их интересовал в первую очередь как охотник, а не как стрелок. И про себя удивлялся: сколько же здесь на стенде собирается настоящих охотников. И как многие из них знают его...

Из-за забора вырулил красный мотоцикл с коляской. Водитель снял шлем, и Афанасьевич узнал в нем Николая Ивановича Долгих, который на этом мотоцикле приезжал к ним в Старосолдатку не раз по комсомольским и спортивным делам. А может, больше из-за охоты.

Быстро подойдя, Николай Иванович приобнял его, поздравил. Начал расспрашивать про осеннюю охоту, о малых и больших Кошкулях. Неожиданно перед ними появился человек, которого еще с утра приметил на стенде Афанасьевич. У него не было левой руки по локоть. Он показывался то на одной площадке, то на другой, а потом уходил в дом, где размещалась главная судейская коллегия. “Наверное, судья”, – подумал Афанасьевич, когда тот, подойдя к нему, словно к знакомому, произнес:

- Далеко не уходите, минут через десять будет построение и награждение, – и быстро ушел.

- Кто это? – спросил Афанасьевич.

- А ты разве не знаешь. Это инструктор ДСО “Урожай”, мастер спорта по стрельбе Саша Шеховцов. Стреляет и на “круге”, и на “траншее”...

- Не может быть, без руки – и мастер?..

- Еще как может! – рассмеялся Николай Иванович – посмотрел бы, как он разбивает 25 из 25, и частенько.

Подошел красивый и вежливый молодой человек. Афанасьевич его хорошо запомнил. Год назад на “Урале” с будкой они ездили в Чернецовку, под Большеуки, и вместо одного лося по лицензии, убили двух. Вышло на “номера” сразу три. И рогача и двухлетка взяли за раз. Местный егерь встретил, поднял шум, да еще какой. Об этом печаталось в “Омской правде”.

Разговорились. Александр Николаевич работает начальником ПМК в “Омскптицпроме”, фамилия его – Кочкин. Чисто охотничья, такую не забудешь. А виноват в той истории был его завгар: он убил второго лося, хотя видел, что один уже взят. Но старший в команде – Кочкин, ему и пришлось держать ответ.

Подошел еще один знакомый, с оружием в чехле и с сумкой через плечо. Скромно поздоровался, спросил: “Как там живет озеро Дикое?..” Афанасьевич сразу вспомнил новенький ГАЗ-69, этого парня и второго охотника, в железнодорожной форме, с нашивками. То был зам. начальника отделения дороги.

Паренек ушел в сторону траншейной площадки, а Николай Иванович глядя ему вслед, говорил:

- Замечательный это человек, Ларин Михаил Александрович. Простой, внимательный. Работает инженером в отделении дороги. Родом с Дона, а закончил наш институт и остался здесь только из-за охоты...

Прибежал юноша с красной повязкой на рукаве, громко объявил:

- Все на построение, на вторую площадку “круга”.

Афанасьевич попрощался с Николаем Ивановичем, перешел на вторую площадку и встал рядом с Василием, своим главным конкурентом, который дружелюбно, откровенно начал рассказывать о себе, о строительстве стенда в Любино. Но судья с красной повязкой прервал его:

- Становись!.. Равняйся!.. Смирно!.. – и доложил оргкомитету из пяти человек, стоявших в центре, напротив:

- Участники соревнований построены!..

Награждение производил председатель “Урожая” – крепкий, черноватый мужчина, вышедший немного вперед, сильно прихрамывая на левую ногу. Дипломы и грамоты подавал ему однорукий инструктор.

- Оба фронтовики, – уважительно произнес Василий.

Первым вызвали Афанасьевича, под аплодисменты вручили ему диплом, жетон и ружье ТОЗ-12 в кожаном чехле.

Второму призеру, Василию, выдали диплом, жетон и резиновую лодку. И третьему – очень юному называевцу – жетон, диплом и охотничий костюм...

Только объявил судья о закрытии соревнований, как к Афанасьевичу подскочил в кожаной куртке пожилой корреспондент с фотоаппаратом.

- Голубчик, милый, для “Омской правды”... Вот так развернись, ружье на плечо. Раз-два. Спасибо...

Рядом с фотографом стоял молодой человек в плаще, очень знакомый. “Ба, это же Анатолий Грачев из Старосолдатки, с улицы Курской. Там сейчас из четырех братьев остался один – Валентин, остальные поразъезжались. Анатолий, самый младший, уезжал учиться на журналиста в Свердловск. И вот теперь – здесь”.

Анатолий, подождав пока фотокорреспондент закончит щелкать своей камерой, подошел, протянул руку:

- Поздравляю, рад за земляка. Я теперь главный редактор “Молодого сибиряка”, готовлю материал о лучшем охотнике области. У меня, кстати, есть несколько твоих фотографий с охоты.

- Анатолий, да я же, может, и не лучший охотник...

- Нет, Афанасьевич, – перебил редактор, – ты сегодня победил всех, значит – лучший. Я на днях приеду в Старосолдатку, так еще возьму у тебя интервью...

Вместе с фотокором они удалились в сторону дома. Наконец-то Афанасьевич остался один, вышел за площадку, встал под березы. Напряжение несколько спало, он огляделся и даже увидел небо: синее-синее. Какая нагрузка, целый день, как белка в колесе: выход на номер – стрельба. Уход. Снова выход – стрельба. Уход с номера и подготовка к следующему выходу. Без привычки, без подготовки – чертовская работа. Ему 42 года. У него мощная, медвежья самобытная фигура. И борода густая отросла, уже два года не бреется. Со стороны, кажется, наверное, лесным, замкнутым человеком. Да, его так сегодня воспринимали многие. К нему слишком уж уважительно относились соперники по стрельбе. В его голове отчетливо пронесли мысли, делая итог прожитому:

“Да, не зря он отдал все прошедшие годы охоте...”.

“Да, правильно сделал, не став знаменитым комбайнером...”

“Да, его душа, влюбленная в природу, не одинока. Она имеет сотни себе подобных. Люди, находящиеся на стенде, показали, как много общего у них с Афанасьевичем...”

Из-за берез вынырнул Николай Петрович.

- Вот где ты. Я тебя искал около дома. Поехали...

Они подошли к “Волге”, стоявшей неподалеку, под березами. У самой машины их догнал однорукий инструктор.

- Возьми с собой в колхоз бумагу – освобождение от работы, на месяц. Поедем в Москву на соревнования. У нас уже есть команда, но ты едешь обязательно, – с этими словами инструктор сунул ему лист в руки.

- Приедешь в Омск через неделю – добавил он и скрылся за березами.

* * *

В “Волге” на заднем сиденье уже сидел широкоплечий мужчина.

- Познакомьтесь, – сказал Николай Петрович, – заядлый охотник, но особенный – таежный, а на заводе у нас – главный по строительству.

- Анатолий Михайлович Канушин – протянул руку таежник, – мы почти знакомы...

- Очень приятно – смущено буркнул в ответ Афанасьевич, пожимая огромную ладонь таежника.

Еще с утра он видел Михалыча на стрелковой площадке возле пульта, даже слышал его реплику, когда судья спросил:

- Михалыч, а ты чего ни с кем не соревнуешься?..

На что тот резонно ответил:

- С этими горе-стрелками я мог бы посоревноваться, но чего жечь напрасно патроны. Лучше их расстрелять на охоте.

Так и Афанасьевич уже подумывал во время соревнований, пряча свои стреляные гильзы в карман, а не выбрасывая их в мусорный ящик, как другие...

Михалыч сдвинулся на край сиденья, Афанасьевич втиснулся неловко рядом.

- Ого, двое – и еле поместились, – глядя в зеркало машины, восхищенно произнес Петрович. – Вы друг друга стойте.

Афанасьевич, ощущая мощное плечо Михалыча, прикинул: “Этот и обстрелять может, и побороть. Силен, видать, мужик...”

Подошла женщина, главный секретарь соревнований, села на переднее сиденье.

- Мне до центра, остановитесь у моста.

- Будет сделано, – вежливо ответил Петрович и нажал на газ. Машина резко тронулась с места.

Пока ехали, Михалыч пригласил Афанасьевича на охоту в тайгу, сразу вступая таким образом в контакт. Заговорил о деле. Договорились, что недели через две Михалыч, как только похолодает, приедет купить несколько бычков на мясо для заводчан.

Затем неожиданно предложил:

- У меня три взрослых собаки, есть еще щенок лайки. Давай, как чемпиону, подарю тебе щенка. Может когда-нибудь и ты попадешь в тайгу на охоту. А вообще-то лайка хороша и на водоплавающую дичь, на боровую и на зверя. Универсальная собака. Завтра я подвезу щенка к проходной завода...

Вскоре он вышел у парка. Вдвоем с Петровичем приехали в гараж, что стоял у полнотражной пятиэтажки старой застройки. Поставили машину, поднялись на второй этаж. Хозяйка большой квартиры, невысокая миловидная блондинка, быстро накрыла на стол на кухне – просторной и нарядной. Помыли руки – и за трапезу. Уже пять часов вечера, а они не пообедали. Бутылка сухого вина на двоих и обильная пища опьянили Афанасьевича, в чем он и признался улыбающейся хозяйке. Петрович, поддерживая шуточный тон разговора, подсказал:

- Ты же сделал сто выстрелов, сила отдачи каждого – 90 килограмм. Умножь на сто – девять тонн... Тяжеловато. И без вина опьянеешь.

Сразу после обеда Петрович предложил посмотреть главную комнату, которая располагалась за гостиной и спальней, в конце коридора. Прошли по мягкому ковру, хозяин распахнул створчатую стеклянную дверь – и Афанасьевич ахнул. Оружейная комната, похожая на музей, сверкала металлом, спортивными вымпелами, лосиными рогами, картинами... Впереди на стене – около трех десятков охотничьих ружей. Слева – стена с окном, на ней спортивные дипломы, вымпела, фотографии, и на подставках – спортивные кубки.

От двери влево, на коврах – вверху шесть картин с видами птиц и зверей. Ниже – два ряда охотничьих ножей, кинжалов, охотничий рог, в центре – лосиные и козлиные рога. Внизу предметы охотничьей экипировки: патронташи, ягдташ, подсумки...

Правая стена от двери заставлена четырьмя отсеками шкафа из красного дерева, с зеркалами, стеклянными створками и полочками. В первом отсеке – книги и журналы об охоте, во втором – небольшие картины, рисунки, статуэтки, фигурки из бронзы, железа, камня...

В третьем – старинная посуда с изображением эпизодов охоты, комплекты фужеров, рюмок. Оригинальные вилки, деревянные ложки, охотничьи наборы для приготовления пищи на костре.

В четвертом отсеке стояли батареи всевозможных бутылок с коньяком и водкой. Напитки в стеклянных кубышках, в плетеных оболочках. Наборы деревянных чашечек, матрешек.

Петрович, показывая на коньяки и водку, упредил:

- Это все настоящее, при желании можно опробовать, хоть сейчас.

Но Афанасьевич сразу прошел к стене с оружием. Долго разглядывал, стараясь что-то прочитать на металле, рассмотреть гравировку. Хозяин комнаты, стоя рядом, решил помочь и принялся рассказывать коротко:

- Вот этот ряд – ружья тульского завода, начиная с древних. Второй ряд – оружие ижевского завода... Третий ряд – иностранные: фирмы Германии – “Зауэр”, “Симсон”, бельгийское производство – “Лебо”, “Дифурни” и другие. Четвертый ряд – спортивные: МЦ-№5, №6, №7, №8 – нашего производства и те два – итальянские ружья. Мне больше по душе МЦ-8, – признался Петрович, показывая на ружье с двумя парами стволов. – Их у меня два, одно – свое, второе – спартаковское.

- Из старых ружей, – продолжал он, – нравится вот та “двадцатка” мастера Ивашенцова, с тонкой художественной гравировкой, выпуска 1911 года. Еще хороши те два автоматических ружья – пятизарядки фирмы “Браунинг”, с ними я охочусь на гусей...

А вообще-то у меня нет дорогих ружей с серебряной и позолоченной оправой, с гравировкой известных мастеров-оружейников. Хотя в городе кое у кого есть...

Они перешли ко второй стенке – к дипломам, вымпелам, кубкам.

- Среди них – лишь часть моих спортивных трофеев, остальное мне подарили, – уточнил он.

У третьей стенки Петрович посетовал:

- Не люблю ножи, кинжалы, никогда не вешаю их на пояс, как другие охотники-горожане. Вот если бы я был таежником... Редко беру с собой патронташ, ягдташ, подсумок. Иногда лишь, когда иду на боровую птицу.

На четвертую стенку просто махнул рукой.

- Хорошей литературы мало. Перечитал несколько раз Арсенева, Джека Лондона, нравится у Федосеева “Злой дух Ямбоя”. Даже наши классики – Толстой, Тургенев, Бунин и Пришвин – писали об охоте поверхностно, хотя и красиво. А уж современные, те вообще без знания дела плетут всякую белиберду. Да и специальные журналы по содержанию – совсем не охотничьи...

Афанасьевич, слушая его, осматривал кожаный диван и два кресла, походный, с орнаментом столик, и два резных стульчика. Слева у окна стояла темно-зеленая пальма в бочонке, раскрашенном под огромный пень. У второго окна, напротив, зеленели ветви, вроде фикуса.

- Николай Петрович, а как милиция на все это смотрит?

- Очень плохо, дважды заставляли оружие снимать. Сейчас хорошую сигнализацию поставили, но нарезное оружие хранится в сейфе, в соседней комнате. Там сейчас жена. Покажу его в следующий раз: карабин СКС, “Тигр”, “Вебрь”, малокалиберные винтовки ТОЗ-8, 9, 12, “Тайга”, МЦ-11. Есть два пистолета: “Марголин” и “Макаров”...

Афанасьевич, разряжая обстановку, глядя на шкафы, диваны, спросил:

- А как передвигаются эти громоздкие вещи?

Петрович раздвинул обшивку чехлов дивана, кресел снизу – и везде открылись колесики-ролики.

- Очень просто – все катается, – рассмеялся он.

Затем, сдвинув два кресла, усадил Афанасьевича, и сел рядом. В руки взял толстый альбом в сером кожаном переплете.

- Эти фотографии – история стендовой стрельбы в Омске.

Снимок 1952 года, стенд расположен в парке, сборная ДСО “Локомотив”: мастера спорта Б. Лазарев, А. Кайзер, Л. Коблик и другие...

Вот это – 1955 год, сборная ДСО “Труд”: мастера спорта М. Беспалов, А. Чурин, И. Леонов, П. Михайлов, С. Кишкюнас, В. Бенеш...

Здесь на фото, сделанном недавно, мой “Спартак”: мастера спорта В. Тищенко, Л. Истомина, В. Болотников, рядом я, дальше А. Паршин...

А вот на снимке твой «урожаец», хороший парень. Его прозвали “подранок” – Саша Шеховцов. Он тебе, я видел, дал освобождение на соревнования в Москву, и что же ты решил?

- Наверяд ли я поеду, что толку от моего 41 очка.

- Да, ты прав, – поддержал его Петрович, – в Москву даже на первенство ДСО “Урожай” собираются в основном мастера. Посуди сам: от Омска поедут три мастера спорта на “траншею” – они горожане (разрешается комплектовать 50% команды за счет горожан, ввиду того, что в городе располагаются сельхозуправления и другие областные организации). На “круг” – три человека: это Шеховцов, кандидат в мастера, Василий и перворазрядник. То есть – ты.

Есть вариант – я могу дать тебе свое ружье с раструбами, которые рассеивают заряд дроби. У твоей ИЖ-54 “чок” и “получок”. Так вот, спортивные раструбы, рассеивая заряд дроби, дадут тебе прибавку минимум по одной тарелочке в серии, и будет у тебя результат не 41 из 50, а 45 из 50, 90 из 100. Это норматив кандидата в мастера спорта, и ты займешь где-то 30-35 место. Это неплохо. Но где гарантия, что ты сразу освоишь новое ружье, ведь приклад для каждого хорошего стрелка делается специально, в соответствии с данными его телосложения. Конечно, тренировочные сборы дают многое, но у меня лично не бывает времени для этого, и я редко остаюсь на них.

Другое дело – если ты захотел бы выполнить норму мастера спорта, надо переезжать в Омск, на год-два. Можно без семьи, одному. Я тебя поселю в общежитии, оформлю работать на завод, буду твоим тренером. Но и здесь нет никаких гарантий. Может, не хватит и трех лет. Все может стать. Решай сам.

Афанасьевич внимательно выслушал, подумал и, наконец, произнес:

- Нет, я не смогу ехать в Москву, нет смысла. А тем более тратить годы – ради чего? Да, я охотник, и неплохой, и для меня достаточно моей стрельбы...

Петрович рассмеялся:

- Конечно, ты на охоте обстреляешь любого мастера спорта. Стрельба на охоте – не самое главное. Мастера – асы старшего поколения, приходили на стэнд, будучи уже хорошими охотниками. И все они жили в городе, имели возможность для тренировок. Сегодня на стэнд приходят юноши, даже не имеющие представления об охоте, за небольшим исключением. Для них стрельба – обычный вид спорта. Когда-то было название: “Стрелково-охотничий спорт”, сегодня – “Стендовая стрельба”.

Петрович, видя, как дремлет Афанасьевич, хлопнул его по плечу, предложив:

- Давай в ванную, под душ – и чайку. А я пока тебе постелю на этом диване.

Афанасьевич зашел в ванную, но сил раздеваться уже не было. Так устал. Обмыл лицо, вернулся, прилег на диван. И моментально заснул. Когда хозяин зашел с бельем, он уже храпел. Петрович осторожно приподнял его голову, подтолкнул подушку, прикрыл его одеялом и выключил свет.

* * *

Петровича разбудил будильник в 7-00 утра. Он зашел к Афанасьевичу, который давно проснулся и лежал с открытыми глазами.

- Ну как, отлежался. По себе знаю, как тяжело целый день соревноваться. В семь тридцать подойдет машина, полчаса на туалет и завтрак.

Афанасьевич под краном с удовольствием, долго мыл руки и лицо горячей водой, затем включил холодную. Освежился. На завтрак – бутерброд с маслом и колбасой, чашечка кофе. Оделись и в 7³⁰ вышли на улицу. У подъезда стояла черная “Волга”.

Когда сели, Николай Петрович, немного посидев молча, сказал:

- А давай-ка, позвоню на автовокзал. Узнать про твой автобус...

Между ним и водителем стоял небольшой аппарат. Взяв трубку, набрал номер диспетчера, задал несколько вопросов...

- Видишь, Афанасьевич, автобус на Тюкалинск идет, как обычно, в 9-30, но билеты проданы. Сказали: без места водитель может и не продать добавочный билет. Как быть?..

И не дожидаясь ответа, через некоторое время, продолжил:

- В Тюкалинск я обещал администрации района электроаппаратуру, не космическую, для спутников, которую мы выпускаем, а обыкновенную. Они уже оплатили на днях счет. Пошлем маленький “пазик”, а тебя водитель оттуда добросит до Солдатки.

После этих слов он набрал номер гаража завода и отдал нужное распоряжение.

Подъехали к заводу. У ворот их поджидал Михалыч. Из большой старой сумки выглядывала голова любопытного щенка. Попрошавшись, Петрович вместе с Михалычем ушли через проходную, а водитель, посадив в машину Афанасьевича, посигналил, въехал на территорию и еще около километра рулил до гаража...

Через час “пазик” с ящиками аппаратуры и с Афанасьевичем покинул гараж. За городом водитель, молодой паренек, расслаблено откинулся на спинку сиденья, завел разговор. Длинная поездка настраивала на собеседование.

- А чего у вас два ружья?

- Вчера дали, как приз, за первое место на соревнованиях.

- Да, не может быть – ведь дорого?..

И между ними завязался долгий, непринужденный разговор о спорте, об охоте, об автомобилях. Оказывается и водитель вырос в деревне, а спортом – тяжелой атлетикой – начал заниматься в городе...

В Тюкалинск приехали рано, до обеда успели разгрузиться. Афанасьевич предложил:

- До Солдатки меньше часа езды, там и пообедаем.

- Пойдет, – ответил водитель, и они помчались по пыльному шоссе. Отобедав, водитель сразу отправился обратно...

На второй день после приезда Афанасьевич вышел на работу на скотный двор. Председатель колхоза написал после его отъезда распоряжение о снятии с машины с переводом в скотники.

“Что поделывать, скотник так скотник...” – спокойно рассудил Афанасьевич и усердно отработал в новой бригаде свой первый выход. Прошло еще два дня. По радио объявили о его успехе. Кое-кто из односельчан искренне поздравил, другие – едко пошутили. Еще через два дня в газете “Омская правда” появился снимок и хвалебная статья о лучшем охотнике и примерном колхознике. Председатель срочно вызвал его к себе. Он не пошел. Председатель к обеду сам приехал на скотный двор, завел в конторку-курилку, и начал откровенный разговор:

- Афанасьевич, нехорошо получается, ты уехал самовольно, а тебя в газете – герой, трудолюбивый, дисциплинированный. Как это понимать?

- Понимайте, как хотите. Я им о себе ничего не рассказывал. Они сами все сочинили.

- Ладно, а если меня районное начальство спросит: как я воспитал чемпиона, чем ему помогал – что мне отвечать?..

- Да говорите, что хотите, меня это мало волнует. Вы боитесь, что я на вас нажалуюсь? Нет, не будет такого.

- Спасибо, Афанасьевич, я верну тебя скоро на твою машину.

- И не вздумайте. На ней – человек, у которого четверо детей. Я не пойду обратно. У меня есть освобождение областного начальства на месяц, на соревнования в Москву.

- Какой разговор, Афанасьевич, можешь ехать хоть на два месяца, тем более – в Москву.

- Вы меня не поняли – есть освобождение – но я не поеду. Говорю, что бы вы знали.

- Ну и беда мне с тобой. Как хочешь, проживем – увидим. И явно недовольный разговором, председатель уехал на своем “газике”.

... Прошла зима. Председатель еще дважды предлагал Афанасьевичу пересесть на машину, водитель которой постоянно пьянствовал и не выходил на работу. Смысла в переходе не было – машина была основательно разбита, и он отказался.

В апреле к нему неожиданно заявился Михалыч. После командировки в Тюкалинск попутно доскочил до Солдатки. Рассказал: соседний с ним участок в тайге на следующую зиму окажется беспризорным. Охотник, закрепленный за ним, тяжело болен, и два последние года там охотился его сын, но летом парня забирают в армию. Михалыч договорился с охотником по приятельски, что бы на два-три года, пока сын служит, передать участок Афанасьевичу. В госпромхозе тоже дали согласие.

- Так что натаскивай свою лайку по тетеревам, лисицам, пригодится все на соболевание. В сентябре поедем шишковать и ремонтировать избушки, а в конце октября – на охоту...

С этими словами Михалыч сел в машину – уж очень торопился в город, даже чаю не попил.

* * *

Старик уже дважды поднимался с кровати и смотрел в окно. Почему-то не светало, хотя по времени – и пора. Он снова ложился на кровать, вновь и вновь вспоминая тот далекий год, стендовую стрельбу и как стал чемпионом...

Наконец не выдержал, вышел на крыльцо. Стало сразу понятно. Последние теплые дни нагрели землю, траву, деревья. А ночью – первый заморозок. Пошли густые испарения. Плотный туман закрыл рассвет: все белело, мельтешило в серой дымке. И невозможно было понять: с какой стороны светает. Впереди, сверху, снизу – везде бледно-серая дымка. Найда, убежавшая на поляну, сразу потерялась в тумане...

Вскипятив чай и запив им съеденную полукопченую утку, старик снова прилег на кровать. Все-таки в окна пробивался рассеянный свет, раз на стенах различались предметы. Старик вспоминал, как он понемногу благоустроивал избушку.

В первое лето выкопал подпол, но в нем появилась на метр вода. Ему привезли металлический кессон, вставили. Он обшил его изнутри досками и на зиму засыпал картошку.

Свой картофель начал садить со второй весны, вскопав на поляне огород 20×20 метров. Еще высаживал по две грядки лука.

На второй год стены в комнате обшил толстой фанерой. Стало зимой очень тепло...

На третий год от печки к окну (сзади печки) сделал перегородку, получилась комната 2×2,5 метра, для Николая Петровича. В нее поставили кровать, тумбочку, два стула. Если директор приезжал с кем-то, то вносили дополнительно раскладушку. Петрович привез маленький телевизор, приемник, на стены повесил картины, карту. В тумбочке – буфет, охотничьи принадлежности.

Керосиновые лампа и горелка для разогревания пищи зимой, стояли в кухонном шкафу, а газовый баллон с плитой в сенцах для летней поры.

Рядом с погребом в углу была вторая крышка – “западня” для маленькой ямы-холодильника, сразу под полом. Здесь хранилась готовая пища круглый год.

Был и электрический свет от мощной батареи, но им пользовались редко. Зато всегда наготове лежали различные фонарики. За хозблоком закопаны в земле две 300 литровые бочки: одна с бензином, другая с керосином. Если откровенно – избушка имела лучшее оснащение, чем любой деревенский дом...

Старику надоело лежать, и он решил заняться рыбалкой: поехать проверить мордушки, и поставить на большом озере с пяток крупных сетей. Мелкий карась ловился ежедневно, а крупный – ленивый, идет в сети редко. Сегодня похолодание – может начнется ход, а то Петрович берет в город только крупного карася.

Выйдя из избы, в густом тумане прошел до хозблока, отобрал в мешок крупные сети. Вернулся к дверям, закрыл на засов. В петлю вместо замка вставил палочку.

У ног появилась Найда. Старик погладил ее рукой, дал команду:

- В будку, и сидеть. Я – на озеро...

Найда неохотно полезла в свою конуру.

По едва заметной тропке, что шла вправо от мостика, дошел до таловых кустов. Они вынырнули из тумана неожиданно и показались ему огромным лесом. За талами стоял камыш, такой высокой стеной, что старик про себя подумал: “Ну и миражи – все предметы увеличены в тумане в несколько раз!”

Вытащил лодку, протер сиденье краем мешка. Доска намочла от тумана. На камыше, на осоке висели крупные капли. Сырость ощущалась на щеках, на руках. Толкаясь веслами, выплыл на протоку, вставил уключины. Подъехал к первой мордушке – почти ничего: десятка три мелких карасиков. Не стал и вытрясать. Подъехал ко второй – такая же картина.

“Смотри-ка, перемена погоды, рыба залегла. Стоит ли ставить сети? Пожалуй, поставлю, крупный карась давно не шел, когда-то же он должен попадаться”, – подумал рыбак, и по протоке поплыл к выходу на большое озеро. Перед самым выездом, под камышом увидел стаю крупных уток. Они подпустили его на выстрел, но старик на этот раз не взял с собой ружья, и утки вспорхнули метров за двадцать. И здесь охотник рассмотрел, что это самая мелкая порода – чирки.

“Тьфу ты, напасть какая-то: не утки, а гусаки казались. Ну и туман!” Табун чирков отлетел и сел влево под берег. По тому, как стайка не боялась его и держалась плотно, старик понял:

“Подошла северная утка, а вот сколько? Над озером туман, видимость плохая...”

Он всматривался в даль, но туман слева и справа, и сверху плыл то мелкими, то большими облаками. А потому над сонной водой возникали редкие просветы. И здесь же – исчезали. Слабый ветерок тянул с Севера, где полно озер, болотин – испарений там, как в море. Много раз в жизни наблюдал старик за большими туманами. Они очень разные. Иной раз над озером дунет маленький ветерок – и через пять минут туман уплывает на луга, в лес. Весной чаще туманы белые – теплые... И тоже быстро рассеиваются. А этот – северный, осенний – иногда стоит целый день, переходя в мелкий морозящий дождь.

“До обеда будет, если не появится ветерок с другой стороны”, – сразу определил старик ситуацию...

Воткнув тычку и расправляя сеть, одновременно подгребая веслом, он поставил одну, вторую, третью сетки...

“Хватит, – подумал рыбак, – остальные завтра доставлю...”

Не спеша поплыл назад, придерживаясь края камышей. Да, немало удачных охот провел он в таком густом тумане. Если соберется много уток на озере и начинаешь стрелять, то поднятая выстрелами птица не улетает с пlesa, а ходит кругами низко над водой и сослепу садится в чучела или налетает в упор.

В Солдатке, еще пацаном, на озере Долгое, он впервые в такой туман настрелял более трех десятков отличной осенней дичи – крякашей и шилохвости...

Подплыв к своей пристани, что у самого большого талового куста, вылез из лодки. Увидел – туман над протокой и мостиком явно поредел, а возле леса совсем посветлело.

“Скоро туман рассеется”, – подумал старик, направляясь к избушке.

Навстречу ему выбежала Найда.

... После обеда развёдрило. Да так, что солнце на чистом небе засветилось ярко и горячо, как вчера. К вечеру стало опять жарко, снова в воздухе поплыли белые нити паутин. Старик решил насобирать еще кучу валежника и часа два до темноты с топором в руках искал его по лесу, вынося на опушку. “Пусть останется, чем не хватит зимой”, – так рассуждал старик. Начало смеркаться, и он прекратил работу. С Найдой прошли до мостика, оглядели ближние места, подъезды – пристани на большом и малом озерах. Машин с охотниками нигде не видно.

- Ну, и ладно. Подъедут завтра, – сказал он Найде. И они потихоньку пошли обратно.

В избушке стемнело, он вытащил наощупь из подполья старый суп, разогрел в сенях на газе и налил себе в чашку, остальное – Найде. По обыкновению поел на крыльце и еще некоторое время сидел на ступеньке. “Вчера, хоть немного, но под ухом гудели комары, сегодня нет ни одного. Прибило холодом и туманом. Настала в лесу самая зрелая, золотая пора” – размышлял старик, вглядываясь в поляну, куда опять убежала Найда. Но сколько не шурил глаза – ничего не увидел.

* * *

Встал на расслабленные ноги, медленно вошел в избушку. И не раздеваясь, что бывает очень редко, лег на кровать.

Ему опять снились сны. Но на этот раз обрывочные, запутанные, – словно кадры из кино выхватывали разные события. Были они необычные, связанные с тайгой, вечно зеленой, нарядной, праздничной, как елка под Новый год. С тайгой дремучей и загадочной...

В начале сентября, тем летом, как и обещал Михалыч, он заехал за Афанасьевичем в Солдатку, и заводская машина умчала их в Тару, где ждали два шишкаря – получилась целая бригада. На вертолете высадились в тайге. Михалыч – старший, таежник с двенадцатилетним стажем. Он и Афанасьевич занялись избушками, напарники начали шишковать. На участке Михалыча – четыре избушки, на соседнем – у Афанасьевича – три. Основная базовая, где их посадил вертолет, – размером поболее других, и бревна потолще.

- От медведя, – пояснил Михалыч, – иногда косолапый раскатывает избушку всю по бревнышкам. В первую очередь, что помельче...

Рядом на кедре сделали “сайбу” под хранение продуктов. Снизу ствол дерева на 1,5-2 метра обили тонкими листами железа. Опять же от медведя – по жести не полезет, когти скользят...

Для избушек заготовили дрова, подремонтировали крыши. Затем переключились на шишки. Афанасьевичу сделали колотушку, в полбревна, с толстой ручкой. Вот это была забава. Работали вчетвером дружно, споро. В тот раз они набили орехами много мешков и заработали на них приличные деньги.

... А в середине октября вахтовый вертолет (тот, что возит сменные бригады на Север) снова посадил их, двоих, на охоту, на том же маленьком болотце.

У Михалыча было три лайки, у него одна, по кличке “Серый”. Подаренный таежником щенок вырос в огромного серого кобеля. У Михалыча – два мешка капканов, десятки ловушек на соболя. У Афанасьевича – скромно, всего понемногу.

- Главное – соболевать, остальное – мелочь, – поучал опытный таежник. Его маленькая мелкокалиберная винтовка “Маузер” разбиралась выкручиванием одного болта, ложилась в футляр. И – в рюкзак. Надежная, точная. У Афанасьевича ТОЗ-12, с длинным стволом, как у солдата-новобранца, высоко торчала над головой. Она и осечки давала, и прицел у нее был сбитый.

Через неделю после их прилета в тайгу выпал обильный снег, и они три дня делали “путики” – тропы на участке Михалыча, расставляя капканы и ловушки. А потом перешли на участок Афанасьевича. Прделали то же...

Вернулись на первый участок и добыли первых соболей из-под собак: те выслеживали соболя, загоняли на дерево, облаивали, а они с Михалычем прибегали на лай и снимали зверька точными выстрелами. Хуже было, когда соболь прятался в дупло, в расщелину. Тогда Афанасьевич топором

рубил дерево, а Михалыч стоял наготове с винтовкой. Дела у них шли четко. Афанасьевич, с его богатырской силой, рубил быстро, а Михалыч метко стрелял.

Потом Афанасьевич начал один выходить на свой участок, но многое не получалось. “Серый” еще только входил во вкус охоты, не всегда гнал соболя по 3-4 километра, бросал. Но если загонял на дерево, облаивал отменно. Громко и часто.

Когда начинало пуржить или вьюжить, Афанасьевич бросал все и уходил на участок к Михалычу – боялся заблудиться.

Так или иначе, за первый сезон он вполне прилично добыл соболей, к ним – более десятка норок и около трех десятков белок...

На второй год в тайгу он летел с Михалычем на вертолете из Омска. Год был урожайным на орехи, ягоды и добычливым на зверя. Афанасьевич уже имел много снастей, его две лайки работали безупречно. Вместе они добыли столько соболей, что на вырученные деньги Михалыч купил себе ГАЗ-69, а Афанасьевич – новый мотоцикл “Урал” с коляской.

В конце охоты случайно напали на берлогу. Михалыч, много раз бравший зверя, дал напарнику возможность убить медведя, хотя сам стоял рядом со штуцером начеку.

Афанасьевич стрелял в косолапого метров с пятнадцати из старенькой бельгийской двадцатки, жаканами. Конечно, четыре отличных лайки и Михалыч со штуцером гарантировали ему безопасность, но он все равно волновался. Лишь показалась из берлоги голова медведя, точно в ухо выстрелил, раз за разом, из обоих стволов. Зверь покрутил головой, приподнялся слегка и осел в яму...

Их третий охотничий сезон сложился неудачно. Во-первых, не уродились орехи и ягоды, что означает в тайге сплошную “бескормицу”. Приехали – соболя мало. Или он ушел в рямки, где можно выкопать из-под снега редкую ягоду, или перешел на другие участки, или что еще?..

Совсем не было норки и белки. Даже рябчики исчезли.

- Весна была запоздалая, выпали озимки с морозами. В этом и вся причина. На всем сказалась, – так, не мудрствуя лукаво, рассуждал местный охотник Валентин Федоренко перед отлетом в тайгу.

И это бы все ничего – они с Михалычем добыли неплохо соболей. Но их базовую избушку обокрали. Кто? Как?.. Так и не выяснили. Приземлялся недалеко вертолет – могли с него. Проходили через участок три “бурана” и одна танкетка. Могли и они. А когда вернулись через три дня с дальнего участка в базовую избушку, увидели: дверь распахнута, все разбросано. Вместе с пушниной воры забрали два охотничьих ружья. Большой снег накануне, шедший сутки, так все прикрыл, что трудно отыскать хоть какие-то следы. Наверное, воришки знали прогноз погоды и использовали ситуацию умело...

После кражи охотились еще две недели, но уже без настроения. А иногда оглядывались: в Новосибирской и Тюменской областях дважды в тайге убивали охотников с целью ограбления, и они об этом знали подробно из уст очевидцев...

Весной вернулся из армии парень – хозяин участка, и Афанасьевич распростился с тайгой. На что Михалыч прореагировал иронически:

- Теперь надо ждать, может, кто из охотников умрет...

Вот так непросто заполучить участок в нашей, казалось бы, необъятной тайге.

Михалыч и на четвертый год приглашал его на свой участок:

- Хватит на двоих, полетим...

Но Афанасьевич видел, как легко тот справляется один, без помощников. И отказался...

А может, отказался еще и потому, что сильно болела жена, а дочери уехали учиться в Омск: одна – в торговый техникум, вторая – в медицинский. Жена вторую зиму постоянно, с небольшими перерывами, находилась в больницах – то в Солдатке, то в Тюкалинске, то в Омске. Запущенная язва желудка лечению не поддавалась.

* * *

Две операции не помогли ей, а только усугубили болезнь. Ее уже не брали в больницу, поскольку, как сказал знакомый врач:

- Пошли побочные, более тяжелые процессы...

Афанасьевич днями ухаживал за женой, доставал дорогие лекарства, вывозил ее на мотоцикле то по ягоды, то по грибы. Побыв с полчаса, подышав ароматными запахами леса, они возвращались домой.

Никогда ему не забыть, как она – бледная, высохшая от продолжительной болезни – стояла в последний раз в лесу. Держа в руках сорванный сырой груздь (ее любимый гриб), она его целовала, что-то шепча... А слезы лились и лились по ее мертвенно-бледным щекам...

Ее хоронили через месяц, в теплые солнечные дни сентября. Сама погода сжалась над ней, в березняке на могилках было тепло и тихо...

Остался он бобылем, никому не нужным. Даже родственникам жены, которые меж собой осуждали его гневно и зло: “Вот, всю жизнь проболтался для себя, в свое удовольствие. Ни дома, ни семьи – все променял на свою охоту...” Да, в чем-то они и были правы.

Тяжко было жить одному в доме, и как-то под вечер к нему приехало Тюкалинское начальство. Предложили место егеря на озере Тенис, где только что построили охотбазу областного значения.

Афанасьевич согласился и через неделю уже принимал хозяйство. В большом доме имелось несколько комнат: одна – для егеря, остальные – для гостей. Все заставлены дорогой мебелью, с телевизорами и приемниками. Дом стоял на самом берегу возле рожицы, хозяйственные постройки с гаражами располагались буквой “П”. Со всех сторон – лес. А лицом дом обращен к озеру. Через тридцать метров от него – причал. Катера, лодки. По узкому, глубокому каналу, вырытому земснарядами – выход в огромное озеро. Местные охотники даже называют Тенис – “море”. Посмотришь вдаль – и другого берега не увидишь.

Стены дома снаружи, отделанные мозаикой из разноцветного стекла, отсвечивали на солнце богато и празднично. Увидев его в первый раз, Афанасьевич подумал: “Царские хоромы, вельможьи забавы...”.

За порядок в комнатах и за хозяйственные дела отвечал другой человек – тощий, лысый егерь из Тюкалинска. Он приезжал на день-два, наводил “марафет” и уезжал, оставляя все на Афанасьевича. А у того своей, чисто егерской, работы – невпроворот. На субботу и воскресенье приезжало областное начальство – строго по разрешению первых лиц. С утра в пятницу – подготовка к их встрече.

В понедельник являлись некоторые работники областных управлений рангом пониже, а также – из Тюкалинской администрации. Кто порыбачить, кто на охоту. А рыбы было полно в озере всякой.

В общем, целую неделю – ни дня покоя. Но Афанасьевичу это нравилось. Все относилось к нему как к охотнику-егерю с большим уважением. Спрашивали на все совета.

Секретари обкома, видные руководители области разговаривали с ним, как с равным. Чувствовались в них большая культура и ум. Никто ему из них не приказывал, тем более – не выговаривал претензии или недовольство.

А вот другие, поменьше чином, наезжавшие посреди недели, – те иногда пробовали давать ему распоряжения, или чему-то обязывали. Им он несколько раз дал отпор, сказав что выполняет команды только высшего начальства. И если кого-то что-то не устраивает, мол, обращайтесь в обком. А самых нахрапистых просто не пускал на базу, не взирая на должности и чины. За это вскоре его стали называть не егерем, а начальником охотбазы.

Охотничьи вопросы Афанасьевич решал с завидным умением и расторопностью. Всех вовремя развозил на зорьку к скрадкам, сделанных в камышах из прочных досок, на сваях. Всем подбирал нужные патроны, ставил красиво чучела, тщательно собирал сбитых уток.

Среди начальства попадались отличные стрелки. Не стесняясь, не соблюдая норм отстрела, вывозили они на берег по несколько связок уток, и здесь же раздавали дичь всем присутствующим. На базу приезжали часто и не охотники. Себе домой каждый брал не больше нормы. По 5-10 штук.

Афанасьевич постоянно ставил сети, и вечерами для приезжих готовилась уха. Он изучил Тенис, особенно в районе охотбазы. В заливах, на островах, на мысу птицы хватало. И не надо далеко плавать. Особо добычливые плесы строго охранял для высшего начальства, где всегда получалась прекрасная охота.

Через год охотбаза пополнилась новыми лодками – с удлиненной конструкцией, с поплавками, в целях безопасности. Завезли сотню чучел и десятки рыбацких сетей. Добавили вторую походную электростанцию. В гаражи установили обогреватели.

Его старый служебный ГАЗ-69 заменили на новый, восьмиместный.

Поскольку именитое начальство чаще приезжало на “Волгах”, а последние километры пути в грязь преодолевались с трудом, иногда Афанасьевич на буксире тянул их до базы. Некоторым эта процедура не нравилась. Решили: егерь должен иметь “Ниву”, в дождь встречать их у конца асфальта, садить к себе в салон.

На то и начальство: решили, постановили – выполнили...

В какой-то организации списали “Ниву” с изрядно помятым боком и за небольшую цену продали Афанасьевичу. Ясно, для работы на базе и для личных нужд. Он выправил бок, зашпаклевал, покрасил – и “Нива” стала, как новая. Да она и на самом деле была новой – с пробегом на спидометре 12 тысяч километров.

Деньги к этому времени у него имелись. Почти с самого начала работы, помимо обычной маленькой зарплаты, как и у всех егерей области, ему начали доплачивать по отдельной ведомости большую сумму.

На вопрос Афанасьевича: “Как, за что, законно ли?..” – управляющий делами из администрации ответил:

- Эта надбавка – за должность завбазы. Есть финансы – мы платим, не будет возможности прекратим.

Афанасьевич раньше редко ездил с охотбазы в Солдатку, где у него остался дом. И в – Кабырдак – к родственнику, которому он за бесценок продал свой мотоцикл с коляской, когда получил на охотбазе в свое распоряжение служебный газик.

А здесь под задницей новая “Нива” оказалась. Он с базы мчал напрямую через Соколовку в Кумыру, на свою родину. Там остался в живых из дальней родни восьмидесятилетний дед. От него – в Кабырдак, затем в Солдатку.

Так за сутки одним махом объезжал всех. В доме его в Солдатке жила дальняя родственница по линии жены. Красивая, дородная Настенька. Жила не одна, а со своим хахалем – агрономом совхоза. Тот приехал откуда-то издалека. Присватался. Прожили вместе более года, не регистрируясь. Он, правда, старше ее лет на десять – ей всего 24 года. А потом агроном собрался неожиданно и уехал из Солдатки обратно домой, где у него говорят, оставались жена и дети.

Больше полугода уже Настенька одна. “Сентябрь, – подумал Афанасьевич, – есть ли дрова на зиму? И вообще, как она там одна”, – по пути в Солдатку размышлял он. Прихватил с собой гостинцы: коробку конфет и около ведра рыбы – пелядь, чебак, карась. Их в тот год в Тенисе водилось полно, но через год случился замор – и ничего не осталось.

Настенька встретила его обрадовано, собрала на стол, поставила бутылку. Хотя и за рулем, он все же выпил рюмочку за ее здоровье. Уж так она была к нему ласкова, не раз прижимаясь упругой грудью к его мощному плечу.

Через неделю, договорившись с одним водителем, привез ей дрова. Еще через неделю, проездом – вязанку тетеревов и вяленой рыбы. Она, приобняв его, расцеловала в щеки:

- Ты меня, родненький, не бросай. Приезжай почаще...

Он так и делал: заглядывал к ней, но на час-два, не более. Соседи-мужчины, встречая его, шутили, подсмеивались. А бабы – те жалели Настеньку.

- Агроном, – говорили они, – бык окаянный, не человек (а агроном и впрямь был жирным, ленивым). Бессовестный – пожил с девкой, опозорил, бросил. Кому она, порядочному, теперь нужна...

Наступила зима. Афанасьевич дважды заезжал с ночевкой. Торопиться некуда, охота на Тенисе закончилась, можно отдохнуть. С соседями выпивал, толковал о делах. Настенька уходила на ночь к подруге, рядом.

В третий его приезд она не ушла. Афанасьевич, крепко подпитый, рано лег спать. Ночью проснулся от жаркого объятия, от поцелуя. Онемел: может снится? Нет. Рядом в кровати была Настя. Ее полные, открытые груди волной наплыли на его лицо.

С тех пор и началось.

Частые поездки в Солдатку, пересуды соседней и открытые проклятья родственников Насти в его адрес. Да и ей от них попадало здорово.

И вот, в один из приездов, Настя ждала его уже с собранными чемоданами и сумками.

- Возьми меня на охотбазу, не могу я здесь. Проходу не дают, заклевали...

Не долго раздумывая, он посадил ее в “Ниву”. Пусть ему за 50, а ей – 25. И что? Он силен, как мужик, не изношен. А разница в возрасте – не его вина...

На охотбазе зажили они счастливо. Целыми днями – рядом, вдвоем. Она в нем души не чаяла, и он к ней тянулся всем сердцем, всем своим существом. Пошли зимние ночи – темные, жаркие, желанные...

* * *

Отшумела метельная зима. В начале апреля она взяла его ладонь и прижала к своему животу.

- Слышишь, как стучится, уже пять месяцев.

Афанасьевич был на вершине блаженства. Рядом – молодая, красивая жена, и скоро появится ребенок.

В последних числах апреля из города приехали две компании по пять человек – половить окуней, пофотографировать токующих тетеревов, попить березового сока. Заливные луга вечерами звенели от стотысячного кваканья лягушек, от многочисленного кряканья, от пронзительного крика чибисов

и тонкого писка бекасов и куличков. Воздух стонал, томился в любовных криках птиц. Природа, наскучавшись за зиму, дышала полной грудью. Но озеро все еще стояло подо льдом.

Отдыхающие, в основном молодые люди, вечером явно перебрали спиртного и ходили, шатаясь вокруг базы. Афанасьевич улавливал их взгляды, устремленные на Настю, а один из них начал даже приставать к ней.

Афанасьевич понял: отныне у него появилась еще одна забота – охрана супруги.

В конце августа Настя родила сына в роддоме Тюкалинска. Через несколько дней – открытие охоты, и Афанасьевич оставил ее в городе у знакомых. Забрал на охотбазу лишь в середине сентября.

Начальство, давно зная о новых семейных делах, ничего ему по этому поводу не высказывало, хотя в целом он заметил: многие к нему стали относиться сдержаннее, более официально. Оно и понятно: “Афанасьевич – непартийный, а они, члены партии, высокоидейные, такого себе не разрешают. И про себя каждый его осуждает...”.

Особенно приезд с Настей и сыном не понравился его напарнику – егерю из Тюкалинска. Причины тому Афанасьевич так и не смог понять сразу.

Зиму с Настей и сыном прожили хорошо. Молоко, сметану, мясо они покупали в Усть-Логатке. Она – рядом. Рыба – свежая, из озера. Никто не болел.

С наступлением лета напарник, член КПСС, а потому пользующийся у начальства доверием, стал катить “бочку”, собирать компромат на Афанасьевича. Написал в Омск в разные организации несколько, порочащих его, анонимок. А когда в августе к нему на озеро приехал хороший друг, уроженец Кумыры, Иван Паисович, напарник по рации вызвал из Крутинки рыбнадзор. Те отобрали у Паисовича сети с рыбой, составили протокол на штраф, а Афанасьевичу сделали предписание, отослав в управление. Началась охота. На вторую неделю, в среду, к Афанасьевичу приехали два знакомых парня, охотники из Солдатки. Напарник их сфотографировал – на катере, с ружьями, с вязанками дичи – и фото отослал в обком.

И пошли слухи, сплетни: Афанасьевич мол, такой-рассякой, непорядочный. Хотя обкомовское начальство, зная авторитет Афанасьевича, старалось попервости их не замечать. Но дальше – больше: и сплетен, и улик. Ведь на базу приезжали разные люди, а некоторые держали на него зло. Да и начальство иногда разрешало себе непозволительные просьбы. Как только отошла утка, еще не замерзло озеро, приехали двое обкомовцев.

- Надо три десятка шкурок ондатры, есть письменное разрешение, – распорядились они. – Вот тебе капканы и мордушки.

Афанасьевичу ничего не оставалось делать, как ехать на озеро и ловить зверьков. “Стукач” все это видел и написал в охотуправление. И здесь, случайно, Афанасьевич узнал в Тюкалинске у знакомого, что сын напарника, женатый парень-охотник, по пьянке не раз заявлял о своем желании работать на охотбазе вместо Афанасьевича. Все стало ясно. Через две недели, после сильного заморозка, выпал снег. Приехали трое из УВД на военном газике. Показали документы, разрешение на отлов ондатры. Ночь промышляли, поймали восемь штук. Обратились к Афанасьевичу – он отказался помогать.

Через неделю приехали снова, привезли с собой охотника. Сами всю ночь пили водку, тот поймал двадцать пять штук. Афанасьевич их предупредил: “Если приедете еще, позвоню в обком, у меня телефон прямой связи. (А это было действительно так). Здесь ловить ондатру запрещено.”

- Вот что, егерь, прорычал самый мордастый из всех троих, – я знаю, что для обкома ты ловил ондатров. Будешь ловить и для нас. Приедем через неделю, оставляем тебе снасти. Чтобы было пятьдесят шкурок – и не меньше. Мы с тобой рассчитаемся...

Они приехали, как и говорили, через неделю. Афанасьевич, конечно же, ондатру не ловил. Вспомнил, как когда-то один из высших чинов УВД, здесь на базе, ему сказал:

- Если будут нарушения со стороны наших работников, с любого сниму погоны.

А еще: сразу после “ментов”, к нему приезжал егерь из Усть-Логатки, у которого из года в год с управлением охоты есть договора на отлов ондатры. Мыс на озере, где ловил зверьков Афанасьевич, входит в его промысловый участок. И он по-хорошему попросил Афанасьевича больше не “заглядывать” туда. Приезжие, узнав эту информацию, засели надолго в комнате, распивая бутылку за бутылкой. Вечерело. Мордастый пришел в гараж к Афанасьевичу, копавшемуся в моторе газика, и заявил:

- Ты идешь сейчас с нами на озеро и помогаешь. Если откажешься – горько пожалеешь. Иди, собирайся. Через десять минут – выход. – И показал пистолет.

Афанасьевич понял, что сопротивляться бесполезно. И через десять минут, как под стражей, шел впереди них на озеро, не на мыс, а влево, в сторону Конкуля. За ночь они отловили 38 зверьков.

Утром, уезжая, они попросили его сопроводить их через лес по проселочной дороге, напрямую до перекрестка, к основной дороге. Афанасьевич сел в свою “Ниву”. На выезде из леса, увидев главную дорогу, газик остановился. Остановился и он. Все вышли из машин. Попрощались. И вдруг здоровяк, тот самый, что угрожал в гараже, неожиданно сильно ударил Афанасьевича в живот. Резко, профессионально – под “дых”. Егерь на мгновение потерял сознание, с трудом сделал вдох. Двое по бокам наставили на него пистолеты. Здоровяк шипел зло, громко:

- Приедем через неделю снова, чтобы 50 шкурок было, и без фокусов. Не будет, спустим тебя под лед, к ондатрам. И никто знать не будет...

Маленькие глаза говорящего горели ненавистью...

Афанасьевич, еще не осознав всей опасности, будучи наивно убежденным в своей неприкосновенности, решительно заявил:

- Вас завтра найдут и упрячут за решетку...

Он не успел договорить фразу, как сразу несколько ударов в живот опрокинули его на снег. Били руками и ногами. Он терял сознание, пробовал подняться – и снова оказывался внизу. Потом, лежа, как в глубокой яме на дне, глухо слышал слова:

- Все, отрубился, хватит. И так поймет, с кем имеет дело...

Они уехали. Он еле поднялся, залез в “Ниву”. На заднем сиденье лежал карабин СКС – без чехла, на виду.

- “Может в погоню?” – но руки бессильно лежали на баранке.

Мелькнула еще мысль: “Могли и карабин прихватить с собой”.

На второй скорости, потихонечку доехал до базы. Вошел в дом. Насте рассказывать ничего не стал: “Зачем ее пугать?..”

Лег на кровать, пожаловавшись:

- Что-то заболел живот, дай передохнуть... Наверное, съел или выпил с ними не то...

А живот резала такая боль, что его тошнило. Да, он слышал как-то о таком профессиональном избииении, когда не остается видимых следов.

Сразу заснул и проспал до вечера. Когда очнулся – захотелось в туалет. Оправлялся с болью: черные бляхи свернутой крови пугали его взгляд. Ночью почти не спал, а лежал с открытыми глазами, размышляя о случившемся. Наступило утро. Не раздумывая, сел в “Ниву” – и в Омск. В охране первого секретаря обкома, всегда приезжавшей на базу, у Афанасьевича был знакомый майор, давший ему свой телефон и адрес. Так, на всякий случай...

Вечером они долго говорили с майором о возможных преступниках, но ничего утешительного тот не сказал, а наоборот предупредил:

- Надо их остерегаться: на машине не было номеров, плюс пистолеты, плюс профессиональные удары, плюс наглость и многое другое. Дело здесь запутанное. Они, конечно не из УВД, хотя кое-кто из них работал или связан с милицией. Может кто-то из госбезопасности, или полка охраны города, или из воинской части. Поди, сразу разберись? А может, из новых, частных детективов, работающих не в охране предприятий, а у частников. А может, просто – мародеры. Сегодня такое творится в городе – каждую ночь десятки изнасилований, ограбления, убийства. Не знаю, что тебе и посоветовать. А помочь... Слишком далеко от города – 200 километров. Здесь, рядом случается, и то не успеваем. Одно могу сказать, оберегай жену и ребенка, для таких ничего святого нет.

Афанасьевич, попрощавшись, в ночь выехал на базу, хотя там оставался за него напарник из Тюкалинска. Ему вдруг стало боязно за жену и сына...

* * *

Приехал, позавтракал – и в Кабырдак. Договорился с родственником о переезде к ним. Добротный, небольшой дом на окраине, брошенный хозяином, обосновавшимся в Омске, они купили у совхоза за небольшую цену. К вечеру он перевез Настю и сына. В доме, жившая там временно старушка, встретила их теплой печкой и чаем.

Имущество на охотбазе все целиком числилось за егерем из Тюкалинска. Он с удовольствием расписался за временное хранение катеров, лодок, сетей и другой охотничий инвентарь, закрепленный за Афанасьевичем. На второй день на бортовой машине Афанасьевич с родственником приехали и забрали кровати, шкафы, столы и прочие вещи...

В Кабырдаке Афанасьевич прожил, пожалуй, лучшие свои годы. Работал в потребкооперации, занимался коровой и овцами, садил два огорода, воспитывал маленького сына. И очень любил Настю. Не было меж них ни ссор, ни разлада. Несмотря на большую разницу лет, она его любила страстной женской любовью. Он ей отвечал взаимностью.

Дочери у Афанасьевича успешно окончили техникумы и вышли замуж за омичей. У старшей уже внучка родилась.

Афанасьевич, словно уверенный, что ему еще жить да жить на белом свете, не хандрил, не болел, частенько выпивал. И конечно – постоянно ездил на охоту. Незаметно, как один год, пролетели восемь лет жизни в Кабырдаке...

И вот, в начале ноября, по первому большому снегу, с приезжими охотниками уехал он на отстрел лосей под Большеуки. Ночевали они в деревне, у знакомого охотника, когда к ним в дом прибежал рано утром управляющий:

- Звонили из Кабырдака. Кто здесь Афанасьевич? Беда дома, с семьей, срочно вызывают...

Афанасьевич, не одеваясь, схватил на ходу вещи, карабин – и в “Ниву”. Через час с небольшим ворвался на машине, как шальной, в Кабырдак, к своему дому. В ограде – полно людей. Женщины плачут... Родственник обнимая его за плечи – говорил какие-то несуразные, отрывочные слова:

- Натопили... Печь сырая. Закрыли вьюшки... Дрова тоже сырые... Угорели... С сыном в кровати. Насмерть... А кошка на полу, у крышки в подполье лежала. Очухалась, жива...

Слова, как выстрелы вонзались в голову Афанасьевича.

“Кошка? При чем здесь, кошка... Угорели... Насмерть... Как так?”.

Позднее, всякий раз вспоминая те минуты, содрогаясь, Афанасьевич думал: “До чего же жестока судьба! И есть ли Бог, если человек должен постоянно страдать за свои или чужие грехи?.. Нет, Бога придумали смешные люди...”

Хотя ему иногда так хотелось верить в нечто богоподобное, доброе, вечное...

После похорон он часто ночами приходил на могилу. Даже возникла мысль покончить с собой. Не выдержал, уехал в Тюкалинск от проклятий все тех же родственников, от мрачных взглядов соседей, от бабьего шепота ему вслед: “Загубил молодую жизнь, ни за что загубил... А самому – старому, хоть бы хны...”

И тогда, чтобы сбежать от сурового ежедневного суда окружающих людей, он вспомнил про Николая Петровича, которому так хотелось иметь в глухомани свою охотничью избушку.

* * *

Проснулся старик с тяжелым сердцем и мрачными мыслями. И снова себя спрашивал: “За что же Бог так сурово наказал меня под старость?”.

В окне уже зарилось. Значит, небо чистое. Встал, умылся. Обошел вокруг избы. Найда шла рядом, лизала его ладонь, словно спрашивала: “Ну, чего же, старче?.. Что тебя кручинит?..”

Тяжесть на сердце не проходила, а в голове плавала какая-то муть...

В небе – чистом, высоком – услышал крик казары. Большой клин, рассыпаясь веером, плыл в поднебесье в сторону юга. Жалобные, тревожные клики расставания с насиженными гнездами, с ласковым летом... Стая птиц плыла уже над головой. Близкие голоса оживляли в душе вечную грусть по родине.

Афанасьевич с детства любил смотреть за вереницами гусей и казарок. Когда в огородах начинали копать картошку, а копали ее по неделе и дольше, в небе обязательно появлялись стаи. Сегодня – двадцатое сентября, пятница. Сколько сельчан сейчас зачарованно, как и он, смотрят вверх на птичьи караваны.

Над дальним лесом, в бескрайней сини, вслед за первой, появилась вторая, еще большая стая. Она раздвоилась. Две отдельные стрелы двигались параллельно. Наверное, два вожака спорили меж собой за право быть первым.

“Теперь казара 3-4 дня будет лететь, пока стоит хорошая погода. Вчерашний утренний заморозок – здесь небольшой – на Севере был, наверное, морозом. Вот и подстегнул птицу”, – размышлял старик. Когда-то давно казарка на неделю-две останавливалась в этих местах и около Солдатки тоже. Кормилась на хлебных полях, набиралась жиру для дальнего перелета. Еще пацаном охотился на нее на гривах. Однажды с дядей приехали на Тенис. Ее скопилось на озере сотни тысяч. Табун за табун, с утра и до обеда летела она на Конкульские поля, на скошенный хлеб...

В последние годы лишь иногда, застигнутая непогодой с первым снегом, она вынуждена останавливаться и кормиться в этой округе. Но, в основном, с тех пор как распахали в Казахстане степи и засеяли их зерном, вся казара и гусь отходят сразу туда. Там – раздолье: на десятки верст поля и поля, на огромных озерах – спокойствие. А здесь ее гоняют каждый день.

Много раз в компаниях с заядлыми охотниками он ездил в Казахстан на гусиные охоты. Это всего полдня езды отсюда. Возле озера “Селита” за Русской Поляной, у соленого “Короля” за Ореховкой они добывали по 2-3 десятка гусей и казарок за выезд. Знакомые возмущались: “Зачем столько губите птицы?” – “Как зачем, в зиму запас...” – отвечал им Афанасьевич. В деревнях,

повсеместно держат жители большие стаи гусей, и другую живность – нормально. Тоже и с казаркой. А та, что улетает тысячами табунами на юг – в Иран, Турцию, Афганистан, попадает часто на консервные заводы. Огромные стаи где-то у моря или озера садятся косяками на песчаной косе, их подрывают динамитом – и машинами везут в консервные цеха. Здесь у нас – охота, то бишь удовольствие. А там – мясобойня...

Вдалеке показалась третья стая, уже летевшая намного ниже, уставшая. “Сегодня ночью на большом озере соберется птица на отдых. Утром на рассвете, когда она будет подниматься и улетать с озера, можно поохотиться”, – думал старик, взойдя на мостик и глядя вниз.

Вода просматривалась до его мордушки, в которой плавало всего несколько карасиков.

Стоя на мостике, он вспоминал об охоте на гусей в Солдатке и возле Кумыры. Там он за утро брал их по десятку штук. В детстве ему удавалось видеть дикие стаи рядом: он разглядывал клювы птиц, глаза и мелкие перышки на шее и голове у гусей, сидя с последним патроном в копне соломы. Больше десятка зарядов у него никогда небывало, а птицы кормились рядом, на стерне...

Старик имел в хозблоке два десятка гусиных профилей для охоты на полях. Года три лежат без надобности. Есть еще десяток резиновых чучел. Те, в деле, их заберут охотники на утро и завтра, и послезавтра.

Егерь припомнил, как в детстве вместо профилей они брали на хлебные поля по паре серых домашних гусей. Птицы ходили по полю, кричали по-своему подлетающим стаям. Эффект – потрясающий.

Серых, диких гусей держать для охоты сложно, но почему так мало нынче домашних подсадных крикв? В старые времена деды любили охотиться с подсадными, не признавая мертвых чучел. Даже он раньше часто снимал чучела, а на воде настораживал сбитых уток. Они выглядели как живые...

В голове у старика от пролетающих стай посвежело, но на сердце осталось какое-то неприятное предчувствие.

“С чего бы это могло быть? – спросил про себя старик. – Вроде и причин особых нет...”

В протоке, подальше к озеру, плывал вчерашний табунок чирков, а за ним – около десятка лысух. “Ночью подлетели. Непонятно, почему уже не гнездятся здесь лысухи, а на пролет останавливаются много”, – продолжал размышлять старик. Лысухи ковырялись в траве, у самого берега, громко хлюпая и перекликаясь между собой.

“Раз подходит казарка, появятся первые стайки хохлатого чернеда и гоголей. Конечно, основной пролет 5-10 октября. И все же птица подходит”, – заключил про себя старик.

Егерь вернулся в избушку, позавтракал, прилег на кровать. Делать ничего не хотелось. После обеда начнут подъезжать охотники. Если кто захочет ставить сети, он поедет с ними – проверить свои, поставленные вчера.

* * *

Старик задремал. Сколько времени так лежал – не знает. А может, и совсем не дремал, а просто на какое-то мгновение забылся. Ни по часам, ни по другим измерителям он себя уже давно не контролирует. Ему порой кажется, что его, как человека, даже нет. Он явно ощущал, как становится частицей окружающего мира: как дерево, как птица, как протока. Стараясь не мешать никому, быть незаметным, тихим, сливаясь с окружающим в одно целое...

Залаяла Найда. Он явно различил шум мотора. Вышел. У мостика, по ту сторону, стоял вездеход с будкой.

“Приехал рабочий класс”, – отметил про себя егерь и быстро направился к машине. Охотники, высыпавшись на поляну, балагурили, толкались, разминали затекшие ноги. Виктор Васильевич, старший, сразу спросил:

- Казарка давно идет?

- Нет, с утра – прошло несколько стай. Еще мало.

- Ладно, – продолжал Васильевич, – мы поедем на свое Круглое, поставим пораньше сети. Уж больно карась в нем хорош: желтяк, сочный, хотя и мелкий. Если что, глядя по обстановке, на утро, может, приедем на Большое, на казарку. А то утки с Севера подошли мало – мы посмотрели по пути все озера...

Не теряя времени, все уселись в будку, а Васильевич – в кабину, и машина ушла километров за шесть на небольшое, но кормовое озеро, соединенное протоками с еще двумя такими же озерами.

Первое время, после постройки избушки, все норовили ночевать, отдыхать рядом. Некоторые приезжали с большим количеством водки и гуляли всю ночь. Николай Петрович не любил спиртного, быстро навел порядок, и многие, во избежание служебных неприятностей, начали размещаться сразу у своих охотничьих озер, в радиусе до пятнадцати километров. А озер – более десятка. Эти два, у

базы, оккупировало начальство со своими гостями. Уж очень удобно – в любую ветреную погоду по протоке выплывать на озерный простор.

С небольшим интервалом подъехали еще три машины. Порасспрашивали: что, где, как?.. И уехали на свои излюбленные места.

Уже к вечеру, часам к семи, одной компанией прибыли две “Нивы” и “Тойота”. Машины проехали через мостик и встали под березами у окон избушки. На “Нивах” – заводское начальство: на первой – замдиректора с другом, на второй – бывший секретарь партбюро с неизвестным старику человеком. “Тойота” вообще пришла впервые, на ней – четыре работника коммерческого банка, сотрудничавшего с заводом. Так сказал зам, знакомя с ними егеря.

- Николая Петровича не будет, – сразу предупредил зам. – Занимается делегацией из Германии, утрясает контракты. Мы сегодня малость погуляем в этой большой комнате.

Они сдвинули два стола (второй принесли из хозблока) и выставили на них батарею всевозможных бутылок, наложили закуски. И началось пиршество.

При Николае Петровиче ничего подобного не разрешалось. Могла быть одна бутылочка коньяка: по одной-две рюмочки на брата.

“Ну и пусть себе гуляют, – подумал егерь, – если им захотелось, ничто уже не остановит...”

Старик сходил к колодцу, принес ведро холодной воды. Ему предложили сесть за стол – он отказался.

- Я буду спать в хозблоке, в машине. Там у меня есть матрац, одеяло. Вам всем приготовлю лодки, чучела. Утром на озере будет гусь, казарка. Можно пострелять. Подниму всех рано...

Все наперебой начали расспрашивать: “Какие гуси, где? На озере сидит утка, и той мало...”

- За ночь гусь и казарка, что идет сейчас под небесами, соберется на большом озере на отдых. Утром, по темноте, ее можно подкараулить...

Старик приготовил на протоке лодки с чучелами, и они вместе с Найдой еще долго сидели на берегу. Что-то неприятное, тревожное, не покидало его сердце, с самого утра. Петрович с его опытом знал, что в эту субботу-воскресенье должна подойти казара, обещал обязательно приехать.

Смеркалось. К протоке торопливым шагом подошел напарник зама.

- Сергеевич требует тебя к себе, – уже пьяным голосом заявил он егерю.

Когда старик вошел в избушку, все пели песню. Увидев его, замолчали. Зам встал, пошатываясь, спросил:

- А у нас есть гусиные резиновые чучела?

- Есть, – ответил егерь. – Их по два положил в каждую лодку, в вашей – четыре.

- Молодец! Вы все слышали – у нас на базе все есть. Я же вам говорил...

Старик сошел с крыльца, немного постоял. За углом услышал два пьяных голоса. Один еле-еле картавил:

- Николай Петрович зарывается, не хочет с нами делиться. Заботится о заводе, а заводу все равно – труба. Деньги по контракту должны поступать из Германии к нам, в банк. А уж мы ими распорядимся, как – придумаем. И он бы получил свою львиную долю...

Второй голос, менее пьяный, уверенно вторил:

- Он этого не понимает или не хочет понять. Он встал поперек дороги не только нам. Посредническая фирма этого не допустит. Там крутые ребята. Ведь речь идет о миллионах долларов. Играет с огнем...

Кто-то громко стукнул дверью сзади. И голоса моментально стихли.

Старик незаметно скрылся в другую сторону и направился к хозблоку. В висках у него стучало: “Играет с огнем...”

Залез в “Ниву” на приготовленную заранее постель, но заснуть долго не мог.

* * *

Так вот в чем дело. Вот почему Петрович в последние два приезда на охоту часто задумывался, отвечал невпопад. Даже перестал шутить и смеяться. Эту перемену старик сразу уловил, но как спросить о том. Да и имеет ли он на это право.

У Николая Петровича жена – доктор медицинских наук, может, чего с ней? Сын – в Москве, дочь – в Ленинграде. Очень обеспеченные, совсем перестали звонить родителям. Возможно чего с ними – так думал раньше старик. А оказывается – вот оно что!

Николай Петрович относился к старику слишком уважительно, иногда называя его при всех: “отец”. Заботился о нем постоянно. То мешок сахара везет, то ящик консервов. То, как табельное обеспечение егерю, охотничий костюм, валенки, уйму всяких боеприпасов.

- Афанасьевич, – говорил он, глядя в глаза, – ты для меня роднее родных. Не отказывайся, бери. Не в службу, а в дружбу. Мне это доставляет радость. Мы же с тобой – настоящие охотники...

Да, Петрович, как настоящий охотник, мог сидеть днями на озере, глядеть на чучела и воду, на прибрежный камыш, на осенний золотистый лес и слушать, слушать озеро. Он полюбил природу всей душой, безотчетно, еще с малых лет. И остался ей верен – став директором завода.

Тем летом, в июне, он прислал к нему (в такую даль!) свою машину с запиской от председателя правления областного общества охотников и рыболовов Виктора Андреевича Кирина. Тот писал, что в июле областное общество проводит на охотбазе озера Тениса (где работал когда-то Афанасьевич) семинар для егерей области. Выступят ученые-биологи, специалисты охотхозяйств. Для обмена опытом работы намечены 3-4 сообщения егерей. И его – Афанасьевича, первым, главным...

Виктора Андреевича он знал еще как егеря Петровского совхоза, позднее несколько раз бывал в его кабинете, когда тот работал замом областного общества. Сейчас он – председатель, знающий свое дело, уважаемый среди охотников.

Виктор Андреевич писал о воспроизводственном участке Афанасьевича, где тетерева и зайцы живут в ста метрах от охотбазы. Такого на других приписных участках нет.

Воспроизводственные участки – дело будущего, без них не обойтись.

Старик долго соображал над запиской. Его база – особая, отдаленная. Проезд на воспроизводственный участок – только через мостик. Вот и сохраняются тетерева и зайцы. Но и то недавно на протоке перестреляли всех уток, а зимой на “буранах”, объезжая стороной избушку, браконьеры уже два года шныряют в его лесах. Так что особенно хвалиться нечем...

От их завода на 105 километре от города есть еще одна – основная – охотбаза. Она расположена на большом озере Лебязье. Много рыбы в нем, глубокое, кормовое. Той базе – два десятка лет. Егерь живет там с семьей. Николай Петрович, помимо двух домов, построил три летних вагончика – на десять человек каждый. Одновременно могут разместиться на базе 40-45 охотников. Летом приезжают с семьями, собирают ягоды, грибы, рыбачат. Но там после открытия охоты не увидишь в округе ни утки, ни тетерева. Нет даже сорок и птичек. Всю живность разгоняют в первые же дни...

Афанасьевич на семинар не поехал. Ему не хотелось вспоминать свое егерство на той базе, оживлять неприятное, связанное с отъездом, а точнее с бегством от мародеров.

... В середине сентября того года Петрович заранее предупредил его, что приедут иностранные туристы. Разговор был в воскресенье, а в четверг к базе подкатил комфортабельный микроавтобус “ДАФ-400” в сопровождении “Нивы” и двух ГАЗ-69. Из “Нивы” вышел зам начальника управления охотхозяйства области Виктор Антонович. Крепко его приобнял, улыбаясь сказал:

- Принимай гостей, Афанасьевич, и неделю будешь с ними. Я сегодня уеду обратно в Омск – уйма дел. Завтра провезешь их по местным озерам, а послезавтра – через Колосовку на Тару. Там найдешь Смирнова, директора госпромхоза, он отвезет вас в тайгу. Из туристов – всего один охотник, остальные трое фотографируют, снимают кино. За этим и приехали в Сибирь: запечатлеть нашу природу...

Виктор Антонович отведал приготовленную уху, прошелся вдоль протоки, подозвал Афанасьевича.

- В двух машинах ГАЗ-69 есть все необходимое: продукты, спальные мешки, боеприпасы... Итальянцев четверо, с ними – переводчик. В газиках – мои работники. Но ты – за главного. Что надо туристам – будете спрашивать через переводчика. Так что, действуй. Я поехал...

Он легко вскочил в “Ниву”, газанул. И – только след простыл.

Афанасьевич, ежедневно от темна до темна, провел с туристами неделю, мотаясь по всей области: то на Тенис, то в Тевриз, то в Баировский заказник, то в Степной... Он им понравился, как они признались, своей симпатичной внешностью – бородой, открытым приветливым взглядом, кряжистой фигурой. Кто-то из них назвал его “таежник”... Ему самому тоже приглянулись гости: простые, улыбчивые, любознательные. Охотник, очень сильный стрелок (это понял Афанасьевич по первой охоте с ним), имел в Италии свой небольшой оружейный завод, занимался стендовой стрельбой. И в конце недели, перед самым отъездом, уговорил Афанасьевича свозить его на омский стэнд...

Еще не успел старик забыть итальянцев, как Петрович через неделю вызвал его в город, на завод.

В кабинете Николая Петровича находилось несколько военных и начальник управления охотхозяйства Борис Иванович Мишкин, который убежденно говорил присутствующим:

- Природа не оскудела. Сибирь – традиционно охотничий край. “Край зело богатый разным зверьем и птицей”, – именно так было сказано 400 лет назад о Тарском уезде, занимавшем всю территорию современной Омской области. И сегодня наш край действительно богат лесами, реками, озерами и обитающими в них зверями, птицами, рыбами...

Афанасьевич, слушая Бориса Ивановича, вспоминал встречи с ним в тайге, в городе, в его рабочем кабинете, и совместную охоту на лосей. Очень уважал его за острый ум, знания в области охоты, за организаторские способности. А как человека веселого, доброго, порядочного – полюбил с первого раза.

Борис Иванович, сославшись, что его ждут в областной администрации, пожелал удачной охоты и покинул кабинет. Военные прилетели из Москвы, тоже на охоту, по случаю юбилея генерала, высокого, горбоносого, которого все называли Александром Павловичем. Он был не просто генерал (в Омске есть генералы дивизий, военных училищ), а выше – генерал армии. С ним адъютант – полковник и еще два генерала. Его товарищи.

Николай Петрович представил им Афанасьевича, и они вместе на другой день на двух вертолетах улетели в Казахстан. Охотились на гусей у совхоза “Майский”, на скошенных полях, на профилях. На третий день прилетели на Тенис. На катерах объехали огромное озеро. Отсидели вечернюю зорьку. Еще через день направились в тайгу, на речку Туй. Глухари, тетерева, рябчики пополнили их охотничьи трофеи. Дичь они бережно укладывали в морозильные камеры на заводе. На пятый день, нагрузив сумки, чемоданы, гости собрались домой. У Николая Петровича, где присутствовал и он, распили бутылочку коньяка на дорожку, а ему на память генерал подарил армейский бинокль, который Афанасьевич бережет теперь пуше ока.

После отлета военных, Афанасьевич спросил директора:

- Почему с военными не полетел на охоту сам, или кто-то другой, почему выбор пал на меня?

Петрович рассмеялся:

- Дело случая. Я в Москве, когда приглашал их к нам, в Омск, показал несколько фотографий с охоты. На одной стоим мы с тобой. Генерал спросил: А это кто?.. Ясно... Шибко борода красивая, да и фигура могучая. Пусть будет у нас сопровождающим, когда прилетим...

Николаю Петровичу осталось только подчиниться – ведь завод находится в ведении генерала.

Куда бы они не прилетали, везде их встречала охрана. В Казахстане – казахская милиция, на Тенисе – оцепление военных вокруг охотбазы, на речке Туй – десантный отряд. Все службы заботились о нем. Наверное, слишком важной фигурой был генерал, коли Петрович просил никому не рассказывать про эту охоту, оставить ее в секрете.

* * *

Егерь проснулся от шороха, повернулся на другой бок, открыл дверцу “Нивы”. Найда, подумав, что хозяин приглашает ее, легко запрыгнула в машину.

- Что, замерзла, я же тебе постелил овчину. Ладно, грейся, – и прикрыл ее одеялом у своих ног. Машинные часы показывали пять часов. “Полежу немного и встану, – решил старик, – вскипячу чай, пока разбужу, умоются – как раз будет”.

Он еще вчера решил на вторник и среду, в дни, закрытые для охоты, поехать в Омск. Попроведает дочерей, отвезет им ведро клюквы, ведерка два карасей. Живут они хорошо, в его помощи не нуждаются. В свое время он сшил им по шапке из соболей, а мужьям – ондатровые. Но зятья разбогатели – носят уже шапки из норки.

Конечно, главное – он хочет повидать Петровича. Надо накануне, как ехать, подстрелить на болоте с пяток крякашей.

... Охотники, хотя и хмельные, встали быстро. Умылись, попили чайку. Но работники банка заявили: “Выплывать – рано, посидим, покурим. А поедем на озеро поближе, сядем в скрадки у протоки”. Зато заводчане дружно двинулись к лодкам.

Тихо, не стуча веслами, выплыли на чистину, прошли направо вдоль берега. Секретарь с напарником сели на первый мыс. Их разделяло расстояние в тридцать метров.

Зам с другом высадились на второй мыс, друг от друга метров за сто. Зам вообще не хотел садиться рядом, но егерь настоял: озеро глубокое, осень, мало ли что?..

Договорились: в уток вначале не стрелять, только по гусям.

Казарка, редко переключаясь, сидела далеко в центре, в темноте трудно было определить: много птицы или мало...

В небе вроде светало, возле лодки тихо переливались мелкие волны. Поставив заму чучела, егерь потихоньку уплыл назад.

В протоке у берега его ждали двое банковских работников, двое других решили идти на болото, собирать клюкву. Выехав на озеро, сразу у протоки, на двух курешках выставили чучела. Сюда хорошо идет утка, казарка налетит едва ли.

У Афанасьевича тоже лежали в лодке ружье, чучела и патроны, с крупной дробью (три ноля). Проследовав метров триста влево, к противоположному от зама берегу, он заплыл в маленький

островок камыша, не выставив даже чучел. А рассвет медлил, не наступал, хотя в высоком звездном небе со стороны востока все ширилась светлая полоса. Над водой же стоял полумрак. Старик сидел, отдыхая и наслаждаясь прохладой.

Неожиданно в центре озера загоготали гуси, следом раздался тысячеголосый крик казарок. Озеро – словно и не дремало. В воздухе зашумело, загудело. Стаи птиц поднимались с воды, но прежде чем покинуть озеро, они делали над ним несколько кругов, набирая высоту. Наверное, гуси надлетели над замом и его напарником, так как подряд прогремело несколько дуплетов. И почти одновременно на старика с озера, низко, нашла небольшая стая. На фоне светлого неба птицы выделялись четко. Привычным движением, слегка сделав поводок, он выстрелил из левого ствола по трем летевшим вплотную, затем из правого – по одному, рядом. Он услышал, как о воду ударились два гуся, затем еще один. Прислушался. Всплесков не было. Значит – намертво.

Прошло немного времени. С противоположного берега раздалась снова дуплеты. Старик видел, как стаи птиц переместились в его сторону, но летели уж слишком высоко. И лишь одна стайка казарок, не успев набрать высоты, прошла невдалеке от него. Охотник прицельно, раз за разом, сдуплетил. Одна птица кувыркнулась сразу, вторая, протянув метров пятьдесят, камнем оборвалась вниз.

Старик, перезаряжая ружье, видел, как первая казарка с перебитым крылом быстро уплывает в сторону береговых камышей. Уже далеко, за пределами верного выстрела, он дважды подряд, чуть прицеливаясь, ударил по птице. И обрадовался: заряд дроби успел догнать ее, она закружилась на воде и затихла...

Сколько на стрельбу ушло времени – трудно сказать. Все пролетело, как единый миг. Но на воде заметно посветлело, а вверху – совсем рассвело.

Крик гусей и казарок давно уже затих в вышине, лишь кое-где звенели над озером крылья гоголей. То выше, то – ниже.

“Значит, и гоголь подошел, и может подсесть к чучелам”, – прикинул про себя егерь.

Выехал, собрал убитых птиц, подплыл к камышу и медленно, вдоль берега, погреб к базе. Со свистом мимо пронеслась стайка чернедей. Он видел, как утки сели в чучела к банковским охотникам. Два дуплета, один за другим, хлестко ударили по воде.

Часов в 11 охотники разом, вместе выплыли на охотбазу. Восторженные голоса, громкие рассказы, восклицанья наперебой – все говорило об удачной охоте.

Зам убил трех казарок и семь уток, секретарь – двух казарок и пять уток, а остальные по 3-4 утки. Старик свои трофеи пока показывать не стал.

В большой комнате накрыли на стол. Егерь налил всем в большие миски только что сготовленную им уху. С луком и перчиком.

Зазвенели рюмки, сопровождая хвастливые тосты...

* * *

Егерь обедать не стал. Пошел в "Ниву", полежал. Что-то внутри под сердцем беспокоило, пощипывало. Встал. Вместе с Найдой прошел вдоль протоки. Хотел поплыть и проверить сети, но, раздумав, вернулся к хозблоку. Сел под навесом. Небо полностью очистилось от легких белых туч. Солнце светило ярко, играя радостными лучами на позолоченной, еще не облетевшей листве берез, на желтых метелках высокого камыша вдоль протоки, на дальних таловых ветках за мостиком. И вдруг, в дальних кустах блеснуло стекло, резко, необычно. Пригляделся – ничего не видно. И снова – луч, как прожектор. Это уже не показалось.

“Фу, что за черт, что там может быть?” – подумал старик и открыл дверь хозблока. Взяв из "Нивы" армейский бинокль, навел на кусты и увидел “Тойоту”, точно такого же цвета, какая стояла у избышки с “Нивами”.

Присмотрелся: возле машины – три человека. Один, взяв полушубок, ушел за кусты. Второй, открыв дверцу, стал возиться в машине. Третий с биноклем, крутил головой то вправо, то влево. Потом положил окуляр на капот и влез в машину. Сел рядом, прикрыв дверцу. И все...

Пять минут, десять, пятнадцать – спокойствие. “Тойота” стояла в плотных талах, старик хорошо знал то место, где не раз останавливались другие машины, заслонившись густыми ветвями от ветра и дождя. Это от мостика – всего метров триста будет, считай рядом.

“Наверное, кого-то ждут, договорились здесь встретиться – такое бывало не раз. Но зачем бинокль? – размышлял старик. – Если раньше кто-то и ждал, то машины для егеря были, в основном, все знакомые. А эта “Тойота”, для него не знакома. Что-то здесь не так...”

Егерю стало невтерпеж от любопытства. Он прошел к лодкам, сел за весла и, выбравшись из протоки, свернув налево, подплыл к первой пристани. Потихоньку вышел, не звякнув ключинами,

прошел через камыш – до первых талов. Впереди – разрыв, чистое место, а метров через сорок – те талы, где стояла машина. Вокруг – тишина, ни звука. Машины не видно.

Мягкими шагами, крадучись, егерь пересек прогалызину, вошел в талы. Вот и узкая, травяная дорожка, по которой приехала “Тойота”. Прошел по ней метров двадцать – и увидел машину...

Из кабины слышалась музыка. Двое на переднем сиденье разговаривали меж собой. Бинобль лежал на капоте. Старик подошел вплотную, и только тогда сидевшие увидели его. Выскочили из машины, засуетились, начали что-то наперебой спрашивать.

За эти доли секунд старик разглядел богатый салон. На заднем сиденье лежала короткая винтовка с оптическим прицелом, с утолщенной частью цевья. “Наверное, глушитель, – соображал егерь. Двое молодых людей как-то странно продолжали его расспрашивать: “Что здесь за охотбаза? Почему наших знакомых на второй “Тойоте” так долго нет. Здесь у нас встреча...”

Егерь, прикидываясь простаком, показав на “Тойоту” у домика, сказал:

- Так вот она...

- Нет, нет у нашей – цвет черный, – наперебой заверяли они...

Одетые в кожанки, с короткой стрижкой, с толстыми шеями, – они походили на “добрых молодцев с большой дороги”.

Неслышно сзади подошел третий, мужчина, уже в годах. Держа в руках шубу, протянул зевая.

- А я задремал на солнышке, как кот. Надо ехать. Давайте в машину. Быстро...

Повернувшись, старик увидел широкое лицо с приплюснутым носом – и сразу вспомнил озеро Тенис, трех из УВД, его избиение. “Да, как две капли воды, – подумал старик, – только старше стал”. Здоровяк вздрогнул, заметив пристальный взгляд старика, и полез в машину, на заднее сиденье. Винтовку уже кто-то прикрыл плащом.

“Тойота” медленно попятилась. Вперед проезда не было, машина стояла, как в гараже, и выехать можно только назад. Старик, не зная, что предпринять, глянул на номера, но они оказались густо замазанными грязью. Других особых примет у машины нет...

Егерь, внутренне взволнованный, а внешне абсолютно спокойный, вернулся на охотбазу. Гулянка продолжалась. За стол подсели уже двое вернувшихся ягодников. Внимание на егеря не обращали. “Надо ли рассказывать, беспокоить их? Не стоит”, – решил старик, и незаметно вышел.

Он прошел в хозблок, залег и думал: “Ну, скажем, я сейчас на своей “Ниве” поеду за ними. Догоню. А дальше что?”.

... К вечеру подпитые охотники просмотрели в бинокль плес Большого озера. Зеркало было пустым. Решили на вечернюю зорьку не ехать. Лишь зам с напарником, взяв у егеря десяток сетей, выехали на озеро. Ставя тычку за тычкой, стали от камыша растягивать ярус к центру.

- Надо поехать, хотя бы водичкой поплескаться, – сказал перед выездом зам егерю, – ночь длинная, успеем выспаться...

Все остальные дружно потопали на болото – пособирать клюкву.

Егерь, оставшись один, с биноклем в руках осматривал всю округу, но не видел ничего, никого...

... Утренняя зорька была чиста и прохладна. Выстрелы на озерах звучали редко.

Приготовив карабин, заведя “Ниву”, егерь проехал до места, где вчера стояла “Тойота”. Пусто. Выходит, ее хозяев охотники, что были на базе, не интересовали. Так кто же им был нужен? Если Николай Петрович, то они на авось не поехали бы в такую даль, они нашли бы способ узнать: едет он на базу или нет.

В десять утра охотники выплыли на берег. Только зам взял двух гоголей, остальные – впустую.

Стали собираться домой. Егерь съездил на озеро, снял сети. За три дня попало около двух десятков крупных карасей. Маловато. Он достал из садка ведра три мелкой рыбы и рассыпал ее в восемь целлофановых мешочков, положив в каждый немного ряски и осоки. Так ряба до города сохранится живой.

Когда все стали садиться по машинам, егерь раздал мешочки с рыбой, а заму преподнес двух гусей, что вызвало всеобщее удивление и восхищение.

- Откуда гуси? – спрашивали они. – На озере была, в основном, казарка. Егерь рассмеялся и ответил:

- Я же стрелял рядом с вами. А вот еще один, самый большой гусак и две казарки: это прошу передать от меня Николаю Петровичу. И мешочек с крупной рыбой – ему же...

Зам поблагодарил старика, пожал на прощание руку. И машины в двенадцать часов тронулись на город.

Старик остался один.

Воздух к обеду нагрелся, кое-где снова замелькали нити паутин. “Смотри-ка, погода держится... Будет еще несколько теплых дней”, – определил егерь.

Он сидел на крыльце, "Нива" стояла рядом. Бинобль и карабин – не на заднем сиденье, как обычно, а справа на переднем сиденье. “Боевая готовность номер один”, – пошутил про себя егерь. Он-то знал, что меры безопасности мало помогут. В любую секунду может прилететь пуля в лоб – и не узнаешь ни на этом, ни на том свете, как это случилось.

“Отличные винтовки с оптическим прицелом поражают точно на большое расстояние. Не надо близко подъезжать им к охотбазе” – размышлял он, вспоминая опасные случаи из своей жизни. Да, он мог погибнуть уже не раз за 71 год, попадая в дорожные аварии и другие несчастные случаи.

В памяти осталось, как двенадцатилетним пацаном он решил вбить капсуль в заряженный патрон. Гильза старая, капсуль выпал, и он тихим постукиванием молотка вгонял ее обратно, на место. И патрон выстрелил, хорошо, что не взорвался, а то бы выжег глаза, покалечил. Гильза со страшной силой ударила в потолок, пробив доску. Она просвистела у его лба...

А еще, в четырнадцатилетнем возрасте с другом Сашкой не могли вытащить из берданки заряженный патрон после нескольких осечек, сделанных по уткам. Зацеп выбрасывателя мало прихватывал края гильзы, и затвор берданы натер ладонь от сотни передергиваний. Тогда он, не соображая, что может быть, поставил бердану прикладом на землю и начал бить ногой по затвору. Тот срывался с гильзы, отходил назад и с силой возвращался обратно. При ударе ногой натягивалась боевая пружина, и в один из моментов затвор с большой силой ударил бойком по патрону, который считался уже негодным. А патрон на этот раз – возьми, да и выстрели... Конец ствола находился впритык к голове, дробью сорвало шапку. Голова осталась целой. Зато затвор, ушедший в землю на метр, они обломками палок выкапывали полдня...

Но это детство – несмышленое и наивное.

А сколько раз, уже взрослым, он попадал в подобные глупые ситуации. Только тонул около десятка раз. Однажды на Тенисе он вывалился из раскладушки в ледяную воду на глубине около трех метров, и спасся чудом...

Как-то в Казахстане, когда на ГАЗ-69 мчались они с другом со скоростью 90 километров, у них отломилась рулевая тяга. Машина перевернулась не сразу, а вначале медленно тормозилась водителем и шла по прямой. Скорость почти погасла, и ГАЗ-69 только тогда рухнул в кювет... А если бы сразу?..

Он почти никогда никому не рассказывал об этих злключениях. Ведь и другие охотники имели их немало.

- Если бы жена знала, сколько раз я мог погибнуть на озерах, она легла бы на порог, и не пустила меня на охоту, – как-то признался ему, посмеиваясь, сам Николай Петрович.

... Старик вошел в дом, убрал со стола, вымыл посуду. Прилег на кровать. Задремал. Залаяла Найда. Резко подскочил, бросился к дверям. Через мостик, тархтя и чихая, полз старенький ГАЗ-67. Остановился у окна.

Из него вышли трое очень знакомых, дорогих ему людей: Иван Федулович, рабочий их завода, зять его – Виктор и светловолосый мальчик двенадцати лет, Олег. Обнимая подбежавшего к нему мальчика, старик ворчал:

- Опять сбежал из школы. Это нехорошо. Учиться надо...

- Нет, деда. У нас школа целиком снята на картошку, на всю неделю. Мы с отцом отпросились.

Виктор – водитель, жалуясь, рассказывал:

- Далеко сюда. Машина – старая. Вначале отказал бензонасос, я исправил. Потом стал греться мотор. Тут я не смог установить причину. Сейчас займусь...

И с этими словами он поднял капот, из-под которого валил пар.

Пока из машины вынимали вещи, егерь быстренько приготовил уху и усадил всех за стол, приговаривая:

- Дорога дальняя, проголодались небось. Утки на озерах мало, да и погода не охотничья: теплая, без ветра. Но вы – мои любимчики, для вас есть у меня в запасе одно болото с крякашами. Его никто не знает, кроме Петровича. Утром потемну утка улетает на поля кормиться, а вечером в темноте, возвращается на болото спать. Полная конспирация. Как отбомбили ее на открытии, утка сразу поумнела. И, вообще, крякаш – самый осторожный, хитрющий.

Виктор поставил на стол бутылку водки.

- Афанасьевич, давай всем рюмки. Мне завтра – в город, на работу, вернусь сюда только в пятницу. И сегодня мне можно выпить.

Афанасьевич и Иван Федулович (непьющие) Виктора уважили и выпили по одной стопке. Остальное употребил Виктор.

- На охоту едем в восемь вечера, – сказал после обеда Афанасьевич. – Так что Виктор может продолжить заниматься своей машиной, а вы, если хотите, ставьте сети...

Иван Федулович – невысокий, подвижный, крепкий – собрал все сети в два мешка, взвалил на плечи. И с Олегом двинулись к озеру.

Егерь осмотрел в бинокль округу и решил проверить мордушки. Двигаясь к протоке, размышлял о приехавших:

“Виктор женат не на родной дочери Ивана Федуловича, у того вообще не было детей. Жизнь у Федуловича с самого начала не заладилась. Столько всяких бед, несурязиц выпало на его долю. С первой женой он разошелся как раз из-за бездетности, в чем виноватым признали врачи его. Оставшись один, он сосватался к вдове, имеющей сына и дочь – взрослых. Сын к тому времени женился и жил отдельно. И втроем они прожили недолго. Дочь вышла замуж за Виктора и ушла к нему на квартиру.

В 3 комнатной квартире остались вдвоем. И тогда Иван Федулович, а ему стукнуло уже пятьдесят, уговорил взять из детдома приемного сына. Так и сделали. Олежка живет у них пятый год.

Иван Федулович брал нынче отпуск летом: приезжал по ягоды и грибы, но недельку оставил на сентябрь. Конечно, для охоты его приезд рановат, но он заядлый рыбак, а для рыбалки – в самый раз.

В восемь часов, как по команде, все собрались у крыльца с ружьями. Сели в ГАЗ-67 (так настоял Виктор, желая проверить машину после ремонта). Подъехали к небольшому болотцу, заросшему камышами, с редким мелким березняком, наполовину сгнившим от сырости. Старик на дальний плес послал Виктора. Влево – к талам – Ивана Федуловича. А сам с Олегом по высокой кочкаре вышел к небольшому плесу в осоке и редком камыше, где вода не достигала колен.

Смеркалось, но птицы не было. Олег, держа старенькую бельгийскую двустволку, стоял в кустике камыша, вертя бесперечь головой. Он три года подряд ездит сюда на базу, охотится только с Афанасьевичем. За это время заметно подрос, окреп. Старик, не опекая его, как раньше, присел рядом на высокую кочку, наблюдая за его движениями.

- Деда, ну когда они прилетят. А может их не будет? – нетерпеливо повторял Олег, поворачиваясь к старику.

- Нет, птицы прилетят. Видишь, на воде свежий пух, свежие насидки на кочках...

Уже стемнело совсем. И лишь в сторону зари, на небольшом плесе различались отдельные камышинки и кочки.

Внезапно просвистели крылья, следом – шлепок о воду. Старик видел, как мальчик долго выцеливал, как вырвался из ствола язык огня. Грохнул выстрел. Олег, отдав ему ружье, бросился на плес. Вернулся, держа в руках большого красавца-селезня. Старик вернул ему ружье, предупредив:

- Будут еще, но не крутись, не разговаривай.

Не прошло и пяти минут, как на плес села целая стая. Выстрел... Взлетая вверх, утки на какое-то мгновение словно замерли в свете зари. Но второй выстрел не прозвучал...

- Олег, почему ты не стрелял в утку на подъеме из второго ствола?

- Деда, а я забыл про него. Я все смотрел на утку, в которую стрелял. Она сильно трепыхалась.

Олег быстро сходил на плес и принес второго селезня. Старик его похвалил, но строго добавил:

- Ходи медленнее, брызги летят, ты уже вымок...

В это время со стороны других плесов раздалось несколько дуплетов. И все стихло. Но Олег стоял и терпеливо ждал, пока заря не исчезла совсем. Когда они с Олегом подошли к машине, увидели две фигуры. Первый охотник, ближний, держал в руках шесть крякашей. Это был Виктор. Иван Федулович взял четырех.

- Молодцы, – одобрительно произнес егерь. – а Олег стал настоящим стрелком, может охотится и один. – Добавил старик, похлопывая по плечу счастливого мальчика.

* * *

Утром егерь разбудил одного Виктора. Ивану Федуловичу с Олегом после дальней вчерашней дороги он дал выспаться. Да и нужды выезжать на зорьку, не было. Птицы на озере – нема.

Виктор к девяти часам, сняв сети, выплыл на берег.

- Выстрел за сто метров сделал, отметился, – смеясь доложил он егерю.

- Но зато вволю насмотрелся на чучела свои. Красиво ведь плавают, – поддакнул зятю Иван Федулович.

Рыбы попало в сети с полведерка, но Виктор остался доволен.

- Надышался на неделю – заключил он, и стал готовить машину к выезду.

Иван Федулович с Олежкой развесили сети на вешалы и принялись выбирать золотистых карасей.

... Виктор работал тоже на заводе, слесарем в гараже. “Он, может, чего знает от водителя Николая Петровича, почему они не поехали на охоту”, – подумал егерь и спросил о том Виктора. Тот

рассказал, как шофер Николая Петровича отпрашивался на субботу-воскресенье в деревню к родным покопать картошку. Но шеф пообещал отпустить его на понедельник-вторник, а в субботу машина в полной боевой готовности для выезда снова, как и в пятницу стояла до часу дня, после чего был дан отбой. Водитель очень расстроился, потеряв день...

У Афанасьевича в голове пронесся вихрь новых догадок. “Те, на “Тойоте”, точно знали, что директор будет на охоте. Уехали на базу раньше...”

Виктор собрался, сложил в багажник всех крякашей и еще два ведра рыбы из садка, и уехал. Иван Федулович, обнаружив очень много порывов в сетях, принялся их чинить, взяв в руки челнок с леской. Олежек подошел к старику.

- Деда, я пойду с Найдой в лес: есть ли в ряму еще брусника? Там красивое озерцо, посижу возле.

- Конечно. Иди, гуляй. Брусника перезрела, но все равно вкусная. Только ружье не бери.

Олег вприпрыжку, с Найдой, убежал в лес.

Афанасьевич приготовил чай и пригласил Ивана Федуловича в комнату: посидеть, поговорить. Тот был членом завкома, много читает газет и журналов, знает обстановку в городе.

Сначала Федулович с егерем составили план дел на неделю, до пятницы.

И только после этого Афанасьевич осторожно, полунанеками, расспросил о нынешних делах директора, об его охране.

Иван Федулович, не заподозрив в вопросах старика ничего особенного, откровенно объяснил: “Зарплата не выдается уже три месяца, заказов нет, производство останавливается. Выхода не видно...”

- Вся охрана директора – его личный шофер. Довез до дома – высадил, посмотрел по сторонам и уехал. У других директоров есть получше охрана, но если кому-то надо кого-то убрать, то охрана не спасет. И концов не найдешь...

Иван Федулович еще долго рассказывал о различных случаях убийств в Омске, Москве, но Афанасьевич уже плохо слушал, понимая одно: Он не в силах хоть как-то помочь Николаю Петровичу. Но в Омск все равно поедет, чтобы рассказать о визите пассажиров “Тойоты”. Поедет в среду утром, так как Олег очень просил его завтра, во вторник, съездить с ним на озеро, на утреннюю рыбалку, поудить на новые удочки. Удиль карасей – самое его любимое занятие.

Вечером Федулович выставил на стол принадлежности для зарядки патронов, порох, дробь. Разложил гильзы, пыжи, капсуля. Он не успел зарядиться в городе, и решил это сделать завтра с утра.

- Если даже патронов пятьдесят приготовить, то тебе одному придется возиться до обеда. Может, мы с Олегом поможем, – предложил Афанасьевич.

- Нет, Олег привез две новые удочки. Столько у него разговоров о рыбалке. Вы поезжайте, я все сделаю сам. Нам с Найдой будет не скучно...

* * *

Старик проснулся рано, вышел на воздух. Небо – в звездах, прохладно. “Надо Олега одеть потеплее...”

... Они с Олегом уплыли далеко от базы, где на мысу, в камышах, образуется весной речка, а летом сохраняется чистая, глубокая протока. Рыба любит такие места. Старик воткнул возле бортов в илистое дно две крепкие тычки и привязал к ним лодку – для устойчивости. Лодка, удлиненной конструкции, имела два сиденья. На переднем – Олег с удочками, на заднем – он. Ружья они не взяли (вторник – закрытый для охоты день), а сзади на рюкзаке лежал и бинокль и маленький садок под рыбу.

Олег выловил одного за другим несколько карасей. Золотистые в лучах утреннего света, рыбки излучали радужный свет. Вода серебристыми каплями срывалась с них, пока они трепыхались на крючке.

Солнце, багровое и неестественно большое (старику теперь многое казалось необычным), наполовину приподнялось из-за леса. Он опустил садок за борт, в нем плескались уже около десятка резвых рыбок.

Где-то далеко, у базы, прошумел мотор. Кто?.. Откуда?..

Дорога на охотбазу проходила рядом с ними по берегу, и машина могла пройти только мимо них. А эта, у базы, откуда?..

Старик с биноклем приподнялся, направляя его на мостик, где уже встал иностранный вездеход красного цвета. Солнце поднялось полностью, и от его лучей алела вся машина. Даже боковые стекла казались зловеще багровыми. Из машины вылезли трое, открыли багажник, что-то достали. Видно сразу – торопятся. И через мостик быстро пошли к базе. Передний, здоровяк, прижимал правой рукой к животу что-то металлическое, а в левой руке держал лопату. Двое, поменьше ростом, несли по канистре.

У старика, словно, сердце оборвалось в груди. “Это те, трое, что были. Машина – другая, похожая на американский “Джип”.

Через секунды троица достигла базы. Здоровяк моментально приставил лопату к дверям. “Подпер дверь”, – мелькнула мысль у старика. Двое из канистр поспешно поливали стены домика.

“Где же Иван Федулович, Найда?” – задыхаясь от волнения, соображал Афанасьевич.

Хлестко, словно дробью по жести, ударила автоматная очередь. Афанасьевичу еще с войны врезалась в память такая стрельба. Здоровяк, стоя перед окном, строчил в него, держа автомат у живота, как это делали фашисты...

- Олежек, беда, – прохрипел старик, – поплыли скорее на базу. Олег глянул на Афанасьевича, бледного, трясущегося. Потом перевел взгляд на базу, которая наполовину возвышалась над таловыми кустами. И вдруг увидел, как огромное пламя взметнулось вверх, сразу охватив весь домик. Старик быстро отвязал лодку и изо всех сил погнал ее вдоль берега к базе. Весла были одни. Олег смотрел на пожар, съежившись, еще ничего не понимая толком. Егерь, сидя спиной вперед, несколько раз оглядывался на избушку, скрипел зубами. По лицу катились ручьи пота.

Минут через десять лодка подошла к протоке. Слышно было, как трещали сухие бревна, пламя гудело мощно, со свистом. Над избушкой стоял высокий столб огня. И здесь раздался треск, потом грохот. Старик вскочил и увидел: крыша рухнула вниз. Избушки не было – на ее месте пылал огромный костер. Исчезла и иномарка, из-за треска бревен не слышен был звук мотора.

“Все, конец!” Силы разом оставили старика, но он медленно, по инерции, продолжал грести. Лодка ткнулась в берег. Олег стремглав выскочил, подбежал к базе. Афанасьевич, шатаясь, пошел вслед. В его голове промелькнула мысль: “Как в кино – в боевике, за считанные минуты... Не люди – звери, шакалы...”

К остаткам базы нельзя было подойти близко. Метров за двадцать от костра обжигала жара, искры далеко разлетались в разные стороны.

Олег плакал и бессвязно бормотал: “А где отец, что с ним?” – он воткнулся лицом старику в грудь, дрожа всем своим маленьким тельцем.

Афанасьевич, осторожно придерживая его за плечи, провел под навес, усадил.

- Подожди, Олег, может он в лесу, где-то рядом, с Найдой...

Тихие обманные слова старика глохли в треске и гуле пожара. Налетел ветер, и искры прилетели до самого хозблока, под навес. Егерь открыл гараж, завел мотор “Нивы” и поставил ее подальше от огня. Забрал с сиденья карабин и вернулся к Олегу. Сел рядом. Тот уткнулся ему в плечо, тихо рыдая и сильно вздрагивая.

- Деда, ну почему все это? Скажи, ты же самый знающий...

- Успокойся, мы все узнаем, – отвечал старик, думая о том, как ему теперь быть.

А огонь бушевал вовсю. Упавшая крыша, полуобгоревшие простенки приоткрыли печь, обнажили трубу. Все это было похоже на чей-то скелет.

Первую мысль, как только вылез из лодки: “Скорее в машину – и в погоню” – Афанасьевич сразу выбросил из головы, сказав про себя: “Я – не один, я отвечаю за жизнь мальчика...”

А Олег все плакал и плакал, уткнувшись ему под безрукавку, и старик ощущал его горячее лицо рядом со своим сердцем.

* * *

Сколько прошло времени с начала пожара, старик не представлял, когда на мостике показался мотоцикл с коляской. “Андрей, – определил старик, – наверное, пожар виден из Заозерной”. Мотоцикл подрулил к хозблоку, с него спрыгнул загорелый паренек в зеленой штормовке. Сочувственно кивнул на вовсю пылающий пожар и произнес, как бы успокаивая:

- На Мысах, неделю назад сгорел тоже дом. Но беда – ребенок задохнулся. Хоть и успели вынести из огня, а не смогли отходить...

Афанасьевич отвел его в сторону, и рассказал все, как произошло. На лице Андрея появилась гримаса страха.

- А не вернуться ли они обратно?

- Ты-то не бойся, ты им наверняка не нужен. Забери с собой пацана и привези сюда участкового. Надо составить протокол. Дело непростое – с преднамеренным убийством.

- А где взять милиционера, наш то в совхозе уволился...

- Возьми у соседей. Ты близко знаком с Николаем Петровичем. Это касается завода и твоего брата (тот работал там инженером). Словом, ищи, и чтобы после обеда милиционер был. Если что, звони в Тюкалинск. Те приедут, – уже жестко закончил разговор Афанасьевич.

Андрей понял, что надо покрутиться, сделать нужное дело. Ведь и мотоцикл ему брат достал через заводской спортклуб.

Афанасьевич, недолго уговаривая Олега, посадил его в коляску мотоцикла, строго сказав:

- Я утром приеду в деревню, тебя я не брошу. Ты мне всех дороже – поцеловал на прощанье в щеку.

Олег снова заплакал, судорожно вцепился руками в поручни. Мотоцикл круто развернулся, проскочил мостик и скрылся.

* * *

Оставшись один, старик с облегчением вздохнул: “Хорошо, что Олег уехал. Теперь можно подумать, разобраться в обстановке. “Итак, откуда появилась машина?..” Глаза егеря слезились от жары и пепла, от гнева и растерянности. “Хватит смотреть на огонь, поеду-ка к дальним талам. Гляну, что там...”

Он встал, сел в “Ниву” и через несколько минут был у таловых кустов, где в субботу стояла “Тойота”. Взяв карабин, осторожно прошел к месту стоянки. Так оно и есть: новые следы и две пустые коньячные бутылки. “Удивительно, какие наглые, – думал старик, – напали на базу среди бела дня, ничего не боясь. А вообще-то, по своему, они правы. Ночью, если на базе несколько человек, легко нарваться на охотничью картечь. Ночь есть ночь. А днем – с автоматом, и полная видимость. Стопроцентная безопасность...”

Но зачем палить базу, убивать егеря? В субботу он был рядом с ними, безоружный. Стукни его по голове железкой, закопай в ямку – и никто ничего не узнал бы. А здесь – пожар на всю округу, погиб невинный человек... А если это связано с Николаем Петровичем, то непонятно совсем... Они предупредили директора об опасности?..”

- Нет, ничего не ясно. Все перепутано, – уже вслух произнес егерь. Сел в “Ниву”, вернулся на базу.

... Алексей с милиционером, участковым соседнего совхоза, приехали к вечеру. Младший лейтенант, небритый и угрюмый, был неразговорчив и резок.

- Надо было вызвать следственную бригаду из Тюкалинска. Пусть фотографируют, проводят экспертизу. Я только составлю общий протокол на пожар. А на преднамеренное убийство, и все остальное, пусть заводят уголовное дело.

Он достал из папки бланки протоколов и начал заполнять, положив листы на капот “Нивы”. Потом дал их Афанасьевичу.

- Вот здесь опиши, как было, а здесь распишись.

Попросил и Алексея, предупредив:

- Будешь из понятых и свидетелей – распишись.

Алексей неохотно, присматриваясь к протоколу, расписался, отозвавшись:

- Я, кроме пожара, ничего не видел...

Афанасьевич, ожидая милиционера, снял чуни и безрукавку и, настраиваясь на официальный разговор, одел егерскую куртку, фуражку с кокардой, зеленые брюки и ботинки. Эта одежда лежала всегда в его машине.

Когда закончилось оформление протоколов, Афанасьевич взял один экземпляр, свернул, и сунул в карман своей куртки. Лейтенант подскочил к нему, дыша в лицо резким водочным перегаром:

- Тебе это зачем, не положено. Отдай...

Афанасьевич еще заранее решил взять хоть какой-то документ о пожаре: ему его надо было в сберкассу, получить деньги в Тюкалинске, куда перечисляли зарплату и пенсию. Сберкнижка, как и другие документы, сгорела в домике. Хорошо бы протокол предъявить в Тюкалинскую милицию. В Омске он снова пойдет на прием к своему знакомому, теперь полковнику, отвечающему за организованную преступность...

Милиционер настойчиво взял Афанасьевича за руку, но тот освободился, резко заявив:

- Вы полупьяны при исполнении служебных обязанностей. Я же могу написать на вас докладную...

Лейтенант, сплюнув, выругался и ушел за кусты “до ветра”. Алексей с первой минуты приезда все порывался что-то сказать старику и теперь, воспользовавшись моментом, зашептал:

- Звонили в обед из города в совхозную конторку, просили найти тебя и передать о срочном вызове в город. А зачем, толком не сказали, вроде как на похороны. А еще моя жена слышала в утреннем сообщении по радио, что в воскресенье на даче убили какого-то генерального директора завода. Фамилию не запомнила, хотя ей она вроде знакомая. А похороны объявлены на завтра, среду, на три часа дня.

Голову Афанасьевича пронзили искры: “Вот и развязка. Теперь все ясно, на какие приглашают похороны...”

- Я и так завтра с утра наметил себе поездку в город, – не открывая Алексею своих страшных догадок, ответил егерь. – Ты утром на тракторе с прицепом приедь сюда, сгрузим тебе лодки, сети, чучела. Только пораньше – понял?..”

- Понял – с готовностью ответил парень.

- Я останусь здесь ночевать, – продолжил старик – утром соберу косточки-останки Ивана Федуловича, сделаю могилку, временный крест. Покопаюсь в угольках, соберу стволы ружей, а их в домике было пять. Попрощаюсь со всем... С утра может приехать по горячим следам милиция из Тюкалинска. А хозблок, считай, под твоей охраной.

Вернулся лейтенант, и они с Алексеем сели в мотоцикл. Отходя от них, Афанасьевич услышал реплику милиционера:

- Ходит, как генерал, в фуражке, важничает. А всего-то, егерь...

* * *

Быстро темнело. Афанасьевич подошел вплотную к руинам избышки. Стены догорели, рассыпались в груды углей. В центре пепелища торчала закопченная печь. Она дышала чудовищным жаром. Чуть дальше чернели три пня от обгоревших берез.

- До утра остынет, на рассвете и займусь раскопками – решил старик.

Завел "Ниву" и отъехал к лесу. Задним ходом загнал машину в кусты. Совсем стемнело. Сидеть в машине стало неприятно. Взял в руки карабин, вышел и сел на поваленную бурей березу, которая лежала здесь уже третье лето и служила охотникам излюбленным местом для перекура. Впереди – поляна, и вместо домика – костер, потухающий, дымящий.

“Есть прицелы ночного видения на винтовках, – вспомнил старик, – а я как мишень, на виду. Ну и пусть. Чему быть – того не миновать”.

Положив на колени карабин, наклонившись слегка вперед, смотрел невидящим взглядом в пустоту.

Он сидел тихий, молчаливый, спокойный...

Он был готов ко всему...

* * *

В глаза ему ударила резкая вспышка света. Яркая, с болью.

Старик вздрогнул, шире открыл глаза. Это от сильного порыва ветра вспыхнул, ожил костер. С новой силой воспламенились угли. Четко обозначилась печь с трубой, очень похожая на паровоз, с огненной топкой снизу.

Афанасьевичу на ум пришли слова из песни:

“Наш паровоз вперед лети. В коммуне – остановка...”.

- Вот и долетели. Вместо коммунизма – глухой тупик, мертвый, – с горечью прошептал про себя старик.

Он прикрыл глаза и задремал. Ему снова, как и все последние ночи, снился мальчик. То он был похож на Сашку и Петьку, друзей его детства. То ему казалось: это он сам идет к себе из прошлого, из темноты. А вот сейчас близко, вплотную увидел четко лицо Олежки...

Старик очнулся. Вспомнил, что перед приездом милиционера написал заявление в нотариальную контору, за отсутствием чистой бумаги, на оборотной стороне протокола о нарушениях правил охоты. В нем, на фамилию Олега, завещал свой карабин и ружье (оно у знакомого в Тюкалинске, на ремонте). Также он завещал "Ниву" и все сбережения в сбербанке Тюкалинска (а там, за девять лет, накопилась зарплата с пенсией, и плюс проценты – всего более двадцати миллионов рублей).

Он хотел затвердить это завещание, на всякий случай, подписями милиционера и Алексея, но второпях забыл. Лист этот лежит в "Ниве", на сиденье. Завтра, проездом в Тюкалинске, он оформит его, как надо, у нотариуса.

* * *

Старик задремал снова. И снова ему снился светловолосый Олежка.

- Деда, ты самый лучший, самый мудрый охотник. Я так хочу жить только с тобой, – шептал тихо мальчик...

Афанасьевич, не просыпаясь, улыбался мальчику и гладил его по голове.

МЕДВЕДЬ-ШАТУН (ПОВЕСТЬ)

Таежное утро. Солнце еще не поднялось из-за высоких вершин, но небо над охотничьей избушкой расширилось, стало пронзительно синим и глубоким. Зеленоволосые ели, пихты, сосны замерли в вышине, а мрачные стволы осин подчеркивают снизу наступление рассвета. Розовый свет пробивается сквозь верхушки, доходит до средних веток и – рассеивается. На земле, под деревьями, еще чернеет ночь.

Тишина. Я впервые за всю свою жизнь ощущаю такую неслышную, непривычную, странную громаду леса. И внутренне немею...

Постепенно тишина распадается на десятки звуков: скрип сухого дерева, осторожное птичье всплескивание, мелодичное бульканье ручейка, шелест легкого ветра. Возникают другие – почти неразличимые – шумы в веточках деревьев и в высокой, по пояс, траве. Но все это, как ни странно, гложет между великанами-деревьями, и, объединяясь в одно целое, создает неповторимую картину. Изнутри тайга, необъятная и мрачная, похожа на глубочайшее дно моря, а здесь, на маленькой поляне, на взлобке у речки, на солнечном сухом пятачке, где приютилась охотничья избушка, дышится легко, свободно...

Двадцатое октября. Три дня назад я, художник, вместе с опытейшим таежным охотником, прилетел сюда на вертолете, который высадил нас рядом с зимовьем на небольшом клюквенном болоте. Два дня мы заготавливали дрова, на третий сходили за двадцать километров в другую охотничью избушку.

Сегодня, позавтракав, сижу на широком пне с альбомом в руках. Делаю этюдные зарисовки. Охотник Михалыч, вытряхнув из мешка ворох капканов, примостился на крыльчке, разбирая и протирая полынью и хвоей охотничьи принадлежности. Рядом с ним у крыльца, привязанные, разлеглись на траве две сибирские лайки – Душман и Зыба.

Михалыч – в спортивном костюме и кроссовках. Я, как обычно, в очках, в сером пуховом свитере, в домашних тапочках. Сижу, очень довольный тем, что впервые за свои 37 лет попал в настоящую тайгу, хотя об этом мечтал давно. Автор нескольких персональных

художественных выставок, всем своим нутром понимаю, что без картин с таежными видами мне, сибиряку, негде выходить на смотрины российского масштаба.

Эта избушка – основная, базовая. Большая, из толстых бревен, со струганным полом, с высоким потолком из расколотых повдоль пихтовых стволов. Срубленная два года назад, она светится бусинками смолы на потолке, а на стенах, между бревен, торчит еще пока свежий, мягкий мох. Возле избушки образовалась поляна – за счет вырубленных на дрова деревьев. В будущем Михалыч задумал оборудовать здесь вертолетную площадку.

Вчера я увидел уникальное – старое – зимовье, когда с Михалычем перенесли туда, за двадцать километров, часть продуктов и два рюкзака с капканами и ловушками. Подошли вплотную, в кустарнике я не сразу разглядел земляную крышу, на которой росли трава и цветы. Низкая клеть из тоненьких сосенок мало походила на избушку. В ней вдвоем и повернуться трудно, хотя есть и маленькое оконце, и узенькая дверь на тонкой палке. В центре, на земляном полу, – печь из канистры, у стены – узенькие нары из двух половинок бревна. Двери, как обычно, раскрыты, и на земляном полу отчетливо видны следы рыси. Михалыч заметил:

– Была не раз, нравится ей тут...

Над крышей безбоязненно каркал подлетевший откуда-то ворон. Охотник с собаками пошел вниз к ручью за водой, а я – как сел на нары, так, восхищенный, – не мог оторвать взгляда от проржавленной печки-канистры, от закопченного потолка, плесневатых стен, где из щелей выглядывал седой, бородатый, мох.

Избушка, как человеческое строение, давно утратила свой смысл. Она – как балаган, как берлога, как нора – стала частицей тайги, заросла, впитала в себя цвет и запах леса. Без боязни прыгает по ее крыше соболю, к порожку подбегают и садятся отдохнуть заяц, а иногда вваливается и медведь. И только когда на один-два месяца приходит сюда охотник, она уже для него становится своеобразным логовом.

С нее можно написать такую картину, какой не придумать, обладая даже самым сильным воображением.

В базовой избушке, возле которой сейчас сижу, есть переносная электростанция, под потолком – электрическая лампочка. На деревянном полу, на металлических стойках – квадратная, добротная железная печь. Дверь крепится на ременной петле. А вообще-то вся она срублена без единого гвоздя и скобы и больше похожа на ладную деревенскую баньку. Я ее уже изобразил с глухой стороны, где на солнцепеке высится вдоль стены до крыши поленница дров, заготовленная месяц назад, когда сюда прилетала целая компания за кедровыми орехами. Но урожай нынче плох, и охота на соболя (как не однажды сетовал Михалыч) будет неважная.

Кто уж кто, а он все знает наперед. В 38-ой раз открывает охотничий сезон в этих местах. Михалычу – 57 лет. Мощного телосложения, с широкой, окладистой, бородой, он для меня – воплощение таежного охотника.

А как силен, энергичен в сравнении с другими, особенно со мной, художником, который кроме кисти и красок мало какие другие орудия труда держал в своих интеллигентных руках. Потому-то так ноют у меня кости и суставы после двухдневной заготовки дров. Безостановочно пилили, кололи, таскали – и сложили две поленницы. К концу второго дня, к своему стыду, я не раз спотыкался и падал. Михалыч только ухмылялся и безжалостно продолжал нагружать меня работой.

Сегодня – отдых. Второй рисунок в блокноте идет к завершению. На нем – избушка с открытыми дверями, порог, на котором сидит охотник с капканами, рядом – собаки. Можно будет написать картину в масле, уж больно хороша, колоритная, мощная фигура охотника на фоне лесной избушки...

Михалыч кончает перебирать капканы, встает, подходит ко мне, заглядывает через плечо.

– Хватит, остальное завершим после обеда. На железной печке в кастрюле у нас томятся рябчики с пшенной кашей, – говорит он. – С первого ноября рябчики пойдут на приманку к

ловушкам и капканам, их нынче что-то в тайге мало. Так что придется заниматься рыбной ловлей.

Я, привыкший уже безропотно подчиняться Михалычу, закрываю альбом, собираю тюбики с краской.

– Обедать, так обедать. Рябчиков я однажды пробовал в ресторане. Но давно, даже вкус их забыл.

Сполоснули руки из ведерка и вошли в избушку. В углу на толстых ножках – кухонный стол из тонкой фанеры и рядом – два чурбака вместо стульев.

До чего же белое, сочное, плотное мясо таежной птицы. Вкусное, целебное!

* * *

Проснулся от шелеста над самым ухом. В избушке – черная темь, у противоположной стены на нарах спокойно похрапывает Михалыч. Шелест над головой повторился, и отчетливо послышался писк. Во мху, пазах между бревнами, сновала мышь, и на мое лицо посыпалась мелкая труха. От досады стукнул ладонью по бревнам, перевернулся на другой бок, но сна больше не было. Прежде сырая избушка, за три дня от жарко натопленной печки просохла, и воздух стал сухим, чистым. Михалыч при строительстве сделал трубу с выходом на крышу, потолок покрыл толем и набросал лапнику, присыпав его землей. И дверь подогнал без единой щелочки. Ничего не скажешь, – основательный, умный и работающий хозяин.

Мне надоело лежать с открытыми глазами, я встал и потихоньку вышел за дверь. У входа, свернувшись калачиком, спали лайки. Зыба приподнял голову, полусонно рыкнул и снова умолк.

Близкое небо надо мной – чистое и звездное. Некоторые светила, большие и влажные, аж сплят.

«Наверное, космос здесь ближе к земле», – невольно подумал я. Какая отчетливая видимость всего небосвода. Вот еще одна тема для картины.

Долго стою бездвижно. Ночь, – на удивление теплая. Уже 21 октября, должны по ночам появиться заморозки.

В ноздри резко ударяет запах смолы и прелой коры, от кучи дров перед дверью исходит легкий пар. Делаю несколько шагов в сторону, и лицо задевают прутья кустарника. Мокрые листья коснулись губ. Сверху, на еловой лапе, послышался шорох. Посмотрел туда и радостно-удивленный увидел маленького зверька, четко вырисовывающегося между хвоинками на фоне стеклянного неба. Кто это, наверное, бурундук...

Стою, глубоко дыша в полутьме озоном и лесной прелью. Глядя на высокие верхушки пихт, ощущаю себя на дне мирового океана, где-то вне пространства и времени.

Вспомнил виды из окна вертолета: тайга то блестела на солнце, то мрачнела под облаком, то ярко зеленела. Она ежеминутно менялась, преображалась на глазах, как морская даль на полотнах Айвазовского...

Долго вслушиваюсь в темноту и явно различаю шумы, потрескивания, пiski, верещание и даже скулеж зверьков. Живность тайги ночью не спит: кормится, шустрит, бодрствует до утренней зари...

Вернувшись в избушку на нары, понимая что крепкий сон уже прошел, в полудремотном состоянии ворочаюсь с бока на бок до самого подъема.

Михалыч встал первым, затопил печь, водрузил на нее чайник и ушел кормить собак. Приподнялся и я, сел на нары, попрежнему ощущая боль, ломоту во всех суставах от тяжелейших нагрузок первых трех дней. Даже вчерашний отдых не помог восстановиться.

На завтрак – бутерброды с сыром и чай.

– Скоро перейдем на вермишель и сухари, надо бы парой глухарей запастись, – как бы между прочим проронил Михалыч, – птица красивая, редкая, без нее и тайга не тайга. А как затокуют весной, аж мурашки от волнения пробирают. Жаль стрелять, а что делать?..

Собрали рюкзаки и в восемь ноль-ноль вышли в направлении к реке, ко второй, дальней, избушке. Всего их у Михалыча – три, вместе с базовой. Еще, как он сказал, у дальних рямков, за 15 километров отсюда, будем ставить палатку. Недавно прошли дожди, и вода в реке поднялась. Ищем мелкий перекат. Охотник находит дерево с зарубкой, и мы поволоку в воде, не зачерпнув в сапоги, переходим брод. Идем напрямик.

Мох под ногами мнется, чавкает водой. Воздух очень влажный, и вскоре вся моя одежда становится мокрой от пота, о чем я докладываю Михалычу. Он, остановившись, улыбается и поясняет:

– Сибирская тайга что здесь, что в Тюменской области и Новосибирской, – везде болотистая, трудная. Низкие места, промоины, рямки, ручьи, поймы – в общем, Западно-Сибирская низменность... А ты, Алексей Иванович, за четыре дня посвежел, лицо розовое стало, воздух здесь чистейший – сплошной озон!

– Конечно, Михалыч, запахи ароматные, воздух целебный, аж голова кружится, – отвечаю, смеясь. – Да только мощей у меня немного. Ты вот навьючил вдвойне рюкзак, а идешь легко, я же все спотыкаюсь.

Хотя мы не курим, Михалыч командует:

– Перекур окончен, нам еще о-её сколько идти...

И снова – сплошная стена из пихт, елей, сосен. Под ногами – сучья, корни, поваленное дерево. Ветки хлещут по лицу (хорошо еще, что на глазах очки), того и гляди в щеки врежется сук. Ноги постоянно цепляются то за мох, то за ветки, то за корни... Я иду молча, не сбивая дыхания, сохраняя его для ходьбы.

Идем часа два без перерыва. Наконец, привал. Пьем чай из термоса. Такой ароматный – ничего вкуснее в жизни ни пил. Устал, от лямок рюкзака больно ноют плечи. Хочется снять рюкзак, забыв, что рюкзак уже снят и лежит рядом на земле.

Уже в темноте добираемся до избушки. Она – как копия той, второй, подсобной. Так же заросла бурьяном, такая же малюсенькая, но беда – провалился, осыпался потолок.

– Вот те на день завтра и работа, – недовольно пробурчал Михалыч, ловко сбрасывая рюкзак со спины. А у меня уже и сил не осталось. Валюсь на траву вместе с рюкзаком и, потихоньку сталкивая, освобождаюсь от лямок, кладу на него голову и тяжело дышу, как рыба на песке.

Собаки неожиданно бросились в сторону, удаляясь в глубь пихтача.

– Ага, погнали, наверное, соболя, это хорошо, – довольно молвил охотник, – надо их вернуть, а то упрут черт-те куда...

И начал громко звать собак, окликая их по кличке.

В темноте ужинаем, залазим в спальные мешки. И я сразу же проваливаюсь куда-то в беспросветную яму.

* * *

Прошло два дня, как вернулись от второй избушки. Михалыч снова занят ремонтом капканов и ловушек. У меня «день отдыха», который, по сути, не такой уж и свободный. С утра сделал очередной набросок картины, а сейчас на болоте в трехстах метрах от избушки, собираю клюкву. Крупная ягода, где красная, а где черная – от переспелости. Работаю металлическим совком – «комбайном», который дал мне Михалыч. За два часа насыпал почти доверху большой рогожный мешок. Можно передохнуть. Оглядываюсь. Мое болото, с редкими невысокими сосенками, уходит влево, а справа грядой, гривой поднимается громадина леса из пихтача, ели, кедров, сосен. Косматые ветки кружевами, гребнями от деревьев-великанов возносятся в небо, тянутся вдаль на километры, соединяясь с горизонтом. Величественная панорама, переливающаяся радужным светом! Завтра приду и сделаю наброски.

Сзади, в ста шагах, – ручей, за ним – смешанный лес из тополей, берез, сосен, осин... Чуть выше ручья, на взлобке, на маленькой поляне – наша избушка. Вижу дымок над ней, но сама она закрыта деревьями.

Небо – чистое-чистое, синее-синее. Ни облачка. Солнечные лучи, пронзая редкие болотные сосенки, падают на моховые кочки, багульник – все светится золотистым светом. Может, последний погожий день. Удивительно теплый нынче октябрь. Днями – плюс пятнадцать-двадцать...

Вверху, в стороне, тонко и нудно гудит самолет. Его не видно. «Ау-ау!» – хочется крикнуть летчикам. Вокруг такая глухомань. И перед глазами встает карта, я мысленно ищу на ней точку своего пребывания сейчас. Вспоминая, что на карте северная территория Омской области клином врезается между Тюменской и Томской губерниями. Это то место, где мы находимся.

За моей спиной – Тара, до нее триста километров, еще столько же – до Омска. Впереди, чуть левее, – Сургут, до которого верст эдак пятьсот, чуть правее и несколько ближе – Нижневартовск. Гул самолета удаляется на северо-запад. Вокруг нашей избушки нет крупных людских поселений. Но сейчас по тайге разбрелись десятки-сотни охотников, профессионалов и любителей, и вчера вечером Михалыч разговаривал с ними по рации (таковые есть у многих охотников, это единственное средство общения с соседями-таежниками). Михалыч знаком со многими промысловиками, называя по имени, знает даже клички их собак.

Ближайший поселок на юге от нас – Васисс (Омской области), на северо-западе – Тауровка, что на Тюменщине, на северо-востоке – томский Новый Васюган. Слева «на карте» – Урнинское болото, переходящее в еще большее по территории Имгытское, занимающее громадную часть Тобольского материка. Справа, до речки Васюган и далее, – непроходимые болота и тайга. Так что выйти пешком, особенно зимой, к населенным пунктам очень и очень непросто. Обо все этом мне рассказал Михалыч, приводя случаи гибели охотников. Да и сам он однажды в метельный январь, когда по компасу выходил на Васюган, едва не замерз. Спасся случайно.

Размышляя обо всем этом, сидя на кочке, я не заметил, откуда и как возле мешка с клюквой (на расстоянии 50 шагов от меня) появился медвежонок. Не очень большой, раза в два выше и потолще мешка, медвежонок лапами сверху ворошил клюкву. Не осознавая, что делаю, я вскочил, громко закричал, махая руками. Медвежонок рывкнул, схватил мешок лапами, протащил немного и бросил. Прыжками скрылся в ельнике. Иду к мешку и вижу, что он наполовину рассыпан. Клюква толстым слоем растеклась по мху. Сам мешок на треть сверху разодран когтями зверя.

Собирать рассыпанную клюкву я не стал, ведь надо сначала заштопать мешок, и направился потихоньку в избушку за иглой и ниткой.

Михалыч, услышав мой рассказ, как-то встревожился, хотя меня самого эта встреча со зверем ничуть не напугала. Уже вдвоем мы вернулись к мешку, а охотник, спросив, куда скрылся медвежонок, ушел в ельник. Вскоре вернулся и, помогая мне собрать клюкву, строго сказал:

– Рядом, на кромке ельника, находилась сама медвежиха, и случись чего, она пришла бы на помощь своему дитяти. Так что с медведями ухо надо держать востро.

Михалыч помог мне дотащить мешок с клюквой и снова уселся на крылечко к вороху ловушек, а я, схватив блокнот, начал лихорадочно воспроизводить картину: медвежонок и мешок. Но странно, ничего не получалось. Я плохо рассмотрел зверя и не мог восстановить цвета шерсти медвежонка, его уши, глаза. А его наклоненная голова над мешком выглядела уж слишком комично. Потратив более часа и чувствуя, что картина не получается, в сердцах швырнул на траву ни в чем неповинный блокнот.

* * *

Ночью выпал небольшой снег, и утром тайга выглядела светлой, нарядной. Елки, как дома под Новый Год, празднично припорошены ватой – снегом, на траве и земле видны первые отпечатки звериных следов. Белый снег в тайге – как страницы открытой книги. Михалыч заметно повеселел, быстро собирая в дорогу рюкзаки. Осталось три дня до открытия охоты.

Идем ставить палатку на самый дальний участок. Впереди – Михалыч, я – за ним. Помимо рюкзака, у него в руках двустволка, у меня за плечами его малокалиберка «Маузер». Небольшая, практичная винтовка, разбирается и собирается одним шурупом. Из ружья он убил в эти дни несколько рябчиков и одного красавца-тетерева.

Идем в южном направлении, под ногами стало еще больше веток, шишек, иголок. Это вчера, перед снегом, был сильный ветер и посбросал все с деревьев. Снегу – 2-3 сантиметра, он слабо прикрыл мох, павшие сучья, траву, и везде снизу проглядывает чернота. Зато вверху, на ветках, на лапниках, снега больше, и это радует глаз. В низине темно-синяя, почти фиолетовая, узкая полоска воды.

Переходим ручей, замечаю, как норка выпрыгнула из кустов и булькнула в воду. В молодых елочках – всплеск крыльев: то стайка рябчиков, взлетев, исчезла в ветках. А вот на кедре заверещала белка и, перепрыгнув на другое дерево, спряталась в дупле. Да, с каждым днем я все больше вижу и слышу. Михалыч идет строго вперед, головой, как я, не крутит. Он чувствует, слышит тайгу нутром, кожей. У него такая интуиция, что все он знает наперед: где кто сидит, прячется, откуда кто выскочит...

Сделав два привала, к вечеру выходим на огромный мыс. Деревья-великаны треугольником вклинились в болотистый рям. И впереди на многие километры, как сказал мне охотник, раскинулись невысокие сосенки на мокром мху.

– Километров через десять за болотом начинается пихтач. Там участок охотника из Тевриза, – рассказывает, остановившись, Михалыч. – А место это очень даже соболиное. Здесь много синики и голубики в рямах, когда жрать в лесу нечего, все зверьки прут сюда, выкапывая ягоды из-под снега.

– А рям с болотом в чей участок входят? – интересуюсь я.

– Здесь проходит граница, ничейная полоса...

Снимаем рюкзаки, пьем чай. Михалыч, как всегда, просвещает меня, наставляет на путь истинный:

– Нынче на моем участке и у соседей, у ближних, плохой урожай кедровых, вот соболь заметно и убавился, ушел в другие, отдаленные места, то есть – мигрировал. Даже белок, рябчиков и другой живности стало меньше. А вот норки – полно. Река и ручьи богаты рыбой, ей здесь привольно.

– Михалыч, а я уже видел норку у первого ручья.

– Ты видел одну, а я за эти дни видел – с десятков.

Закончили чаепитие. Михалыч поднялся.

– Я пройду недалеко в рям, гляну ягоды, следы соболей, а ты побудь с рюкзаками. Поешь вот брусники. Далеко не отрывайся.

Взяв в руки ружье, Михалыч пошел на болото, я же, раздвигая багульник, принялся искать перезревшую давно, редкую бруснику. Двигаюсь между соснами и елями выше на пригорок, в самую гущу. Вижу перед самым носом упавшее дерево, вывороченные большие корни. Взглядом отмечаю, что поверх всего наброшены кем-то веточки. Как маскировка. И здесь различаю под деревом глубокую, большую яму, на дне которой – лапник и сухая трава. Осторожно спускаюсь. Ого, выше моего роста. Внизу – сухо, тепло. Постоял я пару минут, не выдержал – справил свою нужду по-малому, сладко потянулся и вылез наверх.

Вернулся к рюкзакам, а Михалыч – уже там, ждет.

– Где ты ходишь, чего нашел? – спрашивает.

– Сбирал ягоды, наткнулся на странную яму. Глубокая, под сваленным деревом. Может, и палатку ставить не надо, а накрыть ею сверху...

– Чего ты там буровишь? – переспросил резко охотник. – Яма, глубокая, под деревом?.. Ну-ка, пошли туда...

Михалыч всегда грубоват в разговоре. А тут еще и посмотрел на меня как-то зло. Аж не по себе стало.

Подожли. Охотник одним взглядом оценил ситуацию.

– Ты здесь ничего не трогал?..

– Нет, я спустился, постоял пару минут, по легкому оправился, и вылез обратно.

После моих слов Михалыч зло сплюнул и подытожил:

– Это – берлога, медведь все одно бы ее бросил, поскольку в ней просто кто-то был. Остается запах... А тебя еще и приспичило.

До меня сразу дошла вся несуразность моего поведения. Впрочем, откуда я мог знать...

Вернулись к рюкзакам. Михалыч, смягчившись, продолжил уже спокойно:

– Медведь берлогу готовит заранее, а перед самым первым большим снегом (а это он чувствует и определяет лучше любых синоптиков), хоронится в берлогу. Выпадает снег – и, как говорится, «все шито, крыто». Здесь ставить палатку не будем, медведь придет сюда и со зла ее раздерет на клочья. Вернемся километра на три.

– Михалыч, сегодня же снег выпал, а почему косолапый не в берлоге?

– Да, разве это снег? У медведя след о-ёё какой глубокий и большой. Ему нужен настоящий снегопад, чтобы скрыть полностью следы.

Отойдя назад на некоторое расстояние, под молодыми елочками натянули палатку, наготовили дров. Вместо печки Михалыч приспособил старый бидон. В один момент стало тепло. Влезли в спальники и, как обычно перед сном, Михалыч несколько минут популярно излагал мне законы тайги.

– Алексей Иванович, ты на меня не обижайся. От охоты ты очень далекий человек. Но надо думать и спрашивать, чего не знаешь. Медведь теперь не успеет приготовить вторую берлогу, снег выпадет настоящий, и он будет шастать возле наших избушек, и охотиться не даст. Такое уже бывало много раз...

Я его слушал внимательно, но как-то всерьез не воспринимал всей опасности ситуации. И все-таки про себя прочитал «Отче наш». С детских лет бабушка приучала меня к вере в Бога, учила разным молитвам. Конечно, я неверующий, но когда приходится туго, я почему-то сразу вспоминаю и бабушку, и Бога, и заклинания. Вот и сейчас про себя прошептал молитву с просьбой о прощении моих грехов.

* * *

Рано утром, оставив палатку, двигаемся к базовой избушке. Восходит солнце, быстро нагревается воздух, снег исчезает на глазах. С веток, с лапника вместо снежинок свисают сверкающие капли-слезы и неслышно падают в траву. Налегке идти веселее, сразу после обеда подошли к избушке. Михалыч после небольшого отдыха принимает решение:

– Раз погода теплая, надо заняться рыбалкой. И на еду, и на приманку к капканам.

Состыковывая звенья, собираем три удочки, подбираем леску, крючки. Готово. Река рядом. Воды опять добавилось, и брода не стало, заливаает в сапоги. Михалыч вернулся к зимовью, взял пилу и топор, и мы начали выбирать дерево из «сухостоя» на берегу, чтобы свалить его поперек реки. Нашли одно – толстенное, других, поменьше нет.

– Давай его, – и Михалыч топором долго подрубает ствол со стороны реки. Затем мы пилим. Сосна обхвата в два, не меньше. С меня течет пот, я мысленно ругаюсь: «Ведь выберет черт знает что, для мостика хватило бы и потоньше». Через час «с копейками» верхушка сосны начинает дрожать, дерево неохотно клонится к реке.

– Отойди, а то комлем саданет, – командует охотник.

Дерево, задевая сухими сучьями соседние, рухнуло в воду. Над водой – метра на два возвышается.

– Это хорошо, пойдет по реке шуга, лед. Набьется доверху, будет настоящий мост, – комментирует Михалыч. Ему видней.

Держась за сучья, как за перила, переходим на противоположную сторону. Идем по берегу влево, туда, где у завалов есть глубокие ямы, которые так любит рыба.

Михалыч выбирает плес поболее, я – небольшую воронку. И зря. После третьего заброса цепляюсь за корягу, и леска обрывается. Михалыч вяжет мне, за неимением другого, очень большой крючок.

– Ничего, – успокаивает он меня, – уж клюнет рыба – так покрупнее.

Но таких, видать, нет, хотя я и перешел на большую яму. А Михалыч тем временем, ловок орудуя удочкой, вытащил около десятка окуньков и трех килограммовых ленков. Багрово-пятнистые, с красными распущенными перьями, они долго бьются в ямке, капризно сжимая рты. Я уже мысленно «срисовал» их в своем блокноте.

Темнеет. Подходим к нашему жилью и слышим громкое квохтанье двух нахальных, жадных соек. Прожорливые птицы исклевали начисто двух подвешенных мною рябчиков, убитых охотником утром возле палатки. Остались от них головки, шеи да крылья. Михалыч прицеливается из ружья – и обе сойки валятся на порог.

– Это вместо рябчиков – на приманку к капканам. Я же тебе, Алексей Иванович, ясно сказал – рябчиков повесить в избушку, – как можно мягче выговорил охотник.

Разогрели тушенку, выпили чайку. Михалыч, привыкший в основном к одинокой таежной жизни, малоразговорчив. Я к этому тоже начал привыкать. Вышел «на улицу», если так можно назвать площадку перед зимовьем. Собаки хлюпают в мисках похлебкой, приготовленной им еще вчера. Стемнело окончательно. Низкие темные облака плывут надо мной, цепляясь за верхушки деревьев. Резко похолодало.

* * *

Всю ночь в безветрие падал снег. Но утром снова вышло яркое солнце, потеплело. Снег начал подтаивать. Утренняя рыбалка получилась отменной. Клев шел около двух часов, наловили ведро разной рыбы. Мне попали среди прочих рыбешек два больших ленка, и я снова долго разглядывал их расцветку. До чего же красивы! На этот раз я взял запасные крючки, но они не понадобились.

Всю остальную часть дня Михалыч в который уже раз перебирал снасти, чистил малокалиберку, тер сухой тряпочкой патроны. Особенно долго проверял, смазывал «Штуцер», предназначенный для охоты на крупного зверя. Показывая патроны к нему, похвалился:

– Во, пули, слона насквозь продырявят. Любого зверя на большом расстоянии свалят.

Михалыч готовил охотоснаряжение медленно, четко, профессионально. Да, завтра открытие зимней охоты на зверя.

Я подсел поближе, и, чувствуя его хорошее расположение духа, начал кое-что выпытывать.

– Михалыч, а много ли в области профессиональных таежных охотников?

– Да как сказать, человек тридцать будет. Три госпромхоза – Тевризский, Усть-Ишимский и Тарский. Два охотничьих – промысловых участка – Седельниковский и Большеуковский. Очень известные охотники – Ходарев Виктор, Федоренко Валентин.

– У нас в северных районах – много егерей, охотоведов. А кто они?

– Эти люди работают в штате областного управления охотничьего хозяйства, и профессионалов среди них мало. Они, в основном, занимаются организацией охоты на местах. Хотя один из них – Червяковский Виктор из Тарского госпромхоза – отменный охотник, таежный профессионал.

– А давно ты стал таежным охотником?

– Я родился в 1939 году в Омске. Детство провел на берегу Иртыша, любил рыбалку, рано приобщился к охоте на уток. А в тайгу попал в 1963 году и сразу понял: вот оно, настоящее! Охота на зверя в глухих местах, где не ступает нога человека, таит в себе непередаваемые словом ощущения первозданной природы, ее нетронутой красоты! Да пусть простят меня охотники-утятники, а у нас их огромная армия, но только на таежной охоте можно познать все величие Природы.

– Но таежная охота, как все говорят, очень трудная...

– Согласен. Мне 57 лет. Выгляжу вроде молодо, и есть силенка, но очень стали побаливать суставы рук, ног. Обращаюсь к врачам, а они говорят: профессиональная болезнь. Постоянные переохлаждения на морозе, ночи у костра или в сырой избушке, долгие

переходы по пояс в снегу – все это не проходит бесследно. Недавно по радио старший из знаменитой охотничьей династии Федоренко давал интервью журналисту Владимиру Чешегорову, в передаче «Моя родная сторона». Так вот Федя, а он уже несколько лет как на пенсии, рассказывал, какой была трудной охота в прошлые времена. Это нынче нам вертолет привез несколько мешков продуктов и всего прочего, а в старое время все – «пехом». Что взял охотник на плечи, в рюкзак, – тем и живет. В основном – сухарики...

– А какие виды охоты для тебя любимее?

– Больше всего мне нравится охота с лайками на соболя и белку. На лосей, медведей и другое зверье – все это уже в прошлом.

– Михалыч, говорят, ты создал базу натаски и нагонки собак, построенной в Называевском районе. Как дела там?

– В Драгунские вольеры завезены медведь, кабан, белка и другие звери. Там – учебная база общества охотников, где не только «натаскивают» охотничьих собак, но и соревнования «Праздник охотника» проводят. На сегодня у общества денег нет, и многие незавершенные работы приостановлены. За свой счет мне не под силу, хотя есть кооператив и хорошие ребята – единомышленники.

– А какие у тебя контакты с областным начальством?

– У начальника областного управления охотхозяйства Мишкина Бориса Ивановича по разным вопросам бывал не раз. Мужик – что надо. И в охоте разбирается лучше всех в области, и охотоведов умеет организовать на большие дела. Человек – внимательный, добрый, отзывчивый. Как говорится, «на своем месте». С председателем правления охотобщества Виктором Андреевичем Кириным встречаемся часто. Я ведь еще и председатель областной секции охотничьего собаководства. Отношения деловые, хорошие.

– Какое место в твоей жизни занимают собаки?

– Я провожу с ними по 2-3 часа каждый день, находясь в городе. Когда мне нездоровится или плохое настроение, я с ними подолгу сижу, разговариваю, глажу их. Они мне смотрят в глаза, скулят, лижут руки. И мне сразу становится легче. Вот самая лучшая собака, медалистка, осталась в городе, что-то приболела.

– Михалыч, на севере области есть бобровые заказники. Ты туда заглядывал?

– Да. Очень много бобров на реке Туй и ее притоках. Есть две семьи и на моих угодьях. Я их охраняю от возможных браконьеров.

– А что, даже в глухомани они есть?

– Сейчас, при наличии разной техники – танкеток, вездеходов, буранов, вертолетов – появляются нехорошие люди и глубоко в тайге. Уничтожают любую живность на охотничьих тропах. Правда, на моем участке таких не встречалось.

– А часто ли встречался с медведями-шатунами? Да и вообще-то, кто он – шатун?

– В природе медведь-шатун – явление частое. Бывает, медведь не набрал запас жира и «сосать лапу» целую зиму невтерпежь. А может, кто-то нарушил его берлогу, приготовленную заранее. Может, потревожили его уже в берлоге, или даже ранили. Тогда он опаснее вдвойне. А бывает, берлога приготовлена на низком месте, и ее заливают сильные осенние дожди. Во всех этих случаях происходит такая картина: снег выпал – а медведь шастает по лесам.

Три года назад я засек подготовленную берлогу. Выпал снег. Пригласил охотников. Прилетела делегация по договору из Васюгана. Разыскали меня через директора госпромхоза Смирнова. Пришли – а берлога оказалась пустой. В ней – вода...

А еще, когда я охотился на речке Тегус, в Тюменской области, мы с Валеркой Сысолятиным нашли берлогу на высоком месте. Тоже числе 20 октября. Не знаю как, но Валерка спустился в берлогу и кричит: «Ого, здесь спать, конечно, можно, и всю зиму!» Зря он так сделал: медведь потом ту берлогу бросил...

За дверьми завозились, взвизгивая, собаки. Михалыч поднялся и вышел из избушки, бросив на ходу:

– Пойду, посмотрю, на кого это там они...

Я остался один. Как бы делая итог нашему разговору, подумал: «Охотник высочайшего класса, профессионал. Даже не то слово. Михалыч – таежная личность. Начитан, умен. От природы наделен многими завидными качествами. Закончил институт. Выезжает часто на соревнования – выставки собак Российского масштаба. Почетный член Российского общества охотников. Любит картины, книги. Избранный писатель его – Джек Лондон, хотя и Арсеньева, и Пришвина, и Тургенева уважает. В тайге, на охоте делает любую черновую работу, не перепоручая ее мне...».

Вернувшись, Михалыч сообщил?

– Наверное, подходила рысь, да сразу смоталась... Надо подогреть уху, а то давно остыла. Пора обедать.

* * *

Перед самым утром 1 ноября выпал мягкий, пушистый снежок. Легкие кучевые облака возвышались над лесом, как горная гряда со снеговыми вершинами. И снова – тепло, хотя и пасмурно. Встали рано. Михалыч по привычке заворчал:

– Сырость, слякоть для охоты – беда. Хорошо, когда с начала ноября ударит морозец под 30, закует болотины, промоины, ручьи, а сверху Господи Боже подсыплет крупы – снежочку. И ходить по тайге тогда легко, и следы все на виду, и дышится свободно.

Так или иначе, прихватив немного капканов, налегке двинулись в путь. Сразу у ручья вижу следы норки. А вот – размытая строчка, перешедшая в голопчик – это от соболя. Еще неделю назад я уверенно различал только заячьи следы, но ежедневное общение с охотником научило разбираться во многом.

Спешим к кедрачу. Михалыч со штуцером – впереди, а я с малокалиберкой – сзади.

У обоих за плечами – по рюкзаку, у охотника на ногах – чуни, у меня – прорезиненные сапоги.

Собаки в кедраче, видать, приняхали соболя и треща ветками погнались вперед. Михалыч встрепенулся, кивнул мне головой – и бегом за собаками. Я – следом. Вскоре лайки загнали соболя на огромный кедр. Михалыч взял у меня мелкашку и осторожно пошел к дереву. Кедр могучий, темный, высокий. Вверху ветки разрослись так густо, что увидеть что-либо просто невозможно. Где он этот соболя, попробуй догадайся. Душман и Зыба лают, бегают вокруг, отвлекая внимание зверька, а сами поглядывают на хозяина, который уже дважды обошел вокруг дерева. Вот охотник приостановился, поднял винтовку. Сухо, негромко щелкнул выстрел, и откуда-то сверху, цепляясь за веточки, медленно стал падать небольшой зверек. Душман на лету схватил его и отдал подбежавшему хозяину.

«Как легко, как просто», – мелькнула у меня мысль, когда я с интересом рассматривал в руках Михалыча комочек золотисто-светлого меха.

Прочесали еще около трех километров леса. Ничего.

– Да, мало нынче соболя, даже старых следов не видно. Весь отошел куда-то. Вот что значит «бескормица», – негромко бубнил охотник, без усталости топая впереди.

Встречались белки и бурундуки. Но охотник всякий раз небрежно отмахивался:

– Мелочь, не зверь. Еще успеем на них...

На подходе к палатке собаки подняли второго соболя. Он быстро спрятался в дупле огромного дерева. Михалыч долго смотрел на внушительное отверстие, гладил рукой ствол.

– Чтобы взять соболя, надо срубить дерево, иначе его из дупла не выгнать. Но рубить пока не будем, тяжкая это работа. Все равно он когда-нибудь оттуда выскочит. Вот и встретимся, – рассудил охотник.

С трудом отозвав лающих собак, от близко так спрятавшегося зверька, идем дальше.

Вышли на кромку леса, где начинаются рямки. И сразу появилось несколько старых и свежих соболиных следов.

– Ага, значит, соболя кормится ягодой на болоте, – заключил Михалыч. – Но взять его здесь труднее. На маленькие сосенки он залазит неохотно, а по болоту бежит легче, быстрее. Собаки на мшистых кочках сразу отстают – проваливаются в глубокий мох. Вот здесь, на кромке лес, его лучше всего и брать.

Словно подтверждая сказанное, собаки дружно бросились в глубь леса. Их топот удалился и постепенно стих.

– Все, улег соболь. Видишь, у кромки леса – гари и такие ломи, нагромождения из сушняка, что собаки в них, можно сказать, застревают. А соболь к завалам привык, без труда проскакивает. И уходит на болото. А там – полно других следов. Собаки и теряются, не знают по какому идти.

Наконец подходим к палатке. Капканы, ловушки – все на месте, нетронутые. Лишь снег вокруг испещрен мелкими следами – стежками.

– Ишь, как старались мыши, хотели сыскать что-либо съестное. Вот и оставь продукты в палатке – сгрызут все, – ворчал охотник, поправляя крепежные стойки.

Я вспомнил, как, прилетев, мы первым делом занялись сайбами-лабазами для хранения продуктов. На высоком кедре у дверей, ствол которого внизу зашкурен и обит железом (медведь уж никак не залезет), располагалась основная сайба. В ней хранились почти все продукты. Высоко, метрах в трех от земли. Михалыч решил сделать еще одну, подсобную. Ошкурили три невысоких сосенки, положили настил из веток – вот тебе и лабаз-сайба. Невысоко, рукой можно достать. Мыши не сожрут, но косолапый достанет.

Охотник, покопавшись в палатке, предложил:

– Время еще есть, обогнем мыс, обследуем местность и вернемся ночевать.

Только отошли метров на триста – собаки загнали соболя на сосну. Стоят, облаивают. Подбежали мы – ничего не видно. К верхушке ближе – небольшая расщелина.

– Вот в нее он и залез. Ты, Алексей Иванович, постучи топориком, может, он и выглянет.

Я достал из рюкзака топорик, стучу. Михалыч с винтовкой – наготове. И вдруг – выстрел. Соболю падает к нашим ногам. Он – более крупный, чем прошлый и несколько потемней. Но от этого шерсть сильнее искрится, и зверек кажется еще более красивым.

Прошли еще немного. Михалыч, как всегда, со штуцером – впереди. Уж очень пристально приглядывается ко всем следам.

И тут я вспомнил про берлогу. Словно в ответ на мои мысли, охотник остановился, подозвал собак, взял на поводок, отдает его мне.

– Подержи, а я пойду гляну на берлогу. Если медведь там, собак от нее не увести, пока не вытянут его из ямы наверх. Но я на сто процентов уверен: топтыгина там нет.

Быстро поднялся на взгорок и скрылся между деревьями. Минут через пять вернулся.

– Нет никаких признаков, чтобы приходил. Наверное, смотался на соседние участки. А так, пора бы ему быть в берлоге.

Продираясь сквозь ломи, немного обогнули мысок опушки. Остановились у большого, сгнившего на корню, дерева. У комля, в самом низу, – дупло. Михалыч выгреб оттуда труху, насторожил капкан, а сверху присыпал прелью и травинками. За капканом, к стенке, положил приманку.

– Надежд на успех мало, а что делать? Снегу-то почти нет, капкан снаружи не замаскируешь. Пусть пока постоит здесь.

Топаем еще метров пятьсот, и под корнями сваленного дерева охотник проделывает ту же процедуру с другим капканом.

– Все, на сегодня хватит, – довольно бросает он.

Вернулись к палатке, затопили бидон-печь, попили чаю. И сразу – в спальные мешки. Засыпаю крепким сном. Медведь мне ночью не снился, да я и забыл о нем еще с того дня, как нашел берлогу.

* * *

Утром резко похолодало, градусов до двадцати. Под ногами резко скрипит снег, громко постреливают веточки. По зелено-серебристой, с рыжеватой проседью, тайге пробегает веселый ветерок, сваливая с деревьев то сучья, то шишки. Собаки, убегая в стороны, создают невероятный шум и треск...

Проверяем капканы – пусто. Сделали большой круг по всему мысу – ничего, кроме белочки, которую охотник снял метким выстрелом в глаз. «Вот от таких стрелков – охотников и пошла поговорка «как белке в глаз», – так думаю я, разглядывая пушистого маленького зверька.

Идем по краешку мыса. Вроде, и следы свежие есть, но собаки рыщут по ним влево, вправо – и возвращаются. Им надо видеть зверька или чуют невдалеке его запах – вот тогда они, повизгивая, бросаются за соболем. Сегодня от наших шагов такой шорох и трескотня, что нас слышно за километр, и зверьки вовремя смываются в стороны от нашего пути.

– Пора, как говорится, «к своим баранам», к избушке, – пробурчал охотник и, уверенно определив направление, быстро зашагал, окликая собак.

Неожиданно в кедраче энергично залаяли собаки. Мы – туда. На дереве, невысоко, по толстому сучку бегают соболь, урчит, сердится. Нас не замечает. Михалыч быстрым выстрелом снимает его вниз.

– Совсем молодой, неопытный. Впервые видит собак и людей, и не боится, – поясняет охотник, аккуратно укладывая маленького соболька в мой рюкзак.

При подходе к реке, Михалыч просит подержать собак, а сам, крадучись идет к протоке. Слышу выстрел, затем голос:

– Иди ко мне, отпусти собак.

В руках у него – убитая норка, блестяще-черная от стекающих с нее капель воды. Собаки рыскают в кустах, мечутся по берегу, потом подбегают к Михалычу.

– Эх, вы. Норка-то уже давно в рюкзаке, – укоризненно говорит он лайкам и гладит по голове Зыбу, которому всего два года.

Окончательно стемнело. Переходим через реку по нашему мостику – бревну. В избушке тепло. Охотник включает лампочку и начинает снимать шкурки с убитых зверьков. Резкий специфический запах мяса. Мне как-то неприятно видеть эту процедуру, и я, одевшись, выхожу за дверь. На небе – чисто. Подмораживает. Близкие звезды так же ярко, призывно мигают из загадочной выси, как и в первую ночь. Но, увы. Я уже смотрю в бездонный космос безо всякого восторга...

Рано просыпаюсь от ощущения боли на левой ноге. Рассматриваю, подсвечивая фонариком: на большом пальце – мозоль, она треснула, палец опух, покраснел. Еще в первый день, при заготовке дров, острый сучок пробил мне сапог, сверху заклеил, а внутри остались шероховатости. Вот и натерли. Обрабатываю йодом, бинтую. Михалыч, видя это произносит:

– Сегодня сиди дома, сделай уборку в избушке, накопи побольше щепы. Желательно вынести на свежий воздух все шкурки, растянутые на пялах. Пусть подсохнут, только без присмотра не оставляй, а то птицы исключают. Я же пойду к избушке, что направо, в сторону Томской области. Там поставлю побольше капканов и ловушек. Тебе заряжаю пулями ружье и ставлю его у порога, так, на всякий случай. Кстати, ты из ружья-то стрелял хоть раз?

– Нет, не приходилось. Из тазовок – было.

– Вот, смотри, – и он показал, как предохранитель ставится на «огонь», как перезаряжается ружье.

После его ухода делаю один набросок картины, затем часа два прибираюсь в нашем жилье. Осторожно вынес на улицу «пяло» со шкурками (все-таки «мягкое золото»). Повесил под крышей и принялся колоть мелкую щепу. Так незаметно пролетел день.

Еще до заката солнца вернулся Михалыч. Довольный, раскрасневшийся. Принес аж двух соболей и три белки.

– Зверя в той стороне поболее, – рассказывал охотник, – есть в кедраче немного орехов, вот потому и держится там соболь и белка. Расставил все капканы и часть ловушек, что брал.

Он быстренько обработал шкурки. Попили чайку, включили рацию. Ба, знакомый голос соседа.

– Михалыч, ты слышишь меня?

– Да, слышу, Николай.

– Так вот, неприятности у меня. Медведь угрохал собак, одну – насмерть, вторая – еле жива. Вчера я ушел на речку за водой, а собаки остались на привязи у дверей. Зверюга выскочил из кустов и разорвал обеих когтями. Я бегу, кричу, бью в ведро палкой, а он злобно смотрит на меня, оцетинился. Не уходит, и только. Ну, думаю, сейчас и меня сомнет. Гляжу на соседние сосны: куда бы вскочить? Но медведь, ковыляя, скрылся в направлении вашего участка. Так что, готовься, Михалыч, к возможной встрече. Будь осторожен.

– Слушай, а с какой стороны пришел к тебе медведь?

– Да от нашего соседа, со стороны Васисса. От Федуловича. У него медведь раскатил, разграбил две избушки. Федулович его выследил с собаками, стрелял близко, но не убил. Ранил. Крови много. И медведь маханул в сторону моего участка.

– А что, Федулович, тебя не предупредил?

– Несколько раз вызывал по рации, а мне в первые охотничьи дни некогда было ее включать. Так что, сам я виноват. Остался без собак. Считаю, пропал охотничий сезон. Что – одни капканы? Так себе...

Охотники еще долго переговаривались. Я же запомнил обрывочные фразы.

– Надо, может, совместно его выследить, он же ранен тяжело, хромает на правую переднюю ногу.

– А как нам собраться? Такие расстояния между нами...

– Но он же будет всю зиму всех терроризировать.

– Конечно, кого-нибудь из охотников еще и грохнет.

– Ну, ладно, если что, выходи на связь...

После разговора Михалыч долго молчал, размышляя и потирая виски.

– Вот такие пироги, Алексей Иванович, если этот медведь из нашей берлоги, жди его завтра-послезавтра у нас на участке. Уж сюда-то он вернется, точно.

Чуя свою виновность, я склоняю голову и молчу. Да и что я могу сказать? Михалыч встал, подошел ко мне, похлопал ободряюще по плечу.

– Ничего, не горься. Выкрутимся. Еще и не такое со мной бывало.

* * *

Ночью опять выпал небольшой пушистый снежок. Теперь на земле он лежал слоем около десяти сантиметров. Можно уже везде ставить – прятать под него капканы. А температура – 3-5. Вот так-то. Октябрь до конца был плюсовой, и ноябрь – почти такой же теплый.

Весь день ушел на хозяйственные заботы. Михалыч полдня возился со шкурками, полдня – с капканами и ловушками. Все что-то доделывал, перемонтировал, мудрил. Мне всего этого не понять.

Я кашеварил: жарил рыбу, отваривал вермишель. Взял блокнот.

Изобразил собак-лаек, рядом с ними – охотника. Михалыч подсел, похвалил. Пользуясь его хорошим расположением ко мне, спросил:

– Михалыч, а как звать твою третью собаку, что осталась дома?

– Кукша. Самая опытная. На зональных и республиканских соревнованиях, то есть в испытаниях по зверю, много раз занимала классные места.

– А вот Зыба – молодой. Со сколько лет приучают лайку к охоте?

– Зыбу в тайгу я взял еще шестимесячным, натаскивал со взрослыми собаками, а через год он уже отлично работал по соболю отдельно. Ты заметил, что они с Душманом выслеживают зверя порознь, каждый сам по себе? Друг за дружкой не бегают. Особенно азартен на соболя Душман, когда выпадает под утро снежок, и след четкий, с еще явным запахом. Тут только следи, не отставай от нее далеко...

– Михалыч, ты говорил, что с собаками охотятся где-то до середины декабря, а дальше как?

– Все правильно. К тому времени выпадают обильные снега, собаки по глубокому снегу отстают от зверя, и соболю уходит от них. Он же легкий. Поэтому обычно в конце декабря собак охотники вывозят из тайги, а продолжают охотиться в январе-феврале на лыжах с капканами...

– А вот мы взяли лыжи с собой, но еще не надевали.

– Зачем? Снегу-то мало, и они будут постоянно цепляться за ветки, кочки, траву. Вот и ходим «босиком», без лыж. Надо толстый слой снега. Тебе я взял деревянные, а мои лыжи – посмотри – с камусом. А вот нынче – малоснежье, и по «голу», по «черну» собакам особенно трудно брать след соболя, нужно отличное чутье.

– Михалыч, собаки идут по следу соболя, а на пути вдруг выскочит заяц?

– Лайка не должна обращать внимание на зайцев, иначе ее наказывает хозяин. Она может иногда облаять тетерева или глухаря. Но настоящий охотник четко различает, что за лай и кого собака загнала на дерево...

Михалыч еще долго рассказывал мне, как важно – постоянно держать собак в хорошей рабочей форме, как необходима натаска круглый год, как надо поощрять их во время охоты, и еще много другое.

Вечером Михалыч развел у крыльца костер, поставил котелок с водой на огонь, стал готовить пищу для собак. Воды в котелке оказалось мало, я взял ведро и стал надевать, морщась от боли, сапоги. Михалыч категорично сказал:

– На раз собакам еды хватит, завтра идем ко второй избушке, работы предстоит много. Пусть твоя болячка заживет, уйдем на два-три дня. Капканы и ловушки расставим полностью.

Я снова взялся за свой альбом, но какое-то внутреннее беспокойство после слов Михалыча возникло во мне. Он словно что-то не договорил. Почему, отчего? Я не мог ответить на этот вопрос, а сходить за водой за 150 метров к ручью, даже с больным пальцем, для меня не составило бы труда...

Наутро вышли по-темну. Сразу за речкой начали ставить капканы. Мне нравилось смотреть, как охотник быстро, ловко копал ямку на открытом, по его выражению «веселом месте», настораживал капкан, клал приманку, а сверху мастерил крышу из веточек, застилая их травой.

– Это от прожорливых соек и других птиц, чтобы не расклевали приманку. Теперь присыпать снегом – и все готово, – поучал он.

Еще он очень любил выбирать для установки капканов низкие дупла, вывороченные корни, поваленные деревья. Эти места более заметны охотнику, любят их и зверьки. Найти капканы потом можно по оставленному нами следу, который будет многократно повторяться. У охотников название ему – «путик». Красиво звучит, точно, емко. Таких «путиков» у охотника несколько, им трудно потеряться, их непросто забуранить, завьюжить – все одно, немного да видно будет.

Так, двигаясь по новому «путику», за целый день мы расставили все, взятые с собой капканы и ловушки. По ходу собаки загнали на кедрач одного соболя, которого точным выстрелом снял Михалыч.

– О, это матерый старик. Наверное, в прошлые годы его уже не раз гоняли мои собаки, коль он сразу ушел на дерево, – констатировал охотник, разглаживая пышную шерстку соболя.

Осенний день в тайге короток. Всего лишь шесть вечера, а в лесу уже темнеет. Стараемся быстрее дойти до избушки. Остается немного, когда рядом, слева, обнаруживаем параллельно идущий след (совсем свежий), и не чей-то, а медведя.

Михалыч, увидев след аж присел. Лапы у зверя – огромные. Я померил: моего сапога хватило лишь наполовину.

– Ну, вот и приехали, – процедил сквозь зубы охотник. – Сейчас будем собирать бревна от избушки.

Подходим к зимовью.

Как в воду смотрел: дверь сорвана, полкрыши разрушено, два бревна с верхнего угла валяются на траве. Внутри разломаны нары, смята в лепешку печка-канистра. «И как он только такой здоровенный залез в такую маленькую хижину», – подумал я. Это та первая малютка-избушка, поразившая мое воображение.

В наступившей темноте часа два ремонтируем крышу, возвращаем на место бревна, приделываем дверь, наводим внутри порядок.

Собаки, почуяв недоброе, повизгивают. Привязанные, жмутся к дверям. Да, они чувствуют крупного, сильного врага. Ведь на базе натаски в Называевском районе им не раз приходилось встречаться лоб в лоб с этим великаном.

Закончив ремонт, где-то в полночь пьем чай, залазим в спальники. Прохладно. Печку-канистру не выправили, оставили до завтра.

– Ничего, сделаю, будет как новая, – заявил Михалыч, отодвинув ее ногой к стене.

Я засыпаю и все жду: сейчас собаки залются лаем на подходящего к избушке медведя. Но все тихо, и постепенно я проваливаюсь в темноту.

* * *

Проснулись еще до рассвета. Без печки с вечера – ночь длинная. На костре кипятим чай. Михалыч палками ловко выправил печку-канистру, но топить ее не стали. Собрали рюкзаки – и в путь. – Идем сейчас напрямую к палатке. След медведя – в ее сторону. Он избушку грохнул вчера утром, а вечером мог разодрать палатку. Если он ее не тронул – снимем. Она нам нужна еще будет целая, – проговорил охотник, и мы спешно топаем параллельно следу шатуна.

След медведя отклоняется влево, но Михалыч ведет напрямую. До палатки – десять километров и через два часа мы подходим к ней. Издалека видим ключья от нее, бидон-печка торчит из снега смятым дном, капканы разбросаны.

– Да, вчера вечером он здесь похозяйничал, а после направился по нашему «путику» к базовой избушке. Вот наглец, ничего не боится. Так что, быстро сматываем остатки палатки, и давай вслед за шатуном. Это он уже за нами охотится. Вот стервец! – возмущался Михалыч, упаковывая рюкзаки.

Бежим. Торопимся. Пот заливает глаза. Собаки взвинчены, бегут впереди по «путику», про соболей забыли. До избушки с километр осталось, и тут на нашем «путике» появляется еще один след медведя, трехдневной давности, как определил охотник. Наши старые следы, новый и старый следы шатуна, аж целая тропа ведет нас к зимовью. Переходим ручей, и метров в тридцати от него обнаруживаем старую лежку – засидку медведя. Рядом с тропинкой, за кустом. Это как раз он лежал в тот самый вечер, когда я собирался за водой к ручью. Михалыч отобрал у меня сапоги, не пустил, как будто чуял нутром беду. Не останавливаясь, бежим по одиночному свежему следу, а старый – я успел разглядеть, – от лежки, после прыжка зверя, ушел в сторону реки.

Вот и избушка. Вроде цела. Нет, в одном месте повреждена крыша, дверь валяется в стороне, сайба на трех сосенках раскидана. Перед входом – шуба Михалыча, новая, из овчин: рукав оборван. В избушке – сплошной кавардак: столик сломан, электропроводка с разбитой лампочкой – на полу. Михалыч аж из себя вышел:

– Ну, гадина, погоди. Доберусь я до тебя, Расплатишься...

Часа два наводим порядок, главное – шуба целая. Продукты разбросаны, но не изгажены. Две хлебные булки надкусаны. Сыр, консервы – не тронуты. Видать, зверь не голодный. Навесили двери, сели на порожек. Михалыч неторопливо начал:

– Медведь нам охотиться не даст. Сам будет охотиться за нами. Вот позавчера у ручья он залег – поджидал кого-нибудь из нас. И могла случиться беда, как в книге Федосеева «Злой дух Ямбоя». Там медведь-шатун задрал опытного охотника, который преследовал его. Правда, у охотника не было собак, а у нас они есть, и это много значит в нашу пользу. А вообще-то, случалось не раз: когда выслеживают медведя, он вынужден ответно охотиться за человеком. Кто кого? Так что, Алексей Иванович, без меня – никуда ни шага!!! Позавчера мы медведя чем-то напугали: или ведро загремело, когда ты его уронил со скамейки, или я колоть дрова начал, или что-то еще. Он из засады выскочил и ушел за речку. А если бы ты пошел за водой, то неизвестно, чем бы все это кончилось...

Я сижу, слушаю его молча. Только теперь осознаю всю опасность, подстерегающую нас.

Вечерет. Бледный свет зимнего короткого дня исчезает в густых нагромождениях деревьев, и кажется: ели, пихты, сосны еще плотнее смыкаются вокруг нашей зимовейки. Я поджариваю мясо на печке, Михалыч на костре варит что-то собакам. Лайки привязаны у будок, отдыхают. Вдруг как залаяли, задергали поводки.

– Ну, точно, вернулся, падла, обратно, – выругался охотник, и, взяв крышку с котелка, громко застучал. Потом спустил собак с поводков, они отбежали немного от костра в лес – лают, а дальше не идут. Боятся. Значит, медведь рядом. Смотрю я в темноту от костра – ничего не видно, а вот у зверя мы – на виду.

Охотник вынес штуцер и ружье, поставил у дверей снаружи. Затем отошел в сторону косолапого и завел с ним разговор.

– Ты зачем пришел сюда, мешаешь отдыхать. Уходи по-добру, по-здорову.

Собаки отодвигаются к охотнику, видно, медведь их поджимает. Тут Михалыч, начал крестить шатуна и в черта, и в Бога, и в его топтыгину мать...

Подействовало. Смотрю: собаки начали уходить к реке. Но минут через пять снова прибежали к костру – скулят, визжат. Видать, медведь совсем уже рядом, где-то притаился за деревом.

И тогда Михалыч не выдержал: схватил ружье – и как бабахнет дуплетом. Такой грохот в ночи! Собаки рванулись вперед, трещат кусты, лай – все дальше. И все стихло за рекой.

– Все, ушел, сегодня больше не вернется. А завтра... Завтра решим с утра, что нам делать дальше.

Михалыч привязал вернувшихся собак, и мы легли спать. Ружья наготове – наставлены на дверь. Но и собаки не прозевают. Если что – залают, разбудят.

* * *

Утром, после завтрака, Михалыч решительно сказал:

– Надо попробовать выследить и застрелить шатуна, все одно он от нас не отстанет. И зачем ждать его нападения? Пойдем сейчас по его следу, до его лежки.

Собрались, тщательно проверили ружья, топоры, отвязали собак – и по следу. След у медведя странный, интересный: раненый, он правую переднюю лапу ставит далеко в сторону, стараясь не загружать ее своим весом.

– Раненый медведь в три раза опаснее, а этот еще и шатун, – не раз повторил охотник, рассуждая вслух. – Даже лось и любой зверек очень опасны, когда ранены. Возьми, например, соболя – на вид маленький, тихий, но какие у него мощные клыки.

Михалыч взволнован, сосредоточен, решителен. Да, дело-то нешуточное. Шатун от реки направился в сторону, где стояла наша палатка, затем скосил левее, и след вывел нас на Мыс, который вклинивался в болотные рямки.

– Наверное, шатун через болото снова ушел к соседу. Хотя давай пройдем дальше, проверим, – предложил охотник.

Лапы шатуна глубоко проваливались в мох, выдавая его огромный вес. След шел по рямю в направлении участка Николая. И здесь собаки вдруг учуяли зверя и с лаем бросились вперед. Михалыч со штуцером – за ними, и я, как Санчо Панса, не отстаю от него. Вижу: что-то черное мелькнуло между сосенок, охотник вскинул штуцер, целится и бормочет мне:

– Далеко, сосенки закрывают. Может, собаки его остановят...

Но не остановили, медведь, не обращая внимания на то, что они хватают его за пятки, быстро удалялся от нас. Михалыч не вытерпел. Сделал один выстрел, потом второй. Первая пуля ударила звонко о сосенку где-то далеко впереди, вторая почти рядом срикошетила о дерево и ушла по верхушкам, осыпая ветки.

– Да, бесполезная стрельба, но хоть поугадали. Теперь, едва ли, вернется на наш участок.

Разговаривая, подошли к лежке зверя. Он углубил ямку, выстлал лапником и сухой травой. Что-то вроде маленькой берлоги получилось.

– Хитер медведь, опытный. Но что он – «о двух головах», что ли? – повторяет свое излюбленное выражение Михалыч. – Он что, умнее меня? Здесь он уже квартировал несколько дней и еще бы жил долго, терроризируя нас...

Философствуя, охотник развернулся на 180 градусов.

– Пойдем, Алексей Иванович, добывать соболя. Мы же прилетели соболевать, а не за медведями гоняться.

Возвращаясь на лесной мыс, делаем полукруг по кедрачу, и собаки загоняют первого зверька. Михалыч четко стреляет, открывая счет после двухдневного перерыва. Вскоре добываем второго, третьего. Всех – из-под собак. А капканы и ловушки – пусты. Правда, один капкан в дупле сработал, в нем остался сжатый железными скобами маленький коготок, а соболю ушел.

Михалыч решил пораньше вернуться на базовую избушку. Не спрашивая для чего, молча топаю за ним до зимовья. Входим, он мне говорит:

– Надо предупредить заранее Николая по рации, что медведь-шатун ушел к нему.

Настраиваем рацию: Николай молчит. Зато на связь выходит второй сосед – Федулович. Он сообщил, что Николай неделю назад перешел на участок к родственнику, у которого три собаки и большая территория (одних избушек у того – 9). Они еще долго переговаривались о плохой охоте, о том, куда перешел соболю, но я их не слушал, думая лишь о шатуне.

Уже поздно вечером охотник обработал шкурки, вышел к собакам и дал дополнительного корма. По всему видно, Михалыч доволен прошедшим днем.

* * *

За длинную ночь успели выспаться и опять встали по-темну. Отварили вермишель с маслом, попили чаю – и в путь, в сторону Томской избушки. Михалыч очень торопился, ведь прошло уже четыре дня, как он расставил там основную массу капканов и ловушек. Да и звериных следов там было больше, чем где-либо. Проверяют капканы, как правило, через день.

Не зря торопился охотник: у второго капкана на снегу – клочья шкурки да косточки от соболя. Везде многочисленные следы птиц.

В шестом по счету капкане сидел живой соболю, прихваченный скобами за левую переднюю ногу. Урчит, мечется, грызет стальной поводок.

Михалыч сует ему рукавицу, зверек рвет ее зубами, а в этот момент охотник сзади, сверху хватает соболя за шею и сдавливает горло. Несколько мгновений – и соболю затихает. Мне стало не по себе от такой процедуры, даже стошнило.

В дупле – снова останки соболя, попавшего в капкан головой. Здесь постарались мыши. Зверек без пуха – «голый», в тушке – сквозные дырки, как решето.

– Видишь, мыши весь пух – волос «стригут» и тащат себе в мышиные гнезда. Теплее не придумать, – с нескрываемой ненавистью говорит Михалыч, – нахальной мышью, пронырливой, надоедливой в тайге – нет.

Под корнями вывортня попал в капкан большой сильный соболю. Забивается подальше под корни, кусается. Но охотник изловчился и за поводок капкана вытащил его наружу. Я отворачиваюсь, уже не в силах во второй раз смотреть, как будет дергаться, затихая в руках охотника беззащитный зверек. А вот в ловушке – еще один.

Показалась избушка. Медведь сюда не приходил, здесь – полный порядок. Пока осталось еще немного светового времени, делаем большую петлю по лесу. Собаки загоняют на деревья еще соболя и двух белок. Михалыч мастерски расстреливает зверьков – стопроцентный результат.

Возвращаемся к избушке в темноте, топим печь, ужинаем. Кажется, что холод ручьем течет в дверь. Наверное, на дворе минус пятнадцать, а ночью будет и того холоднее.

– Сырости меньше будет, лужи, ручьи подмерзнут, ногам легче, – утешает Михалыч.

От печки, хотя она и маленькая, плывет жарыща. Переночевали в тепле. Утром по морозцу все трещит под ногами. Сколько ни идем, собаки работают впустую. Зверьки слышат нас далеко и заблаговременно скрываются в безопасные места.

Наконец, в капкане – соболь. Попал, видимо, ночью. Небольшой, темноватый. Теперь я уже сориентирован, что соболей здесь несколько видов.

Идем к базовой избушке. Где-то вдалеке – лай собак. Бежим туда. Точно, на дереве – соболь. Собаки, не переставая, лают, пока не подойдет охотник. И этот соболь – наш.

Таким образом, выход оказался самым добычливым. На душе спокойно: медведь-шатун ушел, охота ладится...

* * *

Несколько дней кряду – одинаково удачливы. Проверяем капканы, собаки работают отменно. Без них и охота – не охота. В избушке на двух стенах несколько вязанок из шкурок соболей, белок. И лишь две – норки.

Сегодня с утра часть капканов и ловушек переставляем на ручьи и речку, основательно переключаясь на норку. Река замерзла лишь по берегам: узенькие забереги, закрайки. Нужен мороз под 30 градусов, чтобы река вся схватилась льдом, а пока плывет шуга, застревает у нашего дерева-моста. Накопилась толщиной до метра, под самый ствол. И мост выглядит красиво. Я зарисовал его в блокнот – получилось отменно.

У нас три основных «путика»: к двум избушкам и к палатке, которую Михалыч заштопал и мы поставили ее на прежнее место. На каждом «путике» я выбрал по 3-4 красивых вида для зарисовок, беру с собой блокнот и делаю наброски: «Центральный Мыс», «Гордый выступ», «Выворотень», «Ломи», «Завал», «Солнечный взлобок», «Гарь», «Рямок» и другие. Михалыч – молодец, он понимает, ради чего я приехал сюда. Но иногда, взглянув на мои зарисовки, иронизирует:

– Алексей Иванович, а на картинках тайга все равно не такая красивая и живая, как есть. Ты что-нибудь изобрази, придумай такое необычное...

– Михалыч, я же стараюсь, а все картины еще впереди, в студии. Поживем – увидим...

Поставив после обеда у реки еще несколько капканов на норку, Михалыч предлагает:

– Пока не замерзла река, давай половим рыбу на уху. Да и приманки почти нет.

Собираем удочки, переходим по мосту и выбираем незамерзшие ямы поближе к берегу. Михалыч словил несколько ленков. У меня не клюет. Перехожу на другую яму, подальше от берега.

Лед потрескивает, прогибается, но держит. И вдруг я проваливаюсь. Встал на дно, воды по грудь. Ноги скользят, теряю опору. Чувствую, меня вместе со льдиной течение тащит вниз. Испуганно хватаюсь за береговой припай, но он тонкий, обламывается. Мост близко, становится страшно: а что если течение затянет под лед, точнее под большой ледяной панцырь моста. А внизу – ветви, застряну и пиши пропало. Даже жгуче-холодную воду не ощущаю, а со страхом смотрю на мост...

И здесь подоспел Михалыч с длинной суковатой палкой. Протянул мне. Я ухватился и выкарабкался на лед. И бегом – в зимовье.

В избушке отжимаем одежду. Надеваю на себя все шерстяное что есть. Зубы стучат, слова не могу выговорить. Михалыч из фляжки с надписью «НЗ» наливает мне почти полный стакан спирта. Опрокинув его, сразу опьянел. Впервые в жизни выпил чистый спирт.

Михалыч растопил печку, укрыл меня с головой на нарах.

– Полежи под шубой, пропотеешь – все как рукой снимет. Я сам несколько раз попадал в ледяную воду, так даже и насморка не было, – успокаивал он меня, поплотнее притворяя дверь.

Проснулся я только в полночь. В темноте похрапывает Михалыч, в ночной трубе подвывает ветер, в дверь сильной сквозит. А может, и нет. Меня знобит, бросает то в жар, то в холод. Губы опухли и запеклись сухой корочкой, в груди – хрип, свист. Поставил градусник, осветил фонариком: 39. «Как рукой все снимет», – вспомнил я слова охотника.

«Нет, это тебе с твоим медвежьим здоровьем все нипочем. А мне, хилому, придется поболеть и, может, не один день», – горестно подумал я, снова с головой укрываясь мохнатой шубой.

* * *

Утром, оставив мне тубик с таблетками аспирина и заряженное ружье у стены рядом с нарами, Михалыч отправился в лес. У него даже в мыслях не было бросить охоту, остаться со мной. Да я его об этом и не просил. Разве его присутствие собьет температуру?!

– Ничего, отлежишься, через день-два пойдешь со мной, – бросил он перед уходом.

Весь день я провел в полудремотном состоянии. Трижды кипятил чай, подбрасывая постоянно дрова в печку. Огонь пожирал их с треском и гулом, труба накалялась. Вспоминал жену и дочь, и то, как они вдвоем настойчиво уговаривали меня от поездки в тайгу. И постепенно где-то глубоко-глубоко в груди начало расти недовольство, раздражение на самого себя, на темножуткую тайгу, на Михалыча, и на весь Божий мир. Несколько раз прочитал молитвы. Достал маленькое зеркало, посмотрел: зарос и похудел до неузнаваемости. Мелькнула мысль: «Надо будет побриться. Я же взял с собой механическую бритву».

Попил чаю и снова задремал. Очнулся в вечерней темноте. В избушке гробовая тьма, меня охватывает ужас. Понимаю: одиночество страшнее всего. Накинул полушубок Михалыча, вышел за дверь. Жуткий полумрак. Долго смотрю вверх на круторогий месяц и звезды. Слушаю шум все еще не застывшей реки. Над головой в вершинах – вздохи ветра.

«Сколько же сейчас сидит в капканах соболей, норок, белок, горностаев и других зверьков по всей необъятной тайге от Архангельска и до Сахалина. А сколько их – уже убитых выстрелами, задушенных руками – распято на деревянных палочках – пятах. В тайге в эту ночь тысячи охотников и просто любителей легкой наживы. Как жестоки люди, грабящие природу...» – невольно подумал я.

Невдалеке что-то, качнулось, шумнуло. «Неужели шатун?» – пронзила голову мысль. Как теперь, в темноте, стали зловещи все шорохи, трески. Как угрюмы и неприветливы деревья.

Вглядываясь в затаенную глубь ельника, попытлся за дверь. Подпер ее лопатой, дверь открывается во внутрь. Михалыч как-то пояснил: медведь все тянет на себя, поэтому охотники со старых времен обязательно дверь ставят так, чтобы медведь стараясь открыть, на самом деле закрывал бы дверь. Придумано прямо гениально...

В окне порванная пленка шуршит, хрипит, сопит. Мысль, что шатун ходит где-то поблизости, прочно сверлит гудящую башку. Выругавшись, встаю и затыкаю узенькое оконце. Задремал...

Ночью вдруг что-то лохматое и теплое навалилось на грудь, на лицо. Я закричал и проснулся.

«Да ведь это же шуба!» – вытираю со лба холодный пот.

Но мысль, что шатун – за стенкой, не покидает мой воспаленный мозг. Воображаю, как осторожно крадется зверь около избушки. «Тень среди теней!» – определяю со страхом эту картину...

Михалыч вернется только завтра, к вечеру... Время тянется медленно, как вечность. К утру я вновь засыпаю, прикрыв полотенцем лицо от шубы...

Размыкаю веки, вытаскиваю тряпку из окна. Уже рассвело. Холодрыга – жуткая. Клацкая зубами и постанывая, медленно разжигаю печь и опять с головой ныряю под тулуп. Морозит, лихорадит невыносимо...

Где-то в полдень за дверьми залаяла собака. «Михалыч?.. Нет, рано», – так кто же? Резкий стук в дверь. Сильный толчок. Лопатка отлетела в сторону, вошел невысокий человек.

– О, гей!.. Крепко однако подпер.

Передо мной стоял охотник из коренных жителей, которых я много раз встречал в Сургуте и Нижневартовске. Туда я в бригаде творческих работников приезжал и делал зарисовки по заказам нефтяников и строителей. Есть у меня портреты местных охотников, как мы их называли в шутку между собой, «ханты-манси»...

Черноволоксий охотник в совике, с лохматыми надплечьями, в потертых камусных тобоках, перевязанных ниже колен пестрыми плетышками, мягко переступая кривыми ногами, вошел, снял с плеча ружье, поставил его у порога. Затем подошел ко мне.

– Здравсте, – пожал обеими ладонями мою руку. Его широкоскулое, мясистое, лоснящееся, лицо, с маленькими глазами, расставленными как-то странно, расплывалось в широкой улыбке.

– Эж, начадил и печь разжечь не можешь, – с этими словами он прошел к столику, снял рюкзак, вытащил два куска мяса, и стал нарезать ломтями...

– Иди, хозяин, к столу, айбурдать будем. Да чай покруче завари...

Поставив чайник на печку, я сел на нары. Отчаянно и громко чавкая, охотник ел и рассказывал, что ходил до брата в гости, в Имшегал. Теперь возвращается в Тауровку. На соседнем участке повстречал хромого медведя-шатуна. Косолапый задрал лося и жирует возле него. Хотел убить – ведь в Сургуте, на черном рынке, шкура стоит пять тысяч долларов. Да только не унести ее. Сырая, тяжелая – не поднимешь. Не стал убивать зверюгу. Пуцай себе живет...

Охотник на мгновение замолчал, и я сразу спросил:

– А шатун – хромой на правую переднюю...

– Ага. Тебе как знамо?..

Его черные глазенки сверлят меня. И я сразу коротко объяснил про берлогу. Туземец еще больше оживился и рассказал, как в прошлую зиму на одной заимке за Тауровкой медведь-шатун задрал годовалого бычка прямо в пригоне, хозяин бахнул из ружья, ранил. Медведь его сграбастал, когтями волосы вместе с кожей содрал с головы, и убежал в лес. Врачи в больнице натянули кожу на голову, зашили, но в шее были глубокие раны от когтей, крови много вытекло. Через день мужик скончался...

А еще, севернее Сургута, тоже в прошлую зиму, местный охотник с рогатиной несколько раз выходил на медвежьи берлоги, иностранцы платили за то большие деньги. Кино снимали. В последний раз рогатина сломалась, медведь так подмял под себя охотника, что все косточки перемолол. Медведя застрелили, а охотник скончался сразу, на месте...

– А пошто ты без собачки. Собачку у двери надость, – неожиданно добавил охотник.

После этих слов «ханты-манси» снял с себя ремень, украшенный медными бляхами и резными, костяными фигурками, раздвинул ноги вокруг чурбака и приготовился чаевничать. Выставив рядом с ним чайник, я сидел на нарах, отказавшись от еды, сказав, что болен, что у меня высокая температура.

– Накося тебе, маленько не понял, – отвечает охотник. – В тайге у нас не болеют... Вот оказья?.. Лес нас сам лечит. Хвои завари в чай, хворь выйдет.

Напившись вдосталь чая, оставив на столике кусок мяса, охотник собрал рюкзак, снова обеими ладонями сжал мою руку – и направился к выходу. Взяв свое старенькое ружье с затвором (наверное, берданку) вышел за дверь. Я шел следом – проводить. Небольшая собака, похожая на лайку, ждала у порога. Минута – и они скрылись в северном направлении. Я снова задремал вплоть до вечера. В воспаленной голове снова что-то шуршало, скреблось, рычало...

* * *

Михалыч вернулся поздно. Принес полный рюкзак пушистых зверьков: двух соболей, норку и трех белок. Раздражение и бредовые мысли переполняют мою голову.

«Ну, и жадюга, всю тайгу обдерет», – зло подумал я и снова залез под шубу. Лежу, молчу. Увидев лосятину, Михалыч взъерепенился:

– А кто это еще был...

В нескольких словах рассказываю про странного гостя? Михалыч явно недоволен.

– Нахрапистый, однако ж, запросто ногой открывает дверь, а шкурки соболей все целы?

Я про себя снова подумал: «Ну, и жадина». А вслух сказал:

– Я выходил его проводить. Ему, как он сказал, просто очень захотелось крепкого чая...

Обработав зверьков, Михалыч заварил какую-то травку, бросил в настой немножко хвои и поднес мне полную кружку.

– Пей, и еще минимум две-три, – сказал он и добавил: – Я когда простываю, не глотаю аспирин, а пользуюсь народным средством.

Настой был таким горьким, что я еле вынес кружку до конца. Но охотник заставил употребить еще две, безжалостно наблюдая за мной. Через десять минут я так вспотел, что вся одежда стала мокрой. Переоделся в сухое – и проспал до самого утра...

И – надо же?! Голова свежая, чистая, никакой тебе температуры. Но слабость – невероятная: присел на нарах – тошнит, снова лег. Михалыч приготовил уху, да еще с перчиком и луком – старается для меня. Через некоторое время Михалыч берет лосятину (она – сырая, слегка подкопченная над костром) нарезает ее тонкими ломтиками и с размаху – шлеп на раскаленную железную трубу. Дым, яростное шипение – и за пару минут готово кушанье. (Так готовят по «ульчски»). Вечером снова лосятина, и я ощущаю прилив сил.

Сегодня – первое декабря, месяц со дня открытия охоты. Мы ждем вертолет. Один молодой человек, начинающий охотник, купил собаку – лайку, уговорил Михалыча прилететь к нему и до девятого декабря вместе поохотиться. Парень – богатый коммерсант.

Михалыч вышел, накормил собак, вернулся.

– Надень мою шубу, шапку. Возьми блокнот, карандаши. Иди – только глянь: какая красавица – тайга!..

Я подчиняюсь: надо двигаться, чтобы быстрее выздороветь. Одеваюсь и выхожу. «О, Боже, какая красотища! Вся тайга – в белом пуху – из инея, в сплошном куржаке. Белоснежная, нежная, чистая, молодая!..».

Хватаюсь за карандаши, делаю наброски. Во мне – огромное ощущение жизни, ее прекрасной новизны, вечной молодости, целомудрия... Выходит Михалыч и с интересом смотрит мои рисунки.

– Молодец, хорошо получается, – проронил он.

Я благодарно гляжу на этого бородатого, грубоватого человека и готов его расцеловать.

* * *

Ждем парня второго декабря. Михалыч, выругавшись, с обеда идет проверять ближние капканы. Принес одного соболя.

– Совсем нет зверя, даже следов не видно, – жалуется охотник.

Вечером планируем оставшиеся дни: 3-4-5 декабря Михалыч один проверяет капканы, а 6-7-8 мы вместе снимаем их на всех 3-х «путиках». Чтобы мне было веселее, все три дня со мной остается Зыба. И так – каждое утро охотник уходит один, с Душманом.

Я же, тепло одевшись, рисую и рисую. Заканчиваю уже третий альбом. Заметно выздоровел. Сегодня – пятое декабря, ночью за дверьми было минус 30 и речка схватилась тонким льдом. Иду за водой, а ручей – рядом с избушкой – давно промерз насквозь. На берегу, в снегу, а верней, под снегом, вода еще не замерзла. Делаю лунку, вода медленно ее наполняет. Набулькиваю целое ведро кружкой.

6 декабря. Иду с Михалычем в Томскую сторону, поймали одного соболя в ловушке, собрали в рюкзаки все капканы. Повернули обратно и, срезая петлю «путика», идем напрямую через кедрч. В шагах десяти с резким шумом вылетел глухарь и сел на нижний сук. Вытянув бородатую голову, с интересом рассматривает нас. Таежный красавец, громадный, величественный.

– Да, мало в эти годы глухарей. Когда-то их было намного больше, – посетовал Михалыч, обходя стороной, не пугая диковинную птицу.

Я вижу такое величие впервые. К вечеру еще больше холодает, ночью будет настоящий мороз...

Проснувшись, идем влево – ко второй избушке. Мороз – ниже тридцати, но особого холода в тайге не ощущается. На этом «путике» вообще мало капканов, и все они – пусты. Я почему-то даже доволен этим...

Громко залаяли собаки. Загнали соболя в дупло, на дерево средней толщины. Михалыч решает:

– Руби, Алексей Иванович, а я – наготове, с винтовкой.

Достаю из рюкзака топор и начинаю рубить. Топор легкий, отскакивает от морозного ствола, два раза вылетает в снег из моих дрожащих рук. Вспотел. Тошнит. Простуда меня ослабила напрочь...

Охотник смотрел – смотрел на мою работу, не вытерпел. Отдал мне винтовку.

– На, бери. Как только из дупла покажется соболь – целься и сразу стреляй. А то сбежит. Видишь: рядом – ломи, нагромождения сушняка...

Взял Михалыч топор и начал энергично подрубать дерево. И вдруг из дупла выскочил соболь: не выдержал. Сел на сук, склонил голову, смотрит на нас.

Я раскрываю рот и удивленно говорю:

– Михалыч, смотри, какой красивый!..

Охотник вырвал у меня из рук винтовку. Но – поздно. Соболь – с ветки на ветку, с дерева на дерево – как птица. Затем нырнул в трещины, то есть, в ломи, и будь здоров. Собаки сразу отстали, сбились со следа.

Михалыч, явно раздосадованный, сунул мне в руки винтовку, забрал шутилку. Зашагал, буркнув:

– Ну, и мужик ты хреновый. Ни рубить, ни стрелять. Так, балласт в охоте...

Собрали последние капканы и, возвращаясь, убили всего двух белочек. За весь вечер охотник не проронил ни слова, и молчание было откровеннее разговора. В тишине съели холодный сухарик и залегли спать. «А шкурки-то на стенах – вязанок десять. Куда еще больше», – думал я обиженно, быстро отходя в тяжелый сон.

* * *

Восьмого декабря потеплело. Выпал небольшой снег. Настроение приподнятое. Идем снимать палатку. Вечером собираем все вещи, а завтра – в Омск.

Чуть рассвело, а мы уж далеко топчем по «путику», снимая одиночные, редкие капканы и ловушки, в которых ничего нет. Дошли до палатки, сняли ее, уложили в рюкзак. Я про себя подумал: «Хорошо, что нет соболей ни в капканах, ни на деревьях. Можно спокойно возвращаться обратно».

Но здесь я ошибся. А самые первые капканы в дупле и под корягой? Это я забыл, а Михалыч уже повернул к ним.

– Идем на Мыс, снимем капканы, и можно напрямую, на базовую...

Так и делаем.

Дошли до Мыса, сняли капканы и повернули обратно. И здесь собаки погнали соболя. Тот – в ломи, через гарь – и на болото. Собаки за ним. Михалыч их звать обратно, не возвращаются. У меня замерзли ноги, носки сырые, не высушил. Я залез на сломанную сосну, двигаюсь по ней, грею ноги. Сосна не снег. Говорю Михалычу:

– А, может, пойдём, собаки нас догонят.

Охотник вспылит, набросился на меня.

– Ты слышишь, они залаяли. Значит, загнали соболя на сосну. Мы ушли бы, а потом снова возвращайся. Если собаки загнали соболя на дерево, так хоть два-три часа – будут лаять, пока я к ним не приду. Зыба однажды всю ночь лаял, сторожил соболя, пока я утром не пришел, и не снял выстрелом зверька, – так пояснил мне Михалыч, выходя на следы соболя и собак.

– Соболь крупный, матерый. Вот какой широкий голопчик, хорошо бы его живьем взять, ведь в рямке сосны невысокие.

Я еще не представляю, как взять соболя живьем с дерева. Это же не из ловушки. Охотник, глядя на мое недоуменное выражение лица, пояснил.

– Я вот выламываю длинную палку, а ты отвяжи мне от капкана поводок – тросик. Я из него сделаю петлю, привяжу к концу палки, и этой петлей сдерну с сосенки живого соболя.

Сделали петлю, привязали к палке, и – бегом в рямок. Бежим сто метров, двести... Лай все ближе.

– Эдак к соседу Николаю выйдем на участок, – шутит Михалыч.

И вдруг к нам подбегает Зыба. Дрожит, шерсть дыбом. А Душман по прежнему лает невдалеке.

– Ты чего это Душмана бросил, – спрашивает охотник у молодого Зыбы.

А тот виновато виляет хвостом, а вперед не идет.

– Черт знает что, ничего не понимаю, – глядя на собаку, признается Михалыч.

Идем на лай Душмана, где-то уже рядом. Хотя, через редкие сосенки – ничего не видеть.

Неожиданно Михалыч встал, как вкопанный.

Я двигаюсь к нему. Он мне, как глухонемой, жестикулирует пальцами руки. Ничего не разберу. Подхожу вплотную. Он, икая, взволнованно:

– Видишь копну, вот, рядом. Это – верховая берлога, – тихо шепчет мне. – Медведь сейчас голову высунул и снова спрятался. Собак теперь отсюда никак не уведешь. Выход один – стрелять косолапого. Заряжай тозовку, вытаскивай из рюкзака топор – иди за мной. Если что – сразу мне...

Проговорив все это, охотник со штуцером медленно, осторожно двигается от сосенки к сосенке. Маскируется. И здесь медведь приподнял немного голову над копной, крутит туда-сюда. Расстояние – шагов тридцать. «Наверное, запах человека учуял», – подумал я. Ощущаю, как меня трясет дрожь – сильнее, чем при температуре 40!

Михалыч тщательно выцеливает в голову медведя, нажимает на спусковой крючок. Раздается тихий щелчок бойка. Осечка! Как же так?! Хорошо, что зверь снова прячет голову в копне, и тогда охотник медленно раскрывает замки ружья. Я стою рядышком, напряженно глядя на штуцер.

«О, Боже! Стволы зияют черными дырами. Ружье не заряжено!» – пронеслось у меня в голове. Ведь это я вчера по заданию Михалыча чистил ружье, а патроны обратно не вставил. Они остались на нарах в избушке.

– Убить тебя мало, – прорычал мне в лицо Михалыч и достал из кармана куртки запасные патроны. Зарядив штуцер, делает вперед еще несколько шагов. Я с ужасом думаю: «Ну, куда так близко?» Но от охотника не отстаю ни на шаг, крадусь следом.

Медведь снова приподнял голову и, увидев наконец-то нас, рявкнул. Михалыч тотчас выстрелил. Гулкое эхо, перекатываясь, поплыло по рямку. Я четко слышал, как пуля, срикошетив о громадную, непробиваемую голову зверя, зазвенела и ушла куда-то вверх. Топтыгин резко мотнул головой, опустил, снова приподнялся над копной. На какое-то мгновение замер. Охотнику хватило этого мгновения для прицеливания. Прогремел второй выстрел, пуля глухо и тяжело ударила во что-то мягкое, податливое. И зверь сразу осел вниз.

Пуля угадила ему в ухо и разворотила череп. Эти детали я увидел уже потом, когда рассматривал рану. «Как белке в глаз, так и в ухо. Разве кто, кроме аса – охотника, смог бы еще попасть?».

Собаки бросились к берлоге, вскочили наверх. Из копны шел пар. «Что это может быть? – подумал я. – Наверное, от крови». Я еще не решался сдвинуться с места, а Михалыч, перезарядив штуцер, уже подошел к берлоге, заглянул внутрь и стволом ружья потрогал медведя.

– Готов, – сказал он мне, робко выглядывающему из-за его плеча.

Залазим в копну и пробуем вытащить тушу медведя. Но в звере около 200 килограммов, и нам приходится разрубить берлогу с одной стороны. Вытащили. Я настороженно рассматриваю шатуна.

Какая громадина! Шерсть, уже запачканная кровью, стала черно-багровой. Раскрытая пасть и глаза на выкате – все вгоняет меня в неприятную дрожь. Из прострелянного уха, пульсируя, вытекает тоненькая струйка темно-красной крови. Кажется, вот вскочит зверь и навалится на меня, сомнет как былинку...

Михалыч, достав нож, начал снимать шкуру. Теперь уже не страшно, и я подхожу вплотную.

– Отойди, не мешай, не хочу тебя видеть, – с насмешкой, но как-то уже мягко говорит мне охотник. Видимо, простил мою очередную оплошность.

Отхожу к берлоге, рассматриваю копну и думаю: «Как же умно зверь сложил, сплел ветки. Дно устлал лапником и сухой травой. Зимовать запросто можно». Так размышляя, я стоял, разглядывая черноту, что проступала сквозь щели верховой берлоги. Конечно, первая же вьюга залепила бы все щелки.

– Иди сюда, полюбуйся на своего шатуна, – позвал меня Михалыч.

И с назидательной ухмылкой, но уже не злобиво, продолжил, тыча ножом в зверя:

– Вот тебе правая нога, вот правая лопатка. Смотри-ка на ней рубец незаросшей раны. Давний наш знакомый – хромал на правую переднюю лапу...

«Как же тесен мир, – думаю про себя, – ведь рядом в тайге столько других медведей. Их не видно и не слышно. Спят. А этот шатун столько накуролесил, столько обидел»...

– Вот, смотри, я вырезал желчь. Очень ценная, она идет на лекарство – показывал между тем охотник. – Заверни в чистый бинт, положи в рюкзак. А это сало, что срезал, давай в целлофановые мешки.

Мы упаковали сало в рюкзаки. Михалыч обошел болото по кругу, помозговал и принял решение:

– До избушки мясо и шкуру мы и до завтра не перенесем, если даже всю ночь топтать будем. Мясо и шкуру оставим пока здесь, на том вот озерке, рядом, – показал он на маленький пятачок льда, припорошенный снегом.

Так и делаем. Переносим мясо, сверху закрываем шкурой, а еще поверх – застилаем палаткой. На палку, воткнутую рядом, охотник привязывает четыре стреляные гильзы.

– Будут звенеть от ветерка, а главное – пахнуть порохом. Отгонят от мяса любых хищников.

Закончив все, наконец-то двигаемся к избушке. Темнеет. А еще полно работы. Надо собираться к отлету.

* * *

Приходим в избушку поздно и возимся в хлопотах до полуночи. Но утром встаем рано. Михалыч – непривычно веселый. Подходит к вязанкам пушнины.

– Выбирай жене соболей на шляпу, дочери – белок, себе – норок на шапку. Пока все шкурки на виду.

Я отказываюсь.

– Прилетим в Омск, там и отложишь, что сам присмотришь.

– Ладно, все одно мне их раздавать, а уж тебе выберу лучших. Представь, я пушниной не торгую. Я ее, в основном, дарю, – откровенничает охотник. – Но, конечно, не без выгоды для моей коммерции.

К девяти утра мы готовы. Перенесли несколько мешков на болото, где сядет вертолет. Но оружие и пушнина – в избушке.

Однако вертолет девятого декабря не прилетел – только десятого утром. Мы погрузились. Михалыч говорит летчику:

– Рядом, на озерке, еще медведя надо забрать.

– Что живого? – встревожился тот.

– Нет, уже разделанный на части, – усмехнулся Михалыч.

Подлетели к озерку, летчик глянул вниз и заметил:

– Я садиться на лед не буду – можно провалиться. Зависну, а вы подавайте.

Вертолет завис. Мы с Михалычем подали мясо, шкуру. Четверо вахтовиков приняли груз. Мощно заработали винты, и вертолет начал набирать высоту. А я все смотрел в окно и запоминал наши таежные места, ставшими мне такими близкими. С 17 октября по 10 декабря – ровно 55 дней и ночей – провел я здесь... Много это или мало? Ответить не просто.

Михалыч в вертолете никак не успокаивается. Поговорил с водителями – вахтовиками, достал «НЗ» – бутылку коньяка. Из металлической кружки угостил тех, кто не отказался. Мне же налил не менее 150 грамм, по-родственному. Я не пью крепких напитков, а здесь – надо, все-таки праздник, летим домой!

Затем охотник достал из мешка пару соболей и пошел к пилоту, приговаривая:

– Чтобы быстрее долететь, надо подарить хозяину на шапку.

Один из вахтовиков хмыкнул:

– Ничего себе, подарочки, миллион сразу?!

Я изрядно охмелел и прильнул к окну. Внизу расстилается безбрежная тайга. Мысленно прикидываю: какая у меня по композиции должна быть следующая художественная выставка. И четко вижу около десятка картин: кедрач, мост из поваленного дерева над речкой, гордый выступ леса – Мыс, рямки – панорамные виды тайги.

Вторая часть выставки будет носить название «Сибирский характер», туда войдут написанные ранее портреты нефтяников, строителей, местных старожилов. Рядом встанут полотна с эпизодами охоты. Главное – колоритная фигурка бородатого таежника, сидящего на крыльчке охотничьей избушки, разбирающего свои снасти. Почему охота и охотник достойно дополняют выставку? Это понимаю только сейчас, через 55 дней, проведенных в тайге.

Охота – древнейшее ремесло, самое первое для человека. В Сибири и сегодня она очень значима. В Прииртышье, в каждой деревне, через дом живут или охотник, или рыбак. Охотой здесь занимаются с детства, она кует характер, воспитывает смелость, решительность, развивает силу, ловкость. Десятки трудностей на охоте делают человека закаленным, готовым к любым жизненным испытаниям...

Смотрю в окно и вижу: под вертолетом появился Иртыш. Неожиданно река уходит вправо, летим над сосновым бором. Снова показалась узкая, голубоватая полоска – и я чувствую, как сильно обмелел Иртыш.

Высота небольшая. Отчетливо видны катер, баржа с нефтебаками, на берегу – два домика. Песчаный берег – и по нему бежит мальчик с собакой.

Река, с многочисленными островками и песчаными косами, словно путеводитель, ведет нас на Омск. Присмотрелся внимательно: у самой воды – скотные постройки, какие-то сараюшки, металлические емкости, насосы... И чем ближе к городу, тем захлапленнее берега: вот лесоперевалка, склады, штабеля бревен, на песке, лежащая на боку, старая баржа. Различаю почти интуитивно: плывут бревна, какие-то коряги, доски и повсюду – широкие пятна мазута. А вот – вдоль берега ветхие домики, железные гаражи, ремонтные площадки, мастерские, и в оврагах – свалки...

– О, Боже, что вы, люди, делают с рекой?! – неожиданно прошептал я громко и испуганно оглянувшись.

Михалыч оживленно разговаривал о чем-то с вахтовиками, шум мотора глушил их слова. Лайки лежали, свернувшись клубками, на наших мешках.

Вертолет уже приблизился к городу, показались густые шлейфы дыма нефтезавода, зловещие языки пламени над громадными трубами. Да и весь пригород покрыт грязно-синеватой, ядовитой пеленой смога... В моем воображении возникла чистая, незамутненная таежная речка, отражающая синь неба и громадину прибрежных лесов. В воду погружаются ярчайшие лучи солнца, освещая прозрачное дно.

И я мысленно повторяю: «Прощай, янтарная смола и озоновый воздух!.. Прощай, весенняя зелень наших «путиков»!.. Прощай, дикая, вековая таежная краса!..».

ТАЁЖНАЯ ОХОТА

С Анатолием Михайловичем я знаком давно и вроде бы знаю его - и не знаю. Знаю как человека, садовода, председателя областной секции охотничьего собаководства, как охотника на водоплавающую дичь, а вот как таежного охотника - почти не знаю. Хотя он одним из первых выполняет договорные обязательства по сдаче пушнины и является победителем многих соревнований со своими таежными лайками. Я мало бывал в тайге и, когда мы встречаемся с ним, задаю ему массу вопросов о таежной охоте.

ИСПОВЕДЬ ТАЕЖНОГО ОХОТНИКА

Беседа затянулась. Более часа сидим с Михалычем у него на квартире в небольшом кабинете. На стенах развешено различное охотничье оружие: старинные дробовики, винтовки заграничных и отечественных фирм, штуцеры, мелкашки, карабины. На отдельном ковре – ножи, кинжалы, сабли. А когда я входил сюда, в коридоре натолкнулся взором на чучела глухаря, белой куропатки, филина. Впечатлили огромные лосиные патлы, рога оленей, косуль.

Михалыч два дня назад вернулся из тайги. И так то здоровенный мужик, а еще и в пуховом свитере, он выглядит громадиной на фоне маленького дивана. Шкиперская борода, густые волосы с чуть заметной сединой, молодой взгляд, энергичные движения – ему никак не дашь за шестьдесят. Он совсем не похож на пенсионера.

Но сегодня ему явно не по себе: покашливает, чихает, нездоровым румянцем дает знать о себе температура. Под глазами полукругами – темные отеки. Тем не менее, донимаю его вопросами, надеясь тем самым не только заполучить интервью, но и отвлечь его от недомогания.

– Михалыч, мы с тобой прежде больше говорили о том, как ты удачно поохотился, о встречах с разными людьми, о красоте природы... Словом, «о трудовых успехах». А ведь тайга полна неожиданностей, случается наверняка такое, когда охотник оказывается на грани жизни и смерти. Расскажи об этом.

Михалыч немного помолчал, размышляя, потом ответил:

– Знаешь, о тяжелых и опасных моментах не люблю вспоминать, зачем ворошить старое. Оно вот здесь, под сердцем. Не хочется нервировать, волновать родных и знакомых, отпугивать начинающих охотников. Но и замалчивать такое, пожалуй, нельзя. Взять хотя бы ситуацию, когда по окончании сезона приходится выходить из тайги «пехом»...

НЕОПЫТНОСТЬ НАКАЗУЕМА

Случай этот произошел на третий год моей таежной охоты. Промышлял я на пару с таким же молодым парнем – Димкой Емельяновым. Он – из Тевриза, а его родичи – семейство остяков – жили когда-то на речке Ягыльях, притоке Васюгана.

Стояла середина декабря. Собрав в рюкзак десяток шкурок соболей и около тридцати беличьих, положив маленький топорик и литровый мятый чайник, я отправился в сторону Тевриза один, оставив напарнику все свои продукты. С мелкокалиберной винтовкой и рюкзаком за плечами, я торопился домой – на Новогодние праздники. А Димка оставался в тайге до конца января.

Вместе с Кучумом, моим преданным псом, я рано утром в сумерках пробрался через огромный кедрач и к рассвету вышел на мыс, где стояла одна из наших избушек. Зимовье – маленькое, но в нем есть запасы продуктов и крохотная печка из жести. На ней сварганил чай, передохнул. Прихватил в рюкзак несколько сухарей, нацепил лыжи и вышел на край ряма. Запомнилось, как с одинокой березы слетели три тетерева...

Впереди, насколько хватало глаз, простиралось бескрайнее болото. Над блестящим снежным покровом поднимались редкие, невысокие сосенки. А внизу из-под снега кое-где пробивались клочья мха, кочки, багульник. Мне предстояло пересечь эту белую пустыню, длиной в двадцать пять километров по центру, дойти до мыса соснового бора, что справа по ходу, свернуть туда, а там, через восемь километров, у речки, в доме старика-охотника, живущего с бабкой в давно брошенной деревеньке, можно передохнуть. От них надо идти кедрачом до заимки, за которой расположен хутор, населенный большим семейством остяков. А уж дальше будет люднее. Этим путем я раньше выходил из тайги с братьями Федоренко. Есть такая знаменитая в Прииртышье династия охотников. С их помощью школу охотника я прошел приличную.

...Стою у болота, смотрю вдаль и замечаю, как в потеплевшем воздухе начинают роиться снежинки. Стал усиливаться ветер. «Быть пурге, – определил я с опаской, – этого еще не хватало...».

Делать нечего, двигаюсь вперед. Лыжи глубоко проваливаются в снег, при этом носки их задираются так, что мне необходимо высоко поднимать колени. Палка-посошок помогает сохранять равновесие. Через километр вспотел, промок насквозь (хорошо идти по путику, по накатанной лыжне, а если бить целик, то лучше вдвоем, попеременно меняясь). Устал. Сбавил темп. А ветер все сильнее и сильнее, пронизывает до костей. Оделся-то я легко, даже свитер запасной не захватил.

Прошел километра четыре. Снег – все гуще, видимости почти никакой. Болван – компас забыл в избушке. Ориентируюсь только по ветру, что резко хлещет в левую щеку. Где-то километра через два неожиданно усилился «подлип» на лыжах, цепляясь за них целыми комьями сырого и вязкого снега. Видать, внизу, у мхов, стоит вода. Сбросил лыжи, взял их под мышку. И мои кисы-торбаза действительно зачмокали под снегом по воде. Это очередная моя оплошность. Вода быстро просочилась в обувь, и носки стали сырыми. Пришлось снова надеть лыжи.

А снег повалил, как из мешка, таким сплошняком, что в двух шагах ничего не рассмотреть. Подсчитываю – прошел уже более половины пути. В голове – одна лишь мысль: давай, давай, иначе несдобровать...

Отдыхать, честно говоря, не привык. Все последние дни, проверяя капканы, по путикам я пробегал на лыжах по 30-40 километров. И ничуть не уставал. Удивляя Димку, хлипка, он-то и половины моей работы не делал, даром что из деревни. Пить надо меньше: даже в тайгу взял три бутылки водки, козел, а продуктов – всего мешок сухарей да капуста. Я набрал масла и сала, колбасы и сыра. Едим-то с общего стола. Ну, конечно, я не курю и не пью. Запросто Иртыш дважды подряд переплывал без отдыха...

Так за размышлениями о Димке и о себе я протопал еще несколько километров. Вот-вот должен показаться долгожданный мыс соснового бора. А ветер схолодал. На левом боку у меня в штормовке – маленькая дырочка. Напоролся где-то на сучок несколько дней назад. Туда проникает ветер с такой силой, что вначале леденило, а теперь появилась режущая боль. Что делать? Остановился. Несмотря на холод, захотелось пить. Похватал снегу. Почувствовал голод. Достал четыре сухаря, два – себе, два – Кучуму. Пес, раздавив клыками сухари, долго и тщательно собирает крошки в рыхлом снегу.

А левый бок у меня еще пуще болит, мерзнет. И тут меня осенило. Достая из рюкзака шкурки двух соболей, толкаю их под куртку. Поплотней застегиваюсь. Сразу стало тепло. Давно бы так.

После маленькой передышки пошел поначалу быстрее, легче. Но вскоре снова навалилась усталость, и появилось какое-то безразличие. Отсыревшие кисы заледенели,

сверху, за отвороты, тоже попал снег. Чувствую: явно сдаю, одолевает сонливость. Снова хочется пить – хватаю снег горстями, хотя знаю, что этого делать нельзя, а надо бы вскипятить чай. Собака следует позади меня, по лыжне. Пробовала выбегать сбоку, не получилось. В глубоком снегу она проваливается, а короткие лапы не достают до земли. Дергается, елозит – и опять выбирается на мой лыжный след.

А мыса справа нет и нет, хотя, по всем расчетам, давно пора бы ему быть. Что-то не так. В душу проник неведомый доселе страх. Обессиленный, прилег на снег отдохнуть, хочется заснуть. Но твердо знаю: этого ни в коем случае делать нельзя.

Кучум прополз по глубокому снегу к моему лицу, несколько раз лизнул в щеки. Я сразу с трудом (опереться-то не на что) поднялся, пошагал дальше. И все думаю: «Когда же появится этот проклятый сосновый бор?».

Голова – тяжелая, как чугунная. Во рту – пересохло. Разгреб снег, сорвал с кочки несколько клюквинок. Пожевал. Вроде посвежело.

Только двинулся дальше – увидел черноту. Как же так?! Это сосновый бор клином слева наступает на болото. Но мне-то нужен лес справа. Кучум, стараясь выпрыгнуть из снега, короткими скачками удаляется к крайним деревьям и начинает громко лаять. Делаю несколько шагов в его направлении и вижу: на нижней ветке сосны пристроился громадный глухарь. Он цокает, слегка прихлопывая крыльями. Явно сердится на лающую собаку. С большим трудом замерзшими руками достаю из-за плеча тозовку. Целюсь. Стреляю. Глухарь тяжело обрывается в снег. Подхожу, кладу его в рюкзак – тянет на десять-двенадцать килограммов.

Как замерзли руки!.. Пробую согреть их дыханием. Но, кажется, и выдох мой уже холодный. А сам все размышляю: «Как это отклонился влево так далеко?» Четко помню с прошлых лет что этот косяк леса выступал как раз напротив нужного мне мыса, что с правой стороны. Расстояние между ними – километра три. Небольшое, конечно, однако мне, вконец обессиленному, страшно далеко. Ну, а влево я забурил из-за ветра, постепенно менявшего свое направление.

Встаю спиной к ветру и двигаюсь прямо в снежную глубь, пересекая болото. Ветер строго дует в затылок. Прошел немного, оглянулся. Мой след обозначился перпендикулярно кромке. Теперь не заплутаю. Недалеко до мыса, за полчаса ветер меня не подведет. Надо только не останавливаться, не отдыхать.

Медленно, шаг за шагом продвигаюсь сквозь мутную белизну. Пурга явно стихает, снег на лыжи не липнет. Но вот незадача – замерзший глухарь в рюкзаке камнем давит на плечи. Наверное, сейчас время позднее, раз глухаря застал на дереве. Да и метель обычно стихает к вечеру. Как мучительно долго тянется переход. Вечность. Целую вечность!..

Глаза слезятся, протираю их ладонью. Да, конечно, это уже чернеет мой сосновый бор. Наконец-то! Каких-то двести метров пройти. Мой спасительный мыс. Спешу, спотыкаюсь, падаю, встаю... И так – несколько раз, пока не подошел в упор. Вот она, знакомая сосна, с двумя зачесами и мелкими зарубками.

Сил прибавилось. Спешу по чуть заметной просеке вовнутрь бора. Даже Кучум, чувствуя конец перехода, то и дело пытается выпрыгнуть вперед, и каждый раз возвращается на мой след. Тяжело ему. А мне какво?

Этот чертов глухарь тяжело давит и леденит плечи. И на кой он мне хрен? Выбросить его из рюкзака. Да вот руки не могу поднять – такая усталость, безразличие. Вот тут бы упал сейчас же в снег – и замер.

С трудом перебарываю себя и толкаю ноги вперед. Хорошо, хоть лыжи в лесу проваливаются меньше, чем на болоте. Вокруг становится темнее и темнее. Но что это? Метрах в ста в стороне раздается волчий вой. Такой долгий, тягучий и тоскливый. Через несколько минут повторяется. Теперь – гнусавый, жуткий, с подвизгиванием. Чую опасность, Кучум рычит, поднимает шерсть дыбом.

И вот – маленькая радость: на небольшой поляне стоит стог сена, обнесенный изгородью. От этой поляны до дома охотника – километра четыре. Подхожу к изгороди, облакачиваюсь,

расслабляюсь. Силы окончательно, разом покинули измученное тело. И надо же, изгородь не выдерживает моего веса, трещит, ломается. Я трупом сваливаюсь в небольшой сугроб, зарываюсь в него с головой.

Лежу и думаю: как приятно, тепло. Отдохнуть бы так минут с десяток. В голове возникают какие-то голоса, слышится женский ласковый говор. «Наверное, я уже пришел, это бабка охотника о чем-то меня спрашивает...».

Сознание отключилось полностью. Так сладко невесомому телу. Весь я куда-то плыву, плыву. Смутно различаю: кто-то тычется в лицо. Это Кучум. Он не просто лижет мои щеки, а сильно и больно толкается влажным носом. Очухиваюсь. Чего же это я делаю? Вставать, вставать как можно быстрее! Руки проваливаются в сугроб. Посошок я где-то выронил. Ворочаюсь, с плеча соскочила винтовка – опираясь на нее, встаю.

И снова, уже близко – волчий вой. Кучум яростно лает и бросается вперед. В полутьме, на просеке мгновенно мелькнула тень – большая, зловещая.

Осматриваюсь, шагаю. Быстрее, быстрее. Чую подсознательно: обстановка – хуже некуда. Прохожу сто метров, двести... Километр...

Что это за огни впереди? Сотня огней! Как в деревне. Но деревни-то здесь давно нет. Мотаю башкой. Огни исчезают. А вот небо прояснело. Вызвездило. К холоду. Прошел немного, в глазах – снова рой огней. И опять трясую головой: огней словно и не было...

Как во сне, тихая снежная просека ведет меня дальше и дальше. И вновь вокруг – огни. Теперь-то я понимаю: это – галлюцинации. Тру виски руками и прогоняю мираж.

С трудом переступая, поминутно возвращая себя из забытья, наконец, уперся носом в бревенчатую стенку. Из-под навеса залаяла собака, Кучум незлобно огрызнулся. Вхожу в сенцы, поднимаюсь по ступенькам. Фонарик мой почти не светит – батарейки сели. Или оступаюсь, или поскользнулись заледеневшие кисы, только я загремел с крыльца на пол. Через приоткрытую дверь слышу бабкин голос:

– Дед, иди глянь – не медведь ли торкается?..

Что дальше – не помню. Спал более суток без просыпа. Выпил несколько душисто заваренных чайников. На второй день одыбался. Старый охотник, тряся реденькой рыжей бородой над моей кроватью, дымя самосадам, приговаривал:

– Ничо, паря. Всяко бывает... На то она и тайга...

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Нас – трое. Наш путь лежит по глубоким снегам через Урнинское болото. От речки Тягус до Тевриза – двести пятьдесят километров. Выходим из охотничьей избушки в четыре ночи, подсвечивая фонариками, добираемся до выступа соснового бора, что у кромки болотистого яма. В темноте точно находим нужное место, пьем чай. Первые проблески рассвета. И сразу – вперед.

Признаться, это же каторга: идти по пояс в снегу, переправляться через речки, лезть через заломы. За день болото не пройти, на ночь вместе с собаками надо зарываться в снег. Костерок – крохотный. Наломашь веточек-вершинок, лишь бы чай вскипятить. И прижавшись друг к другу, терпишь холод до утра.

У нас – шесть собак. Три – мои, две – Валеркины, а одну подсунил мне знакомый: «Возьми в тайгу, пусть с твоими побегает, поучится...» Взять-то не проблема. Но и ответственность возникает: потеряется вдруг или кто застрелит – хозяин подумает: «Продал...». Знаю эти номера.

Только вышли на болото – видим крупный свежий след соболя. Собаки умчались по кромке бора. Валерка еле докричался до них. Стоим, смотрим. Далеко-далеко впереди – вершины, этакой тонкой полоской. Это – Малые Урны, мы туда не идем. Если показать по карте: здесь – Малая Урна, здесь – Кедровая речка, она – побольше. Дальше – стенка. Черная, еле заметная, Неопытный сразу не поймет. Мы обычно прем мимо-мимо. Нам – вот сюда, левее, где Большая Урна. Мы будем все идти и идти по болоту. Надо выйти на западный профиль, и по нему – прямо в стенку Урны...

Много раз бывал я здесь, Валерка Сысолятин тоже места эти исходил. А вот третий наш компаньон, Николай Васильевич, – совсем далекий от охоты человек. Флегматичный, слишком полный и медленный – ему все до лампочки. Она наверняка первый и последний раз в тайге.

Вышли мы на болото рано, перли почти без отдыха целый день, а пройти его не удалось. Ветрина – ужасный, пробирает насквозь. Свечерело, делаем привал на ночевку: копаем ямки в снегу, ставим бортики от ветра, разжигаем костер, готовим чай. Холодрыга – ужасная. Еле дождалась рассвета. Утром мы договариваемся с Валеркой идти на Урну. Собаки – голодные, самим есть нечего. Попеременке с ним, топчем целик, прокладывая лыжню. Николай Васильевич неприспособленный выполнять этот каторжный труд, тащится сзади, по готовой лыжне. Чужеспинник. А как уговаривал меня, чтобы я взял его с собой, обещал делать любую работу. За всю охоту он ни разу не развел костра, не приготовил ужин. Придет в избушку, упадет на нары и заявляет: «Устал, ничего делать не могу...». Нахал да и только.

Вот и сейчас. Я – впереди, Валерка – за мной, за ним бегут собаки, и последним – чужеспинник. Он то и дело кричит на собак, иногда и пнет какую-нибудь. Они ему, видите ли, мешают. «Ну, выродок какой-то...» – зло думаю я про себя.

Идем долго, без отдыха. Силы у всех – на пределе. Голодные, озябли. Но вот, в кедраче – избушка. Зимовье крохотное, в нем – ни продуктов, ни дров. Насобирали валежин, затопили печь. Согрелись. У меня в рюкзаке – небольшое НЗ, выдаю каждому по сухарику. Пьем чай...

– Пойдем на Обитово, так прямее, – предлагает Валерка.

Я соглашаюсь – и зря. Только вышли, в такие ломи забурились – не пролезешь. Сняли лыжи и продираемся сквозь нагромождение сушняка. Вышли в пихтач – из-под ног вырвалась стайка рябчиков, мелькнула и скрылась.

– Нет, чтобы сесть на деревья – был бы у нас обед, – недовольно ворчит неутомимый Валерка, пробивая лыжню.

Дошли до балка-вагончика. Он без окон, со сломанной дверью. Вошли внутрь, разожгли костер. Я выдал всем еще по одному сухарику. Собакам сварил похлебку с крошками. Чай пьем без сахара. Отдыхаем. Молчим. Гляжу на Николая Васильевича: это по его вине сломалась рация, и мы оказались без вертолета; по его вине сгорела наша базовая избушка, а с ней – продукты и одежда. Пожар случился 21 ноября. Я и Валерка ушли утром проверять капканы, а этот увалень еще спал. Продрав глаза, затопил жестянку и поперся тоже осматривать свои капканы. Он их ставил рядом с зимовьем. У печки – дверца плохая, угли высыпались постоянно – за ней глаз да глаз нужен. Дрова, положенные для просушки возле печки, видать, и загорелись. А стена – рядом, в пазах ее – сухой мох, который вспыхнул, как порох. Правда, Николай Васильевич находился поблизости. Увидел дым – прибежал. Вынес сразу из огня три связки шкурок и мое дорогое ружье. Но второй раз войти не смог. Уже полыхала вся избушка. Лабаз с продуктами, стоявший поблизости, тоже сгорел.

Рация в первые дни работала, хотя и потрескивая. Он заявил, что эту технику знает, как своих пять пальцев. И принялся за ремонт. Разобрал и с трудом собрал. Остались лишние запчасти. Повторил разборку-сборку. И опять – без толку, молчок. Вот и она сгинула в огне.

Итог: без рации нет вертолета; без продуктов и одежды мы не могли продолжать охотиться и оставаться дальше в тайге. Потому-то налегке срочно выходим с промысла. Голодные, холодные, с полупустыми рюкзаками. Даже подстрелить тетерева или глухаря за последние дни никому не удалось.

– Чего задумался, Михалыч? – подтолкнул меня не унывающий никогда Валерка. – Мечтаешь, как бы поскорей добраться до избы Макарыча и наесться горячей картошки?

– Отгадал, – отвечаю я. – так оно и будет. Вы здесь собирайтесь, прикройте балок, чтобы какая-нибудь собака у костра не осталась, а я побежал тропить лыжню. Догоняйте...

С этими словами поднимаюсь, выхожу, цепляю лыжи и начинаю бить целину. Медленно-медленно за мною потянулась лыжная полоска. Вхожу в ельник и вижу десятки следов всевозможных зверей и птиц. «Чего это они здесь собирались?» – думаю, приглядываясь к кустам. И вижу под валежиной притаившегося зайца. А тозовку-то оставил Валерке. Надо же,

рядом добыча – и не возьмешь. Оглянулся – попутчики тянутся следом. Собаки залаяли – заяц не выдержал, выскочил и метанул куда подальше.

Вечереть стало. Дошли до Обитова, впереди – увал, за ним – избушка. Но надо сначала обойти плотные заломы из поваленных деревьев. Валерка, подтянутый и суховатый, зашебутился.

- Михалыч, вон старый путик, давай по нему обойдем завал слева.

Так и делаем. Валерка – впереди, я – за ним. И пошли, и пошли. Все влево и влево. Кругалая даем. Бац!.. Выходим на свой же след. Валерка, изображая удивление, протягивает:

– Смотри-ка, здесь лыжня свежая, кто-то уже проходил...

Я не вытерпел:

– Сейчас как дам тебе кулаком по глазу, так будешь видеть, чьи это следы.

Постояли, посмеялись. Я снова встал во главе. Спустились в ломи, взяли лыжи под мышку. Еле продрались сквозь чащобу и поднялись на увал. В избушке нам повезло: в одной сумочке на полке нашли с килограмм крошек от сухарей. Вскипятили воды, насыпали крошек, накрыли котелок. Эх, и напарилась же каша. Разлили по чашкам. Едим молча, неторопливо. Руки дрожат, ложки стучат по зубам. Такая вкуснота. Попили чайку, огляделись.

Крыша у избушки по центру дырявая, прямо на нары падал снег, подтаял, потом снова застыл, превратившись в лед. Валерка срубил его топориком, пока я готовил кашу. Снова кипячу похлебку из остатка крошек для собак, а Николай Васильевич уже успел упасть на нары и захрапеть. Валерка выматерился:

– Ну, и трутень. Выхватил кровать, а нам с тобой – на полу. Как всегда...

Переспали. Выхожу за дверь. Выпал небольшой снежок. Собаки вскочили, открыли пасти, зевают, крутят голодными языками. А Ласки, чужой собаки, нет. Вечером-то я и не рассмотрел в темноте. Вхожу в избушку, ярость накапает в груди, сжимаются кулаки. Спрашиваю:

– А где Ласка, кто последний выходил из балка? Я же просил его закрыть...

Валерка отрицательно мотает головой: «Не я...». Николай Васильевич сознается:

– Я выходил последним. Закрыл ли – не помню. А Ласка – хрен ее знает где.

Чувствую, не договаривает он чего-то. Я – злой, готов его пришибить чем-нибудь. «Ну, вредитель какой-то и только: сжег избушку, оставил нас без вертолета, а теперь вот и собаку потерял...». Выругался я крепко, не стерпел, плюнул в его сторону.

Валерке говорю:

– До избы Макарыча 21 километр, это большая деревня Пролетарка. Если по прямой пойдете, намного короче. Вечером будете там. Я вернусь за собакой. Если вас не догоню, не ждите. Встретимся в Тевризе.

С этими словами отдаю ему тозовку. Она на троих одна. Мне бежать обратно – только лишняя тяжесть. Достāju НЗ: кусочек сала и пакетик супа. Валерка – категорично:

– Ты чего это? Мы вечером будем ужинать у Макарыча. Оставь себе.

Кладу кусочек сала обратно в рюкзак, а пакетиком накрываю на печке сверху чайник, вместо крышки. Жалко оставшуюся заварку. Зову с собой Кучума, цыкаю на остальных собак и качу на лыжах обратно к балку. Ласка, наверное, осталась там. Десять километров ходу, лыжня накатистая – и через час с небольшим я у цели. И точно. Внутри, у костра – ночная лежка Ласки. Ей было тепло, она и осталась. Но утром почему-то не пошла по нашему следу, а повернула назад, в избушку. Это еще 15 километров.

Передохнул. Делать нечего. Зло сплюнув, побежал туда. Не люблю отступать от задуманного. Да и собаку жалко. Качусь, а следов по свежей пороше – уйма: и соболя, и норки, и колонка. Ветерок подул, с сосен и пихт посыпался куржак, припорошивая следы. Осталось с полкилометра. Вот и ручей. Глубокий, не замерзший; сильных морозов ведь и не было. Сосна – поперек, наш мостик. Перехожу, тороплюсь. Лыжи – под мышкой, рукам неудобно держаться за ветки. Одна обломилась, я потерял равновесие, упал.

И надо же: правая нога, попав между двумя толстыми сучьями, пошла на излом. Резкая боль, аж в глазах потемнело. Ухватившись руками за ствол, подтянулся, освободил ногу. Как верхом на лошади, передвигаюсь по дереву. Слез на землю, стою на левой ноге. Правое колено горит огнем. Потрогал рукой: вроде бы чашечка на месте, вывиха нет. Наверное, разрыв связок.

Осторожно переступая, подобрал у ручья брошенные лыжи, достал топорик. Вырубил два аккуратных посошка. И, как на лыжных палках, пошел, стараясь не загружать больную ногу. В конце шага грудью наваливаюсь на палки. Доковылял до избушки. У порога (дверь – открытая) меня встречает радостная Ласка. Сразу же разворачиваюсь и без передышки – обратно. Таким медленным шагом...

Сначала боль вроде небольшая. Но оступился раз, другой – и невтерпеж. Останавливаюсь, пережидаю, пока успокоится колено, – и дальше. Сплошные муки. Вышел я в полдень, а пришел в балок в час ночи. Зажег печку, насобирал на полке по углам хлебных крошек и сварил с салом суп. Покормил и собак. Ночь показалась чересчур длинной. Холодрыга – окон-то нет. На ладонях от палок и чрезмерной нагрузки – кровавые мозоли. Стерты и плечи.

Несколько раз за ночь топил печь. Утром попил чайку. Перед тем, как выходить за порог, пощупал колено. Боли особой нет, но оно чудовищно распухло. Даже страшно стало. Залез в штанину рукой, а там, вокруг колена, – большое водянистое месиво, обтянутое кожей. Поникший духом, осторожно вылез, надел лыжи и поковылял, передыхая время от времени. Пройшел километра два – как вдруг, рядом с лыжней, взлетел глухарь, аж снег взвихрился следом. Сел он на сосну метрах в тридцати от меня. Вот фокус-то. Тозовка висела за плечами целую неделю – и не попалось ни одной дичины. А здесь – безоружный. В рюкзаке пусто, жевнуть нечего.

Остальные восемь километров тащился до вечера. Шел и все думал о пакетике супа, оставленном на чайнике. Съели его мыши или нет? А голод к вечеру навалился ужасный. Результат почти двухнедельного недоедания (последние дни совсем впроголодь). Иду и досаую на себя: зачем было оставлять пакетик на чайнике, лежал бы себе целехонек в рюкзаке. Я собирался вернуться к вечеру, а миновало два дня. Думать о чем-нибудь другом я уже не мог. Ах, пакетик, пакетик...

Дошел до избушки в сумерках. Как хорошо, когда на пути есть зимовье. И отогреться, и отоспиться. Захожу, а пакетик супа на чайнике – целехонек. Вот удача, вот радость-то! Быстро затопил печь, в кипяток всыпал осторожно содержимое пакетика, распарил. Себе налил погуще, собакам развел пожиже. Неторопливо ем, как Богу молюсь. Смакую каждую ложечку, боясь расплескать содержимое. От усталости руки трясутся. Поев, еще раз натопил печь докрасна, аж уши завяли. И заснул мертвецким сном.

Проснулся рано с единственной заботой: как преодолеть 21 километр до Макарыча. Ночевать в лесу, у костра – не очень желательно. А дня и вечера на переход не хватит. Растер колено. Опухоль немного спала, боль не простреливает. Настраиваюсь на трудный путь. Так оно и получилось. Хорошо, что не нападало снега. Лыжня, оставленная Валеркой, подмерзла и держала отменно. Приплелся я в бывшую Пролетарку в два часа ночи.

Несмотря на позднюю ночь, радушный дед Макарыч встретил ласково. Бабка приготовила ужин, потом долго охала, ахала над моим коленом. На ночь наложила на опухоль какой-то мази, замотала тряпками. Я забрался на печку.

За два дня я отлежался, восстановился. Колено не болело. На третий день поплелся на Бородинку. И тут повезло: меня подобрал трактор, тащивший волоком бревна.

В Бородинке до этого случалось бывать много раз. Так что я знал дорогу в столовую. А денег в кармане – 26 копеек. И на них мне отвалили тарелку борща с мясом и горку хлеба. Не верилось даже. Наелся, как царь, Одна из поварих, молоденькая, рыжеватая, подошла, расспросила, отчего я такой заросший и исцарапанный. И пригласила к себе домой ночевать. Я рассмеялся и отказался. Принял ее предложение за шутку.

Рядом со столовой располагалась котельная автохозяйства. Пришел туда, забрался на мягкие резиновые шланги, ноги вытянул к печке и такого дал храпака, что к утру даже приснилась та самая повариха.

Рано утром на попутке выехал на Тевриз. Прихожу к Валерке, а собаки мои у него. Я-то просил Николая Васильевича, когда за ним придет машина из Омска, чтобы он меня дождался или хотя бы забрал моих собак. А он один сел в восьмиместный «пазик», и даже собак не взял. Вот тварь, нахалюга, хуже не придумаешь. Столько бед от него в тайге натерпелись, и в конце – черная неблагодарность...

Такие люди – случайные на охотничьей тропе. С настоящим охотником, пешком на лыжах, я готов идти хоть до Салехарда и дальше. Опаснее одному, но, если по-умному, тоже не страшно. Нужен просто опыт. Вот в тот, первый раз, когда я один чуть не замерз, сам во всем виноват. Надо было обязательно взять компас, а когда очень устал, в том месте, где я подстрелил глухаря, срочно развести костер. Отрезать, скажем, лапы, оттеревить и сварить. Поесть, попить чаю и как следует отдохнуть у костра. Восстановил бы силы и уверенно пошел дальше. Если б нужда приспичила, можно было и у стога разжечь костер. А так – выматывать себя до смертельной усталости – нельзя. Такое делает только новичок.

БОЛЕЗНЬ НЕ ЩАДИТ И СИЛЬНЫХ

Для меня 1978 год был самым удачным. Добыл соболей около трех планов. А вот в следующий сезон – невезуха. Мне тогда шел сороковой год. Считаю, охотник в самом расцвете сил: и опыт, и сноровка, и здоровье отменное.

Прилетели вдвоем с опозданием. Попутного вертолета не было, а нанимать спецрейс – дорого. Взял с собой сына старейшего охотника, жившего когда-то и промышлявшего на притоках Туя. Леха хоть и рос с отцом, а охотник из него никудышный. Слеповатый, очкарик, доходяга, сопляк. Черноватый, круглолицый. Помесь ханты с манси. По-русски толком говорить не может. Не окончил ни единого класса школы. Ни бельмеса не понимает в жизни. Упрашивал меня здорово.

– Хочу в родную тайгу, надоело колотиться в городе. Буду тебе готовить обед, шкурки обработаю, рыбы наловлю, ягод, орехов насобираю.

Я согласился. В тот же день, как прилетели, я вечером двух оленей завалил. Все-таки четырех собак кормить, да и самим жрать надо. Мясо с уксусом замочили, наварили аж гору. Жую, чай распиваем. Леха долдонит:

– А я, Михалыч, давеча неподалеку след соболя видел. Через ельник следок, по кочкарке на болотину, потом с валежины на валежину. Тут и пропал след. Глянул на ель: огромная, кухта с нее вокруг посыпалась. Значит соболю пошел по верхам, видать, рябчиков и белочек промышлять. След-то ба-а-льшой. Матерый зверек, завтра покажу...

Слушаю Леху и думаю: «Пусть и хреновый охотник, а тайгу знает и любит. С ним – веселее».

На второй день с утра – легкий морозец. Тайга вся белоснежная, в инее. На снегу всевозможные следы: вот соболю промчался, там наследил зайчонок, здесь топтался и взлетел глухарь, а тут – колонок. Смотрю, и душа радуется. Расставляем по путику капканы, и у обоих расстройство желудка. Наверняка объелись оленины. Возле каждого куста приспускаем штаны.

Прошло несколько дней. Я хожу по путикам, проверяю капканы, Леха рыбачит рядом с избушкой на небольшой речке, похожей на ручей. Сегодня я принес двух соболей и белку. Снова наварили оленины. Не спеша распиваем чай. Я по обыкновению слушаю очередной рассказ Лехи.

– Утресь подошел к речке, след норки свежий. У нас с отцом заимка стояла у такой же протоки. Как сейчас, вижу родные места: молодой кедрач синий-синий. Дальше – темная, густая таежка, еловые отъемы вниз по увалу. Все рядом, под боком. Отец плашки ставит от порога и по кольцу путика. Через четыре зимовья два дня ходки. У отца двести плашек да всякие кулемки на норку, выдру, зайца, колонка. Шкурок дома на нарах – целая гора. Спал на них.

Слушаю Леху и улыбаюсь...

Каждое утро тайга выглядит по-иному. Сегодня пасмурно, сыро – тайга мрачная, особенно угрюм ельник. Следов соболя не видать. Да и вообще его нынче мало. На орехи нет урожая. Бескормица. Соболю, как бывало не раз, перешел в другие места. А после оленины – опять резь в кишках.

Весь ноябрь – одно и то же: плохая охота, расстройство желудка. Может, инфекцию где подхватили, а может, олени заразные. Как знать?..

Надо готовиться домой. Рация барахлит, разговоры соседей-охотников ловим, а нас им не слышно. Что-то случилось с микрофоном. Покопался отверткой, постучал – бесполезно. С вертолетом на обратный рейс сразу не договорились, а теперь без рации даже с соседями не потолкуешь, как выбираться из тайги. Пошел декабрь, первая неделя пролетела быстро. Проверяем днем капканы, вечером готовимся к выходу из тайги. И, как назло, воспалились почки. Несколько ночей не сплю, по нужде сходить – проблема. Может, тоже – от оленины?

Вот и сегодня кручусь от боли. Сел голый поясницей поближе к раскаленной печке – чуть легче. Леха талдычит:

– Михалыч, спина-то горит, аж шкварки отскакивают...

Я злюсь и говорю ему.

– Сгонял бы ты лучше к Сашке-соседу, может, с ним улетим. Время-то уходит.

Лехе неудобно, он морщится, жалостно смотрит мне в глаза и принимается канючить:

– Михалыч, я бы пошел к соседу, да боюсь, что его не найду. И даже признаюсь: не в этом дело. Просто сорок километров в один конец, сорок – обратно, я не осилю.

И начал мне буравить свои длинные побасенки:

– Как-то отец мне, еще пацану, подарил новую понягу, мягкие ичиги, вручил старенькую берданку. Собачка у меня была Найда. С утра – в тайгу. Полюбил пахучесть ельников, горьковатый привкус сосновой коры... Нравилось, как шуршит под ногами заиндевелая сухая трава, как алеет навстречу темная брусничная поляна, как ноги беззвучно погружаются в мох. На душе – радость. Да вот беда: сердце каждый раз покалывало при беге, щемило при тяжелой работе. Приду – расскажу матери. Та гоношится: блинчики мне с маслицем, варенье, медок... Потом вмешался отец, повез меня в Тару до врачей. Те определили: врожденный порок сердца, что-то там с митральным клапаном. Я до сих пор не знаю, что это за штукавина. Врачи предупредили: любая чрезмерная нагрузка и – каюк, можно скovyрнуться в могилу...

Рассказывает Леха, а я зло думаю: «Да, на вид-то ясно, что ты – недоносок». А сам говорю вслух.

– Леха, мы с тобой оба сейчас дефектные, дистрофики. А домой-то выбираться все равно надо...

Утром проснулись, и я решительно заявил:

– Вставай, у меня страшные боли в почках, сейчас же идем вместе к Сашке-соседу. Я с ним однажды уже улетал из тайги, он еще приглашал в гости. Восемьдесят километров – порядочно, может, «клин клином» болезнь из почек выбью.

Сказано – сделано. До обеда вышли с базовой избушки, легко по путикам прокатились за 25 километров до крайнего зимовья. Переночевали. Следующие 15 километров – очень трудные, без лыжни, по целине. Вечером, уже в темноте, подошли к путику соседа. Встали на готовую лыжню, и вдруг прямо на нас вышел лось. Здоровенный рогач. С первого же выстрела его свалил. А стемнело окончательно. Быстро обдираю добычу, рублю на части. Холодно. Мясо моментально застывает. Мороз – градусов за тридцать. Где-то по ходу к избушке, через километр, у Сашки – вертолетная площадка. Взяли с собой по лосиной ноге. Я – заднюю, тяжелую, а Леха – переднюю, полегче.

– Остальное с Сашкой перетащим завтра утром, – сказал я и пошел вперед, подсвечивая фонариком.

Мясо настолько замерзло, что у меня от холода заломило плечи. Леха кусок свой бросил сразу: «Не могу, сердце не выдерживает», – выдохнул он. Я же тащил до самой площадки.

Пришли в избушку. Дверь открыта, внутри пусто. Сашка уже улетел. Затапили печку, у меня такой открылся кашель – колотит всего. Вспотел, взмок. «Все, остыл, бронхи», – мелькнула болезненная мысль. Выпил несколько кружек горячего чая и заснул.

Утром пошли назад. К вечеру были в своей крайней зимовке. Устали. Зашли, сели – и встать не хочется. Это я-то старый осел, сижу потный и остываю, жестянку не затапил. Продрог, спохватился, но поздно. Натопили избушку, а меня всего сотрясает кашель. Тошнит, морозит. И плюс еще боль в почках. Во дурак – дожил...

Утром с воспаленной головой долго не встаю. Ворочаюсь, но надо топить печку. Сварили кусок лосятины, попили чаю. И потихоньку потопали. Лешка, обычно хныкающий, глядя на меня, больного, молчит, сопит. Затем старается сказать мне что-нибудь ободряющее.

– Смотри, Михалыч, вон птицам – ни забот, ни горюшка. Какие у сойки лазоревые перышки, а как синицы тенькают. Погода потеплеет...

К вечеру добираемся до базовой избушки. Еще раз настраиваю рацион. Тишина, и соседей не слышать. Прилег, всего лихорадит. От болей в почках, от надрывного кашля – сердце болезненно ноет, чувствуются в нем какие-то перебои. «Ну, влип, – думаю. – Что делать? Надо на что-то решаться...»

Наутро, до рассвета, поднимаю Леху, стараюсь говорить уверенно, бодро:

– Идем сейчас к Ваське, на Демьянку. Может, он еще на месте. Другого выхода нет...

Через 25 километров, к ночи кое-как добрались до избушки Василия. Она открыта – в порог воткнут топор. Значит, хозяин покинул тайгу.

Зажгли печь. На полке я нашел полведра сухарей. Забираем их. Хлеб-то у нас кончился. Пишу о том хозяину записку и кладу в пустое ведро.

Уже конец декабря. Утром больные направляемся в свою избушку. Сердце покалывает. Организм, в предчувствии огромной опасности, на пределе. Напарник мой еле-еле телепается сзади. Мы с Лехой, видать, остались единственными в этом огромном море лесов.

Даже собаки начали поскуливать и путаться под ногами. Словно наш страх перед неизвестностью передался и им. А сердце у меня готово выскочить из груди – болит нестерпимо впервые за всю жизнь.

Пришли к себе в избушку. Натопили как следует. Оленину не варим, надоело от нее бегать по кустам. Да и аппетита нет. Пьем чай – и тот без сахара. Два дня остается до встречи Нового года. Доедаем сухари, а что будет дальше?..

В невеселом раздумье пролежали два дня. Молчим, дремлем. Два сердечника, тот и другой держатся за грудь. Да, нам с Лехой своим ходом пройти 260 километров до Тевриза не под силу, нечего и думать. Надо ждать на месте, а вдруг кто придет на помощь?

Вспомнил, что на полке есть давний запас валидола, брал когда-то для одного спутника. Теперь пригодился и самому. Положил под язык – полегчало. Говорю Лехе.

– Есть нечего, сходи по путику, может, пару рябчиков или тетерева подстрелишь. Отметим встречу Нового года...

Леха встал, вышел. Вернулся поздно, в руках – пусто.

Этим вечером долго не спали. Все-таки Новый год. Сварили две последние пачки киселя. Праздничный ужин. Вышли за порог, в тайге тихо-тихо, белым-бело. Снежок мягкий, редкий – медленно кружится. Касается лба, освежает щеки. Взяли мы ружья и сделали салют – два дуплета. Даже боли вроде утихли...

Минуло три дня: 1, 2, 3 января. Слабость в теле невероятная. В голове невеселые мысли. То загудит громким басом нудный комар, то в воспаленных глазах забрезжит река, то в ушах зазвонит сосновый бор. Всякая, разная чушь...

А вот из памяти приятное: жаркое солнце, я на даче с женой, поливаю себя холодной водой из шланга...

Чего только ни возникает в воспаленных мозгах. Страшно закрыть глаза...

Кашель у меня почти прошел, но опухли губы и нос. С утра подбираем по углам последние крошки и варим похлебку. Так проходят 4 и 5 января. Нечего есть и пить, кончилась заварка. Осталась оленина, но при одном ее виде тошнит до рвоты. Варим ее собакам.

На пятый день нашего безделья Леха предлагает:

– Михалыч, ну чего мы лежим? Пойдем своим ходом. До какой-нибудь деревни, может, доберемся, или охотник какой, еще не вышедший из тайги, попадется...

– Нет, Леха, у меня шибко болит сердце. От перенапряжения лопнет – и хана. Да и ты не лучше. Будем ждать здесь, нас должны искать.

– Кто нас будет искать? Уж лучше умереть в пути, чем так лежать, околевать, как мухи...

Я смотрю сейчас на Леху уже другими глазами, одобряю. Зауважал наконец-то парня, а то про себя все над ним посмеивался...

С утра седьмого января тайга зашумела. Заскрипели деревья, засвистел ветер. Я вышел за порог, снег метнулся вихрем в лицо. Зябко поежился. «Да, занепогодило, теперь несколько дней будет метелить, буранить», – пронеслась безрадостная мысль в моей давно отупевшей голове.

Постоял, посокрушался, зашел обратно. Лег на нары, накрывшись телогрейкой с головой. Задремал. Сколько прошло времени, не знаю. У дверей снаружи раздался резкий треск мотора. Я вскочил. В открывшуюся дверь ввалился в полушубке Виктор Червяковский, охотовед, мой давний приятель.

Обнялись. Поговорили. Не теряя времени, Виктор сел на свой «Буран» и умчался на речку Туй, на хутор, где была рация, чтобы вызвать вертолет.

А после обеда над нашей избушкой затрещала винтокрылая махина. Вокруг свист, пурга, в небе – сплошная муть. Летчик Виталий, из Новосибирского авиаотряда, мне знакомый – раньше прилетал сюда. Но как в такую слепящую бурю найти зимовку? Это – подвиг. Ордена надо давать таким. Он летел сюда почти над самыми вершинами, рискуя за них зацепиться...

Из вертолета спустились врач и директор госпромхоза Смирнов. Доктор сделал мне укол, Смирнов накормил нас с Лехой из термоса горячим домашним борщом. И вертолет снова поднялся в мутное небо.

Через час приземлились в Таре. Меня отвезли в больницу, сделали пару уколов, расспросили о всех заболеваниях. Положили в одну комнату на кушетку. А дверь в кабинет закрыли неплотно, и я услышал, как пришедший инфекционный врач, узнав про оленину и расстройство желудка, категорично заявил:

– Это брюшной тиф, поместите его срочно в изолятор...

В приоткрытой двери мелькнуло его сердитое лицо. Я тут же соскочил с кушетки, натянул обувь и шмыгнул на улицу. Добрался до автовокзала, купил билет на Омск. Перед посадкой позвонил домой Смирнову, еще раз поблагодарил за спасение, объяснил ситуацию с врачом. Извинился за своеволие.

Приехав в Омск, на второй же день пошел и сдал в больнице анализы. Никакого брюшного тифа не обнаружилось...

На работе секретарша встретила меня охами и ахами.

– А нам несколько раз звонили, что вы замерзли в тайге, и вас ищут. Что скоро должны привезти труп.

– Кто это вам наплел?

– Анатолий Михайлович, не сердитесь, ведь звонили ваши друзья – а Болоцкий и Худов даже сказали, что купили венки, и хотели бы уточнить время похорон.

– Ладно. Если позвонят еще раз, передайте, что я их просил оставить эти венки для самих себя...

Секретарша улыбнулась и успокоилась...

Да, меня уже трижды собирались хоронить. Впервые – молодого, неопытного. Этот – второй случай. А третий раз – недавно, когда я чуть не погиб, выходя один на Васюган.

БЕЗРАССУДНАЯ СМЕЛОСТЬ

Вертолета в назначенное время нет, не прилетел. У нас, охотников, такой закон: два дня ждем и, не теряя времени, двигаем пехом. Сколько раз зарекался: «Не буду далеко забираться в тайгу». А сам на этот раз забурил аж в самую глушь, в отдаленный угол, на речку Егольях. Это у самой границы с Томской и Тюменской областями.

Со мной – Геннадий Тимофеевич, весельчак, балагур.

– Давай-ка сколачивать нарты, – говорю ему, – сбрую шить для собак, да пойдём на Новый Васюган. До него – 125 километров, а до Тевриза – все 280.

– Нет, Михалыч, считаю, лучше подождать вертолет. Может еще и прибудет. У меня – плохое здоровье, дважды уже был инфаркт: не дойду по такому глубокому снегу.

Я помолчал, раздумывая. Снега за последние дни выпали обильные, как по заказу. Но оставаться и ждать – глупость. Продукты почти все кончились. Хлеба – пять булок всего. С прищуром гляжу на напарника, стараясь говорить помягче.

– Ты пойдешь за мной, по готовой лыжне. Это не трудно. Вспомни, ты, собираясь со мной сюда, обещал меня слушаться во всем. Заверил: «Знаю все...».

– Да, Михалыч, почти все. Знаю характерные приметы, как войти в тайгу, а вот как из нее выйти, не знаю, – посмеивается он в ответ.

– Вот выйдем из тайги, тогда и это узнаешь. А пока, на правах старшего, решаю я. Готовимся и выходим...

Два дня сколачиваем нарты, шьем сбрую для пяти собак. На третий, с утра пораньше, укладываемся и выходим. Отошли с километр, Геннадий о колодину ломает лыжу. Может, специально? Я хочу на месте отремонтировать, он настоял вернуться в зимовье. Мол, там у нас есть одна запасная лыжа. Хотя я и суеверный, но согласился с ним. Вернулись в избушку.

– Вот видишь, Михалыч, запасная короче и поуже. На ней идти – замучаешься. Не сердись на меня. Я не пойду, буду ждать вертолет. А может, давай останемся вместе, обедать будем один раз в два дня. Смотришь, из дичи чего подстрелим...

Я вскипел и выпалил ему прямо в лицо.

– Ну, стихотворец, дуроплет, ты меня еще и учить будешь. Здесь просидеть можно всю зиму. А жрать один раз в два дня – так надо мной вся тайга гоготать станет...

Завелся, а зря. Раз человек не хочет, так его хоть убей. Бесполезно. Да и мой характер – не золото. Чего уж решу – назад не отступлю ни за что.

Набросал на нарты свою одежду, топор, пилу, тозовку. Из пяти булок хлеба взял себе две, три отдал ему.

– Вот тебе хлеб, – говорю зло, – оставляю свое дорогое ружье, можешь стрелять глухарей. И еще тебе – мешок с пушминой. Жди вертолет, я за тобой его обязательно пришлю. А вообще-то на прощанье скажу откровенно: ты – говно, пидарас. Так в тайге не поступают...

Запрягаю в нарты своих собак. Им втроем тащить нарты по свежему глубокому снегу будет очень тяжело. Но мое самолюбие – превыше всего. Конечно, в это есть большая доля безрассудства, а переиначить уже ничего не могу.

Ухожу, не оглянувшись. Вначале собаки легко трусили по старому следу, пока он не закончился. Потом по старому путику километр шли без отдыха. Но кончилась лыжня, вышли на целину – и собаки встали. Лапы их не достают до земли, они ложатся беспомощно в снег. Выхожу вперед, топчу лыжню, дергаю собак за поводок. С трудом, и все же они тянут по лыжне проклятую повозку, цепляющуюся за сучья и стволы. Нарты то застрянут на валежине, то перевернутся на кочке. Возвращаюсь назад, подправляю их и снова выхожу вперед – топтать след. И так – целый день, до тошноты. К вечеру забурился в такой болотистый рям – еле выбрался. Стемнело. Решил заночевать в ельнике. Долго готовлю дрова на всю ночь. В основном – ель, пихта. От них – сплошной дым над костром, хуже не придумать. Сильно разъедает глаза.

Всю ночь греюсь у огня, дремлю. Это – не сон, а слабое забытье. Но все же – отдых. Холодище где-то за тридцать. Заснуть страшно, вот почему в переходах не одному надо быть, а вдвоем: когда один спит – другой дежурит. А одному – дело дохлое. Муки одни. Надью делать или выстилать лапником ямы в снегу для ночевки – занятие глупое, для дураков. Охотник, если опытный, возьмет две сушнины, сделает тески-лыски, нагреет на костре аж до накала – вот на них можно полчаса и поспать, если сделать из снега стеночку от ветра. Так что одному ночью – ни сна, ни хорошего отдыха толком нет.

На второй день после обеда я уже двинулся за двадцать километров от нашей базовой избушки. И тут услышал шум мотора: его в тайге верст за пятьдесят различишь. Уходя, я наказал Геннадью: «Если в первые 2-3 дня покажется вертолет, я еще буду недалеко. Выйду на чистое место – и зажгу костер. Летчик обязательно увидит дым, только покажи ему направление, где я. И вы заберете меня».

Так и делаю: зажигаю костер на чистине, прислушиваюсь. Вертолет достиг моей избушки, присел, сбавил обороты: фыр-фыр-фыр. Через пять минут поднялся и направился строго на юг.

А как же я? Почему Геннадий не сказал пилоту обо мне? Тут всего-то пять минут – долететь до меня. Ругаюсь на чем свет стоит: «Ну, и сволочь ты, Геннадий. Да какое у тебя большое сердце? Его просто нет у тебя. Видел я не раз как ты по полведра водки выпивал. Сердечник сра...ый...».

Затих шум мотора, и я поплелся дальше. В пять вечера набрел на хороший сосновый бор с сушняком. В нем и остановился на ночевку. До двенадцати ночи рубил, пилил. Натаскал гору дров и к утру все спалил. Мороз покрепчал до сорока, лицо и руки обжигает у огня, а спина промерзает.

Рано поутру пускаюсь в путь. Собаки устали, поскуливают, тащат медленно. Я проваливаюсь по пояс, задыхаюсь от пота. Да, здоровье надо слоновье, чтобы двигаться так, одному. Вот вдвоем бы...

Снова ночевка, костер, дым. Впадаешь в забытье, пугливо просыпаешься. Стоит крепко заснуть, и уже не проснешься никогда.

...Иду так же медленно и мучительно четвертый день. Морозец – за сорок. Воздух – синий и прозрачный между деревьев. Вековая тайга – в светлых пятнах берез и осин, вокруг тихо-тихо. А силы уже на исходе. С каждым днем наслаивается усталость.. Кончается хлеб. Вчера в ельнике спугнул табунок рябчиков. Они расселись по веткам. Сбил двух. Вечером сварил суп, наелся сам, покормил собак. Сегодня решил переночевать в кедраче, на ужин – ломтик хлеба и кружка чая. Собаки улеглись спать голодными...

Утром, на пятый день, справа показалась вдалеке речка Ягыльях, это в нее впадает мой приток Егольях. Между речками пошли увалы, на их склонах – кусты малинника и шиповника. Такие плотные. Пока лезешь вверх, лицо и руки исцарапаешь до крови. Где-то впереди две реки объединятся и потекут в Васюган. «Интересно, как здесь весной бывает», – размышляю я на ходу.

Вечером доел последний ломтик хлеба, чай пил без заварки. Настроение – аховское. Холодище далеко за сорок. Где-то посреди ночи, не вытерпев, я крепко заснул. Очнулся от озноба. Костер почти потух. Окоченел настолько, что пальцы не разгибаются. Долго тру ладонями лицо, пока не защипало щеки. Испугался, разжег во всю костер и уже не дремал до самого утра. Руки и лицо отогрел, но кожа, сильно обмороженная, потрескалась и слегка кровоточит. Поспи я еще немного – превратился бы в снежную глыбину.

Утро шестого дня – самое безрадостное. Есть нечего, весь обморожен. Еле запряг собак. Передвигаюсь с частыми остановками для отдыха. Муки – целый день. Вечером, перед тем как встать на ночлег, вышел на свежий след соболя. Собаки взыграли, стали рваться на запах зверька. Я освободил их от упряжи, боясь, что порвут. И они умчались по следу. А я стал готовить костер.

Собаки долго не возвращаются и где-то начали злобно лаять. Наверное, загнали соболя в коренья, и поджидают меня. И вижу: катит кубарем по снегу мой любимец Душман.

Подбежал, жметя к ногам, скулит. Словно зовет куда-то. Чувствую, что-то неладно. Иду за ним. За ельничком нашел собак. Крутятся у наклоненной березки. Перед ними – сугроб, в нижней части его – небольшая дырочка, снег вокруг ее подтаял, покрылся куржаком. Вот в это отверстие и лают собаки. Мне сразу все ясно! Там медведь...

Недолго думая, ведь жрать-то все равно нечего, я вырубил кол, заострил и зашел с другой стороны березы. Если зверь выскочит из берлоги, мне сзади не опасно. Успею выстрелить. Да и собаки его отвлекут. И нет во мне ни грамма страха, настолько я устал и хочу есть. Да и собак силком не оттащишь уже от берлоги. Вошли в раж, рычат, идут приступом на зверя.

Опускаю кол в отверстие, тычу им в разные стороны. Ничего не пойму. Яма – неглубокая, странно как-то. А собаки еще больше взъерепенились, лезут в дыру. Стал я шурудить колом по углам и в одном месте наткнулся на что-то мягкое. Ага, значит, здесь. Вращаю кол, накручиваю на него шерсть (это делал я до этого не раз, чтобы разбудить зверя). Медведь не выдержал боли, взорвал снег фонтаном и выскочил из ямы. Первый выстрел – промах, второй – зверь падает. Небольшой двухлеток, пестун. На редкость черный.

Волнения во мне как не было, так и нет. Лишь одно в сознании: теперь голода ни мне, ни собакам не будет. Они уже рвут мертвого медведя, рычат. Отгоняю их, быстро обдираю зверя. А темень наплывает со всех сторон. Шкуру и мясо за три захода отнес на нарты. Внутренности отдал собакам. И неожиданно замечаю: обмороженная кожа на моих руках приятно оттаивает. Руки-то в медвежьем сале, а оно – лечебное. Намазал им и обмороженные щеки. Полегчало...

Развел огромный костер, навалил целый котел мяса. Наелся от пуза, аж жарко стало. Мало-мал одыбался, появилась уверенность в себе.

Ночь провел спокойно, раза два еще принимался за еду, так что утром почувствовал прилив сил. Вышел рано. К обеду, миновав два увала, подошел к кедрачу. Вхожу в него и вижу путик. Накатанный, крепкий. Нарты скользят легко – собаки взбодрились. И вдруг слева на путик выходит свежий лыжный след. Охотник где-то рядом. Это уже территория Томской области, кое-кого из тамошних промысловиков я знаю. Отцепляю нарты, спускаю собак и – бегом за охотником по его следу. Через километр навстречу выскакивают две чужие собаки. Загровки вздыбились, рычат. Мои бросились к ним, заварились драка. Визжат, катаются по снегу, рвут друг друга в клочья. Это мои две сучки и две чужие. А Душман сидит в стороне и смотрит на меня.

Из леса появился огромный мужик – корявый, в ичигах, ноги кривые. Распинал по сторонам собак, успокоил, подошел ко мне.

– Здорово, – первым говорю я.

– Здорово были, – отвечает Цыган (я уже о высоком, черном охотнике-томиче знал по рассказам соседей).

– Как бы отлежаться в избушке, денек отдохнуть? – продолжаю разговор.

– Это можно, – Цыган с улыбкой показывает на путик в стороне, – вот по нему найдешь неподалеку мое зимовье. Иди отдыхай, а я к своему Саньке сбегая и к вечеру вернусь.

Охотник позвал собак за собой и сразу скрылся в кедраче. Я вернулся за нартами, запряг собак, и вскоре был в его избушке. Она стояла на взлобке – просторная, новая. Затопил печь, сварил медвежатины, нагрел чай. В рюкзаке осталось около кружки спирта в медной фляжке – на самый крайний случай. Или плохой, или хороший. Развел чаем и выпил. Моментально вспотел, размяк. Упал на нарты и проспал сутки с лишним. Проснулся только после обеда на второй день. Вот как вымотался.

Цыган сварил мне уху из свежей рыбы, поджарил лосятины, заварил крепкий чай. «Да, основательно устроились томичи на зиму, – отметил я про себя. – Как и надо настоящим охотникам».

Провожая меня на третий день, Цыган сказал:

- Кедрач кончится, выйдешь на болото. Тянется оно на 33 километра. По нему идти хорошо, наст держит прочно. Войдешь в сосновый бор, еще встретишь двоих охотников. За ними – километров через десять стоит хутор, ну а дальше – и сам Новый Васюган.

Поблагодарив охотника, я уверенно выдерживаю курс на всем оставшемся пути и, два дня спустя, без всяких приключений добираюсь до Нового Васюгана. На вертолете через день прибыл в Омск.

...Прихожу к родителям (они живут от меня отдельно), выясняю у них:

– Охотник, Геннадий, был?

– Нет, не был...

Как же так? Прошло пятнадцать дней, а он не соизволил известить их, что я один остался в тайге. Ладно. Прихожу на работу, спрашиваю секретаршу:

– Звонил ли мне кто-нибудь из охотников?

– Да, один звонил, сказал, что вместе охотились. Своей фамилии не назвал. Уточнил просто: «На работе, или нет, Анатолий Михайлович?..»

Беру машину, еду домой к своему «верному» напарнику. Вхожу, а он мне навстречу выскакивает. Трясется, заикается... Дрожащими руками подает мое ружье и мешок с пушницей. Хотелось мне захватить ему кулаком в морду, да сдержался. Плюнул ему под ноги. Хлопнул дверь и ушел. На что он рассчитывал? Что я не вернусь, дубу в тайге дам, а ружье и пушнину он оставит себе? Возможно все...

Сейчас, когда встречаемся, он со мной лебезит, по-прежнему пытается шутить. Я, молча, отворачиваюсь. Не могу простить подлости, вернее даже предательства, невзирая на обстоятельства.

КОВАРНЫЙ ИРТЫШ

В этот год мы с Валеркой Сысолятиным поохотились неплохо. В конце первой недели декабря сделали нарты и с речки Демьянки тронулись в путь на Тевриз. На четвертый день вышли напрямую к Иртышу. Пять собак (три мои и две его), привыкшие к нартам за несколько лет переходов, тащили их дружно и уверенно. Мы поочередно топтали целину, прокладывая путь для лаек.

Середина декабря, а погода держится теплая-пре теплая. Ночью прошел легкий снежок. Стоим мы с Валеркой на обрывистом, высоком берегу и смотрим через Иртыш, где за дальним березняком мелькают крошечные точки автомашин на асфальтовой дороге. Наша первостепенная задача – добраться до автострады и на попутке доехать до Тевриза. Это километров с тридцать будет.

Спускаемся с обрыва вниз, на лед. Снега намело много, но он затвердел. Идти легко.

– Давай дадим ногам отдохнуть, – предлагаю я и первым отцепляю лыжи, укладывая их на нарты. Валерка следует моему примеру и говорит.

– Михалыч, смотри, как бы нам не забурить в промоину, морозов больших еще не было.

И - как накаркал! Метрах в ста впереди из невысокого снежного заноса торчал край льдины. Обходить его не стали. Но как только зашли на снежный бугорок, одновременно ухнули в воду. Шли-то ведь рядышком. Лед под снегом оказался тоньше сантиметра, чуть схватился. Или снежный бугорок виноват, сохранивший тепло, или здесь на дне – яма с большим круговоротом, или что еще?..

Собаки с нартами, шедшие впереди нас, выдернули из моих рук поводок и побежали дальше, а мы с Валеркой барахтаемся в воде. Ширина промоины – метра три, длина – метров пять. Я пообломал возле себя тонкий лед, держусь за толстый край. Пробую подтянуться на руках, а снег мешает ладоням, сыплется меж пальцев. И лед скользкий. Опоры нет, ничего не получается. Скосил глаза на Валерку, он также пытается выбраться, но безрезультатно. Я отчаянно бултыхаю ногами и поднимаюсь немного грудью на лед, стараюсь руками держаться за рыхлый снег, затем опять сползаю медленно назад.

Валерка от меня – на расстоянии трех метров, он полегче, упрямо ползет на лед, срывается, что-то кричит мне. А я – словно оглох, не могу разобрать ни слова. Страх

обжигает голову, даже пока не чувствую смертельного холода воды. Очень мешает движениям одежда, но она же немного предохраняет от леденистой воды.

Опять хочу, опираясь сверху на лед, выпрямить руки, подняться из воды повыше, перевалиться через край. Немного было выдвинулся на лед, но руки скользят, и тело медленно уходит обратно в воду.

«Все, хана, нам не выбраться», – застучала в висках страшная, безотвязная мысль.

Вижу, как собаки, убежавшие вначале далеко, вернулись с нартами и стали шагах в десяти. Смотрят на нас. И меня осенило.

– Душман, ко мне! – громко зову своего вожака. Повторяю несколько раз.

Пёс с большим усилием тянет за собой собак с нартами, осторожно приближаясь ко мне. Вот он уже рядом.

Хватаюсь одной рукой за упряжь, перебираю её, подтягиваю нарты к себе. Выждав момент, цепляюсь и другой рукой.

Собаки, нервничая, отодвигаются от края промоины, натягивают ремни. Несколько раз поочерёдно дёрнули нарты и стоят, ждут. Напрягаясь, бултыхая ногами, я заорал хрипло: «Вперёд!».

Лайки, умнейшие собаки, разом рванули. Нарты тронулись с места, неохотно поползли от полыньи, вытаскивая моё большое мокрое тело на заснеженный лёд. Собаки протащили меня метра три, остановились. И только тогда, с трудом веря в спасение, я разжал онемевшие пальцы и сел на нарты.

Не задумываясь, машинально снимаю с винтовок ремни, связываю вместе.левой рукой держусь за нарты, правой забрасываю конец прямо в руки Валерке. Тяну сколько есть сил, а Валерка - ни с места. Сообразив, привязываю ремень к нартам, держу узел обеими руками, ору на собак: «Вперёд! Вперёд!..».

Лайки легко сдёрнули с места нарты и поволокли Валерку, а я, отвалившись в сторону, блаженно растянулся на льду.

Валерку (он же лёгонький) лайки протащили метров десять. Он всё никак не хотел бросать ремень.

Минуты через три, немного придя в себя, с трудом открывая посиневшие губы, мы заговорили, приняв план действий. Решили побыстрее добираться до берега, предварительно надев лыжи (ведь можно и ещё раз вляпаться в такую же историю). У берега густые заросли тальника, там можно развести костёр.

Так и делаем. Подходим к талам, рубим сушняк, разжигаем костёр. Одежда сохнет плохо. Несколько раз пьём чай. Разворачиваемся, прыгаем, пляшем вокруг костра. Наконец решаемся идти наверх, к проезжей дороге. Почти бегом, часто меняя друг друга, проходим березняк, выбираемся на автостраду. Шофер первой же попутной машины, видя наше бедственное положение, притормаживает, садит вместе с собаками в кузов.

Через час мы были в Тевризе. Подъехали прямо к дому Валерки. Нам срочно истопили баню, в магазине накупили водки. Напарили, напоили, накормили... Выспавшись, мы встали на второй день совершенно здоровыми. Ну, небольшой чих, хрипота в груди. И только.

Через сутки я был уже в Омске и, как ни в чём не бывало, вышел на работу. Про эту нашу глупую оплошность мы с Валеркой договорились никому не рассказывать. Так что сегодня я откровенничаю впервые, в порядке исключения.

ПО ЧЕРНОТРОПУ (ЛИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ. Книга издана в 2000 г.)

Лес плачет...

По-сиротски тихо, безутешно... С безлистных, голых веток одна за другой срываются вниз капли. Уже полдень, но серое низкое небо и мелкий морозящий дождь затемняют просветы между деревьями – и кажется, что утренние сумерки замерли, остановив и время.

Я стою в плотном березовом колке. Лес полудремлет. На веточке перед своим лицом различаю тоненькие черные прожилки. В них накапливается влага (дождь – настолько мелкий, что похож на туман). Вот маленькая капелька тронулась с места, объединилась со второй, третьей – и уже небольшой хрустальный шарик какое-то мгновение задержался на сережке и соскользнул с нее чистой слезой, исчезнув бесследно в траве и опавших листьях...

Тепло. Сыро...

А два дня назад трещал морозец градусов до двенадцати, и выпал снег в ладонь толщиной. Прележал день да ночь и к вечеру, когда температура заплюсовала, растаял. Такие перепады в погоде наблюдаются, наверное, только у нас в Сибири.

Вчерашний снежок подгадал как раз к открытию зимней спортивной охоты. Блистая своей роскошной белизной, он восхищал всех, кто с утра отправился по первой пороше тропить зайчишек, поднимать из лунок тетеревов и куропаток. Можно представить чувства охотников, видящих следы лисицы или крестики-нолики от лапок полевых рябчиков на чистой белизне снега.

Мы же, приехав на день позднее, к сожалению, припоздали и этого чуда не видели. К нашему приезду снег с полей бесследно исчез. Лишь кое-где в плотных кустарниках сохранились его крохотные белые лепешки.

Зайчишки, наверное, уже поспешили переодеться в зимнее и должны теперь выглядеть совершенно белыми. «Должны быть?!» – смеюсь я над собой: за полдня охоты мы еще не видели ни зайца, ни тетерева – никого!

Мы – это давние знакомые. Николай Иванович, хозяин вездехода ГАЗ-69, самый старший из нас, ему – 68 лет. Выглядит молодо, от ходьбы раздумялся, глаза весело блестят, после каждого загона шутит:

– Хорошим охотникам поначалу всегда не везет...

Невысокого роста, широколицый, коренастый, в меховой куртке и шапочке с козырьком, переломленным ружьем на плече, похож на спортсмена-стендовика. Опытный охотник, он привык посматривать на всех снисходительно, время от времени вещая что-либо назидательным тоном. За это мы кличем его «профессором», на что он, надо отдать должное, не обижается.

Виктору – 51. Крепкого телосложения, с мягкими движениями, аккуратный, выдержанный, он кажется неутомимым. Осени (а уже самый конец октября) Виктор не доверяет. Поэтому оделся тепло – на нем телогрейка и ондатровая шапка.

– Все наши зайцы еще впереди, – бодрится он, выходя в очередной раз пустым к машине.

Третий – я, 61-летний. С удовольствием продираюсь сквозь кустарник вслед за моей собакой. Ресси – впервые на охоте на боровую дичь и зайца. До этого я дважды брал ее на озера на уток. Это маленького роста, комнатная особа, совсем не приученная к охоте.

*Помесь спаниеля и дворняги
у меня собака...
Все равно
обижать ее ни в чем не надо –
а обидеть-то не мудрено.
Постоянно ластится к детишкам,
за проходим радостно бежит...
Сын мой недоволен:*

*«Это слишком,
ведь достоинством не дорожат...».
Я же Ресси в том не упрекаю,
и на дачу чаще брать хочу,
там ее я в озере купаю
и к охоте, может,
приучу...*

Когда мы утром заехали в лес – переоделись, взяли ружья, Ресси забежала вперед, и начала носиться по кустам, принохиваться, вилять хвостом. И время от времени косила на меня глазом: видишь – стараюсь, дичь ищу. Но вскоре ей эта игра в «охоту» надоела – она успокоилась. И сейчас, не шевелясь, сидит у моих ног.

В лесу пусто, не слышно даже синиц. Такая тишина (я четко фиксирую даже биение пульса у себя на виске). И непонятно: то ли пар идет от влажной земли, то ли по-прежнему моросит, оседая, дождевая пыль...

Мне всегда нравится дождливая погода. Воздух в такие минуты чистый-чистый. Пожухлая трава, увядшие цветы, опавшая листва веют дурманом, пьянят. В голове светло, а на сердце – нежная грусть от воспоминания о ласковом лете...

Знаю охотничьи причуды, когда кому-то «везет» или «не везет». А потому настраиваю себя на отдых, прислушиваюсь, вглядываюсь в природу... На мне меховая безрукавка, штормовка, шапочка. Прохладно.

Постояв минуты три, выхожу к осиннику, к машине, что должна стоять метрах в двухстах от меня на опушке. Там, где-то рядом с ней, на «номере», Николай Иванович. Мы же с Виктором «прочесали» два колка и идем на расстоянии 70-80 метров друг от друга, «зигзагом», заглядывая в каждый кустик. То есть, делаем «загон». Но не кричим, не шумим – как принято зимой, а идем молча, надеясь самим увидеть зайчишку. Что кричать, гнать – все это бесполезно: если и есть где-то в лесу заяц, то он – белый и лежит «плотно». Его не вот-то поднимешь, пока не подойдешь вплотную. Зимой, по морозному скрипучему снежку, он поднимается и за сто метров, и дальше. Зайдешь с одной стороны леса, а он почти сразу выскакивает с противоположной...

Чу! Моя Ресси замерла, а затем кинулась в плотный тальник. Что там – зверек ли какой, птица?.. Собака вскоре вернулась, виновато виляя хвостом. Наверное, ей что-то показалось...

Лесок кончился, подхожу к машине. Из-за куста, в сторонке, появляется Николай Иванович, на ходу разряжая ружье.

– Почто загонщики не кричат, и зайцы не скачут?

– А зачем их пугать, тревожить, пусть отдыхают, – отвечаю с улыбкой.

Показался Виктор и также подначивает:

– Лесок – прелесть! Какая охота? Прогулка. Еще бы деревенскую молодку рядышком, можно и ружье в руки не брать. Я вам говорил, что надо ехать подальше, а то рядом с городом захотели взять добычу. Сюда на велосипедах можно приезжать, а стреляют здесь давно. Столько следов машин – и «жигулей», и мотоциклов, и грузовиков, и даже тракторов. Все поляны, опушки укатаны...

– Ладно, чего нам Америку открываешь?! Я здесь раньше охотился много раз, и всегда удачно. Сегодня пусто – переживем, завтра повезет. Давайте лучше чайку попьем, – прервал его Николай Иванович.

– Вот это дельное предложение. Перекусим – и переедем на новое место, подальше, – подхватил я.

В считанные секунды на капоте машины оказались корзины с продуктами, термосы с чаем. Каждый наперебой предлагает свои булочки, бутерброды. Но вкуснее всего оказались у Николая Ивановича пирожки с грибами. Пьем маленькими глотками, жадно вдыхая запах напитка и влажный, перезревший, хмельной привкус осенних трав...

Неожиданно из леса выскочили две большие рыжие собаки. Ресси с визгом метнулась под газик. Громко топая, рысью вылетели из-за берез гнедая и желтая лошадки. На них, в дождевиках, сидели деревенские пастухи. У младшего, мальчишки лет пятнадцати, за плечами болталось старенькое ружьишко. Старший, видимо, отец, громко поздоровался с нами и спросил:

– Коней здесь не видели?

– Здорово, здорово, хороший человек, – поприветствовал его Николай Иванович. – Ты сначала скажи нам, куда вы спрятали всех зайцев, мы пока не видели ни одного.

– Ишь, чего захотел. Да их давно всех перебили ночами из-под фар ваши же горожане. А что оставалось, так деревенские пацаны с собаками дособирали. Так что, хватилась кума, когда...

Пастух явно был в настроении. Из веселых и остроумных сельчан, он балагурил, подмигивая нам. Загорелый аж до черноты, больше от ветра, чем от солнца, с высоким лбом и острым взглядом – он сразу вызвал у нас к себе общую симпатию.

– Лошади ваши, десятка полтора, пасутся там, за пашней, где в копнах лежит солома. Еще трех видели за этим вот лесом. Они шли в направлении к первым, – подключился к разговору Виктор, выходя из-за машины и предлагая сигареты. Пастухи охотно закурили...

– А чего вы их хотите забрать, пусть пасутся. Ведь сейчас только время обеда, – заметил я.

– А мы не собираемся гнать их в деревню, пусть себе бродят. Честно признаться, приехали посмотреть за вами. Что за люди? В прошлое воскресенье куролесил здесь «газон» с будкой, вроде и не слышали выстрелов, а только вечером у того леска остались копыта да голова от коняги. Даже шкуру забрали. Не верю я нынче никому, – уже зло продолжал старший. – Что правительство, что мафия – хрен их разберет, а только жизни нет ни в городе, ни на селе.

Пастух говорил, пересыпая речь матом. Николай Иванович поддакивал ему, кивал головой... Мы молчали... Затем заговорил сын.

– Вчера в этих лесах охотилась большая группа людей, человек двенадцать. Огромная зеленая спецмашина, наверное, заводская. Поднапились и такую канонаду устроили, что если и был хоть один заяц – не уцелел. Как в атаке, цепью чесали по кустам. Всю живность перестреляли. После них подобрал убитых двух сорок и одного дятла. Сегодня собаки притащили мне раненую синицу...

– Если хотите поохотиться, – продолжал паренек, – вам надо проехать вперед километров десять, пересечь профиль. Там утром вдоль посадки сосен сидели на березах тетерева, две большие стаи. И зайцев в тех местах больше, есть и лисицы в рагозе. Правда, вчера и там стреляли, но всего на одной легковой машине. Это левее Боголюбовки...

– А сколько отсюда до Любино? – спросил Николай Иванович.

– Километров тридцать, не заблудитесь, – опять съязвил старший.

Попросив пару сигарет про запас, сказав «спасибо», пастухи прищипорили лошадей и скрылись в лесочке. Мы же, посокрушавшись: как сразу не догадались уехать из этих пустых колков, – уселись в машину и без дороги, полем двинулись в нужном направлении. Вскоре встретилась полевая дорога, грязная, но ведущая в ту же сторону. Включилась раздатка, и газик ровно покотил вперед...

Доехав до профиля, пересекли его, и углубились в лес километров на пять. Справа открылась небольшая деревушка – отделение бывшего совхоза. О нем нам говорили пастухи, когда мы спрашивали, где бы лучше переночевать. Поскольку до дворов было не более километра, а время – два часа дня (в пять начинает смеркаться), то Николай Иванович предложил сначала заехать и договориться с кем-то о ночлеге, а потом уж заняться зайцами. Не желая ехать в деревню, я предложил:

– Вы с Виктором поезжайте, а я останусь у этих двух колков. Пройдусь по ним, может, чего и выгоню...

На том и порешили. Я оказался один, даже Ресси не взял из машины. Она вымокла, устала. Пусть на моей шубе полежит, отдохнет...

Из памяти приходят картины детства, моя деревушка...
Когда пересекали шоссе, то вдоль болота зеленела полоска озими.

*Сошли на нет последние цветы,
лишь озимь полыхает буйством лета!..
Сиянье изумрудной красоты
в осеннем поле издали приметно!
И я шепчу ему:*

*«Мой дивный свет!
Уйдешь под снег ты молчаливо скоро,
но не погибнешь от мороза,
нет...
И сохранишь мне душу от разора!..»*

И все же мысли возвращаются ко вчерашнему снегу...

*Развевая ярко-рыжую листву,
грустят березы в ожиданье снега,
и ветви, словно руки,
в синеву
с мольбою тянут...
Но безмолвно небо.
А ночью вдруг задуло,
понесло
и холодом,
и легкою порошей.*

*Прояснило...
В полях белым-бело,
зернистое, сверкающее крошево!..
Еще не снег обычный,
но не лед -
на мелкий град чуть-чуть похожий,
сверкает бриллиантами,
цветет
снег первый,
необычный и тревожный!*

В памяти – последние утиные охоты. Клин журавлей... Длинные вереницы гусей...
Расставание с летом и привольем. Ровно две недели назад сначала на озере Диком
Крутинского района, а затем на тюкалинских Сарыбалах я провел две отличные охоты.

Шла «северная» дичь: гоголь, луток, хохлатая черныш и крохаль. С первого октября нет
ограничения на количество добытых уток, и я стрелял много. Несколько раз стволы, как
говорится, нагревались. Чего греха скрывать, я же мастер спорта по стендовой стрельбе, и
меня «хлебом не корми» – дай пострелять!.. Отвел душу – и заготовил дичи на всю зиму.
Может, поэтому память снова и снова возвращается к осенней охоте...

*Неяркий лист осеннего ковра
смягчает шаг,
водит в перелески...
Речная заводь в бликах серебра.
Из кочкары бекас взлетает с треском.
И сразу – вверх!..»*

*Зигзагами,
быстрей!..
Крикливый чибис над собакой вьется...
В высоком небе – нитка журавлей.
«Кур-лы! Кур-лы!» –
прощальной песней льется.*

Дымка над речкой, полинялый луг. Я иду на вечернюю зорьку...

*Чернеем пашня,
березняк белеет,
осинник красным полыхнул листом...
О чем ты плачешь, чибис,
что жалеешь?..*

*Скатилось лето желтым колесом.
Туманный луг дремотою окутан,
печально светит стылая река...
И одиноко на душе, и смутно.
И все темней над лесом облака.*

А несколькими днями раньше на том же лугу при мне косили отаву.

*Отавой скошенного луга
печалится душа моя,
а птички стаи, круг за кругом,
уходят ввысь,
тоской звеня.*

*Чернеют тучки,
заслоня
озерный розовый закат...
Последняя исчезла стая.
Лишь крики в вышине звучат!..*

Мелкая пыльца дождя по-прежнему висит над лесом. Осенняя слякоть, дорожное распутье, полумрак – все это наяву, вокруг. И в моей памяти. Я полу прикрыл глаза – и в дымке над полянами возникли миражи. Одежда давно намочла, не спасает защитная куртка...

* * *

Но что это?!. На чистую поляну передо мной, из колка напротив, выкатывает белый колобок. Ближе и ближе... Остановился... Привстал на задних лапах. Фу, черт! Наваждение какое-то!..

Заяц-русак! Откуда взялся?..

Снова – несколько скачков в мою сторону, и снова присел. Осторожный. А какой красавец! Белый-белый, высокий, стройный!..

Может, так только кажется в дождевом мареве. Все ведь знают, как утка-чирок, самая маленькая, на озере в тумане смотрится настоящим гусем!..

Крутит русак головой: или что приметил, или по запаху чувствует неладное, но следующие прыжки делает от меня в сторону. Подбежал к моему колку – с противоположного угла. Посидел, покрутил головой – и запрыгнул в крайние кусты, метров за 60-70 от меня. Стрелять было далеко, сразу сейчас красться к нему по кромке леса – бесполезно. Он настороже – и скрываясь за кустами, сразу сиганет наутек... И что же делать?.. Азарт, охотничья страсть охватили меня!

И здесь я услышал шум мотора нашего газика. Пятясь назад, выскакиваю на дорогу и бегу навстречу, махая руками, чтобы остановились, не подъезжали ближе... Подбегаю к машине, а Николай Иванович, открыв рот, показывая вставные серебристые зубы, раскатисто смеется, спрашивая:

– Что с тобой? От кого убегаешь?..

Я рассказываю все как есть. Ресси, которую я оставлял в машине, выпрыгивает и рвется в лес. Беру ее на поводок...

Решили: мы с Виктором остаемся на месте для загона, а Николай Иванович объезжает подальше колки и встает у другого, куда должен пойти поднятый заяц. Но и мы сами постараемся потихоньку, с двух сторон, обложить косога...

Протарахтев, газик вскоре выскочил с обратной стороны к другому колку. Мы видели, как Николай Иванович, согнувшись, бежал к крайним кустам – на «номер»...

И здесь зайчишка, не дождавшись наших приготовлений, стрелой мелькнул из кустов и по чистой поляне меж колками умчался в дальний лес. Ярко-белый, крупный, высокими прыжками, как рысак, играя удалью и издеваясь над нами, затерялся вдали...

Собравшись вместе, решили последовать за ним. «Прогнали» тот дальний лес, но безрезультатно. Зайчишка исчез бесследно. Вот был бы снег?.. Тогда – по следу...

– Да, хитрющий косога – пуганый, стреляный. Такого сразу и не возьмешь. Какой красавец!.. Не беляк, а настоящий старик-русак! – еще долго восхищался Николай Иванович. Настроение у всех поднялось: наконец-то мы почувствовали прилив охотничьего волнения.

* * *

В очередном загоне Ресси вдруг кинулась в таловые кусты, я недоверчиво посмотрел ей вслед, прислушался. Тишина. И пошел влево из колка. И – неожиданно направо увидел зайца. Молодой русак с сероватыми боками, неторопливо прыгал от меня к соседнему колку, за ним, с опозданием рванулась Ресси. Виктор прошел уже вперед, оглянулся, да поздно. Зайчишка, видя его, не добегая, резко свернул в лес. Я интуитивно, чтобы хоть как-то напугать, выстрелил в воздух. И действительно, русак испугался, отпрянул от кустов и поскакал вдоль, приближаясь по ходу на расстояние выстрела в сторону Виктора. Прогремел дуплет – и зверек, кувыркнувшись через голову, растянулся на поляне. Ресси бросилась к нему, ухватила за ногу. Затем отскочила. Снова несколько раз подпрыгнула, азартно лая, не понимая, что он мертв. А может ей просто хотелось с ним поиграть. Ведь она только сейчас бежала за ним, живым...

Стоя в кружке, мы долго рассматривали наш первый охотничий трофей, и глядя на наши лица, едва ли кто понял бы, довольны мы собой или нет. Ведь зайчишка, возможно, оставался в этих лесах «последним из могикан», не то, что на севере области, где из леса выбегают сразу три-четыре зайца, и не знаешь – в какого стрелять!

* * *

Вечерело... От деревьев на дорогу ложились длинные тени. Проехали вдоль жнивья, и на крайних березах увидели большую стаю тетеревов. Посовещались... Я и Виктор вышли из машины и встали в придорожных талах, Николай Иванович, сделав большой крюк «на колесах» по жнивью, заехал к тетеревам с обратной стороны. Теперь он был «загонщиком», а мы – на «номерах».

Тетерева, слетев, рассыпались веером, и стая в полете краем захватила немного наши кусты. Косач и две тетерки прошли над полем метрах в 60-70 от меня, и я «на авось» сделал по ним дуплет крупной дробью. Все же далековато. Первый выстрел в косача выцелил с большим упреждением, а второй явно «позадил» – в результате, одна из тетерок странно дернулась, начав постепенно снижаться на поле.

Подранок протянул так далеко, что не видно: села ли тетерка на жнивье, или залетела в лес. Подъехав, втроем долго ищем ее на жнивье и в лесу. Нет нигде. Ресси даже не принюхивается, ходит рядом безучастная, хотя я ей насвистываю и посылаю в кусты. Расстроенный, не любящий делать подранков (не в моих правилах – стрелять по далеким целям), я крепко обругал Ресси и позвал всех к машине.

Стемнело окончательно. Включив фары, мы двинулись к деревушке на ночлег. У самой окраины, возле изгороди для дойки, в свете фар возникли три всадника. Пацаны с ружьями за плечами. У одного из них поперек седла – рыжая лисица. Остановились, выключив фары...

Ребята с удовольствием рассказали о себе: «Стреляем с лошадей и зайцев, и лисиц... Лишь бы они не уходили в болото или большой лес. А мелкие колки – это по нам. Лошадям легко, а лиса быстро устает. Все равно догоним. На лошадях запросто подъезжаем на выстрел к тетеревам...».

В сумерках трудно разглядеть их лица, уверенно держался тот, что с лисой.

– Отец у меня охотник, тракторист... ему некогда, – проскочило у него в разговоре...

На мой вопрос, есть ли у них охотничьи билеты, они ступсывались, замялись, объясняя, что пользуются оружием родителей... Двое из них – восьмиклассники, третий – призывник. Когда узнали, что мы уже поехали на ночевку – не поняли, переспросили: «А как же охота из-под фар?.. Она самая добычливая, ею занимаются все местные, кто имеет хоть какой-то транспорт...».

Услышав мое замечание о том, что это браконьерство, и за такое надо наказывать, они хором заспорили.

– А какая разница в конце-то концов, когда убьешь зайца или лису с лошади, или из-под фар с мотоцикла, или... Пешком – долго, и чаще – впустую. Какой смысл?..

Разглядывая лисицу, важничая, «профессор» в пику мне, защищал ребят. Назвав себя большим начальником, узнал, где они живут, с кем.

– Приду к вам вечером в гости, узнайте у соседей: кто продает мясо, молоко... Мы купим...

Хлопцы снова засмеялись:

– Приходите, мы вас бесплатно парным молоком напоим...

С гиканьем и свистом они поскакали на конюшню – ставить лошадей.

* * *

Николай Иванович договорился еще днем, чтобы нам разрешили переночевать в отделенческой конторе. Подъехав к добротному кирпичному домику, увидели, что из трубы вьется густой дым. Техничка – общительная, полная женщина – открыла двери, ввела в теплые, чистые комнаты. В первой стояли широкие деревянные сиденья – кресла, на них мы сразу расстелили одежду для ночлега. В комнате управляющего, убрав со стола телефон и бумаги, приготовили ужин и, не дожидаясь хозяина, выпили, закусили. Затем устроились на сиденьях спать. Управляющий появился позднее. Молодой, высокий и несколько полноватый мужчина оказался и сам любителем охоты. Пришел к нам в грязных сапогах, – после обхода скотных дворов и всего своего хозяйства. По разговору чувствовался хороший руководитель, внимательный, добрый к людям. Выпить отказался. Попросил, а в комнатах было чисто, чтобы утром, уезжая, мы должны закрыть контору и завезти к нему домой ключи...

– Рассчитываться за ночлег не надо, – ответил он на высокопарное предложение «профессора», – а вот приеду в гости, в город – примите. Хотя у меня там родная сестра живет, и еще два дальних родственника...

Он явно подшучивал над нами.

– Сразу у вокзала – мой колледж, так что на полчаса всегда можно заглянуть, – предложил я, – заходите, может, чем и сгодимся.

– Хорошо, спасибо за приглашение. Но все же я вас не пойму как охотников. Добыли одного зайца – и спать. Только сейчас я видел, как две «Нивы», а еще раньше грузовой вездеход выехали за околицу в леса, на охоту из-под фар. Эти «Нивы» приезжают из города уже в который раз, и я точно знаю: набивают они зайчишек изрядно... Хотя по закону – нельзя. А вообще-то, я тоже не любитель браконьерских охот. Другое дело: мы с сыном любим посидеть на зорьке с чучелами на тетеревов – вот охота!.. Или зимой на лыжах с ним по свежему следу за косым... Ему это – как в сказке!.. Приходилось видеть рядом косуль – не поднимается рука стрелять. Больно уж мирные, красивые... Жалко...

Слушая его, я в который раз убеждался: везде есть настоящие ценители природы, но их, к сожалению, единицы. Что они могут сделать? И уже вслух высказал ему эту мысль.

– Разве на браконьеров найдешь управу? – посетовал он. – Много районного начальства на разном транспорте, как к себе домой, приезжают и из окон машин расстреливают тетеревов и всякую живность. А что остается рядовым работникам?.. А тем более в наши времена, когда воруют и бьют личный скот и совхозный.

И он рассказал несколько случаев разбоя у них, и у соседей...

Узнав из разговора, что я занимаюсь изданием журналов и книг, предложил.

– На соседней улице, в самом конце, купил себе домик омский писатель Плетнев. В почтенном возрасте, любит природу, поправляет здесь свое здоровье. Очень общительный и гостеприимный. Еще не спит, свет горел в его окнах. Вот и сходи к нему.

– Нет, не совсем удобно, – отвечаю я, – да и мы незнакомы, хотя он известный мэтр исторической литературы, лауреат разных премий.

Пожелав спокойной ночи, управляющий пошел к трактористу – уговаривать назавтра ехать за сеном. Тот уже третий день в загуле.

...Спать рано не хотелось, и я, одевшись потеплее, вышел на улицу. Ресси явно дрожала у порога – запустил ее в комнату. Пусть хотя высушит шерсть, отогреется. Ведь на ночь заметно похолодало.

Медленно прогуливаясь, дошел до конца улицы (а их в деревушке всего-то три). Сразу за крайней избой начинается лес. Меж деревьев – мгла, но приглядевшись, различаю травяную дорожку. Прошел метров двести, остановился. Оглянулся на деревню. В домах мало огней, даже собаки не лают. Да, крестьяне устав за день, рано ложатся спать...

* * *

Я вырос на Севере области. В войну и после, в конце 40-х и в 50-е годы дичи и всякого зверья у нас водилась тьма-тьмушая. Лоси выходили на луга к лошадям, коровам – паслись вместе. Косули табунами по 20-30 голов обитали больше в заболоченных местах, а к осени кормились на зеленке. Круглый год разбойничали волки.

Встречались повсеместно лисицы, рыси, барсуки. Из мелочи – норка, колонок, ласка, ондатра... А уж зайцев – и не счесть. Пойдешь бывало в согру, так они на каждом шагу выпрыгивают из кустов. Тетерева собирались в такие стаи, что глянешь на лес – черно! И деревьев не видно, сплошные черные точки. Куропатки, рябчики залетали на огороды. У школы, в центре села, стояли три тополя, несколько раз тетерева садились на них...

Сказочные были времена. Хотя и теперь иногда в тех краях я попадаю на богатые охоты, особенно на уток, гусей, тетеревов...

Тяжелая жизнь перестроечных лет сегодня наложила свой отпечаток и на охоту: выбиваются повсеместно лоси, расстреливаются с машин косули, с разрешением нарезного оружия заметно поредели тетеревиные стаи. Грустное зрелище приходится наблюдать после разбойных наездов браконьеров всех мастей...

Да и сама жизнь в деревне сейчас оставляет по себе жалкое впечатление. Разрушенные, брошенные дома, пустые коровники. Добротные хоздворы без окон и дверей, с разобранными крышами. Весь скот почти уничтожен. Многие поля заросли бурьяном. «Как Мамай прошел», – говорят сами крестьяне. Даже в страшные годы войны не было такой бесхозяйственности.

Это знаю я, переживший пацаном лихолетье. Всплывают давние картины печальными отзвуками – до боли в висках, до галлюцинаций...

*Войны не видел я,
но все же
познал всю горечь бытия...
Натягивая крепче вожжи,
спешил на дальний дым жилища.
Мне девять лет...*

*Зима...
Мороз...
В снегу буренка утопает,
везет она с дровами воз.
Мычит –
и пьяно так шагает...*

В восемь лет состоялось мое знакомство с охотником и с охотой...

Многократно позднее приезжал из города в родные места. И всякий раз благоговел перед богатством и красотой любимого края...

Короткая сибирская осень... Охотничьи зори... А рядом – сельские заботы.

*У стога пообщипаны бока,
к нему следы лосиные приводят...
Тетерева взлетают из рямка,
летят над лугом...
Солнышко восходит...*

*А на жнивье под снегом залегла
пшеница,
и рядки едва заметны...
Заря морозом на поля стекла.
Не убран хлеб!
За это кто ответит?..*

Много лестных слов можно услышать о фермерах. Но и на их полях зачастую царит бесхозяйственность... Встречалось даже и такое,- неубранные целиком поля, оставленные под снег, в зиму. И это – в наши голодные года, разруху...

*Некошенной пшеницы островок
грустит в сыром и неуютном поле.
Синицы первой
тонкий голосок*

*в нем раздаётся затаенной болью.
Снег первый выпал,
сутки полежал –
растаял,*

*серостью
своей пугая...
От желтых колосков исходит пар...
Ворон крикливых
опустилась стая.
Коров бродячих*

*стадо подошло.
Идут пиеницей...
Бьют ее копыта...
Кипит во мне отчаянье и зло:
О, нива,
потом ты зазря полита!*

Сколько простоял за околицей – не знаю. В небе прояснило. Холодно светятся звезды, обещая на завтра сухую, ясную погоду. Но о тепле не может быть и речи. Вот снег может выпасть, и уже не растает. Выхожу обратно на деревенскую улицу, очень похожую на мою, из детских лет... Как четко вижу рассвет...

*Бледно-бледно в окнах зазорилось...
Слышен издали щелчок кнута.
Вмиг деревня вся зашевелилась,
открывая настежь ворота.*

*Лай собак, мычанье, чьи-то крики...
и гортанный петушинный зов -
все смешалось в радости великой
пробуждения!*

Вспомнился из последних моих поездок разговор со знакомым комбайнером в деревне Хутора. Мы, проездом на озеро Дикое, заехали к нему на десять минут. За последние годы он резко состарился, исчезла его веселость, плечи опустились. Во взгляде – полнейшее равнодушие...

*«О чем еще задумался, ответь?..
Хлеб скошен весь,
и убрана картошка,
а в погребках на полках всюду снесь...
Еще не снег,
передохни немножко...
Поедем с нами...
Молвит он: «Сарай
подгнил давно,*

*пора углы подправить,
у бани двери –
палкой подтирал,
отпали петли...
И сенник в по траве...»
А я молчу в ответ.
Моя печаль:
«Прощай охота!..
Зорь медовых жаль».*

В прошедшем году ездили на зимнюю рыбалку, на теннис в Усть-Логатку. И ночевали там в домике, напомнившем мне детство...

*Запах сена в клетке, где теленок
чмокает губами. Стук ведра...
Кот мурлычет в ухо мне спросонок,
писк цыплят –
все это, как вчера!
Ты, полузабытое, родное,
вмиг воскресло –
и в чужой избе*

*вижу столько ласки и покоя!
И иной завидую судьбе.
Кольханье тонкой занавески,
стук ухвата
и заслонки звон...
От мороза в стенах, окнах –
трески!..
Музыка плывет со всех сторон.*

...Возвращаюсь по темной и тихой улице. В конце, у «нашего» домика – одинокий фонарь. На скотных дворах отсвечивает бледное окно в избушке. Наверное, у сторожа. За дворами негромко и незлобно протыкала собачонка...

Вхожу в дом потихоньку, неслышно раздеваюсь. Ресси, обрадовавшись, прыгает мне на грудь, тычется влажным носом в мои ладони, лижется. Ложусь на диване, на шубу. В изголовье – рюкзак. Ресси запрыгивает на скамью, жметесь ко мне. Глажу ее по загривку. Шерсть у нее до сих пор еще мокрая. Собака вздрагивает и чуть слышно скулит. Быстро задремал. Видения, как облака, уплывают, тают, растворяясь вдали. Но странное ощущение: я словно обнялся с этими серенькими, низкими домиками. И тьма укачивает меня вместе с дереушкой. Глаза мои слипаются...

В шесть часов утра бодро, мелодично зазвенел будильник. Виктор уже не спал, да и я лежал полу проснувшись...

– «Профессор», вставай, заглуши свой будильник, мы еще полежим, – проронил немногословный Виктор, переворачиваясь на другой бок. Потом добавил:

– Сходи к машине, прогрей мотор. Собаку заодно своди в туалет.

– Много хочешь, – буркнул в ответ хозяин будильника. – Может, и от тебя чего сносить в туалет?.. Разленились. Ужо сегодня я вас погоняю по лесам и полям – приехали отлеживаться!..

– Ты хотел вскипятить воды паяльной лампой и долить в термоса, – напомнил я ему, сладко потягиваясь и зевая.

– Нет, воду я вскипачу в лесу, а сейчас надо с утра сделать главное – купить мясо, масло...

С этими словами он вышел во двор, позвав с собой Ресси. Та охотно юркнула за ним в открытую дверь. Встаем и мы с Виктором, убираем постели. Мокрая одежда, развешанная на трубах-батареях, за ночь высохла. Ощущаю, как хорошо отдохнуло мое тело. С улицы послышался шум мотора, залаяла на кого-то Ресси. Беру в кружку воды из бака, иду умываться. Земля подмерзла, сырость исчезла, словно и не было вчерашнего дождя...

Пьем чай, грузимся в машину. Вначале завезли ключи управляющему и через три дома от него остановились у новой ограды с покрашенными тесовыми воротами. Зашли во двор. Вокруг темно, в сараюшке горит яркий свет лампочки на 150 вольт. На большой белой доске хозяин рубит мясо и раскладывает большие розоватые куски на свежую, золотистую солому. «Натюрморт» – мелькнуло у меня в голове...

Невысокого роста, широкоплечий, с черной окладистой бородой и приветливым взглядом, мужчина не походил на крестьянина. Лицо светлое, свежее... Интеллигентный костюм. Я вспомнил вчерашний разговор о нем, что он – ветврач. Николай Иванович сразу завел деловой разговор.

– Заднюю ногу не руби, заберу ее целиком. В ней и мякоть, и мосолыга на холодец. Вот этот кусок грудинки, что покрупнее, пойдет на борщи. Возьму и печенку – отличные пирожки из нее...

Не особенно выбирая, мы с молчаливым Виктором начали откладывать куски, предупредив, что нам хватит килограмм по десять. И здесь в сарай вошла молодая, статная, чуть полноватая женщина, с бледным, светлым лицом. И в белом чистом фартуке. Сразу с порога затараторила:

– Мы уже пятые, кто режет скотину раньше времени, до холодов... В школу отправили троих детей, всем надо форму, учебники... Дорого, не хватит и коровы. Мясо повезем завтра в город, а оно там – самый дешевый продукт. Эти черномазые вон за сколько гонят фрукты, а тут все лето выхаживаешь, а продаешь за копейки...

От этого разговора мне стало как-то не по себе, я даже перестал откладывать мясо. Заметив мою нерешительность, хозяин предложил еще несколько хороших кусков.

– Не слушайте ее, берите больше, мясо отличное – молодая нетель. А мне все равно везти в город, мучиться. Там дороже и не продашь, много на рынке таких... Так что уж, пожалуйста, берите побольше...

Пока мы неторопливо с Виктором укладывали мясо в рюкзаки, явился откуда-то «профессор», таща за ноги двух здоровенных гусей с отрубленными головами... в пуху.

– Дома отереблю... Где в городе таких купишь? Эх, здоровы!..

При выезде из деревушки еще одна остановка – купили у доярки масло. Та, показывая около двух десятков кусков, с горечью проронила:

– Дали вместо зарплаты, за два месяца. Хлеба не на что купить...

Николай Иванович взял у нее еще трехлитровую банку сметаны. Попутно выговаривал нам с Виктором:

– Вам-то что, зарплата большая, а я – пенсионер. Да и колеса у машины мои. Чего их за так бить. Внуки ждут подарков...

Подмигивая нам, аккуратно обмотав полотенцем, поставил банку в свою корзину, сплетенную из ивовых прутьев.

* * *

Первый загон решили сделать на вчерашнего русака-удальца, или «красавца», как его окрестил «профессор». Мы были уверены, что тот белый-пребелый, мудрый «попрыгун», что так неожиданно встретился нам вчера, обязательно вернется ночью к этим двум колкам. Уж больно красивы они были, как и сам зайчишка.

Высадив нас поодаль, ГАЗ-69 быстро обогнул дальний лесок, и когда шум мотора стих, мы с неторопливым Виктором медленно, заходя с двух сторон, двинулись к колку. Легкий морозец выбелил инеем траву, кусты, ветки... Если вчера поляны стелились под ноги липкими, влажными, мягкими и полусонными – то сегодня все вокруг шуршало, потрескивало, настороженно отзываясь на каждый шаг. Ломкая трава казалась стеклянной, а веточки берез – стальными. Шум шагов разносился далеко-далеко. Даль отливала меж лесами свинцовой тяжестью, и безоблачное небо тускло светилось в холодной дымке утра...

Внимательно вглядываясь в кусты, миновали первый лесок. Вошли во второй. Ресси, отдохнувшая за ночь, шустро шныряла вдоль и поперек, словно челнок. И снова – ничего.

Выйдя навстречу из талового куста, «профессор», с кислой гримасой на лице, повел нас к стогу, стоявшему в пятидесяти метрах за машиной. По ходу рассуждал.

– И чего тратим время, смотрите, сколько прибавилось за ночь новых следов от колес. Здесь следы «Нивы», там подальше – ГАЗика. А это вот – их работа, – показал он на свежий заячий пух и красное пятно в инее у стога. Рядом виднелись отпечатки сапог и протекторов «Нивы»...

– Здесь ночью угробили нашего «красавца», расстреляли в упор... И нас, и еще многих бы обдурил на номерах и в загонах. Но куда ему деться ночью от света фар? – с грустью вслух размышлял убеленный сединами ворчун – «профессор»...

Настроение сразу у всех упало, начали препираться: в какую сторону дальше ехать?.. На зайцев, или двигаться в сторону жнивья, к тетеревам?.. Так за спорами проехали километра три, выехали на жнивье. Впереди мелькнула белая «Нива». И здесь опоздали...

Проехали болота, нашли плотный, невысокий осинник – в таком месте должен быть зайчишка... Прогнали – пусто... Впереди – маленькое болотце с ракирой и талами, классическое место для лисиц, зайцев. Загон, и снова – ничего, мертво...

– Ну, хотя бы какой белячок выскочил, порадовал. Пусть самый маленький, я и стрелять бы не стал, посмотреть бы, – не то шутя, не то серьезно проворчал ранее такой невозмутимый Виктор.

Подъехали к трем колкам, которые тянулись вдоль дороги, переходя цепочкой один к другому, на целый километр. И на опушке леса увидели высокого старика-охотника, держащего на поводке двух гончих. В светлой шапке с козырьком, с седоватой роскошной бородой, в куртке с широким поясом и высоких мягких кожаных сапогах – он словно явился из прошлых времен, или сошел с художественной картины живописцев девятнадцатого века. Даже ружье у него висело необычно: впереди, поперек груди...

– Вот есть же еще на белом свете истинные чудо-охотники, – восхищенно вымолвил «профессор», – давайте не будем мешать ему...

Решили переехать куда-нибудь подальше, но здесь начал барахлить мотор. Как назло, все – против нас. Заводится мотор нормально, но не развивает обороты. Прочистили свечи – вроде троит. Нет, опять глохнет... Ставим по-разному зажигание – не помогает... Нет подачи горючего? Прокачали насосом бензопровод – может, где воздушная пробка?.. И опять не то. Может, не работает бензонасос?.. Проверили – работает. Так в чем дело?..

А время идет, уже обед. Перекусили, выпили чайку, повспоминали аналогичные случаи. И я осторожно предложил:

– Может, лучше ехать домой, завтра рабочий день у нас с Виктором.

– Это самый лучший вариант, – поддакнул, равнодушно глядя на лес, Виктор. – Приедем пораньше, примем душ, отдохнем...

– Да, охотнички попали у меня в этот раз – лентяи и баламуты, – «профессор» еще минут десять, звякая гаечным ключом, повозился под капотом, а потом, вытирая руки о тряпку, сердито бросил:

– Домой так домой!

* * *

Наш газик, дергаясь, а иногда и останавливаясь, медленно движется к шоссе. Километров через пять выбираемся на узенький профилек, едем по нему – и показалась широкая асфальтированная трасса. Проехав немного по ней, Николай Иванович останавливает встречный самосвал и заводит разговор, по привычке прикидываясь ничего не знающим тупой-ляпой.

– Слушай, дружище, как лучше проехать на Омск?

Молодой белокурый паренек, облокотившись на стекло открытой дверцы, с достоинством, охотно отвечает:

– А на Омск все дороги ведут. Скоро будет развилка: прямо – на Любино, влево – на Тюкалинский тракт. Можно по той и другой.

– Ну, а как все-таки лучше? – не унимается наш водитель, исколесивший эти места много раз, знающий здешние дороги не хуже паренька с самосвала...

– Конечно, по Тюкалинскому тракту намного ближе, сворачивайте налево, зачем вам в Любино?!

– Ты профессиональный шофер, подскажи – чего это у нас мотор барахлит. Послушай... Николай Петрович завел мотор, и наш газик с перебоями, словно покашливая, жалобно затарахтел, а затем заглох.

– Горючки не хватает, где-то пробка в бензопроводе, – категорично заявляет молодой водитель. – У меня такое же приключилось недавно, так я выехал на трассу и как поддал под сто километров – он сразу прочихался...

Поблагодарив за совет, попрощавшись, хитро улыбаясь, «профессор» погнал газик побыстрее, приговаривая:

– Попробуем, такое и у нас случалось. Должен прочихаться...

– Ну, и жук ты, сам все знаешь, а парня пытаешь, только время теряешь, – укоризненно произнес Виктор...

А газик тем временем преобразился: мотор набирал обороты, работал ровно и мощно... Развилка. Повернули налево. Скорость под девяносто – и все вроде нормально. Прочихался...

Проехав Казанку, перед выездом на Тюкалинский тракт, газик сворачивает в лесок направо. По свертку объезжаем колок и останавливаемся с подветренной стороны. Николай Иванович, выключив мотор, предлагает:

– Отдохните, прогуляйтесь, я отключу передок и немного отковыряю грязь. Такие комки снизу, на подкрылках...

– Отключай передок, а мне позволь заняться грязью. Я не монтажкой буду отковыривать – дабы не поцарапать краску, возьму палку, – предложил Виктор, обнимая «профессора» за плечи. – Тебе же почти 70 лет, а ты крутишься больше нашего. До города еще рулить сколько...

– Дай и мне какую-нибудь работу, – вклинился я в разговор.

– Не нужны вы мне оба. Прошлый раз один помощник так наковырял, что все провода к фарам пообрывал. Лучше я сам...

Глядя добрыми и внимательными глазами, улыбаясь, Виктор решил все-таки по своей инициативе навести порядок в салоне машины. Я же, взяв с собой Ресси, отправился по лесочку. На краю – овраг. Спускаюсь вниз. Вверху свистит холодный ветер, продувает насквозь, а на дне оврага – тишь, солнышко пригревает, тепло. Прилег на траву, откинув

голову, наблюдаю, как по небу ползут тонкие белые волокна. Ветер северный, вот и натягивает зимние снежные облака.

Ресси улеглась у ног, смотрит на меня умными глазами, положив голову на передние лапы. Она понимает абсолютно все, дома скажи ей что – сразу выполняет команду. Но если я отдыхаю, она не мешает. Ведет себя так, словно ее нет рядом. Глядя на нее, сразу вспомнил вчерашнего лихого русака, так несуразно погибшего ночью. Да, где-то о таком случае у меня есть недописанный стих. Начинается брожение, работа в мозгах, где, как на дискете, запечатлены короткие стихотворные строчки, заготовки... Рифмую еще несколько строк:

*Мечется русак под светом фар
по жнивью
осенней темной ночью,
и лучи слепят, как сотни жал.
Бьют в глаза!..*

*И убежать нет мочи.
Ближе-ближе все мотор рычит.
Грянул выстрел –
и дробишки свищут...*

Да, теперь надолго этот русак останется в памяти. Даже прошедшей ночью у меня во сне возникали какие-то ассоциации, снилось тревожное и что-то давнее...

Лежу и внимательно разглядываю облака – белые и уже плотные. Наверняка на Севере области выпал и не тает снег. А может, облака плывут с Обского моря, или от океана, там сейчас – минус тридцать.

Как огромна Омская область! Тайга на север отсюда за 200-300 километров. Любинский район – центр лесостепной зоны, а на юг, за двести километров, – степь. По размерам область больше, чем некоторые страны.

Помню: охотимся в Большеуках, мороз минус десять, озера замерзли. Мы садимся в машины и мчимся через всю область на юг, в Русскополянский район, где плюсовая температура и открытые озера. И все это – в течение одного дня...

Лесостепь мне нравится колками, – небольшими, внутри чистыми, хотя в моих родных местах, вокруг Старосолдатки, чаще встречаются большие леса, протяженностью по километру и более. В Любинский район я приезжал много раз по грибы, ягоды, иногда на рыбалку и охоту. Близко, час-полтора езды, и ты уже у цели.

Мои размышления прервали короткие гудки машины. Меня звали напарники...

* * *

– Как подремалось, не замерз? Ишь посинел, – шутливо цепляет «профессор».

– Да, такой резкий ветер, холодрыга. Где ты был? – спросил тихим участливым голосом Виктор.

– Залезли с Ресси в овраг. Ни ветерка. Солнышко, как на юге...

Переговариваясь, садимся в машину, выезжаем на профиль. Газик быстро набирает скорость.

– Вот что значит домой – как лошадка спешит, все исправно.

Показался консервный завод. Мост – виадук. Заправка...

– Приготовьте деньги, – дает команду Николай Иванович и сворачивает к бензоколонкам.

Очереди нет, пять минут – и мы снова покатали вперед...

– Смотрите, до города более полста верст, а как отчетливы над ним клубы дыма, черные облака. А в городе и не замечаешь, – показывает рукой, прищуриваясь, Виктор.

– Эх, чем дышим?..

– На охоту ездим на два дня, а надо наоборот. Пять дней в лесу жить, а два дня лишь в городе, мы же пенсионеры, – поддерживаю я разговор.

– Омск – один из самых загрязненных, экологически неблагополучных городов России, – добавляю я и привожу цифры, опубликованные недавно в центральных газетах...

За разговорами не заметили, как показался пригород... Вот и улицы... Гаражи... Традиционное прощание: спасибо за компанию. Отличный отдых. До следующего раза!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

...Прошло около месяца, а я еще нахожусь под впечатлением неудачной охоты. Написал в черновике статью в газету и заголовок соответственно по настроению поставил: «РАЗОЧАРОВАНИЕ». И все вроде верно описал, а вот окончание не получается. Неудачные охоты и раньше бывали по всяким разным причинам: то местная утка отошла, а «северная» не подошла, то слишком солнечная погода, а то – буря, то зимой много снега, а лыжи не взяли... и т.д. и т.п.

Уже многие годы я мало езжу на зимние охоты. С тех пор, как дичь и зверье повывтравили ядохимикатами при обработке полей и лесов.

Последнее время ядохимикатов не стало, и сразу во всех районах появились зайцы и лисицы, тетерева и куропатки. Заметно прибавилось косуль, кабанов, волков. Ожила природа. Но с появлением большого количества транспорта, а также с «перестройкой» с «демократизацией» общества, когда каждый может купить охотничье и нарезное оружие, достать разрешение или лицензию, – началось повальное истребление дичи и зверя.

На «Джипах» и «Тойотах», бронемашинах – с карабинами, малокалиберками и прочим оружием врываются «крутые» парни в леса, уничтожая лосей, медведей, косуль – всякую живность. Не из бедности, а чаще для развлечения, удовольствия, для выхода разбойничьего инстинкта. Какой охотовед или милиция в тайге, на болоте сможет защитить животный мир от разных банд, если в городах днем на улицах нынче убивают людей, и часто, безнаказанно, без возможности найти виновных. Но не на бандитах же свет клином сошелся...

В области есть огромная армия истинных ценителей природы. Тридцать шесть тысяч любителей охоты, членов областного общества, противостоят хапугам-браконьерам, чтут правила охоты, платят членские взносы, содержат охотбазы, на них занимаются охраной и воспроизводством дичи и зверей, чтобы во время охоты получить право на отстрел по принятым нормам. А таких, содержащих свои охотбазы, у нас в области 132 коллектива...

И не верьте некоторым охотникам, говорящим, что они приехали с ружьем в лес просто отдохнуть, погулять по лужайкам... Любой из них очень хочет, чтобы в лесу как можно больше бегало лисиц и летало куропаток. Чтобы можно было сделать несколько выстрелов и привезти домой охотничий трофей.

Да, я согласен, что иногда мечтаешь хоть одним глазком взглянуть на полевого красавца-рябчика, давно зачисленного в Красную книгу. Самый бережливый человек в лесу – это охотник, чем больше дичи, тем радостнее бьется его сердце, а возьмет он у природы столько, сколько положено по закону. Если где-то нищает природа, там временно прикрывают охоту сами же охотники-любители. Ведь профессиональных охотников у нас в области – не более сорока человек. Культура охоты существовала с глубоких времен на Руси, так же делается и сейчас...

Очень плохо, что иногда областное и районное начальство всех рангов забывает элементарные нормы приличия и нарушает правила охоты, вместо того, чтобы самим стоять на страже закона. Скажем, садится в служебную машину полковник-военком и через окно расстреливает из малокалиберной винтовки тетеревов, а за трофеем даже не выходит из машины. Шофер откроет дверцу и, не вылезая наружу, достанет рукой и подаст горе-охотнику красавца-петуха с алыми бровями...

Или начальник райотдела милиции из боевого карабина в окно спецмашины точно выцелит под лопатку лося-рогача, не имея никакой лицензии на отстрел...

Я, признаться, не видел ни одного администратора с сынишкой в лесу, показывающего ему следы зайца или лисицы и поучающего уму-разуму. Как тропить, как добывать. Или весной на тетеревином току с тем же сыном, имеющим отличную кинокамеру, снимали бы бой петухов. Или кто-то с сыном или внуком привез бы в лес кормушку для зверей или птиц на зиму.

В своем детстве я не встречал автомашин и нарезного оружия, как и ядохимикаты на полях. Я наблюдал громадные стаи гусей, уток, тетеревов. Сотни косуль, лосей и зайцев окружали меня в лесу. Эти воспоминания теперь, как из сказки, из области фантастики...

– Ну, что особенного, раньше в каждой деревне и охотников-то было раз, два – и обчелся. Может, есть и побогаче где края? Много ли ты видел на белом свете, – так иногда начинают возражать мне... И на эти возражения я тоже отвечаю уверенно: я много видел за свои 60 лет... Был на охоте в богатых, диких предгорьях Алтая и в урочищах Саян. Охотился на громадных просторах Казахстана и в степях под Абаканом. Бывал и в центральных районах России – в бедных на охоту Рязанской и Тульской областях. Видел альпийские луга и особый животный мир на базе «Ту-Юк-Су» за Алма-Атой и на базе «Теберда-Домбай» на Кавказе. Любовался красотой Приозерска на Карельском перешейке и курортными пейзажами Пушкина, Репина, Петергофа, Павловска... Но более всего восхищала меня красота природы на Байкале и Красноярских столбах!..

Бывая у нас в Сибири, за Тарой, за Усть-Ишимом и далее – в Тобольске, Сургуте, Ханты-Мансийске, каждый раз убеждался, что Сибирь – величественнее и богаче для охоты, чем любые другие места России! Правда, с этим уже сейчас согласны все, это бесспорно!..

А самое главное для меня: в Сибирских просторах есть моя деревушка, речка детства, незабвенный луг – и я их не променяю ни на что! Лишь достойно уйти из этого прекрасного мира и не где-то и как попало, а у себя на родине. О ней, единственной, связавшей меня с охотой на всю жизнь, я вновь и вновь пишу стихи, изливая в них свою душу... То смиряясь, то не соглашаясь с причудами трудной судьбы...

* * *

Мне нравится писать негромкие, искренние стихи о моём прекрасном Сибирском крае.

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

На юг подайся –
степь ковыльная,
на север чуточку –
тайга...
Здесь лесостепь,
земля обильная.
Здесь свет берез,
звон ручейка.
Люблю Иртыш в большом разливе
и светлый город –
в нем живу.
Но с детства
нет минут счастливей,
когда в полях родных брожу.
Не знаю,
что мне в них дороже:
озер ли синь,
рек глубина
или просвет лесных дорожек,
где в травах ягода красна!

... А может, в этот зимний вечер
милей снежинок хоровод,
и тех стогов далеких свечи,
и санный путь,
что к ним ведет?!
А может, избы те
за лесом,
дымки,
что в небо вознеслись.
Близки мне люди?!..
С интересом
я вглядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком
снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это
Родина! Сибирь

СОДЕРЖАНИЕ

1. Охота и человек	2	2. Н. Тимофеев.	
2. Авторы книги	3	Степной комплексный заказник	47
3. Как создавалась книга	5	3. П. Коновалов.	
		Охота - не только добывание	49
I. СИБИРЬ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН			
1. Палеолит	6	VIII. ЖИВОТНЫЙ МИР ПРИИРТЫШЬЯ	
Охотник	7	Данные на 1 января 1995 г.	50
Женщина	8	«ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК»	
2. Сход ледника	9	1. В. Ратниченко.	
Охота на быков	9	Учет диких животных и птиц	51
Охотничий пир	10	2. В. Буддо. Божьи твари	53
Ледники	10	«ВОПРОСЫ, ПРОБЛЕМЫ»	
Ханты	10	1. Б. Мишкин.	
Стрелок из лука	11	О дикой фауне с болью и надеждой	54
3. Неолит (новокаменный век)	12	2. В. Чешегоров. Охотник-пейзажист	57
Первые общины Прииртышья	12	IX. ОРГАНИЗАЦИЯ ОХОТЫ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ	
4. Бронзовый век	13	1. Б. Мишкин. Охота и охотничье хозяйство	60
Рыбаки из племени ненцев	14	2. А. Парахуда. С любовью и заботой	63
II. СИБИРЬ II-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ			
1. Создание Древнерусского государства	15	3. М. Белозеров. Ну, медведь, погоди	64
2. Единое русское государство	15	«ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВО ОХОТНИКОВ»	
3. Русь и Сибирь	16	1. В. Кирин. По чернотропу - сквозь экономический бурелом	65
4. Окончательное присоединение Сибири	16	X. РАЙОННЫЕ ОБЩЕСТВА ОХОТНИКОВ «СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ»	
«ОХОТА - СИЛЬНЕЙШАЯ СТРАСТЬ»			
III. КАК НА РУСИ ОХОТИЛИСЬ ЦАРИ, МИНИСТРЫ, СЕКРЕТАРИ			
1. Петр 1 охоты не жаловал	17	1. И. Лайков. Гарский район	67
2. Возрождение «Охотничьих вотчин»	17	2. Ю. Одинцов. Тевризский район	68
3. Охота в Омском Прииртышье	18	3. Карта северных районов	70
IV. ПРИРОДА ПРИИРТЫШЬЯ			
1. Красивейшие места Омской Области	22	«ЛЕСОСТЕПЬ»	
2. Л. Полежаев. Край озер	27	4. А. Исаев. Саргатский район	70
3. Кто они, охотники Прииртышья	31	5. Н. Бакурадзе. Большереченский район	70
V. ИЗ ИСТОРИИ ОХОТОВЕДЕНИЯ СИБИРИ XX века			
А. Ремизов «Корифей Сибирского охотоведения»	33	6. Карта лесостепных районов	71
VI. СИБИРСКОЕ ОХОТОВЕДЕНИЕ 2-й половины XX века			
1. Областное общество охотников и рыбаков	35	«СТЕПНЫЕ РАЙОНЫ»	
2. Управление охотхозяйства Администрации области	35	7. Н. Милютин. Таврический Район	72
3. Экология – здоровье	36	8. А. Алексеенко. Нововоршавский район	72
«ПРИРОДА И ОХОТА»			
В. Зензин. Уважаемые читатели	40	9. Карта степных районов	74
В. Зензин. Обращение к охотникам	40	10. В. Саяпин.	
VII. ПТИЦЕ И ЗВЕРЮ НУЖНА НЕДЕЛИМАЯ РОССИЯ			
1. Б.И. Мишкин.		Состояние дел в ОРОО на 2010 г.	75
Что год грядущий нам готовит?	45	11. В. Усманов. Весенняя охота на селезня	76
XI. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕШАТЬ СООБЩА			
		1. Б. Мишкин. Охота, охрана, проблемы	77
		2. В. Зензин. Охрана природы - дело общее	79
		3. Ю. Дормидонтов. И не беляк, и не русак	81
		4. В. Буддо. Советы таксидермиста	81
XII. ЗАПОВЕДНИКИ И ЗАКАЗНИКИ			
		1. В. Зензин. Где быть заповеднику «Омский»	83
		2. О создании заповедника	85
		3. В. Фадеев. Чужие здесь не ходят	89
		4. И. Зубков. Как спасали «Замарайку»	92

«С ЛЮБОВЬЮ К БРАТЬЯМ МЕНЬШИМ»		3. Г. Георгиевский. Потерянный карп	153
5. Л. Швец. Утенок тоже хочет жить	94	4. О. Лазарев. Подледный лов	155
XIII. ПРИПИСНЫЕ ОХОТХОЗЯЙСТВА		XIX. ИНТУРИЗМ В ПРИИРТЫШЬЕ	
1. Б. Мишкин. Охота и проблемы реорганизации охотхозяйств	95	1. Б. Мишкин. Охотничье поле	156
2. О. Юдин. Все упирается в закон	97	2. Б. Мишкин. Охота на медведя на овсах	157
3. М. Белозеров. Лось съел зайца	98	3. В. Пецкевич. Все иностранцы в гости к нам	157
XIV. ОХОТБАЗЫ ПРИПИСНЫХ ХОЗЯЙСТВ		4. В. Зензин. Омская область	158
1. В. Зензин. Уважаемые читатели и охотники	99	5. А. Канушин. Таежный охотник	159
2. В. Зензин. Охотбаза «Тенисовская»	100	6. Е. Норка. Что тянет иностранцев к озеру Теннис	161
3. Охотбаза «Локомотив»	103	7. В. Челябинов. Омское Прииртышье	161
4. Охота - какой ей быть?	103	8. В. Зензин. Для любителей охоты и рыбалки	164
«МЕСТО ВСТРЕЧИ ДРУЗЕЙ»		9. Л. Урычев. Загородные экскурсии	165
1. А. Грачев. Вечера на хуторе близ Драгунки	105	10. С. Сенвастьянов. Круиз по Западной Сибири	166
2. М. Ильченко. Мой первый «броненосец»	108	XX. ПРИЛОЖЕНИЯ	
3. М. Ларин. Охота на всю жизнь	111	В. Зензин. Уважаемые читатели и охотники	166
XV. ОХОТА И СПОРТИВНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ		«ПРИЛОЖЕНИЕ №1»	
1. А. Грачев. Охотнику нужен праздник	111	1. Структуры управлений	168
2. В. Зензин Соревнования по стендовой стрельбе:		2. Информация за 1993-1995 гг.	171
Первый успех бывает обманчив	113	3. Отдел охоты Госохотнадзора	174
Решающие испытания	116	4. Не женское дело	176
Стрельба на коротке	119	5. Охотиться будем по-новому	178
Три осечки	121	6. Кадровый состав охотоведов	178
Жаркое лето	122	«ПРИЛОЖЕНИЕ №2»	
3. Чемпион мира Н. Бенеш	124	1. Постановление Администрации области	182
4. В. Зензин. Охотпраздник на базе «Драгунская»	125	2. Федеральный закон «О животном мире»	186
5. А. Кочкин. Любовь к природе	130	<i>Публицистика:</i>	
XVI. ОХОТНИЧЬЕ ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ		В. Зензин. Птичий грипп - дело серьезное	197
1. С.Третьяков. Секреты охотничьего оружия	131	А. Грачев. Канушин ищет союзника	200
2. В. Зензин. Дробовик (стихотворение)	134	«ПРИЛОЖЕНИЕ №3»	
3. Немного о технике охотничьей стрельбы	134	Рассказы омских авторов:	
4. В. Похомов. Человек и ружье	135	<i>В. Зензин (Из книги «Охотничьи зори»)</i>	
5. В. Зензин. Мое оружие	136	Матёрое озеро	204
6. Образцы знаменитого оружия	138	«Стоном стонет озеро...»	205
«ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ»		Выезд на зорьку	206
7. М. Ларин. Зарядка патронов пульей	139	Открытие охоты	206
Почему порох «Барс» нельзя применять	139	Пропащий выходной	207
8. Г. Поплавский. Выбор ружья	140	Списанный газик	207
Уход за ружьем	140	Холодная ванная	208
XVII. ОХОТНИЧЬЕ СОБАОВОДСТВО		Таволжан	208
1. С. Охримюк. У нас, в Омске	141	Лунность	211
2. В. Зензин. Испытание лаек на медведя	142	Зимник	211
3. В. Чешегоров. Кинолог Брандис	143	Камышовка	212
4. Секции охотничьих собак	144	Непогода	212
«РЕКОМЕНДАЦИИ»		Моя заря	212
Я выбираю собаку	145	В заказнике	213
Натаска легавой	145	Директор заказника	213
Дратхаар, пес чистопородный	145	Распорки	216
5. А.Грачев. А галифе почему-то целы	146	Охота на «Северную»	218
XVIII. РЫБАЦКИЕ ЗОРЬКИ		Последний дуплет	219
1. В. Саяпин. О проблемах в рыбном хозяйстве	148	В капкане	220
2. В. Булкаков. Крутинские водоемы	150	«Серые шейки»	221

А. Грачёв. Здесь не соскучишься	222	«ПРИЛОЖЕНИЕ №5»	
Л. Трутнев. На меже	224	<i>Стихи для детей и подростков:</i>	
		В. Зензин. «Прииртышье, край любимый»	264
		«ПРИЛОЖЕНИЕ №6»	
<i>Стихи омских поэтов:</i>		Некоторые комментарии к моим книгам	272
Т. Белозеров. Первый снег. Куропатки	226	<i>Повести:</i>	
В. Новиков. Лесная сторожка	226	В. Зензин. Егерь	285
Г. Шмаков. Казанка	226	В. Зензин. Медведь-шатун	324
В. Макаров. Душа живая	226	В. Зензин. Исповедь охотника	349
В. Зензин. Стихи из книги		В. Зензин. По чернотропу	365
«Гори, охотничий костер»	228	В. Зензин. Стих «Омская область»	380

Редакционный совет:

*Зензин В.В., Канушин А.М., Иванов И.И., Мишкин Б.И., Саятин В.К.,
Шеленков А.В., Ильченко М.Д.*

Редакция:

Редактор: Грачев А.В.

Технический редактор: *Зензин Владимир Владимирович*

Дизайн: *Говоров Михаил Александрович*

Корректор: *Суворова В.А.*

Фотоработы: *Ляпин Виктор, Кармаев Евгений,
Гоношилов Виктор, Кудринский Владимир*

